

Бехтерев В.М.
Избранные работы по социальной психологии.
М., 1994.
400 с.

Содержание:

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ В. М. БЕХТЕРЕВА.

КОЛЛЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСОЛОГИЯ.

ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТА
В ОБЛАСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ В. М. БЕХТЕРЕВА

В истории отечественной психологической науки с именем Владимира Михайловича Бехтерева связано окончательное утверждение новой парадигмы в исследовании психической деятельности, основывающейся на объективном подходе к объяснению природы психического и методов его изучения ^

Вслед за И. М. Сеченовым он выступает против интроспекционистского понимания психики, рассматривает всю совокупность психических явлений и форм человеческого поведения на основе понятия рефлекс. Анализ сочетательно-двигательных рефлексов, доступных для объективного внешнего наблюдения и регистрации, определяется Бехтеревым как основной метод исследования в созданных им науках, получивших названия объективная психология и рефлексология. Резкое противопоставление принципов объективной психологии господствовавшему в тот период времени интроспекционистскому пониманию психики и путей ее изучения, а также конкретный теоретико-методологический уровень разработки психологических проблем обусловили отказ Бехтерева от рассмотрения психики и сознания (как главных объектов интроспекционистской психологии) и сведение задач психологической науки исключительно к анализу внешних проявлений рефлекторной деятельности без учета опосредствующих ее психических процессов.

Однако установки Бехтерева-основателя рефлексологического учения вступали в противоречие с наблюдениями и выводами Бехтерева - ученого-экспериментатора как только он вставал на почву конкретных фактов. В своих экспериментальных исследованиях Бехтерев выходит за рамки утверждаемой им парадигмы и вновь обращается к психическим явлениям и психологическим категориям.

Бехтерев был одним из первых, кто уже в конце прошлого-начале текущего столетия выдвинул и настойчиво проводил идею комплексного изучения человека. Рассматривая человека в его целостности, как сложное, многогранное и многоуровневое образование, он ратовал за использование междисциплинарного взаимодействия, обеспечивающего всестороннее его изучение. В своей непосредственно исследовательской деятельности ученый стремился реализовать комплексный подход разными способами: во-первых, посредством организации комплексных экспериментальных исследований, в которых конкретный объект (человек) выступал предметом изучения разных

научных дисциплин: физиологии, анатомии, педагогики, психологии, и т. д.; во-вторых – путем анализа и осмысления на основе единой теоретической концепции разных сфер и уровней взаимодействия человека с миром. А это, соответственно, требовало существенного расширения границ и объема

^ Подробное освещение общетеоретических взглядов В. М. Бехтерева, генезиса его психо-логических и рефлексологических идей дается в статье Б. Ф. Ломова, В. А. Кольцовой, Ё. И. Степановой, помещенной в т. 1 <Памятников психологической мысли> (В. М. Бехтерев. Объективная психология // Памятники психологической мысли. М" 1991. С. 424-444).

I*

3

охватываемой исследованием реальности, анализа различных форм человеческой активности, всестороннего изучения человека на основе исследования всех проявлений его жизнедеятельности. Именно этой стратегии отвечала разработка Бехтеревым новых отраслей рефлексологии: генетической рефлексологии, рефлексологии труда, коллективной рефлексологии и т. д.

Принципиально важное значение имело то, что Бехтерев не ограничивался анализом только индивидуального поведения человека. Признавая взаимосвязь поведения человека с поведением других людей, он поставил вопрос об объективном изучении этой взаимосвязи. Таким образом Бехтерев явился одним из основателей нового направления психологического исследования – социальной (или общественной) психологии, рассматриваемой им как отрасль рефлексологии человека в соответствии с теми же принципами, которые были выдвинуты и разработаны применительно к исследованию проблем объективной психологии и рефлексологии индивида. Отсюда название нового направления – коллективная рефлексология.

Впервые к социально-психологической проблематике Бехтерев обращается в своей речи на годовичном торжественном собрании в Военно-медицинской Академии в 1897 г. Конкретной темой его выступления явились вопросы психического влияния, внушения и его роли в обществе^ . Определяя свое отношение к данной проблеме и подчеркивая ее актуальность, Бехтерев отмечал: <Мне представляется не только современным, но и небезынтересным остановиться на этом предмете, полном глубокого значения как в повседневной жизни отдельных лиц, так и в социальной жизни народов>^ .

Следует отметить, что период конца XIX–начала XX в. характеризовался острым интересом к социально-психологической проблематике, развивавшимся на фоне и под воздействием бурно проявляющихся социальных процессов, растущих классовых антагонизмов и связанной с этим актуализацией внимания к вопросам общественного развития и его психологическим факторам. Взаимоотношения личности и общества, пути и методы общественной детерминации поведения человека, проблемы свободы воли – все эти вопросы находят отражение на страницах художественных произведений, публицистической и научной литературы рубежа столетий. Причем в процессе их решения происходит острая поляризация мнений и подходов представителей разных направлений научной и общественно-политической мысли. В конечном счете, независимо от различия в понимании тех или иных частных вопросов, выделяются две основные тенденции: попытка поставить во главу угла психологический фактор как важнейший и определяющий всю динамику и структуру общественных отношений и противоположное этому стремление рассмотреть явления общественной и

индивидуальной психологии как детерминированные обществом.

Акцентирование внимания на субъективных, психологических факторах развития общественных и социально-психологических явлений в русской науке представлено трудами лидера народнической идеологии Н. К. Михайловского; социологов Н. И. Кареева, Е. В. Роберти; экономиста П. Б. Струве; философов Н. А. Бердяева, С. Н. Бунчакова; психологов А. И. Введенского, Л. Е. Владиславлева, М. М. Троицкого, М. А. Рейснера и др/

С позиций экономического детерминизма проблемы развития общества и всех его подструктур (включая явления общественной психологии) расс-

^ См. Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни. // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии, 1898, № 1-3.

^ Там же. № 1. С. 1.

* Подробное освещение истории социально-психологических идей в России конца XIX-начала XX в. дается в работе Е. А. Будшковой <Социально-психологические проблемы в русской науке>. М. 1983.

мотрены в трудах лидера русских марксистов Г. В. Плеханова ^ и его последователей.

В контексте истории отечественной социологической и социально-психологической мысли социально-психологическим взглядам Бехтерева принадлежит особое место. В них - истоки естественнонаучной традиции в исследовании и объяснении общественных (в том числе социально-психологических) явлений, их целостного, системного описания, предполагающего рассмотрение их в широком природном и социальном контексте.

В поисках <единых принципов мирового процесса> Бехтерев обратился к законам механики, рассматривая их в качестве универсальных оснований, действующих на всех уровнях и этапах живой и не живой природы.

Развернутое обоснование этих идей содержится в <Коллективной рефлексологии> Бехтерева, в которой выделяются 23 универсальных закона, действующих, по мнению ученого, как в неорганическом мире и в природе, так и в сфере социальных отношений: закон сохранения энергии, законы тяготения, отталкивания, инерции, энтропии, непрерывного движения и изменчивости, и т. д. На основе физических законов Бехтерев пытался дать объяснение таким сложным социальным процессам, как развитие и преемственность культурных традиций, образование социальных общностей, динамика общественных взглядов и настроений и т. д.

Сама идея выделения общих законов, лежащих в основе развития неорганического мира, природной, социальной (надорганической) и психической реальности, придающих целостный характер всему мирозданию, является привлекательной. Однако определение общего универсального основания в то же время отнюдь не исключает необходимости выделения и тех специфических законов, которые отражают качественные характеристики различных уровней эволюции мира. Именно в изучении и учете взаимодействия общих и специфических закономерностей состоит подлинная диалектика оценки и понимания явлений природы и общества.

Не менее важное место в системе научных взглядов Бехтерева занимает его энергетическая концепция. Суть ее заключается в утверждении энергетической природы психических явлений, имеющих своей первопричиной некую <свободную энергию>, представляющую <дематериализацию> физических тел. Понятие энергия таким образом рассматривается в концепции Бехтерева в качестве базового, субстанциального, предельно широкого, выступающего в качестве основания как психических, так и материальных явлений, источника развития и проявления всех форм жизнедеятельности человека и общества.

В ходе взаимодействия человека с миром внешняя (<свободная>) энергия, по Бехтереву, поступает в организм человека через органы чувств и преобразуется в них в нервно-психический процесс. Проявляя те или иные формы социальной активности, человек (или общество), наоборот, превращает нервно-психическую энергию в свободную энергию, тем самым пополняя мировое энергетическое пространство. В этом постоянно осуществляющемся энергообмене между человеком и миром, по Бехтереву, – источник их существования и развития, их вечности и неуничтожимости.

Особую актуальность энергетические идеи Бехтерева приобретают в настоящее время, в период обострения интереса к проблемам биоэнергетики, активизации обсуждений и дискуссий об источниках психической энергии, природе и характеристиках телепатических процессов, экстрасенсорных

^ Об этом см.: Будилова Е. А. Указ. соч.; Кольцова В. А. Проблемы социальной психологии в трудах Г. В. Плеханова // Психол. журн., 1981, № 5. С. 137–149; Парыгин Б. Д. Вопросы социальной психологии в работах Г. В. Плеханова // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 95–118.

явлений, сверхсенситивных способностей и т. д. Концепция Бехтерева может стать важным источником исследования и объяснения этих пока еще чрезвычайно слабо изученных явлений, что, в свою очередь, выступит условием расширения возможностей развития и управления внутренней психологической средой человека.

Если при рассмотрении природы психических и социально-психологических явлений Бехтерев выступал с позиций механицизма и энергитизма, то в определении методов психологического исследования он проявлял себя как сторонник строго объективного подхода. Утверждая принцип объективности в исследовании психической деятельности индивида, Бехтерев распространил его и на область социально-психологических явлений. Указывая на неприменимость методов субъективного анализа, самонаблюдения для изучения коллективной или <собирающей личности>, он создавал коллективную рефлексологию на основе объективного метода исследования, предполагающего, в первую очередь, изучение внешних форм поведения людей в зависимости от внешних же воздействий. Данное положение обосновывалось им посредством двух утверждений. Это, во-первых, мысль о том, что все внутреннее выражено вовне, и поэтому в исследовании психики необходимо и достаточно изучить совокупность имеющихся в распоряжении исследователя внешних объективных данных, и, во-вторых, это – указание на отсутствие необходимых методических средств для выявления и распознавания внутренних, субъективных переживаний людей. Последнее, с точки зрения Бехтерева, особенно значимо для коллективной рефлексологии. Исследователь здесь стоит перед задачей по внешним проявлениям реконст-

руировать внутренние переживания других людей, что, согласно взглядам ученого, невозможно осуществить на основе интроспекционистских методов самопознания, ибо <бывшее в личном опыте воспроизводится при соответствующем описании другого человека, однако, воспроизводится не так, как переживает данное состояние другой, а как сам слушающий переживал его когда-то> ^

Дальнейшее развитие социально-психологической теории (в частности, специального ее направления – социальной перцепции) подтвердило правильность сделанного Бехтеревым вывода о зависимости социального восприятия от индивидуального опыта, личностных особенностей воспринимающего субъекта. С другой стороны была доказана необходимость и возможность использования в социально-психологическом исследовании наряду с объективными показателями также и субъективных оценок состояний, переживаний и отношений людей по поводу разных сторон их совместной деятельности и общения.

Бехтерев первым в отечественной психологии дал определение предмета, задач и методов социальной (или <общественной>, как он ее называет) психологии, сделал попытку разработать ее теоретические основы.

Он указывает, что сферу общественно-психологического исследования составляет изучение разных социальных групп и социальной стороны личности: <Предметом общественной психологии является изучение психологической деятельности собраний и сборищ, составляемых из массы лиц, проявляющих свою нервно-психическую деятельность как целое, благодаря общению их друг с другом. Безразлично, будет ли это случайная толпа или общественный митинг, или правительственное собрание – везде проявляются общее настроение, соборное умственное творчество и коллективные действия многих лиц, связанных друг с другом теми или иными условиями> ".

^ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. М.-Пг., 1921. С. 47.

Бехтерев В. М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. СПб, 1911. С. 8.

В социальной группе между ее членами возникают определенные психические отношения, обеспечивается согласование их усилий, и на этой основе появляется <соотносительная деятельность>. Задача общественной психологии состоит в том, чтобы исследовать взаимоотношение личности и коллектива, выявить закономерности поведения людей в группе, <условия, при которых нервно-психические явления, развивающиеся в ряде индивидов, становятся социально-психологическим явлением>, возникает совместная деятельность.

Заслугой Бехтерева как одного из основоположников отечественной социальной психологии является разработка учения о коллективе. Коллектив рассматривается им как нечто целое, как <собирательная личность>, имеющая свою индивидуальность, зависящую от особенностей составляющих ее лиц. Бехтерев ставит задачу выделения общих законов, лежащих в основе деятельности коллектива. <Проявления собирательной личности... подчиняются такой же закономерности, какая открывается при строго объективном рефлексологическом изучении проявлений отдельной личности. Притом самые формы этой закономерности оказываются общими как для отдельной личности, так и для собирательной личности...>^ Указанная исходная методологическая посылка приводит Бехтерева к выводу о необходимости, исследуя общественную жизнь, проследить те же рефлексы <в форме общественных движений> и то же их развитие, которое имеет место в

деятельности отдельной личности.

Постановка проблемы совокупного или собирательного субъекта (субъекта коллективной деятельности) как предмета социально-психологического исследования в трудах Бехтерева заслуживает пристального внимания как чрезвычайно актуальная и для социальной психологии сегодняшнего дня. Ведь, по сути, здесь находит отражение взгляд на социальные общности (группы и коллективы) не как на механическую сумму, а как на нечто единое и целостное, что соответствует современным системным представлениям о природе сложноорганизованных объектов. В подобной постановке вопроса содержится имплицитное понимание социальной общности как субъекта психической деятельности, обладающего специфическими внутренними механизмами саморазвития.

В то же время здесь проявляется недооценка Бехтеревым своеобразия в закономерностях поведения личности и социальной группы. Психическая жизнь человека не ограничивается уровнем рефлекторной деятельности, она более сложна, включает сознательную регуляцию поведения и деятельности. В еще большей мере это относится к явлениям социально-психологическим, представляющим собой качественно иной, более высокий уровень организации, законы которого не сводимы к законам, регулирующим индивидуальное бытие человека, тем более – к рефлекторным механизмам психической деятельности. Как показывают социально-психологические исследования, включение человека в коллектив или социальную группу приводит к возникновению ряда новых факторов, к актуализации специфических социально-психологических механизмов взаимодействия, не имевших места на уровне индивидуальной психической деятельности (индивидуальной лишь относительно, ибо деятельность человека всегда социально опосредована). К этому же выводу приходит фактически и сам Бехтерев, анализируя полученные им в конкретном социально-психологическом исследовании данные, характеризующие особенности соотносительной деятельности людей в группе.

Понятие коллектив определяется Бехтеревым предельно широко как любая социальная группа или общность вообще. Им дана характеристика разных

^ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. С. 13.

социальных групп, предложена их классификация. Основой этой классификации выступает уровень организованности группы, направление ее активности, степень общности интересов составляющих ее членов. Учитывая указанные показатели, Бехтерев подразделяет коллективы (или группы) на организованные и неорганизованные, различающиеся по уровню сплоченности.

В определении коллективов, сформулированном Бехтеревым, в качестве главного, доминирующего признака выделяется объединение людей вокруг общей цели для осуществления совместной деятельности. <Очевидно, что только общность интересов и задачи является тем стимулом, который побуждает коллектив к единству действий и придает самый смысл существованию коллектива> ". Общность цели рождает, в свою очередь, общность организации и общность деятельности.

Бехтерев подчеркивает интегрирующую функцию цели, рассматривая ее, таким образом по сути, в качестве системообразующего признака коллектива. <Всякий нарождающийся самостоятельный коллектив начинает свою жизнь с самоопределения, ... он устанавливает и выясняет свои собственные задачи

и цели, отмежевывая их от задач и целей других коллективов. Только после этого устанавливаются определенные отношения такого коллектива к другим> ^.

В противоположность взглядам Г. Тарда, Г. Лебона, Н. Михайловского и других Бехтерев подчеркивает необходимость дифференцирования понятий <организованная общность> и <толпа>, учета специфики разных социальных групп и характера взаимодействия составляющих их лиц. Это положение, реализуемое Бехтеревым прежде всего в его экспериментальной практике, является принципиально важным, противостоящим попыткам перенесения закономерностей поведения людей в толпе на закономерности взаимодействия людей в рамках организованных общностей.

В современной отечественной психологии коллектив рассматривается как высшая ступень групповой организации, характеризующаяся высоким уровнем сплоченности, интегрированности деятельности, коллективистической направленности его членов. В качестве важнейшего его признака, критерия, дифференцирующего коллектив от других социальных общностей, выделяется общественная полезность, ценность осуществляемой в коллективе деятельности. Развитие общества ставит перед исследователями новые важные вопросы, касающиеся социальной природы коллектива, путей гармонизации коллективистических и индивидуалистических тенденций в развитии личности в коллективе, соотношения общественной полезности и личностной значимости деятельности как факторов, обеспечивающих влияние коллектива на личность и т. д. В работах Бехтерева мы не найдем ответов на эти вопросы, но и без этих работ, лежащих в фундаменте отечественной социальной психологии, сама постановка указанных вопросов едва ли была бы возможна.

Бехтерев специально изучает вопрос о факторах объединения людей в социальные общности. Предпосылки процессов социальной интеграции он видит в <социальных инстинктах>, которые <приводят даже животных одного и того же вида к совместной жизни стадами> ". Важным стимулом объединения людей в группы является, по Бехтереву, их <взаимная нуждаемость> друг в друге, проявляемая в филогенезе в виде необходимости <объединения сил для целей нападения и защиты> ", а в ситуации совместной

" Там же. С. 41.

^ Там же.

^ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. С. 93.

" Там же.

деятельности – в конкретных формах взаимного дополнения индивидами друг друга, распределения функций и усилий для достижения поставленной цели: <Недостаточность личности в каком-либо отношении является как бы импульсом, побуждающим искать восполнения ее в другой личности> ". Таким образом, в основе объединения людей в социальные группы лежат социальные предпосылки – <полезность связи в общественном смысле>.

Среди факторов социальной интеграции Бехтерев называет также <социальный отбор>, заключающийся, согласно его взглядам, в обеспечении социальной поддержки тем членам коллектива, которые наиболее полно отвечают и соответствуют интересам коллектива. Наконец, в число объединяющих группу факторов Бехтерев включал также общение, проявляющееся в разных формах – в виде взаимного подражания, внушения, убеждения. В его работах дается глубокий содержательный анализ и характеристика ука-

занных форм психического взаимодействия.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ В ТРУДАХ В. М. БЕХТЕРЕВА

Вопросы общения, взаимного психического влияния людей друг на друга занимают одно из центральных мест в социально-психологической теории и коллективном эксперименте В. М. Бехтерева.

Характеризуя роль общения, Бехтерев оценивает его как механизм осуществления совместной деятельности и формирования ее коллективного субъекта, условие сохранения и распространения индивидуального опыта, передачи его потомству, обеспечения исторической преемственности общественных ценностей. Общение у Бехтерева выступает как средство объединения людей в группы, условие социализации личности. Характеризуя роль общения в развитии и формировании личности, В. М. Бехтерев писал: <Различные личности находятся в различных условиях в смысле общения их с окружающими лицами, а равно и в неодинаковых условиях воспитания, что также не лишено громадного значения в отношении будущего развития каждой данной личности> ^ . Он отмечал, что чем разнообразнее и богаче общение человека с окружающими его людьми, тем успешнее осуществляется развитие личности, подчеркивал, что люди, выросшие в общении с более разнообразным кругом лиц, являются более развитыми по сравнению с теми людьми, круг общения которых более ограничен. Этот вывод ученого получил убедительное подтверждение в многочисленных психолого-педагогических исследованиях, а также в конкретной учебно-образовательной и воспитательной практике.

Социальную роль и функции общения Бехтерев рассматривал на примере специфических видов общения: подражания и внушения. <Не будь подражания, – писал он, – не могло бы быть и личности как общественной особи, а между тем подражание черпает свой главный материал из общения с себе подобными, между которыми благодаря сотрудничеству развивается род взаимной индукции и взаимовнушения> " .

Значение внушения как фактора проявления общественных процессов подробно рассматривается Бехтеревым в его работе <Роль внушения в общественной жизни>. Определяя внушение как одну из форм психического влияния людей друг на друга, Бехтерев относил его к области бессознательной психической деятельности, непосредственной передаче определенных <психических состояний от одного лица к другому>, протекающему <без

" Там же. С. 102.

" Там же. С. 67.

" Там же. С. 8.

участия воли воспринимающего лица, нередко даже без ясного с его стороны сознания> ^ .

Именно специфика внушения как формы <непосредственного прививания психических состояний, идей, чувствований и ощущений> без опоры на логические формы убеждения и доказательства определяет практически универсальный характер внушения в качестве средства психологического воздействия. Этим обусловлена, по Бехтереву, и роль внушения в общественной жизни как эффективного средства управления массовыми движениями, объединения людей вокруг общей задачи. Бехтерев отмечал, что <подчас внушение или прививка идей играет гораздо более видную роль,

нежели логическое убеждение. Всякий общавшийся с народом, знает это хорошо по собственному опыту...> ^". Он вскрывает также условия, при которых внушающие воздействия протекают эффективно: единство настроений, чувств, переживаний людей; <однородность собрания>, его <моноидеизм>; направленность на единую цель.

Общение Бехтерев разделяет на непосредственное и <посредственное> (опосредствованное). В основе указанной дифференциации – наличие или отсутствие каких-либо <посредников> в процессе взаимодействия людей. Непосредственное общение понимается им в буквальном смысле слова: как вид межличностного взаимодействия (лицом к лицу), осуществляющегося исключительно посредством органов чувств человека. Опосредствованное общение, по его мнению, характеризуется степенью и уровнем опосредствованности.

Содержащееся в работах Бехтерева описание системы посредников общения представляет большой интерес и существенно расширяет и обогащает наши представления о способах передачи информации в процессе коммуникативного взаимодействия. Давая более широкую, нежели в современной психологии, трактовку средств общения как всего того, что определяет коммуникативный процесс и способствует его осуществлению, Бехтерев использует для этого совокупность понятий: <посредники>, <специфические раздражители>, <побудители действий>, <средства объединения людей> и т. д. В более узком смысле слова средства общения определяются им как знаковая система, используемая для кодирования и передачи коммуникативного воздействия.

Особую роль в этом контексте он отводит речи – <устному и печатному или писанному слову>, которая рассматривается им как способ воздействия, условие интеграции людей в социальные общности, как наиболее важное и эффективное средство общения или <обмена мыслями в человеческом обществе> ^. Наряду с речью в качестве средств общения Бехтерев выделяет широкий класс средств невербального воздействия: зрительные (письма, телеграммы), слуховые (телефон), осязательные (азбука слепых, прикосновения, поцелуи, ласки, побои, половое общение, температурные и электрические раздражители), обонятельные и др. Заслуживает внимания также рассмотрение органов чувств как условий или предпосылок интеграции людей, организации их коммуникативного взаимодействия.

Включение в число посредников общения материальных вещей, памятников истории и культуры значительно расширяет временные границы общения, включая в его сферу людей, живущих в разные исторические периоды. <Посредники могут объединять людей не только находящихся на огромном расстоянии друг от друга, но и живущих в разные эпохи. Папирусы, памятники древности, археологические находки разве не объединяют нас с

^ Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни. № 1. С. 3.

^ Там же. С. 4.

^ См. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. С. 105.

людьми, жившими в древние века и даже в доисторическое время? Точно так же памятники искусства... могут быть посредниками взаимодействия и общения между людьми, принадлежащими разным народам и разным эпохам> ^. Эти положения Бехтерева выводят нас на проблемы исторической памяти, обозначают перспективы исследований в области исторической

психологии.

Общение людей опосредствуется и всем контекстом их взаимодействия, ситуацией их жизни и деятельности. В этом плане чрезвычайно важна мысль ученого о том, что <общая жизнь, общая работа, общая деятельность и совместно перенесенные невзгоды или радости жизни всем своим существом служат к объединению коллектива> ¹⁰. Таким образом, предложенная Бехтеревым классификация средств и способов общения и связанная с этим характеристика его видов является оригинальной, содержащей чрезвычайно важные, новаторские идеи.

В работах Бехтерева проблема общения рассматривается в контексте широкого круга вопросов, касающихся структуры группы, процессов групповой динамики. Так, в них обосновывается зависимость способов общения от конкретных характеристик группы: ее численности, содержания совместно выполняемой деятельности, ситуации, в которой осуществляется взаимодействие, и т. д. Эти положения, сформулированные Бехтеревым, имеют важное значение для разработки современной социально-психологической теории общения.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕНИЯ

Определяя место В. М. Бехтерева в истории отечественной социальной психологии, необходимо прежде всего иметь в виду, что он явился основателем экспериментального направления в социальной психологии в нашей стране, обосновал принципы и предложил классификацию методов социально-психологического эмпирического исследования. В их число им были включены: статистический метод (в современной психологической терминологии – это метод массового опроса, корреляционного анализа), метод наблюдения, а также собственно экспериментальный метод. Последний, по мнению Бехтерева, предполагал изучение влияния специально вводимого экспериментального воздействия или экспериментальной переменной на деятельность коллектива.

Особый интерес для современных исследований, с нашей точки зрения, представляют групповые эксперименты Бехтерева, направленные на изучение особенностей <сочетательно-рефлекторной>, нервно-психической деятельности коллектива как собирательной личности по сравнению с деятельностью отдельной личности. В качестве конкретных задач экспериментального исследования Бехтерев выделял изучение того, как рефлексы отдельной личности изменяются в коллективе в зависимости от его характера и состава и чем <рефлексы коллектива> как целого отличаются от <рефлексов отдельной личности> ¹¹.

С целью изучения указанных проблем В. М. Бехтерев совместно с М. В. Ланге разработал метод экспериментального исследования, в основе которого лежал принцип сравнительного анализа протекания различных психических процессов в условиях общения и в ситуации индивидуальной деятельности.

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ Там же. С. III.

¹² Бехтерев В. М., Ланге М. В. Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии

// Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. М.–Л., 1925. С. 306–337.

<Эксперимент в коллективной рефлексологии должен исходить из сравнения с данными эксперимента над отдельной личностью, и иного пути нет, ибо какая же может быть мера для учета влияния сообщества на деятельность входящей в него личности, как не деятельность отдельной личности в ее обычной индивидуальной работе. Только исходя из этой индивидуальной деятельности каждой личности, можно определить, как эта деятельность изменяется, когда скоро личность будет находиться во время этой деятельности в сообществе с себе подобными, образуя тот или другой коллектив> ^.

Предложенная Бехтеревым схема группового эксперимента существенно отличалась от традиционного построения группового эксперимента, которое использовалось в опытах, осуществляемых в начале века". Суть их заключалась в исследовании эффекта <присутствия группы>, а тип совместности, взаимодействия членов группы, реализуемый в данных экспериментах, можно было бы назвать <работа рядом>. Особенность подобных опытов состояла в том, что несколько испытуемых, выполняя общее для всех задание, находятся в непосредственной близости друг от друга, но не взаимодействуют в процессе выполнения деятельности. Взаимовлияние членов группы в данном случае ограничивается лишь эмоциональным воздействием благодаря присутствию других людей, а также спонтанно возникающей соревновательной ситуации, стимулирующей индивидуальную деятельность. Совместная работа практически отсутствует. По такому же принципу строились и первые социально-психологические эксперименты Бехтерева. Однако дальнейшие исследования проблемы влияния группы на личность привели Бехтерева к отказу от указанной экспериментальной процедуры и разработке классической модели группового экспериментального исследования, суть которой заключалась в организации в экспериментальных условиях активного непосредственного взаимодействия испытуемых в процессе выполнения совместной деятельности. В экспериментах Бехтерева речь шла не об исследовании влияния <присутствия группы>, а об изучении роли общения, взаимодействия членов группы как фактора определяющего результаты их совместной и индивидуальной деятельности.

Для этого в процессе организации эксперимента предлагалось использовать следующие методические приемы: 1) перед испытуемыми (группой учащихся, студентов) ставилась единая, общая для всех участников эксперимента задача; 2) стимулировалось и поощрялось создание и поддержание между испытуемыми активного общения в виде обмена мнениями, информацией, обсуждения принимаемого решения, согласования полученных выводов; 3) осуществлялось сравнение результатов деятельности испытуемых в процессе индивидуальной работы до совместного обсуждения (в предтесте) с аналогичными результатами, полученными после совместного обсуждения (в посттесте). Это позволило на основе тех изменений, которые возникали под влиянием группового обсуждения, общения испытуемых, сделать вывод о характере и степени воздействия общения на результаты деятельности каждого участника эксперимента. Таким образом была найдена адекватная задаче исследования экспериментальная процедура.

Исследования Бехтерева, выполненные на основе указанной методики и имеющие целью изучение специфики протекания различных познавательных процессов в условиях общения-восприятия (наблюдения), формирования оценки относительно определенных воспринимаемых предметов и действий, решения творческих задач и т. д. – свидетельствуют о положительном

^ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. С. 61.

" Moede W. Experimentelle Massenpsychologie. Leipzig. 1920.

влиянии общения на протекание и результаты психической деятельности большинства испытуемых, участников группового взаимодействия.

Полученные данные показали, что общение существенно влияет на точность и детализацию восприятия: увеличилось число подмеченных испытуемыми деталей воспринимаемого объекта, возросла правильность их воспроизведения, значительно уменьшилось число иллюзорных, не соответствующих реальной ситуации признаков.

Было установлено, что у разных людей наблюдательность развита в разной степени (ряд испытуемых за 15-секундное время экспозиции изображения объекта сумели подметить и зафиксировать 10 правильных деталей объекта, в то время как другие – лишь 1–2 детали). Обнаружены различия и в эффекте группового обсуждения (под влиянием обсуждения одними испытуемыми было выделено дополнительно 6 новых деталей, другими – только 2).

Для определения специфики воздействия общения, на различные категории испытуемых Бехтерев распределял всех испытуемых на четыре группы на основе двух критериев – продуктивность индивидуальной работы (сильные–слабые) и пол: <сильные мужчины>, <слабые мужчины>, <сильные женщины>, <слабые женщины>. Анализ результатов до проведения эксперимента и после него во всех четырех группах испытуемых показал, что в условиях совместной деятельности и общения выигрывают все группы, что выражается в повышении результатов их деятельности в посттесте под влиянием общения. Особенно эффективным оказалось обсуждение для <слабых> испытуемых, у которых правильность ответов под влиянием общения возросла максимально (в группе <слабых мужчин> – на 38%, в группе <слабых женщин> – на 44%), в то время как в двух других группах (<сильные мужчины> и <сильные женщины>) этот сдвиг составил соответственно 22 и 35%.

В другом исследовании испытуемым предлагалось выделить различия в сходных изображениях и сходство – в различных.

В результате исследования удалось установить, что и относительно различия сходных объектов (и лежащего в основе этого процесса анализа), и относительно определения сходства (т. е. процесса синтеза) проявляется стимулирующее воздействие общения, имеет место <обогащение личности после взаимного общего обсуждения как в количественном, так иногда и в качественном отношении> ^.

Полученные в ходе экспериментального исследования данные позволили Бехтереву сделать вывод о взаимном влиянии личности и группы: личность оказывает влияние на деятельность коллектива, внося в коллективный результат плоды своей индивидуальной деятельности, и сама, в свою очередь, обогащается в коллективе в процессе взаимодействия с другими членами группы. Характер и глубина коллективного решения непосредственно зависят от состава коллектива, большей или меньшей подготовленности его членов к выполнению того или иного задания.

Наиболее сложным являлся вопрос о влиянии коллектива на интеллектуальные, мыслительные процессы. В психологии второй половины XIX – начала XX в. господствовала идея иррациональность общественной психо-

логии. Экстраполируя данные, полученные при изучении толпы, на все другие виды социальных общностей – организованные группы, коллективы, С. Сигеле, Г. Лебон, Г. Тард и другие утверждали, что мыслящий индивид в группе нивелируется, усредняется, личность теряет свою индивидуальность, свой творческий потенциал. Объяснение данного тезиса, по мнению Г.

^ Бехтерев В. М., Ланге М. В. Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии.

С. 325.

13

Лебона, кроется в действующем в толпе законе духовного единства, согласно которому все чувства и мысли людей в толпе как бы сосредоточиваются в едином фокусе, направляются в единое русло. Творчество рассматривалось лишь как характеристика индивидуальной деятельности.

Полемизируя с данным мнением, Бехтерев подчеркивал, что, во-первых, оно опирается на закономерности выявленные при анализе уличной толпы, и, во-вторых, <вовсе не доказано, что толпа умных людей будет давать коллективное мнение, которое окажется глупее, нежели в том случае, если бы оно при тех же самых условиях было высказываемо каждым в одиночку> ".

О нивелировании, усреднении мыслящего индивида в группе, о бессознательном подчинении личности групповому давлению указывали также В. Мёде, Г. Оллпорт, экспериментально исследовавшие влияние группы на личность. Так, Мёде считал, что в интеллектуальной сфере влияние группы на личность минимально и выражается оно в проявляющейся в группе тенденции к выравниванию, уподоблению членов группы друг другу в результате понижения уровня сильных членов группы до уровня слабых. Коллективное действие, по его мнению, приводит участников взаимодействия к взаимному уподоблению, унификации ^".

Оценивая указанные экспериментальные результаты, Бехтерев дает им адекватную интерпретацию, отмечая, что они отражают специфику такой групповой умственной работы, которая отличается отсутствием какого-либо объединения членов группы в их деятельности, их общения друг с другом и которая представляет собой, по сути, индивидуальную работу субъектов, выполняемую в присутствии друг друга. Именно конкретная форма организации экспериментального исследования определила и полученный авторами в итоге результат. К совершенно противоположным выводам приходит Бехтерев, экспериментально исследуя особенности коллективного творчества.

Он показывает, что хотя творческая мыслительная деятельность в коллективе в большей мере зависит от индивидуальных особенностей лиц, его составляющих (от их знаний, уровня способностей и подготовленности к решению задачи), но и здесь влияние коллектива очевидно. <Уже и нынешние результаты дают полное основание исключить очень распространенное мнение, что коллектив умственно менее работоспособен по сравнению с отдельными индивидами, его составляющими, и что он будто бы устраняет проявления лучших индивидуальных качеств личности. Лучшие индивидуальные проявления не только не подавляются, но наоборот, поддерживаются и оттеняются путем выдвигания их на первый план. С другой стороны, неправильные или ошибочные показания отдельных лиц либо совершенно устраняются, либо в большей или меньшей мере исправляются> ". Удалось

вскрыть некоторые психологические механизмы, актуализирующиеся в ситуации общения в обуславливающие позитивный сдвиг в результатах мыслительной деятельности участников взаимодействия. Это обмен мнениями, информацией, усиление взаимного контроля за результатами деятельности, критика, коррекция и исправление индивидуальных мнений, решений, отсеивание крайностей и выбор предложения, выдвинутого <хотя бы одним лицом, но такого, которое наиболее отвечает цели задания> ^.

Отсюда вывод Бехтерева: <Лучшая творческая деятельность достигается путем совместного труда, выполняемого при участии индивидуального и

^ Цит. по: Бехтерев В. М., Ланге М. В. Данные эксперимента в области коллективной

рефлексологии. С. 310.

" Moede W. Experimentelle Massenpsychologie.

" Бехтерев В. М., Ланге М. В. Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии.

С. 337.

" Там же. С. 336.

коллективного ума, из которых первый принимает на себя подготовку и обработку материала, второй же – его критику, пополнение и обобщение> ^.
Следует обратить внимание на еще один интересный экспериментальный факт, полученный Бехтеревым при проведении указанного исследования, – распределение функций людей при совместном решении задач как условия продуктивности групповой мыслительной деятельности.

В работах В. М. Бехтерева устанавливается факт выравнивания членов группы в процессе совместной мыслительной деятельности, но в отличие от Мёде и Олпорта, говорящих о выравнивании как о сведении более высокого уровня к более низкому, В. М. Бехтерев доказал его восходящий характер: выравнивание идет не вниз, а вверх: и в ходе коллективной деятельности, обсуждения, обмена мнениями <выигрывают> все испытываемые – и сильные и слабые. <Чем сильнее и богаче личность, тем меньше она черпает из коллективной работы; чем беднее личность, тем она приобретает больше; уравнение происходит таким образом вверх, улучшая слабых, а не вниз, в смысле ухудшения сильных>.^

Разумеется, указанные выводы требуют корректировки с учетом тех новых данных, которыми располагает современная наука. Так, нельзя согласиться с безоговорочным утверждением о нивелировании индивидуальных различий в группе, усреднении характеристики ее членов. Установлено, что, например, и в экстремальных ситуациях индивидуальные особенности не только не сглаживаются, но, наоборот, проявляются наиболее ярко и отчетливо.

Проведенные в последние годы исследования показали, что воздействие общения на психические проявления его участников опосредствуются рядом факторов, в числе которых – особенности ситуации взаимодействия, специфика выполняемой деятельности, индивидуально-психологические характеристики участников взаимодействия, уровень социально-психологических отношений, согласованности и совместимости и т. д. Отсюда следует, что при анализе системы <общение – психические процессы индивида> наряду с регистрацией объективных показателей (сдвигов в процессуальных и результативных показателях психической деятельности человека) необходимо исследовать и сам процесс субъект-субъектного и субъект-объектного взаимо-

действия, и комплекс тех условий, факторов, через которые преломляется воздействие общения на психику включенных в него индивидов. Лишь столь целостный анализ может обеспечить решение вопроса о закономерностях динамики и результатов психических процессов в условиях общения.

Именно такая стратегия лежала в основе разработки проблемы общения, осуществляемой по инициативе и под руководством Б. Ф. Ломова в Институте психологии АН СССР[^]. Развивая идеи В. М. Бехтерева, он выдвинул и обосновал новый подход к исследованию общения как ключевой общепсихологической категории, своеобразному <логическому центру> всей системы психологической проблематики". Реально осуществляемая преемственность идей В. М. Бехтерева, их дальнейшее развитие и углубление на новом этапе становления социально-психологических знаний – самое убедительное и красноречивое свидетельство их продуктивности и научной ценности.

[^] Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. С. 207.

"° Бехтерев В. М., Ланге М. В. Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии. С. 337.

См., например. Проблемы общения в психологии. М., 1981; Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982; Исследования проблем психологии творчества. М., 1983; Психологические исследования общения. М., 1985; Познание и общение. М., 1988; Совместная деятельность: методология, теория, практика. М., 1988; Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А. Речь человека в общении. М., 1989; Брушлинский А. В., Поликарпов В. А. Мышление и общение. Минск, 1990.

[^] Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 243.

15

Эта преемственность идей реализуется прежде всего в следующей системе координат. Со времен В. М. Бехтерева и до сих пор в психологической науке очень широкое распространение имеет та общая трактовка социальности человека и его психики, которая в основе своей была разработана французской социологической школой (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль и др.).

С точки зрения создателей этой школы, социальность сводится преимущественно лишь к идеологии, к коллективным представлениям, вообще к сознанию (общественному). Такая точка зрения перспективна постольку, поскольку она учитывает качественные, а не одни лишь количественные изменения человеческой психики в процессе социально-исторического развития. Особенно существенно, что все это историческое развитие сознания, по мнению французских авторов, в принципе не может быть сведено к развитию индивида и индивидуального сознания; оно связано с изменениями всего общества, всего общественного строя. Эти положительные стороны данной концепции социальности учитывали и разрабатывали дальше многие социологи и психологи, в том числе В. М. Бехтерев.

Вместе с тем указанная концепция имела существенные недостатки. Их преодолевали ученые, использующие и развивающие наиболее перспективные положения философии К. Маркса. С этих позиций была разработана принципиально иная концепция социальности, во многом альтернативная

той, которую представляли Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль и их многочисленные последователи. В наиболее систематической разработке этой новой концепции социальности в психологической науке особенно большую роль, начиная с 30-х годов, сыграл С. Л. Рубинштейн. Подводя итог своему позитивному и критическому анализу психологической концепции французской социологической школы, он справедливо подчеркивал: <Из социальности таким образом выпадает всякое реальное отношение к природе, к объективному миру и реальное на него воздействие – выпадает общественная практика> " Преодолевая этот существенный недостаток, С. Л. Рубинштейн разработал в психологии своей субъектно-деятельностный подход, согласно которому человек и его психика формируются и проявляются в ходе изначально практической деятельности (всегда социальной, творческой, самостоятельной). Здесь исходной основой социальности выступает совместная практическая деятельность, субъектом которой являются люди, объединенные в очень разные общности.

Наконец, начиная с 20-х и 30-х годов и до сих пор разрабатывается еще одна, уже как бы третья концепция социальности, идущая от Э. Кассирера, раннего М. М. Бахтина, позднего Л. С. Выготского и др. По их мнению, она не сводится к двум предыдущим концепциям, поскольку главным фактором социальности признается знак, символ, речь и т. д., отличающие людей от животных. Среди специалистов сейчас нет единства взглядов по вопросу о том, как квалифицировать эту знакоцентрическую теорию. Одни считают ее разновидностью вышеупомянутой психологической концепции французской социологической школы, другие, напротив, видят в ней реализацию деятельностного подхода. Специальный анализ данной проблемы приводит к выводу, что речь, знаки, символы и т. д. играют существенную роль в развитии человека лишь постольку, поскольку он в начале жизненного пути с момента рождения овладевает ими на основе своих сенсорных, наглядно-действенных, коммуникативных, вообще практических контактов с окружающим миром (людьми, вещами и т. д.). В таком смысле речь вторична по отношению к исходным простейшим практическим действиям и их сенсорным предпосылкам ^.

^ Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935. С. 136.

^ Подробнее см.: Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М., 1989.

16

с точки зрения знакоцентрической теории, речь как квинтэссенция социальности является в данном случае, наоборот, первичной. Тем самым игнорируется или недооценивается изначальная наглядно-действенная, чувственно-практическая основа, необходимая для возникновения и развития речи. Соответственно этому социальность ограничена преимущественно теми отношениями между людьми, которые складываются в плане общественного сознания – в отрыве от практической деятельности (трудовой и т. д.). Следовательно, в общей трактовке социальности знакоцентрическая теория в основном остается на позициях психологической концепции французской социологической школы, а не деятельностного подхода.

При жизни В. М. Бехтерева (1857–1927) многие из этих проблем еще не стояли так остро, хотя отчасти уже и обсуждались в ряде работ. К тому же деятельностный подход начал интенсивно и систематически разрабатываться в психологической науке лишь с 30-х годов (уже после его безвременной кончины). Но для того, чтобы правильно понять его вклад в общую

и социальную психологию, учесть сильные и слабые стороны его позиции, необходимо включить их в вышеуказанный исторический контекст, помогающий лучше высветить некоторые наиболее общие линии в развитии всей психологической науки от времен В. М. Бехтерева до наших дней.

* * *

Предлагаемая читателю книга – первое переиздание социально-психологических трудов В. М. Бехтерева. Этим диктуется отбор текстов. В книгу, сформированную по тематическому принципу, включен фундаментальный труд Бехтерева в области социальной психологии – «Коллективная рефлексология», а также более поздняя его работа, отражающая общую стратегию, методологию и результаты экспериментальных социально-психологических исследований автора.

Тексты указанных работ В. М. Бехтерева приводятся в полном объеме без каких-либо сокращений и изменений. Орфография и пунктуация публикуемых текстов приводятся в соответствии с современными нормами русского литературного языка. Проведена работа по унификации публикуемого материала. С этой целью внесены необходимые дополнения и уточнения в библиографические описания, произведена сверка ссылок в соответствии с существующими в настоящее время требованиями, найдены и внесены в подстрочник оригинала (где это было возможно) названия источников, использованных и цитированных автором, но не указанных им в библиографических ссылках. В ряде случаев, когда проверка библиографии не могла быть проведена (в силу недоступности источников), библиографические описания приведены в том виде, в котором они даны автором. Указанные изменения и дополнения специально в тексте не оговариваются. Цитаты, использованные автором, сверены и уточнены. По тексту работы сделаны необходимые примечания и комментарии. Комментируемые положения текста оригинала обозначены звездочками.

За помощь в проведении библиографической и технической работы по подготовке книги выражаем глубокую благодарность сотрудникам лаборатории истории психологии Института психологии РАН М. А. Манькиной, М. В. Муленковой, И. М. Павленко, Б. Тугайбаевой.

А. В. Брушлинский, В. А. Кольцова

2 В. М. Бехтерев

КОЛЛЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСОЛОГИЯ

ЧАСТЬ 1

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Если к разным проявлениям отдельной личности в настоящее время применим строго объективный метод исследования, как я показал в своем труде «Общие основы рефлексологии человека» \ то по отношению к проявлениям коллективной или собирательной личности строго объективный метод исследования является безусловно обязательным, ибо говорить об «общественном сознании» или «общественной душе», или, что все равно, о «душе коллектива», – значит пользоваться лишь образным выражением, ничуть не более. Дело в том, что если человеческий индивид может подвергаться при условии исследования на себе самом субъективному анализу с помощью самонаблюдения, то это ни в какой мере не осуществимо по отношению к

коллективному или собирательному индивиду[^] .

Между тем до сих пор социологи, как и представители других гуманитарных наук, оперируют с субъективными и часто даже метафизическими понятиями. Они говорят о коллективных чувствах, представлениях и восприятиях, о коллективной душе, коллективном сознании, коллективной воле и т. п., тогда как всякому ясно, что все это в действительности является лишь обобщением субъективного состояния своего <я>, которое никак не может быть переносимо на толпу как вообще на какое-либо общество[^] .

Даже социологи-неопозитивисты в своих трактатах так и сыплют субъективными терминами, заимствованными из психологии. Возьмем на выдержку суждения Е. де Роберти о коллективном опыте-явлении несомненно реальном и объективном. Именно в факте <общественности> – этом неизменном источнике <духа>, или <надорганического явления>, в природе – неопозитивисты видят не что иное, как длительное непрерывное и многостороннее взаимодействие, которое во всякой постоянной, а не случайной <соборности> церебрально богато одаренных живых существ необходимо устанавливается между свойственными их психофизическими уже сознательными явлениями и процессами, как-то: ощущениями, восприятиями, представлениями, конкретными образами и конкретными же суждениями, а также эмоциями, элементарными чувствами и волевыми импульсами. Это взаимодействие и составляет все внутреннее содержание коллективного или соборного опыта, поверяющего, исправляющего, дополняющего, объединяющего и <объективирующего" разрозненные и всегда глубоко-субъективные данные опыта биоиндивидуального (но не опыта личного, составляющего высшую ступень, самый зрелый плод опыта <соборного>)^ (курсив мой.–В. М. Бехтерев).

[^] См.: Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека. М.; Пг" 1923. Роберти Е. В. де. Социология и психология//Новые идеи в социологии. СПб., 1914. Кн. 2. С. 6.

Из этой выдержки нетрудно видеть, как своеобразно неопозитивизм уживается с индивидуальным субъективизмом.

Весь этот субъективизм, заимствованный из психологии, является в сущности остатком того антропоморфизма, который ныне с решительностью изгоняется из биологических наук и, очевидно, должен быть также изгнан и из социологии, истории и других гуманитарных знаний. Коллективная рефлексология и представляет собой опыт построения одной из важнейших областей социологии, называемой часто также общественной, или социальной психологией " на строго объективном основании, пользуясь данными опыта и наблюдения без всяких экскурсий в область субъективизма.

Как известно, социология опиралась до сих пор на две научные дисциплины: биологию и психологию^{''}. Но поскольку биология дает этой науке прочный объективный базис, постольку психология как субъективная наука делает ее положение шатким. С нашей точки зрения, не должно быть в социологии психологических доктрин как доктрин субъективного характера и социология, чтобы быть наукой строго объективной, должна опираться главным образом на две науки – биологию и разрабатываемую мною рефлексологию, на которых последняя должна заменить собой психологию всюду, где дело идет о познании сторонней человеческой личности и, в частности, сторонних индивидов, входящих в состав коллектива[^].

Мы не будем касаться вопроса–составляет ли рефлексология, эта новая

научная дисциплина, отвлеченную науку или конкретную. Дело не в теоретическом понимании этой науки, а в ценности ее метода, исключаящего какой бы то ни было субъективизм в изучении человеческой личности. Вот почему рефлексология, а не психология должна лечь в основание изучения социального мира.

Остановимся теперь на вопросе об отношении рефлексологии к биологии и социологии. Не может подлежать сомнению, что человеческая личность есть продукт общественности[^], ибо без общества человек не был бы человеком. В этом отношении могут быть приведены наблюдения, имеющие ценность опыта, когда люди, совершенно заброшенные и лишенные воспитания (как, например, Гаспер Ганс, проживший до 14 лет в хлеву), не могли не только говорить, но и ходить. Известно также, что люди, заброшенные кораблекрушением на много лет на пустынные острова, обнаруживали совершенно ясный умственный упадок. То же наблюдается у лиц, подвергавшихся долговременному одиночному тюремному заключению. С другой стороны мы знаем, что дети, выросшие в деревенской обстановке при малом общении с людьми, представляются отсталыми по сравнению с детьми города^{''}. Да и вообще известно, что люди, выросшие в общении с более разнообразным кругом лиц, являются более развитыми по сравнению с людьми, которые проводят жизнь вдали от общества.

Отсюда очевидно, какое значение имеет общественность для формирования человеческой личности, являясь основным фактором ее развития. Словом, сама личность в высших своих проявлениях есть продукт общества, которое однако в свою очередь характеризуется составом его членов, т. е. личностей.

Как известно, неопозитивная школа даже и такие категории, как разум, цвет, пространство, род, число, причины, субстанции и т. п.^{''} сводят к социальному происхождению, становясь таким образом между эмпиризмом и классическим априоризмом.

<И в действительности они выражают наиболее общее из отношений, существующих между вещами. Превосходя своей широтой все другие поня-

[^] Там же. Гл. 2.

2*

тия, они управляют всеми сторонами нашей умственной жизни. Поэтому, если в один и тот же период истории люди не имели однородных понятий о времени, пространстве, причине, числе и т. д., всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно, стала бы невозможной и всякая совместная жизнь. В силу этого общество не может упразднить категорий, заменив их частными и произвольными мнениями, не упразднивши самого себя. Чтобы иметь возможность жить, оно нуждается не только в моральном согласии, но и в известном минимуме логического единомыслия, за пределы которого нельзя было бы переступить по произво- лу> ".

Все это конечно не может подлежать сомнению, но сущность вопроса заключается в том, являются ли в то же время биологическими факторами, как допускалось ранее, или только социальными фактами, как признает неопозитивная школа, или, как нам кажется, мы имеем здесь дело с биосоциальными фактами. Вопрос, поставленный таким образом, в действительности много сложнее, чем может показаться с самого начала[^]. Во всяком случае он требовал бы всестороннего обсуждения и не может быть рассмотрен

в немногих словах. Вот почему мы предпочитаем его совершенно опустить, тем более что он не входит в нашу задачу. Мы можем лишь заметить здесь, что в развитии вышеуказанных категорий не мог не играть той или иной роли индивидуальный опыт, но, очевидно, что коллективный опыт получает здесь свое особое значение, приводя путем обобщения *' к уравниванию и к сглаживанию индивидуального различия как явлений, которые лежат в их основании.

Что же касается человеческой личности, то некоторые полагают, будто человек благодаря своему развитию создал общественность. И не может быть сомнения, что чем развитее в сумме человеческая личность, тем лучшие общественные формы она создает, а отсюда не подлежит сомнению влияние развитой личности на общественность. Но спрашивается, обязана ли общественность развитию личности? Поставленный в такой форме вопрос не может иметь другого решения, как в отрицательном смысле.

Первым доказательством этому является фактор подражания. Всякому ясно, в какой мере развитие личности обязано подражанию, которое играет огромную роль и в воспитании, и всюду вообще в общественной жизни. Можно определенно сказать, что не будь подражания, не могло бы быть и личности как общественной особи, а между тем подражание черпает свой главный материал из общения с. себе подобными, с которыми благодаря сотрудничеству развивается род взаимной индукции и взаимовнушения.

Другим доказательством является язык, происхождение которого также обязано, с одной стороны, подражанию, с другой стороны, инстинктивной потребности в общении. Таким образом язык является бесспорным продуктом общественности, ибо без предварительного сближения индивидов даже нельзя и представить себе происхождения человеческого языка, а между тем мы знаем, что человеческая мысль развивалась главным образом благодаря слову и притом в такой тесной и непосредственной связи с ним, что отвлеченное мышление вообще не представлялось бы возможным без участия внутренней речи^'. И действительно, имеются доказательства тому, что дикий первобытный человек был в значительной мере лишен и мысли, и слов, вместо которых имелись лишь жесты, вскрикивания, восклицания и звукоподражания ^'.

Другим доказательством развития человеческой личности над влиянием общества является письмо, которое дает возможность распространить широко

"* Дюркгейм Э. Социология и теория познания//Новые идеи в социологии. СПб., 1914.

Кн. 2. С. 40.

20

по коллективу результаты индивидуального опыта и вместе с тем фиксировать его на будущее и предбудущие времена, сохраняя его для потомства. Можно без преувеличения сказать, что человек сделался историческим существом благодаря своей письменности.

Переход от изобразительной (идеографической) письменности к фонетической также обозначил собой крупнейший шаг в развитии человеческой личности, немногим уступающий тому значению, какое имело превращение речи жестов и междометий в членораздельную речь, состоящую из слов. Бесспорно, что фонетическая письменность вместе с устным языком и создала цивилизацию культурных народов, ибо благода-

ря и тому, и другому оказалось возможным весь прогресс человечества, достигнутый в каждом одном поколении, использовать для всех последующих поколений.

Однако, исключительно ли человеческая личность обязана своим развитием обществу? Наследственность и то, что относится к проявлениям инстинктов, представляет собою, несомненно, биологическое явление, а между тем можно ли представить себе развитие личности без влияния наследственности и без инстинктов. С другой стороны, не обязан ли человек своей руке, давшей первоначальный язык жестов (в связи с чем и развивалась человеческая речь), первоначальным развитием своей личности, быть может, в той же мере, как и в позднейшее время словесному языку? А между тем развитие руки не столько обязано социальным условиям жизни, сколько биологическим причинам ¹. Ведь рука получила свое развитие главным образом в зависимости от того, что человек благодаря условиям естественного отбора или благодаря непрерывному упражнению встал на ноги и из четвероногого или, вернее, четверорукого превратился в двуногое существо.

Да и сама членораздельная речь оказалась возможной лишь с изменением морды животного в лицевую часть головы, что зависело, вероятно, в известной мере от изменения условий питания и частью от искусственного приготовления пищи, а это опять-таки представляет собой биологический, а не социальный фактор ¹. Далее, семья – этот первообраз общественных отношений – не является ли результатом полового влечения? С другой стороны, социальность не является ли результатом естественного отбора в смысле лучшего переживания социальных существ, а естественный отбор опять-таки является биологическим, а не социальным фактором. Мы знаем, с другой стороны, из рефлексологии, что высшие или сочетательные рефлексы развиваются и на почве обыкновенных рефлексов, являющихся чисто биологическими явлениями. Далее, то, что известно под названием прирожденных наклонностей, является результатом наследственной передачи, т. е. опять-таки фактора чисто биологического. Наконец, высокая одаренность или гениальность не является ли в значительной мере явлением счастливо сложившихся наследственных условий, прирожденным даром, при котором воспитание и эрудиция создают только средства и мотивы к использованию и применению природных способностей. А между тем можно утверждать с уверенностью, что какое бы значение ни имела социальная подготовка ¹ к тому или другому открытию или изобретению, не может подлежать сомнению, что человек мало одаренный не годен для великих открытий как дефективный ребенок не в состоянии сделать сложных математических вычислений.

Отсюда необходимо придти к выводу, что личность первоначально развивалась под влиянием как биологических, так и социальных факторов, позднее же преимущественно, хотя и не исключительно, под влиянием социальных факторов, потому личность должна быть признана явлением биосоциального происхождения.

Установление этого важного положения достигнуто лишь в позднейший период времени. Оно было высказано еще в начале 60-х годов Курно ¹ и немецким социологом Лздарусом², несколько позднее этот взгляд проник и в английскую научную литературу в лице Льюиса ³. Но великим поборником этого положения, положившего его в основу своих социологических трудов, бесспорно является наш соотечественник профессор Психо-неврологического института в Петрограде, известный социолог Е. де-Роберти, давший этому положению название <биосоциальной гипотезы>.

По смыслу этой гипотезы или теории человеческий разум является результатом тесного единения органической природы, изучаемой биологией и сверхорганической природы, или социальной среды, являющейся предметом изучения социологии. По причине этого наука, именуемая психологией, является, по автору, наукой конкретной (о рефлексологии при создании этой теории еще не могло быть и речи), биосоциологией, опирающейся как на биологию, так и на социологию. Она поэтому не может быть наукой отвлеченной и не может быть признана основной наукой в научной иерархии. Однако, было бы большим увлечением признать, как делают некоторые из неопозитивистов, что человеческая индивидуальность *gesp.*, личность, не имеет иного корня, как в социальности. Нельзя также согласиться с Вормсом, который признает невозможным разрешить этот вопрос удовлетворительно. Решение подобных вопросов он предоставляет будущему. По его словам, <не доказано, чтобы эти вопросы были неразрешимы и никто не может утверждать, что успехи знания не бросят на них со временем яркого света> ^

С нашей точки зрения теория сочетательного рефлекса дает также возможность установить, что личность, как это выяснилось ранее, все же не является исключительным результатом общественности. Чтобы защитить себя от нападения дикого зверя, достаточно было выработаться сочетательному рефлексу между ревом и видом дикого зверя, с одной стороны, и возможностью его нападения – с другой: спасением от него благодаря индивидуальному опыту мог быть только рефлекс бегства или рефлекс защиты оружием. Общественность в выработке и того, и другого ничуть не необходима, хотя она и обобществляет путем подражания индивидуально полезный опыт. Для того чтобы удовлетворить свой голод поеданием ракушек или плодами банана, дикарю опять-таки не нужно было иметь предварительный коллективный опыт, ибо для этого достаточно, чтобы образовался путем частных поисков пищи, вызванных голодом, сочетательный рефлекс между внешним видом ракушки или плода и утолением голода. В этих и подобных случаях дело идет об индивидуальном опыте, который, впоследствии обобщаясь, сам по себе воспитывает личность, тем более, что последняя вовсе не так слабо проявляется у нецивилизованных народов, как думают некоторые. Но наряду с этими условиями воспитания личности путем индивидуального опыта, начинающегося с первого дня бытия человеческой личности, создаются и условия воспитания человеческой личности в играх, сотрудничестве и т. п. путем коллективного опыта, в котором играет особую роль подражание как рефлекс исключительно общественного типа.

Нельзя при этом упускать из виду, что и сам коллектив может действовать и вообще проявлять себя как целое, как собирательная личность, о чем речь будет в последующем изложении, и что собственно и составляет главный предмет настоящего сочинения.

^ Курно А. Трактат о связи основных идей в науках и истории.

" Лацарус Г. Жизнь души. Т. 1. С. 333, 365; Т. 3. С. 381.

" Льюис Д. Г. Вопросы о жизни и духе. СПб., 1875–1876. Т. 1–2; Он же. Физиологические

основы духа. В. М. 1877.

^ Вормс Р. Философия общественных наук. В. М. 1903–1907. Т. 3. С. 95.

До сих пор, как мы знаем, были попытки создавать так называемую психологию народов, а также социальную психологию, или коллективную,

психологию (Steinthal, Lazarus, Wandt, Дауголл, Копельман и др.), но эти попытки как основанные на субъективном толковании фактов не обещали успеха ^'.

Задачей настоящего сочинения является, как уже ранее упомянуто, совершенно исключить всякий субъективизм из вопросов коллективных действий и реакций вообще, как он исключен и из разрабатываемой нами рефлексологии как объективной науки о человеческой личности.

Не допуская субъективного толкования в вопросах, касающихся исследования развития общественных или коллективных явлений", и, понимая все такого рода явления как коллективные или общественные рефлексы, мы признаем необходимым применить к их исследованию тот же строго объективный метод, который применен нами к изучению отдельной личности, вследствие чего и наименование настоящему труду мы даем <Коллективная рефлексология> вместо обычно употребляемого термина общественной, или социальной, иначе коллективной, психологии.

Вряд ли нужно пояснять здесь, что-вопросы, связанные с развитием общественных явлений или общественных resp. коллективных рефлексов, требовали от автора новой обработки предмета и нового освещения, ибо то, что именовалось до сих пор общественной или социальной психологией, уже в силу своего субъективного метода ^' не могло дать в этом отношении много подходящего материала. К тому же надо заметить, что психологи и социологи-субъективисты (ибо социология пока еще не перестает быть наукой в значительной мере субъективной, чего не должно было бы быть), пользуясь своим субъективным методом, еще могли с некоторой натяжкой трактовать о толпе как объединенном целом, с <единой душой>, но по отношению ко всем другим формам коллектива затруднение с применением субъективного метода обнаруживалось уже в значительной степени. Вот почему толпа сделалась излюбленным объектом исследования психологов и социологов-субъективистов. Но в своем месте будет показана та односторонность, которая проявилась в трудах целого ряда авторов в смысле характеристики толпы с субъективной точки зрения. Здесь мы хотели бы однако указать на другую, более важную ошибку психологов и социологов-субъективистов в исследовании народных масс и их движений, это - стремление некоторых из них подчинить последние какому-либо одному общему принципу.

Так, например, Тард этот общий принцип видит в подражании, тогда как В. Мак-Дауголл видит его в инстинктах человеческой природы.

Более чем очевидная несостоятельность этих взглядов обусловлена не чем иным, как недостатком строгой объективности в исследовании предмета, допускающим предвзятость той или иной идеи.

Вряд ли нужно здесь распространяться о том, что, например, Тард, этот талантливый социолог, исходя из предвзятой идеи о значении подражания в социальной жизни, в своих <законах подражания> слишком преувеличил в этом отношении его роль и почти не уделяет внимания инициативе отдельных лиц и общественному творчеству, а если и говорит о том и о другом, то подобно другим авторам слишком ограничивает его значение и умаляет его роль в общественной жизни. Вместе с тем, столкнувшись неизбежно с проявлениями обыкновенной жизни, не имеющими ничего общего с подражанием, он вынужден благодаря предвзятости своей теории подводить под нее и эти явления под своеобразным наименованием контр-подражания.

С другой стороны, проф. В. Мак-Дауголл, особенно выдвигая природу инстинктов в индивидуальной жизни, переносит ее целиком на область

23

общественно-психологических явлений: <Если, – говорит он, – справедлив тот взгляд, что всюду и всегда человеческая натура имеет одинаковый природный фундамент, то эта точка зрения послужит столь необходимым базисом для построения истории развития человеческого общества и учреждений> " .

Говоря затем о невыясненности вопроса об инстинктах со стороны психологов и о том, что они придают им слишком мало внимания, другие же, как, например, Шнейдер и Ульям Джемс, признают у человека такое же количество инстинктов, как и у животных, отводя им соответствующую роль в определении человеческого поведения, автор придерживается, без достаточного основания, последнего взгляда. Вместе с тем он признает за инстинктом <наследственное и врожденное психофизическое предрасположение>, которое наделяет того, кто им обладает, способностью воспринимать известные объекты, обращать на них внимание, испытывать особенное чувственное возбуждение при восприятии такого объекта и производить соответственные особые акты или по крайней мере испытывать импульс к ним. На этих-то инстинктах автор строит свою социальную психологию, рассматривая последовательно роль инстинкта размножения и родительского инстинкта, инстинкта воинственности или драчливости, стадного инстинкта, инстинктов, посредством которых религиозные концепции влияют на социальную жизнь, инстинкт стяжания и строительства: из других же факторов, регулирующих взаимоотношения индивидов общественной жизни, автор останавливается на подражании, игре и привычках.

Ясно, что, строя свою социальную психологию, В. Мак-Дауголл необоснованно пришел к необходимости расширить понятие инстинктов до гиперболических размеров. Достаточно сказать, что автор различает в числе первичных склонностей человеческой души, влияющих на жизнь общества, кроме вышеуказанных инстинктов, еще инстинкт бегства, инстинкт отталкивания, инстинкт любопытства, инстинкт самоуничтожения и самоуверенности и далее целый ряд инстинктов в форме страха, покорности и т. п. Более чем очевидно, что и признание самих инстинктов того или другого рода в этом случае стоит в зависимости от предвзятой социально-психологической теории, сводящейся к <инстинктивному фундаменту> всех социальных явлений. Словом, дело сводится к искусственному построению определенной системы, ибо автор начинает исследование с предвзятой мысли, вытекающей из субъективного метода, вместо того чтобы самые явления подвергать объективному анализу и из выясняющихся таким образом фактов строить саму систему.

Применение строго объективного метода к изучению социальных явлений исключает подобные натянутости, приводящие к ошибочным выводам и заключениям, вследствие чего, как мы уже говорили, та же строго объективная точка зрения должна быть приемлема и к разнообразным проявлениям коллективной или собирательной личности и только эта точка зрения может вывести эту важную область знания из детского состояния.

Как увидим ниже, строго объективное рассмотрение предмета приводит неизбежно к выяснению того, что и проявления собирательной личности, открываемые при анализе общественной жизни, подчиняются такой же

закономерности, которая открывается при строго объективном рефлексологическом изучении проявлений отдельной личности. Притом самые формы этой закономерности оказываются общими как для отдельной личности, так и для собирательной личности, что должно быть признано известным успехом в области знания, ибо учение о противоположении личности и толпы,

^ Мак-Даугмья В. Основные проблемы социальной психологии. М., 1916. С. 14. 24

признаваемое многими авторами, писавшими о толпе, в значительной мере преувеличено **.

В проявлениях социальной жизни, как будет показано ниже, мы встречаемся в сущности с теми же рефlekсами в форме общественных движений и с тем же их развитием и течением, какие мы находим и в деятельности отдельной личности. Это для нас должно быть вполне понятным, если мы примем во внимание, что коллектив есть не что иное, как собрание отдельных связанных между собою теми или иными интересами личностей, представляющее собою нечто целое в виде одной коллективной или собирательной личности.

Вот почему законы проявления деятельности коллектива суть те же, что и законы проявления деятельности отдельной личности. Иначе, конечно, и быть не может, ибо коллектив, представляющий собою собирательную личность, действует в целом как объединенная группа индивидов.

Отсюда понятно, что рефлексология отдельной личности должна проливать свет на коллективную рефлексологию, как и последняя должна проливать свет на первую, ибо обе науки, как и должно быть, стоят друг по отношению к другу в самом тесном соотношении.

В заключение считаю нужным сделать оговорку, что настоящее сочинение было начато еще в 1910-1911 гг. и тогда же мною были намечены общие его основы, причем первые его главы были изложены в моей работе <Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки> в 1911 г." Вот почему текст этой работы с необходимыми исправлениями вошел и в соответствующие места настоящей книги.

В. Бехтерев

1. ВВЕДЕНИЕ

Общественные события являются деяниями человеческих рук, а потому, каковы бы ни были внешние влияния, их определяющие, сам человек ни в каком случае не может быть игнорируемым как фактор общественных событий.

Но деятелем здесь является не та или другая личность, а целое общество, толпа, собрание или коллектив, а это не одно и то же. Отсюда очевидно, что психология отдельных лиц непригодна для уяснения общественных движений и развития общественных событий, поскольку отдельная личность не может быть олицетворением всего общества или народа. На этой почве, собственно, и возникают попытки создать особую, так называемую социальную психологию.

Еще в 60-х годах истекшего столетия Steinthal и Lazarus сделали такую попытку создания <психологии народов>. Они исходили из предположения, что народный дух отличен от индивидуальной души. Существование народ-

ного творчества как бы говорило по их мнению в пользу существования особого сверхличного сознания ^{^*} или собирательного народного духа. Благодаря этому и различия в культуре народов объясняются будто бы особенностями их национального или народного духа.

Но эта попытка не встретила большого сочувствия, так как о сверхличном сознании или об едином народном духе можно говорить лишь в виде фигурального сравнения, а ничуть не как о реальном факте.

Дело в том, что, если понимать под сознанием внутреннее содержание <я>, как это вообще общепризнано, то немислимо делить человеческое соз-

[^] Бехтерев В. М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки//

Вестник знания. 1911. № 1. С. 17-24.

25

нание на индивидуальное и общественное или народное сознание, понимая под последним не собирательное сознание отдельных лиц, входящих в состав народа и его представителей, а нечто выделяющееся как единое сверхличное сознание. Вполне естественно поэтому, что попытка создать социальную психологию на таком основании не могла иметь успеха и была встречена возражениями с разных сторон ^{^*}.

Дальнейшим развитием той же идеи, но в другом направлении, является работа W. Wundt 'а относительно <психологии народов>. Предметом своего исследования он взял собственно язык, мифы и обычаи как продукты коллективной деятельности народного ума и задался целью при этом изучить те психические законы, которые в них проявились.

Легко видеть, что дело идет здесь уже не о сверхличном или народном сознании, а об изучении коллективной творческой деятельности и в этом отношении В. Вундтом несомненно сделан существенный шаг вперед, хотя им и не создана социальная, или общественная, психология в настоящем смысле слова ^{^*}.

По В. Вундту, общие продукты творческой деятельности обуславливаются тем, что <творчество одного индивида может быть признано со стороны другого адекватным выражением его собственных представлений и аффектов, а потому множество различных лиц могут быть в одинаковой мере творцами одного и того же представления> ". Дело таким образом сводится к тому, что в общественных организациях можно говорить об индивидуальных психических процессах, которые в той мере, в какой они отвечают таким же процессам других лиц, являются общими продуктами психической деятельности известного ряда лиц. Но в таком случае, очевидно, не может быть социальной психологии, так как при этом для нее не открывается никаких новых задач ^{^*}, кроме тех, которые входят и в область психологии отдельных лиц.

Очень многое было сделано для изучения особенностей проявлений толпы авторами романских народов. Мы упомянем здесь работы Tarde, Le Bon 'а, Sighele и др.

В России психология толпы изучалась Михайловским, а за ним и целым рядом других авторов. Но толпа является отдельным видом общественных форм, притом наиболее элементарных из них, представляющим все особен-

ности стадного характера ^{1*}. Таким образом, толпа является лишь одним из объектов исследования науки, изучающей общественные проявления человеческой деятельности.

К вопросам общественного характера относится и работа автора настоящего труда, вышедшая впервые в 1898 г. под заглавием <Внушение и его роль в общественной жизни >, в которой оценено значение внушения как важного фактора в области проявления общественных процессов. С тех пор до позднейшего времени на русском языке не было попыток охватить так называемые психические проявления народных масс в целом, если не считать небольших брошюр, принадлежащих перу различных авторов. За границей мы имеем ряд трудов, появившихся за это время: Лебона, Тарда, Болдуина, Де ля Грассери, Росси, Вундта и др. Их общий недостаток – подход к вопросу с помощью субъективного метода.

В более позднее время появилась у нас работа Копельмана, стремящегося установить общую точку зрения на этот предмет, причем его анализ приводит к совершенному исключению народного духа или сверхличного сознания. По автору, <в основе социальных духовных процессов могут лежать только

¹ Wundt W. Völkpsychologie: Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos

und Sitte. Leipzig, 1912. Bd. 2. S. 593.

¹ См. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни, 3-е изд. СПб., 1903.

26

индивидуально-психические процессов, и потому корень социальных явлений нельзя искать в чем-либо другом, кроме индивидуальных сознаний, исключительно индивидуальных, не имеющих никаких социальных отделений > ".

Автор признает, что социальные продукты, являясь произведением отдельных лиц, обладают характером заключающегося в них объединения индивидуальных продуктов, но он не считает возможным делать из этого факта заключение <о единстве сознаний создавших их индивидуумов, народа>.

Он допускает общественное единство или в цивилизованных народах много отдельных единств под общим названием коллектива, под которым автор понимает <всякую групповую единицу, объединенную происходящим в ней процессом установления психического единства> . Объектом коллективной психологии автор и признает такой коллектив. Коллективная психология поэтому исследует, по автору, не особенный психический процесс, а берет его в связи с процессами, происходящими в остальных членах коллектива, и ищет определить суть этой связи, взаимоотношение между узкими индивидуальными процессами и закономерность, проявляющуюся при этом.

Эта точка зрения, несомненно, правильнее той, которая заявлялась другими авторами. К сожалению, автор далее общей постановки вопроса не пошел и не мог обращаться от субъективной точки зрения в рассматриваемом предмете.

К тому же в дальнейшем изложении автора снова идет речь <о единстве сознаний> отдельных индивидов, <о душе коллектива> – в pendant к

индивидуальной душе> " <о слиянии психик>, <образующих единую коллективную душу> и т. п.

Мы полагаем, что в обществах и собраниях можно говорить о взаимодействии и до известной степени о нивелировке продуктов соотносительной (нервно-психической) деятельности отдельных лиц^{^*}, но не о единстве их в форме <единой коллективной души>, что мало обособляет нас от взглядов Steinthal и Lazarus'a, против которых восстает и сам автор.

По-видимому наиболее полно мысль Копельмана передана в следующем пункте: <Мы должны себе представить психику каждого индивидуума, сливающегося в большей или меньшей степени с психикой других индивидуумов. К психическому содержанию индивидуума, к материалу, относящемуся и выработанному в его мозгу, прибавляется содержание других сознаний. Таким образом происходит в большей или меньшей степени слияние психик, они все образуют единую коллективную душу. В этой единой душе, в объединенном, но вначале многообразном психическом содержании и происходит ряд процессов, в результате коих получается все большее уничтожение этого многообразия, т. е. единство: в ней и происходит единое коллективное творчество> ".

В противовес автору мы знаем, что правильнее говорить <в общественных группах> о собрании личностей и об их взаимодействии и нивелировке, что приводит к объединению продуктов творчества, но не о <единой психике коллектива> или <единой коллективной душе>, каковой в действительности не существует. Словом, аппарат соотношения – мозг и его соотносительная ^{^*} деятельность " отдельных лиц, находящихся в

" Копельман О. Чем должна быть коллективная психология?: Введение к работам по коллективной психологии. Одесса, 1908. С. 9.

" Там же. С. 37.

" Там же. С. 42.

^ Там же. С. 42-43.

^ Объективный термин, предложенный мною в рефлексологии на место субъективного понятия <психическая деятельность>.

27

собраниях и группах, благодаря взаимодействию друг с другом дает в результате продукты социального творчества, ничуть не утрачивая своей самобытности и не сливаясь вместе с другими в общую единую психику или <единую душу>.

Далее, мы решительно стоим против всякого субъективизма в оценке общественной деятельности, который является неизбежным в том случае, когда речь идет о <единстве сознаний> как основе коллектива.

По нашему мнению, если в индивидуальной психологии возможна речь о сознании, так как дело идет в этом случае об исследованиях, производимых путем самонаблюдения над самим собою, и, к сожалению, переносимых без достаточного определения по аналогии на других лиц, то мы ничуть не можем пользоваться методом самонаблюдения, основанным на аналогии со своим собственным сознанием, в применении к массе лиц в общественных группах, допуская при этом гипотетическое <единство душ> или <единство

сознания> и предполагая в то же время единство их содержания, т. е. единство ощущений, представлений и пр.

Мы полагаем, что во всех случаях, когда речь идет о проявлении соотносительной деятельности массы лиц, мы должны, как это говорилось ранее, совершенно оставить субъективную точку зрения, так как, только фигурально выражаясь, мы можем говорить о народной душе, о народном чувстве, о народном представлении, понимая под этим собственно чувства или представления многих лиц, особенно из среды руководящего класса населения, но не слитное чувство или представление массы лиц.

Отсюда очевидно, что в <коллективной рефлексологии>, как мы будем называть новую дисциплину, мы можем говорить о проявлениях соотносительной деятельности целой группы лиц и об их внешних реакциях при тех или иных условиях, а не о субъективной стороне их психики, которая остается в этом случае вне поля исследования. Иначе говоря, коллективная рефлексология 'должна быть наукой исключительно и в строгом смысле слова объективной, а не субъективной'^*.

Во всяком общественном деле, какой бы насущной реальностью оно не вызывалось, есть элемент высшего порядка или, выражаясь более точно, элемент рефлексологический.

Всем известно, какую роль играет этот элемент в бою, на войне. Авторитеты совершенно определенно говорят, что успех в бою в большей мере должен падать на <дух> войск, нежели на их физическую силу.

По словам Мельяра, победа в войне дается не превосходством орудий разрушения. Есть сила, старая как мир, и тем не менее вечно юная, сила более страшная, чем пушки и ружье, способная к порождению всевозможных сюрпризов, ибо она мгновенно созидает самые неожиданные средства для действия, чрезвычайно разнообразные и в то же время удивительно соответствующие обстановке. Это сила нравственная. Эта сила, разлившись "*" в массах, возбуждает, одушевляет их и делает их способными к принесению величайших жертв для победы. Нравственная сила заставляет склоняться весы победы на свою сторону. Еще Наполеон сказал, что на войне нравственный элемент относится к физическому, как 3 к 1, и он был прав.

В этом смысле высказывается и военный писатель С. Гершельман. По его словам, формула, данная Наполеоном, относительно роли нравственного элемента на войне несколько не изменилась, напротив, этот элемент приобрел еще более первенствующее значение^.

^ См.: Гершельман С. К. Нравственный элемент в руках Суворова. Гродно, 1900. 28

О том же мы читаем у Корфа ^, Головина ^ и др. писателей. Подробности по этому поводу можно найти в работе д-ра Шумкова".

Здесь заметим, что уже исстари было известно, что значит в войсках энтузиазм, который часто дает перевес над силой. В этом отношении такой немецкий авторитет, как Бернгарди, защитник создания для Германии сильной по численности армии, по словам Шеридана, заявляет: <Не следует никогда забывать, что моральные и интеллектуальные факторы всегда преобладают над другими и в некоторых пределах, довольно впрочем непостоянных, они проявляются гораздо могущественнее, чем факторы численности.

Однако, как показывает теория и опыт, при чрезвычайном преобладании численности становится беспомощным даже и гений, так как масса, действуя как таковая, если она достаточно велика, может окончательно стереть и всякие превосходства интеллекта и морали ". Не должно упускать из виду, что и в этом последнем случае не обходится дело без морального фактора, который на одну сторону действует, вселяя уверенность в победе, а на другую действует угнетающе, парализуя ее активность.

Значение такого же морального элемента в труде сказывается хотя бы тем различием, какое обнаруживается в результате труда – будет ли он вестись из-под палки по принуждению Или по доброй воле, будет ли он оплачиваем по денно, премиально или сдельно. С другой стороны, общеизвестна роль настроения и интереса в труде.

Далее в числе причин, понижающих производительность труда, играет роль между прочим и неуверенность в успехе того или другого предприятия. Вообще в работе более, чем в каком-либо другом деле, мы должны считаться с рефлексологическими моментами, относящимися к рабочему коллективу "*.

Мода в значительной степени основана на такого рода данных, в которых особое значение имеет элемент новизны и внушения с одной стороны, и удовлетворения тщеславия определенных слоев населения – с другой.

И в экономической жизни закон спроса и предложения не является единственным ее руководителем. Наряду с ним во всех случаях имеет силу и фактор доверия, значение которого с особенной силой выдвигается в период экономических потрясений. В этих случаях доверие играет даже большую роль, нежели экономические факторы "*.

Допустим, какая-либо фирма потерпела ущерб и лишилась имущества. Но если фирма сохранила к себе доверие, ее не объявляют банкротом, а оказывают ей всевозможное содействие, помогая ей выйти из затруднительного положения и так или иначе отправиться от понесенного потрясения.

В условиях торгового обмена также не обходится дело без соответствующего элемента. Разве в торговом обороте не играют роли соблазн и внушение? Наконец, и экономика, и финансовая сфера не обходятся без того же самого. В конце концов вся денежная система не основана ли на том, что именуется доверием? Как только доверие к прочности финансовой системы подорвано, так тотчас же курс бумажных денег летит вниз.

С другой стороны, вот что мы можем извлечь по поводу оценки денежного обращения из книги Туган-Барановского " и его же статьи ^. При значительном количестве денег в обращении вследствие умножения покупательной силы и увеличения спроса на товары мы имеем увеличение цен особенно

^ См.: Корф Н. А. О воспитании воли военко-начальников// Вестник Общества ревнителей

военных знаний. 1906. № 122.

^ См.: Головин Н. Н. Исследование боя. СПб., 1907.

" См.: Шумкм Г. Е. Психика бойцов во время сражений. СПб., Б. г. Вып. 1.

" См.: Там же.

^ Туган-Барановский М. И. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917.

на те, которые являются предметом спроса. За этим следует понижение дисконтного % вследствие скопления денег в банках и чрезмерного отягощения их кассовой наличности, что в свою очередь приводит к оживлению предприимчивости и к повышению цен, опять-таки в первое время не вполне равномерно, хотя со временем пропорциональность цен должна восстановиться.

Есть, однако, еще один фактор подъема товарных цен, в связи с увеличением количества денег в стране – фактор, действующий гораздо быстрее к привилегии к пропорциональному росту всех товарных цен, охватывая собою весь товарный рынок в совокупности.

Фактор этот всецело психологического свойства в противоположность двум первым объективным факторам, дело в том, что товарная цена складывается из сознательных оценок отдельных личностей, причем, денежная цена есть выражение оценок двоякого рода – оценки приобретаемого товара и оценки отдаваемых за товар денег как покупательного средства. При обычных условиях денежного рынка деньги не являются предметом самостоятельной расценки. Каждый покупатель расценивает относительное значение для своего хозяйства различных товаров, которые он может получить в обмен на деньги, какова ценность самих денег – этот вопрос не возникает перед покупателем в нормальное время, так как обычно деньги являются ценностью, наименее колеблющейся в своей величине, в силу чего они и служат мериллом ценности всех товаров, не будучи сами предметом измерения.

Это все равно, как при определении длины предмета мы говорим <в нем 2 аршина>, не задаваясь вопросом, какова длина самого аршина.

В народнохозяйственной жизни бывают моменты, когда этот обычно столь устойчивый измеритель ценности всех товаров – деньги – теряет свою устойчивость и начинает изменяться в своей величине.

Общественное сознание, привыкшее исходить из неизменности ценности денег как общего мерилла ценностей всех товаров, с трудом отказывается от своего традиционного воззрения на неизменность ценности денег.

Однако факты способны разрушить самые закоренелые предрассудки и поколебать самые упорные предвзятые мнения.

Когда цены того или другого товара начинают расти, то общественное мнение обычно приписывает этот рост причинам, корнящимся не в области денег, а в области условий сбыта данного товара.

Но если число товаров, цены которых растут, все увеличивается и подъем цен принимает длительный и устойчивый характер, охватывая весь товарный рынок, то общественное сознание капитулирует перед фактами, теряет свое прежнее доверие к неизменности ценности денег и начинает подвергать измерению ценность самих денег.

<Не падают ли сами деньги в своей цене?> – спрашивает себя обыватель и в случае утвердительного ответа, соответственно изменяет свои собственные товарные расценки. Если, по мнению обывателя, деньги упали в два раза в

своей цене, значит, он может повысить вдвое свои расценки всех товаров.

В этом случае происходит общее и пропорциональное повышение всех товарных цен не путем игры бессознательных стихийных сил столкновения, спроса и предложения, а через посредство общественного сознания.

Надо заметить, что в экономической жизни законы рефлексологии проявляются так же, как и во всех других сферах общественной деятельности. Так спрос, как и предложение, часто подчиняется закону подражания и притом то и другое по закону инерции осуществляется в гораздо большей мере, нежели это надлежало бы по обстоятельствам дела. С другой стороны, спрос и предложение подчиняются закону дифференцировки, как и другим законам, ибо первоначально спрос под влиянием потребности принимает более общую форму и лишь затем он устанавливается в виде спроса на

30

определенные предметы. А так как всякий акт при прочих равных условиях осуществляется в сторону наименьшего сопротивления, то и удовлетворение общественной потребности происходит первоначально в любой стране путем обмена на деньги, добываемые привычным трудом, и лишь со временем эта потребность как цель удовлетворяется путем осуществления добывающей и обрабатывающей промышленности.

<Политическая экономия, – говорит Miinsterberg, – должна была постоянно считаться с тем фактом, что вся экономическая жизнь в конечном итоге зависит от хозяйственного человека и что этот хозяйственный человек обладает не только телом, но и душой. Работа его мускулов регулируется волевыми возбуждениями его сознания, блага; которые производят и распределяют хозяйство, должны через посредство чувств воздействовать на сознание человека ... Образование цен на хозяйственные блага или еще какой-либо другой экономической элемент – все, равно психологические факторы, требовали всегда к себе особого внимания> . <Когда встречаются покупатель и продавец, когда сталкиваются работодатель и рабочий, короче говоря, когда совершается какой-либо экономический процесс в окружающем нас обществе, то один человек противостоит другому не как объект, который требует объяснения, а как субъект, который должен быть не объяснен, а понят (?). Это справедливо по отношению к нашему повседневному общению с людьми к каждому разговору, к каждому непосредственному взаимоотношению между людьми> .

Мы знаем, что потребности, возникающие в результате привычки, т. е. повторного возбуждения одних и тех же сочетаний рефлексов, обуславливаются установившимся вкусом, модой, подражанием; а разве это не сводится в конце концов опять-таки к сочетательным рефлексам? И затем если этим определяются потребности, то, очевидно, и предложение должно приравниваться к этим потребностям. Вот, например, один американский строитель торговых судов заявлял Токвиллю, что ему составляет полный расчет строить непрочные суда ввиду того, что вкус покупателя по отношению к ним изменчив. Точно так же, если обычай устанавливает для небольшой сравнительно местности с небольшим населением особый покрой платья, то, очевидно, что машинное производство его оказалось бы неосуществимым. Опять-таки и здесь обычай, этот упрочившийся коллективный рефлекс, является регулятором экономической жизни.

Вообще там, где цены впервые устанавливаются, играет большую роль установившийся обычай, ибо он определяет потребность. С другой стороны,

спрос и предложение являются основными факторами в деле установления цен, согласно мнения всех экономистов; но, как мы знаем, и спрос, и предложение сами по себе могут и должны быть рассматриваемы как коллективные рефлексии.

Надо впрочем заметить, что экономика, как и наука, мало считалась до сих пор с ролью факторов, лежащих в условиях соотносительной деятельности. Так, на рынке далеко не всегда цены определяются, как мы уже говорили, спросом и предложением, или по крайней мере не исключительно ими, ибо многое еще зависит от так называемого <вкуса> публики, от так называемой моды, основанной также на условиях соотносительной деятельности, и, наконец, от внушения и умения продавца показать товар. Присмотритесь к умелому торговцу, как он расхваливает свой товар, как он старается его показать покупателю, и он его навязывает в значительной мере путем внушения и убеждений в его доброкачественности, а то и другое в конце концов зависят от личных качеств самого торговца, т. е. от его умения и

^ Мюнстерберг Г. Психология и экономическая жизнь. М., 1914. С. 22.

" Там же. С. 23-24.

31

сметливости и вообще от развития его соотносительной деятельности. Этим путем и можно объяснить то обстоятельство, что товар одного и того же качества одним торговцем может быть продан за одну цену, другим за другую цену.

Даже область рекламы не обходится без помощи того же самого элемента и, как известно, эксперименты, поставленные для выяснения воздействия той или иной формы рекламы на публику американским психологом Munsterberg'OM, привели к небезынтересным в этом отношении результатам, о которых распространяться здесь было бы излишне. Рефлексологический метод строго объективного исследования; в свою очередь, мог бы дать здесь немало ценных результатов, если бы эта область исследования стоила вообще большего внимания.

Нечего говорить, что в биржевой игре и денежной спекуляции вообще моральный элемент представляется общеизвестным и здесь нет надобности о нем распространяться. Достаточно вспомнить здесь всем известные биржевые навыки, составляющие обычное явление в периоды ажиотажа.

Другим примером таких моментов в экономике и финансовой сфере являются выигранные займы. Их притягательная сила, как и всяких вообще потерей, общеизвестна, хотя все признают в то же время и невыгодность помещения в них денежных средств.

Всем известно, как революционный процесс отразился в России на финансах страны. Восстановив права угнетаемых классов, революция первым делом должна была оставить их соответственным образом и с материальной стороны, со стороны их заработка, но осуществление этих прав на лучшее обеспечение трудовых элементов не сообразовалось с увеличением интенсивности труда, которая наоборот в начале революции даже резко упала, а это привело к глубокому нарушению в финансах страны. Откуда могло государство покрывать необычайный рост расходов, обусловленный невероятным повышением заработной платы? Очевидно только бумажным станком, а это, в свою очередь, стало подрывать доверие к стоимости денежных знаков, откуда быстрое и неударжимое их обесценение.

Нечего говорить, что в отношении наказания и награды моральный элемент играет огромную роль. Институт смертной казни и суровая репрессия, признававшаяся необходимостью в прежнее время при недостаточной организованности общества, при меньшей возможности предупредить преступление и при большей грубости нравов, с течением времени отменяется уголовными кодексами различных стран.

Однако в условиях военного времени введение смертной казни признается неизбежным как мера устрашения против дезертирства и других тяжких преступлений в войсковых частях, находящихся на театре военных действий.

Вряд ли нужно говорить здесь о моральном значении поощрительных наград.

Из всего сказанного ясно значение морального элемента в общественной жизни.

Да иначе и быть не может. Жизнь общества есть не что иное, как жизнь собрания или коллектива отдельных индивидов. И если в жизни каждого индивида его соотносительная деятельность является главной, хотя и не единственной руководительницей его поведения, то, очевидно, и в жизни общества или коллектива вышеуказанный элемент должен играть первенствующую роль.

К сожалению, изучение общества с точки зрения коллективной рефлексологии до настоящего времени еще не началось. Правда, имеются очень почтенные трактаты по общественной психологии, но они большею частью посвящены изучению тех или иных сторон общественной жизни и, будучи проникнуты субъективизмом, не охватывают всего предмета. Вот почему мы

32

вправе утверждать, что несмотря на имеющийся ряд сочинений по тем или другим вопросам общественной психологии коллективной рефлексологии как объективной науки, как мы ее понимаем, пока еще не существует.

Спрашивается, однако, как можно себе объяснить это обстоятельство, особенно, если принять во внимание огромную и детальную разработку психологии отдельной личности. Казалось бы, что, если в психологии отдельной личности сделаны известные успехи, то их остается только перенести на собирательную личность, в силу чего развитие общественной науки такого же рода, казалось бы, должно идти шаг в шаг вслед за психологией отдельной личности. На самом же деле мы видим другое и это потому, что психологический метод как часто субъективный метод или метод самонаблюдения, с которым донны оперирует психология отдельной личности, совершенно непригоден для изучения собирательной личности.

Хотя мы и говорим по аналогии с самим собой об общественном сознании, общественном чувстве, общественной мысли, общественной воле, как мы уже упоминали, самонаблюдении, на котором основаны эти понятия, относящиеся к отдельной личности, к собирательной личности или к коллективу совершенно неприменимы.

Да и в отношении отдельной сторонней личности я доказываю в своих <Общих основах рефлексологии человека>, необходимость строго объективного изучения соотносительной деятельности, понимая эти отправления^{^*},

как совокупность высших рефлексов. И надо признать, что если объективное изучение соотносительной деятельности отдельной личности дает обоснование особой научной дисциплине, которую я обозначаю именем рефлексологии, то тем более это имеет силу в деле изучения высших отправления собирательной личности или коллектива, где самонаблюдение совершенно неприменимо, а потому не может быть и субъективной общественной психологии, на-
поминающей нам субъективную психологию отдельной личности.

Очевидно, что к делу изучения высших отправления собирательной личности может и должен быть применен исключительно метод объективный, который был положен нами в основание рефлексологии. Поэтому, относясь строго объективно к проявлениям собирательной личности или коллектива, мы можем говорить только о ее соотносительной деятельности, проявления же ее в коллективе мы можем обозначать аналогично проявлениям отдельной личности высшими или сочетательными рефлексами. Вследствие этого и само название науки, составляющей предмет наших изысканий в настоящее время, мы назовем коллективной или социальной рефлексологией.

Мы увидим ниже, что, идя по этому строго объективному пути, мы можем делать многие из тех обобщений, которые уже достигнуты в области рефлексологии отдельной личности и которые делают эту дисциплину стройным научным зданием.

Если рефлексология изучает проявления соотносительной деятельности отдельных индивидов, то коллективная рефлексология изучает ту же деятельность коллектива. Она показывает, следовательно, как проявляется эта деятельность в случае, если образуется социальное объединение между несколькими (двумя, тремя и большим числом) индивидами и в какой мере особенности этой соотносительной деятельности зависят от характера социальной связи, устанавливаемой между отдельными индивидами.

Отсюда очевидно, что коллективная рефлексология кроме того и даже прежде всего должна выяснять механизм связи отдельных индивидов между собою при образовании коллектива.

Но каковы бы ни были результаты взаимоотношений отдельных индивидов, образующих коллектив, раньше всего этого происходит установка ^{^*} этих взаимоотношений. Эта установка взаимоотношений всегда происходит по принципу образования сочетательных рефлексов. Всякий

3 В. М. Бехтерев

33

индивидуальный акт, удовлетворяющий как свои личные интересы, так и интересы другого, вызывает ответный рефлекс такого же рода или, по крайней мере, рефлекс с аналогичными результатами, а это и приводит при повторении к возбуждению соответствующей реакции и установке отношений на почве взаимности (do at des). Напротив того, всякий индивидуальный акт, неблагоприятно действующий на соседа, вызывает с его стороны рефлекс оборонительного характера и приводит к установке взаимоотношений на почве раздора и возмездия, который впоследствии входит даже в писанный закон – <око за око, зуб за зуб>. Но, конечно, раньше всяких писанных законов действует неписанный закон, закон обычая, установленный самой жизнью или жизненным опытом коллектива. Этот же жизненный опыт и приводит к тому, что между сожительствующими устанавливаются в одном случае взаимно благоприятствующие отношения, в другом случае – взаимно неблагоприятствующие или враж-

дующие отношения. В конце концов эти отношения упрочиваются благодаря повторности самих актов, входящих в привычку, а затем и в обычай, традиционно передаваемый из поколения в поколение.

Так как установка благоприятствующих взаимоотношений находит в большей мере соответствующие условия среди своей семьи, а затем и среди сородичей, то, естественно, образование уже в первобытную эпоху существования человека племенных групп вообще на почве сотрудничества входящих в них единиц; установка же враждующих взаимоотношений, естественно, находит благоприятную почву между разными племенными группами. Отсюда постоянные войны и нападения одной племенной группы на другую в условиях первобытной культуры¹.

Так дело происходит в первоначальном доисторическом периоде жизни человечества с установлением коллектива, причем взаимная согласованность в действиях отдельных членов коллектива еще более закрепляется благодаря подражанию и рефлекторной заразе², с одной стороны, и необходимости применения коллективной обороны и коллективного же нападения в целях обеспечения существования самого коллектива, с другой стороны.

Нет надобности говорить, что необходимость коллективной обороны и коллективного нападения, представляющих собой не что иное, как коллективные оборонительные и наступательные рефлексы, в такой мере возбуждает общие интересы, что является скрепляющим звеном между членами коллектива; но эти же условия, возбуждая вражду между отдельными группами или коллективами, приводят в то же время и к разделению этих коллективов.

Помимо коллективных рефлексов оборонительного и наступательного характера мы можем иметь и другие формы коллективных рефлексов: коллективное наблюдение, коллективные инстинкты, коллективные эмоции или мимико-соматические рефлексы, коллективное сосредоточение и т. к., а все это вместе взятое и составляет предмет изучения коллективной рефлексологии.

Обильный материал для последней дают те моменты в истории народов, которые сопровождаясь бурными общественными движениями, приводят к государственным переворотам. Во время революции в один месяц страна переживает то, что в других условиях она переживает в течение целых столетий. В такие периоды истории все вообще проявления соотносительной деятельности общества представляются более яркими и более выпуклыми, давая тем самым обильный источник для изучения коллективной рефлексологии.

Вот почему многие из тех данных, которые послужили основой для положений, выставляемых в этой книге, почерпнуты мною из русской

революции, которую мне со всеми другими русскими гражданами, пришлось переживать как в 1905, так и в 1917 и следующих годах.

В заключение скажем, что общественные явления, будучи очень сложными, не могут быть объяснены какой-либо одной закономерностью, одной зависимостью, как это полагал известный социолог Тард, устанавливая законы подражания. Дело идет здесь несомненно о более сложных зависимостях, раскрыть которые можно лишь путем анализа общественных явлений в разных направлениях³.

Если анализ такого физического явления, как вихрь, показывает, что движение частиц земляной пыли и воздуха подчинено целому ряду зависимостей, характеризующих определенную закономерность явлений, как то: закон противодействия равному действию, закон притяжения и отталкивания, закон инерции, закон ритма и т. п.[^] то ясно, что не столь сложные явления, как общественные движения, должны быть также результатом целого ряда зависимостей, которые должны быть выяснены соответствующим анализом.

С тех пор как человеческие действия мы стали выяснять не с точки зрения субъективной причинности, а с точки зрения строго объективной, признавая необходимым все действия человеческой личности рассматривать как проявления высших или сочетательных рефлексов, в основе которых лежит энергия, как бы ее ни называли, нервной или нервно-психической, но во всяком случае энергией, уподобляющейся по своей природе другим видам энергии, явилась возможность установить закономерное развитие в проявлениях и действиях отдельных личностей[^]. Отсюда очевидно, что и в проявлениях народных масс, представляющих собою собирательную личность, должна быть определенная закономерность их развития.

При этом наблюдение и опыт приводят нас к выводу, что основные законы соотносительной деятельности собирательной личности те же, что и для всей вообще живой и неживой природы. Здесь путем анализа раскрываются также общие космические законы, как закон сохранения энергии, тяготения, отталкивания, противодействия равному действию, подобия, ритма, энтропии, дифференцировки, обобщения или синтеза, приспособляемости, отбора, инерции и т. п.

Мы увидим, что мир управляется одними и теми же основными законами, общими для всех вообще явлений как неорганических, так и органических и надорганических или социальных, о чем подробнее будет речь в последующем изложении[^].

Иначе и быть не может. Если мир живой природы является результатом превращения и осложнения неживой природы путем эволюции, а в этом естественнонаучное мировоззрение не дает основания ни на минуту сомневаться, то спрашивается, почему должны быть одни законы для неорганического мира, другие – для органического и третьи – для надорганического мира.

Если бы это было иначе, то мы должны были бы признать существование двух или даже трех миров, не имеющих между собой ничего общего, или что какое-то чудо разделило не только наш земной мир, но и вселенную на две или три несоизмеримые между собою части, что представлялось бы явным абсурдом.

[^] Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека.

[^] Бехтерев В. М. Об основных законах мира при объективном рассмотрении соотносительной деятельности человека и его социальной жизни с точки зрения рефлексологии: К учению о космономии как науке об едином мировом процессе // Вопросы изучения и воспитания личности. Пг., 1921. № 3. С. 353–371.

II. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ

Понимаемая в вышеуказанном смысле коллективная рефлексология ничуть не может быть отождествлена с психологией народов в том виде, как понимает ее В. Вундт. От последней коллективная рефлексология вполне отграничивается, так как предметом ее служат не одни лишь мифы, обычаи и язык народов, но все вообще проявления коллективной соотносительной деятельности – и притом не только таких больших племенных общественных групп, как отдельные народы, но и более мелких социальных групп, на которые разделяются отдельные народы, а также проявления соотносительной деятельности групп, выделяемых народами для установления совместной международной деятельности.

Не подлежит сомнению, что мифы, обычаи и язык отражают в себе в значительной мере особенные черты народа и потому составляют материал для характерологии каждого народа, – материал, хотя и ценный, но далеко еще не исчерпывающий предмета в указанном отношении.

Дело в том, что и другие проявления соотносительной деятельности народа, такие, как наука, искусство, религия, литература и пр., поскольку они являются оригинальным продуктом деятельности данного народа, также могут служить в известной мере для характерологии народа. Хотя эти проявления творческой деятельности и отнесены Вундтом к продуктам индивидуального творчества или творчества отдельных личностей данного народа и как бы противопоставляются тем продуктам безличного социального творчества, к каковому, по его взгляду, должны быть отнесены мифы, обычаи и язык, но несомненно, что и эти продукты творческой деятельности народов в той мере, в какой они отражают собою проявления коллективной деятельности представителей данного народа, их воззрений и взглядов, не могут быть исключены их характерологии последнего.

Как бы то ни было, изучение мифов, обычаев и языка народов, имея особое значение по отношению к их характерологии, ничуть не представляет собою не только единственного, но даже главного источника изучения коллективной деятельности. При том же коллективная рефлексология имеет своей целью не столько исследование племенных особенностей соотносительной деятельности, сложившихся под влиянием рода исторических событий и условий климата и местности, в которой данный народ живет и развивается, сколько определение общественных настроений, общественной же творческой работы и общественных действий. Поэтому в коллективной рефлексологии, как мы ее понимаем, результаты исследований относительно мифов, языка и обычаев могут занимать особый отдел и не могут занимать в ней исключительного или даже первенствующего положения.

Прежде всего мифы и обычаи, идущие из старины и являющиеся пережитками данного прошлого, не могут характеризовать современное общество. Равным образом и язык, сложившийся веками, сам по себе не дает полного материала для рефлексологического исследования современных общественных групп. В этом случае содержание и внешняя форма тех заявлений, которые являются тем или другим народным собранием или представительством, имеет не меньшее значение для рефлексологической характеристики самого народа, равно как различные стороны его быта и

проявления народных движений.

Коллективная рефлексология, как показывает и само название, естественно, соприкасается с общей рефлексологией отдельной личности, обособляясь от нее тем, что она исследует не соотносительные проявления отдельных индивидов, а соотносительные проявления социальных групп.

36

В этом смысле имеется известное соотношение между рефлексологией отдельной личности и коллективной рефлексологией, так как первая стремится выяснить особенности отдельной личности, найти различие между индивидуальным складом отдельных лиц и указать рефлексологическую основу этих различий, тогда как коллективная рефлексология, изучая массовые или коллективные проявления соотносительной деятельности, имеет в виду собственно выяснить, как путем взаимоотношения отдельных индивидов в общественных группах и сглаживания их индивидуальных различий достигаются социальные продукты их соотносительной деятельности.

Не подлежит никакому сомнению, что в проявлениях соотносительной деятельности социальных или общественных групп имеются известные особенности, проистекающие из того, что эта деятельность проявляется не в индивидах, взятых отдельно друг от друга, а в группах и собраниях лиц, спаянных определенными интересами и действующих поэтому сообще как одно собирательное целое.

Можно определенно сказать, что даже личности, входящие в состав того или другого собрания, нередко обнаруживают такие стороны своей соотносительной деятельности, которые обычно не проявляются в индивидуальной жизни **.

Нередко, например, человек в толпе или собраниях преобразуется до такой степени, что даже перестает походить на самого себя, т. е. на человека, каким он является, будучи предоставлен самому себе.

Далее, случается, что человек, спокойный и даже несколько апатичный, возбуждаясь в толпе или собрании делаемыми здесь заявлениями, быстро заражается общим настроением и входит в такой пафос, какого он никогда в условиях индивидуальной жизни не проявил бы.

Благодаря известному подъему настроения, находящему благоприятные условия в толпе, такого рода лица в своих страстных речах склоняют иногда массу других лиц к крайним решениям, которые являются, однако, несоответствующими их спокойному образу действий и поступков в индивидуальной жизни, где они бывают обыкновенно осторожными и осмотрительными.

Из всего изложенного выше ясно, почему коллективная рефлексология, выясняющая особенности проявления соотносительной деятельности масс лиц, должна быть обособлена ** от той рефлексологии, которая имеет своей задачей исследование соотносительной деятельности отдельных лиц или общей рефлексологии.

С другой стороны, коллективная рефлексология соприкасается с социологией, так как изучает основы совокупной деятельности социальных групп. В этом отношении мы должны сказать, что коллективная рефлексология является тем промежуточным звеном, которое соединяет между собою

две науки: рефлексологию и социологию.

<Коллективная психология занимает совершенно другую сферу и в своем развитии идет по пути, диаметрально противоположному социологии; она имеет права гражданства там, где последняя вовсе не имеет места, и её законы управляют тем, над чем социологические законы потеряли свою власть. Чем более временно и случайно собрание индивидов, тем более оно является неорганическим, тем далее отстоит оно от Спенсеровой аксиомы и тем скорее входит в сферу наблюдений коллективной психологии> ^.

Поэтому толпа, равно как присяжные, съезды, театральная публика, являясь сборищами более или менее случайными, должны быть изъяты из ведения законов социологии и подчинены законам коллективной психологии.

^ Сигеле С. Преступная толпа: Опыт коллективной психологии. СПб., 1893. С. 17. 37

Вот почему толпа как собрание наиболее неоднородное является излюбленной темой авторов, посвящающих себя изучению законов коллективной психологии, в том числе и самого Сигеле.

Приблизительно такого же определения держится по отношению к коллективной психологии де ля Грассери ^, по мнению которого объектом коллективной психологии служат более или менее случайные и неорганизованные агрегаты, не обнаруживающие ни дифференцирования, ни определенной координации, ни постоянства взаимоотношений, агрегаты же организованные являются предметом изучения социологии. Равным образом и Росси ^ по своим взглядам приближается к этому определению, ибо он отводит для коллективной психологии случайные агрегаты в виде, например, толпы, для социальной психологии (то же, что психология или характеристология народов) душу народа или расы, а для социологии взаимодействие первоначально бессознательно автоматическое, а затем постепенно становящееся сознательным.

Однако эти определения грешат прежде всего против социологии, которая, изучая взаимодействие между людьми, не ограничивает себя той или другой степенью организованности, а в не меньшей степени грешат против коллективной психологии или рефлексологии по нашей терминологии, которой отводится небольшой сравнительно уголок в жизни людей, когда они образуют случайные и неорганизованные собрания.

Если коллективная рефлексология, как мы принимаем, представляет собою тот объем знаний, который изучает проявления деятельности объединенных общественных групп или коллективов со строго объективной точки зрения, то возникает вопрос, что остается на долю собственно социологии. Не подлежит сомнению, что имеется не только много точек соприкосновения, но и тесная внутренняя связь между этими научными дисциплинами, из которых одна изучает возникновение, развитие и установку коллективных проявлений или поведение общественных групп, тогда как другая – социология – изучает строение и жизнь самой собирательной личности и взаимодействие и соотношение общественных сил, главным образом в связи с разнообразными условиями, как например, расовыми, экономическими, отчасти политическими, географическими, климатическими и др. Нет необходимости говорить, что эти факторы не остаются без значения и для коллективных проявлений собирательной личности, но тем не менее их руководящее влияние на строение и жизнь самой собирательной личности и на

соотношение общественных сил стоит вне всякого сомнения. А это все и составляет область социологии как науки о строении и жизни общества в определенных условиях, как изучение жизни общества в условиях времени, следовательно, того или другого периода развития цивилизации и культуры, составляет предмет исторических наук.

С нашей точки зрения, социология изучает установление самой общественной жизни, причины социальных явлений, их следствия и взаимоотношение между индивидами, но, задаваясь целью проникнуть в самый механизм развития социальных явлений ^{^*}, который относится всецело к задачам коллективной рефлексологии. Социология изучает общественные установления и общественные факты и явления, а также их взаимоотношение, прилагая к ним, где нужно, психологическое resp. рефлексологическое объяснение. Но собственно исследование проявлений массовой или коллективной соотносительной деятельности не входит непосредственно в ее задачи. Она их только прилагает к объяснению тех или иных общественных событий,

[^] Grasserie de la. De la psychosociologie // Revue de sociologie. 1912. N 3.
[^] Rossi O. Psychologia collectiva. Milano, 1900. P. 213. Idem. Sociologia psychologia collectiva.

38

из чего выясняется между прочим особое значение коллективной рефлексологии для социологии.

Далее одной из существенных задач социологии, без сомнения, является изучение сотрудничества и классовой борьбы, которая приводит постоянно к достижению прав, а затем и к достижению власти обездоленными классами народа и к ослаблению общественной роли господствующих до того классов. Если процесс сотрудничества и соглашения обычно приводит к усилению группы вступающих в сотрудничество сочленов, то процесс борьбы связывается с взаимным ослаблением участников борьбы, которая приводит в некоторых случаях к господству третьего элемента, иногда даже стороннего хищника. Последний в этом случае, пользуясь ослаблением данного общественного организма, легко им овладевает в собственных интересах. Так было с некоторыми из городских республик Апеннинского полуострова, например Флоренцией. Так было и в позднейшие времена с Польшей. Все эти факторы составляют материал социологии, как борьба за существование есть материал биологии. Но выяснение самого процесса борьбы, ее поводов и развития ее в том или ином направлении, есть материал коллективной рефлексологии. Возникновение общественных рефлексов и поводы к ним, равно как их направление и проявление – это бесспорный предмет общественной или коллективной рефлексологии, тогда как результаты этой борьбы, как они проявляются в жизни общества, являются предметом ведения социологии. Равным образом и социально-экономические условия страны, приводящие к борьбе классов, составляют область социологии. Ясно, что обе научные дисциплины сливаются друг с другом в значительной части, но задачи одной изучить возникновение, поводы к нему и самый процесс развития коллективных рефлексов, задачи другой учитывать результаты и условия соотношения общественных сил, их столкновения, борьбу и соглашения.

Из вышеуказанного ясно, что коллективная рефлексология должна быть обособлена от социологии, ибо последняя изучает жизнь общества как она складывается под влиянием климата, местности, расовых, правовых и экономических условий, включая скрещивание в нем интересов более частных

коллективов (борьба партий). Коллективная рефлексология, хотя и дает богатый материал для социологии и, следовательно, между обеими научными дисциплинами имеется много точек соприкосновения, но говорить о слиянии одного знания с другим, как допускают некоторые социологи, особенно из неопозитивистов, все же нет достаточных оснований^{^*}.

С другой стороны, если принять в соответствии с распространенным взглядом, что социология изучает явления человеческого взаимодействия, то коллективная рефлексология как научная дисциплина, изучает явления отношения человеческих масс, объединенных в коллективы, не только к другим творческим коллективам или отдельным лицам, но и к животным и ко всей вообще окружающей среде. Помимо того между социологией и коллективной рефлексологией имеется и другое различие. Если коллективная рефлексология имеет основной задачей изучать механизм образования рефлексов и поведения коллективов, то, очевидно, дело идет о деятельности социальных групп, в том или другом отношении объединенных внутри себя, ибо коллектива не может быть без единения^{^*}. Но социология не может ограничиваться изучением только тех явлений социального порядка, где устанавливается то или другое единение. Она простирает свое изучение и на изучение тех явлений, где, наоборот, обнаруживается разъединение, борьба или открытая война, хотя бы она происходила между двумя лицами. Она занята вопросами социальных взаимоотношений, безразлично будет ли взаимоотношение устанавливаться между объединенными группами или между индивидами. И несомненно неправы те социологи, которые к социаль-

39

ным явлениям относят лишь взаимоотношения сходных между собой индивидов убежденных в одном общем действии (Гиддингс, Болдуин и др.); наоборот, более правы те авторы, которые к социологии относят весь порядок явлений социального характера, независимо от содержания самого взаимоотношения между индивидами и группами, ими образуемыми. Ибо там, где существует разъединение и вражда, там имеется, конечно, взаимоотношение общественных групп или отдельных лиц, но в последнем случае коллектива уже нет^{^*}.

Сама по себе социология, устанавливая связь между теми или другими социальными явлениями, не может дать и соответствующего объяснения во многих случаях без обращения к коллективной рефлексологии, так как только последняя дает возможность во многих случаях ближе определить существование внутренней связи между одними и другими социальными явлениями.

В то же время коллективная рефлексология не считает своей прямой целью изучать самые общественные факты и явления, она изучает лишь рефлексологический механизм развития общественных явлений, их рефлексологическую подготовку и изучает условия, при которых развиваются сами явления в ряде индивидов в форме коллективных рефлексов.

Различие между коллективной рефлексологией и социологией лучше всего может быть выяснено таким образом. Для социолога не существенно знать, как образуется и какие изменения происходят в деятельности и реакциях коллектива по сравнению с реакциями и деятельностью отдельных индивидов. Он может, конечно, этим интересоваться, но это не его прямая задача, тогда как он естественно признает своей задачей выяснение взаимоотношений между социальными группами, как и самый факт установления социальных групп или коллективов. Таким образом изучение способа возникновения коллективных групп и особенностей коллективной деятель-

ности по сравнению с индивидуальной—дело коллективной рефлексологии, тогда как выяснение количества коллективов, их особенностей и взаимоотношений между этими коллективами в среде того или другого народа есть дело социолога.

Ясно, что способ или механизм возникновения коллективов относится всецело к области коллективной рефлексологии, ибо изучать особенности проявления коллективной деятельности, не выяснив, каков механизм возникновения коллектива, нельзя. Это та именно область, которую еще Тард обозначил <интерментальной психологией> и которая по его мысли должна лежать в основе социологии. <Я разумею, — говорит Тард, — не обычную психологию, к которой можно относиться с заслуженным ей пренебрежением, но то, что я позволю себе назвать в дальнейшем изложении "взаимной психологией" (Interpsychologie) ... Междупсихология или междулогика являются в сущности элементарной социологией, которая одна только и может объяснить социологию сложную или социологию в тесном смысле слова>".

Отсюда ясно, что образование коллективов как предмет изучения <интерментальной психологии>, точнее говоря <коллективной рефлексологии>, в то же время является базой для социологии.

Сказанного достаточно, чтобы очертить задачи коллективной рефлексологии. Она состоит таким образом в изучении механизма образования коллектива, с одной стороны, и, с другой, — в изучении способов и проявлений коллективных рефлексов, образующих в общей совокупности коллективную деятельность, по сравнению с индивидуальными рефлексами или индивидуальной деятельностью.

Словом, социология имеет дело с социальными фактами и явлениями и их взаимодействием, объясняя и то и другое с рефлексологической или

^ Тард Г. Психология и социология // Новые идеи в социологии. Кн. 2. С. 69, 78. 40

какой-либо иной точки зрения: коллективная рефлексология имеет дело с механизмом обобщения или социализации индивидуальных рефлексологических явлений, объясняя, как этим путем образуются коллективные рефлексы и подготавливается то или иное общественное явление, и вместе с тем выясняет, как проявляется поведение общественных групп.

Следует иметь в виду, что социальные явления, служащие предметом изучения социологии, не замыкаются только в схему явлений рефлексологически объясняемых, так как на развитие социальных явлений, как мы уже упоминали, оказывает влияние и целый ряд других факторов (экономических, правовых, географических, климатических и пр.), между тем как коллективная рефлексология говорит нам только о рефлексологическом механизме общественных явлений.

Заметим здесь же, что имеются взгляды, по которым коллективная психология и социальная психология, по нашей терминологии коллективная социальная рефлексология, суть не вполне совпадающие вещи. Так Сигеле¹ и де ля Грассери² под первой понимает науку, изучающую явления человеческого взаимодействия, когда единицы являются <неоднородными>, <случайными>, образующими <слабосознательную связь, тогда как организованные агрегаты являются предметом изучения социальной психологии³.

К такому же взгляду примыкает и Росси⁴. Мы не придаем этой тонкости

особого значения, полагая, что коллектив есть коллектив и в том случае, когда мы имеем толпу, и в том случае, когда мы имеем организованное общество людей того или иного рода, как, например, научное, торговое или какое-либо иное общество, кооператив, народ, государство и т. п.^{^*} Некоторые из авторов, как Лебон[^], под названием социальной психологии понимают не что иное, как расовую психологию. С нашей точки зрения правильнее было бы обозначить этот предмет исследования коллективной характеристикой или характерологией социальных групп, ибо предмет изучения этой области знания тот же самый, который обнимается с индивидуальной характерологией, но относится не к отдельным индивидам, а к целым коллективам того или иного рода.

В заключение отметим, что в зависимости от школ некоторые из авторов область ведения коллективной рефлексологии включают в социологию, другие же признают социологию как бы венцом вышеуказанных областей знания. Так, Росси признает предметом социологии <социальное взаимодействие сначала бессознательно-автоматическое, а потом все более и более сознательное>". Сорокин же рассматривает тот же предмет или как часть социологии или же допускает возможность слияния обеих областей знания в одно". Целый ряд других авторов также смотрит на этот вопрос неодинаково. Очевидно, что дело в этом случае зависит исключительно от более ограничительного или более широкого толкования социологии как науки, изучающей структуру общества и явления взаимодействия составляющих его единиц.

<Как бы то ни было, но без коллективной рефлексологии социология обойтись не может. Попытки основать социологию непосредственно на биологии, минуя психологию, т. е. понять общество как своеобразный организм, имеющий и структуру, подобную строению индивидуального организма, или понять его как коллектив, в котором все сводится к законам

[^] См.: Сигеле С. Преступная толпа.

[^] Grasserie de la. De la psychosociologie.

[^] Rossi O. Psychologia collectiva.

[^] См.; Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. СПб., 1916; Он же. Душа рас.

[^] Rossi O. Psychologia collectiva.

[^] Сорокин П. А. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1. С. 20.

41

биологии вида, были порождением и той эпохи, и истории естествознания, когда биология доминировала над другими его областями и задавала тон и наукам о человеке. Истинною основой социологии может быть только психология^{^*}, особенно в своей интерментальной части, составляющей переход от психологии к социологии, если не прямо первую часть ее. Общественность относится к числу психических явлений, хотя бы на их основе вырастали известные объективные формы общественной структуры, дающие право смотреть на общество не только как на простой коллектив, известным образом культурнообъединенный, но и как на некоторое сверхличное существо, имеющее определенную структуру[^].

Приведенные слова мною заимствованы из недавно вышедшей книги Н. Кареева <Общие основы социологии>. Таким же точно образом Н. Кареев отвергает и построение социологии на основах одного экономического ма-

териализма, основывающегося на экономическом понятии производственных отношений с устранением <психического элемента. <Если бы эта теория не была верна, – говорит автор, – все-таки производственные отношения общества, являющиеся в сущности только известными взаимоотношениями между отдельными людьми в области материальных отношений, сами возможны только вследствие способности отдельных членов общественного коллектива к психическому взаимодействию> "°.

<При всем том (чтобы не сказать более решительно) еще большой вопрос, можно ли свести всю общественную структуру и духовную культуру общества к значению простых надстроек над чисто хозяйственным (<материальным>) базисом> ^ . И тем не менее, как известно, еще Д. Ст. Милль в конце своей <Логике> высказывает взгляд, что социология может быть рассматриваема как прикладная психология. Но здесь не имелась в виду психология общественная или коллективная, а та психология, которая изучает внутренний мир отдельных лиц. Между тем ныне, когда социология является или по крайней мере должна быть строго объективным знанием, трудно находить соотношение между нею и индивидуальной психологией. Другое дело коллективная рефлексология, которая исследует строго объективно возникновение отдельных социальных групп или коллективов.

Хотя биологический взгляд на общество как на организм, поддерживаемый Контом, Спенсером, и позднее Рене, Вормсом, Новиковым и другими, ныне отжил свой век и все более и более выясняется, что объяснение данных лингвистики, мифологии и политической экономии возможно только с помощью психологии, но все же общественная или коллективная рефлексология не есть социология в тесном смысле, хотя она и объясняет многие социальные явления. Вследствие этого между прочим возникло психологическое направление^*, поддерживаемое Тардом, Михайловским, Зиммелем, Деловтом и др.

Ясно, что как имеется историко-философское направление, основанное Кондорсом и развитое Контом с его общественной статикой и динамикой, как имеется историко-экономическое направление, основанное К. Марксом и Фр. Энгельсом, как имеется эволюционное направление, начатое Спенсером и развитое целым рядом авторов: Лилиенфельдом, Эпинасом, Летурно, Вормсом, Шарле и другими, как имеется статистико-социологическое направление, основанное Кетле, как имеется социально-биологическое направление Бенжамена Kidd'a и этногеографическое направление Монтескье и Бокля, так может быть, и существует на самом деле психологическое направление в социологии. Но сказать, что вся общественная жизнь исчерпы-

^ Кареев Н. И. Общие основы социологии. Пг., 1919. С. II-12.

^ Там же. С. 12.

^ Там же.

вается психологическими resp. рефлексологическими взаимоотношениями общественных групп, это значит отрицать все экономические, брачные, этнографические и географические соотношения между отдельными людьми и группами лиц, а между тем это-то соотношение и лежит прежде всего и ранее всего в основе борьбы классов и сотрудничества отдельных лиц и отдельных партий.

Правда, Е. де Роберти в основу социологии кладет принцип биосоциальной основы, рассматривая ее как науку об общественном поведении людей. И

несомненно, что с точки зрения этого направления социология поглощает в значительной мере общественную или коллективную рефлексологию. Но биосоциальный принцип все же не устраняет и экономических и этногеографических соотношений между людьми, а, следовательно, он приложим только к части социальных явлений, правда, значительной части, но во всяком случае не проникает ее всю целиком,

Так, явления общения как основы общественной жизни, взаимоотношения личности и общества, подражание и повторяемость как явления, лежащие в основе общественной жизни, – суть факторы психологические, но зато все, что относится к <самодостаточности> общественных групп представляет собою, несомненно, уже явление не психологического и тем более не исключительно психологического характера.

С другой стороны, и социальная связь, устанавливаемая при посредстве сотрудничества и разделения труда, представляет собою явление не столько психологического, сколько экономического свойства. Как бы не оценивать важность этих явлений, иначе говоря, безразлично, будем ли мы придавать главное значение, согласно Конту или Дюркгейму, разделению труда, согласно Спенсеру, сотрудничеству: или, наконец, будем признавать одинаковую важность за тем и другим явлением, что ближе соответствует действительности, но одно несомненно, что одним общением как психическим фактором ни того, ни другого объяснить не представляется возможным. Во всяком случае расслоение общества на группы и классы, хотя и стоит в некотором соотношении с чисто психологическими свойствами входящих в них индивидов, является результатом разделения труда, т. е. явления экономического свойства. Наконец, и общественные слои, играющие столь важную роль в общественной жизни, не представляют собой одни общественно-психологические группы, а опять-таки группы, часто заинтересованные вместе с тем и экономически.

<Совершенно бесполезно спорить, – говорит К. М. Тахтарев, – о том, какая сторона общественной жизни – экономическая, половая или психическая – должна считаться более первичной. Не менее бесплодно стремиться выяснить, какие из основных потребностей человека или формы общения проявились раньше. На самых разных ступенях развития человечества, какие только доступны современным научным исследованиям, мы видим человека общественным существом, чувствующим, мыслящим и действующим, живущим с самого начала и экономической, и половой, и психологической жизнью, нравственной, умственной и чувственной, которые все можно считать одинаково первичными, как и соответствующие человеческие потребности> ^.

Говоря далее о том, что одинаковая первичность различных общественных явлений жизни не обозначает их равнозначности, автор замечает: <Экономическая жизнь до сих пор почти всегда и всюду преобладала над психологической и даже половой. Это можно наблюдать не только у народов, находящихся на низших ступенях развития, но и у более развитых народов, не только в среде необразованных и необеспеченных классов населения, но

^ Тахтарев К. М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг., 1918. С. 47.

и в среде богатых и образованных, для которых стремление к материальным удобствам жизни занимает стремление к обеспечению необходимейших средств существования неимущих классов. Половая жизнь даже в среде богатых классов гораздо легче приносится в жертву материальным выгодам,

чем наоборот, и то же самое происходит с умственной жизнью. Обыкновенно ей отдаются силы, остающиеся после удовлетворения других потребностей, которые считаются более необходимыми[^]. Нужды нет, что удовлетворение всех вообще потребностей, а следовательно, и экономической и половой, происходит при посредстве соотносительной (психологической) деятельности. Первым импульсом все же и в том, и в другом случае служат органические потребности, лежащие в основе соответствующих инстинктов или наследственно-органических рефлексов, которые по этому самому и дают преобладание в развитии и удовлетворении этих потребностей перед удовлетворением запросов чисто соотносительной деятельности.

Таким образом нельзя не согласиться с тем, что ни одно из существующих социологических направлений не обнимает собой всего того, <что входит в содержание социологии как науки об общественной жизни, ее явлениях и их закономерности. Ни одно из социологических направлений не заключает в себе полной истины, но, с другой стороны, ни одно из направлений, как бы односторонне оно ни было, не лишено известной доли истины. Каждое социологическое направление заключает в себе соответствующую часть истины и в этом отношении как бы служит некоторым дополнением других[^].

На основании всего вышеизложенного мы не можем отождествлять социологию с общественной или коллективной рефлексологией и признаем, что последняя является одной из основ социологии, но не самой социологией.

Немало сближений существует между коллективной рефлексологией и историей, ибо история, если откинуть вопросы влияния отдельных лиц на общественные события, есть главным образом история коллективных человеческих деяний. И если бы история ограничивалась только собиранием одного этого материала, то она представляла бы собой историю коллективных рефлексов и, следовательно, представляла бы собой или должна была бы представлять собой общественную или коллективную рефлексологию в историческом освещении[^]*.

И действительно, если мы взглянем на историю народов не с обычной точки зрения в виде отношения лиц и событий, а с точки зрения происходящих в народном коллективе движений, то мы встретимся с возникающими то там, то здесь волнами оживления или возбуждения под влиянием определенных внешних воздействий и условий тех или других коллективных рефлексов, их распространением по коллективу, часто выходящему за пределы одной народности или государственного коллектива, целым рядом сопутствующих движений и реакций, гармонирующих с первыми и в то же время пересекающихся с другими движениями и реакциями, стоящими в противоречии с первыми и, следовательно, действующими наперекор, оказывающими тормозящее на них влияние и ограничивающими их распространение. В свою очередь эти тормозящие движения и реакции подобно лучам распространяются по коллективу, являясь побудителями целого ряда движений и реакций: эти последние в свою очередь, хотя и противоречат первым, но сопутствуют гармоническими отзвуками в других сферах и служат побудителями новых движений и реакций, для которых первые являются тормозящими условиями. Иначе говоря, в исторической перспективе социальных событий мы встречаемся со взаимно сталкивающимися коллективными рефлексами, которые, являясь побудителями целого ряда гар-

[^] Там же. С. 48.

* Там же. С. 13.

моничных с ними коллективных рефлексов, в то же время оказывают взаимно тормозящее влияние, причем поступательный ход истории обуславливается тем, какие из двух рефлексов возьмут окончательный перевес и получат наибольшее распространение.

Между тем что может представлять собою коллективная рефлексология в историческом освещении? Между нею и настоящей историей имеется тоже различие, какое существует между общественной рефлексологией и социологией, ибо история должна принять во внимание и особенности климата, местности, расы, экономических и других влияний, определяющих историческую жизнь данного народа, что уже выходит за пределы задач коллективной рефлексологии.

Но если и доисторический период деятельности человека, изучаемый археологией и при том по тем объектам и обломкам, которые сохранились в земле в течение большого количества столетий. При этом археология не ограничивает своей задачи исключительно доисторическим периодом, но и собирает материал, относящийся к периоду ранних эпох истории человечества, пополняя этим существующие летописные и иные источники.

Особенность археологических изысканий сводится к тому, что при этом исследуются не действия и реакции древних людей, а результаты этих действий и реакций; но так как по результатам нетрудно судить о характере деятельности, условиях быта, экономической жизни и т. п.*, то археология и дает возможность воссоздавать коллективную рефлексологию древнего мира и доисторического мира и в той части, где археология воспроизводит деятельность отдельных лиц или целых обществ, она даст объективный материал для суждения об индивидуальной или коллективной рефлексологии доисторического человека или человека древних времен.

Нужно при этом иметь в виду, что археология захватывает разные стороны древнего человеческого коллектива, вследствие чего она опять-таки выходит за рамки доисторической коллективной рефлексологии, ибо уже теперь мы можем говорить не только об археологии языка, археологии религий или морфологии археологии художественной, но и археологии промышленной, политической, юридической и т. п. При этом, что особенно существенно, археология дает нам возможность проследить эволюцию коллективных человеческих решений, ибо, что такое сравнительное языкознание, описывающее и объясняющее нам происхождение каждого корня и его судьбу, как не выяснение эволюции языка – этой важнейшей коллективной символической реакции? Что такое сравнительная мифология, поясняющая нам происхождение каждого мифа, его развитие и судьбу, как не выявление коллективной реакции первобытного и древнего человека на выявление таинственных для него сил природы? То же самое необходимо сказать и по отношению к вопросам поведения, политики, обмена, права, художественного творчества, выясняемым с помощью археологии. Словом, ключ для выяснения эволюции коллективных рефлексов в человеческом мире доисторических времен мы находим в археологических исследованиях подобно тому, как ключ для биологического и анатомического развития органов тела мы имеем в палеонтологии.

В этом отношении интересно сопоставить развитие детского языка, превращающегося постепенно в язык взрослых людей, первоначальное развитие детского рисунка, дающего начало художественному творчеству взрослого человека и первоначальное установление взаимоотношений между детьми, переходящее в правовые отношения взрослых, с тем, что показывает нам

археология относительно жизни и деятельности первобытного человека. Из этих сопоставлений мы убеждаемся, что индивидуальная эволюция человеческих рефлексов как бы повторяет эволюцию рефлексов доисторического человека^{^*}.

III. ПРЕДМЕТ И МЕТОД КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ

Из вышесказанного очевидно, что предметом коллективной рефлексологии является изучение возникновения, развития и деятельности собраний и сборищ, проявляющих свою соборную соотносительную деятельность^{^**} как целое благодаря взаимному общению друг с другом входящих в них индивидов.

Совершенно безразлично, будем ли мы иметь перед собой случайно собравшуюся толпу на улице, привлеченную каким-либо уличным событием, или мы имеем общественный митинг по поводу одного из собраний, взволновавших общество, или имеется общественное или даже правительственное собрание лиц для определенной цели, – везде и всюду мы будем встречаться с проявлением общественных настроений, соборного умственного творчества и коллективных действий многих лиц, связанных друг с другом теми или другими интересами, а потому все эти проявления и должны быть предметом коллективной рефлексологии.

Таким образом предметом коллективной рефлексологии должны быть проявления соотносительной деятельности общественных или социальных групп вообще независимо от их характера и цели. Как общая рефлексология имеет своим предметом изучение соотносительной деятельности отдельных лиц в связи с теми прошлыми и настоящими влияниями, которые ее обуславливают[^], так и предметом коллективной рефлексологии должны быть продукты деятельности тех или других социальных групп как известного целого, объединенного тем или другим цементом партийного, правового, религиозного, служебного профессионального, школьного или семейного характера в связи с высшими и внутренними текущими и прошедшими условиями, которые в них отражаются.

Очевидно, что предмет коллективной рефлексологии должен иметь в виду те же стороны соотносительной деятельности, какие имеет в виду и общая рефлексология, но она исследует при этом деятельность массы лиц, связанных между собою общностью условий. Таким образом, хотя коллективная рефлексология казалось бы, имеет дело с проявлениями соотносительной деятельности массы отдельных лиц, но лиц, спаянных между собою общими интересами и стало быть в данных условиях общественной деятельности обнаруживающих проявления коллективной или собирательной соотносительной деятельности. Поэтому в коллективной рефлексологии мы должны иметь в виду проявления общественных настроений и мимико-соматических реакций вообще, общественной наблюдательности, общественного сосредоточения, общественного творчества, общественных постановлений и общественных действий.

Какими бы внешними причинами не устанавливалось объединение тех или других социальных групп, но, если между отдельными членами данной группы достигается известное взаимоотношение в смысле большего или меньшего согласования тех или иных сторон их соотносительной деятельности, коллективные проявления оказываются уже возможными. Особенности этих проявлений, условия и законы их развития и должны служить предметом специального изучения коллективной рефлексологии.

Таким образом предметом коллективной рефлексологии должны служить все проявления соотносительной деятельности в разнообразных общественных группах и собраниях, начиная с простой толпы, сходок, митингов и кончая собраниями в форме научных обществ и коллективных учреждений обще-

^ Бехтерев В. М. Объективная психология и ее предмет // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1904. Вып. 9-10; Он же. Объективная психология. СПб., 1907-1912. Отд. отт. Он же. Общие основания рефлексологии, Пг., 1918.

46

ственного и правительственного характера, в форме так называемых советов, комитетов и т. п.

Для коллективной рефлексологии не представляется существенными ни размеры той или другой группы, ни постоянный или временный ее характер, но она может и должна принимать во внимание условия, объединяющие данную группу лиц в том или ином отношении и ее прошлое, так как от того и другого зависит как характер, так и особенности коллективной относительной деятельности.

Нужно при этом иметь в виду, что деятельность коллектива развивается теми же путями и по тем же законам, как и деятельность отдельной личности. Поэтому в деятельности каждого коллектива, как в деятельности отдельной личности, мы можем различать наследственно-органические проявления, большую или меньшую возбудимость, коллективное настроение, наблюдательную способность, коллективное сосредоточение, коллективную творческую деятельность и как одно из ее проявлений суждение, приводимое к определенному результату в форме решения или постановления и, наконец, выполнение этого решения или постановления в форме того или иного действия.

Коллективная рефлексология, рассматривая общественные явления в процессе их зарождения, развития и проявления со строго объективной стороны, а иначе она рассматривать их и не может, имеет предметом своего исследования возникновение, развитие и то или другое проявление общественной деятельности или общественного движения как своего рода общественный рефлекс. Поэтому для коллективной рефлексологии не должно существовать и собственной терминологии наподобие общественного сознания, общественных чувств, общественного внимания, воли и прочего, а она должна быть заменена объективной терминологией^{^*}.

Коллектив людей, соотносительную деятельность которого изучает коллективная рефлексология, в основе всегда имеет связующее нечто, как, например, общее настроение, общее наблюдение, общее сосредоточение, общее обсуждение, общее решение или постановление и общность или единство цели и действий. Примером коллектива, связываемого одним настроением, может служить толпа. Примером коллектива, связываемого общим наблюдением и сосредоточением служат театры, концерты, вообще зрелища и представления всякого рода. Примером коллектива, вызываемого необходимостью общего обсуждения вопросов, приводящего к тому или другому постановлению, являются советы, совещания, конференции, комитеты, общества, съезды и т. п.

Для обсуждения задач, интересующих отдельные классы или определенный круг лиц, являются собрания партий, профессиональные общества, экономические общества, кооперативные организации и т. п.

Для осуществления физического развития масс и для организованного труда служат коллективы в виде гимнастических и спортивных обществ, рабочие артели и т. п.

Для организованной защиты и нападения служат коллективы в виде войсковых частей, те или другие патриотические организации и т. п.

Примером коллектива, связываемого задачей стяжания, могут служить тотализаторы, игорные дома, банковские коллективы и т. п.

Наконец, примером коллектива, основанного на единстве определенных достижений, являются научные и иные организации.

Таким образом коллективы всегда имеют в виду общность интересов в том или другом отношении, предполагающую единство цели. Эта общность интересов может быть вполне естественной, вытекающей из самой жизни и рода занятия (земледельцы, скотоводы, рыбаки, торговцы и т. п.) и может быть оформленной и регулируемой определенным регламентом (союзы, кооперативы и т. п.). Наконец, могут быть коллективы, устанавливаемые в

целях осуществления тех или других задач, предусмотренных законоположениями как различного рода советы, комитеты, общества, комиссии и т. п.

Общий интерес и единство цели обуславливают связь отдельных членов коллектива, причем чем больше общих интересов, тем очевидно больше и сплоченность коллектива. Но кроме общего интереса коллектив предполагает и общность задачи. Иначе не было бы смысла существования коллектива. Очевидно, что только общность интересов и задачи является тем стимулом, который побуждает коллектив к единству действий и придает самый смысл существованию коллектива. В этом отношении на коллектив нужно смотреть как на лучшее средство решения определенной задачи. То, что неосуществимо в полной мере для индивида, может быть осуществимо с помощью согласованной коллективной работы и это-то обстоятельство и оправдывает необходимость создания коллектива.

Если бы не было вообще какого-либо преимущества коллектива по сравнению с деятельностью отдельных индивидов, то коллектив очевидно и не существовал бы как явление, не вносящее никакого плюса в условие человеческой деятельности, ибо всякое общественное явление должно иметь оправдание своего существования, а коллектив и находит свое оправдание в том, что он осуществляет задачи, не выполняемые отдельными индивидами, если они действуют в одиночку.

Каково бы ни было значение коллектива, последний может иметь разные поводы для своего возникновения и разные условия для своего сплочения и развития.

Коллективы могут быть неорганизованные и организованные. Коллективы, связующим звеном которых служит по преимуществу настроение или наблюдение, не нуждаются в особой внутренней организации, ибо они не имеют вперед предусмотренной цели. Здесь нет ни заранее определенных устремлений, ни заранее определенного плана действий, а потому и внутренняя организация является излишней, — тем более, что такие коллективы бывают недолговременными. Сюда относятся толпа, театральная публика и т. п. Такие коллективы нуждаются только во внешнем воздействии в целях регулирования внешнего порядка, дабы данный коллектив не

осложнил жизни других коллективов.

Все другие коллективы, которые имеют определенные задачи, обязательно должны иметь свою организацию, целью которой является планомерность и порядок коллективной работы, а также установление связи между собой отдельных индивидов коллектива. В целях согласованности совместных действий, организация этих действий в коллективах выполняется посредством исполнительного комитета, президиума, управлений, командного состава и т. п.

Вообще согласованность действий, планомерность устремлений коллектива и достижение его целей осуществляются путем предоставления полномочий одному лицу или выделенному на этот случай небольшому коллективу-исполнительному бюро. Этим же путем достигается установление внутреннего порядка, в случае надобности даже посредством принуждения и репрессий.

Эти небольшие полномочные коллективные учреждения, обладающие на случай надобности соответствующими средствами принуждения, представляют собой тот аппарат, при участии которого подготавливаются и осуществляются коллективные рефлексы в отношении не только внутреннего порядка данного коллектива, но и решения определенных задач коллектива.

Ввиду значения внутренней организации и жизнедеятельности коллектива зарождение каждой организованной общественной индивидуальности или коллектива начинается первоначально с внутренней организации или внутреннего упорядочения с известным распределением взаимоотношений между отдель-

48

ными подвидами и их деятельности, после чего в случае, если коллектив является жизнеспособным, он постоянно привлекает к себе все большее и большее количество сочленов, развиваясь таким образом вширь и в то же время все более и более объединяясь изнутри. Одновременно с этим обыкновенно идет и внутренняя деятельность, приводящая к большой специализации отдельных частей данного коллектива, или его дифференцировке^{^*}.

Со временем и в самом коллективе образуются частные единства, которые служат выражением той же дифференциации, приводящей к дроблению разросшегося коллектива на более мелкие коллективы.

Каждый вновь возникший коллектив выясняет свою относительную позицию среди других, вырабатывает свой план осуществления заданий или программу и соотносит свои действия с условиями окружающей действительности.

Коллективы могут разнообразиться не только по составу входящих в них индивидов (определенной профессии и т. п.), но и по цели, а также и характеру взаимоотношений между входящими в коллектив индивидами. Так, мы можем различить, как мы уже говорили, толпу, театральную публику, уличный митинг, партийное или классовое собрание, законоустановленные собрания в виде советов, комитетов, совещаний, кооперативов, съездов, союзов, учредительных и других собраний.

В одних из этих коллективов мы имеем случайное собрание индивидов, как например, в толпе, в других дело идет о собраниях, возникающих благодаря определенной потребности, например, ввиду жажды зрелищ, удов-

летворения экономических нужд и т. п.

Наконец, мы имеем коллективы, которые не представляют в сущности отдельных собраний, но тем не менее образуют собою значительные группы лиц, связанных теми или иными общими интересами. Коллективная деятельность здесь осуществляется через то или иное представительство или печать. Таковы народ, племя, государственный коллектив, союз народов, все человечество.

Дело в том, что существует известный предел для непосредственного общения в целях коллективной деятельности*. Чем элементарнее цель и задачи коллектива, тем больших размеров он может достигать **. Так, толпа может достигать сотен тысяч. Театральная публика может состоять из нескольких тысяч, коллективы, преследующие обмен мнений, могут состоять из сотен индивидов, редко более, а коллективы, преследующие осуществление каких-либо конкретных заданий, например, составление законоположения, не более как из нескольких десятков, а коллективы, преследующие еще более узкую задачу, например, обработку редакции текста, не могут представлять собою более нескольких индивидов.

Поэтому коллективы, численность которых уже превосходит вышеобозначенные размеры, должны работать при участии выборного представительства.

Отсюда понятно, что способы общения отдельных членов того или другого коллектива в зависимости от его размеров и характера не могут быть одинаковыми. В одних случаях дело идет о непосредственном общении отдельных членов коллектива, в других случаях общение осуществляется только через представительство, в третьих случаях только путем письменного или печатного слова.

Но как бы общение ни достигалось, коллектив всегда предлагает, как уже говорилось несколько ранее, известное объединение, а потому те коллективы, где собственно общих собраний не существует, таких как народ, племя, человечество, на самом деле могут быть понимаемы как коллективы только в той мере, в какой они представляют собою объединение путем избранного или установленного представительства отдельных собраний и печатного слова.

4 В. М. Бехтерев

49

Само собой разумеется, что продуктивность работы коллектива никак не стоит в соотношении с его размерами. В этом отношении нужно иметь в виду, что в коллективах, от которых требуется больше, чем простое выражение общего настроения, например, коллективное мнение и суждение, работа идет тем медленнее, чем больше самый коллектив, но зато работа коллектива в этом случае тем более охватывает предмет, чем больше самый коллектив при условии, конечно, создания его из соответствующих индивидов. Однако, более узкие коллективные задачи, как например, отшлифовка каких-либо частностей, как мы уже говорили, идет быстрее и правильнее в небольшом собрании.

Целый ряд авторов, начиная с Оствальда ^, в числе которых мы можем упомянуть Sotvay "", Воронова ^, Haret, Partuendo, Barcelo, сделали попытку применить к социальным явлениям энергетическое учение, рассматривая социальные явления как явления физико-химические. <Что же из этого получилось, спрашивает П. Сорокин? Мы получили ряд формул вроде того,

что <сознание есть течение нервно-энергетического процесса>, что <война, преступление и наказание> суть явления <утечки энергии>, что продажа-покупка - это реакция обмена> (Оствальд), что <сотрудничество есть сложение сил>, социальная борьба - вычитание сил, <социальная организация - равновесие сил>, <вырождение - распадение сил> <право - соотношение сил>, и т. д. Все это, пожалуй, и верно. Но спрашивается, много ли мы приобретаем от таких аналогий в деле познания социальных явлений или явлений междучеловеческого взаимодействия? Во всяком случае не больше, чем от аналогий начальной памяти <органической школы> в социологии. Все эти формулы аналогии представляют в лучшем случае трюизмы, в худшем неточные сравнения. Тот же вывод придется сделать и по адресу попыток создания <социальной механики>, пытающейся все поведение людей и взаимоотношений между ними подвести под законы обычной механики и физических явлений> ". К таким попыткам должны быть отнесены попытки Haret и Barcelo[^].

Однако такое изучение социальных явлений представляет собою изучение людей как всяких других физических тел. Но люди есть люди, т. е. должны быть рассматриваемы как аккумуляторы энергий, являющиеся результатом их прошлого индивидуального опыта и наследственных влияний, и, следовательно, их реакции на те или иные внешние раздражения не могут быть оцениваемы так же, как оцениваются реакции физических тел, ибо здесь ответная реакция часто вытекает не из влияния данного раздражения, а является в гораздо большей мере результатом воздействия прошлых раздражений, нежели данного раздражения, служащего в таком случае лишь поводом для выявления того, что составляет в сущности результат прошлых воздействий. То же мы имеем и в коллективах.

Следовательно, вопрос не в том, сводятся ли социальные явления к физико-химическим веществам или нет, а в том, представляют ли они какие-либо особенности в своем поведении и как они реагируют на внешние раздражения. Иначе говоря, проявляют ли они в зависимости от сложившихся традиций и особенностей своей структуры какие-либо особенности в этих реакциях или нет.

[^] Оствальд В. Философия природы. СПб., 1903; Ostwald W. Energetische Grundlagen der

Kulturwissenschaft. Leipzig, 1909.

*" Solvoy. Notes sur les fonr.ules d'intraduction 'a l'energetique physic - et psychosociologique. P.,

1906.

[^] Воронов Н. Г. Основания социологии. М., 1912.

[^] Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 5-6.

[^] Barcelo A. P. Mecanique sociale. Milano, 1910.

50

Отсюда ясно, что подходить к исследованию социальных явлений можно и должно установленными для естественных наук методами и целью этих исследований должно быть установление особенностей более сложных социальных явлений по сравнению с более простыми физическими или физико-химическими, а также выяснение того, в чем эти более сложные явления проявляют сходство с более простыми [^].

Отсюда ясно, что, если общественные науки, и в частности, та наука, которая изучает коллективную деятельность, по признанию многих, должны бы развиваться, пользуясь методами естественных наук, то они не должны иметь субъективизма ни в своем существе, ни в своем названии.

Однако такая неустоявшаяся наука, как социология, еще не решила окончательно спора между объективистами и субъективистами.

У Дюркгейма мы постоянно читаем о коллективном сознании, о коллективных представлениях, чувствах и т. п.

Сравнительно недавно Woodin снова возвращается к созданию социальной души, основываясь на теории межмозговых явлений. <Вместо того, чтобы отправляться от постулата изолированного духа, как делала психология в прошлом, стараясь затем объяснить возможность познания одной души другою путем аналогии, мы должны отправляться от междусубъективной духовной непрерывности как элементарного факта> ". Другие социологи стремятся подойти к изучению социальных явлений, придерживаясь более объективного метода, но в большинстве не успевают в этом. Эти разноречия обстоятельно представлены между прочим в новом труде П. Сорокина. По существу он решается автором в положительном смысле в пользу объективизма, но, к сожалению, с некоторой, по нашему мнению, совершенно ненужной уступкой в пользу субъективизма.

Здесь существенно выяснить, действительно ли нужна эта уступка или она не нужна и так как этот вопрос методологического характера одинаково относится и к тому объему знаний, который нас здесь занимает, то представляется необходимым нам для себя его решить здесь окончательно в ту или другую сторону. Проследим же этот спор в связи с тенденциями, которые мы находим в труде П. Сорокина.

Определив социологию как науку <о поведении людей, находящихся в процессе взаимодействия и о результатах такого поведения>, автор несколькими строками выше определяет взаимодействие людей, которое <дано там, где поведение одного индивида, в одних случаях сопровождаемое сознанием, в других – нет, является функцией поведения другого или других людей> ^ . Переходя затем к анализу самих методов исследования и задаваясь вопросом, следует ли изучать взаимодействие лишь во внешних актах или в отношении соответствующих психологических переживаний, автор прежде всего обращает внимание на неопределенность самого понятия психического и его синонимов (<сознание>, <душевные явления> и т. п.) и недоступность психики предмету наблюдения.

Обращаясь к психологии для определения психического, автор находит своеобразный круг или самое понятие остается неопределенным. По В. Вундту, обычное определение психологии как науки <о состоянии сознания> делает круг, ибо, если определить вслед за тем, что же такое сознание, состояние которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет сумму сознаваемых нами состояний ". <Отношение

Энергетическая точка зрения при этом вполне допустима, но не в вышеуказанном понимании.

^ Woodin. The existence of social minds // American Journal of sociology. T. 19.

" Сорокин П. /t. Система социологии. Т. 1. С. 44–76.

^ Там же. С. 50.

^ Вундт В. Введение в психологию. М., 1912. С. 9.

или определение их (сознания и его элементов), – говорит Геффдинг, – невозможно». То же или приблизительно то же мы встречаем и у других авторов. Нередко сознание определяется как процесс духовный или психический, а духовный замещается термином сознательный. Не меньший разброд мысли имеется у психологов и в отношении понятий <ум>, <разум>, <мысль> и т. п. и может быть еще в большей мере по отношению к вопросу, в каких явлениях можно признать психическое, а в каких нет. Так, одни авторы, стоя на точке зрения монизма (Геккель, Le Dantek, Petri и др.), говорят о <клеточном сознании>, об <атомной душе>, а Геккель и де ля Грассери говорят даже о психике атомов, молекул и даже о <психологии минералов>. Это учение может быть названо панпсихизмом. Другие (Вундт, Родене, Летурно, Эпинас, Дженнингс и др.) приписывают сознание лишь органической природе, а еще другие присутствие сознания признают только у тех организмов, которые обладают нервной системой; наконец, некоторая часть авторов признает его лишь у тех высших животных, которые имеют серое корковое вещество. Тогда как некоторые из новейших физиологов (Loeb, отчасти Vohn и др.) выбрасывают совершенно за борт понятие сознания, затемняя его, с моей точки зрения, неудачным термином <ассоциативная память> (Бдеб).

В последнее время с ясностью стало проявляться в социологии стремление отрешиться от психологии и субъективизма вообще, как показывают труды Дюркгейма, Коста, Ваксвейлера и др., но все же в этих трудах на каждом шагу мы встречаемся с психологическими, т. е. субъективными терминами и понятиями, а потому истинного объективизма и здесь мы не находим. В своей <Рефлексологии> я пришел к выводу о необходимости изучать <соотносительную деятельность>, у людей и животных как она проявляется на внешних акциях и реакциях в связи с внешними же влияниями и воздействиями, данными как в настоящем, так и в прошлом. Последнему факту, т. е. зависимости внешних проявлений индивида от прошлых воздействий, я придаю особое значение и везде и всюду останавливаюсь на этом как в <Общих основах рефлексологии человека>, так и в более раннем своем труде <Объективная психология>, а между тем упущение этого обстоятельства приводит к некоторым недоразумениям, что будет видно из последующего.

При этом и изучение психического мира или процессов сознания не исключается, но для субъективной психологии мной отмежевывается область исследования на себе самом путем самонаблюдения и экспериментов, производимых с подобным самоанализом своих субъективных состояний, из которых, конечно, возможны и те или другие обобщения по отношению к субъективному миру вообще и даже философствование на темы о панпсихизме, но научная мысль по отношению к этим расширениям субъективизма должна держаться строго ограничительного правила и на место так называемой психики или сознания у других исследовать разнообразные отношения организма с окружающей средой путем строго объективного наблюдения и опыта.

В последнее время в разрешение социальных проблем вошли физиологи, которые, исключив при своих исследованиях мозговых отправлений <субъективную> терминологию, стали распространять эту тенденцию и на взаимоотношения не только между животными, но и между людьми[^].

На такой же точке зрения, исключая всю психологию из социальных

наук, стоит и Bentley^.

^ Гефдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте, 6-е изд. СПб.; М., 1914. С. 49.

^ Dictionary of philosophy and psychology. Consciousness and mind. L., S. a.

^ Bentley A. F. The process of government. L., 1908.

52

К сожалению, в этом споре за объективизм физиологи выдвинули свою чисто физиологическую точку зрения, распространив ее на ряд социальных явлений, которые никак не вмещаются в физиологию как науку об отправлениях организма, и этот ложный шаг встретил резкий отпор со стороны социологов чистой воды. Я говорю о статье д-ра Зеленого (Павловской школы), по мнению которого научное изучение социальных явлений должно ограничиться объективным изучением их физиологической стороны вместо психологической^. В самом деле нельзя забывать, что социология не есть социальная физиология и не без основания органическая теория социальных явлений давно уже оставлена, не находя поддержки среди современных социологов. Вот почему вполне естественно, что один из солидных американских социологов, Эллвуд дал резкий отпор этим физиологическим экскурсиям в область социологии, которые скорее ослабляют позицию объективизма в социологии, нежели ее укрепляют. Так, осуждая неуместную попытку Павловской школы ввести социологическую социологию, Эллвуд между прочим замечает, что этот метод, <быть может хорош для изучения поведения крысы или общества крыс или в лучшем случае поведения человеческой группы, жившей полмиллиона лет тому назад в первобытном мире. Цивилизованный же человек живет в мире идей. Для него мир реальных объектов в значительной степени заменен миром идей, символов, ценностей. Эти идеи, символы и ценности постепенно развивались и накопились в течение всей человеческой истории. Самая история человечества таким образом представляется как бы развивающейся традицией или социальным духом, который не может быть понят вне его содержания. Человеческая культура сама по существу имеет психический характер и эта культура создала человеческое общество, которое мы знаем ^°. Если мы не будем согласны с автором в его субъективном понимании социологии, то все же нельзя не отдать должного его указанию, что нельзя упрощать сложные факты до простых физиологических стремлений.

Еще более резкий отпор дан был И. Павлову со стороны В. Вагнера по поводу предложения первого совершенно упразднить зоопсихологию, или правильнее сравнительную психологию, поставив на ее место настоящую физиологию мозга. По поводу одного из своих опытов И. Павлов между прочим замечает: <Зоопсихолог тот, который хочет проникнуть в собачью душу, говорит так, что собака обратила внимание и запомнила, что как только почувствует, что ее кожа раздражается в известном месте, ей вливают кислоту, а потому, когда ей раздражают только кожу, то она воображает как бы влитую кислоту и соответствующим образом реагирует, у нее течет слюна и т. д.> ".

По поводу этих суждений академика И. Павлова профессор В. Вагнер и свою очередь замечает: <Вот как профессор Павлов излагает фразы представителей науки, привлекающих к себе на протяжении веков внимание выдающихся ученых и мыслителей. Вложив в уста зоопсихологов эту галиматью (sic!), профессор Павлов принимается за их суд и пр.>". <Чтобы окончательно посрамить последнего (т. е. зоопсихолога. -Авт.) он (И. Пав-

^ Zelenij Г. Rassen und Gesellschaft // Zeitschrift Fur Biologic. Bu. 9.

Недавно сделана новая попытка одним из павловцев углубить этот вопрос о брошюре П. Зеленого <18 тезисов о "теории новой биологии": (Проект организации революционно-научного Совета республики и введения системы физиологических паспортов)> (Изд. Ин.

К. О. Сев.-Кавк. рев. ком. Б. г.). Уже заголовок брошюры говорит сам за себя.

^ Ellwood. Objectivism in sociology // American Journal of Sociology. T. 22.

Павлов И. П. физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности // Психиатрическая газета. 1917. № 6. С. 21.

^ Вагнер В. А. Зоопсихология перед судом физиолога И. П. Павлова // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. Пг., 1917. Т. 13, Вып. 3. С. II.

лов. -Авт.) ставит ему задачу, в случае неудовлетворительного решения которой грозит признать <их точку зрения вообще ненаучной и негодной для полезного научного исследования>. <Экзаменационный вопрос этот заключается в следующем: пр. Павлов, установив обычным путем координацию деятельности слюнной железы с тремя участками кожи, выяснил, что, когда железа перестает реагировать на раздражение одного участка кожи, то в случае раздражения второго - она начинает работать с прежней силой и т. д. Ответ на этот вопрос дан зоопсихологами гораздо раньше, чем проф. Павлов начал заниматься физиологией собачьей железы: он заключается в том, что зоопсихологи проводят определенную грань между явлениями (действиями) отправления организмов и явлениями (действиями) поведения животных. Первыми занимается физиология, вторыми зоопсихология. Опыты пр. Павлова имеют в виду отправления животного, из чего само собой следует, что они лежат за пределами зоопсихологии и что пр. Павлов не имеет о современной объективной зоопсихологии решительно никакого понятия> ^.

С моей точки зрения, конечно, всякий след субъективизма должен быть изгнан из зоопсихологии и сравнительной (как и всякой другой) психологии, которых должны сменить объективные науки - зоо- и сравнительная рефлексология, но, разумеется, что физиология останется со своими особыми задачами и методами, как в свою очередь останутся зоо- и сравнительная рефлексология со своими особыми задачами и методами ^ . Да и разработка вопросов, связанных с отправлениями одной железы в виде условных и безусловных рефлексов (сочетательных и обыкновенных, по нашей терминологии) не может обнять не только другие обширные области знания, как например, сравнительную рефлексологию, но даже и самую физиологию мозга, ибо и для последней имеет значение ничуть не один только слюнный метод условных рефлексов, но еще в большей мере разработанный у нас метод сочетательных двигательных рефлексов ^ .

Что касается социологии, то П. Сорокин, проследивший весь этот спор между <объективистами> и <субъективистами>, остался, как мы упоминали в нерешительной позиции при всей его склонности к объективизму: <Пока слишком еще несовершенны и незначительны данные, добытые <объективизмом>, говорит он, чтобы можно было социологу совершенно игнорировать субъективно-психическую сторону человеческой деятельности. Остается поэтому один путь: свести до минимума пользование психологическими терминами, только в исключительных случаях обращаться к анализу субъективно-психических переживаний для объяснения того или иного

явления и ввести возможную точность в сферу изучения подобных явлений> "".

Посмотрим, как же применяется автором в социологии это половинчатое решение.

Прежде всего он говорит о <сознательных> переживаниях и актах по собственному опыту каждого и признает, что <частным и основным видом их являются акты целеполагательные, акты волевые и акты, совершаемые под влиянием идей> "".

Признавая, согласно с В. Вагнером, три формы разряда психических явлений: рефлекс, инстинкт и разум, автор в отличие от В. Вагнера к

^ Там же.

^ Бехтерев В. М. О зоорефлексологии как научной дисциплине // Вопросы изучения и

воспитания личности. Пг" 1921. № 3. С. 453-472.

^ Бехтерев В. М. Значение исследования двигательной сферы для объективного изучения

нервно-психической сферы человека // Русский врач. СПб., 1909. № 35. С. 1171-1176;

№ 36. С. 1199-1203.

^ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 63.

"" Там же. С. 64.

54

психическим явлениям относит не инстинкт и разум, а только разум, ибо инстинкты и по определению В. Вагнера сближаются по общему характеру с рефлексами, представляясь лишь более сложными по сравнению с ними актами.

Другое разноречие с В. Вагнером у П. Сорокина заключается в непризнании тождества разума и сознания с <целеполагательностью>. Дело идет о том, что имеются акты, хотя и разумные, т. е. сознательные, но не целеполагающие и притом не только привычные, как думает В. Вагнер. Например, ребенок сознательно заявляет со слов отца <лгать нельзя> или <мучить кошку гадко, потому что так сказал папа>, только и всего.

Задаваясь затем вопросом, не следует ли совершенно игнорировать психические переживания, которые как прямо нам недоступные не могут вообще познаваться, причем всякая попытка их познания по внешним их проявлениям (слова, движения, мимика, жесты и т. п.) неизбежно ведет к ошибкам, автор решает его в отрицательном смысле. По мнению автора, если бы дело стояло иначе, то люди не могли бы понимать друг друга и не могли бы знать, что делается в душе каждого. <Между тем мы на каждом шагу ставим диагнозы вроде таких: "А" не в духе", "У что-то загрустил", ".L гневается", "Л в восторге", "Д замышляет подлость" и т. д. И наши диагнозы оправдываются. На каждом шагу мы говорим с людьми о своих переживаниях и в большинстве случаев понимаем друг друга> ^.

Вопрос однако не в том, понимаем мы или нет, а в том, как и в какой мере мы их понимаем. На основании слов и мимики другого человека мы ничуть не воспроизводим его переживания, а воспроизводим свои ана-

логичные переживания, если они были в нашем опыте. Само собой разумеется, что, если человек чего-либо подобного не имел в своем внутреннем опыте, то он не может и воспроизвести его на основании слов другого. Глухой от рождения не может воспроизвести в своем воображении звуков, сколько бы ему о них ни говорили и в каких бы красках их ни описывали. Ребенок, не испытавший вкуса бананов, также воспроизвести его не в состоянии, сколько бы ему о нем ни говорили. Но бывшее в личном опыте воспроизводится при соответствующем описании другого человека, однако, воспроизводится не так, как переживает данное состояние другой, а как сам слушающий переживал его когда-то. Таким образом, можно и распознавать переживание другого человека, но именно в той мере, в какой воспроизводимые нами аналогичные состояния при данных внешних проявлениях совпадают с переживаниями другого лица. Когда мы говорим <^ не в духе>, <Учто-то загрустил>, <L гневается>, оА в восторге> и т. п" то мы воспроизводим по соответствующим внешним признакам свое нерасположение, свою грусть, свой гнев, свой восторг и поскольку в общих чертах эти состояния сходны у меня и у другого индивида, я в состоянии распознать их в другом, ничуть не более. Но уже такие более частые диагнозы, как <В обдумывает именно проблему сознания>, <С хочет именно сладкого>, <Д замышляет непременно подлость>, а не что-либо другое, быть может, и возможны, но лишь по догадке, если эти состояния не выражены, т. е. не обозначены словами, а слова дадут нам возможность воспроизвести опять-таки свое, а не чужое обдумывание проблемы сознания, свое желание сладкого, свою подлость и т. п. О симуляции и говорить нечего. Я могу обдумывать подлость и не показать виду, что я злоумышляю что-либо против другого, а если это так, то правильно ли пользоваться в научном деле методами субъективной психологии (методы самонаблюдения и методы аналогии, соединенные методы внешнего и внутреннего наблюдения (по Петражицкому), методы вчувствования, интуиции и инстинктивного понимания выразительных движений)

^ Там же. С. 68.

55

в качестве методов, дополняющих и вспомогательных к методам объективного изучения внешних актов. Полагаю, нет, неправильно. И неправильно именно потому, что изучение психических переживаний ничего не прибавляет к пониманию и уяснению внешних актов ^*, вопреки взгляду П. Сорокина.

Свое отношение в этом случае уважаемый автор иллюстрирует между прочим следующим примером: <почтальон приносит индивиду А две телеграммы. А раскрывает первую и читает: "Выезжаю сегодня. Встречай. В". А улыбается, вскакивает, зовет прислугу и приказывает Б к пяти часам приготовить экипаж. Затем раскрывает вторую и читает: "Ваша жена попала под поезд. Приезжайте. Начальник станции Х". А умирает от "разрыва сердца". Здесь перед вами два примера взаимодействия. Сходные раздражители (телеграммы). Один и тот же воздействуемый индивид А. И совершенно различные эффекты: в первом случае оживленная реакция на раздражение, во втором-смерть... Спрашивается, могут ли быть вполне понятными для нас эти два явления, если мы будем стоять на строго объективной точке зрения? Достаточно ли ясными и объясненными будут эти факты, если мы заранее исключили из нашего поля зрения всякое привлечение субъективных переживаний в поле любви, привязанности, ужаса и тяжести потери, тяжелого горя, чувства одиночества и т. д.? Ответ, думается, ясен сам собой> ^ . Однако нельзя забывать, что слова телеграммы важны не сами по себе как зрительные знаки или звуки. Они состоят из символов, которые при небольшом различии относятся к совершенно противоположным

фактам. А это уже одно объясняет нам противоположный эффект в одном и в другом случаях. Нельзя затем забывать, что эффект зависит, как я постоянно указываю в своих <Основаниях рефлексологии>, не от самого только раздражения как повода к действию, а еще и от ряда предшествующих или прошлых воздействий, стоящих в связи с данным раздражителем и реакцией на него[^]. А, приняв это во внимание приходится последний эффект оценивать не только как результат символических этапов телеграммы, говорящей о несчастий с женой, но еще и о прекращении вследствие ее смерти всей цепи условий совместной жизни, создавшей определенный жизненный уклад, с которым человек сжился, о потере навсегда близкого человека, с которым делил свои благоприятные и неблагоприятные жизненные условия, которому он так много обязан в своей жизни, к которому привязан и т. д. и т.п. При этом надо принять во внимание, что человек, умерший при телеграфном известии о несчастий с женой от разрыва сердца, страдал, очевидно, тем или иным пороком сердца или во всяком случае болезненным его состоянием.

Таким образом с точки зрения объективного анализа эффект смерти от разрыва сердца при телеграфном известии о смерти жены становится совершенно ясным и понятным. Спрашивается, что к этому прибавит субъективный анализ. Он будет нам говорить о таких воображаемых состояниях, как воспроизведение и переживание в момент получения телеграммы чувства любви, ужаса и тяжести потери, тяжелого горя, сознаваемого чувства одиночества и т. п. Между тем все это <субъективное>, которое мы хотели бы навязать человеку, погибшему при чтении второй телеграммы от разрыва сердца, может оказаться чистейшим вздором. Ибо человек, страдавший сердцем, в сущности мог умереть, ничего даже и не воспроизводя в своем сознании, а просто от шока, вызванного телеграммой с содержанием, указывающим на несчастье с его женой. Точно так же и в другом примере, когда <один и тот же акт поднятия руки с протянутым указательным пальцем может означать и указание дороги, и приказ <идти туда>, и повелительное <выйди вон>; для его понимания вовсе не требуется учета недоступных для

[^] Там же. С. 71.

56

нас психических переживаний указывающего лица, а лишь выяснения его тона, сопутствующей мимики и установившихся на основании предшествующих (прошлых) фактов отношений указывающего лица к другому. Далее, известно, что в случае произнесения слов <ну, и свинья же ты>, они обычно имеют ругательное значение, тогда как в других случаях они обозначают своеобразную форму ласкового обращения; равным образом выражение <черт побери> может обозначать досаду, злость или восторг, но в обоих этих примерах нам надо учитывать вовсе не субъективные недоступные для нас переживания человека, произносящего данное слово, как полагает П. Сорокин, а лишь тон, обстановку, характер и привычные способы обращения этого человека, а равно и отношение его как в прошлом, так и в настоящем к данному лицу или событию.

Субъективисты, как известно, цель понимают лишь с субъективной точки зрения, признавая, что цель может быть только сознательно поставлена тем или другим субъектом[°], но биолог под целью понимает нечто объективное, иногда преднамеченное даже природой, например, цель, осуществляемую инстинктами как автоматическими актами. В актах личного характера под целью мы понимаем место устремлений человеческой личности или человеческого коллектива, проявляющегося в его поступках и действиях на основании прошлого индивидуального опыта или опыта других как восп-

произведение этих действий в форме определенно связанных сочетательных рефлексов. Таким образом, и в этом случае нет основания обращаться к субъективному методу, пользование которым дает почву для суждений, часто ничего не имеющих общего с научным мышлением.

Вот почему нет никакого основания дополнять изучение взаимодействия между людьми с помощью объективного метода, учитывающего внешние формы поведения людей в зависимости от разного рода внешних воздействий, еще выяснением субъективных –или психических переживаний, для точного распознавания которых у нас не имеется средств и которые ничего вообще к объективным фактам прибавить не могут.

Итак, метод коллективной рефлексологии, как и социологии, должен быть исключительно объективный. Коллективная рефлексология, изучая особенности соотносительной деятельности собраний или группы лиц, не может становиться на точку зрения того воображаемого собирательного <я> или сознания толпы, которое стало бы повествовать о всем пережитом толпой или собранием, так как это явилось бы простым отражением субъективной точки зрения индивидуального <я>, но рассказы отдельных личностей, бывших в толпе или собрании, могут быть использованы коллективной рефлексологией, поскольку они носят характер объективности, трактуют о внешних обстоятельствах и поскольку они характеризуют самое развитие общественного дела. Во всяком случае и эти рассказы должны быть предметом строго объективного, а не субъективного анализа ".*.

В какой мере эта истина еще не усвоена в соответствующей научной литературе, показывает пример Тарда, который все общественные явления, насколько они имеют в своей основе <психическую> деятельность человека, сводит к двум основным силам – желанию и вере или уверенности. Желание определяет стремление, а вера–достижимость желаемого. Путем сведения общественных явлений на эти простые силы, по Тарду, решается вопрос об измеримости социальных фактов.

С другой стороны, Тард, признавая изобретение и подражание основным элементарным общественным процессом, спрашивает себя, что такое изобретается и чему такому подражают? <То, что изобретается, то, чему под-

"° См. по этому поводу замечание в книге П. А. Сорокина <Система социологии> (Т. 1. С. 3), с которым в этом пункте согласиться невозможно.

57

ражают, представляет собою не что иное, как идею или желание, суждение или намерение, в которых проявляются в известной мере верование и хотение, составляющие ... истинную душу всякого слова в языке, всякой молитвы в религии, всякого мероприятия в государстве, всякой работы в промышленности, всякого действия в искусстве. Верование и хотение – вот стало быть сущность (субстанция) и сила; вот те две психологические величины, которые анализ находит в основании всех с ними скомбинированных чувственных явлений; а когда изобретательность и за нею подражательность овладеют ими, воспользуются и организуются, то они же явятся и двумя основными величинами общественными>^.

Собственно, коллективная рефлексология в отношении своего метода должна идти по стопам рефлексологии отдельной личности. Поэтому она должна наблюдать и регистрировать внешнюю сторону поведения массы

лиц, устанавливая соотношение ее с теми предшествующими внешними влияниями, которые послужили причиной массовой деятельности лиц в каждом данном случае. При этом, конечно, должен быть принимаем во внимание как характер, так и состав собрания, так как само собрание представляет собою как бы общественную индивидуальность и подобно тому, как индивидуальность в рефлексологии отдельных лиц имеет значение в отношении проявлений их соотносительной деятельности, так и характер и состав собрания оказывают огромное влияние на характер и направление его деятельности.

Таким образом коллективная рефлексология должна не только выяснять настроение, или <эмоциональную> сторону, точнее, мимико-соматическую реакцию того или другого собрания и его известную чуткость или впечатлительность, но и его творческую деятельность, а также его решения и коллективные действия, но все эти проявления массы лиц она должна рассматривать в связи, с одной стороны, с характером собрания лиц и его прошлым, с другой стороны – с теми или иными внешними влияниями, которые послужили основной причиной и условиями деятельности данного собрания в том или ином случае,

Только этот метод и может правильно осветить нам особенности проявлений соотносительной деятельности массы лиц, спаянных между собою теми или иными общественными условиями.

Одним из важных методов изучения коллективной рефлексологии несомненно следует признать статистический метод, дающий возможность учитывать действия человеческих масс, но нужно уметь им пользоваться. Нужно ставить для статистики те самые задачи, которые отвечают определенной цели, и собирать материал там, где он может дать соответственные результаты. Так, если желательно определить общественный темперамент к настрояние, собирайте данные о посещаемости театров, ресторанов, игорных домов, церквей и о количестве самоубийств; если хотите для себя выяснить направление общественного кругозора, берите статистику общественных библиотек и выясняйте, какие книги больше всего в спросе, собирайте данные о распространении различных периодических изданий и журналов, возьмите сведения у издателей насчет хода их дела по рубрикам изданий и т. п. Если хотите знать направление общественной деятельности, собирайте сведения о количестве молодежи, поступающей в высшие учебные заведения, о количестве членов различных профессиональных союзов, о распространении тех или других предприятий. Если хотите знать направление политических взглядов в данном обществе, считайте количество членов различных политических партий, количество участников различных политических и общественных собраний и митингов, количество голосов, поданных при

"^ Тард Ж. Законы подражания: Пер. с фр. СПб., 1892. С. 149–150.

58

выборах за членов тех или других партий и т. п. Если хотите знать о поведении общества с точки зрения его нравственности, собирайте сведения о количестве и характере совершенных за известный период времени преступлений и т. п. Если, наконец, хотите знать о потребностях и вкусах общества, собирайте сведения по различным фирмам, магазинам и лавкам о количестве и характере проданных за известное время товаров.

Отсюда ясно, что статистика только тогда будет полезна для коллективной рефлексологии, когда она отвечает на ее задания. Но при этом мало иметь данные, нужно еще выяснить причину происходящих перемен в общественной

жизни, а это достигается путем сопоставления с целым рядом других данных, собираемых тем же статистическим методом. Если при этом устранить субъективное толкование в отношении получаемых результатов, то мы получаем строго объективный статистический материал, который позволяет к тому же установить соотношение человеческих действий с теми или другими внешними поводами. В область статистики вводятся все виды человеческих деяний и происшествий в жизни людей, как-то: рождение, бракосочетание, смерть, естественная или искусственная (самоубийство), преступность, разного рода болезни, потребление алкоголя и наркотиков, почтовые и иные сообщения, развитие сухопутного, железнодорожного, подводного и воздушного передвижения, развитие земледелия, фабричного труда, различного рода промыслов, торговли и промышленности, распространение книг, развитие религиозных и политических учений, развитие сберегающих организаций в виде страхования и т. п. Статистика определяет число однородных деяний, производимых в том или ином коллективе, и этим самым делает учет, как та или другая деятельность или состояние коллектива развивается, какие она терпит отклонения или останавливается в своем развитии, или клонится к упадку. В то же время статистика учитывает и биологические (пол, возраст), индивидуальные (происхождение и темперамент), антропологические (раса, характер), теллурические и метеорологические влияния (характер местности, климат, время года и т. п.).

Одновременно с тем путем анализа кривых того или иного действия или состояния коллектива статистика дает нам возможность при сопоставлении с другими явлениями и состояниями, изображаемыми также в кривых, устанавливать между ними взаимные соотношения, которые могут в то же время подлежать проверке и другими методами. Возьмем пример из медицины. Если мы определим количество поступлений больных, страдающих прогрессивным параличом, в земские больницы, мы будем иметь цифры, выражающие степень заболеваемости этой болезнью по губернии. Сверх этого мы можем взять цифры, выражающие количество потребляемого населением спирта. И вот оказывается, что кривые прогрессивного паралича и кривые, выражающие потребление населением спиртных напитков, являются почти совпадающими. Это дает полное основание признавать, что между потреблением спиртных напитков населением и развитием прогрессивного паралича имеется прямое соотношение как производящей причины к следствию. Тем не менее это не исключает и другие моменты, например, влияние сифилиса на развитие паралича, что доказывается иным путем. Статистический метод имеет еще то ценное качество, что он дает возможность определять не только состояние коллектива в смысле состава его членов, их здоровья, роста, рождаемости, трудоспособности и пр., но и политические и религиозные воззрения его членов, а также их моральные качества, экономическое положение, развитие грамотности и т. п., наконец, различные потребности коллектива, их рост и понижение и, наконец, зависимость их от тех или других условий.

Так путем статистического метода мы выясняем состояние населения в отношении того или другого образования, определенных форм воспитания,

59

потребности в книгах определенного характера, потребности в сбережении себя от стихийных бедствий (пожаров и т. п.) путем страхования, потребности в переписке, в передвижении, в том или другом одеянии и определенных пищевых и иных продуктах потребления, в употреблении возбуждающих средств, наркотиков и т. п., и многое другое в том же роде. Между прочим вся торговая и промышленная статистика дает указания на целый ряд

потребностей, вызываемых бытом, укладом жизни и обиходом жителей страны. Можно определенно сказать, что статистика является одним из важнейших методов коллективной рефлексологии. Не представляя собою самостоятельной науки, она важна тем, что уточняет выводы коллективной рефлексологии.

В какой мере статистика является методом, дающим возможность решения задач коллективной рефлексологии, видно между прочим из того, что, как мы знаем, та или другая потребность человека представляет собою его привычный сочетательный рефлекс, общественная же потребность представляет собою коллективный сочетательный рефлекс. Развитие этого коллективного сочетательного рефлекса, как и индивидуального сочетательного рефлекса подлежит определенной законосообразности, сводящейся к тому, что вначале отмечается медленный рост данной потребности, затем относительно быстрый подъем, достигающий определенного уровня, вслед затем снова начинается замедление роста, переходящее в горизонтальную линию, после чего рост приостанавливается на то или другое время и, наконец, наступает более или менее медленное понижение этой потребности благодаря вытеснению ее другими потребностями.

Надо впрочем заметить, что это развитие потребности может нарушиться теми или иными приходящими условиями и конкурирующими событиями, вследствие которых в кривой всякой данной потребности могут обнаруживаться те или иные колебания или пертурбации.

Так дальнейший ход общественной потребности вслед за ее развитием зависит от многих условий, как например, соперничества и вытеснения ее при посредстве других изобретений, с одной стороны, а с другой – поощряющих ее условий того или иного рода и т. п.

Из сказанного очевидно, что путем статистики нетрудно проследить между прочим и действие тормозящих влияний по отношению к той или иной общественной потребности или общественному движению и смену этого действия противоположными, так сказать, поощряющими влияниями при других социальных условиях.

Одним из условий, тормозящих и в то же время возбуждающих (в зависимости от силы) является в коллективе конкуренция, обязанная инициативе тех или других лиц, выдвигающих новое изобретение или делающих новое открытие. Эти-то явления конкуренции, как мы видели, служат нарушителями правильного течения кривых, изображающих ту или другую потребность коллектива. Чтобы пояснить это примером, возьмем статистику преступности, которая регистрирует потребность отрицательного характера в человеческом обществе жить за счет других и в ущерб другим. Из-за ненормальных условий жизни современного общества эта своеобразная потребность части общества во всем мире находится в периоде возрастания. Но вот в Англии на почве борьбы с детской беспризорностью явилось <изобретение> в виде реформаторий, которое еще не достаточно распространено по другим странам, и в результате кривая преступности в Англии начала падать. Другой пример представляют цифры, отпускаемые русским правительством на образование. Крайне медленно возрастая из года в год, они особенно резко стали подниматься в гору, начиная с 1906 г. сначала более медленно, затем быстрее. Нетрудно догадаться, что это увеличение отпускаемых сумм на образование в России стоит в зависимости от введения законодательных учреждений.

С начала октябрьской революции мы имеем новый огромный скачок в расходах на образование (независимо от курса), объясняемый новым строем. Возьмем расходы Франции на общественные работы. В срок с 1846 по 1849 г. эти цифры сразу возросли, что объясняется введением нового изобретения в форме железнодорожного строительства.

Тард говорит, что <единственно подражание, а отнюдь не изобретение подчиняется закону^ в действительном смысле слова> ". Но спрашивается, может ли быть подражание без изобретения: да и изобретение не есть ли в известной мере подражание, переносимое лишь на другую область? Во всяком случае и изобретения подлежат законности.

Необходимо затем иметь в виду, что статистика устанавливает прежде всего количественные отношения, между тем как в сущности каждое общественное явление имеет не только количественную, но и качественную сторону. Так число посетителей школ может оставаться более или менее одинаковым, но качество образованности может понижаться или повышаться в зависимости от подготовки педагогов. Точно так же число приверженцев правительства может быть более или менее одинаковым по цифрам, тогда как их привязанность к правительственной форме может прогрессивно падать и наоборот.

Такого рода условия никогда не следует забывать при анализе статистических данных. Это, конечно, не обозначает, что эти данные не могут быть учитываемы цифровым образом, но, очевидно, для этой цели должен быть собран материал иного рода, где бы выяснилась именно эта сторона дела.

Необычайно ценны указания статистики на те или иные соотношения между общественными явлениями, ибо с выяснением этих соотношений между тем или другим общественным явлением оказывается возможным и предупреждение этих явлений. Возьмем медицинскую статистику. С помощью ее нетрудно ответить на вопрос, при каких условиях та или другая эпидемическая болезнь развивается и при каких ослабляется и, с другой стороны, в какой степени та или другая мера оказывается полезной: например, в какой мере прививка против бешенства гарантирует общество от этой болезни и т. п. Точно также с помощью статистики мы узнаем, в какой мере брак влияет на уменьшение смертности или в каких размерах увеличивается число самоубийств, преступлений и болезней личности в городских условиях жизни по сравнению с деревенскими, в какой мере забота о беспризорном детстве ограничивает развитие преступлений или как влияет запрет алкогольных напитков на уменьшение преступлений, самоубийств и болезней личности. Эти и многие другие статистические данные не оставляют сомнения в том, что статистика дает возможность не только уяснить соотношения, но и указывает, как возможно изменять эти соотношения на пользу человечества.

В конце концов статистика является в сущности массовым наблюдением, дающим материал для коллективной рефлексологии. Последняя, однако, нуждается в эксперименте для уточнения и проверки наблюдения. Простейшая форма коллективного эксперимента может осуществляться и при посредстве так называемых анкет или опросников^*, рассылаемых в большом количестве экземпляров. Недостаток этих анкет заключается в том, что количество получаемых ответов много меньше, нежели рассылаемых анкет и тем не менее с помощью анкет можно иметь достаточно материала для соответствующих выводов: притом же постановка вопросов в ней зависит исключительно от организатора анкеты, что дает возможность анкете придать проверочный характер. Конечно, успешность анкеты много зависит еще и

от характера вопроса, от их постановки и даже от собирателей данных по анкете, что ни в коем случае не следует упускать из виду.

Другой способ коллективного эксперимента – это метод прямого эксперимента над целым коллективом, что может быть осуществляемо более удачно в школах и в аудиториях. Этот метод, однако, имеет недостаток в том отношении, что таким образом можно производить эксперимент только над сравнительно ограниченными коллективами, причем отдельные члены его находятся в неодинаковых пространственных условиях, а это приводит к неодинаковому на них воздействию со стороны экспериментатора. Кроме того и то обстоятельство, что, если испытуемые знают, что над ними производится эксперимент, то это создает некоторую искусственность обстановки, отражающуюся на участниках коллектива. Этим условиям избегает естественный эксперимент, разработанный трудами нашей школы. Сущность этого метода, применявшегося (д-р Лазурский и др.) в школах и ранее мною на младенцах (см. работу д-ра Бражас в <Вести. Псих.>), сводится к тому, что воспитанникам дается урок, который они выполняют, как всякий другой урок, не зная, что они служат предметом эксперимента, а между тем урок дается с таким расчетом, чтобы он мог выявить в результате индивидуальные особенности соотносительной деятельности лиц, входящих в школьный коллектив. С таким же успехом можно применять соответствующим образом подобранные игры для детей дошкольного возраста и занятия для взрослых.

В обоих случаях, однако, оценка результатов с точки зрения их значения по отношению к коллективу может быть осуществляема лишь при сравнении их с результатом такого же эксперимента, производимого над отдельными лицами того же самого коллектива. Наконец, могут быть организованы игры и занятия таким образом, чтобы коллектив в них участвовал как целое собрание лиц.

До сих пор эксперимент в целях коллективной рефлексологии в сущности почти не был осуществлен, а между тем и в этом случае эксперимент должен сыграть ту же роль, как и в других областях знания. Правда, до сих пор делались опыты и над коллективом, но не с целью изучать роль самого коллектива в определенном процессе и не для выяснения того, как личность изменяется в коллективе, а с побочными целями, например, для выяснения точности свидетельских показаний. Таковы работы Binet, Stern'a, Claparede'a и др.

Разработанный у нас так называемый естественный эксперимент, применяемый в школьных классах, опять-таки приводит к тому, чтобы из массы лиц, т. е. из коллектива, выделить те или другие единицы по их индивидуальным особенностям и таким образом здесь речь идет в сущности об анализе коллектива в отношении его состава.

Но для коллективной рефлексологии наиболее существенным вопросом является как раз вопрос иного рода: как именно проявления личности меняются в коллективе или, точнее, что делается с личностью, когда она становится участником деятельности целого коллектива. В этом отношении уже наблюдение дает много данных и, несомненно, что и эксперимент может дать здесь ценные результаты, как показали наши опыты над дошкольниками

детского сада. Другой задачей эксперимента представляется выяснить, чем вообще реакция коллективной личности на то или иное событие или явление отличается от реакции, свойственной отдельной личности при тех же самых или приблизительно одинаковых условиях. В этом направлении применение коллективного эксперимента является еще предметом будущих исследований [1].

Можно однако найти лишь довольно общие указания относительно данных эксперимента или скорее наблюдения для выяснения роли коллективной

соотносительной деятельности. Так еще Карл Маркс заявил в главе о комбинированной работе, что сумма механических сил отдельных работников отлична от механической силы, развивающейся в то время, когда множество рук участвуют сообща и одновременно в одной и той же операции. То действие, которое развивается при этом комбинированном труде, либо вовсе бы не могло быть достигнуто одиночными усилиями отдельных работников, либо могло бы быть исполнено ими в гораздо более продолжительный период времени или только в самом ничтожно малом размере. Здесь речь идет не только об увеличении посредством кооперации индивидуальной производительной силы, но о создании особенной производительной силы массы [2]. С другой стороны, мы имеем заслуживающее внимания динамометрическое наблюдение Ферри. Этот автор прежде всего убедился относительно ощущений, что возбуждение, дошедшее или не дошедшее до сознания, всегда отражается приращением динамического эквивалента, иначе говоря, повышением мышечной силы при измерении ее динамометром. Производя свои опыты на отдельных индивидах и в толпе, автор убедился, что уже простое пребывание в толпе сильно поднимает динамические силы. То же можно наблюдать и на ходьбе.

Ясно, что в толпе имеются условия для возбуждения не одного настроения, но и развития энергии в такой мере, что это сказывается на усилении двигательных импульсов.

Других указаний в литературе о применении эксперимента к коллективу с вышеуказанными целями я не нашел и таким образом ясно, что экспериментальную коллективную рефлексологию необходимо еще создавать [3].

Спрашивается, где и как вести коллективный эксперимент? В области коллективной рефлексологии нельзя рекомендовать пользоваться обычной лабораторной обстановкой. Нецелесообразно приглашать в лабораторию большое количество лиц, чтобы над нами производить эксперимент как над коллективом, ибо это будет все же несколько лиц, а не коллектив или сообщество, объединенное теми или иными целями и общими условиями. Лучшим местом для экспериментов по коллективной рефлексологии пока нужно признавать школу, где мы имеем сообщество сверстников за работой [4].

Другим подходящим местом обследования коллективной личности могут служить детские площадки, где в сущности мы имеем настоящую толпу, состоящую, правда, из детей, но все же толпу в истинном смысле слова, над которой может быть проделан настоящий коллективный эксперимент. При этом результаты этого эксперимента могут быть сравниваемы с результатами исследований, произведенных при других условиях над теми же или такими же детьми в одиночку. Подходящим местом исследования могут служить также гимнастические и спортивные общества специально для выяснения всех вопросов, связанных с коллективными физическими упражнениями, мышечным трудом и т.д. [5].

Кроме того здесь легко выяснить, как поднимается энергия личности в связи с заинтересованностью входящих в коллектив индивидов, например, при играх или при упражнениях на призы. Для специальных исследований могут быть использованы хоровые и оркестровые общества " ' .

Нечего говорить, что можно иметь в виду и многие другие условия экспериментального изучения коллективной личности, как, например, лекционные и иные собрания, некоторые из заводских и фабричных предприятий ^ ' и т.п.

Из указанного выше ясно, что эксперимент в коллективной рефлексологии должен исходить из сравнения с данными эксперимента над отдельной

СМ.: Marx K. Das Kapital: Kritik der politischen Oekonomie. Hamburg, ' 1867. Bd. 1. Kap. II.

63

личностью, иного пути нет, ибо какая же может быть мера для учета влияния сообщества на деятельность входящей в него личности, как не деятельность отдельной личности в ее обычной индивидуальной работе. Только исходя из этой индивидуальной деятельности каждой личности можно определить, как эта деятельность изменяется, коль скоро личность будет находиться во время этой деятельности в сообществе с себе подобными, образуя тот или другой коллектив.

В числе вопросов коллективной рефлексологии, подлежащей экспериментальному разрешению, должен быть поставлен вопрос, как силы отдельных лиц складываются при общей работе в одном и том же направлении и в случае одновременности их применения в производстве. Будет ли результат работы соответствовать сумме затрачиваемой силы каждым из соучаствующих в работе лиц или же будет меньше общей суммы или, наоборот, будет больше этой суммы. Все эти вопросы подлежат соответствующему выяснению в деталях. Для этой цели может быть устроен прибор, основанный на принципе тяги с динамометром, лежащем на пути тяги. При этом приложение силы каждого поодиночке или многих лиц за раз должно быть обставлено таким образом, чтобы тяга многими людьми производилась безусловно в одном направлении в ту или иную сторону. При соответственном видоизменении для этой цели может быть использован принцип, на котором основан прибор А. Моссо.

Не менее важны вопросы торможения коллективной работы и притом как внутреннего торможения в виде утомления или усталости, так и внешнего торможения, зависящего от внешних тормозящих условий, приводящих к подавлению мышечных усилий. И эти вопросы могут быть разрешены экспериментально в коллективном труде, осуществляемом на соответственных аппаратах при тех или других условиях. Эти опыты, как легко понять, должны иметь огромное значение для разрешения вопросов, связанных с научной организацией труда.

Какую роль в этом отношении играет сама коллективная работа в смысле торможения или оживления энергии трудящихся, покажут все вообще опыты при сравнении коллективной работы с одиночной. Но особые опыты могут быть поставлены для выяснения внешних условий торможения и растормаживания, которые должны выявить роль тех или других внешних воздействий в работе коллектива. Можно ожидать здесь неодинакового влияния тех или иных внешних воздействий на работу коллектива

в зависимости от самого характера воздействия и от характера работы. Например, одна музыка содействует физической работе, другая противодействует ей. Но та же музыка, которая содействует физической работе, являясь как бы ободряющим стимулом, может оказывать неблагоприятное влияние на умственную коллективную деятельность, вызывая отвлечение сосредоточения.

Другим важным вопросом в коллективной рефлексологии, который может быть разрешаем экспериментально, является вопрос о влиянии индукции и внушения. Для этой цели можно пользоваться, например, предъявлением все более и более удлиняющихся линий с прекращением такого удлинения на предельном пункте, причем испытуемые целой группой должны отмечать в своих тетрадях знаками, сколько раз был сделан опыт с предъявлением удлиняющихся линий и на которой по передку линии произошла остановка в удлинении линий. Другой способ может состоять в словесном внушении о предъявлении постепенно удлиняющихся линий, которые будут показываться одинаковыми. Число записей, отмечающих удлинение линий знаком +, покажет действие реализуемого внушения. В обоих случаях должна быть произведена работа в виде сравнения тех же внушений в одиночку с каждым лицом порознь. Чтобы проследить роль взаимовнушения в толпе, тот же

64

опыт может быть проделан так, что вся группа только смотрит & тем, что каждый. Заметивший остановку удлинения линий в первом случае и прекращение удлинения линий во втором случае, будет заявлять устно, а экспериментатор будет сам отмечать число лиц, установивших тот же самый факт.

Подобные опыты могут быть сделаны с определением цветных оттенков. Далее может быть произведен опыт с внушением коллективных иллюзий и галлюцинаций. Один из простых экспериментов этого рода состоит в том, что экспериментатор делает внушение, что в помещении, где находятся испытуемые, чувствуется запах гари или какой-либо другой запах и т. п.

Подобные заявления могут быть сделаны совершенно неожиданно в одном случае во время умственных занятий, например, когда школьники заняты разрешением какой-либо задачи, в другом случае после некоторого отдыха от занятий. В таком случае мы получим разницу в результате, зависящую от большего или меньшего утомления. Очень важно также выяснить роль выжидательного сосредоточения в отношении реализации внушения. Нельзя не придавать также особо важного значения вопросам подражания в толпе. Для этой цели ряд лиц может быть обследован в отношении среднего темпа мышечных движений, например, деланием штрихов на бумаге, после чего эти лица могут быть усажены так, чтобы движения рук всех лиц находились в поле зрения каждого из участников опыта.

Если тот же опыт проделать после предварительного индивидуального обследования в одном случае вдвоем, а в другом случае с несколькими лицами, то мы будем иметь возможность выяснить, какую роль играет в подражании большее или меньшее их число.

Далее такого же рода опыты могут быть поставлены с отвлечением сосредоточения на каком-либо стороннем раздражении и без такого сосредоточения. Этим путем может быть выявлена роль последнего в подобных случаях. Затем в этих опытах может быть применен сторонний раздражитель с определенным темпом, например, звуковой или световой, дабы выяснить,

как этот темп отражается на индивидуальных кривых каждого лица, работающего порознь или сообща.

Та или другая сила стороннего раздражения и разница в его темпе могут дать указание и на то, как действует интенсивность и темп стороннего раздражения в отношении подражания.

В дальнейшем мне представляется чрезвычайно существенным для целей коллективной рефлексологии выяснить значение соревнования, играющего столь важную роль во всяком вообще коллективе. Вряд ли можно сомневаться, что соревнование должно поднимать интенсивность работы в той или другой степени ^', но спрашивается как оно должно отражаться на качестве той или иной работы .

Для вышеуказанной цели должна быть создана та или иная заинтересованность в выполнении работы, которая может заключаться в отметке о первенстве, в выигрыше какого-либо приза и т. д. и т.д. Предмет же работы может быть взят самый разнообразный. Например, опыт делается с выбором путем сосчитывания определенной буквы в тексте, выставленном перед коллективом, или со счетом цифр или с воспроизведением слов, восполнением пропусков и тексте, выполнением задачи, показанием силы на динамометре, осуществлением какой-либо игры и т. п.

Само собой разумеется, что и эти опыты должны быть проделаны как в коллективе, так и в одиночку и притом с тем же самым заданием.

В дальнейшем чрезвычайный интерес должны представить работы с творчеством путем обмена мнениями в коллективе при выявлении того или иного задания. Для этой цели должно быть даваемо задание такого рода, которое может быть подвергнуто коллективному выполнению и по поводу

5 В. М. Бехтерев
65

которого должно быть дано соответствующее решение. Эта работа коллектива с возможно полной записью отдельных мнений и указаний опять-таки должна быть сопоставлена с индивидуальной работой такого рода, для того чтобы могли быть выявлены особенности работы коллектива по сравнению с индивидуальной работой.

В последнем случае эксперимент должен показать, как работает вообще коллективный ум по сравнению с индивидуальным умом и с количественной, и с качественной стороны. Из ежедневного опыта в заседаниях мы знаем, что жизнь требует коллегиальных решений, но целый ряд авторов, как известно, утверждает, что творчество толпы или коллектива всегда ниже творчества отдельных индивидов и что даже способные люди в толпе не могут проявить себя должным образом. Это и должно быть проверено на опыте ^'.

Возможны, конечно, и другие способы осуществления коллективной деятельности в экспериментальной постановке и все они должны дать ценный материал для более точного выяснения вопросов, входящих в область ведения коллективной рефлексологии.

Кроме того, могут быть использованы те или другие методы специально для характерологии общественных групп. Здесь необходимо иметь в виду главным образом выяснение отношений той или другой группы к опреде-

ленным явлениям и фактам, имеющим то или иное жизненное или общественное значение ^', а также выяснение профессиональных навыков и т. п.

IV. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Развитие личности как социальной особи коренится прежде всего в тех особых условиях, которые складываются вокруг нее при ее рождении, вследствие неодинаковости с другими наследственности и обусловленного этим различия в темпераменте и в развитии и характере наклонностей, а это обуславливает различные способности в приобретении навыков, что в свою очередь в связи с внешними условиями, окружающими личность, приводит к различному ее положению в обществе. Самая обстановка со дня рождения представляется неодинаковой для различных личностей, откуда возникает большое разнообразие во внутреннем богатстве каждой личности, состоящем в приобретении навыков, или так называемых сочетательных рефлексов, и обеспечивающем различные условия ее существования.

Неопозитивисты, как мы уже говорили, признают, что не общество есть продукт личности, а наоборот, личность есть продукт общества. В этом отношении особенно много содействовал укреплению этого взгляда Э. Дюркгейм, по которому личность без общества не доросла бы до категорий и общих понятий, а следовательно, не могла бы достичь состояния рассуждающей личности "°'. Драгическо же, другой представитель той же школы, уже всю индивидуальную психику сводит к социальной жизни. Даже развитие сознания он не представляет без общественности. Признавая фактически условиями появления сознания два процесса - интеграцию и дифференциацию или суммирование и относительность и задаваясь вопросом, каков источник этих двух законов, он находит, что физическая среда как среда неизменяемая в течение истории не могла быть источником изменчивых контрастов, новизны и сложности, а следовательно, она не могла быть и источником появления сознания, ибо относительное однообразие космической среды не могло быть тем воз-

"^ См.: Durkheim E. Representation individuelle et representation collective // Revue metaphisique. P., 1898; Idem. Les fonnes elementaires de la vie religieuse ie systeme totemique en Australia. P., 1912.

66

будительным условием или стимулом, которое вызвало появление сознания. Наоборот, социальная среда с ее расширением социальных групп приводит к специализации и разделению труда. <Простой факт слияния множества мелких социальных кругов и групп в одно общество до бесконечности усложняет внутреннюю общественную жизнь, в ней пускаются в оборот разнообразные способы работы, поведения, мышления и верования и все они накапливаются, усложняются и испытывают непрерывные колебания и перемены, представляющие полный контраст с неподвижностью и относительным однообразием космической среды> ". Таким образом, <развитие общественной среды необходимо обуславливает и вызывает дифференциацию личностей, подвижность и неустойчивость междуличных отношений, оригинальный характер деятельности и т.д., а главное- возникает живая борьба, неукротимая конкуренция между членами группы - все это, в свою очередь, пробуждает и укрепляет сознание> ". В другом месте той же работы автор формулирует свою мысль следующим образом: <Сознание обнаруживается там, где жизненные явления,

подчиненные также влиянию физико-химической среды, подвергаются воздействию социальных условий> ^ . <Сознание, – говорит в заключении автор, – есть явление общественное и в основу его можно поставить доказанную опытным путем реальность общества. Его можно представить себе как общественное явление, воплотившееся в организме и нашедшее себе соответственное выражение на психологическом языке> "^. Это крайнее воззрение, однако, встретило в литературе возражение, которое в особенности развил в своей книге Г. Палант . Выдвигая роль физиологии, наследственности и расы, он указывает на животных с социальной организацией, которые не обнаруживают превосходства ума по сравнению с животными, живущими уединенной жизнью. Пчелы и муравьи, например, развили коллективный инстинкт, но не имеют индивидуального ума, не проявляют никакого новшества, никакой инициативы. Общественная дифференциация есть плод изобретений, изобретения же <прежде всего факт биологический и психологический, а затем уже общественный>. Не наблюдается и параллелизма между общественной эволюцией и степенью совершенствования умов. Роль наследственности не регрессирует, как полагает Драгическо, если расы благодаря смешению теперь утрачивают свое значение в отношении развития ума, то все же желтая, черная и белая расы не исключают и умственного различия.

Все вышеизложенное приводит автора к выводу, что, если роль общества в развитии личности огромна, то все же индивидуальный факт, содержащийся в биологической природе личности, не может быть окончательно стерт влиянием общества и таким образом личность представляет и будет всегда представлять биосоциальное явление. Таким образом автор снова приходит к выводу, установленному благодаря исследованиям и проникновенному анализу нашего соотечественника проф. Психо-Неврологического Института в Петрограде Е. В. Де-Роберти, которому мы обязаны созданием биосоциальной теории, принятой в настоящее время большинством видных социологов. Согласно этой теории, человеческий ум или разум является результатом сочетания органических свойств материи, составляющих предмет изучения биологии, со сверхорганическими свойствами, изучаемым социологией.

Драгическо Д. Отношения между психологией и социологией // Новые идеи в социологии.

Кн. 2. С. 110–II 1.

" Там же. С. III.

* Там же. С. 114.

^ Там же.

^ См.: Palante G. Les antionmies entre l'individu et la societe. P., 1914.

5*

67

Таким образом можно считать установленным, что личность есть явление биосоциальное. При этом биологическим элементом в ней являются темперамент, инстинкт, наклонности^' и способности^'.

Нельзя при этом забывать, что подготовка личности к социальной деятельности и приспособление ее к социальной среде начинается уже в самом раннем возрасте вместе с развитием и регуляцией ее действий. Этими регуляторами являются, с одной стороны, противодействия, запрещения, осуждения, ограничивающие свободу движений и действующие в виде тормозящих условий, с другой стороны, похвала, поощрения и награды, побуждающие к деятельности и оживляющие последнюю. Путем непосредственного наблюдения можно доказать, что и то, и другое начинает воздействовать на ребенка уже с первых дней его жизни соответственным обращением с ним

родной матери или няни. Со временем ребенок знакомится путем опыта с общими социальными установлениями " в окружающей среде и усваивает тем же путем, а равно и путем подражания, что позволено и что не позволено, что допустимо и что недопустимо. Наконец, знакомство с законами, определяющими известные репрессии за нарушение минимума требований относительно поведения индивида в определенной среде, окончательно завершают регуляцию его действий.

Те или другие ограничительные мероприятия, устанавливаемые законом, являются, с одной стороны, оборонительным актом со стороны коллектива, с другой — тормозом для стремлений отдельных личностей, выходящих за пределы социальных установлений. В свою очередь поощрительные меры являются побудителями работы отдельных лиц на общую пользу. Мало помалу этим путем поведение отдельных лиц направляется в сторону соответствия интересам коллектива и из человека постепенно вырабатывается социальная личность. В этом случае ребенок как бы повторяет историю создания общественности", ибо и развитие общественности шло не иначе, как путем постепенного подчинения интересов отдельного лица общим интересам коллектива ^'.

На высшей ступени развития человеческого общества со сложной организацией поведение регулируется уже не мерами действительной или возможной репрессии, но просто оценкой близких, особенно же оценкой со стороны общественного мнения, причем слова осуждения, даже только допускаемые, уже достаточны для торможения действий, слова же поощрения действуют как импульс, побуждающий к деятельности. Очевидно, речь идет здесь о такой ступени развития личности, на которой социальные навыки представляются уже готовыми и только нуждаются в тех или других отдельных случаях в направляющем влиянии одобрения или осуждения со стороны близких или со стороны общественного мнения, или со стороны созданного личностью принципа.

Для развитой социальной личности даже не требуется похвалы или осуждения со стороны близких или общества. Она действует по сложившимся навыкам, ибо приобретенные с воспитанием и жизнью сочетательные рефлексы становятся привычками, уже сами по себе определяют поведение человека в различных случаях. Доброволец, записавшийся в ряды армии и рискующий своей жизнью, ничуть не руководится одобрением или неодобрением. Он неизбежно действует так, что его жизненные условия складываются таким образом, что поступить иначе при данных обстоятельствах он не может. Если кто идет на политическую арену, подвергаясь также известному риску, он опять — таки идет по пути, который подготовлен всей его прошедшей жизнью в определенной социальной среде. Так или иначе социальная кооперация приводит к соглашению со своими установлениями действий отдельных лиц во всех случаях, где дело идет о достижении коллективных целей, а это втягивает отдельную личность в общественную или коллективную

жизнь в такой мере, что личность не может поступать иначе, как собразуясь со своими навыками и традициями, которые складываются вокруг интересов коллектива как целого.

Известно, что дети в коллективе представляются гораздо более жестокими, нежели взрослые люди, и это потому что они еще не отражают в себе социальности в такой мере, чтобы сдерживать свои индивидуальные стремления и соотносить свои поступки с общими интересами. Благодаря этому и в коллективных действиях дети не проявляют достаточной сдержанности и всегда склонны к более тяжкому осуждению отдельного индивида

из своей среды, нежели взрослые люди. Возможно, что и женские коллективы в этом отношении окажутся чем-то средним между детскими и мужскими до тех пор по крайней мере, пока женщина еще не вполне вошла в общественную жизнь наравне с мужчинами " "

Надо к этому прибавить, что различные личности находятся в различных условиях в смысле общения их с окружающими лицами, а равно и в неодинаковых условиях воспитания, что также не лишено громадного значения в отношении будущего развития каждой данной личности. Поэтому индивидуальный облик личности определяется в значительной мере обществом, его инстинктами, обычаями и другими общественными установлениями. Иначе говоря, личность есть в значительной мере продукт самого общества, представляющего собою миллионы подобных в ряде сменяющихся друг друга поколений. Благодаря совокупности всех условий, неодинаковых или различных личностей и происходит характерологическое отличие одной личности как социальной особи от других.

Само собой разумеется, что огромную роль в этом отношении должны играть профессия и занятия, которые, естественно, отражаются на общем развитии соотносительной деятельности каждой личности. В особенности здесь должно быть принято во внимание разделение труда, иногда чрезвычайно мелочное, которое не может не оказывать огромного влияния на развитие отдельных личностей. Точно так же и различные условия материального благосостояния должны известным образом отражаться на складе отдельных личностей.

Таким образом ясно, что окружающие условия оказывают существенное влияние на развитие личности и закрепляют и поддерживают в ней те или иные особенности, благодаря своеобразным особенностям той или другой профессии или различным условиям существования.

Равным образом и условия местности и климата своими внешними влияниями не могут не отражаться известным образом на развитии личности. В связи с этим и состояние физического здоровья, перенесенные болезни и другие органические условия, влияющие на живость и характер движений, должны быть также приняты во внимание при оценке развития личности.

При всем том, хотя каждая личность кажется чем-то обособленным от всех других личностей и характеризуется своим комплексом навыков, ибо она и живет как индивидуальная особа, обнаруживая себя сообразно своему кругозору, образованию, общественному положению и т. п., но на самом деле деятельность личности в значительной мере является не индивидуальной, а социальной ^ . Так, прежде всего язык, которым пользуется личность, составляет принадлежность целого народа, а не индивидуальности. Вместе с тем и поведение личности подчинено законам общественности. Каждая личность является до известной степени рабом обычая и формы, вырабатываемых обществом, и даже предрассудков и суеверий, в нем господствующих. Личность не только пользуется общим для всех языком, но и носит общественный покрыв платя, следует за модой, имеет в той или иной мере

" См.: Бехтерев В. М. Личность и условия ее развития и здоровья. СПб., 1905.

национальные воззрения, придерживается общепринятых правил, живет общей со всеми культурой, имеет общие всем правовые и этические понятия, более или менее общее мировоззрение, общие идеалы и приблизительно

одинаково оценивает те или другие события как прошлые, так и настоящие.

Все это обуславливается тем, что личность благодаря подражанию, научению и убеждению приобретает с воспитанием господствующие навыки и взгляды, становясь шаблонным выразителем своей среды.

Равным образом человек имеет общие всем верования и повторяет суждения об окружающем, о создании вселенной, выработанные не им, а другими и принятые всем обществом. Он живет идеалами, которые общи и другим и, наконец, он обнаруживает стремления, также общие многим.

Словом, вместо того, чтобы проявлять себя особым образом, личность оказывается в большинстве своих действий и поступков, а равно и в своих заявлениях, представителем общества, а не самого себя. Отсюда очевидно, что личность является больше повторителем, нежели индивидуальным создателем, иначе говоря, является, как мы сказали уже, в значительной мере социальным продуктом, а не самобытной особью.

Таким образом личность, входящая в общество, перестает быть сама собой, она становится одной частью самого общества и в этом смысле утрачивает значительную долю своего независимого существования, становясь исполнительницей общественных установлений. Отсюда ясно, что общество есть нечто такое, что властвует над личностью, так как оно является в значительной мере руководителем сложных соотношений, в которых отдельные личности являются только исполнительными органами. Иначе говоря, объединенная соотносительная деятельность общества является как бы равнодействующей ""' деятельности входящих в общество личностей и имеет свои законы развития, основанные на взаимодействии его членов ^'.

Коллектив обезличивает отдельные индивиды, давая преобладание количеству, тогда как личность представляет качественные особенности, выявляя собою творческую энергию отдельного лица^'. Поэтому поведение личности в одиночку и в толпе не может быть одинаковым. <Кажется, однако, и этот пункт самый главный, что существует полная противоположность между поведением отдельной личности и личности в толпе. Отдельная личность занята лишь личными интересами. Личность в толпе руководится общими интересами> ". В толпе всплывают все национальные черты характера, а если толпа состоит из отдельных слоев населения, всплывают все присущие этим слоям особенности. По Тарду, <национальная жизнь всегда будет требовать от индивидуума жертвования самыми дорогими ему привычками, жертвованиями его частными выгодами для интересов общественных> ^'.

Даже личности, принадлежащие к разным народам, хотя и говорят на разных языках, но подчиняются общечеловеческим обычаям в обращении, имеют одинаковые или приблизительно одинаковые этические и эстетические понятия, высказывают одинаковые воззрения общего характера, провозглашают более или менее одинаковые общечеловеческие идеалы и т. п.

Правда, в современном обществе мы встречаемся с различными слоями с классовым разделением, с профессиональными группами, с различными кружками и прочее, как будто бы разделяющими человечество на отдельные части: однако, эти подразделения не так глубоки, чтобы уничтожить общность многих форм внешних проявлений соотносительной деятельности различных личностей.

Нужно, впрочем, заметить, что и эти подразделения, играя роль ненужных обществ, так же точно властвуют над отдельными входящими в них лично-

^ Лебон Г. Психология социализма: Пер. с фр. СПб., 1899. С. 54.

^ Тард Ж. Законы подражания. С. 132.

70

стями, которые в силу этого во всех своих поступках сообразуются с общепринятыми в данном сообществе обычаями, взглядами и установлениями.

Следовательно, и в этом случае личность является существом социальным в настоящем смысле слова, повторяя не свои особые, а общие всем взгляды, выполняя общие всем обычаи, обнаруживая в известных случаях общие всем действия и т. п.

Все действия личности в этом случае как бы вперед predetermined. Человек в обществе безусловно подчинен общественным требованиям. Его платье определено заранее, его обращение с другими подчинено известным усложнениям, его образ действий связан общественной формой.

Словом, человек, находящийся в общественном месте, является как бы автоматом, подчиняющимся общим правилам и выполняющим общепринятые обычаи. Лишь в некоторой степени личность может проявить свою особенность в поступках и в речи и при том главным образом в их содержании и лишь отчасти в форме, где как и характер поступков, и содержание речи, а тем более форма, также в значительной мере predetermined составляются составом собрания.

Под общественным давлением, под всеподавляющим влиянием общественных установлений личность в общественных условиях деятельности почти не имеет возможности свободно проявлять свои жизненные потребности: свободно двигаться, нестесненно сидеть, предаваться, когда нужно, отдыху, свободно дышать и т. п." так как все это строго регулируется общественными обычаями, правилами, приличием, теми или другими установленными заранее формами и т. п. При этом, как только личность пожелает сделать попытку выйти из обычно установленных обществом правил, так тотчас же на нее обрушивается вся сила общественных тисков и снова вводит ее в свои границы или же в случае более резких отступлений сдавливает ее почти до полного уничтожения в социальном смысле, как бы мстя ей за смелое выступление из установленных обществом норм^'.

Говоря о роли общества и власти его над личностью, нельзя забывать об иге общественного мнения, против которого бессильны бороться иногда самые сильные натуры "' . Вот например, как Г. Лебон характеризует в этом отношении древний мир. <Греки, которые, по мнению невежественных краснобаев, наслаждались такой свободой, в действительности были подчинены игу общественного мнения и обычая. Каждый гражданин был окружен сетью безусловно ненарушимых верований: никто не смел и дум'ать об оспаривании общепринятых идей и подчинялся им без протеста. Греческий миф не знал ни религиозной свободы, ни свободы частной жизни, ни какой бы то ни было свободы вообще^.

Нужно при этом иметь в виду, что социальные проявления личности удерживаются и в преемственной передаче из поколения в поколение. В этом случае, конечно, действует закон эволюции, причем общие или социальные проявления того или другого сообщества подвергаются непрерывным изменениям, что случается то быстрее, то медленнее; но несмотря на это

личность каждый раз подчиняется постоянно видоизменяющимся вследствие преемственного развития социальным проявлениям данного сообщества " ' .

Известно, что моды, взгляды и теории меняются иногда с необычайной быстротой, представлялись таким образом далеко не постоянным явлением, и тем не менее личность следует всем этим изменениям, подчиняясь таким образом непрерывно изменяющимся проявлениям общественной жизни.

Из предыдущего ясно, что самая организация общественности основана на повелительном принципе общества над личностью ^ ' . Обычаи и законы

^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 119.

общества категоричны и требуют почти безусловного подчинения. При развитии общества все его установления еще более дифференцируются, стесняя индивидуальные проявления по всем пунктам, ограничивая личные стремления и уничтожая права отдельных лиц. Вместе с тем с развитием общества его установления становятся более сложными и в то же время более императивными в отношении общих нужд коллектива, а потому еще более стесняют личность .

В конце концов ход и развитие общественной жизни проявляется установлением определенного взаимоотношения личности и общества, причем самоопределение личности, регулируемое развитием гражданственности, и обобществление различных ее проявлений представляются крайне подвижными процессами, равнодействующая которых постоянно смещается то в одном, то в другом направлении. Личная свобода и общественная необходимость, индивидуализм и социализм ^ ' вот две стороны общественного процесса, идущего по пути социальной эволюции. При всем том личность и общество не являются противоположностями, ибо наиболее совершенное общество может состоять только из наиболее совершенных личностей. Поэтому в интересах общества не подавлять личность, а, наоборот ее развивать, лишь бы это развитие шло не в ущерб обществу ' . Таким образом обществу надлежит содействовать всестороннему развитию личности, ограждая лишь себя от распада путем укрепления солидарности между его сочленами. В этом и только в этом должна быть подача организованного общества, именуемого государством. Но эта форма соотношения общества и личности есть дело будущего, ибо до настоящего времени общество подавляло личность своими традициями, обычаями, обрядностями, этикетами и другими условностями и установлениями ^ ' .

Если доньше общество и подавляло личность, то это ничуть не значит, что это наиболее правильная форма соотношения личности и общества. Совершенствование и упорядоченная свобода, высшее развитие творческой деятельности и вместе с тем создание общественно развитой личности при равенстве всех вообще прав и при устранении порабощения и эксплуатации одной личности другою, есть задача будущего общества, пока еще неосуществленная на земле. В этом случае задача создания совершенной личности совпадает с осуществлением наиболее совершенного общества. Личность здесь является высшей общественной ценностью и подавление ее ценных индивидуальных сторон социальной средой должно быть признано явлением в полной мере антисоциальным " ' .

Тем не менее нельзя упускать из виду, что личность всегда останется продуктом социальной жизни. В современном обществе первоначально семья, а затем школа или фабрика и вся общественная среда создает личность. Последняя таким образом является прямым продуктом общества, в свою

очередь развившегося на почве данной биологической организации личностей, в него входящих ^'. При этом все то, чем личность стеснена, и что представляют собою общественные шаблоны, является продуктом социальной деятельности самой личности, но в этом случае дело идет о низших сторонах деятельности личности, уподобляющихся привычным действиям, переходящим в автоматизм.

Как активные действия отдельного лица благодаря частому упражнению и привычке становятся автоматичными и шаблонными, т^к и вышеуказанные общественные установления упрочились благодаря обычаю и повторению из рода в род и сделались таким образом общепринятыми и шаблонными.

Касаясь условий общественных отношений, надо сказать, что обычаи и <общественные шаблоны> в сущности ограничивают личность в той ее деятельности, которая является более или менее автоматичной. Они не затрагивают ее индивидуальных проявлений и вместе с тем тех ее сторон,

72

какие делают личность самобытной единицей с принадлежащими только ей одной взглядами и стремлениями, насколько, конечно, эти последние не приводят к нарушению прав других.

Эта индивидуальная сторона личности должна иметь особое значение и в жизни общественной, так как ею главным образом и определяется прогресс общества.

Дело в том, что лишь благодаря своим индивидуальным способностям личность поднимается выше уровня массы и может осуществлять созидательную работу, обеспечивающую поступательный ход умственного развития человечества.

Можно сказать, что самобытное развитие личности есть основа социального прогресса народов, который лучше всего обеспечивается полной свободой личности в ее взглядах и стремлениях, насколько последние не могут нарушать интересы других, и в особенности интересы общества как целого ^"'. .

Несправедливо поэтому придерживаться довольно распространенного взгляда на взаимоотношение личности и общества, по которому личность и общество уподобляются двум чашкам весов, колеблющихся в двух противоположных направлениях, благодаря чему будто бы интересы общества выигрывают при подавлении личности и наоборот.

Необходимо напротив того признать, что хорошая общественная организация, обеспечивая должным образом общественные интересы, предоставляет самобытному развитию личности возможно большую свободу, ибо лишь в развитии самобытных особенностей личности лежит залог прогресса народов.

Доказательством могут служить все великие люди, значение которых в истории неоспоримо. Роль великих людей сводится к синтезу стремлений, проявленных данной расой "''. Но Г. Лебону, <их открытия всегда являются результатом длинного ряда предшествующих открытий. Они строят здания из камней, которые медленно обтесывали их предки> ^.

Несомненно, что великие люди являясь частицами отражений своего народа, в известной мере нарушают равномерный ход эволюционного про-

цесса, не будучи в состоянии изменить или остановить его течение, но и то, чем проявляют себя великие люди, является обусловленным внешними поводами, отсутствие которых устранило бы и самое действие.

<В политике, – по Г. Лебону, – настоящие великие люди те, которые предвидят рождающиеся потребности, события, подготовленные прошлым, и указывают путь, которого следует держаться. Они так же, как и великие изобретатели, синтезируют результаты долгого предшествующего труда.

Нельзя быть вождем народа ^', не воплощая его мечтаний. Моисей олицетворял собою в глазах евреев жажду освобождения, которая таилась годами в их душах рабов, истерзанных египетскими бичами. Будда сумел понять бесконечные бедствия своего времени и выразить в религии потребность любви и жалости, которые в эпохи всеобщего страдания начинали проявляться в мире. Магомет осуществил объединением религий политическое объединение народа, разделенного на тысячи враждебных племен. Артиллерист Наполеон воплотил идеалы великой славы, блеска и революционной пропаганды, составлявших тогда основные черты народа, который он в продолжении пятнадцати лет водил через всю Европу, преследуя самые безумные приключения> ^.

Всякий вождь только тогда вождь, когда он сливается в смысле своих устремлений с войском. Точно так же правитель только тогда правитель, когда он, являясь выразителем народных устремлений, отождествляет себя

" Там же. С. 130.

^ Там же. С. 132.

73

с народом. Letat e'est moi – известная формула одного из видных государей Франции.

С другой стороны, и народ олицетворяет себя в своем правителе. Он гордится его славой и живет его счастьем. Тэн прав, когда говорит про феодальную вотчину как своего рода отечество, которое <смешивается в мысли с сеньором и его семейством; при таком понятии о сеньоре его подданные гордятся им, рассказывают друг другу о его военных подвигах, приветствуют его громкими восклицаниями, когда он проезжает по улице со своею свитой и наслаждаются по сочувствию окружающей его пышностью> "".

Что хорошая общественная организация не враг личности, доказывает также появление в коллективе отдельных личностей, обособляющихся благодаря своим выдающимся индивидуальным качествам, и эти-то индивидуальные качества не только не подавляются коллективом, а наоборот – являются предметом обоготворения, как и самые личности "'.

Обоготворение народных кумиров достигает иногда крайних размеров. Достаточно указать в этом отношении на Робеспьера, являвшегося настоящим богом демократии во Франции времен Великой революции, на Марата, которого в надгробных речах сравнивали с Христом. <Сердце Иисуса и сердце Марата – у вас равные права на наше почитание>, – вот подлинные слова одного из ораторов <Как Иисус, – продолжал другой оратор, – Марат так же страстно любил народ, как Иисус он также ненавидел аристократов, священников, богатых и бесчестных и также, как Иисус, вел воздержанный простой образ жизни> ^.

Наконец, примером обоготворения является великий Бонапарт, которому, как при его жизни, так и после смерти, вся Франция оказывала слепое и благоговейное поклонение. Какое обаяние производил Бонапарт, показывает рассказ современника при первоначальном представлении Бонапарту дивизионных генералов, и в том числе Ожеро, после назначения первого командующим итальянской армией. Надо заметить, что Ожеро, будучи старым воякой, грубым, героичным, гордившимся и своим ростом, и своей храбростью, был заранее предубежден против присланного из Парижа <высочки> и уже заранее возмущался его назначением. Бонапарт заставил себя ждать. Наконец, он вышел, опоясанный и надев шляпу, объяснил генералам свои намерения, отдал приказания и отпустил их"¹.

Ожеро безмолвствовал и только, когда они уже вышли на улицу, он спохватился и разразился обычными проклятиями, соглашаясь вместе с Массеной, что этот маленький генерал внушил ему страх, и он решительно не может понять, почему с первого взгляда он почувствовал себя уничтоженным перед его превосходительством ^.

Нечего говорить, что обаяние Наполеона росло с каждым новым его успехом и достигло такой степени, что представлялось равным обаянию божества. Самые храбрые лица пред ним ступшеывались и при приближении к нему дрожали наподобие ребенка.

Свидетельством этого обаяния является и беспримерная история с высадкой его с острова Эльбы, когда он в несколько недель без кровопролития ниспровергает всю тогдашнюю власть и становится вновь безграничным повелителем всей страны. Обаяние его личности следует и за его смертью, ибо его жизнь и слава о нем сделались легендарными. Вообще великие полководцы, как Наполеон, Суворов и др., пользовались и после смерти обаянием, которое граничит с обаянием божества. Вот еще пример: генерал

^" Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции. СПб., 1880. С. 19.

^ Cabanis P. Marat inconnu.

СМ.: Лебон Г. Психология народов и масс. С. 252.

Вандамм, сам бывавший многократно в боях, так описал свое чувство Норману д'Орнано, поднимаясь в Тюильрийский дворец в 1815 г., когда в сущности звезда Наполеона уже не могла блистать прежним светом. <Мой милый, этот человек производит на меня такое обаяние, в котором я не могу отдать себе отчета, и при том до такой степени, что я, не боявшийся ни бога, ни черта, приближаясь к нему, дрожу как ребенок, и он бы мог заставить меня пройти через игольное ушко, чтобы затем бросить меня в огонь> "°. А как действует это обаяние на массы, показывает мастерское описание гр. Л. Н. Толстым переправы эскадрона поляков через Вислу на глазах того же Наполеона. <Виват!. . восторженно кричали поляки, расстраивая фронт и давя друг друга для того, чтобы увидеть его... Было приказано, отыскав брод, перейти на ту сторону> ". Командир улан пожелал спросить разрешения переплыть через Вислу, не отыскивая брода, и, получив это разрешение, тотчас же старый усатый офицер со счастливым лицом и блестящими глазами с криком <Виват> бросился в реку. <Сотни улан покакали за ним. Было холодно и жутко на середине и на быстрине течения. Уланы цеплялись друг за друга, сваливались с лошадей. Лошади тонули, тонули и люди, остальные старались плыть кто на седле, кто, держаясь за гриву. Они старались плыть... и гордились тем, что они плывут и тонут в этой реке под взглядами человека, сидевшего на бревне, и даже не смот-

ревшего на то, что они делали. Переплыв, они закричали "Виват", восторженно глядя на то место, где стоял Наполеон> ^.

То же обаяние окружало и нашего полководца Суворова. Известен факт, как его солдаты при переходе через Альпы были лишены возможности от истомления двигаться дальше. Когда об этом доложили Суворову, последний приказал рыть могилу в горах, чтобы лечь в нее самому. Это подействовало на войско таким образом, что об истомлении перестали и думать. Поход продолжался и закончился полной победой.

Тард вполне прав, говоря, когда толпа любит своего вождя или когда армия восхищается своими генералами, она любит сама собою, усваивает себе то высокое мнение, какое этот человек получает о самом себе и которое сияет в виде гордости своим происхождением или своим гением на лице Людовика XIV или Кромвеля, Александра или Сципиона или даже какого-нибудь народного вождя". Нечего говорить, что обаяние полководца создает благоприятную почву для внушения, и это внушение в свою очередь делает чудеса и спасает положение. Вот как например, Наполеон в бою при Ленато (6 авг. 1796 г.) магически воздействовал на австрийского офицера, имевшего за собой силу целого отряда. Передаем эпизод со слов Драгомирова: <Бонапарт со своей свитой и небольшим конвоем наткнулся на 4-тысячную колонну австрийцев, от которой к нему подъехал офицер с требованием сдачи. "Знаете ли вы, с кем говорите? Я - главнокомандующий, за мной вся армия! Как вы смеете!.. Доложите начальству вашей колонны, что я требую от него немедленной сдачи! Если оружие не будет положено через 5 мин., я прикажу расстрелять всех до единого" И оружие кладут и сдаются> "\

Причина обаяния лежит как в личных качествах, так, конечно, и в успехе ^', но личные качества в приведенном примере по-видимому имели преобладание, ибо и по исчезновению успеха, когда обычно прекращается и обаяние, оно тем не менее осталось за Наполеоном, как оно осталось и за другим легендарным героем Карлом XII. Я намеренно привел здесь

Гершельман С. К. Нравственный элемент в руках Суворова, 2-е изд. Гродно, 1900. С. 167.

^ Толстой Л. Н. Война и мир. М" 1869. С. 253.

^ Там же.

" Видимо, речь здесь может идти о: Тард Г. Социальная логика: Пер. с фр. СПб., 1901; Он

же. Психология и социология.

^ Резанов А. С. Армия и толпа.

примеры исторических деятелей, имя которых пользовалось обаянием и после их смерти несмотря на постигшую их в конце концов неудачу и несмотря на то, что дело, за которое они ратовали, не было истинно народным делом, каковы, например, борьба за независимость польского народа, связанная с памятью о великом Костюшке, или борьба за свободу и за объединение итальянского народа, связанная с памятью другой замечательной личности Гарибальди. В последних случаях вполне естественно, что, пока жива идея, жив руководящий принцип, за который боролся народ, до тех пор герой, связавший свое имя с этим принципом, как бы олицетворяющий его персонально, будет пользоваться обаянием в памяти народа, окружаемый ореолом славы, доходящий до обоготворения.

Сказанное выше приводит нас к вопросу об искусстве руководить собирательной личностью ". Это искусство, очевидно, должно сообразоваться с характером этой последней. Поэтому одни приемы могут быть для толпы, другие для организованных масс, третьи для театральной публики и, наконец, особые приемы могут быть для коллективов, задачи которых сводятся к суждению ^".

Рассмотрим сначала способы руководства или управления толпой. Прежде всего сила толпы заключается в ее объединении и однородности, характеризующейся моноидеизмом^' или одноцельностью. Раскол в этом отношении в полной мере губителен. Поэтому искусство в управлении толпой заключается в том, чтобы поддержать моноидеизм во что бы то ни стало и устранить возможный раскол всеми возможными средствами. Для этого пользуются разными способами, которые сводятся к изолированию толпы от посторонних воздействий и к усилению однородности коллектива всеми данными, поддерживающими и оправдывающими стремления толпы.

Некоторые из авторов (Тард, Лебон, Сигеле и др.) признают, что толпа отличается безнадежною тупостью. Однако на самом деле это большое преувеличение. Гиддингс прав, утверждая, что социальный разум ^' вовсе не так уж отличается от индивидуального в своих проявлениях. Но несомненно, что толпа не может рассуждать и рассуждения для толпы почти не имеют значения и цены. Толпа связывается в одно целое, главным образом, настроением, а потому с толпой говорить надо, не столько убеждая, сколько рассчитывая возбудить ее горячими словами. А когда это достигнуто, остается только повелевать, и давать всем пример, ибо последний действует подобно внушению, чем обычно и пользуются все знаменитые военачальники.

Вообще надо иметь в виду, что, чем более сплочена масса и в особенности чем более она однородна, тем легче происходит умственная передача, тем скорее осуществляется социальная зараза и тем склоннее масса к взрывам энтузиазма под влиянием фанатической проповеди. Всякий индивид поглощаемый толпой, теряет в тормозящих влияниях и выигрывает в оживлении сочетательных рефлексов возражательного характера^'.

В толпе индивид утрачивает благодаря действию внушения значительную долю критики при ослаблении и притуплении нравственных начал при повышенной впечатлительности и поразительной внушаемости.

Нечего говорить, что толпа не всегда способна оценивать правильно даже и самих героев, окружая рабским поклонением нередко тех, которые на самом деле являются иным героем народа и его судьбы.

Другим средством управления толпой является ее организация. Лишь случайные толпы лишены своей организации, но именно потому, что они случайны и лишены организации, они способны на порыв. Но они не могут проявить выдержки во всяком более сложном действии скопом. На это способны только организованные толпы народа, каковые мы видим в войсках ^°°. Организация толпы должна состоять в правильной дифференциации толпы на отдельные части, долженствуя выполнять каждая свои функции,

76

а с другой стороны, в сплочении всех частей общностью действий, принципов солидарности, единства и взаимной поддержки.

Наконец, и преследование задач в борьбе должно быть доступно разумению

толпы и должно ее воодушевлять. <Совершенство внешней организации регулярной армии без одухотворяющей ее нравственной силы, – говорит А. С. Резанов, – не принесет всех ожидаемых выгод, ибо подобный организм представляет из себя дряхлеющую развалину, напоминая умирающего льва> ". Примером могут служить поражение итальянцев в Абиссинии и долгие малоуспешные действия англичан в Трансваале. Но мало организации и одушевления. Нужна вера в своего вождя, в свое дело, и в свою силу. Вера эта должна быть полной и непоколебимой. Она и составляет то, что носит название нравственной силы в войсках, без которой и лучшая организация остается бессильной. С тех пор, как вера в вождя и в свое дело поколеблена, начинается быстрое разложение толпы ^'. Так было с Наполеоновской армией после достижения Москвы. То же мы видим в армии в период мировой войны, когда недостаток вооружения, неумелое командование царя и слухи об измене бездарного, грубого и невежественного военного министра приводили к разочарованию войсковые массы в возможности победы, а это неизбежно вело к разложению армии, которое пропаганда лишь окончательно довершила.

Вера в победу несомненно великое дело для толпы, и нужна особенная предусмотрительность и осторожность, чтобы эта вера не подверглась излишнему искушению, как было например, в Японскую кампанию. По словам Г. Мартынова, <в Манчжурской армии почему-то смотрели на обман как на одно из средств для подъема духа. Например, перед сражениями постоянно объявляли, что отступления не будет. Затем сами же отдавали приказ об отходе, сообщали об одержанных нами победах, которые потом оказывались поражениями, пускали слухи о смерти Курски и Ойямы (первый из них умирал 3 раза), о невозможных потерях и повальных болезнях в японской армии, о появлении неприятельского флота, о голоде и бунтах в Японии. Нечего говорить, что всегда обман обнаружится так или иначе и не может не привести к подрыву нравственного авторитета командного состава и к разочарованию вообще, за которыми следует упадок энергии. Ясно, что вера в победу должна быть поддерживаема всемерно, и особенно важно это сделать вовремя. "Дивизия идет на помощь", –крикнул один из героев Севастополя и защитники кургана с новой энергией отбросили безумные атаки врага, будучи подкреплены в деятельности жалкими остатками нескольких рот>^.

При этом нельзя не принять во внимание необычайное легкоеверие толпы и склонность к преувеличению. Вот почему как легко получить со стороны руководителя народных масс обаяние не по заслугам, так же легко уронить и всякое к себе доверие.

Возвращаясь к вопросу о коллективах, можно заметить далее, что коллективы проявляют обыкновенно меньше инициативы, чем отдельные личности, но за то последние могут лучше осуществлять свои намерения через коллектив.

Как мы уже говорили, одновременно с общностью интересов всякий коллектив предполагает и определенное самоограничение индивидов в общих интересах, иначе говоря, известное торможение стремлений отдельных индивидов, идущих вразрез с общими интересами, но с другой стороны коллектив оказывает и поддержку всем индивидуальным стремлениям, согласующимся с общим благом'.

" Там же.

^ Там же.

Но если развитие коллективной жизни в ходе истории первоначально приводило к подавлению личности семейным началом, родом и затем государством, то вся позднейшая история народов до великой войны приводит к постоянному устранению тех учреждений, которые излишне стесняют личность, что ведет к освобождению личности от навязанных ей пут. Личность постепенно вместе с ходом истории освобождается от уз семейного, племенного и государственного начала и становится на путь самоопределения.

Это без сомнения стоит в прямой связи с развитием и прогрессом личности. Дело в том, что личность человека представляет собой не только нечто индивидуальное, но и неповторяемое, и притом чем выше развитие отдельной личности, тем более ценным представляется вклад ее в человеческий коллектив. Вот почему, когда личность представляла собой ограниченное развитие, ее ценность в коллективе сводилась главным образом к увеличению самого коллектива в численном отношении, качества же личности не находили должной оценки в интересах коллектива ввиду их малой ценности вообще.

Самое большее, чем отдельный индивид из посредственностей заявляет о себе при голосовании – поднятием или неподнятием руки или выходом в ту или другую дверь, ибо меньшинство все равно должно подчиниться большинству и лишь в особо исключительных случаях меньшинство заявляет свой протест. Притом этот протест часто имеет только теоретическое значение, иначе говоря, оно не выражается в каком-либо действии. Меньшинство лишь сохраняет свою политическую или общественную физиономию ^', но оно как бы отпадает от большинства, которое осуществляет свое дело, беспрепятственно. Случаи противодействия и столкновений, конечно, возможны в известные периоды, но лишь тогда, когда меньшинство может опереться на реальные силы, достаточные для противодействия большинству ^°.

С постепенным развитием личности, само собой разумеется, и ее качества как единицы, вносящей свою инициативу и специальные способности своего ума в деятельность всего коллектива, получают особое значение в интересах последнего.

В силу этого и роль современного государства сводится к возможному облегчению развития личности и к возможно полному удовлетворению ее интересов и в то же время к облегчению всех путей к объединению и сплочению отдельных индивидов в мощный государственный коллектив "".

Но и самые партии в обществе, а равно и другие коллективы, в том числе и государство, опять-таки стремятся к самоопределению, но это самоопределение имеет целью установление нормальных взаимоотношений между такими же коллективами и в сущности не должно бы нарушать основ самоопределения личности, т. е. ее неприкосновенности, неприкосновенного очага, свободы собраний, слова и союзов, свободы совести и национального равенства и свободного избрания управляющего органа ^'.

Иелинек, как известно, признавал неограниченное всевластие государства над личностью, устанавливающего само границы своих прав в отношении личности.

Бенжамен, Констан и наш Ковалевский однако опровергают это учение: <Я полагаю, – говорит М. Ковалевский, – что господствующее ныне учение... разделяемо большинством немецких публицистов, о том, что всякая конституция является не более, как добровольным самоограничением госу-

дарственной власти, не может служить оплотом против той опасности, какую для свободы представляет доктрина, допускающая неограниченность государственного суверенитета»". В другом месте того же сочинения автор говорит: <С развиваемой здесь точки зрения нет ни малейшей надобности признавать за государством то полномочие, которое позволяло бы ему

" Ковалевский М. М. Общее конституционное право. СПб., 1908. Ч. 2. С. 102. 78

упразднить свободу самоопределения личности в интересах какой-то государственной необходимости. Такой необходимости нет и быть не может, так как человеческая солидарность требует наоборот сохранения и развития свободы личного самоопределения». И далее: <Государство должно быть наделено только такими правами, при которых вместо того чтобы быть тормозом, оно, наоборот, является стражем и охранителем личной самостоятельности, как необходимого условия общественной солидарности»".

Отсюда очевидно, что правительственный гнет в современных государствах должен был бы парализоваться децентрализацией управления, полным народовластием, ответственностью всех должностных лиц перед судом и неотъемлемыми правами личности в отношении свободы собраний, союзов, совести, национального равенства и прав на избрание своих управителей. Поэтому современный государственный коллектив в нормальных условиях предполагает правильно конструированный на основах правительства орган укрепления, национальное самоуправление и создание местного самоуправления, избираемого путем голосования.

Качество того или иного коллектива зависит всегда от входящих в него единиц. Сигеле, входя в обсуждение этого вопроса, высказывается в том смысле, что аналогия между свойствами единиц и агрегатов ^1 возможна лишь при некотором сходстве его частей, при однородности составляющих его отделов. Космополитическое действие не отражает национальных задач того или другого народа, как и групп лиц из этого народа: в числе присяжных лавочник и ученый не выразит столь правильно свое мнение, как собрание экспертов и т. п. Но одного подобия входящих элементов недостаточно для установления аналогии между свойствами элементов и свойствами составляемого ими агрегата. Необходима еще связь ^ между входящими в агрегат элементами. Поэтому случайные и неорганизованные собрания людей, как присяжные, театральная публика и толпа, <не могут воспроизводить в своих проявлениях свойств составляющих их единиц>, ибо нет между ними постоянной органической связи, или например, между членами одной семьи или членами одного сословия. По Сигеле, вывод, что свойства агрегата определяются свойствами составляющих его единиц, точен, когда дело идет об агрегатах, состоящих из изолированных и органически связанных единиц, но он не точен, когда дело идет о не вполне однородных и мало организованных частях, и он ошибочен, коль скоро дело идет об агрегате, состоящем из неоднородных и неорганических частей ^1.

При однородности коллектива большое различие в его деятельности определяется тем, будет ли коллектив состоять из лиц образованных или необразованных, из лиц с определенными техническими познаниями и опытом или из лиц, не имеющих таковых, из лиц определенных профессий или не принадлежащих к определенному классу общества, или же из лиц, не принадлежащих к тому или иному общественному классу. Все это несомненно так или иначе проявляется в деятельности коллектива, сообщает его проявлениям тот или иной отпечаток и придает определенный характер его выступлениям по тому или иному поводу.

Что касается проявления деятельности коллектива, то это зависит главным образом от его сплоченности. Чем слабее сплоченность и организованность коллектива, тем меньше имеет коллектив возможности достигнуть тех целей, ради которых он возник. Так, толпа оказывается страшной самой сплоченностью. Разъедините толпу в отношении предмета, который ее в данную пору занимает, и она становится бессильна.

^ Там же. С. 105.

" Там же, Ч. 106.

Всякое войско держится только своей сплоченностью и организацией. Разъедините части войск, дезорганизируйте их путем ослабления дисциплины, основанной на безусловном повиновении, и вы превратите войско в беспорядочный сброд людей, который не способен не только к наступлению и обороне, но даже и к достойному поведению.

В зависимости от своего соединяющего начала коллективы представляются неодинаковыми и по характеру своих действий. Так, толпу объединяет настроение, и она руководится в своих действиях только настроением, под влиянием которого ее действия представляются как бы автоматическими.

Наоборот, собрания, занятые умственной работой, осуществляя собой коллективную деятельность, обнаруживают почти всегда большую осторожность и предусмотрительность в своих действиях.

Но и в собраниях такого рода под влиянием определенных условий может подняться настроение до определенной высоты, и тогда на решениях в действиях собрания может сказываться влияние определенного настроения.

Какой бы сложностью коллективы не отличались, их деятельность определяется равнодействующей всех входящих в них единиц. В сложных коллективах, составленных из ряда меньших коллективов, где имеется представительство от последних, мы имеем то же самое с тем лишь различием, что здесь раньше была дана равнодействующая линия поведения в отдельных коллективах и затем она осуществляется точно таким же образом в сложных коллективах.

Коллективная рефлексология должна освещать деятельность коллективов не только с точки зрения факторов настоящего момента, но и факторов прошлого времени. Как в развитии отдельной личности ее прошлые условия и ее прошлый опыт отражаются на характере самой личности и ее стремлениях, так и общественный коллектив не может быть исследуем без исторического освещения ^"'. .

Так, например, коллективную деятельность народов Европы, вовлеченных в великую войну, нельзя рассматривать, не обращаясь к прошлым временам, к давней борьбе за национальность ^"'. , под которой в сущности протекла вся история прошлого столетия. Испанская война за независимость. Священный Союз 15-го года, восстановление Греции, объединение Италии и Германии, федеративное государственное устройство Австро-Венгрии. Русско-Турецкая война, Русско-Японская война и позднейшая Балканская война представляют в сущности разные этапы узко националистических стремлений разных народов. Но одновременно с тем происшедшие революции в разных странах и сдвиг общественных сил

в пользу народоправства[^]'' говорят о завоеваниях социализма. Бывшая великая война возникла на почве будто бы борьбы за право против силы, но и в ней скрыты националистические стремления как Германии, так и союзников.

Великая война разделила народы и социалистические тенденции всюду уступили место националистическим стремлениям; вместе с тем идея интернационала[^]', казалось, совершенно заглохла в первый период войны; но чем более определялся ее затяжной характер, тем более начинала пробиваться вновь идея интернационализма и стали раздаваться призывы к объединению социалистических партий всего мира. Раньше и прежде всего это выразилось в особо резкой форме в русской революции, которая, с одной стороны, устранила борьбу за национальность, выдвинув своим лозунгом самоопределение народов, и, с другой стороны, сделала решительный сдвиг в сторону интернационализма.

80

V-VI. О КОЛЛЕКТИВЕ КАК СОБИРАТЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Спенсер в своем введении в социологию, руководясь тем, что свойство целого зависит от состава его частей, высказал, как положение, что важнейшие цели человеческих обществ стоят в соответствии с главными свойствами отдельного человека, причем самое общество, по Спенсеру, является ни чем иным, как организмом.

По О. Контуп[^], человеческое общество представляет собою <личность всегда существующую>, и в этом смысле имеется известное соответствие взглядов О. Конта и Спенсера. Затем целый ряд других авторов, в том числе и позднейших, поддерживает сравнение общества с организмом. Но эта аналогия имеет скорее чисто внешний характер и ныне она по существу уже оставлена и никто не согласится с тем, что социология должна быть сведена к биологии[^]''.

Но и отрешаясь от взглядов на общество как на организм, все же определить, что такое общество или коллектив или, как я бы предложил назвать, собирательная личность, не так просто, как кажется с самого начала.

По мнению одних авторов, здесь дело идет о группе индивидов, оказывающих друг другу те или иные услуги и вообще взаимно друг другу полезных. Этим самым вводится утилитаристический принцип в основу определения. Но Тард, признавая это определение, хотя и ясным, но ошибочным, считал бы более предпочтительным юридическое обоснование общества, в котором сообщественники[^] суть те, которые имеют друг на друга известные права: установленные обычаем, законом или известными приличиями[^]'. Наконец возможно было бы, по Тарду, установить понятие о социальной связи чисто политическое и чисто религиозное, ибо все те, которые объединены созданием одного политического плана и которые объединяются в одно политическое тело, а также те, у которых одна и та же религия, имели бы истинное право считаться сообщественниками. Сходство политических задач и верований в этом случае, по Тарду, объясняется подражанием. Поэтому он определяет социальную группу как собрание существ, поскольку они готовы подражать друг другу или поскольку они, не подражая друг другу теперь, ходят друг на друга, поскольку общие их черты являются старинными копиями с одного и того же образца[^].

Как на наиболее характерную особенность общества многие социологи указывают на взаимодействие его членов. <Длительное непрерывное многостороннее и необходимое взаимодействие, устанавливающееся во всякой постоянной, а не случайной агрегации живых существ> – вот что, по де Роберти ^, является характерным для <общественности>. Такого же мнения держится Зиммель, Новиков, П. Сорокин, отчасти Гумплович (взаимодействие групп), Гиддингс, Драгическо, Бугрэ, Фулье, Грассери, Уорд и др.^.

Но недостаточно говорить о взаимодействии, нужно определить еще, какое взаимодействие здесь имеется в виду. Большинство социологов имеет ввиду в социальном явлении <психическую> природу взаимодействия, но и психическое взаимодействие может быть различным ^'. Так, например, оно может определяться взаимной пользой, общей задачей, общим интересом, общим происхождением, общей связью их на почве подражания (Тард) или взаимной борьбой и преследованием.

^ Cornte Аи. Systems de politique positive. P., S. a.

^ СМ.: Тард Г. Социальная логика.

^ Си.: Роберти Е. В. де. Новая постановка основных вопросов социологии, М" 1909.

^ Сорокин П. А. Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. Кн. 1. С. 59–108.

6 В. М. Бехтерев

81

В этом отношении мы встречаемся с большим разноречием между авторами. Но мы не войдем в подробности этих взглядов. С моей точки зрения, обществом "^^ следует признавать всякое единение людей, взаимодействующих друг с другом, обусловленное какими бы то ни было общими интересами "^^-политическими, экономическими, религиозными, деловыми или какими-либо иными. Мнение Тарда, что обществом следует признать то, где предполагается сходство, обусловленное подражанием, я признаю и слишком общим, и в то же время слишком односторонним, ибо, хотя подражание и может создавать общество, но ведь подражают друг другу все, даже лица, не образующие общества в настоящем смысле: с другой стороны, не одно подражание лежит в основе общества, но еще и разделение труда, которое тоже создает общество, ибо разделение труда предполагает общество, как равно и подражание, и в сущности без разделения труда нет общества, как нет его и без подражания"^^'.

Собирательной личностью, обществом или коллективом не может быть названо случайное скопление множества лиц в данный период времени в определенном месте. Такое скопление народа есть сборище без всякого объединяющего начала, и так как каждый индивид здесь является обособленным от других, самим собой, то понятно, что о каком-либо коллективе в этом случае не может быть и речи"^^'. Дело обстоит иначе, коль скоро такая же масса лиц собирается в каком-либо месте не случайно, а привлекаемая определенной целью или определенным настроением. Здесь мы имеем уже известное объединение массы лиц одним стимулом, который и приводит к возникновению коллектива или собирательной личности. Однако нельзя забывать, что всякое случайное сборище лиц при соответствующих условиях может легко превратиться в собирательную личность или коллектив. Достаточно, чтобы кто-нибудь обратился с речью к случайному сборищу лиц и, возбудив в нем одно отношение к тому или другому общественному делу или факту, привил одно настроение или одно стремление как случайное

сборище становится собирательной личностью или коллективом, способным проявлять себя как целое ^'.

Так возникает толпа ^', служившая объектом исследования многих авторов на Западе и у нас, в особенности же Тарда, Лебона, Сигеле, Михайловского и многих других.

Если простое скопление людей не образует собой общества, то и взаимодействие между людьми ничуть не обеспечивает непременно единения между ними. Напротив того, взаимодействие может повести к вражде, к разединению и даже к полному разрыву всякой связи, как это мы имеем, например, во время войн. К коллективному единству таким образом приводят такие формы взаимодействия, которые сближают индивидов друг с другом, а не разъединяют их^"'. .

Когда устанавливается коллективное единство при образовании общества, то для нас возникает вопрос, идет ли здесь дело о чем-либо реальном или дело идет об одном лишь названии. Целый ряд авторов (не считая старых представителей органической школы), как Дюркгейм, Гумплович, де Роберти, Эспинас, Фулье, Гирке и многие другие отвечают на этот вопрос вполне утвердительно. <Над индивидом есть общество, – говорит Дюркгейм, – оно не есть воображаемое и номинальное существо, а система действительных сил> ^

Тард, наоборот, является противником реальности общества. <Признаюсь, мне очень трудно понять, как может случиться, что, <отбросив индивидуумов, получим в остатке общество>. Если отбросить профессоров, не

^ Дюркгейм Э. О. О разделении общественного труда: Этюд об организации высших обществ. Одесса, 1900. С. 83.

82

представляю себе ясно, что останется от университета, кроме одного названия, которое не выражает ничего, если оно никому не известно со всей совокупностью традиций, с ним связанных. Уже не возвращаемся ли мы к реализму средних веков> ^ . Близки к этому взгляду и некоторые другие авторы, например Duprat. Из русских авторов к этому взгляду до некоторой степени примыкают П. Лавров, Н. Михайловский и Н. Кареев. Эта русская школа, стоя на субъективной точке зрения, выдвинула значение личности как высшей этической ценности, признавая ее, согласно Михайловскому, истинной социальной индивидуальностью. П. Сорокин этот вопрос подробно разбирает в своей книге <Система социологии>. Он прежде всего опровергает реализм, заявляя, что <конкретная вещь не может существовать вне и независимо от ее элементов> ^ . <С другой стороны, выражения "душа общества", "душа народа", "народный дух" и т. д. фигурируют постоянно. Но значит ли это, что есть какое-то "сознание общества" или "душа общества", независимые от сознания составляющих общество индивидов или имеющие свое собственное существование вне существования индивидуальных душ? Ответ дает "метод вычитания". Отнимите от этой коллективной "души общества" "души" всех составляющих его индивидов, вычитите из социального сознания" сознание всех его членов, бывших и сущих, и получите пустое место> ^" .

Против <самосознания> общества, приписывающего ему процесс мышления, отличный от мышления отдельных индивидов, высказывается и Гиддингс ^

Но, с другой стороны, П. Сорокин восстает против Тарда и не признает его тезиса, что в обществе нет ничего, что бы не содержалось в индивидах. Понимая <общество как совокупность взаимодействующих индивидов>, автор находит, что взаимодействие и есть то новое условие, которое превращает сумму индивидов в коллективное единство. В этом случае и создается <ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов>. Но общество существует не вне и независимо от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц. Мы уже говорили ранее, что взаимодействие не есть единство и при взаимодействии путем вражды мы получаем не единение, а разъединение. О взаимодействии можно говорить как о сущности социального процесса, но не как об обязательном условии создания единства, лежащего в основе общества. Правда, в каждом обществе происходит борьба, но пока эта борьба не приводит одну сторону к разрыву с другой, единение еще поддерживается в том или ином отношении, и, следовательно, мы мыслим общество борющихся партий в одном общем коллективе, но немислимо представить себе такое единство ^*, где одна сторона вполне оторвана от другой и в то же время обе взаимодействуют через борьбу не на живот, а на смерть.

Некоторые (Тард, Лебон, Сигеле, Михайловский, Резанов и др.) склонны понятие толпы или <психологической толпы> распространять на все виды скопа ^' людей, так или иначе объединяемых между собою.

Но обозначение различных коллективов одним общим названием <толпа>, как это делают вышеуказанные авторы, нельзя признать удачным, ибо это противоречит установившимся терминам и связанным с ними понятиям. Так, например, А. С. Резанов говорит: <Представителями психологической толпы могут служить стадо, митинг, полк, театр, конгресс, парламент и т. п., и т. п.> ^.

^^ Тард Г. Социальная логика. С. 2.

'^ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 244.

"" Там же.

^ Giddings F. The elemente. S. 1., S. a.

^ Резанов А. С. Армия и толпа.

83

Замечу здесь, что деление Тардом толпы на мужскую, женскую, юношескую, старческую, а также по ее отношению к окружающему на ожидающую, любопытствующую, внимательную, очарованную, манифестирующую, любящую, ненавидящую, праздную, печальную и т. п. также не выдерживает никакой критики, ибо, за исключением пола и возраста, один и тот же коллектив может испытывать поочередно превращения во все эти виды толпы в течение каких-нибудь нескольких часов времени, не утрачивая главных основ своей организации.

В результате такого общего обозначения толпой всякого коллектива получается такая путаница, из которой трудно вообще выбраться. Так, например, тот же Тард парламентским собраниям уделяет совершенно особое место, признавая их за <сложные и противоречивые толпы, толпы так сказать двухголовые, как бывают уроды – с двумя головами "°. С другой стороны, академия, по взгляду автора, <суть коллективы взаимно влияющих индивидов, а не корпорации, основанные на сотрудничестве> ^ Далее театральная толпа, по взгляду Тарда, представляет собою <не постоянную толпу, а толпу напо-

ловину ввиду сидячего положения отдельных личностей, ее составляющих> " ^

Вообще Тард при всех его заслугах большой путаник в определениях и было бы ошибкой в этом отношении за ним следовать.

Мы не войдем здесь в суждение по поводу разделения коллективов, признаваемых другими авторами. Скажу лишь, что я по существу не согласен в этом отношении ни с Тардом, ни с Г. Лебоном, ни с Сигеле, ни с другими авторами, да и критика их разделения имеется в некоторых работах последующих авторов (см., например, ^ . С. Резанов <Армия и толпа>). Я думаю, что было бы правильнее обозначить отдельные коллективы определенными названиями, которые уже в себе содержали бы указания на различие отдельных коллективов.

В этом отношении собственно толпой мы можем называть скопление лиц, вызываемое каким-либо временно возникающим поводом.

Эта толпа может быть недостаточно организованной, если в ней не устанавливается какого-либо порядка для целей объединения ее действий, и толпа может быть организованной, когда в ней возникает условие более или менее строгой подчиненности одному лицу как ее вожаку или даже нескольким индивидам в лице президиума как бывает на сходках, митингах и т. п. Вожаки уличной толпы, конечно, являются руководителями лишь на то или другое время, ибо даже при осуществлении какого-либо действия толпы вожаки могут сменяться и иногда то, что толпа выполняла под влиянием одного вожака, она оканчивает под влиянием другого вожака. Дело в том, что каждый вожак выдвигается в толпе, пользуясь объединением ее под тем или иным лозунгом ^ '.

Ясно, что в самом принятии толпой вожака уже проявляется активная роль толпы, как бы утверждающей выбор своего руководителя.

В других случаях скопление лиц происходит с определенной целью: но эта цель предопределяет пассивную роль самого собрания, которое может слушать или смотреть и самое большее знаками одобрения или неодобрения определять свое отношение к тому, что ему показывают или что заставляют его слушать. Такое скопление, неорганизованное внутри себя, но организованное в своей цели, мы называем публикой, которую мы видим в театре, концертах, на лекциях, на литературных вечерах, в молитвенных храмах и т. п.

В третьих случаях, мы имеем скопления лиц также с определенной целью, но эти скопления не проявляют пассивного отношения к той цели,

" ° Там же.

^ Там же.

^ Там же.

84

которая их привлекает в одно место, а выявляют свое отношение к предмету их объединения в форме заключения, решения или резолюции, в форме приговора или постановления, благодаря чему в таких скоплениях каждый член может заявлять свой индивидуальный взгляд, для чего устанавливается в таком скоплении определенный порядок обсуждения через выборных лиц. Такие скопления мы называем собраниями. К этим собраниям должны быть причислены парламенты, соборы, конгрессы или съезды, различные общества, присутствия, советы, комитеты, комиссии, кружки, суды и т. п., из которых

каждое собрание имеет те или иные особенности внешнего и внутреннего характера. Далее необходимо выделить коллективы с согласованной деятельностью как рабочие артели, кооперативы, фабрики, монастыри, банковые общества и т. п.

Таким образом мы можем различать неорганизованный коллектив – уличную толпу – и организованные коллективы ^" в виде публики и организованные же рабочие кооперативы как три различных по внутреннему содержанию формы собирательной личности.

Но имеются еще особые формы коллективов, которые не вмещаются в вышеуказанные рамки. Один из этих коллективов основан на обучении старшими младших, это детские сады, учебные заведения, мастерские и т. п., которые могут быть обозначаемы общим именем школы.

Другой коллектив является уже в результате обучения к действию целым коллективом. Сюда следует причислить войска, гимнастические общества, танцующее общество, оркестры, хоры, общественные игры, воровские шайки и т. п. Так их скоплениям можно дать общее название организованных орд'^

Дальнейшей формой коллектива является собственно объединение лиц, связанных между собой кровным родством или в других случаях духовным родством, хотя бы они были пространственно и разъединены. Сюда должны быть причислены семья, род, племя, народ, сословие, каста, секта, партия, класс, профессия, круг читателей, церковь и т. п. Такие коллективы могут быть названы в первом случае родовыми или племенными, а во втором случае – корпоративными ', союзами.

Наконец, имеются коллективы, связанные лишь более или менее общими взглядами, хотя бы они и не находились в более или менее тесном общении друг с другом. Такие коллективы могут быть названы миром или средою. Дело идет здесь о коллективах, имеющих лишь свои более или менее общие воззрения и даже свои обычаи, представляя тем самым реальный, хотя физически и неуловимый коллектив, создающий так называемое общественное мнение. Таким коллективом, например, является литературный мир, военный мир, врачебный мир, педагогический мир и объединяющий их всех общечеловеческий мир"'. Наконец, большие и сложные коллективы, связанные одним общим высшим исторически сложившимся установлением с определенными прерогативами власти и определенной организацией, получают название государства.

Таким образом необходимо различать по характеру следующие коллективы: толпа, публика, собрания, рабочие кооперативы, школа, организованные орды, родовые и корпоративные союзы, мир и государственный коллектив ^'. Более детальная характеристика всех этих коллективов здесь излишня, ибо и сказанного достаточно для уяснения отличия их друг от друга.

Сущностью всякого коллектива является его объединение, которое, как видно из предыдущего, может быть независимо от степени этого объединения, неодинаково и по характеру. Так объединение может выражаться общим настроением, общим наблюдением, общим обсуждением и общим решением, общими взглядами и общим действием. Одним из важных объединяющих

условий является организация коллектива. Я не согласен с такими авторами, как Эспинас, которые под организацией понимают подчинение. Несомненно, что подчинение предполагает организацию, но оно как понятие не отождествляется с последней. Подчинение есть отношение к власти, а организация есть установление связи и порядка"[^]'.

Благодаря установлению связи и порядка всякий коллектив есть как бы своего рода собирательный организм, который имеет свою историю, ибо при известных условиях он зачинается, растет и развивается и затем после более или менее долгой или недолгой жизни распадается и умирает, часто превращаясь в другие формы коллектива"[^]'.

Как собирательный организм коллектив имеет свое настроение, свою наблюдательность и восприимчивость, свои взгляды, свое суждение и свои действия, которые часто не совпадают во всех частях по своему характеру с такими же проявлениями отдельных личностей, входящих в коллектив [^] .

В заключение заметим, что коллектив как собирательный организм живет и существует за счет индивидуального организма, ибо личность всегда в той или иной мере подавляется толпой, собранием, корпорацией, всякого рода общественной и государственной организацией, и чем теснее сплочение коллектива, тем меньше места проявлению отдельной личности [^]'. Так, в дисциплинированных войсках подавление личности достигает наибольшей степени, наименее это подавление личности обнаруживается по-видимому в научных собраниях, ибо научные вопросы не подлежат даже коллективному решению путем голосования.

Общество подобно живому организму не есть нечто недвижимое, а представляет собой подвижное равновесие; оно постоянно движется медленно или быстро в том или ином направлении. И Тард не без основания оттеняет, <что общества живут до тех пор, пока они прогрессируют> [^]\

Вместе с тем общество является создателем социальных фактов, таких как язык, общие понятия, религия, обычаи, кодекс и т. п.

Однако понятие об обществе как об организме скорее представляет собой не что иное, как метафору, ибо учение об обществе-организме ныне, как мы говорили выше, не разделяется большинством авторов.

По словам Тарда, <метафора органического общества, столь подробно изложенная во втором томе "Социологии" Герберта Спенсера. Социология, ...которая была принята только условно, и, кажется, потом была отвергнута, - была снова взята, выяснена и как будто подтверждена Рене Вормсом в его докторской диссертации под заглавием ^Организм и общество". Доводя до крайних пределов это предложение, до его summum ясности и точности, он, как и Новиков, в своей столь интересной книге ^Социальное сознание и воля", способствует тому, что избавляет от него науку и не замалчивает ни одного из возражений, каким оно подвергалось> [^].

Всякое вообще общество как собирательная личность имеет свою индивидуальность [^]' в зависимости от умственного уровня его сочленов, от их профессии, от их служебного положения, далее от того цемента, который связывает отдельных членов в одно сообщество и, наконец, от племенных особенностей.

Отсюда очевидно, что собирательная личность в различных общественных и народных собраниях представляется неодинаковой также и в зависимости

от общей объединяющей их цели.

Какой бы формы и какого бы состава не были те или другие собрания "''", являющиеся предметом исследования коллективной рефлексологии, они всег-

^ Тард Г. Социальная логика. С. 171.

1^ Там же. С. 153.

86

да обнаруживают совместную деятельность"^^', без каковой они являются сборищем отдельных лиц, не имеющих между собою ничего общего.

Таким образом собирательную личность представляет собою всякая во-
обще толпа, общественное собрание, заседание советов, театральная публика и т. п" иначе говоря, все виды собраний, объединенных тем или другим настроением, той или другой целью или действием и т. п., безразлично будет ли все это определяться каким-либо случайным событием, предписаны ли цель или действие уставом или установлены обычаем, или каким-либо иным образом.

Один из ярких примеров собирательной личности представляет собою уличная толпа, объединяющаяся по какому-либо случайному поводу.

Всякая вообще толпа представляет собою сборище лиц, прежде не имевших друг с другом ничего общего и объединившихся по какому-либо внешнему поводу, возбуждающему одно и то же отношение у многих лиц. Благодаря объединению своих членов толпа представляет собою всегда нечто целое, одну собирательную личность, в которой составляющие ее отдельные лица как бы стусеиваются. Это объединение толпы происходит, конечно, не сразу, но почти всегда с необычайной быстротой.

На митингах объединяющим фактором, кроме внешних поводов, возбуждающих определенное отношение, является и самый предмет обсуждения. Поэтому, хотя на митингах могут раздаваться речи различного содержания, но тем не менее предмет обсуждения является общим для всех, благодаря чему на митингах создаются объединяющие многих одинаковые лозунги, а нередко поддерживается этим и одно общее настроение. Лица, не объединяющиеся в этих собраниях и стоящие к ним в резкой оппозиции, обыкновенно остаются пассивными или оставляют заседание и, следовательно, не мешают общему ходу дел в подобных собраниях.

В общественных, научных, и служебных собраниях общая умственная работа определяется известною целью, например, выяснением положения, исканием истины или регулированием государственной жизни. В общественных и политических союзах дело идет о собраниях, цель которых определена заранее и указывается писаным уставом, налагающим требования на лиц, входящих в союз или сообщество. В коммерческих собраниях целью является успех того предприятия, которое дает почву для собрания и т. п.

Границы собирательной личности могут, конечно, расширяться до целых городов и стран, население которых сплавивается одними общими интересами. Поэтому мы можем говорить о московском обществе, о кавказском обществе, о польском обществе, о русском обществе или русских общественных кругах. В таких крупных общественных единицах дело идет, конечно, об объединении главным образом путем печати и взаимоотношения отдельных групп, но сущность дела от этого мало меняется, так как везде и всюду

дело идет о больших или малых общественных группах, спаянных теми или другими общими интересами, той или другой целью ^'.
Еще более обширную общественную группу представляет собою народ. Казалось бы, что народ представляет собою нечто столь пестрое, что о единстве его трудно и говорить, а между тем не подлежит сомнению, что тот или другой народ живет в каждый данный момент общими интересами, переживает более или менее общее всем настроение, волнуется одними и теми же чувствами, возбуждается более или менее одинаковыми общественными идеалами и живет одними и теми же общественными стремлениями, создавая одну общую культуру. Эта общность духовной жизни в каждом данном народе слагается исторически, благодаря целому ряду условий экономических, политических и этнографических, и обусловливается единством культуры, единством общественно-экономических интересов и единством исторических судеб в период совместной жизни "°'.

87

Наконец, наиболее обширную группу представляет собою все цивилизованное человечество, имеющее общие интересы населения земного шара и руководимое общечеловеческими руководящими принципами ^'.

Без сомнения, может быть поставлен вопрос: составляют ли такие большие группы, как население тех или других стран или государств или даже всего цивилизованного человечества, предмет коллективной рефлексологии. Здесь мы имеем сообщества, хотя и связанные одними интересами, но почти лишенные возможности иного общения друг с другом, кроме печати '^'.

Очевидно, что здесь не может быть тех условий, как в обыкновенных собраниях, и, следовательно, здесь не все применимо из того, что относится к сообществам и собраниям, где господствует устная речь ^'. Тем не менее не подлежит сомнению, что и в таких больших сообществах дело идет о группах, обнаруживающих известное общественное настроение, выливающееся в печати и в отдельных собраниях. Равным образом, этими большими группами путем печати и отдельных собраний обсуждаются и критикуются события и создаются резолюции, которые являются собирательными решениями многих групп или отдельных обществ данной страны или государства. Таким образом и здесь мы имеем дело с материалом коллективной рефлексологии, но материалом несколько иного рода, нежели в случаях обыкновенных собраний.

Если государство есть собрание людей, связанных известными установлениями, то, следовательно, к нему применимы те же законы, что и к малым собраниям. Это легко может быть прослежено на малых государствах с одним сплошным населением ^"''', где не имеется племенной розни. В тех же случаях, когда государство составляет целый конгломерат народов, там собственно коллективу уподобляются племенные группы, живущие одними и теми же интересами; но независимо от того и в решениях вопросов общего характера, касающихся всего разноплеменного населения такого государства, содержится материал, служащий предметом изучения коллективной рефлексологии.

Особенностью больших групп является между прочим то, что все процессы соотносительной деятельности здесь протекают медленно, ибо огромные массы лиц вообще более косны; к тому же и способы объединения их деятельности (печать, отдельные собрания и пр.) более сложны, хотя при развитых формах самоуправления и при свободе собраний объединение таких масс происходит много быстрее, чем при иных условиях.

Тем не менее и здесь мы встречаемся и с массовым подъемом настроения активных элементов общества, и с их угнетением, и с общественным возмущением, негодованием и протестами, и с коллективным умом целых народностей, как он отражается в повседневной печати и в литературе, а также в решениях общественных вопросов, и, наконец, с активными проявлениями, выражающимися в тех или других заявлениях или требованиях отдельных групп, поддерживаемых или не поддерживаемых представительством всего народа.

Итак, здесь имеются все элементы коллективной соотносительной деятельности, а потому они должны также служить материалом для коллективной рефлексологии.

Но, как мы знаем, есть формы социальной деятельности, где речь идет о слуховых и зрительных воздействиях, возбуждающих живую реакцию со стороны слушателей и зрителей, не призванных, однако, к активному участию в собраниях. Это—публичные чтения, концерты, театры, зрелища и т. п.

Здесь речь идет собственно о коллективном впечатлении и о развитии настроения в массе лиц, подобно тому как в индивидуальной жизни чтение книги дает известный ряд впечатлений и создает настроение читающему или слушающему лицу. Естественно, возникает вопрос, относятся ли эти явления к предмету коллективной рефлексологии?

88

В вышеуказанных собраниях мы имеем публику, которую объединяет зрелище, и, хотя здесь взаимодействие между членами является лишь косвенным, тем не менее нетрудно убедиться, что объединение в театральной публике, созерцающей то или другое зрелище, или в публике, слушающей концерт, устанавливается благодаря общему воздействию зрелища или концерта и возбуждению одних и тех же реакций. Поэтому, хотя слушатели и зрители в этих случаях являются пассивными участниками собрания, но в сущности они здесь объединены одним общим интересом, обнаруживая сходственные реакции и возбуждаются более или менее одинаковыми воздействиями и, наконец, совместно заявляют одно и то же отношение к действиям на сцене или на эстраде знаками одобрения или неодобрения. Ввиду этого не может быть никакого сомнения, что эти собрания также являются материалом для коллективной рефлексологии ^'.

Если речь идет о чтениях с прениями, то мы имеем уже собрание, не только воспринимающее, но и рассуждающее, следовательно, проявляющее не только свое общее настроение, но и свой коллективный ум.

В собраниях же, где принимаются по поводу прочитанного и сделанных обсуждений еще и решения, мы имеем проявления не только коллективного сосредоточения и коллективного настроения, но и коллективного ума в форме коллективных постановлений.

В собирательной личности каждый отдельный индивид, как мы знаем, более или менее ступеньвается в массе, поскольку он не проявляет себя выразителем мнений отдельной группы лиц или не является началом всего собрания.

Однако общество или коллектив, действуя всегда как целое собирательное, не уничтожает роли каждой составляющей его единицы, ибо последняя влияет на общую равнодействующую, по которой движется коллектив. Чем

сильнее в социальном отношении личность, тем более она направляет равнодействующую в определенную сторону. Это может продолжаться до тех пор, пока не произойдет конфликт между личностью и коллективом, который может привести либо к взаимным уступкам и примирению, либо к разрыву. Так между прочим в период революции происходит смена общественных деятелей в силу того, что коллектив направляется как бы стихийно в известном направлении, которое не соответствует уже стремлениям их руководителей, в силу чего последние мало-помалу теряют почву под ногами и должны отойти в сторону. Впрочем, это явление наблюдается не в революционное только время, но и в самое обычное, причем конфликт в этих случаях происходит не только от самого коллектива, но и от каких-либо обстоятельств, связанных с самой личностью в качестве руководящего деятеля. Такая точка зрения примиряет существующие по этому поводу не вполне согласные взгляды в литературе^'.

Из сказанного выше ясно, что для того, чтобы влиять на толпу или коллектив нужно иметь дело прежде всего с ее вожаками и только в случае сговора ' с ними можно при их участии воздействовать на толпу в желаемом направлении.

Каждый коллектив, как мы уже говорили, имеет свою индивидуальность, проявляющуюся в особом характере его стремлений, меняющихся впрочем с течением времени.

<Некоторые народы, проникнутые нравственными и религиозными стремлениями, по существу своему миролюбивы и только с сожалением пускают в дело оружие; другие же, в интересах своего религиозного или морального прозелитизма ^ проявляют настоящий военный фанатизм или, лучше сказать, ... что одно и то же общество, оставаясь все время верным своему стремлению по одному и тому же направлению, бывает поочередно воюющим или работающим, воинственным или промышленным. Египет, обыкновенно

89

мистический или промышленный, становится время от времени как ... при Рамзесах, воинственным и завоевательным, нисколько не теряя при этом своего мистицизма; ислам, теперь миролюбивый, был когда-то глубоко воинственным. Афиняне, нация по преимуществу эстетическая, долгое время любили войну, так сказать, с художественной точки зрения; позднее, все так же оставаясь художниками, они, к сожалению, слишком возлюбили мир во что бы то ни стало. Никогда не существовало нации более торговой и в настоящее время более миролюбивой, нежели Голландия; в XVII в. не было нации более воинственной> " ^

Если мы зададимся теперь вопросом, что собственно приводит к развитию и установлению коллектива, то должны будем иметь в виду прежде всего социальный инстинкт ^"', приводящий даже животных одного и того же вида к совместной жизни стадами.

Люди более или менее одинаковых взглядов естественно сближаются между собой, точно так же люди сходственных характеров и темпераментов имеют взаимное влечение друг к другу. Само собой разумеется, что и принадлежность к одной и той же профессии создает достаточно общих интересов, сближающих людей друг с другом.

Другим стимулом к образованию коллективов является взаимная нуждаемость индивидов, хотя бы и несхожих между собой, и дарвиновский

естественный отбор, который обуславливает необходимость объединения сил для целей нападения и защиты, ибо выигрывают те из индивидов, которые обнаруживают склонность к сообществу с указанными целями, все же остальные должны подлежать вымиранию. Третьим стимулом является устанавливаемый мною социальный отбор, состоящий в социальной поддержке соответствующих интересам коллектива сочленов, хотя бы и физических слабых. Это приводит к развитию и воспитанию социальных склонностей в отдельных индивидах, что и поддерживает социальную связь коллектива, передаваемую преимущественно потомству путем социальной наследственности.

Заметим при этом, что всякое общество существует до тех пор, пока оно оправдывается жизненными условиями. В этом отношении нельзя не иметь ввиду закона самодостаточности всякого политического сообщества, установленного еще Аристотелем [^].

В отношении своей соотносительной деятельности коллектив, как мы уже говорили, не может быть отождествляем с простым скопом ^{^°} отдельных лиц; он всегда имеет свою цельную физиономию, которая представляет коллектив как целое. Лучше всего это может быть показано на уличной толпе.

<Психология же толпы –... совершенно не то, что психология индивидуальных элементов, ее составляющих. В душе толпы зарождаются побуждения, как идеи, исшедшие из высших слоев народа путем целого ряда прогрессивных эволюций, прививаются в конце концов душе толпы и живут в ней скрытой, растительной и могучей жизнью. Тогда и только тогда, они делаются ходячими мнениями и потом непоколебимыми убеждениями, т. е. основными факторами религии, переворотов, реформ и цивилизации. Толпа – это наследная почва, в которой коренятся все наши метафизические, политические, религиозные и социальные мирозерцания, и ее нужно хорошо знать...> ^{^^}

[^] Там же. С. 246.

[^] Бехтерев В. М. Социальный отбор и его биологическое значение// Вестник знания. 1912.

№ 12. С. 947–955; Он же. Значение гармонизма и социального отбора в эволюции организмов//Природа. 1916. № 10. С. ИЗО–1158.

[^] Сущность этого закона, известного под именем автархии, состоит в том, что всякое политическое сообщество проявляет свою жизнеспособность лишь до тех пор, пока оно удовлетворяет потребности своих сочленов, ради которых оно создано (подробнее об этом см. в другом месте).

^{^^} Лебон Г. Психология социализма. С. 51.

90

Толпа, как коллектив, отличается <моноидеизмом> особою впечатлительностью, необычайной возбудимостью, переходящей часто в жестокость, легковёрностью, крайним безрассудством, рефлективностью в действиях, недостатком стойкости, поразительной изменчивостью, относительно малой дифференцированностью и стадной подчиненностью своему вожаку, обусловленной ее повышенной внушаемостью и склонностью к подражанию".

В число специальных свойств, характеризующих толпу, мы встречаем, например, такие: <импульсивность, раздражительность, неспособность обу-

мывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенную чувствительность и т. п., которые наблюдаются у существ, принадлежащих к низшим формам эволюции, как-то у женщин, дикарей, детей>".

<Толпа легко становится палачом, но также легко идет и на мученичество. Из ее недр лились не потоки крови, которые нужны были для того, чтобы восторжествовала какая-нибудь вера> ^°.

Численность толпы является причиной уверенности в своем могуществе и в своей безответственности.

Податливость внушению и легкое верие объясняются, по Лебону, выжидательным вниманием и отсутствием критики.

В связи с этим обычными искажениями, которые свойственны воображению людей, объясняются легенды: в распространении же их играет роль и зараза.

Легкое верие толпы иллюстрируется следующим примером, заимствованным из Г. Лебона: одно время были <все газеты переполнены рассказами о двух маленьких утопленниках, вытасканных из Сены. По крайней мере около дюжины свидетелей признали личность этих детей самым категорическим образом. Все их показания были так согласны ^", что в уме следователя не могло возникнуть никакого сомнения и он написал уже свидетельство о смерти, но в этот момент, когда хотели хоронить утопленниц, обнаружилось, что предполагаемые жертвы живы и только чуть-чуть похожи на утонувших> ". Уверение первого свидетеля, очевидно, создало иллюзию и в других, которая таким образом распространилась на целый ряд свидетелей.

В другом случае в числе прочих даже мать ребенка поддалась такому же внушению. Вот как об этом случае передает Eclair 25 апреля 1895 г. Ребенок узнал в мертвом своего товарища, но это была ошибка, вызвавшая тотчас же целый ряд подобных же ошибок, причем произошла следующая удивительная вещь: одна женщина, увидев труп ребенка, воскликнула: <Ах, боже мой, это мой ребенок>. Посмотрев ближе, она заметила шрам на лбу и сказала: <Да, это мой бедный сынок, пропавший в июле месяце. У меня его похитили и убили!> Женщина эта была превратницей на улице Дюфур и называлась Шавордэ. При появлении ее зятя, который без всякого колебания объявил: <Вот маленький Филибер>, несколько обитателей этой улицы признали в мертвом ребенке Филибера Шавордэ и даже его собственный учитель, заметив медаль, признал в мертвце своего прежнего ученика. И что же! Соседи, зять, школьный учитель и мать – все ошиблись. Шесть недель спустя личность ребенка была окончательно установлена: оказалось, что это был ребенок из Бордо, там убитый и привезенный дилижансом в Париж.

Повышенную внушаемость толпы пояснит следующий пример:

В одном народном театре, где всегда игралась серьезная драма, <актер, изображавший изменника, подвергался постоянной опасности при выходе

^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 173.

° Там же. С. 175.

^ Там же. С. 181.

из театра и его должны были охранять, так как зрители, возмущенные его воображаемыми преступлениями, готовы были растерзать его» ^.

В своей «Психологии народов и масс» Г. Лебон последовательно рассматривает следующие стороны толпы. 1. Импульсивность, изменчивость и раздражительность. 2. Податливость, внушение и легковерие. 3. Преувеличение и односторонность чувств. 4. Нетерпимость, авторитетность и консерватизм идей, рассуждение, воображение, влияние рас, традиций, степени образования и воспитания. Но нам нет надобности увеличивать выдержки из сочинения этого очень тонкого наблюдателя, ибо можно опасаться внушающего влияния его мыслей на читателя, не всегда, однако, заслуживающих полного признания.

Многие авторы отмечают жестокость толпы и признают ее характерной особенностью толпы, являющейся, будто бы всегда в форме опасного многоголового зверя. Так, например, Сигеле говорит, что «героизм, доблесть, доброта могут быть качествами одного индивида; но они никогда или почти никогда не являются отличительными признаками большого собрания... Толпа—это субстрат, в котором микроб зла развивается очень легко, тогда как микроб добра умирает почти всегда, не находя подходящих условий жизни».

Подобного же взгляда держится и Тард, по которому душою толпы является «убийство, грабеж или поджог».

Далее Тэн в известном сочинении ^ по поводу толпы во время французской революции говорит, что образ действия толпы — насилие, что вполне соответствует ее природе: «все, что оказывает ей сопротивление, побивается ею».

Толпа, образованная из собравшихся случайно по зову, по тревоге, является грозной и разрушительной силой. Вошедший в толпу вдруг преобразуется в варвара, хуже — в первобытное животное, в кривляющуюся обезьяну, кровожадную и похотливую.

Близкого к этому взгляду держится и Случевский, когда говорит о «легкой возбудимости и проявляемой в действиях жестокости», как общем свойстве толпы " ^

К особенному ожесточению толпу приводит по-видимому жажда мщения, если оказанное ей сопротивление приводит к жертвам со стороны толпы. Когда толпа возьмет верх, тогда нельзя уже сказать, где будут границы ее слепого, ничем не удержимого неистовства.

Для примера можно указать на разгром юнкеров в Петрограде во время второй революции 28 октября 1917 г., которые были на стороне Временного правительства. Описания газет об этом событии были настолько мрачного характера, что мы не решаемся их здесь привести.

Не отрицая фактов, на которых построена указанная характеристика толпы, нельзя не признать все же ее односторонности, ибо отношение толпы определяется тем, что соответствует ее настроению. В одном случае толпа является жестоким зверем, в другом случае толпа способна боготворить и защищать своего кумира до последней крайности и ради него готова идти на смерть.

В этом отношении Г. Лебон стоит ближе других авторов к истине, когда он говорит, что «есть преступная толпа, но что есть также толпа добродетельная, героическая и много других». Говоря далее о разрушительной силе

толпы, он замечает, что только толпа способна к проявлению <величайшего бескорыстия и величайшей преданности> ^.

"^ Там же. С. 202.

^ См.: Тэн И. Происхождение современной Франции. СПб., 1907. Т. 2: Анархия.

^ См.: Случевский. Толпа и ее психология // Книжки <Недели>. 1893. № 4. С. 5-38; № 5.

С. 5-23.

^ См.: Лебон Г. Психология народов...

92

И на самом деле, сколько можно было бы отметить этой преданности до принесения себя в жертву со стороны многих из толпы в минуту смертельной опасности, угрожающей их вожаку, чтобы не останавливаться долго на этом предмете. Да разве все революции не делались толпами, которые иногда шли на верную смерть, чтобы отстаивать права народа?

По словам Г. Лебона, психологи видели в толпе всегда лишь <дикое животное, никогда не сытое грабежом и кровью>. Но разобравшись немного в этом вопросе, мы скоро найдем, что Наихудшие выходки толпы часто имели своей исходной точкой совершенно благородные и бескорыстные идеи и что в конце концов толпа скорее жертва, чем палач. Книга под заглавием <Добродетельная толпа> была бы несравненно более доказательна, чем книга под заглавием <Преступная толпа>... В труде, на который я сослался выше, я обстоятельно доказывал, что одним из самых основных признаков, коренным образом отличающих индивидуума от толпы, является тот факт, что первый почти всегда руководится своими личными интересами, тогда как толпа никогда не повинуетя непостоянным, эгоистическим, но всегда благородным общим интересам. <Героизм, самоотвержение являются гораздо чаще двигателями толпы, чем отдельного человека. За коллективной жестокостью чаще всего кроется убеждение, идея справедливости, потребность в нравственном удовлетворении, совершенное забвение личных интересов, жертва интересам общим - одним словом, совершенная противоположность эгоизму>".

Однако, толпе самой по себе не присущи ни преступность, ни благотельность, но и то и другое может в ней возникнуть, смотря по тому, по каким поводам она собирается и какое направление придадут ее стремлениям ее вожаки; голодная толпа столь же эгоистична, как и всякий индивид, требующий себе куска хлеба,, политическая же толпа разит все, что стоит на дороге привитых ей общественных начал нового строя, и возвеличивает своих героев. Поэтому неправ Г. Лебон, когда он говорит, что <эгоизм, столь укоренившийся в отдельной личности, - чувство совершенно чуждое толпе, именно потому, что она неспособна ни обдумывать, ни рассуждать> "".

Толпа не лишена инстинкта самосохранения и, следовательно, она не лишена и эгоистических стремлений. Одно верно, что, когда мы имеем дело с преступной толпой, то часто совершаемое преступление имеет своими мотивами правильно или должно понятое общественное благо ^'; тогда как преступление индивида сравнительно редко имеет общественные мотивы: гораздо чаще здесь побудителями являются своекорыстные стремления.

В этом отношении толпа имеет как бы нивелирующее влияние на отдельных индивидов, которые, не будучи в состоянии быть вожаками толпы, не

имеют возможности проявить в толпе свою индивидуальность никаким способом, кроме быть может известной нумерации при подсчете голосов.

Каждый отдельный человек может быть разумен, но в толпе он часто лишен возможности протестовать, в худшем же случае он поддается влиянию толпы и сам соучаствует в ее действиях и даже в преступлении.

Нечего говорить, что высокие качества отдельной личности в толпе, не исключая ее вожаков, не могут найти благоприятных условий для своего проявления, вследствие чего толпа обычно представляет уровень, значительно низший, нежели многие из составляющих ее лиц.

Кроме того надо иметь в виду, что отдельная личность в толпе непременно поддается в той или иной мере общему взгляду, прививаемому толпе демагогическими приемами ее вожаков.

^^ Лебон Г. Психология социализма. С. 52-53.
" Там же. С. 53.

93

Те лица из офицерской среды, хорошо знающие свои части, пережившие русскую революцию, с которыми мне пришлось беседовать, единогласно утверждают, что, говоря в отдельности с тем или другим солдатом, не трудно его убедить в разумном отношении к делу, но как только тот же солдат находится в толпе на митинге, он подчиняется общему лозунгу при заранее подготовленной резолюции и заявляет согласие с ней возгласом <правильно, правильно>.

Здесь коллектив подавляет личность и не только путем внушения со стороны вожаков, но и тем, что коллектив сильнее и значительнее каждой отдельной личности. Один человек никогда не дерзает на то, на что дерзает коллектив. В народной рефлексологии это отношение выражается известной поговоркой: <на людях и смерть красна>.

Но независимо от того всякий вообще коллектив подавляет проявление отдельной личности своей массой.

Если установилось настроение большинства лиц или отношение его к какому-либо факту, много ли найдется достаточно смелых, чтобы идти против общего течения. Даже в собраниях, которые специально предназначены для обсуждения какого-либо предмета и где обсуждение является целью собрания, после того как мнение большинства определилось отдельному лицу бывает трудно выступить против. Тем более это трудно сделать в уличной толпе, где обсуждения нет, а имеются лишь вожаки, которым толпа подчиняется почти беспрекословно, особенно, если вожак уже ранее снискал к себе расположение толпы.

Чем сплоченнее и однороднее коллектив, тем он больше имеет моральной силы и тем он деятельнее, и наоборот. Примером первого могут служить коммунистические партии, всегда отличавшиеся строгой дисциплиной ^'.

Примером второго может служить партия эсеров, которая приняла чрезвычайное видное участие в февральском перевороте в России. Но затем, когда вслед за переворотом в эту партию вошла масса новых членов, даже по существу мало имевших общего с социализмом, эта партия, несмотря на огромное число членов, уже не могла играть соответствующей роли ни

в Демократическом совещании, ни в Предпарламенте и даже произошел совершенно естественный раскол в этой партии, причем одна часть заняла более правую позицию, другая – более левую ^{^*}.

Другой пример – Московское совещание, которое оказалось бесплодным именно потому, что будучи собрано в момент наиболее критической для русской революции, встретилось с двумя общественными течениями – цензовой и демократической группами. Последовавшее за ним и собранное в противовес ему Демократическое совещание в Петрограде, став на гораздо более радикальную точку зрения, снова кончилось неудачей вследствие разнородности своего состава. Оно кончилось, как известно, неопределенным голосованием в отношении состава власти – коалиционного с цензовыми элементами или без цензовых элементов. Ясно, что ни то, ни другое собрание не имело моральной силы, и Временное правительство не могло руководствоваться его постановлениями.

Такою же бесплодною оказалась во время русской революции и роль Предпарламента, от которой сразу откололся большевизм. Ясно, что бывают моменты, когда коллектив не может остановиться ни на каком решении, когда партийные предложения отвергаются одно за другим и не создается одного общего решения, иначе говоря, не вырабатывается ни одной общей формулы. Это состояние может получаться преимущественно в периоды тяжелых общественных кризисов и общественного разброда.

Так было между прочим в Совете Республики, в котором прения по делу государственной обороны привели к тому, что ни одна из предложенных резолюций не собрала большинства голосов в собрании.

94

В этом случае сами собрания переживают кризис из-за разделения голосов и перестают быть деятельными. Они либо срываются одной стороной, с тем чтобы привести их к уничтожению, либо принимают самоубийственные решения, как это было с Конвентом во время великой французской революции. Для иллюстрации мы приведем здесь кризис Конвента в описании известного историка Тэна: <Они одобряют и предписывают то, к чему сами питают отвращение, не только глупости и безумия, но и преступления, убийства невинных. Единогласно и при громе самых бурных аплодисментов левые, соединившись с правыми, посылают на эшафот Дантона, своего естественного главу, великого организатора и руководителя революции. Единогласно и также под шум аплодисментов правая, соединившись с левой, вотирует наихудшие декреты революционного правительства. Единогласно и при восторженных криках энтузиазма и выражениях прямого сочувствия Колло д'Эрбуа, Кутону и Робеспьеру, Конвент посредством произвольных и множественных избраний удерживает на своем месте человекоубийственное правительство, которое ненавидится одними за свои убийства и другими за то, что оно стремится к их истреблению. Равнина и гора, большинство и меньшинство кончили тем, что согласились вместе содействовать собственному самоубийству> [^].

Само собой разумеется, что большая однородность собрания приводит к более определенным решениям и имеет более моральной силы как для лиц, примыкающих к группе большинства, так и для противников, ибо первые находят в нем наиболее яркое отражение своих стремлений, вторые должны с ним считаться, как с решением более ярким и определенным, ставящим точку над *i*.

Половинчатые же решения в более острые периоды человеческой истории не получают моральной силы, а нейтральность в действиях вызывает недовольство и осуждение, а иногда и озлобленность не в одной какой-либо стороне, а во всех, и обыкновенно половинчатость в действиях пагубна для самих лиц, выступающих с ними.

Примером может служить роль жирондистов во время великой французской революции, роль кадетов в первой русской революции и роль викжеля во время второй октябрьской революции, ибо нейтральность последнего сыграла на руку большевикам, а в результате этой роли остались недовольны как большевики, так и более умеренные элементы.

В конце концов действия коллектива определяются его составом, уровнем развития и господствующим настроением*.

Что касается состава коллектива, то в это понятие должны входить, с одной стороны, национальные особенности, характеризующиеся не столько природными особенностями организации составляющих его индивидов, сколько условиями социальной наследственности, усвоенной от предков, путем воспитания общественных традиций, взглядов, обычаев и, наконец, моральных условий среды, из которой образован коллектив. Но сверх всего прочего определителем действий коллектива является господствующее в нем настроение, обусловленное данными обстоятельствами. Наконец, последним определителем действия коллектива является тот или другой повод, действующий наподобие вызова.

Таким образом поведение коллектива, выражающееся его действиями, жестами и заявлениями, зависит от совокупности вышеуказанных условий и в этом отношении должно быть признано столь же закономерным, как и поведение отдельного индивида.

^^ См.: Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 2.

95

VII. О КОЛЛЕКТИВНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ

Общественность животного мира или склонность образовывать коллективы ^* до сих пор еще не получила соответственного естественнонаучного объяснения. Наибольшей известностью в этом отношении пользуется теория естественного отбора, по которой индивиды, живущие обществами, имеют преимущество перед теми, которые не живут обществами, а потому первые выживают, вторые же вымирают.

Эта теория однако недостаточна, ибо она удовлетворительно может нам объяснить лишь существование животных, постоянно живущих социальной жизнью^* как бы по врожденному инстинкту, например, пчел, муравьев, термитов и т. п., но она не может нам объяснить непостоянных социальных групп; а между тем в животном царстве мы видим, что социальные группы часто образуются в известные времена года и в зависимости от тех или иных жизненных условий, например, в целях нападения и защиты, с изменением же этих условий и социальные группы прекращают свое существование до наступления новых жизненных условий, вынуждающих снова образовывать сообщества.

Указанную теорию, с моей точки зрения, следует дополнить теорией

социального отбора " ^ который обеспечивает существование сообщества, когда оно образовалось, тем, что в нем поддерживаются наиболее социальные особи, хотя бы и наиболее слабые в физическом смысле, представлением им соответствующих условий существования и лучшей защиты, чем в большей мере обеспечивается их выживание наперекор действию естественного отбора.

Надо однако заметить, что, не довольствуясь естественным отбором, некоторые авторы (например, Дауголл и др.) выдвигают теорию социального инстинкта как фактора, побуждающего к жизни сообществами. Если мы примем во внимание уже ранее указанный факт, что жизнь сообществами часто у животных связывается с определенным временем года и с особыми жизненными условиями, то станет ясно, что и одним инстинктом объяснить социальность нельзя, как нельзя им объяснить и некоторых явлений симбиоза.

Вообще говоря, понятием инстинкта несомненно злоупотребляют, ибо к нему прибегают там, где не находят соответствующего объяснения иным путем. Во всяком случае, если социальный инстинкт и существует, его необходимо расшифровать. Между тем теория сочетательного рефлекса может дать вполне удовлетворительное объяснение для жизни сообществами.

Мы знаем, что многие условия приводят к скоплению индивидов в одном месте, как например, защитные места от стужи и непогоды, места, представляющие обильное питание и т. п., что, естественно, приводит их к сближению и взаимодействию. Но многократно повторяющееся сближение и взаимодействие, сопровождающее мимико-соматической (эмоциональной) реакцией с положительным характером, становится вскоре потребностью в силу воспроизведения соответственной реакции при одной встрече с себе подобными при всяких других условиях, а это и создает взаимную тягу друг к другу существ себе подобных. Даже разнородные, сожительствующие друг с другом индивиды несомненно привлекаются друг к другу благодаря вышеуказанному условию. Взгляните на собаку, ласкающуюся при встрече со своим хозяином. Разве ее оживление и ласкание не являются воспроизведением и имевшей ранее место мимико-соматической реакции? А между тем эта реакция, несомненно оживляющая жизненные процессы, является

^^ См.: Бехтерев В. М. Социальный отбор и его биологическое значение. С. 947-955; Он же. Значение гармонизма и социального отбора... С/ 1130-1158.

96

безусловно благоприятной для животного, что и заставляет его искать встречи со своим хозяином, развивая и поддерживая все более и более свою привязанность к нему.

Таким образом ясно, что социальность или склонность к образованию сообществ " ^* является результатом опыта отдельных индивидов, будучи основана на развитии положительных мимико-соматических рефлексов, неизбежно связанных с наступательной реакцией, приводящей к сближению. То же мы имеем и в обществе людей.

Давно замечено, что сходные индивиды взаимно сближаются " °*. <Люди, однородные с нами по языку, по мировоззрению, по идеалам, по внешнему виду, говоря коротко, сходные с нами и по внешнему облику и по внутренним свойствам, близки нам. Это сходство служит как бы притягательной силой,

влекущей нас к социально-сходным индивидам. Дети ищут общества себе подобных детей. Люди ищут общества себе подобных людей. Между двумя европейцами взаимно-притягательная сила гораздо больше, чем между европейцем и варваром. Люди одного социального положения понимают друг друга лучше, чем индивиды различных социальных классов, групп, сословий, профессий и т. п.> "°.

Этот тезис выдвигается вообще целым рядом авторов. М. Дауголл, как мы уже говорили, объясняет этот факт проявлением стадного инстинкта. По его словам, <стадный инстинкт животного получает удовлетворение только в присутствии подобных ему существ и чем более подобия, тем полнее удовлетворение... Совершенно то же наблюдается у людей... Соединение сходных элементов в обществе происходит именно потому, что мы чувствуем неодинаковое влечение ко всем социальным агрегатам, но получаем наивысшее удовлетворение стадного импульса в обществе наиболее сходных с нами людей. У некультурных народов мы обыкновенно встречаемся с общинами одного и того же племени и с племенами, плотно спаянными кровной связью, которые живут на смежных землях. ...Та же тенденция обнаружилась и в создании (в американских Соединенных Штатах) обширных, ограниченных известной местностью общин из выходцев европейских государств. В наших больших городах она проявляется выделением населения сходной расы, сходных занятий и социального уклада> "\

То же явление отмечается Дюркгеймом " ', Waxweiler'om "^ Pareto ^, Гиддингсом ^.

Другим объединяющим условием является различие индивидов (<противоположности сходятся>), но такое, при котором свойства и особенности одного индивида являются дополнением другого индивида. Здесь импульсом, объединяющим людей, является, как сказано выше, взаимная нуждаемость. То, чем владеет один индивид, полезно для другого и наоборот то: что представляет собою другой индивид, полезно для первого. Здесь связью служит принцип разделения труда, который дает себя знать не только в общественном деле, но, как известно, и в техническом производстве. Недостаточность личности в каком-либо отношении является как бы импульсом, побуждающим искать восполнения ее в другой личности^*.

Как легко усмотреть, в обоих случаях решающим моментом для установления связи является полезность этой связи в общественном смысле. В пер-

^° Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 227.

^ Мак-Дауголл В. Основные проблемы социальной психологии. С. 220-221.
См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Эюд об организации высших обществ. С. 83-84.

^ См.: Waxweuer E. Esquisse d'une sociologie. Bruxelles, 1906. P. 16-17.

^ См.: Pareto V. Fraite de sociologie generale. S. 1., S. a. Vol. 1. § 1115-1133.

^ См.: Гиддингс Ф. Г. Основания социологии: Анализ явлений ассоциации и социальной организации. Киев; Харьков, 1898. С. 19-21.

7 В. М. Вехтерев

97

вом случае эта полезность является результатом усиления плодотворности тру-

да путем сложения сходственных сил, в другом случае та же полезность достигается путем взаимного дополнения недостаточности двух или многих личностей в том или другом отношениях на почве разделения труда.

Но полезность в данном случае является окончательным результатом сближения, первоначальным же импульсом к сближению может быть только развитие благоприятной мимико-соматической реакции при взаимных встречах, о чем речь была выше.

Как известно, П. Кропоткин ^ полагал основу образования соединений во взаимопомощи индивидов. Однако П. Сорокин признает последнюю за один из факторов объединения, ничуть не более, но, развивая свои возражения, он говорит, что как животные, так и люди входят в соприкосновение не только для взаимной помощи, .но и для <взаимной или односторонней борьбы и причинения вреда. Лев ищет добычи и входит с ней в соприкосновение, паразиты взаимодействуют с организмом, которым они живут, и взаимодействуют с ним временами весьма длительно. Люди общаются друг с другом и взаимодействуют опять-таки не только на почве взаимопомощи, но и взаимоистребления и взаимоугнетения (войны, драки, взаимодействие капиталиста и рабочего рабовладельца и раба, угнетенного и угнетателя и т. д.)>'^. Все это верно в отношении соприкосновения и взаимодействия, но о единстве или сообществе в случаях драки, войн и т. п. в сущности не может быть и речи. Ибо необходимо подчеркнуть, что взаимодействие и единение далеко не тождественные понятия.

<Нередко на почве антагонизма идей, - говорит П. Сорокин, - возникают и более острые формы антагонистического взаимодействия, объединяющие индивидов в продолжительное, антагонистическое коллективное единство. Простейший пример такого рода явлений - спор двух противников, доходивший до драки, свалка в парламенте между членами различных партий. Более широкими и продолжительными видами коллективных единств, образуемых и поддерживаемых антагонизмом идей и убеждений, могут служить: коллективное антагонистическое единство (взаимодействие) никониан и раскольников, многолетняя борьба между ними, сопровождавшаяся заточением раскольников в тюрьмы, их ссылкой и сожжением; вторым еще более широким и весьма длительным взаимодействием, вызванным и поддерживаемым антагонизмом идей и верований, служит коллективное единство католиков и еретиков, преследовавшихся первыми (взаимодействие <святой инквизиции> и ее верных с вальденистами, альбигойцами, катарами и др., выражавшееся в войнах, преследованиях, сожжениях еретиков и т. д.), религиозные споры и войны, объединявшие надолго противников в коллективное единство (например, борьба католицизма с протестантством) и т. п. ^. В примечании к этому тексту П. Сорокин поясняет: <Подчеркиваю, что с моей ненормативной точки зрения, группа взаимодействующих раскольников и никониан - суть коллективное единство, реальная совокупность, ассоциация " ^

Из этого ясно, что П. Сорокин, с одной стороны, термин <единство> заменяет термином взаимодействия, признавая их как бы однородными понятиями в данном условном смысле, с другой стороны, под коллективным единством он понимает реальную совокупность индивидов, ассоциацию антагонистического характера, следовательно нечто такое, что не имеет ничего общего с тем <духовным>^ * единством, которое мы понимаем, например, в случае объединения толпы или какого-либо иного собрания.

^ См.: Кропоткин П. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919.

^" Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 283.

^ Там же. С. 311-312.

" Там же. С. 312.

98

Само собой разумеется, что в таком антагонистическом взаимодействии имеется причинная зависимость поведения индивидов, и нельзя не согласиться с П. Сорокиным, что они должны быть таким же объектом изучения социологии, как и предметом изучения общественной или социальной рефлексологии.

Но мы все же будем различать коллективное единство от антагонизма двух или многих взаимодействующих индивидов, ибо существо и последствия этих взаимоотношений и там, и здесь коренным образом отличны друг от друга: в одном случае – взаимопомощь, в другом случае – борьба и взаимное истребление. Безусловно верно положение, что <индивиды могут притягиваться к индивидам> не только <благожелательными> отношениями, но и враждой. Но из этого все же не следует, что согласие и антагонизм вмещаются в понятие <единство>^*. Устранение этого смешивания избавит нас от тех неясностей, которые естественно вытекают из него в различных случаях обсуждения коллективных проявлений.

Несомненно далее, что антагонистические и абсолютно враждебные друг другу группы могут образовывать одно солидарное единство, но это может быть достигаемо путем насильственного подчинения одной группы другой и путем насильственного введения мер наказания за сепаратизм и мер поощрения при исполнении соответствующих мероприятий. Вообще нередко устанавливается единство на основе соподчинения индивидов, которое затем становится уже привычным, не возбуждая протеста со стороны подчиненных, как бывает обыкновенно вначале. В другом случае одновременная борьба приводит к истощению энергии борющихся, которые поэтому мирятся друг с другом и затем солидаризируются. Здесь дело идет о естественном внутреннем торможении, тогда как в первом случае для одной группы мы имеем торможение внешнего характера. Но тем не менее и там, и здесь имеется социальная связь между двумя группами, которая с течением времени может привести и к единству более или менее реальному или внутреннему, возникающему на почве единства кажущегося, фиктивного или единства по принуждению.

Итак, единство может быть двух родов: единство внутреннее, или единство в истинном смысле слова, и единство внешнее – по принуждению или вынужденное ^*.

Первое может возникнуть на почве солидарности интересов и социального сходства и на почве разделения труда в случае, если группы, входящие в единство ^**, представляются сами по себе самодостаточными, второе – в силу борьбы и порабощения слабого сильным.

Если толпа предполагает непосредственное объединение преимущественно мотивного, или, объективно выражаясь, мимико-соматического характера, в силу чего чем однороднее индивиды по роду своей носительной деятельности, тем скорее происходит объединение и достигается переход толпы в действие, то собрание, от которого требуется решение того или другого сложного вопроса, будучи объединено одной общей задачей, часто даже выигрывает от присутствия разнородных индивидов, ибо здесь дело заключается не столько в скорости, сколько в отшлифовке самого решения, обычно многогранного содержания. Вот

почему прения идут оживленнее в том собрании, в котором имеются представители разных школ и течений, где имеется большее или меньшее разногласие в мнениях, нежели в том обществе, где все более или менее солидарны друг с другом.

Как бы то ни было, всякий коллектив предполагает общность интересов в том или ином отношении, которая и поддерживает единение между членами

7>

99

коллектива [^]^o. Одни коллективы связываются общим настроением, развившимся на почве какого-либо события, как, например, толпа; другие же коллективы связываются одним общим зрелищем, возбуждающим те или другие эмоции, как театральная публика; третьи коллективы связываются между собою общими занятиями, как профессиональные союзы; четвертые коллективы связываются между собою теми или иными экономическими интересами, каковы, например, банковские и другие кооперативы, синдикаты, тресты и т. п.; пятые коллективы объединены религиозными целями, как религиозные общины; шестые коллективы связаны одними и теми же политическими взглядами, как политические партии, или общей опасностью, как военные коллективы. Словом, без объединения группы людей в том или ином отношении немислим и самый коллектив.

Какие же условия [^]* содействуют объединению в коллективе?

Наиболее важным и наиболее удобным способом общения или обмена мнениями в человеческом обществе, без сомнения, является речь в широком смысле слова, т. е. устное и печатное или писаное слово.

Бесспорно, что устная речь, дающая возможность личного, обмена мнениями, сопутствующего к тому же таким могущественным возбудителем эмоций, как жесты и выразительные движения, является наиболее важным средством обмена и общения между людьми. Но ее влияние сильно ограничивается известными пространственными условиями. Тем не менее устная речь в известных случаях может быть связующим звеном не только при личном общении отдельных единиц данной большой группы, но и при общении друг с другом отдельных общественных групп, так как благодаря посредникам, посланам или делегатам с помощью устной речи может устанавливаться общение даже между пространственно-разъединенными группами лиц.

Этот способ посредственного устного общения, бывший в обычае в старину, применяемый впрочем в известных случаях и ныне (например, при посылке представителей одной группы к другой), в значительной мере уступает место в отношении своей практичности писаному или печатному слову, которое, правда, лишено таких важных сопровождающих элементов, как жесты и выразительные движения, но которое, имея возможность вызывать их в читателе, обладает удобствами передачи на громадные расстояния.

Но не одно слово может служить посредником для объединения социальных групп. Выразительные движения и жесты, несомненно, в этом отношении имеют немаловажное значение. Действуя непосредственно на человека и возбуждая подражание, язык жестов в смысле общения иногда оказывается даже сильнее самого слова, как это можно видеть, например, в возбужденной толпе.

Несомненно также, что имеются формы объединения социальных групп, где средством объединения является не столько слово, сколько действие, возбуждающее эффективное состояние, как это мы имеем, например, в

публике, созерцающей театральное зрелище. Аналогичное явление мы имеем в молитвенных местах, а иногда и в толпе, где действие нередко является стимулом для подражания.

Равным образом и в профессиональных группах объединяющим условием до известной степени является однородная деятельность большинства членов одной и той же группы.

Сложные согласованные формы движения, как гимнастика, выполняемая множеством индивидов, или хоровое пение, дающее согласованный голосовой

^° По словам Токвиля, нет общества, которое могло бы процветать, даже просто существовать без одинаковых верований, потому что без общих идей нет и общего действия, а без общего действия могут существовать люди, но не общественное тело.

100

эффект, как известно, уже служат важными средствами социального объединения^*. Не менее важную объединяющую роль имеют те сложные формы движений, где разделение различных двигательных ролей как при игре в театре или разделение труда в производстве преследует определенную цель – выявить цельное содержание в первом случае и достичь общего результата труда во втором случае.

Нет надобности говорить, что имеются тысячи других форм движений как раздражителей, с помощью которых устанавливается взаимодействие двух и более лиц. Когда это взаимодействие оказывается полезным, оно, само собой разумеется, взаимно объединяет взаимодействующих лиц, тогда как взаимодействие, оказывающееся для одной стороны, а тем более для обеих сторон, вредным, приводит к разъединению или отталкиванию и, если то или другое из этих взаимодействий удерживается в течение того или другого времени, то этим оно обязано той или иной форме принуждения. Вследствие этого с устранением последнего естественно распадается и объединение. Пример из государственных отношений: Россия и Финляндия или Россия и Польша, Англия и Ирландия и т. п.

К числу раздражителей, устанавливающих взаимодействие между людьми, а часто и объединение, относятся также предметы, которые могут иметь эмблематическое, а нередко и символическое значение. Сюда относятся, например, мундир, знаменующий принадлежность к определенной чиновной касте, тот или другой знак, обозначающий принадлежность к определенному кругу лиц и т. п. Но и другие предметы материальной культуры, как памятники, дворцы, храмы, даже предметы домашнего быта и обстановки, короче, все предметы материальной культуры, все, что является результатом творческой деятельности человека, служат посредниками взаимодействия и объединения людей. Они <являются настоящими посредниками между людьми: одним они дают возможность запечатлеть, закрепить результаты своей работы, своих актов; другим, для которых они являются раздражителями, воспринять эти результаты и реагировать на них. С этой точки зрения к предметным проводникам могут быть причислены и люди посредники, передающие раздражение одних людей другим. Отличие их от других предметов в том, что они являются самодвижущимися предметами. Поэтому их можно называть двигательными предметными проводниками> ^ . Вряд ли нужно говорить здесь, что посредническая роль людей является много большей, нежели просто <двигательных предметных проводников>. Не говоря о неподходящей терминологии проводника для раздражителя, несомненно, что че-

ловеческий язык в отношении посредничества между людьми делает гораздо больше, нежели роль самого человека как самодвижущегося предмета. П. Сорокин, говоря о людях как контактных звеньях цепи проводников, дает яркие примеры посреднической роли людей в отношении взаимодействия. <Раздражение, исходящее от одного индивида, сначала передает один проводник, в дальнейшем это раздражение переходит к другому проводнику, от этого к третьему и т. д., пока... не дойдет до человека-адресата^.

Нельзя при этом не принять во внимание, что самое действие раздражителя в этих случаях в значительной мере зависит от личности, служащей посредником, от личного опыта в прошлом, от его воззрений и склонностей, благодаря чему и воспринимание и отношение к предметным раздражителям у каждого посредника может оказаться совершенно особым, <своим>. Отсюда являются всевозможные искажения первоначального факта раздражителя до неузнаваемости. Эти искажения объясняют нам генеалогию слухов и легенд,

^ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 139.

^ Там же. С. 142.

101

приобретающих нередко поистине фантастический и даже чудовищный характер^*.

Из всех предметов обихода наиболее деятельными раздражителями, приводящими к взаимодействию и объединению между людьми, без всякого сомнения являются деньги как установленная мера ценности различных предметов и, когда нужно, замещающая их, а, когда нужно, их вновь восстанавливающая путем покупки. Но П. Сорокин прав, когда он подчеркивает особую рельефность семейных, религиозных и государственных реликвий: <семейная реликвия, например, локон матери, это священный предмет; передавая его из поколения в поколение, тем самым передают раздражитель, который будет говорить: и о славе семьи и о ее чести, будет вызывать упреки в душе недостойного потомка, гордость в душе достойного: короче, этот локон является подлинным проводником, соединяющим прошлое с настоящим, настоящее с будущим. То же mutatos mutandums можно применить и ко всем остальным предметным проводникам>^.

Взаимодействие и общение между людьми может быть непосредственное и опосредованное^*. Когда люди взаимодействуют без какого-либо посредника при участии своих органов движения, с одной стороны, и воспринимающих органов, с другой стороны, мы можем говорить о непосредственном взаимодействии и общении "°*. Во всех других случаях мы имеем взаимодействие и общение опосредованное. Последнее может осуществляться при посредстве писем, телеграмм и каких-либо знаков, пальцевой азбуки глухонемых, например, при посредстве передачи цветов, тех или других предметов и т.п. Не менее важным посредником взаимодействия и общения являются звуковые аппараты в виде, например, телефона, музыкальных инструментов и т. п. Осязательными посредниками являются: азбука слепых, разные формы прикосновения, поцелуи и другие формы ласки, половое общение, побои и другие механические воздействия, тепловые и электрические раздражения и т. п. Обонятельными посредниками являются разного рода душистые вещества, вкусовыми – пищевые продукты и другие вкусовые вещества ^*.

Заслуживает внимания, что посредники могут объединять людей, не только находящихся на огромном расстоянии друг от друга, но и живущих

в разных эпохи. Папирусы, памятники древности, археологические находки разве не объединяют нас с людьми, жившими в древние века и даже в доисторическое время? Точно также памятники искусства и даже всякого рода сооружения могут быть посредниками взаимодействия и общения между людьми, принадлежащими разным народам и разным эпохам ^*.

Вообще пределы взаимодействия между людьми и объединения их при участии посредников раздвигаются до необычайных пределов: <я взаимодействую с моим другом, живущим в Америке, – говорит П. Сорокин. – Сегодня я получил от него письмо; этот <раздражитель> заставил меня выполнить ряд актов: написать ответ, сходить в магазин и купить для него нужную книгу, идти на почту. Письмо его, кроме того, меня <страшно обрадовало>. Короче, мой друг, живущий в Америке, определенным образом обусловил мои переживания и поступки... Таких фактов, как известно, ежечасно совершается бесконечное множество. Ученые, журналисты, газетчики, промышленники, правители и т. д., сплошь и рядом разделенные громадным пространством, общаются и взаимодействуют друг с другом. Из тех же фактов обыденной жизни известно, что люди могут находиться в процессе взаимодействия, несмотря на время, лежащее между ними. Вчера ко мне заходил дворник и, не застав меня дома, передал прислуге, чтобы я представил карточку об явке на учет. Сегодня мне пришлось почти целый

^ Там же. С. 140

102

день провести в хлопотах по этому делу. Это значит, дворник обусловил мое поведение и переживания несмотря на то, что я его не видел и пришел к себе несколько часов спустя после его посещения.

Более того, может быть взаимодействие между живыми и мертвыми ^"*. Спенсера и Маркса уже нет в живых. Между тем они продолжают влиять на множество людей нашего времени и влияние их едва ли скоро прекратится и в дальнейшем. Своими работами, дошедшими до нас в виде книг, они вызывают ряд переживаний и действий у многих лиц. Умерший т. Х своим завещанием обуславливает ряд переживаний и действий у многих индивидов: наследников, душеприказчиков, нотариусов, судей, членов университета, которому он завещал свою библиотеку, членов приюта, в пользу которого он сделал отказ и т.д. Из этих фактов ясно, что фактически ни пространство, ни время не являются препятствием для взаимодействия между людьми ^ и все это благодаря участию тех или других посредников, которые П. Сорокин, с нашей точки зрения, как упомянуто, не совсем удачно называет проводниками. Письмо, книга, телеграммы, завещательный акт, древняя статуя как передатчик жизни древних, те или иные символические знаки и т. п. – все это суть посредники взаимодействия, а не проводники его, к каковым можно относить среду вообще или ту или иную энергию, в частности, например, звуковую, электрическую и т. п.^*.

В процессе объединения народных масс в одну социальную группу играют роль три главных воспринимающих органов: осязание, зрение и слух*.

По словам Гью, <прикосновение есть самое первобытное и самое верное средство, чтобы привести в общение, в гармонию и социализировать две нервные системы, два сознания, две жизни> ^.

Точно так же Тард придает в толпе большое значение взаимному прикосновению или трению (сталкиванию по Сидису), которое действует взаимно

электризирующим образом. Объединяющее значение прикосновения известно и из состояний взаимной любви, которая неизбежно требует при своем проявлении взаимного прикосновения. Точно так же взаимное прикосновение действует ободряюще при нападении, связанном с опасностью, поощряет к обороне в случаях нерешительности и действует успокаивающе в случаях несчастья или бедствия. С другой стороны, взаимное соприкосновение содействует однородным движениям, в чем легко убедиться при ходьбе или беге, при держании друг друга за руку, а также в танцах и акробатических упражнениях. Отсюда ясно, что чем теснее толпа, тем легче она объединяется, что проявляется в однородных движениях и криках. Даже стоячее положение, дающее возможность более тесного сплочения и большего соприкосновения, при относительной свободе движения способствует большему объединению народных масс.

Зрение также является верным пособником объединения народных масс. По Гьюю, восприятие движения или чувства у других вызывают отзвук в нас самих. Здесь выдвигается принцип подражания во всей силе. Мимика эффекта одного вызывает такой же эффект в другом. Жест вожака в известных случаях может иметь магическое влияние. Наконец, всем известно заражающее влияние движений. Многие ли из танцоров в состоянии воздержаться при виде увлекающего танца кого-либо из толпы.

Всякому известно как мерные маршевые движения войск увлекают за собою часть зевак и мальчишек, идущих вслед за ними с тем же темпом движений. Наконец, движения капельмейстера, как известно, имеют руководящее значение для всего оркестра или хора.

" Там же. С. 116-117.

^ Гьюю Ж. М. Искусство с точки зрения социологии. СЦБ., 1891. С. 3.

103

Даже в мире животных проявляется руководящая роль движения для всего стада, ибо те или другие движения вожака вызывают путем подражания подобные же движения в других представителях стада. Общеизвестна также семейная передача друг другу характера, жестов, почерка, привычек и т. п.

Наконец, движение привлекает сосредоточение, а это обостряет впечатлительность. Возьмите молодого котенка и посмотрите, как он сосредотачивается и следит за каждым движением свернутой бумажки и как безразлично он относится к той же бумажке, коль скоро она остается неподвижной.

По словам Моргана, и новорожденные птенцы <инстинктивно хватают червя не потому, что это червь, а потому, что это маленький движущийся предмет>, ибо, по словам того же автора, <если двигать пищу перед новорожденными птенцами, то они скорее обратят на нее внимание>.

Отсюда ясно, какая роль в толпе выпадает на роль движения, жестов, мимики и действий ее вожаков и героев, возбуждающих сосредоточение и тем обостряющих впечатлительность, с одной стороны, а с другой – побуждающих в других случаях к слепому подражанию.

Заразительная сила действий в толпе общеизвестна. Человек, возбуждающий против себя злобу толпы, мог бы спастись, если бы стоящий вблизи его сосед не ударил его. Это служит сигналом – на него тотчас же набра-

сываются и самосуд толпы имеет свою жертву ^"*.

Еще большую роль в объединении народных масс играет орган слуха. Прежде всего при посредстве слуха устанавливается однородность движения массы лиц. Достаточно указать на роль музыки в маршах, танцах и массовых гимнастических упражнениях. Такое же значение имеет пение в рабочих артелях.

Значение музыки в объединении индивидов сказывается и там, где толпа в ней активно не участвует, а только ее слушает. Когда артист играет Мусоргского или Скрябина, с физической стороны дело сводится к тому, что его пальцы, двигая смычком по разным струнам скрипки, вызывают в них колебание, которое посредством колебаний воздуха достигает органа слуха и возбуждает здесь колебания в форме нервной волны, направляющейся к слуховым областям коры. Последние же посылают обратные волны к периферии и внутренним органам, приводящие к определенной мимико-соматической реакции и возбуждают ряд других умственных сочетаний. Эти-то нервные волны у слушателей, будучи вызываемы одинаковым посредником, и объединяют массу лиц, слушающих артиста. Они получают один и тот же заряд физической энергии и, хотя эффекты этого заряда в силу различия индивидуальностей не вполне одинаковы, но то обстоятельство, что имеется нечто общее в мимико-соматической реакции у всех индивидов, служит к общему объединению и приводит к взаимодействию при помощи того же посредника как между собою, так и с давно умершими композиторами.

С другой стороны, голос имеет значение средства, возбуждающего сосредоточение в наибольшей мере. Достаточно, чтобы во время полной тишины раздался шорох, чтобы глаза всех были направлены в его сторону.

Также и крик или возглас среди массы даже шумно говорящих людей привлекает общее сосредоточение и тем самым обостряет впечатлительность толпы.

С другой стороны, голос возбуждает подражание, действуя наподобие заразы. Всем известно, как трудно удержаться человеку от присоединения к общей хоровой песне. Также и в толпе при нарастающем настроении выкрики или лозунги действуют наподобие заразы и их начинают произносить все или многие из присутствующих.

104

Особенно важным нам представляется заражающее влияние голоса на толпу, способствующее ее объединению. Даже интонация в голосе вожака играет большую роль в смысле влияния на толпу.

Но гораздо более важное влияние в смысле объединяющего фактора имеет все же слово, внушающая роль которого подробно оценена мною в книге <Роль внушения в общественной жизни> (СПб., 1898) ^. Всем известно, что в человеческом обществе главным образом путем слова и организуются собрания. С другой стороны, в самих собраниях так называемые зажигательные речи вожаков действуют не только возбуждающе на состояние толпы, но и объединяюще, ибо в общем настроении и заключается объединяющий фактор. О роли слова в этом отношении речь будет еще впереди.

Помимо того и организация народных масс, приводящая к сплочению

и правильной организации их деятельности, происходит опять-таки при посредстве словесной или письменной речи*.

В связи с вышеизложенным становится понятным, почему общая жизнь, общая работа, общая деятельность и совместно перенесенные невзгоды или радости жизни все своим существом служат к объединению коллектива. Так, известно, какое огромное значение имеют в этом отношении школы учреждения, общежития и пр.

Нельзя не отметить также, что пережитые совместно события имеют особо важное объединяющее значение для коллектива. Особенно могущественное действие в этом отношении имеют совместно пережитые невзгоды.

Вообще говоря, общее неблагополучие объединяет людей сильнее, чем общее благополучие.

Из предыдущего ясно, что коллектив только тогда является настоящим коллективом, т. е. объединенным целым, когда благодаря воздействиям одних его членов на других устанавливается их единение в том или другом отношении.

VIII. ВЗАИМОВНУШЕНИЕ, ВЗАИМОПОДРАЖАНИЕ И ВЗАИМОИНДУКЦИЯ КАК ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ

В числе факторов объединяющего характера должны быть более подробно выяснены такие, как взаимовнушение, взаимоподражание и взаимоиндукция. По отношению к взаимовнушению все необходимое содержится в моей специальной работе ^" и потому я не считаю нужным здесь вновь останавливаться на этом предмете. Ниже, однако, мы еще к нему вернемся.

Что касается подражания, то по этому предмету имеется уже довольно обширная литература, которая представлена работами Михайловского, Тарда, Росси, Лебона, Гарднера, Сигеле, Сидиса, моими, Вигуру и Жукелье и др.

Общий результат этих исследований сводится к тому, что уже собрание лиц в толпу располагает к развитию взаимной заразы, что и приводит к объединению их деятельности.

По Binet, производившему опыты над детьми, оказывается, что уже в силу одного факта собрания детей в одну группу они становятся более подверженными внушению ^.

По Вигуру и Жукелье, уже одно восприятие зевания вызывает у других повторение того же акта. Рефлекс зевания наиболее заразительный. <Мы

^ Имеется немецкий перевод этого сочинения: Suggestion und Rolle im Socialleben. Wiesbaden,

1898.

^" Вехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни.

^ СМ.: Binet A. La suggestibilite. P. 1900. P. 209 etc.

105

присутствовали при подлинной эпидемии зевания, вызванной в omnibusе одним фактом восприятия зевания одного из пассажиров> ^.

Но, возможно, помимо заразы и непосредственное индуцирование^{^*} одной личности другою, как то доказывают наши опыты с так называемым мысленным внушением^{^°}.

Дело идет в таком случае о таких формах воздействия в толпе, где отдельные лица становятся как бы взаимными резонаторами одних по отношению к другим.

Как известно, всякое движение, не возбуждающее противодействия в целях обороны, возбуждает к подражанию, а это уже само по себе приводит к объединению масс. Есть что-то непосредственно заражающее в тех движениях, которые являются для нас более или менее привычными и выполнение которых не вызывает труда. Таковы, например, движения зевания, смеха, танцев и т. п.

Тард много посвящает в своих трудах вопросам подражания, понимая под этим термином не одно только индивидуальное подражание в форме так называемой <психической> заразы, но и расширяя его до степени межклассового и международного подражания. В сущности дело сводится к объединяющему значению взаимоотношений, устанавливающихся в каждом коллективе, ибо коллектив не будет чем-то целым, коль скоро личность не воспримет общие свойства коллектива, и с другой стороны, достижения одной личности, будучи признаны общепользовными, не сделаются общими достижениями.

В этом именно заключается нивелирующее начало всякого более или менее организованного коллектива: будет ли он представлять собою профессиональное общество, народ или государство. Речь идет здесь вообще о распространении индивидуальных достижений на весь коллектив путем заимствования и усвоения их другими членами того же коллектива, а это заимствование и усвоение происходит путем простой индукции, подражания, внушения и убеждения.

Таким образом роль указанных факторов^{^*} в социальных условиях огромна, ибо благодаря им устанавливается взаимоотношение между людьми и достигается коллективное объединение, иначе говоря, благодаря им становится возможным образование коллектива людей или собирательной личности. Из этих факторов наиболее ранним по развитию, если исключить индукцию, является подражательность, свойственная, как мы знаем, и обширному классу животных. Ее можно наблюдать у детей вскоре после их рождения и, очевидно, с помощью ее устанавливаются первые социальные отношения дитяти. Когда ребенок произносит первый подражательный звук, когда он улыбается в ответ на улыбку матери, когда он повторяет виденное движение – это начало его социальности, а все это может быть обнаружено уже в первые недели и месяцы жизни ребенка.

Подражание следует понимать вообще шире, нежели это принято думать. Подражание может зависеть и от воспроизведения и в этом случае оно может быть рассматриваемо между прочим с точки зрения исторической перспективы. <Манускрипт о республике Цицерона находят 2000 лет спустя после того, как он был написан, его отпечатывают, им вдохновляются; мы получаем посмертное подражание, которое не имело бы места, если бы молекулы пергамента перестали существовать и вибрировать и если бы, кроме того, размножение не шло своим порядком, начиная с Цицерона до наших дней. <Воспроизведение есть свободное волнообразное колебание, вол-

^^ Vigouroux E., Juqueuier. Le contagion mentale. P., 1905. P. 27.

^° СМ.: Доклады к конференциям Института по изучению мозга за 1919 и 1920 гг. // Вопросы изучения и воспитания личности. Пг" 1920. № 2.

ны которого составляют отдельные миры. Подражание идет еще дальше: оно действует не только на весьма больших расстояниях, но и через громадные промежутки времени. Оно устанавливает богатое последствиями соотношение между изобретателем и подражателем, отделенными друг от друга тысячами лет; между Ликургом и членом народного конвента, между римским живописцем, нарисовавшим фреску на стенах Помпеи, и современными художниками, вдохновляющимися ею. Подражание есть, воспроизведение на расстоянии> .

Отсюда понятно, что подражание может быть причиной эпидемии или восстания, когда революционное движение перебрасывается из одного города в другой, или может быть причиной воспроизведения исторических событий. Не воскресли ли вновь благодаря подражанию древние олимпийские игры, некоторые состязания в виде метания копья или марафонского бега и не оживляются ли вновь благодаря подражанию старинные созвучия в виде гексаметра, а также ритмическая гимнастика и другие формы древнего искусства.

Тард, объясняющий всю социальную жизнь законами подражания, между прочим по поводу их значения высказывается следующим образом: <Известны законы Мальтуса и Дарвина относительно тенденции индивидов данного вида, размножаться в геометрической прогрессии – истинные законы лучистого воспроизведения живых индивидов. Таким же образом местное наречие, употребляемое несколькими семействами, мало помалу, благодаря подражанию превращается в национальный язык. При возникновении первобытных обществ искусство тесать камни, приручать собак, делать луки, а несколько позже – печь хлебы, работать бронзу, извлекать железо и т. д. должно было распространяться путем заразного подражания, причем каждая стрела, каждый кусок хлеба, каждый бронзовый крючок, каждый отесанный камень составляли одновременно и копию, и модель. Так и в наше время совершается лучеобразное распространение разных полезных сведений с той лишь разницею, что увеличившаяся плотность населения и вообще со-вершившийся за это время прогресс поразительным образом ускоряют это распространение подобно тому как скорость распространения звука находится в прямой зависимости от плотности среды> ^".

Нет основания сомневаться в особом значении подражания как выдающегося фактора социальной жизни, столь талантливо разъясненного Тардом в его книге, но нельзя забывать, что общество состоит не только из подражателей, но и созидателей, а это обуславливает существование конкурирующих друг другу индивидов в силу чего подражание не всегда достигает своей цели ввиду конкуренции, обнаруживающейся со стороны других соперничающих индивидов. Таким образом жизнь общественного организма состоит из подражания и конкуренции или соперничества, между которыми устанавливается своего рода взаимодействие, приводящее к подвижному равновесию ^°*.

Уже ранее было говорено, что подражание осуществляется в большей мере по отношению к руководящим лицам. Таким образом дети подражают родителям, ученики учителям, младшие старшим и т.п. То же имеет значение по отношению к коллективной среде, где мода начинается всегда с руководящих слоев населения и передается к низшим слоям. Обратное

заимствование, конечно, не исключается, но оно происходит всегда в меньшей мере и лишь в известные периоды и не иначе как по особым условиям достигает значительной степени выраженности. Такова распространяющаяся время от времени проповедь опрощения, заставляющая рядиться в простой

^ Тард Г. Законы подражания. С. 34–35.

^ Там же. С. 16–17.

107

покрой платья, есть простую пищу, трудиться наподобие простого народа и т. п.

Обычно <плебс> подражает <патрициям> в большей мере, чем наоборот; деревня подражает городу больше, чем наоборот; сельские жители городским больше, чем городские сельским; побежденные – победителям, любящие подражают в большей мере любимым существом, нежели наоборот; аристократия подражает монарху или президенту и придворным больше, чем обратно и т. п. Язык, обладающий литературными достоинствами, язык более богатый оборотами, особенно если он является еще и языком народа-победителя, распространяется среди некультурного народа путем подражания в большей мере, нежели язык мало культурного народа среди народов высокообразованных^{^*}.

По Тарду, <всякие сходства социального происхождения, замечаемые в мире общественном, представляют прямое или косвенное следствие подражания во всевозможных его видах: подражания-обычая или подражания-моды, подражания-симпатии или подражания-повиновения, подражания-обучения или подражания-воспитания, подражания слепого или подражания-сознательного и т. д.>[^]". <Великим проводником> всех этих подражаний Тард признает конечно язык.

Сам язык есть подражание^{^*}. Происхождение европейских языков из санскритского говорит о бесконечном подражании, где каждое отступление или изменение представляет собою своего рода открытие или изобретение неизвестного автора, в свою очередь, вызывающее подражание.

<...Необычайное развитие всякого рода моды, моды по отношению к одежде, пище, жилищу, потребностям, идеям, учреждениям, искусствам ведет к превращению всего населения Европы в людей, представляющих собою издание, набранное одним и тем же шрифтом и выпущенное в нескольких сотнях миллионов экземпляров> ^\

Нельзя однако упускать из виду, что подражание и в коллективах встречается с тормозящими условиями, стоящими на его пути и являющимися в результате жизненного опыта отдельных индивидов того или другого коллектива. В самом деле, если русские подражают немцам, англичанам и французам, то ясно, что они подражают в том, что не противоречит их укладу жизни и что соответствует в данное время их интересам и их пользе; все же, что признается несоответствующим их укладу жизни и их интересам, встречает естественные тормозы и отвергается. То же мы имеем и со стороны японцев, подражающих западно-европейским странам и нам, русским. Таким образом подражание встречает известное ограничение, которое сводится к коллективным тормозам, вырабатываемым жизненным опытом и определенным укладом жизни, и к противодействию всему тому, что не соответствует вкусу, привычкам, установившимся обычаям народа и т. п.

Как мы знаем, подражание встречает тормоз и в личном опыте, благодаря

чему подражание всегда обнаруживается в большей мере в детском возрасте по сравнению со взрослыми. То же явление, как мы знаем, обнаруживается в коллективах. Более молодые коллективы берут пример с более старых, и молодые нации подражают более старым нациям в большей мере, нежели наоборот. Таким образом русские подражают во многом более старым в культурном отношении западным державам, которые если кое-что и заимствуют от русских, то в гораздо меньшей мере, нежели сами русские от них.

Японцы же как нация, выступившая на арену общественной жизни позднее русских, подражают в значительной мере западной Европе и русским, тогда как им подражают менее всего как европейцы, так и мы, русские ^{^*}.

[^] Там же. С. 14.

1 с А — — — — — , —

Л <я[п /IV[^]i v[^]. J. Ti

[^] Там же. С. 15.

108

Нельзя при этом упускать из виду, что подражание есть важный фактор прогресса, ибо всякое поступательное движение общества, как и отдельных индивидов, основано на подражании всякому усовершенствованию, где бы оно ни оказалось, а достигнутое усовершенствование, приобретенное коллективом или отдельным лицом, обязательно приводит благодаря особенностям индивида к дальнейшему усовершенствованию, которое, передаваясь путем подражания третьему коллективу или индивиду, вновь приводит к дальнейшему усовершенствованию.

Помимо этого подражание сокращает и облегчает работу подражающего. Когда один объект достигает усовершенствования путем личного опыта, другой, подражающий ему, ничуть не нуждается в производстве того же опыта, но воспринимает лишь результат, достигнутый опытом другого, опуская всю предварительную работу. К тому же подражание действует на всех стадиях развития и совершенствования, благодаря чему оно дает возможность дело начатое одним передавать другому еще в начальном периоде формирования его, а это дает возможность продолжать его далее, внося в него свои индивидуальные особенности, что опять-таки может оказаться продуктивным.

В социальной жизни закон подражания проявляется в том, что ни одно изобретение не остается принадлежностью одного индивида, а непременно становится общим достоянием коллектива через то или другое время. Вот почему наряду с дифференциацией идет, хотя и постепенно, нивелировка всех народов как залог их объединения^{^*}, ибо ни один народ не создал полностью своей культуры, а заимствовал различные стороны культуры от других народов. Это заимствование путем подражания прямого или косвенного является неизбежным для всякого вообще коллектива и для всякого народа, каким бы оригинальным творчеством он не обладал. Можно лишь сказать, что народ, которому больше подражают другие народы, обладает более оригинальным творчеством по сравнению с народами, возбуждающими подражание в меньшей степени. С другой стороны, можно считать установленным, что народ, который умеет заимствовать хорошее у других народов, всегда выигрывает перед остальными народами^{^*}. Само собою понятно, что все то, что представляется оригинальным в ком-либо, так или иначе

воздействует на других, возбуждая в них стремление к заимствованию и подражанию. Собственно уже распространение мифов, сказок, легенд, определенных форм искусства, научных открытий и изобретений основано на заимствовании и подражании. Особенно замечательно заимствование народами один от другого мифов, приобретающих вследствие этого обширное распространение.

Точно так же формы национального искусства в сущности заимствованы от других, более старых форм искусства и составляют в свою очередь предмет заимствования другими нациями.

Наука подвержена тому же закону социального уравнивания. Как ни высоко развивается наука у тех или других народов, ее завоевания неизбежно получают тенденцию к распространению всюду, где существуют благоприятные условия для ее развития. При этом, само собою разумеется, дело идет часто лишь о простом заимствовании, но тем не менее научное творчество не остается обособленным и имеет тенденцию к распространению путем заимствования же, в результате чего происходит и в этом отношении социальное уравнивание в той или другой мере^{^*}.

То же самое необходимо сказать о технике и индустрии.

Если один народ достигает известной высоты в развитии своей техники и индустрии, плоды этого развития непременно получают распространение и среди других народов, уравнивая их в большей или меньшей степени в использовании достигнутыми усовершенствованиями.

Само собою разумеется, что эти тенденции к уравниванию идут то быстрее, то медленнее в зависимости от условий социальной среды и других обстоятельств, но ни один коллектив не остается в обособленном положении среди других, ибо все народы, все общества и кружки находятся в общении друг с другом. Конечно, местные условия, большая или меньшая географическая обособленность и свойственная обществам рутина как выражение закона инерции, оказывают противодействие такому уравниванию в той или другой степени, но все же это уравнивание проявляется везде и всюду, где лишь создаются к тому подходящие условия^{^*}.

Так, в древней истории римляне заимствовали высшие проявления культуры от греков, а побеждаемые ими варвары заимствовали культуру от римлян, причем впоследствии они даже и в отношении военного искусства достигли такой степени, что могли сломить упорство римских когорт.

В новейшее время японцы как морская держава быстро восприняли плоды европейской культуры и сделались в короткое время одной из цивилизованных стран востока.

Каждое вообще изобретение, способное улучшить условия человеческого существования и оказывающее человечеству те или другие материальные блага, как земледелие, приручение животных, изобретение пороха, книгопечатание, открытие силы пара, знание электричества и т.п., а равно и все завоевания человеческого гения в области литературы, искусства и науки, явившись первоначально в том или другом месте, быстро становятся достоянием широких масс населения и получают почти всеобщее распространение.

В результате всякая цивилизация является продуктом приобретений, сделанных человеческим гением где бы то ни было и лишь воспринятых данным народом, который впрочем и сам вносит в цивилизацию те или другие результаты своего творчества.

Заслуживает внимания, что заимствование только тогда дает прочные результаты, когда оно идет от общего "к частному, ибо ранее всего заимствуются одним народом от другого установленные принципы, а затем только учреждения, являющиеся выразителями этих принципов. Так, возрождение в Западной Европе было подготовлено предварительным изучением греческой литературы, а ознакомление с трудами английских мыслителей подготовило заимствование английских учреждений другими странами; знакомство с французскими политическими учениями дало почву для развития революций в других странах.

С другой стороны, если к тем или другим учреждениям умы окажутся недостаточно подготовленными, то в конце концов и вводимые вместе с ними или вслед за ними учреждения окажутся непрочными. Этим объясняется, например, гибель парламентаризма в Турции до периода великой войны. Этим же объясняется неустойчивость парламентского строя в республиках Южной Америки. По той же самой причине и заимствования обыкновенно распространяются в каждом народе от высших или интеллигентных слоев, постепенно передаваясь, к низшим, ибо первые скорее усваивают общие принципы и новые мысли, установившиеся в других странах, и переносят их на родную почву. К тому же благодаря особым условиям, заимствование облегчается в силу более легкой возможности ознакомиться высшим слоям общества с новыми особенностями в жизни других стран.

Возьмем моды. Они раньше всего воспринимаются высшими слоями населения и затем постепенно переходят к низшим слоям, после чего они оставляются первыми, для того чтобы заимствовать и ввести у себя новую моду. Здесь, конечно, сказывается в то же время влияние господствующего класса, пользующегося известным престижем и авторитетностью в населении и возбуждающего подражание в других классах населения.

В больших коллективах национализм^{***} является выразителем единства его, и все, что поддерживает национальные особенности и традиции в жизни данного народа, поддерживает и единство. Даже классовые элементы, эти хранители кастовых особенностей, поддерживают национализм, олицетворяющий единство данного народа, несмотря на то, что в самом своем существе они отгораживают себя от других коллективных групп того же народа.

Когда мы говорим о подражании, то вопрос наиболее существенный заключается не в том, что социальность обуславливает подражание и что социальный динамизм есть подражательный динамизм, а в том, почему именно он является таковым. В чем заключается причина того, что два существа или две группы существ начинают подражать друг другу.

По словам Бордье, каждый человек предрасположен к подражательности, но эта способность достигает своего апогея в собраниях людей: доказательством служат общественные собрания, где достаточно аплодисмента или свистка, чтобы возбудить залу в том или другом направлении[^].

Сигеле, признавая подражание врожденной способностью, замечает, что эта способность у человека не только увеличивается в силе, удваивается, но делается во сто крат интенсивнее в среде толпы, где у всякого возбуждается воображение и где единство времени и места удивительным образом почти с быстротой молнии способствует обмену впечатлениями и чувствами[^].

О предрасположении к подражанию говорит И Sully^{''}. Но вопрос, в чем заключается сущность предрасположения, остается невыясненным.

Тард, а за ним и целый ряд других авторов, сводят общественную заразу на явления гипнотического внушения.

Говоря о воздействии одной личности на другую, лежащем в основе социальной жизни и обусловливающим подражание, что было известно еще Эспинасу и даже Cabanis'у. Тард очень много распространяется на счет гипнотического влияния и целым рядом примеров и сопоставлений пытается убедить читателя, что это воздействие вообще ничем по существу не отличается от воздействия гипнотического и уподобляется состоянию сомнамбулизма вследствие гипноза. <Представьте себе сомнамбулу, простирающую подражание своему медиуму до такой степени, что сам он становится медиумом для третьего, подражающего в свою очередь ему и т. д.... Не в этом ли состоит социальная жизнь? Такой каскад последовательных, сцепляющихся взаимно магнетизаций есть общее правило, а взаимная магнетизация, о которой я сейчас говорил, – только исключение. Обыкновенно какой-нибудь обаятельно действующий человек дает импульс, отражающийся тотчас же на тысячах людей, копирующих его во всем и заимствующих у него его обаятельность, благодаря которой они сами действуют на миллионы дальше стоящих людей. И только тогда, когда это действие, направленное сверху вниз, истощится, можно будет заметить – в демократические времена – возникновение нового действия: миллионы людей начинают обморачивать своих старых медиумов, заставляя их слушаться. Все не страх, не насилие победителя, а удивление, блеск ощущаемого властного превосходства производит социальный сомнамбулизм>^.

Общество – это подражание, а подражание – род гипнотизма, так окончательно выражает свои мысли автор.

Если бы дело шло о фигуральном сравнении, то можно было бы не возражать против этого. Но если принять во внимание, что внушение в бодрствованном состоянии есть явление более распространенное и более широкое, нежели гипнотическое, нужно ли доказывать, что воздействие

^ См.: Boodain A. La vie des socifes. P., 1887.

^ См.: Сигеле С. Преступная толпа: Опыт коллективной психологии. СПб., 1893.

" См.: Sully. Union medec. S. 1. 1869. Vol. 8. P. 369.

^ Тард Ж. Законы подражания. С. 86.

111

одного человека на другого в обществе не может быть равносильным гипнотическому воздействию. Можно ли согласиться с тем, что <социальный человек есть настоящий сомнамбул> и что <социальное состояние как состояние гипнотическое есть ни что иное, как сон, сон по приказу и сон в деятельном состоянии?>^ В этом мы видим лишь дань увлечению, свойственному вообще этому писателю, проявлявшему вообще немало увлечения и при обосновании его <законов подражания>. Однако за Тардом и Сиддис признает, что <я> толпы образуется из подбодрствующих, т. е. подсознательных <я>, чем и объясняется повышенная внушаемость толпы. Еще ранее того и другого автора говорит о том же предмете и в том же духе наш Михайловский, которому без сомнения принадлежит первенство этой гипотезы.

Вслед за упомянутыми авторами и целый ряд других трактует этот вопрос с чисто субъективной точки зрения, признавая основным условием внушаемости в толпе наряду с ограничением произвольных движений, суждение сознания и моноидеизм или заполнение сознания одной идеей. Мы

не последуем за субъективистами и попробуем выяснить объективные условия внушаемости в толпе. Условия эти сводятся к трем основным: продолжительное пребывание в одном и том же положении, что помимо ограничения активных движений приводит к физическому утомлению; продолжительное же сосредоточение на одном и том же предмете (обычно на самом вожаке и его речи) приводит к утомлению сосредоточения. С другой стороны, подготовка, обусловленная демагогическими приемами вожака, сопровождаемая соответствующими жестами и мимикой, обуславливает однородный характер настроения, что, в свою очередь, определяет направление активного отношения толпы, ибо подъем настроения обязательно сопряжен с готовностью к действию. Как известно, при таких условиях бывает достаточно одного слова или даже жеста, действующего наподобие приказа, чтобы толпа совершила известное деяние. Наоборот, упадок настроения есть благоприятная почва для паники, которая наступает иногда в одно мгновение под влиянием какого-либо, иногда даже вздорного, заявления или крика ^{^*}.

Не следует, однако, забывать, что подражание наблюдается и не в толпе только, а везде, где имеется то или иное общение людей, где о гипнозе не может быть и речи. И так как мы знаем, что внушение действует и в бодрственном состоянии ^{^°}, то это обстоятельство, без сомнения, должно быть здесь принято во внимание, вследствие чего гипнотическая теория должна быть признана по меньшей мере односторонней. Но нельзя упускать из вида, что и словесное внушение не может объяснять явлений подражательности полностью, ибо во многих случаях о словесном внушении не может быть и речи. Да и у животных примеры подражательности общеизвестны.

Еще Эспинас пришел к выводу, что, если стерегут и оберегают подходы к гнезду и в случае опасности предупреждают о том других, то это происходит единственно вследствие вида разъяренного индивида, ибо существует <общий закон в области интеллектуальной жизни, что вид возбужденного состояния вызывает проявление того же самого состояния у его свидетеля>. Этот закон однако не новый. Указания на него можно найти у Cabanis'a [^] a, по Сигею, он известен был даже Горацию.

Здесь дело идет, таким образом, о непосредственном подражании или о заразе в настоящем смысле слова, о котором говорит также Жукелье и Вигуру в сочинении под заглавием <Le contagion mentalee>.

^{^^} Там же.

^{^°} См.: Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни.

[^] Cabanis P. O. Ouvres completes. P., 1824. Vol 3. P. 14.

По теории Rambasson'a (Phenombnes nerveux intellectuels et mentaux, leur transmission par contagion), подражание основывается на том, что каждому <психическому> явлению соответствует движение мозгового характера, выражающееся внешним образом в изменении физиономии, в жестах и осанке. Это движение распространяется и в пространстве, передаваясь другому лицу, и возбуждает в нем те же движения. В силу этого распространения движения через расстояние осуществляется смех, зевота, печаль и другие явления как простые, так и более сложные [^]. И здесь дело идет таким образом ни о чем ином, как о непосредственной заразе, но ее причина все же остается невыясненной.

Первоисточник подражания, с нашей точки зрения, в филогенетическом процессе развития лежит в соперничестве и борьбе в социальных условиях

жизни. Когда найден источник питания каким-либо одним из ряда совместно живущих животных и оно бросается на пищу, все другие бросаются к тому же источнику пищи, воспроизводя тот же поступательный рефлекс, животные же, не выработавшие этого рефлекса непосредственного подражания, проигрывают в питании и борьбе и должны по закону естественного отбора вымирать. В данном случае дело идет таким образом о подражательном рефлексе наступательного характера. В других случаях животное, встречаясь со своим естественным врагом, отвечает на нападение с его стороны аналогичным ему актом нападения или же актом пассивной и активной обороны опять-таки потому, что всякое животное, не проделывающее этого акта, погибло бы, вследствие чего акт оборонительного подражания является для всякого живого существа в условиях соперничества и борьбы жизненно необходимым. Таково же происхождение и других оборонительных подражательных реакций в животном царстве, ибо, когда средства нападения истощены и остается только опасаться бегством, всякое животное, отстающее в этом от своих соседей, неизбежно погибает. Что это так, показывают и примеры миметизма низших животных, где подражательный акт производится по отношению к неодушевленным предметам. Здесь, в свою очередь, выявляется жизненная необходимость подражательной реакции вообще.

Сверх того должно быть принято во внимание то обстоятельство, что всякий подражательный акт облегчается тем, что он по существу воспроизводящий акт и потому сравнительно легко осуществим, как всякая копия легче осуществима, нежели самый творческий акт. При этом лишь с помощью подражания оказывается возможным коллективное действие, всегда требующее известной согласованности, а следовательно, коллективный опыт без подражания был бы вообще невозможен. Отсюда также становится ясным биологическое значение[^]* способности подражать.

Возможна ли, спрашивается, непосредственная передача энергии нервных центров от одного индивида другому? До сих пор это представлялось фактом, ничуть не доказанным, ибо все известные мне попытки найти научное подтверждение телепатической передаче на расстоянии, так художественно представленной еще Лермонтовым в его известном стихотворении <Сон>, пока не дали вполне убедительных результатов.

Необходимо иметь в виду, что целый ряд ученых, и в том числе математиков, физиков, физиологов, психологов, невропатологов и психиатров, между которыми мы можем назвать имена Цельнера, Крукса, Фере, Грассе, Рише, Жане, Дюреля, Молля, Флорнуа, Фогта, Вагнера (старшего) и некоторых других, старался подойти с той или другой стороны к выяснению этого вопроса. Но все имевшиеся в этом отношении данные не дали окончательного разрешения проблемы. Предпринимавшиеся в этом направлении опыты сводились главным образом к отгадыванию задуманных предметов

[^] См. : Сигме С. Преступная толпа.

8 В. М. Бехтерев

или указанию их местоположения, к выполнению того или иного действия и т. п. При этом выяснилось, что эта способность отгадывания, если и может обнаруживаться, то обыкновенно у лиц нервных, особенно впечатлительных и между прочим легче всего в гипноидном состоянии, у медиумов, способных впадать в так называемый транс или особое гипноидное состояние, развивающееся путем самовнушения.

Но такое непосредственное воздействие одного индивида на другого не исключено и у людей с нервным темпераментом в бодрственном состоянии и проявляющих способность так называемого непосредственного восприятия.

Между прочим делались и специальные опыты в этом отношении за границей Ch. Richet, Lehmann'OM и многими другими, у нас-д-ром Ховриным, Жуком, Котиком и др. Не все из этих опытов одинаковой ценности и во всяком случае они не дали вполне убедительных результатов в отношении передачи мыслей на расстояние. Опыты Richet, как известно, не оказались вполне убедительными, по крайней мере для других. Опыты д-ра Жука быть может еще могли бы лучше быть использованы в смысле положительного решения вопроса. Что же касается опытов д-ра Котика, то несмотря на его убежденность и защиту непосредственной передачи мыслей на расстоянии его исследования, произведенные с Софьей Штаркер, несомненно явились плодом недостаточной осмотрительности в отношении профессиональных проделок испытуемой и ее отца, как я показал это в одной из своих работ . Другие опыты автора намечают выводы, которые могут удовлетворять самое пылкое воображение. Но о них можно будет говорить лишь тогда, когда они получат подтверждение со стороны других авторов.

В данном случае нас собственно интересует простой факт: возможно ли непосредственное индуцирование одного индивида, т. е. влияние одного лица на другое без посредства каких-либо знаков или других посредников в этом деле. Вопрос, поставленный таким образом, как мне кажется, удалось разрешить в положительном смысле и притом как путем особых экспериментов на собаках, так и на основании экспериментов на человеке.

Первые опыты производились мною на дрессированных В. Дуровым собаках как в Петербурге в моей квартире в 1914 г., так и позднее в Москве в квартире Д. и в так называемом его <Уголке> и притом производились мною лично в присутствии и совместно с Д. и в отсутствии Д., с участием или в присутствии целого ряда ассистентов: Воробьевой, Никоновой-Бехтеревой, Щелованова, Флексора, Триродова-Казаченко, проф. Фольдберга, И. Лева и др.

Опыты эти затем были в разное время продолжены моими учениками -д-рами Перепелом и Кармановым, затем д-ром Флексором совместно с д-ром Эйнгорн, и д-ром Ивановым-Смоленским совместно с д-ром Флексором; причем они осуществлялись с известной планомерностью каждый раз согласно устанавливаемому мною плану. Затем они были повторяемы и мною самим и в разных условиях.

Общее число сделанных таким образом в разное время опытов над собаками достигает от 50 до 75. Они были произведены над тремя собаками: Лордом, Пики и Дэзи. Все эти собаки предварительно путем дрессировки приучались Д. к <обезволиванию> или послушанию (<доместикации>), благодаря чему, когда собака взята на опыт, она остается спокойной и сосредоточивается в готовности осуществить то задание, которое ей предстоит выполнить. Так, Лорд, из сен-бернардов под влиянием мысленного внушения экспериментатора лаял столько раз, сколько задумывал экспериментатор. Число, однако, не должно быть большим (не свыше 9), ибо иначе собака

^ См.: Бехтерев В. М. Как производятся опыты так называемые на подмостках театров? // Русский врач. 1914.

начинала путать вследствие развивающегося автоматизма в лае. Эту же способность лаять определенное число раз, согласно задуманному количеству, я открыл и у бульдога Дэзи, с которым проделывались удачные опыты с <мысленным> внушением или индуцированием даже из другой комнаты при закрытых дверях. Пики из фокс-терьеров выполняла задуманные действия, отличавшиеся иногда довольно значительной сложностью, например, вскочить на стул, стоящий у стены, со стула на столик, со столика подняться на задние лапы и поцарапать своей лапой висящий у стены портрет, или вскочить на стоящий у рояля стул и ударить лапой в правую сторону клавиши рояля, или, например, побежать в другую комнату и направиться к одному из многих бумажных шаров, разложенных в разных местах комнаты, и т. п.

Опыты эти подробно описаны мною и моими учениками (д-ром Иваным-Смоленским и д-ром Флексором) и представлены конференции Института по изучению мозга и психической деятельности в ряде докладов за 1920 г.[^] Здесь же я хотел бы сказать кратко, что в части опытов с <Пики> и <Дэзи> было сделано все, чтобы устранить возможность предположения, что животное при выполнении задания руководится какими-либо знаками, производимыми хотя бы невольно экспериментатором при этих опытах. Позднейшие опыты делались так, что задание было известно только самому экспериментатору (из врачей), который был разобщен с собакой, т. е. к ней не прикасался, а лишь на расстоянии фиксировал ее взор, думая про себя задание, которое собака должна выполнить, после чего он закрывался дверьми от собаки; за действиями же последней следил ассистент, не знавший самого задания. В результате <мысленное> внушение и при этих условиях выполнялось с достаточной степенью точности.

С бульдогом <Дэзи> опыты делались в отношении воспроизведения того или другого количества лая путем <мысленного> внушения. Эти опыты производились даже таким образом, что самое внушение или индуцирование производилось из другой комнаты при закрытых дверях и несмотря на то опыты дали положительные результаты.

Что касается опытов над человеком, то объектом их была на первое время избрана 18-летняя девушка, никогда раньше такими опытами не занимавшаяся, но отличавшаяся нервной впечатлительностью, необычайно обостренной зрительной памятью (может повторить до 75 прочитанных слов, воспроизвести 25 двухзначных цифр и т. п.) и, по-видимому, также двигательной памятью (она прекрасная танцовщица). Самые опыты с нею производились следующим образом: на столе, перед которым она сидела, раскладывались в один ряд самые обыкновенные предметы, например, спичка, коробочка, папироса, гребенка, раковина и т. п., причем в одних опытах таких предметов было 7, а других – 12, в третьих – 8. Экспериментаторы – я и Д.–сидели на двух рядом стоящих креслах сзади от нее, обращенные к ней на расстоянии около 5 саженей и, за исключением первых шести опытов, были отделены от нее еще высокими плотными ширмами.

Предметы, которые были расположены на столе, были перенесены на билетки в свернутом виде в шляпу, из которой их вынимал затем один из врачей, следивший в то же время за всеми условиями опытов, и, не раскрывая, передавал их мне. Развернув билет и увидев написанное на нем

[^] Бехтерев В. М. Об основных законах мира в связи с рассмотрением социальной жизни

с точки зрения рефлексологии. С. 171–204; Он же. Болезни личности с точки зрения

рефлексологии//Вопросы изучения и воспитания личности. 1920. № 2. С. 279–318; Иванов–Смоленский А. Г. Галлюцинации при травматическом психоневрозе//Там же. С. 327–347; Он же. Опыты мысленного воздействия на животных//Там же. С. 266–271; Флексор Л. Опыты так называемого мысленного внушения животным//Там же. С. 272–278.

8*

115

обозначение предмета, и либо сам брал на себя осуществление опыта, никому не говоря о задании, либо передавал билетик для осуществления опыта своему соседу. Самый опыт заключался в том, что каждый из нас усиленно представлял себе лежащий на столе предмет, соответствующий обозначению в полученном билетике; девушка же должна была обозначать, какой предмет был задуман. Вот результаты опытов: на столе разложены 7 простых предметов. Задумывает Д. Последовательно сделано 6 опытов, из них все были вполне удачны, т. е. предмет каждый раз отгадывался девушкой безошибочно и только в одном случае он был отгадан не сразу, а после первого неверного отгадывания было предложено тотчас же повторить опыт, который и привел на этот раз к положительному результату.

В другой серии опытов мы взяли 12 предметов столь же простых, как и в первом случае (спичка, карандаш, крючок, зубная щетка, бумажка, чернильница, ключ, раковина, папиросы, коробка, электрическая лампочка, пепельница). Шесть новых опытов произведены Д; из них в первых трех он был отделен от испытуемой ширмами на том же расстоянии, а в трех других опытах он был отделен большим металлическим экраном (1^{1/2} арш. высоты и 1 арш. ширины), причем в обоих случаях я сидел непосредственно рядом с ним. Закрытые бумажки с названиями предметов, как и ранее, складывались в шляпу и затем каждый раз непосредственно перед опытом вынимались научным сотрудником. И. Левом и непрочитанными передавались предарительно мне. После того, как я проглядел данную мне записку, она молча передавалась мною Д., который сосредоточивался на ней, усиленно представляя соответствующий предмет и намерение взять его со стороны девушки. Результаты на этот раз оказались следующие. В трех первых опытах было дано 3 задания: коробка, бумажка и щетка; из них коробка и бумажка были отгаданы сразу, а щетка тоже была отгадана, но после первого неудачного обозначения и предложения повторить опыт. Из других 3 опытов с заданием – раковина, щетка, ключ – все три последовательно были отгаданы с первого же разу.

Следующие мои 5 опытов были во всяком случае также достаточно убедительны. Постановка опытов с той же изоляцией ширмами, на том же расстоянии около 3 сажень и с лицом, обращенным в обратную сторону. Подаваемые мне билетики я разворачивал, чтобы сосредоточиться мысленно на предмете; после же опыта я передавал записку для контроля третьему лицу. Из упомянутых 5 опытов 2 были неудачны, остальные 3 удачны, т. е. были отгаданы девушкой, причем в 2 случаях со второго раза, а в одном с 1-го раза.

При удалении на 10 шагов в другую комнату, при закрытых дверях, были сделаны опыты при 8 предметах, разложенных на столе, с тою же девушкой; причем из 4 опытов, сделанных Д., удачных было два при задании – лампочка и окуроч, – причем окуроч был отгадан не совсем сразу, а после того, как девушка спросила – <не лампочка ли?>, когда же ей сказали <нет>, то она тотчас же определенно ответила <тогда – окуроч>. Из моих же 2 опытов один опыт оказался удачным, другой же неудачным. Надо заметить, что в этих опытах избегалось их повторение при неудаче. Таким образом,

и в этих опытах с внушением из другой комнаты при закрытых дверях, приблизительно наполовину результаты оказались положительными, что без сомнения не может быть объяснено ни теорией вероятности, ни чем-либо иным.

Интересно отметить, что на вопрос, почему отгадчица берет при опытах тот или другой предмет, она пояснила, что ей предмет представляется со всею ясностью; в другой раз она заявила, что ей представляется ясной одна половина всех разложенных перед ней предметов и из нее один особенно ясно и что ее как будто толкает его взять.

116

Обращает при этом внимание тот факт, что, если экспериментатор первоначально остановился на одном предмете, а затем перешел на другой, то ей часто представляется первый предмет.

Аналогичные опыты были производимы затем и над другими объектами при одинаковой обстановке и дали также положительные результаты. Они будут опубликованы в другом месте.

Все вышесказанное приводит к выводу, что опыты с так называемым "мысленным" внушением или, точнее, с непосредственным индуцированием удаются как на нервных людях "и", так и на животных. А это убеждает нас в том, что и в толпе кроме взаимовнушения и так называемой заразы, вызывающей непосредственное подражание, должен действовать еще особый фактор в виде прямого воздействия путем непосредственной передачи возбуждения центров одного индивида соответствующим центрам другого индивида^и. Входить в выяснение самого способа передачи мы здесь не будем, ибо это выходит за пределы нашей задачи, но все же иные намечаются уже пути, по которым надо идти, чтобы найти правильное объяснение возможности упомянутой передачи в форме непосредственного воздействия^и.

Итак, убеждение, словом, взаимовнушение, зараза путем подражания и прямая индукция – вот факторы, которые действуют в каждом собрании как в едином коллективе, объединенном одним общим настроением или одним лозунгом.

В заключение мы остановимся еще на некоторых факторах, имеющих особое значение при образовании коллективов.

Общеизвестно, что биологические факторы, как например, потребность питания, приводит к социализации^и в интересах добывания пищи. Такую же цементирующую роль представляют собой потребность самосохранения, которая сплачивает разных людей и разные группы в целях сотрудничества и в интересах самообороны и нападения. Половая функция равным образом приводит на почве телесной связи к связи <духовной>, которая обычно даже предшествует физической связи. За союзом брачным может последовать семья, которая образует естественное единство в силу и материальной, и <духовной> зависимости членов семей друг от друга, являясь для детей до полного их возраста по преимуществу односторонней. В дальнейшем дело идет о кровной или племенной связи, поддерживающей <духовное> родство и образующей родственный или племенной коллектив.

Не следует забывать, что привычка к общению с людьми, создаваемая условиями самой жизни, переходит в органическую потребность, которая

время от времени влечет нас в общество для взаимообмена рефлексам.
<Идея, как бы примитивна она ни была, – говорит П. Сорокин – повелительно толкает человека сообщить ее сочеловеку^{^*}. Переживания радости, горя, печали, страха требуют отклика со стороны других. Радость заставляет человека <излить> ее другому, горе требует утешения, страх, колебание требует успокоения и одобрения, ненависть толкает к отмщению. Желание что-либо сделать толкает к другому, чтобы привлечь его к работе по осуществлению поставленной цели. Все эти переживания стремятся <выйти> за пределы

Я имею здесь в виду новейшее исследование академика Е. Лазарева (<Recherches sur la theorie ionique de ['excitation>) относительно ионической теории возбуждения, а также относительно доказанного еще ранее у нас колебания токов действия мозговой коры при ее функционировании (см.: Тривус С. А. Токи действия в коре полушарий головного мозга под влиянием периферических раздражений: Дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1900 и работу д-ра Ларионова, вышедшие из моей лаборатории). При этом колебания электрической энергии, которыми сопровождается возбуждение коры и проводников, должны неизбежно сопровождаться развитием герцовских лучей, которые, как известно, передаются в разных направлениях.

индивидуальной души и делают необходимым обмен с другими индивидами. И чем они острее, чем интенсивнее, тем сильнее тяга к сочеловеку, возбуждаемая ими. Невидимыми, но действительными связями эти потребности объединяют людей и притягивают их взаимно, подобно невидимой, но действительной силе магнита, притягивающего железо^{>^}.

Следует иметь в виду, что все члены каждого коллектива взаимодействуют между собою либо непосредственно, либо 'опосредствованно. Это значит, что индивид а действует как раздражитель на индивида б, а индивид б, в свою очередь, является раздражителем для а. Само собой разумеется, что это взаимодействие может оказаться, и действительно нередко оказывается, неравносильным, ибо один индивид может оказывать большее воздействие на другого, нежели этот другой на первого^{^*}.

Взаимодействие устанавливается также между вожаком и толпой, между актером[^] или актерами и публикой, между руководителем митинга и собравшимися на митинге и между председателем собрания и самим собранием. И здесь это взаимодействие может быть непосредственное и опосредствованное.

Благодаря посредникам коллективное объединение может осуществляться независимо даже от пространственных и временн[^]ых условий: то или другое общество может быть разбросано по разным частям света и даже по всему земному шару, не теряя известного единства между своими сочленами. Равным образом <духовное> единство путем традиций и других посредников, например, писаний и устной передачи, может существовать в коллективе индивидов, живущих в разные периоды времени. Таковы религиозные общины, государственные и иные коллективы.

Вообще благоприятствующим условием для развития взаимодействия в образовании единства личности, таким образом, не одна пространственная

благость, которая сближает людей как бы механически, т. е. вынуждает их к взаимному обмену между собою, но и существование посредников, к каковым относятся все предметы, которые могут интересовать многих индивидов, будут — яи то памятники старины, литературные или научные произведения, технические сооружения, различного рода изобретения, методы обучения и воспитания, даваемые школой, события того или другого рода и т.п. и, наконец, общие интересы, возбуждаемые тем или другим явлением, — вот что собственно является главным посредником к образованию единства между людьми ^*.

IX. О ЯЗЫКЕ КАК ОБЪЕДИНЯЮЩЕМ ФАКТОРЕ

Чем более мы углубляемся в изучение социального мира, тем более мы убеждаемся, что однородность больших коллективов есть только кажущаяся, что любой коллектив, раз образовавшись, делится на группы ^*, что, надо заметить, ускользнуло от внимания первых социологов (Кант и др.). Rossi прав, утверждая, что современный <социолог, пытающийся объяснить социальные явления, поражается разнообразием реакций, несходных ответов на сходные стимулы, данные в группе. Здесь существуют контрасты набожные с ненабожными, смотрящий назад традиционалист со смотрящим вперед, любитель риска с человеком, боящимся риска и т. д. Народонаселение может казаться серым лишь издали, вблизи же оно оказывается многоцветным; группируя сходных с несходными, мы получаем самые различные виды контрастов и эффектов>^. Но Rossi не прав, когда он объясняет те или

^ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 310-311; см, также: Ross. Sociological of

control. S. 1., S. a. P. 14.

^" Rossi O. Foundations of sociology. P. 293.

118

другие социальные группировки <прирожденными различиями индивидов>. Эти природенные различия, конечно, не без значения (можно иметь в виду, например, значение пола, рас и т. п.), но гораздо большее значение в этом случае имеет среда, воспитывающая лиц с определенными взглядами, верованиями и тенденциями, которые впитываются нередко уже с молоком матери. Если самый язык не представляется, как мы знаем, природенным явлением, то тем более таковыми не могут быть взгляды и тенденции социального характера.

Само собой разумеется, что коллективное единение устанавливается значительно легче при более однородных группах, нежели при разнородных, но здесь все зависит от объединяющего стимула. Когда объединяющий стимул для всех получает особое значение, то самые разнородные индивиды, даже оппозиционные друг другу, сходятся в отношении своей реактивной деятельности ^*. Так случается, например, во время какой-либо национальной катастрофы: войны, международного бедствия и т. п. Примером может служить бывшая великая мировая война, которая объединила первоначально все парламентские партии внутри борющихся стран и которая сблизила между собою разнородные по племенным и культурным особенностям расы: например, Болгарию, Турцию, Австрию и Германию, с одной стороны, — Англию, Францию, Италию и Россию с другой.

Одним из важнейших условий, приводящих к коллективному объединению и его поддерживающих, без сомнения, является, как мы уже

говорили, общность символических рефлексов в виде одного общего языка, который и сам вырабатывается в результате коллективного единения. На этом предмете мы еще должны здесь остановиться ввиду его особой важности.

Объединяющее значение языка настолько общеизвестно, что мы можем быть особенно краткими в этом вопросе. Уже мимический язык^{^*} играет в этом отношении огромную роль, служа важным объединяющим фактором во всем животном царстве. В мире человека мимика также не лишена объединяющего значения, ибо она, как мы знаем, нередко является важнейшим объединяющим фактором, например в толпе, производящей одни и те же возгласы, одни и те же жесты и другие выразительные движения. Равным образом мимика и жесты являются важными вспомогательными средствами в руках оратора, стремящегося объединить слушателей в одной общей цели, слить их в одном устремлении. Но несравненно более значительную роль в этом отношении играет звуковой язык или слово, которое действует на расстоянии, доколе может слышаться звук, и, следовательно, может играть объединяющую роль и тогда, когда люди лишены возможности видеть друг друга.

П. Сорокин по поводу языка пишет: <Лица, говорящие одним языком, абоненты одной – самой удобной, самой дешевой и самой распространенной в мире телефонной сети. В каждую минуту без всяких усилий и без помощи телефонной барышни они могут "соединяться" друг с другом. Лица, не знающие языка, в эту сеть не входят: для соединения с другими, говорящими на иных языках, им пути заказаны[^].

Если принять во внимание еще и письменную речь, допускающую почтовые и телеграфные сношения между людьми, то ясно, что слово способно проявлять свое объединяющее значение, не ограничиваясь какими-либо пространственными условиями.

По сравнению с примитивным языком жестов, звуковой язык имеет то преимущество, что дело идет здесь о способе общения, дающем возможность не быть столь тесно связанным с пространственными условиями, как и языке жестов, который вообще является в этом отношении приемом общения.

[^] Сорокин П. Система социологии. Т. 1. С. 227.

119

С развитием общественности язык все более и более удаляется от примитивной реакции, пополняющей язык жестов, становясь более разнообразной формой общения, в которой жест и интонация становятся только дополнительной частью; письменный язык как условный уже является дальнейшим следствием общественности, будучи совершенно лишен жестов и интонаций, этих важнейших орудий социального проявления личности, послуживших первоначальной основой для развития устного языка.

Роль языка как символического рефлекса среди людей огромна. Наши слова похожи на электрический ток, возникающий между людьми, дающий им возможность влиять друг на друга и обуславливать взаимное поведение. Их эффекты бывают временами поразительны. <Слово может убить человека>. Недаром в ряде религий, как, например, в браманизме, слово превратилось в магическую силу, управляющую миром и даже волей богов. Недаром и в евангелии апостол говорит: <Вначале было слово, и слово было к богу и бог был словом> [^].

В каждом коллективе объединение происходит не без участия языка. После многих споров и столкновений в результате устанавливается в коллективах относительное согласие умов, в установлении которого, таким образом, язык играет перренствующую роль. Социальный человек естественно подчиняется убеждению со стороны своих сотоварищей, а это и дает в результате коллективное согласие.

Убеждение является обычным способом воздействия на лиц, входящих в состав коллективных собраний. В сущности всякое обсуждение собранием того или другого вопроса имеет целью убеждение собрания со стороны отдельных лиц, выступающих в роли ораторов, в правильности того или иного положения, благодаря чему собрание в конце концов и приходит к определенному решению.

Подобным же образом печать действует на коллектив путем убеждения ^{^°°'}. Во всяком случае одним из наиболее действительных средств объединения коллектива путем убеждения является речь на собраниях и печать. Устная речь действует сильнее печатного слова, ибо она дает слушателю все эмоциональные оттенки самой личности, произносящей речь, и тем самым возбуждает соответствующую реакцию в слушателях, усиливающуюся еще более благодаря общности настроения собрания. Печать никогда не может воздействовать так сильно на членов коллектива ^{^'}, но зато ее действие много шире по своему распространению, ибо она воздействует так или иначе почти на весь грамотный человеческий коллектив, говорящий на одном языке, а благодаря переводам и на образованную часть всего коллектива.

Одним из примеров того, как может действовать убеждение на массу лиц, которые находятся в разброде мысли, показывает пример Керенского, которому после принятия поста военного министра в ответственный момент военной русской истории последнего времени, когда нужно было показать советникам в период братания наших войск с немецкими, идем ли мы с немцами или против них, силою одного убеждения удалось на время вывести войска из пассивного состояния и повести их в наступление 18 июля 1917 г., увенчавшееся большим успехом. Правда, это была уже последняя вспышка энергии разлагавшегося коллектива нашей огромной армии.

С другой стороны, роль словесного внушения, выполняемая также с помощью языка, для объединения масс огромна. Дело идет здесь, само собой разумеется, о так называемом внушении в бодрствованном состоянии или о том, что известно под названием личного воздействия на человека.

[^] Там же. С. 127.

120

<Личное влияние одного человека на другого, как мы знаем, представляет собою элементарное социальное явление и ничем, кроме своих размеров, не отличается от влияния гипнотизера или гипнотизируемого> ^{°°}.

Подробнее об этом влиянии я говорю в своем сочинении <Внушение и его роль в общественной жизни> и потому здесь нет надобности особенно распространяться по существу этого предмета.

Мы укажем лишь на роль внушения в происхождении коллективных иллюзий и галлюцинаций, на роль его в развитии общего настроения народных масс, на роль его в отношении коллективных действий и т. п.

Примеры коллективных иллюзий и галлюцинаций, основанных на взаимовнушении, были приведены в цитированной выше моей книге. Подобно иллюзиям и галлюцинациям в воспринимающих органах внушение может образовывать миражи и в высших областях соотносительной деятельности. Это составляет известный минус в объединяющей роли внушения в коллективах по сравнению с убеждением несмотря на преимущество его в отношении быстроты действия.

Всякому известно, что достаточно одной прочувствованной речи¹ в собрании, чтобы все собрание воодушевилось одной и той же эмоцией, причем самые слова и жесты произнесенной речи как бы непосредственно прививаются от оратора к слушателям.

Известно также, что достаточно в толпе, находящейся в помещении, крикнуть <пожар>, чтобы развилась паника. Таким же образом самосуд толпы часто начинается неосмысленным подстрекательством кого-либо из толпы. В другом случае одного призыва <бей его!> достаточно, чтобы толпа как по мановению невидимой руки устремилась на свою жертву.

На роли внушения в значительной мере основано и эпидемическое² распространение некоторых из общественных явлений.

Внушение всегда играло в общественной жизни огромную роль. Между прочим характерно в этом отношении мнение Г. Лебона. <Если бы при усвоении какого-либо политического, социального или религиозного убеждения мы руководились бы хотя небольшой дозой ясных, последовательных размышлений, как это делает последний лавочник, обсуждая свои торговые дела, то в вопросах политических и религиозных мы не находились бы, как находимся теперь, в зависимости от моды, окружающей среды, чувств и потому не носились бы по воле событий и современных мнений> .

Всякая вообще пропаганда в обществе рассчитана скорее на внушение, нежели на убеждение³. Вот один из примеров организованной пропаганды, которая даже специально ограничивает оратора определенным 4-минутным сроком, заимствованный нами из газет.

Находящимися в Петрограде американцами получены вполне определенные сведения, что Соединенные Штаты Северной Америки намерены продолжать войну в тесном единении с Англией, Францией и Италией при условии однако тесного единства планов военных операций и строгого действительного взаимного контроля над всеми мерами и мероприятиями, связанными с вопросами войны и мира.

Нельзя скрывать, что в Соединенных Штатах Америки имеется в некоторых кругах своеобразное <пораженческое> течение. Именно некоторым группам кажется, что не в интересах Америки способствовать победе Англии над Германией.

Эти <пораженцы> придумывают всякие способы, как окончить войну таким образом, чтобы победительницею осталась одна Америка, а не Западная Европа.

¹ Тард Г. Социальная логика. С. 93.

² Лебон Г. Психология социализма. С. 44.

Президент Вильсон обратил внимание на подобную пораженческую пропаганду и, по его мысли, в Соединенных Штатах были организованы отряды

контрпропаганды.

Самым любопытным является требование, чтобы каждый из этих ораторов говорил не более четырех минут.

– <Люди четырех минут>—так зовутся эти 15 тысяч пропагандистов. Подобные ораторы не посещают больших митингов, куда, как известно, собираются люди уже определенно партийных воззрений.

Нет, они ежедневно посещают театры, кинематографы, рестораны, вокзалы и т. д. и там обращаются к случайной публике со своими четырехминутными речами.

Ездят они также в трамваях, в поездках, на пароходах и там тоже держат короткие речи к пассажирам.

Любопытен тот метод сравнения, которым преимущественно пользуются ораторы отряда <четыре минут>, чтобы быстро создавать у слушателей требуемое настроение.

– Вот некоторые говорят, что желательна победа Америки над Германией, но нежелательна победа Англии над той же Германией, – так начинает оратор, – но какой же разумный человек может желать, чтобы воры, забравшиеся в его дом, унесли все имущество его жены при условии неприкосновенности его личного имущества. Или кто может желать, чтобы его магазин хорошо торговал, но чтобы кассир магазина ежедневно бросал в печку все вырученные от торговли деньги.

Такой наглядный способ пропаганды имел соответствующий успех у американцев ^'.

Однако роль языка в коллективе, само собой разумеется, не ограничивается его объединяющим значением, ибо благодаря языку достигается и развитие мировоззрения данного коллектива. Языку мы обязаны совершенствованием религии и морали, науки и искусств и даже техники. Ибо в конце концов и религия, и наука, и литература, в том числе и художественная, и, наконец, техника являются результатом развития и богатства самого языка.

Всем понятно, что без языка не было бы ни того, ни другого, ни третьего и не была бы возможна даже культура в современном смысле слова.

В культурной жизни народов язык представляет то орудие, которое отвечает различным потребностям в эволюции собирательной личности и в том числе успехам ее литературы, отражающей собою сводку умственных ее приобретений.

Благодаря именно языку оказалось возможным развитие знаний в человеческом обществе ^'.

Колдун, представляющий собою того первобытного ученого, который на заре культуры стремится разгадать тайны природы и поставить ее таинственные силы действовать согласно своей воле, пользуется для своего ремесла прежде всего языком. Все равно, будет ли целью устранение несчастья или наказание похитителя, или отыскание потерянного, дело идет о словесной символизации или символизации иного рода, связанной с событием или с участвующим в нем лицом, и здесь играет роль примитивное суждение по аналогии.

Когда бросаются в огонь с определенным заговором стружки, то это символизирует такую же гибель и корчи врага или похитителя. Когда колдун прокалывает сердце изображения врага, это символизирует страдание и грядущую смерть того лица, которое представлено изображением. Эти приемы рассчитаны в то же время на силу внушения в том случае, когда заклинания колдуна достигнут уха того, которого колдун намеревается поразить ^*.

Колдуна со временем сменяет знахарь, который является на той стадии развития общества, когда вера в силу уподобления и символов уже ослабевает,

122

но сохраняется еще вера в таинственные силы природы, пользование которыми доступно лицам, специально себя посвятившим их изучению.

Знахаря сменяют первобытные натурфилософы вроде астрологов и алхимиков, стремящихся сразу понять сущность вещей и достичь универсальных научных ценностей вроде отыскания философского камня.

Лишь за этими первобытными натурфилософами следует настоящий ученый с его аналитическими методами исследования.

Но и ученый первоначально отдает большую дань скороспелой натурфилософии, признавая создаваемые путем диалектики и спекулятивного мышления таинственные силы природы в целях объяснения различных неясных для него явлений.

Лишь мало-помалу наука начинает отрешаться от этих ненужных фетишей и выдвигает вместе с этим значение и роль положительного знания, основанного на строгой логике, питающейся из фактов наблюдения над окружающей природой. Роль языка с развитием логического мышления таким образом в развитии знаний неопределима.

Языку мы обязаны и тем, что относится к эволюции и развитию общественного мнения.

С тех пор как установился семейный очаг, когда образовался клан и возникло племя, начали устанавливаться и соответственные должности общественного характера. Если раньше до образования этих союзов действиями человека руководил исключительно эгоизм, который самое большее допускал милость и пощаду врагу, то с этих пор начинается впервые регуляция действий человека с точки зрения интересов союза. Руководством такого регулирования везде и всюду является так называемое общественное мнение ^', определяющее добро и зло с точки зрения интересов общества, а не с точки зрения одних личных стремлений. Помимо того со временем был разработан и специальный аппарат суда и назначены кары за противоблагодетельные действия и награды за действия полезные в общественном смысле. Но суд не устранил силы и значения общественного мнения, играющего роль как в самых примитивных обществах, так и в позднейших более развитых социальных организациях.

При этом общественное мнение всегда является более тонким ценителем человеческих деяний, квалифицируя моральные действия человека, не подлежащие даже оценке суда вообще, о которых однако общественное мнение выносит свой совершенно определенный вердикт. С этим общественным мнением связывается и то общественное явление, которое известно под

названием популярности, известности и славы и которое является для многих побудителем к действиям, имеющим общественный характер и общественный интерес.

<Когда спартанский или афинский герой так легко жертвовал своей жизнью, чтобы завоевать быструю известность в небольшой стране, то делал это также в уверенности, что весь мир со всеми его невидимыми силами устремит на него взоры, что эти великие зрители всего мира аплодируют ему и эхо этих аплодисментов продолжится до бесконечности времен и пространств> ^.

Во всех этих случаях роль языка неоспорима, ибо только язык создает возможность существования общественного мнения и он же является его выразителем. Только язык даст возможность сделать человека популярным, известным или создать ему славу ^'.

Но язык, этот великий объединитель, служит также и разъединению народных масс, говорящих на разных языках.

По Г. Лебону, с этим <приходится считаться даже в политике, когда например, гений языка покоренного народа содействует проникновению

^ Тард Г. Социальная логика. С. 303.

идей, законов, религии, верований, литературы, учреждений, которые намереваются ему навязать и которые он принял бы, вероятно, без психологического отпора, порождаемого его наречием.

Нижебретанское наречие гораздо больше сделало для того, чтобы воспрепятствовать слиянию Бретании с Францией, нежели христианство для того, чтобы этому помочь: точно также арабский язык представляет собой препятствие на пути к офранцузению Алжира далеко не меньше самого османлизма>.

Вот почему стремление всех правительств направлено к тому, чтобы государственный язык был один из всех^', чтобы команда в войсках велась на одном и том же языке, иначе государство перестало бы быть единым, а армия распалась бы на отдельные свои части. Скажем более-без языка нет общности и не может быть речи о политических сообществах или коллективах в настоящем смысле слова.

Однако Тард не прав, когда говорит <что... дитя вступает в жизнь социальную только с того момента, когда оно начинает говорить> " ".

Еще до развития словесного языка ребенок пользуется мимикой и жестами для установления своего общения с окружающей средой.

Точно также животные, будучи лишены языка в человеческом смысле, образуют сообщества и достигают согласия благодаря своей мимике. Язык в форме членораздельной речи является таким образом лишь усовершенствованным орудием единения человеческого коллектива.

По словам Друммонда, если исследовать содержание языка, оно уносит вас назад не только к тому, что работали люди своими руками, но также к тому, что они говорили друг другу во время работы и что они думали, говоря. <Слово - это счеты для мозга, осязательное выражение умственного состояния, наследственное имение культурного богатства расы. Старинное слово подобно старинной монете говорит нам о прежнем обращении мысли

и своим изображением и надписью раскрывает умственную жизнь и замыслы тех, кто ее чеканил> "\

Как возникает первичный язык, мы имели случай говорить в другом месте ^; но представим себе, что язык образовался, – что за этим следует? Он развивается, дифференцируясь прибавками членов, удвоениями корней, приставками, флексиями и т. п. и путем обобщения и сложения разных корней образует собою сложные и составные слова. Но кроме всего прочего, мы имеем раздробление языка на отдельные наречия или даже одного языка на несколько языков, что зависит от географического и экономического обособления населения, с одной стороны, и различных влияний местного характера, с другой стороны, влияние соседей, говорящих на другом языке, иммиграции, смешение народностей и прочее – с другой.

Независимо от того эволюция языка – явление вполне законное, но эволюция при одинаковых внешних условиях не должна быть везде одинаковой. Одно население переживает период политических бурь, другое занимается бойкой торговлей, третье спокойно занимается земледелием. Можно ли думать, что эти условия не отразятся на языке народов. Этими и рядом других условий объясняется; как в исторические времена с распадом Римской империи латинский язык явился родоначальником нескольких романских языков и многочисленных наречий, как, с другой стороны, славянский язык раздробился на целый ряд отдельных языков и наречий, как ранее того санскрит положил основу для целого ряда позднейших языков. Но раздроб-

^ Там же. С. 121.

^"* Дрюммон Г. Прогресс и эволюция человека. С. 177.

^ См.: Бехтерев В. М. Объективная психология. СПб., 1912; Он же. Общие основы реф-лексологии человека.

ление языков идет рядом с их объединением, приводящим, в свою очередь, к смешению языков, что еще более их отделяет от основного языка пра-родителя.

Сколько языков уже стерлось с лица земли. Если язык культурных народов – такой, как латинский или греческий – сохранился до наших дней, исчезнув из употребления, то это лишь благодаря оставшейся на этих языках литературе, а многое множество языков давно кануло в лету и почему? Да потому, что они не выдержали конкуренции с другими языками, по-лучившими распространение в их стране благодаря ли завоеванию и гос-подству победителей, говорящих на другом языке, благодаря ли культурному объединению одного народа с другими. Факт однако тот, что это уничтожение языка не проходит бесследно. Язык уничтожаемый все же вносит в язык его поглощающий некоторые особенности, например местные слова, акцент и т. п., ^ что дает основание говорить собственно не об уничтожении, а о слиянии или смешении и обобщении одного и другого языка. Наконец, обобщение языков выражается и в том, что народы стремятся к пользованию в международных сношениях одним общим языком, создавая для этой цели искусственные языки. Так после неудачного воляпюка в последнее время начал входить в употребление эсперанто и можно предвидеть, что в отдаленном будущем наступит тот день, когда все народы земного шара объединятся, пользуясь для этого одним общим для всего человечества языком "°'.

Так как язык, вообще говоря, есть самое могущественное и самое необходимое средство общения между людьми, то можно сказать без преувеличения, что социальные изменения в смысле ассимиляции личности и сословий, совершившиеся в данной территории после замены колесных экипажей локомотивами, ничто в сравнении с такого же рода преобразованиями, совершившимися в результате победы крупного наречия над мелким жаргоном или языка над наречиями.

Лингвистическое сходство есть условие *sine qua* поп всех остальных социальных сходств и, следовательно, всех великих и славных форм человеческой деятельности, которые предполагают существование этих сходств, служащих канвою для их работы.

<Благодаря языку устанавливается порядок, – и порядок относительно удивительно стройный, – в том сумбуре противоречивых видений и галлюцинаций, которые смущают ум первобытного человека. Язык представляет собой заранее данную социальному человеку логическую аранжировку подобно тому, как пространство и время даны человеку взятому индивидуально> ^.

Нет надобности останавливаться на том, что это положение ошибочно в корне, ибо язык эволюционирует вместе с обществом, а не общество обязано своей эволюцией языку, подобно тому как пространство и время не заранее даны каждому отдельному человеку, а выработаны коллективным опытом социального человека (см. ниже).

Крайне своеобразно также представление Тарда о происхождении языка. По его словам, языки рождаются из религий, хотя они и оказывают впоследствии большие услуги развитию последних <... Я охотно готов был бы думать, что слово представляет собою логическое последствие расцвета на следственной передаче мифов. В самом деле, говорить – значит в сущности олицетворять божественным образом, одушевлять всякую вещь, свойство или действие, которые становятся существующими сами по себе и одаренными волшебным могуществом...> . <Я могу понимать первобытное слово только как особого рода звуковой фетиш, самопроизвольно зародившийся

^ Тард Г. Социальная логика. С. 121.

" Там же. С. 119.

125

под влиянием обожествления предметов природы и наиболее поразительных человеческих поступков, число которых увеличивалось по мере того, как религиозное изучение или смущение начинало относиться к новым предметам и новым деяниям, <переставая быть связанным с прежними> .

<Итак, всякий корень в языке есть не что иное, как идол, все еще употребляемый и сохраняемый, а язык не что иное, как вековой остаток доисторического фетишизма, наивных последовательно угасающих религий, в некотором роде пепел древних священных огней> "".

Я привожу эти выдержки только для того, чтобы убедиться в том сумбуре понятий, какой господствует по этому предмету вообще.

Как уже ранее было выяснено, мы понимаем иначе эволюцию языка: он возник в результате коллективного опыта первоначально как дополнение к мимике в форме звукоподражания и звуковых рефлексов, обусловленных внешними и внутренними раздражителями, например при уколах, колотыи

и напряжения, каковы: ах, ой, ну! и т. п., превратившихся позднее по закону сочетательных рефлексов в междометия, из которых язык затем развивался путем удвоения, дифференцировки и обобщения, приставок, осложнений флексий и т. п. Первоначальные звуки, легшие в основу будущего языка человека, берут начало даже в биологическом ряду животных, и в настоящее время после работ проф. Гарднера в этом отношении мы имеем уже более или менее определенные представления. По крайней мере ясно, что обезьяны обладают несомненно рядом звуковых знаков для обозначения предметов несложного обезьяньего обихода.

Позднее общие обозначения развиваются из частных. Так, для примера, слово <devil>, означавшее ранее ель, хвойное дерево, сделалось затем как наичаще встречающееся родовым обозначением. Между тем в Исландии, где деревьев вообще нет, словом <eik> – дуб – обозначается общее или родовое название дерева. Бог первоначально отождествлялся с небом, солнцем или солнечным блеском (санскритское dev^a) или молнией и лишь постепенно человек дошел до бога, творца вселенной, путем исчезновения из объекта, обозначаемого этим символом, физических признаков, благодаря чему осталось под именем бога сверхчеловеческое существо.

Как слова утрачивают свое первоначальное значение, показывают, например, наше <спасибо> и французское <adieu>, которые ныне уже совершенно лишены всякого религиозного значения. Вообще же все религиозные обозначения берут начало из обыденного мира, что как раз стоит в противоречии с вышеуказанным взглядом Тарда.

Х. О КОЛЛЕКТИВНЫХ РЕФЛЕКСАХ ВООБЩЕ

Если нельзя сомневаться в том, что известный ряд коллективных рефлексов относится именно к порядку наследственно-органических (инстинктивных), другой – к порядку высших сочетательных рефлексов, приобретаемых путем жизненного опыта, примеры чего будут даны в последующем изложении, то спрашивается, может ли коллектив проявлять рефлексы более простого характера-рефлексы, называемые нами обыкновенными в общей рефлексологии личности, которые, как известно, протекают вполне машинообразно. По-видимому, и коллектив не лишен возможности проявления при известных условиях рефлексов обыкновенного типа¹. К таким именно коллективным рефлексам обыкновенного типа, по моему мнению, следует отнести коллективные рефлексы в виде паники толпы и безмотивного нападения, т. е.

"" Там же. С. 120.

"" Там же.

коллективных рефлексов оборонительного и наступательного характера, развивающихся путем заразы.

Паника представляет собою безотчетный оборонительный рефлекс бегства, проявляемый целым коллективом без всякого соответствия с внешними обстоятельствами и часто даже без достаточного повода или же при каком-либо незначительном поводе. Такие паники известны и среди животных (так называемые стампеды), например в стадах лошадей, свиней и т. п. Уже в евангелии говорится о вхождении злого духа в стадо свиней, которое бросается в море и погибает.

Имеются также и позднейшие наблюдения относительно того, как например, стада овец гибли, падая в пропасть под влиянием развившейся среди них паники.

Всем известно, как легко среди людей, собравшихся в толпу, разыгрываются чрезвычайно опасные паники при каком-либо неожиданном происшествии. Достаточно в тесной толпе, сосредоточенной на слушании увлекательной речи оратора, крикнуть <пожар, спасайся кто может>, чтобы развилась гибельная паника, часто стоящая многих жертв.

Бывали примеры, что этим приемом пользовались даже злонамеренно лица, чтобы во время паники поживиться за счет других.

Распространяться о развитии паники здесь нет надобности, ибо читатель может ознакомиться с этим явлением по моей книге <Внушение и его роль в общественной жизни>, где приведено подробное описание паник отчасти и по личным наблюдениям. Характерной особенностью всех такого рода паник, помимо их шаблонного, чисто автоматического проявления в форме безудержного бегства, служит безотчетный характер самого рефлекса, ибо после паники обыкновенно никто не может сказать, почему он побежал и как случилось все происшедшее.

Что касается автоматического рефлекса коллективного нападения, развивающегося путем заразы, то опять-таки эти явления известны и среди животного мира, и среди людей. Так, когда мы встречаемся со сворой собак, достаточно бывает неосторожно вызвать нападение какой-либо одной собаки, чтобы вслед за ней напала вся свора. Нет надобности говорить об опасности таких случаев нападения. Точно также и в озлобленной толпе людей достаточно, чтобы кто-либо из толпы по самому незначительному поводу напал на кого-либо, чтобы затем вся толпа набросилась на то же лицо, не зная даже в чем дело.

Наследственно-органические рефлексы имеют одинаковую основу с такими же рефлексами отдельной личности с тем различием, что здесь дело идет об обобщении тех проявлений, которыми характеризуются вообще эти рефлексы у отдельных лиц. Так, погромы лавок или рынков с продуктами во время голода и разнузданные половые оргии могут служить примерами таких рефлексов: в первом случае наследственно-органических рефлексов самосохранения, во втором случае рефлексов полового характера.

Что касается коллективных рефлексов высшего порядка, то они также могут быть наблюдаемы при тех или иных условиях. Так, коллективные рефлексы сосредоточения нетрудно наблюдать в любом концерте, в любом театре, в любой аудитории.

Коллективные символические, и в частности речевые, рефлексы мы наблюдаем в жестах и возгласах толпы, в хоровом пении и т. д.

Большого пояснения требует собственно развитие личных или целевых коллективных рефлексов, которые, как и другие сочетательные рефлексы, возникают на основе опыта. Когда речь идет о личном рефлексе отдельной личности, то дело происходит так: раздражитель А действует на индивид В, вызывая с его стороны определенную реакцию сосредоточения, нападения или обороны, а в известных случаях и подавления

реакции, а все это в зависимости от того, благоприятно ли действует А на данный индивид или неблагоприятно. Благоприятное действие сопровождается со стороны индивида положительной мимико-соматической реакцией, неблагоприятное-отрицательной, но и то и другое стоит в зависимости не только от одного раздражения, но и от состояния

индивида. Повторное воздействие того же самого раздражения вызывает уже привычку испытывать данное раздражение и под влиянием его реагировать определенным образом, привычка же создает потребность в виде внутреннего раздражения от недостатка той мимико-соматической реакции, которая следовала за внешним раздражением. Под влиянием этого внутреннее раздражение со временем возникает уже самостоятельно, т. е. без внешнего раздражителя, приближение которого всегда усиливает эту потребность в наивысшей степени.

В случае неблагоприятного воздействия внешнего раздражителя речь идет о том же процесс образования внутреннего раздражения, но с обратным результатом, т. е. оборонительной реакцией или даже подавлением реакции. Иначе говоря, создается внутренняя потребность оборонительного действия, или воздержания от данного воздействия.

Одинаковый результат получается и по отношению к посредствующим раздражителям. Так, определенный раздражитель может не непосредственно действовать на индивид, а лишь после воздействия другого предшествующего или сопутствующего раздражителя.

Например, пищевой продукт может быть скрыт за несъедобной скорлупой или находиться скрытым под листьями определенного растения или храниться под почвой в определенных местах и т. п. С другой стороны, и вредный раздражитель может быть скрыт теми или другими внешними заграждениями, по устранении которых раздражитель начинает проявлять свое неблагоприятное или вредное воздействие на организм. В этих случаях действующий раздражитель имеет своего спутника, причем влияние последнего предшествуется воздействием первого.

Но по закону сочетательных рефлексов сопутствующий раздражитель после повторного воздействия настоящего раздражителя действует и сам, подобно последнему. В силу этого и раздражители, не оказывающие непосредственно того или другого благоприятного или неблагоприятного воздействия на организм, становятся неиндифферентными, а возбуждающими определенную реакцию, привлекающую или отталкивающую индивид в зависимости от того, в союствии каких действительных раздражителей эти первоначально индифферентные раздражители находятся.

То, что мы имеем по отношению к отдельным индивидам, имеет силу и по отношению к той или иной общественной группе как коллективному целому, в силу чего группа относится к внешним воздействиям в соответствующих случаях совершенно так же, как и отдельный индивид, с тем различием, что рефлексы отдельных личностей здесь объединяются благодаря взаимообщению и взаимовнушению ^'.

Так например, развитие восстания как коллективного сочетательного рефлекса надо представить себе таким образом, что личный опыт каждого индивида сделал привычным для него развитие протеста как сочетательного оборонительного рефлекса, возникающего на почве обыкновенного оборонительного рефлекса при неблагоприятных физических воздействиях. Когда накапливается достаточно внешних поводов для этого протеста со стороны многих индивидов, проявления протеста быстро обобщаются в коллективе, причем развивается в этом смысле благодаря взаимовоздействию и заразе определенное коллективное единство, еще более усиливающее проявление протеста. Когда такое протестующее единство в коллективе образовалось, достаточно малейшего повода как раздражителя, чтобы коллективный протест достиг

степени народного волнения, которое, нарастая все больше и больше, доходит до коллективного взрыва в форме восстания.

Аналогичный процесс представляет собою развитие коллективного рефлекса нападения в форме, например, погромов, войн и т. п."

Согласно вышеприведенному закону сочетательных рефлексов не только сама цель, но и средство достижения цели в качестве предшествующего раздражителя должно явиться достаточным для возбуждения рефлекса. Так, предметы питания являются раздражителем не только для всякого индивида, но и для коллектива. Но так как приобретение денег обеспечивает получение необходимых для жизненного обихода предметов и продуктов питания, а часто и сопровождается непосредственно затем приобретением того или другого и во всяком случае ему предшествует, то ясно, что благодаря опыту по закону сочетательных рефлексов и деньги становятся раздражителем, возбуждающим ту же реакцию, что и основная цель, т. е. необходимые предметы и продукты питания, вследствие чего деньги становятся и сами по себе ближайшею целью действия. На этом процессе развития сочетательных рефлексов, в котором не только сама цель как бывшая в опыте является раздражителем, но и все средства, ведущие к этой цели, становятся такими же раздражителями, основаны все процессы обмена в коллективах, а также все банковские и другие организации".

Не следует затем упускать из виду, что то или иное общественное движение обязано в значительной мере особой пропаганде, которая и служит нередко к объединению и в то же время к возбуждению действий коллектива. Пропаганду же ведут обыкновенно агитаторы, которые редко вообще стесняются в средствах, чтобы наэлектризовать толпу.

Одним из классических примеров агитационной речи такого рода может служить речь Антония после смерти Юлия Цезаря в шекспировском изображении.

Как бы то ни было, дело агитаторов на опыте знать, когда и где произносить пред толпой зажигательные речи и тем достигать нужного эффекта соответствующими средствами, но без агитаторов действие скопом обыкновенно не обходится.

Сами агитаторы, эти временные руководители толпы, часто далеко не отличаются даже стойким характером, а иногда даже представляют собой тех лиц, которые умело скрываются за толпой. При их аресте они не обнаруживают обычно раскаяния, но зато иногда обнаруживают поразительную трусость.

Так, один из агитаторов, который во время восстания в Кронштадте 4 и 5 июля без содрогания призывал к расстрелу на улицах безоружных женщин и детей, во время ареста проявил, если верить газетным сообщениям, самую позорную трусость.

Он <дрожал, как лист, от страха, что его казнят и с плачем умолял военные власти взять его в Петроград не под командою кронштадтских солдат и матросов.

— "Они злы на меня и расстреляют меня"...-лепетал этот агитатор и вожак толпы>.

Само по себе общественное движение является результатом совокупной деятельности, борьбы и сотрудничества отдельных личностей, групп и целых обществ или союзов. Как и всякий общественный процесс, оно должно иметь своим последствием либо заимствование, основанное на подражании, либо творческий акт. В последнем случае в коллективной жизни общества получается явление новое и оригинальное в той или иной мере, хотя бы и сходственное с явлением, однажды уже пережитым в его прошлой жизни.

Всякое общественное движение развивается обыкновенно до тех пор, пока оно не исчерпает весь запас сил, вызванный к деятельному состоянию

9 В. М. Бехтерев

129

соответственным раздражением в данной среде или пока не встретит соответствующего противодействия в другом общественном движении или какой-либо внешней силы, иначе говоря, коллективный рефлекс, как и всякий сочетательный рефлекс, прекращается вследствие внутреннего или внешнего торможения. Общественное движение, развиваясь в форме коллективного рефлекса, достигает в известный момент своего максимума напряжения, после которого волна этого движения начинает понижаться и, наконец, спадает точь-в-точь как в сочетательном рефлексе отдельной личности. В этом случае говорят об общественном сдвиге, когда начинается общественное движение, о переломе настроения в народных массах, когда общественное движение достигает своей высоты, и о понижении его, когда движение начинает ослабевать, сменяясь другим общественным движением" ^.

Само собою разумеется, что самый сдвиг, как и перелом, обуславливается какими-либо особыми признаками, заставляющими массы повернуть свой фронт в другом направлении.

Так во время великой русской революции, когда время проходило в бесконечных митингах на улицах и в общественных помещениях, где раздавались голоса с призывом уничтожить буржуазию и грабить банки, немногие из властей и даже буржуазных слоев населения отдавали себе отчет об опасности этой пропаганды. Идеиная проповедь убийства и открытого грабежа имела в их глазах такое же законное право на существование, как и всякая другая проповедь, и потому во имя провозглашенной свободы слова она не должна была встречать законного противодействия.

Точно так же казалось, что и газеты, и листовки, распространяемые в войсках с призывом к неповиновению начальству, не встречали противодействия во имя той же свободы печатного слова.

Но вот появились вооруженные члены рабочих на улицах Петрограда, начались выстрелы, выросло на глазах всех июльское восстание, потребовавшее применения воинской силы. Для власть имущих открылись глаза и вместе с тем со времени подавления восстания происходит резкий перелом в широких кругах, ознаменовавшийся поворотом их против большевизма.

В результате значительная часть общества и власть стали праветь, свобода собраний и свобода слова были ограничены. Стали применяться административные меры против личности. <Окопная Правда> и другие га-

зеты были воспрещены и большевистское движение было временно подавлено.

По крайней мере некоторое время вожаки из большевиков почти не могли выступать в собраниях, где их обыкновенно осмеивали, и можно было говорить о подавлении развившегося общественного движения внешней силой на то или другое время или о временном его заторможении.

Однако несмотря на все пропаганда среди рабочих и солдат делала свое дело и 25 октября того же года произошел большевистский переворот, когда Временное правительство было арестовано. Керенский – глава тогдашнего правительства – бежал, а сопротивлявшиеся юнкерские части и женские ударные батальоны были обезоружены, частью же, как было с юнкерами, расстреляны. Таким образом волна большевистского движения достигла своего апогея.

Первые месяцы после 25 октября были периодом, когда общественное движение в смысле большевизма еще возрастало и, наконец, достигло вершины своей волны, но эта волна не может все время оставаться на своем гребне и постепенно должна спадать. Она уже и спадает, ибо большевизм позднейшего времени уже во многом не тот, что был в первые месяцы после 25 октября.

130

Также дело происходит и во всех других коллективных рефlekсах. Начавшись с едва заметных проявлений, новое общественное движение растет, развивается, достигает своего наибольшего развития и затем постепенно ослабевает, входя в спокойное русло общественной жизни.

XI. РАЗВИТИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДВИЖЕНИЙ ПО ТИПУ СОЧЕТАТЕЛЬНЫХ РЕФЛЕКСОВ

Из рефлексологии мы знаем, что сочетательный рефлекс развивается на почве обыкновенного рефlekса и является в сущности его воспроизведением. То же мы имеем и в отношении коллективных рефlekсов. Представим себе усмиряемую полицейским нарядом толпу, которая устремляется в паническое бегство под влиянием расстрела, это – обыкновенный коллективный рефлекс. Когда коллектив подвергается избиению и можно слышать раздающиеся из его среды проклятия, стоны и раздражающие крики, это тоже обыкновенный рефлекс. Но когда раздаются те же проклятия, стоны и крики со стороны коллектива в то время, когда он взволнован прочувствованной речью об истязаниях, совершенных над близкими ему людьми, это уже сочетательный коллективный рефлекс. Когда толпа разбегается в стороны под влиянием простой угрозы, это тоже сочетательный коллективный рефлекс.

Отсюда очевидно, что в отношении развития коллективного сочетательного рефlekса мы знаем постоянную аналогию с развитием индивидуального сочетательного рефlekса, ибо ясно, что и там, и здесь сочетательный рефлекс, будет ли он индивидуальный или коллективный, развивается на почве обыкновенного рефlekса, являясь его воспроизведением при действии раздражителя, бывшего совместным с рефлексогенным основным раздражением.

Нужно впрочем заметить, что самое раздражение, приводящее к обыкновенному рефлексу, может быть заменено его символом, т. е. словом или другим знаком, и в результате получится сочетательный рефлекс такого же рода. Человек, например, никогда не испытывавший на себе действия огнест-

рельного оружия и даже не видевший никогда его применения на деле, тем не менее отворачивается от него в испуге исключительно под влиянием рассказов о его смертоносном действии. В этом случае уже одного вида огнестрельного оружия и даже одного названия оказывается достаточно для возбуждения оборонительного сочетательного рефлекса. Дело в том, что с символом неизбежно связывается его значение как оружия, спасение от которого заключается только в возможном отстранении от его действия.

То же самое мы имеем и в коллективе. Не нужно непременно даже и самого факта избивания толпы в предшествующем примере усмирения. Всякое лицо, если не по собственному опыту, то по опыту близких ему лиц, переданному на словах, знает про смертоносное действие огнестрельного или холодного оружия. Следовательно, у каждого уже имеется воспитанный в течение жизни рефлекс обороны при виде оружия и при угрозе им, и этого достаточно, чтобы толпа, угрожаемая оружием, начала разбегаться.

Если этого не происходит, достаточно бывает одного залпа даже холостыми зарядами, чтобы привести толпу в бегство.

Опять-таки и в этом случае речь идет о сочетательном коллективном рефлексе, который развивается под влиянием символического раздражителя в виде простой угрозы, воспроизводя рефлекс, вызываемый в других случаях действительным раздражением. Из вышеизложенного очевидно, что для образования коллективного сочетательного рефлекса ничуть не требуется, чтобы сам коллектив в его целом был непременно подвергнут предварительно такому внешнему воздействию, которое приводит к развитию обыкновенного рефлекса. Дело в том, что сочетательный рефлекс может проявиться и без

9>

131

такого коллективного опыта исключительно под влиянием заявления других о последствиях вышеуказанного воздействия, а равно и предшествовавшего опыта отдельных индивидов, входящих в данный коллектив. В последнем случае опыт отдельных индивидов при посредстве такого орудия, как речь, распространяется на весь коллектив, становясь его общим достоянием. Это является для нас понятным из того соображения, что качество коллектива и его отношения к окружающему миру зависят от состава входящих в него индивидов, которые могут подвергаться соответственному обучению. Поэтому естественно, что опыт отдельных индивидов не остается без влияния на деятельность всего коллектива.

В каждом общественном движении имеется повод в качестве раздражителя. Швейцарское восстание развилось на подготовленной уже почве после известного издевательства с требованием стрелять по яблоку на голове сына. Русская революция 1905 г. началась с расстрела народных толп в январе. Революция 1917 г. началась с роспуска Государственной Думы на место требуемого общественным мнением установления ответственного министерства. Берлинское восстание <спартаковцев> 5 января 1919 г. началось с увольнения избранного рабочими берлинского префекта Эйхгорна, который решил не покидать своего поста как предоставленного ему рабочими.

Ясно, что всякое общественное движение как массовый сочетательный рефлекс ' возникает под влиянием того или иного раздражения, играющего роль чаще всего последнего толчка на подготовленной ранее почве.

Чтобы установить в дальнейшем аналогию между проявлениями общественной или коллективной деятельности и сочетательными рефлексами

отдельной личности, необходимо обратиться к анализу того или иного общественного движения.

В этом отношении нет лучше примера как войсковые движения, где путем обучения и дисциплины наподобие дрессировки воспитываются настоящие коллективные сочетательные рефлексы. При слове <стройся> масса лиц выстраивается в ряды. При слове <вольно> войско освобождается от требований команды. При команде <равнение направо> все как одно целое поворачиваются вправо, при команде <равнение налево> все поворачиваются влево. При команде <готовься> ружья всех поднимаются на прицел; при слове <пли!> все одновременно дают залп из ружей. Здесь слова команды являются сочетательным раздражителем, в то время как основным раздражителем является обязательность строевого обучения.

Если мы возьмем массовые гимнастические упражнения, мы встретимся с тем же заученным сочетательным коллективным движением, когда по приказу руководителя целая масса лиц проделывает зараз как одно целое одни и те же движения. Команда в этом, как и в других случаях, может быть заменена при соответственной дрессировке ^' любым знаком: мановением руки, взмахом платка, флажком, выстрелом, звуком рожка или барабана и т. п., и в результате происходят те же движения. Наконец, после соответствующего упражнения сложные гимнастические движения, состоящие в смене одних движений другими в последовательном порядке, могут выполняться под музыку.

Кто бывал на так называемых сокольских слетах ^', тот мог убедиться, как огромная масса лиц, состоящая из десятков тысяч человек, производит сложные гимнастические упражнения под звуки музыки. Все как один человек с определенным звуком музыки поднимают руки, с другим звуком их опускают, с третьим звуком все опускаются на колени, затем точно также под темп музыки поднимаются, поворачиваются в сторону и т. п.

То же мы имеем и в танцах. Здесь опять-таки музыка является сочетательным раздражителем, а потребность движения как и в предыдущем случае основным раздражителем. И здесь масса лиц движется в такт музыки,

132

являющейся привычным сочетательным раздражителем, а слова руководителя танцев определенным сигналом.

Другой пример представляет большой оркестр. Каждый участник оркестра имеет перед собой тетрадь нот, по которой он выучил заблаговременно разыгрываемую пьесу. Теперь сигнал капельмейстера заставляет всех обратить взор на него и затем под его дирижерскую палочку начинается уже заученная, ранее согласованная игра на целом ряде инструментов, на которых одни должны выступать в определенный момент, другие в другой и т. д. Наконец, последний взмах дирижерской палочки, и вся игра останавливается в один момент. Разве это не воспитанный сочетательный коллективный рефлекс?

То же самое мы имеем и в хоровом пении, а равно и в театральном представлении, где роль дирижерской палочки отчасти играет суфлер.

Далее действия пожарных по определенному заданию и согласованные действия в коллективном труде рабочих – разве это не примеры искусственно воспитанных коллективных сочетательных рефлексов, совершенно уподобляющихся сочетательным рефлексам отдельной личности? '

Само собой разумеется, что и в жизни вполне естественным путем воспитываются такого же рода коллективные сочетательные рефлексy.

Так толпа при крике <пожар>, или <спасайся кто может>, стремглав устремляется в бегство, чтобы избежать несчастья; при крике: <бей вора> она его избивает. При первых звуках выстрела толпа обращается в беспорядочное бегство и т. п.

Все это примеры естественных сочетательных коллективных рефлексов, которые вырабатывает или воспитывает сама жизнь.

Каждое вообще сопутствующее обстоятельство при известном раздражении коллектива теми или другими воздействиями, приводящими к определенной реакции, приводит к тому, что это сопутствующее обстоятельство само по себе становится способным вызывать ту же самую реакцию.

Допустим, что один народ находится в войне с другим. Всем известно, что оборонительные и наступательные действия войск определяются действиями противника. Эти действия противник старается скрывать. Но вот неоднократно его наступление сопровождается тем или другим сигнальным знаком и вполне естественно, что в обороняющихся этот же сигнальный знак, хотя бы он в данном случае и не обозначал собою наступления неприятеля, вызовет тревогу. Если толпа неоднократно подвергалась расстрелу со стороны конных патрулей, то достаточно появления в том или другом числе конных всадников, хотя бы и невооруженных, а в известных случаях даже одного звука лошадиного топота, чтобы толпа тотчас же разбежалась.

Даже искусственно воспитанные коллективные сочетательные рефлексy принимаются к различным жизненным условиям. Так толпа при звуках марша начинает идти в такт музыки, при звуках песни во время общей работы движения рабочих соразмеряются с песней.

Когда театральная публика рукоплещет артисту и выражает знаки одобрения, она воспроизводит обычные жестикуляторные рефлексy и мимику, выполняя это целым коллективом сообща. Когда толпа смеется вместе с тем как смеется артист на сцене, она заражается его смехом, воспроизводя тот же самый мимический рефлекс. Когда она слушает оркестр, она проявляет коллективное сосредоточение, как и всякий человек в отдельности взятый "о".

Когда толпа бежит под угрозами расстрела или нападает на кого-либо, учиняя расправу, она производит коллективный оборонительный или наступательный сочетательный рефлекс.

Когда она неистовствует, разбивая хлебные или мясные лавки во время голода, она подчиняется инстинкту самосохранения. Когда хор поет или толпа кричит, мы имеем дело с коллективным символическим или речевым рефлексом и т. п.

133

Ясно, что во всех вышеприведенных случаях мы имеем полное основание сравнивать деятельность коллектива с деятельностью отдельной личности.

Дело однако представляется много сложнее, когда мы встречаемся не с толпой, выполняющей то или другое движение или действие, а с массой лиц в собраниях, когда эти лица приходят после долгих обсуждений к

определенному решению. Здесь как будто мало аналогии с индивидуальной деятельностью человека. Но возьмем случай, когда человеку дана определенная задача, которую он должен так или иначе разрешить. В этом случае основным раздражителем является цель под влиянием необходимости или потребности дать определенное решение: выполнение же задачи происходит при посредстве сложных установленных ранее путем воспитания форм суждения, доводов <за> и <против>, оценки всех имевшихся в запасе сведений и различных встречавшихся в жизни событий.

Нетрудно видеть в выполнении этой задачи известную аналогию и с коллективной работой в собраниях.

В собраниях речь идет в сущности о такой же деятельности, какую мы имеем и в деятельности отдельной личности, но работа здесь проявляется сообща целым коллективом, вследствие чего запас опыта одного лица изменяется опытом целого коллектива. При этом искусственно привитая потребность в разрешении задачи, исполнение долга или ответственность, являющиеся в подобных случаях руководителями действий коллектива, как и отдельной личности, могут и должны быть рассматриваемы как основные раздражители, с которыми сочетается вся коллективная умственная работа, выполняемая в собрании и приводящая к определенным решениям.

Итак, во всех различных формах проявления деятельности коллектива, мы имеем полную аналогию с соотносительной деятельностью отдельной личности и как последнюю мы признаем состоящей из отдельных сочетательных рефлексов, так и в коллективе мы встречаемся с сочетательными же рефлексами коллективного характера, т. е. выполняемыми сообща целым коллективом.

Всякое общественное движение всегда идет по пути, образующему линию поведения всего коллектива как целого.

Но всякий большой коллектив состоит из целого ряда малых коллективов, которые, в свою очередь, делятся на коллективы меньших размеров и т. д., и каждый коллектив, какого бы размера он ни был, имеет свою линию поведения, представляющую равнодействующую всех устремлений отдельных индивидов, входящих в данный коллектив. Таким образом линия поведения всякого большого коллектива является равнодействующей из равнодействующих целого ряда входящих в состав его меньших коллективов ^'.

Так как самый меньший коллектив состоит из двух отдельных индивидов ^' различного характера и содержания соотносительной деятельности, а все вообще коллективы опять-таки представляют собой абсолютный состав и, следовательно, обнаруживают различное направление своей линии поведения, то очевидно, что каждый коллектив либо поддерживается другими при согласовании их интересов, либо противодействуется ими или тормозится в своих действиях при разноречии и несогласии. Полного же согласования всех коллективов, как и полного согласования отдельных индивидов в каждом коллективе, быть не может.

Необходимо вообще иметь в виду, что всякий коллектив подобно организму живет, т. е. движется, развиваясь и эволюционируя, причем его движение обуславливается либо потребностями, либо внешними раздражениями. Первые составляют неотъемлемую часть всякого вообще живого коллектива, ибо только умирающий и распадающийся коллектив лишается своих потребностей. Но потребность возникает либо в результате биологических условий как наследственно-органические рефлексy, либо на

почве сложившейся привычки, вызванной многократными повторениями определенных сочетательных рефлексов.

В первом случае потребности коллектива рождаются в связи с основанным на опыте удовлетворением нужд, вытекающих из существа самой организации, подобно тому как в индивидуальном организме часть потребностей в виде так называемых инстинктов, определяется природой организации. Так, сюда в коллективах должны быть отнесены брачные потребности, экономические потребности, потребности передвижения и т.п. Во втором случае потребности возникают в результате жизненного опыта, например, потребность в образовании, потребность в играх, развлечениях и т. п. Эти последние потребности являются результатом жизненного опыта при условиях, приводящих к потреблению или использованию коллективом того или другого материала и вызываемой в связи с этим стенической реакцией, характеризующейся соответствующими мимико-соматическими рефлексами и рефлексами наступательного характера, направленными к возможному продлению стенической реакции "°". Последняя при повторном воспроизведении становится привычной в такой мере, что недостаточное ее воспроизведение само становится раздражителем, вызывая вновь необходимость использования того же материала. Наоборот, пресыщение известной потребности вызывает астеническую реакцию, сопровождающуюся защитными или оборонительными рефлексами, устраняющими дальнейшее удовлетворение потребности.

В коллективах мы имеем разнообразные, сложившиеся благодаря жизненному опыту потребности, которые влекут к тем же последствиям и которые удовлетворяются соответственным образом.

Так потребность сбыта изготовляемых продуктов в стране вызывает поощрительные меры к вывозу, а избыток иностранного товара, выбрасываемого на рынок, вызывает ограждение собственного рынка защитительными пошлинами, усиленная иммиграция иностранцами вызывает против себя защитительные мероприятия и т. п.

Потребности как побуждающие к активности и наступательным рефлексам являются важнейшими стимулами прогресса, ибо благодаря им выдвигается на сцену изобретательность, в области которой всякий успех сопровождается положительной стенической реакцией, побуждающей к дальнейшим завоеваниям в области открытий и изобретений, причем потребность в изобретениях именно и приводит в движение человеческий гений. Последний осуществляет эту потребность при наступлении подходящих условий и соответствующих предпосылок. Вот почему можно утверждать с полным основанием, что гений проявляется в жизни народов лишь в то время, когда настает его день ^"'. .

Даже то, что мы относим к вопросам экономического характера, как например: обмен в виде купли и продажи, сервитуты, пользование, имущественная собственность, залоги, передача по наследству, аренда, права давности и т.п., в конце концов являются не чем иным, как результатом упрочившихся общественных потребностей, закрепленных законодательством, следовательно, первично они также являются сочетательными рефлексами в экономической области как области, удовлетворяющей сложившиеся потребности коллектива. Самый рынок с его обменом и денежными знаками является, с одной стороны, в результате потребности или нуждаемости, с другой стороны, предложения как потребности сбыта продуктов своего труда

при их избытке в целях замены другими, в которых испытывается недостаток; потребность же, как мы видели, есть не что иное, как сочетательный рефлекс ^'. Ясно таким образом, что вся экономическая сторона общественной жизни развивается по типу сочетательных рефлексов, имея в виду, что

^° О стенической реакции см.: Бехтерев В. М. Объективная психология. Вып. 2. Отд. отт.

135

общество как живой организм находится в постоянном движении, вследствие чего соотношение общественных групп в нем находится непрерывно в состоянии подвижного равновесия.

Раздражителем для той или другой потребности коллектива является внешнее воздействие того или другого рода, благодаря чему при условии соревнования один коллектив входит в столкновение с другим, осуществляя право сильного. Так бесправное некогда еврейство, освободившись от бывшего социального рабства во время февральской русской революции, оказалось на вершине революционной волны в лице многих из видных деятелей революции; но несмотря на объявленные свободы и равенство национальностей после первых же месяцев революции начались снова местами еврейские погромы, хотя в это время страна переживала самый разгар разных свобод и готовилась впервые к выборам на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Другой пример: ужасающий деспотизм царского режима привел к самой бурной из всех революций мира, имевших место в истории вслед за великой французской революцией, и выдвинул на первое место пролетариат, ранее безуспешно боровшийся с капитализмом.

Третий пример: возвышение пролетариата в период переворота 25 октября привело к корниловщине и вызывало в разных слоях общества, особенно в его буржуазных элементах, стремление к монархизму, что заставляло прибегать правящие классы к тяжким репрессивным мерам. То же столкновение общественных стремлений выступает в реакции так называемых демократических элементов страны на большевизм, стремящийся к углублению революции. Вот что мы читаем по этому поводу в одной из газет от 19 октября 1917 г.

<Чем яростней и размашистей становится большевизм, тем плотнее сжимаются ряды государственно мыслящих элементов страны. Медленно, но упорно совершается эволюция настроения в широких массах населения; левеют демократические советы, революционеры и социал-демократы и правееет страна.

Этот процесс начался давно, чуть ли не с первых дней упоения демократическим творчеством революции. Резко обнаружилось начало размежевания государственной и классовой мысли в апрельские дни, на первом опыте свержения "буржуазного" правительства левофланговой демократии. То было началом общественного правления>.

Этот процесс реакции как результат столкновения интересов идет более или менее равномерно лишь в том случае, если не встречается на своем пути каких-либо новых приводящих обстоятельств. Например, в том же поправлении демократических элементов страны в связи с ростом большевизма таким новым обстоятельством, задержавшим ход этого поправления, явилась корниловская история. В той же газете мы читаем по этому поводу следующее в связи с вышеуказанной эволюцией, общественного движения.

<Корниловские дни разорвали нить этой эволюции. Демократия снова отшатнулась от "буржуазии", слишком поспешно квалифицировав самую корниловскую историю и роль цензовых элементов в ней. "Контрреволюционность" буржуазии снова стала жупелом даже для ответственной и государственно-мыслящей демократии, которая накануне только шла на уступки ради сплочения национальных сил в обороне страны и свободы. Пропасть между классами снова углубилась и расширилась, стороны вновь оказались дальше друг от друга, чем были до августовских дней, и обе дальше от общей цели. Пожали всходы этой ложной бури большевики.

Большевики стали захватывать власть в стране демократии, и государственно-мыслящая демократия стала терять влияние в массах, развращенных и обманутых демагогией>.

Когда два исключаящих друг друга процесса общественной эволюции достигают своего наивысшего развития, происходит общественный кризис,

136

сводящийся к взаимному торможению, за которым следует поворот общественного движения в том или другом направлении.

В русской революции таким кризисом можно считать момент Демократического Сопения, закончившегося совершенно противоречивым и бесплодным голосованием.

Как всякий кризис, так и общественный кризис должен, конечно, подлежать разрешению, и это разрешение может происходить быстро путем открытого столкновения, в котором более мощное общественное течение подавляет силой более слабое течение. В других случаях кризис разрешается медленно, причем мало-помалу слабеющая волна общественного движения постепенно изживает самое себя.

Условия, при которых разрешение кризиса происходит более бурно, <критически> или более медленно и мягко, <литически>, заключаются в более активном или менее активном характере общественного движения и зависят от некоторых других условий (например, быстроты нарастания того или другого движения и т. п.).

В каждом отдельном социальном коллективе в известное время может наступить свой кризис.

Так в каждой партии разноречие двух лагерей и двух течений может приводить к таким кризисам, за которыми следует победа одного или другого направления.

Кризисом завершились между прочим и прения по обороне в Совете республики, которые закончились неприятием ни одной из предложенных формул революции ^'.

Что касается формы коллективного рефлекса, то соответственно характеру собрания или коллектива рефлекс может представляться неодинаковым. Так в парламентских собраниях протесты чаще всего ограничиваются горячей отповедью и самое большее какой-либо выходкой, бранью, выходом из собрания во время речи оратора и т. п., редко вообще большими эксцессами: тогда как в толпе речь идет обыкновенно о более резких проявлениях, например, о расправе самосудом, нередко приводящим к роковым пос-

ледствиям.

С точки зрения сочетательных рефлексов ^ объясняется между прочим и то поразительное явление, когда средство становится самоцелью, как бы замещая ее. Средство как известно предшествует и даже сопутствует цели и, хотя первоначально цель как раздражитель служит возбудителем рефлекса, но со временем средство как явление, предшествующее и сопутствующее цели, является раздражителем, возбуждающим сочетательный рефлекс. Так во время великих революций проповедь свободы и равенства как средства к общественному благополучию, в конце концов, становится самоцелью, приводя на первых порах к разрушению социального благополучия.

Выше была речь о том, что инстинкт самосохранения приводит к стремлению достичь возможного благополучия при всевозможных условиях жизни. Следовательно, все, что связано с добычей соответствующего пропитания и лучшей обстановкой в жизни, является раздражением особой потребности, связанной с этим инстинктом. Так как денежные знаки и вообще нажива являются средством удовлетворения этих потребностей, то приобретение денег связывается с последним как неизбежно ему предшествующее раздражение, а это приводит к тому, что сами деньги как средство удовлетворения потребностей способны возбуждать те же реакции, которые вызывают и удовлетворение соответственных потребностей. Таким образом и здесь средство само по себе становится целью.

^ См.: Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека.

137

У людей, у которых потребности, вытекающие из инстинкта самосохранения, не затормаживаются другими условиями, они естественно поддерживаются и развиваются разнообразными жизненными условиями, приводя к развитию стремления к наживе и стяжанию, которые и выражаются соответствующими рефлексами.

Но страсть к стяжанию в известных случаях удовлетворяется лучше всего совместными усилиями, откуда естественно возникновение всякого рода экономических организаций в человеческом обществе, которые отвечают инстинкту самосохранения в коллективной жизни.

Можно установить, что наиболее старые жизненные привычки в коллективах держатся прочнее позднее приобретаемых, в чем опять-таки нельзя не видеть аналогии с индивидуальными рефлексами. Установившийся обряд, этикет, обычай – вот примеры старых социальных привычек, которые переживают века без малейших изменений, тогда как мода, не переходя в привычку, сменяется по времени новой модой, имеющей также недолгое существование.

Заметим еще, что в период развития отношений индивида к коллективу происходит процесс социального обобщения в такой мере, что не только индивидуальные стремления подчиняются общественным интересам, но и интересы коллектива становятся для индивида как бы своими, иначе говоря, отождествляются с личными или индивидуальными. Отсюда происходит то направление стремлений отдельных индивидов, которое именуется патриотизмом. Даже интересы коллектива, как например, благосостояние государства, составляет предмет отождествления с собственными интересами в такой мере, что все, что благоприятствует этому благосостоянию, возбуждает

в каждом из индивидов положительную стеническую реакцию и наоборот.

В индивидуальной жизни, как мы знаем, не только удовлетворение физической потребности сопровождается стенической реакцией, но и деятельность аппарата отношения или так называемая мозговая работа, если она не приводит к утомлению. И здесь то, что называется творческой умственной деятельностью и даже самое приобретение знаний обычно сопровождается стенической реакцией, что вошло и в самый язык в виде обозначения стремления к знанию <любопытностью> и <любопытством>. Таким образом стеническая реакция, сопровождающая умственную деятельность до тех пор, пока она не является утомительной, представляется верным побудительным условием, приводящим человека к умственному развитию и совершенствованию, которое происходит по законам эволюции. На этом и основана и роль почина или инициативы в соотносительной деятельности человека.

То же мы имеем и в коллективе, где любопытство и любознательность еще усиливаются путем примера и подражания. Толпа любопытных на улице, собирающаяся около какого-либо зеваки, может служить тому примером. Достаточно, чтобы кто-нибудь на улице стал присматриваться в небо, чтобы многие из проходящих людей занялись тем же самым. Пусть кто-нибудь в большом городе остановится на мосту и станет пристально смотреть на воду протекающей под мостом реки, и можно быть уверенным, что около него соберется в короткое время толпа любопытных.

Коллективная любознательность лежит в основе всех вообще новых общественных движений, ибо как бы ни была велика слепая вера в авторитеты, каково бы ни было обаяние славного прошлого и подчинение заветам предков, благодаря любознательности в коллектив постепенно проникает новая струя, то или иное нововведение, которое постепенно распространяется путем подражания на значительную часть лиц, а затем и на весь коллектив. Таким образом происходит то, что может быть названо общественным сдвигом, то более быстрым, то более медленным, смотря по обстоятельствам.

Но тут необходимо отметить, что чем дольше длился общественный застой, основанный также на подражании старине, тем больше развивается стремление к новизне, к нововведениям, и потому вслед за эпохами застоя в обществах обычно следуют эпохи возрождения и переворотов и при этом последние протекают тем бурнее, чем дольше держался застой и чем более прежний порядок являлся пережитком старины -^*.

Во всяком общественном явлении действует привычка и механизация ^* явлений, связанная с ускорением их продолжительности так же, как и во всяком индивидуальном действии. Так многие производства, например выделка тканей, часов, всякого рода предметов обихода, сельскохозяйственных машин и т. п., осуществляются ныне во много раз скорее, нежели в прежнее время. Но помимо того всякое повторно происходящее общественное явление упрочивается, становясь как бы привычным сочетательным рефлексом.

Таки^ образом, например, чужой язык, занявший место родного языка, становится со временем привычным языком, замещающим собой родной язык, и даже чуждая структура такого языка становится благодаря привычке как бы национальной. Известно, например, с какой быстротой особенности греческого языка с его периодами, метрами и другими оборотами вошли в плоть и кровь латинского языка, сделавшись прочным достоянием римской культуры. То же самое мы имеем и в отношении других общественных явлений. Так, введение всякой новой общественной реформы, будет ли то

школьная, судебная или административная реформа, первоначально прививается с трудом, преодолевая разные трения и препятствия, со временем же эти реформы входят в обычай и становятся прочным достоянием культуры, как бы механизуясь благодаря привычке.

Таким же точно образом общепринятые подарки на Востоке, будучи первоначально добровольными, сделались со временем обычаем и затем, приобретя форму обязательной любезности, явились своего рода повинностью. Далее на месте подаяний, собиравшихся в пользу погорельцев, со временем возникли страховые общества. Исполнение священниками треб производилось первоначально бесплатно, причем население вознаграждало их добровольными приношениями, со временем же эти добровольные приношения превратились в своего рода повинность, сделавшись обязательными. Из почестей для сильных мира сего возникла лесть и вежливость, причем первая сделалась как бы обязательной всюду на Востоке, а последняя сделалась обязательной в светских кругах Европы. Прежде практиковавшееся падение ниц перед повелителем сделалось со временем обязательным в форме поклона и снятия шляпы при встрече со всеми вообще лицами, которым хотят оказать знак внимания, и прежде всего сюда принадлежат все знакомые. <...Распространенная потребность слышать лесть, получать визиты и принимать поклоны по примеру сановников и вельмож послужила во Франции и других странах скрытой причиной постепенного общего распространения вежливости> ^.

Благодаря тем же условиям долговременное предоставление зрелищ в древнем Риме народным массам создало своего рода потребность в этом отношении наряду с хлебом. Отсюда понятно, что народные толпы в Риме стали требовать того и другого, оглашая воздух криками: <рапет et circenses* ^*.

Всякое изобретение или открытие порождается общественной потребностью, т. е. сочетательным коллективным раздражителем, который в свою очередь возник из повторно действующих соответствующих условий. Возьмем пример: потребность в общении людей основана на развитии культуры, а эта потребность приводит к изобретениям усовершенствованных путей со-

^ Тард Г. Законы подражания. С. 359.

139

общения. Создание же этих путей приводит к усилению обмена, который со временем становится новой общественной потребностью и т. д. Ретроспективно оглядывая весь процесс культурного развития человечества с его изобретениями и потребностями, мы дойдем до первоначальных основ общности, где потребностью отдельных лиц является образование коллектива благодаря подражанию, которое, в свою очередь, само является потребностью вследствие его неизбежной повторности в условиях сожителства отдельных индивидов.

Но подражание, столь неизбежное в общественной жизни, связано с утратой новизны. В то же время оно связано с сокращением самого процесса, которому подражают. <Отсюда необходимость новых изобретений, свежих источников подражания, которые могли бы оживить иссякающую социальную энергию. Таким образом, например искусство, постепенно вырождается, религиозные верования утрачивают свою силу и яркость, слова сокращаются, выражения обесцвечиваются. Почетные титулы (seigneur, превратившиеся в sieur), приветствия (феодалное коленипоклонение, заменившееся легким

наклонением головы), комплементы, манеры все более и более сокращаются, ослабляются, упрощаются по мере распространения>^". Еще ранее 'то же самое было доказываемо Спенсером.

С другой стороны, ни одно общественное движение не начинается сразу: оно зарождается постепенно, причем вначале проходит стадию скрытого состояния, когда в силу общественной косности или инерции оно лишь мало-помалу, иногда в течение большого числа лет пробивает себе дорогу, выявляясь на общественную арену. Прежде чем стало вырождаться искусство, оно должно было расцвести. Всякое религиозное учение проходит первоначальную стадию своего развития, лишь постепенно получая широкое распространение. Всякий титул, прежде чем потерять свое значение, должен был вылиться в определенную форму в силу общественной потребности. Всякий термин и всякое выражение раньше, чем обесцветиться, должны были появиться и занять свое положение в общественном словаре, действуя на умы своей новизной и характерностью; всякая манера приветствий и прощаний является пережитком общественных отношений, имевших ранее гораздо более значительный и реальный смысл.

Словом коллективный рефлекс и в этом отношении развивается по типу индивидуальных сочетательных рефлексов. Сначала он после скрытого периода вырастает более или менее быстро; нарастая, он упрочивается, дифференцируясь при своем распространении путем подражания, а затем, становясь привычным, утрачивает свою новизну, ослабляется и обесцвечивается, т. е. утрачивает свою роль, как общественный процесс, но он оживляется вновь при каждом новом толчке. Таким образом и здесь, в коллективном рефлексе, мы можем различать свои стадии развития, совершенно аналогичные тем, которые мы встречаем в индивидуальном сочетательном рефлексе. Скрытый период, более или менее быстрое нарастание вначале и затем достижение наибольшей высоты, после чего постепенное ослабление и окончательное падение при сохранении, однако, способности к проявлению при всех условиях, его оживляющих и поддерживающих – вот стадии, через которые проходит общественное движение как коллективный рефлекс.

Мы знаем далее, что стеническая реакция, сопутствующая тому или иному раздражению, подчиняется общему закону сочетательных рефлексов. Поэтому, если первично эта реакция сопутствует удовлетворению непосредственных потребностей организма, то с течением жизненного опыта она начинает соот/тствовать и тем средствам, которые стоят в менее непосредственной связи с удовлетворением жизненных потребностей. Так, мы уже

1" Там же. С. 216.

140

упоминали, что, например, деньги сами по себе как бумажки не могли бы возбуждать стенической реакции, но как средство возможного приобретения жизненно необходимых предметов они вызывают стеническую реакцию у всякого, нуждающегося в этих последних. С другой стороны, достижение цели при добывании, например пищевых продуктов, в собственном опыте или в опыте других, возбуждает стеническую реакцию под влиянием удовлетворения жизненных потребностей, со временем же достижение какой бы то ни было цели становится вообще средством возбуждения стенической реакции, хотя бы сама цель при других условиях и не вела непосредственно к удовлетворению жизненных потребностей.

То же самое, что мы имеем в этом отношении для отдельных индивидов, имеет значение и для коллектива. Таково, например, развитие коллективной

стенической реакции при удовлетворении патриотических целей государственным коллективом, а также и при достижении средств, которые создают возможность в будущем удовлетворения патриотических целей. Победа, обещающая благоприятное для одной страны завершение военных действий, или союз, который дает возможность рассчитывать в более или менее отдаленном будущем на удовлетворение жизненных потребностей страны, уже возбуждают стеническую реакцию коллектива.

В числе коллективных сочетательных рефлексов следует, как мы видели, иметь в виду и подражание. Последнее является рефлексом, который обеспечивает приобретение коллективом успехов, достигаемых отдельными индивидуумами. Если на низших ступенях животного царства подражание в форме мимикрии служит главным образом целям сохранения вида, то на высших ступенях развития животного царства подражание служит одновременно социальным целям и лежит в основе общественности. В конце концов вся культура, как мы знаем, основывается на подражании, которое проникает как жизнь всякого вообще существа с первых его ступеней до той или иной степени развития организма, так и социальную жизнь, начиная от примитивных народов, народов-детей, до народов с высшей культурой ""*.

Подражание не только способствует приобретению рефлексов, но оно же облегчает и выполнение рефлексов, что вытекает из опытов Fere и других данных. В коллективном труде, как известно, подражание, имея стимулирующее значение, содействует облегчению работы *.

Мы уже говорили в другом месте, что человек при виде пляски другого человека и сам начинает плясать, человек, смеющийся, вызывает смех в другом, человек, зевающий, вызывает зевок у своего соседа и т. п. Отсюда очевидно, что подражание уже по самой своей природе, будучи облегченной реакцией, легко при повторении становится потребностью организма, побуждающей к общению его с другими индивидуумами.

Вот почему подражание является, с одной стороны, стимулом к социальной жизни, с другой, является неизбежным следствием общения двух и более социально живущих индивидов.

Можно определенно сказать, что общественность возникает не из одного только принципа полезности ее для вида, но и из непосредственной, т. е. биологической, полезности для индивидов самого подражания, которое приобретает особое значение тем, что при его посредстве достигается заимствование одним индивидом от другого всякого нового успеха и изобретения.

Если, как мы убеждаемся, подражание при повторении легко становится потребностью, то и общение с себе подобными как условие, вызывающее подражание, становится потребностью""*, а это разрешает нам вопрос всей вообще социальной проблемы. Мы понимаем, почему возникает в органическом мире общение с себе подобными. Оно вызывается стремлением к подражанию, которое, становясь потребностью, при удовлетворении неизбежно

сопровождается стенической реакцией. В этом и заключается коренное условие социального инстинкта.

На подражании и связанной с ним стенической реакции основана и всякая вообще игра.

Посмотрите, как встреча друг с другом двух щенков их возбуждает,

вследствие чего они тотчас же начинают игру между собой, взаимно подражая один другому. Что послужило причиной для возбуждения в каждом из них до сего времени дремавшей энергии? Возможность общения и осуществимость подражания как стимулирующего начала, сопровождаемого стенической реакцией, вследствие чего и возникает между ними игра, которая сама по себе неизбежно связана с подражанием. В самом деле, если мы присмотримся к любой игре, то мы убедимся, что она состоит из взаимного подражания и в особенности подражания менее опытных более опытным, и в этом заключается социальное значение игры как метода естественного обучения в период развития организма[^]*.

Из сказанного становится понятным, что в числе жизненно полезных для организма условий является и общение как неизбежный результат подражания, являющегося естественным стимулирующим средством, необходимым организму во всех случаях, когда он находится в полноте своих сил и не испытывает утомления. Эта потребность представляется столь же органической, как потребность в свете, в тепле, в питании и т. п.

Заслуживает внимания, что повторность коллективного действия приводит массы к определенной установке в смысле согласованности действий отдельных индивидов, причем в этой установке немаловажную роль играет опять-таки подражание. Всем известно, сколько тренировки требуется для осуществления хорошо согласованных действий войсковых частей, в скольких репетициях нуждаются актеры, для того чтобы достичь согласованности в действиях на сцене, или сколько спевков должны провести люди, участвующие в хоре, который намерен выступить перед публикой, или сколько требуется репетиций в оркестре, готовящемся осуществить свою программу на эстраде. Тем не менее эта согласованность всегда достигается в результате упражнения.

Ясно таким образом, что в собирательной личности опыт и подражание имеют огромное значение не только в отношении воспроизведения однажды выполненного действия, но и в отношении коллективной согласованности самих действий, выполняемых массой лиц в определенном порядке и последовательности.

XII. КОЛЛЕКТИВНЫЕ НАСЛЕДСТВЕННО-ОРГАНИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСЫ

Как упомянуто выше, все проявления коллективной деятельности мы вправе назвать коллективными рефлексами или реакциями, что вс[^] равно.

Но проявления этих коллективных рефлексов представляются в различных случаях неодинаковыми. С целью ближе познакомиться с различными проявлениями коллективных рефлексов мы рассмотрим в последовательном порядке коллективные наследственно-органические рефлексы (инстинкты), коллективное настроение и коллективные 'мимико-соматические рефлексы, коллективное сосредоточение, коллективное наблюдение, коллективное осуждение и коллективные действия[^]*.

Начнем с коллективных наследственно-органических рефлексов. Как в индивидуальной жизни мы различаем наследственно-органические рефлексy, так и в общественной жизни необходимо иметь в виду проявления такого же рода коллективных рефлексов, имеющих своей прямой целью

самосохранение и, в частности, питание, удовлетворение брачных потребностей, влечение к сообществу и т. п.[^]

Удовлетворение естественных потребностей в отношении еды, питья, защиты от непогоды и холода обычно сопровождается соответствующей положительной или стенической мимико-соматической реакцией не только со стороны растительных функций, что выражается между прочим подъемом деятельности сердца и оживлением дыхательных движений, но и движениями и действиями наступательного характера, которые приводят или должны приводить к достижению возможно полного удовлетворения соответствующих потребностей (процесс еды связан с захватыванием пищевых продуктов, соответственной их обработкой и поеданием в целях насыщения и т. п.[^] защита от непогоды связана с пользованием одеждой, с устройством жилища и т. п.).

Допустим, что в стране или в определенной местности существует голод, как это имеет место, например, во время революции в России и особенно в столицах Москве и Петербурге. И в результате вопросы продовольствия в общественных условиях жизни выдвигаются на первый план. Ими пестрят страницы газет и журналов, о хлебе насущном говорят везде и всюду, куда бы вы ни пришли. У знакомых, при встречах на улице разговор в конце концов сводится к пайку, к пищевым продуктам, к еде. Нечего говорить, что хвосты при хлебных лавках занимаются не только разговорами о хлебе, но и перебранкой за счет предполагаемых виновников голода. Также и в действиях отдельных лиц или групп дело идет о преобладающем влиянии неудовлетворенной потребности питания, что выражается бесчисленными случаями воровства и грабежей на этой почве. Словом, все общество, прежде занятое самыми разнообразными интересами, теперь уже преобразилось: нет более важных интересов в нем, как интересы продовольствия и питания. Все как бы отступает на второй план перед интересами желудка, которые доминируют над всеми.

Собственно возбудителем наступательной реакции во всех случаях является потребность, возникающая с особой силой при неудовлетворении, тогда как полное удовлетворение, особенно же пресыщение, сопровождается оборонительным рефлексом.

Характер самой реакции определяется воздействиями, которые внешние влияния производят на коллектив. Если речь идет о внешних влияниях, благоприятно действующих на коллектив, они, возбуждая стеническую реакцию, приводят к действиям наступательным, направленным к возможному усилению и продлению этих влияний, тогда как неблагоприятно действующие влияния сопровождаются реакцией астенического характера, возбуждающей стремление к освобождению от них, иначе говоря, создающей импульс к движениям и действиям оборонительного же характера.

Так как естественные потребности "**** или влечения лежат в основе самой организации индивидов и вызываются органическими условиями, приобретаемыми по наследству, а не являются приобретенными подобно другим потребностям, то они и подводятся нами под понятие последственно-органических рефлексов, приводящих к действиям, осуществляющим удовлетворение естественных потребностей.

Благодаря тому, что удовлетворение тех или других наследственных органических влечений, как например, защита от неблагоприятных условий,

[^] В литературе мы имеем большие разногласия по вопросу о количестве <инстинктов> или

биологических потребностей у человека. Джемс, например, как и Эллвуд и Дауголл, различают большое число инстинктов, тогда как Дарвин признает у человека лишь ограниченное количество инстинктов. По Вагнеру, их всего три: питание, размножение, самосохранение. Питание мы признаем частным видом инстинкта самосохранения. Но к категории инстинктов должно быть отнесено и влечение к сообществу.

143

достигается во многих случаях лучше коллективными, а не индивидуальными усилиями, то это обстоятельство нередко служит руководящим импульсом для действия скопом. Каждый социально воспитанный индивид, входящий в сообщество, в сущности тем самым усиливает сообщество, поскольку каждое сообщество является защитой и охраной индивидов, в него входящих. Обобществление этого наследственно-органического рефлекса и привело к развитию норм общежития и установлению власти как организующего начала, служащего обеспечению внутренней и внешней охраны самого сообщества.

Наследственно-органические рефлексы подвергаются соответствующему регулированию благодаря сопутствующей им той же стенической реакции, о которой мы уже говорили выше. Когда наследственно-органические рефлексы, будет ли это у животных или у людей, приводят к результатам, отвечающим нуждам коллектива, в последнем, как мы уже знаем, развивается стеническая реакция, поддерживающая осуществление рефлекса и его дальнейшее развитие до его выполнения, в противном случае, т. е. когда осуществление рефлекса не соответствует в данное время нуждам коллектива, не возбуждается и стенической реакции, и самый рефлекс задерживается. В конце концов цель, достигаемая рефлексом при ее осуществлении как бывшая уже в прежнем опыте становится более или менее постоянным раздражителем, а потому возбуждает наряду с наследственно-органическими и личные рефлексы, приходящие в этом случае на помощь наследственно-органическим рефлексам и развивающиеся в том же направлении. Таким путем благодаря опыту приобретается в конце концов навык, содействующий достижению цели даже еще ранее, чем достигнет соответственного напряжения импульс, развивающийся под влиянием органических раздражений. Мало того, для достижения цели в коллективном опыте могут вырабатываться средства, которые вне зависимости от достижения цели, соответствующей осуществлению рефлекса, для всякого индивида были бы совершенно индифферентными, но с развитием коллективного опыта путем сочетательного рефлекса становятся возбудителями стенической реакции, а, следовательно, и соответствующих действий. Таковы упоминавшиеся ранее деньги и другие знаки и документы, как договоры и прочее, явившиеся в результате коллективного опыта при обмене товаров и приводящие к удовлетворению влечения к пище, к приобретению одежды и других предметов, улучшающих благосостояние.

Надо при этом иметь в виду, что в коллективном организме на помощь приходит нередко и индивидуальный опыт отдельных личностей, который при известных условиях обобществляется путем подражания. Допустим, что в данной местности голод. Он возбуждает население к активным действиям, которые могут вылиться при остроте голода и неудовлетворительном питании масс в форму погромов. При этом осуществление погромных действий, а нередко и инициатива самых действий в погромах, происходит благодаря инициативе отдельных лиц, входящих в состав толпы. Когда собравшаяся толпа, руководимая недостатком питания, проявляет себя агрессивно, доста-

точно кому-нибудь указать на виновника народного бедствия, как толпа, не справляясь, действительно ли речь идет о виновнике, производит над ним свою расправу путем самосуда. При тех же условиях толпа, подошедшая к хлебной лавке, останавливается в своих действиях, встретившись с препятствием, казавшимся неодолимым. Но вот кто-то принес лом или топор и нанес первый удар в дверь, и толпа принимает участие во взламывании двери, чтобы проникнуть внутрь лавки и разгромить ее. В этом случае инициатива и действие одного, встречая коллективную поддержку, приводят к соучастию путем подражания и другие элементы собирательной личности, что и приводит к обобществлению. Вот почему в коллективных действиях личный опыт, а за ним и личный почин того или другого индивида имеет

колоссальное значение. Благодаря ему данная личность обычно становится руководителем толпы, которая за ним последует слепо.

Для всей массы лиц, входящих в толпу, таким образом не требуется предварительного опыта к достижению определенной цели. Достаточно, чтобы этот опыт был хотя бы у одного индивида из всей толпы, и она уже способна осуществить под его руководством коллективное действие, если дело идет, по крайней мере, о способах выполнения, доступных всем и каждому. Это не значит, конечно, что собирательная личность вовсе не нуждается в опыте, или опыт, однажды выполненный, для нее остается бесследным. Напротив того, и в массе лиц опыт всегда имеет свое значение, создавая коллективный навык. Удавшийся грабеж поощряет шайку грабителей к осуществлению такого же грабежа и впредь. Удавшийся погром поощряет толпу к осуществлению погромов и на будущее время. Создаются таким образом коллективные навыки, которые содействуют развитию коллективных действий в будущем в виде уже репродуктивных рефлексов коллективного характера.

Коллективное влечение к самосохранению является основой и партийной тактики, и государственной политики. Только оно руководит действиями толпы, когда она устремляется в бегство под влиянием угрозы расстрела. То же влечение руководит и действием организованных масс, например, войск, когда им угрожает та или иная опасность. Наконец, то же влечение руководит и действиями государственной власти в отстаивании своих международных прав, а равно и в отстаивании своего положения в стране. Вот почему всякая власть под влиянием влечения к самосохранению защищает свое собственное существование ^{^*}, хотя бы даже в ущерб интересам народных масс. Лучшим, хотя и несовершенным, средством против этого являются перевыборы власти через определенные сроки, как только выяснится оппозиция большинства выборных представителей в каком-либо важном государственном вопросе. Однако не следует забывать, что частая смена власти не представляет выгоды в других отношениях, а в периоды таких народных кризисов, как, например, война, она вообще признается далеко нежелательной, ибо нелегко наладить механизм власти, обладающей достаточной опытностью и распорядительностью в то время, когда страна в опасности, и дом, что называется, горит ^{^*}.

То же влечение к самосохранению приводит в коллективном организме к подготовительным работам по обороне в виде постройки крепостей, изготовления орудий обороны и нападения и т.п., к эксплуатации богатств природы в виде горючего материала и, наконец, к обмену продуктами и к институту торговли.

Во всех этих случаях сотрудничество облегчает удовлетворение коллективного влечения к самосохранению вследствие чего вполне естественно, что это влечение, приводя к определенному виду кооперации, поддерживает

общественное начало. Но оно же лежит в основе всех вообще войн и хищнических набегов, разъединяющих народные коллективы на враждебные лагеря, стоящие один против другого. Влечением к самосохранению следует объяснить и развитие религиозных учений, поскольку они выявляют потребность в защите человека от неизвестных и таинственных сил природы и окружающих врагов.

Надо, впрочем, заметить, что влечение к самосохранению проявляет себя и противообщественным образом во всех тех случаях, когда дело идет о смертельной опасности для всего или большей части коллектива, о чем речь будет ниже.

Влечение к питанию в общественной жизни лежит в основе охотничьих и рыбацких коопераций; оно привело к приручению домашнего скота, к птицеводству, к эксплуатации растительных и животных продуктов питания, к развитию земледелия и культивированию злаков и овощей, плодовых

10 В. М. Бехтерев

145

деревьев и кормовых трав и к фабричному изготовлению пищевых продуктов. Поскольку добывание питательных продуктов и эксплуатация с этой целью окружающей природы требуют кооперации, постольку это влечение поддерживает и развивает общественность "*".

В этом отношении не несущественную роль оказывает и кооперативная охрана продуктов труда, связанного с добыванием пищи.

Всем известно, что земледелие стало возможным только с того времени, когда явилась возможность организовать прочную охрану от хищников.

Само собой разумеется, что влечение к питанию при неудовлетворении является нередко причиной общественных движений против хищников или даже против власти, неспособной организовать правильную доставку пищевых продуктов. Поэтому-то недостаток пищевых продуктов является главным организатором так называемых голодных бунтов.

Коллективное влечение к самосохранению привело между прочим и к установлению права собственности на землю в целях обеспечения продуктами питания, к сооружению домов, являющихся защитой от непогоды и т. п. И то, и другое требует обычно коллективного труда, который и осуществляется путем соотношений экономического характера, лежащих в основе жизненных условий коллектива. Эти же соотношения привели к установлению гражданского права.

С течением времени вследствие преувеличенного использования права собственности отдельными индивидами и обусловленной этим эксплуатации других в свою личную пользу, это право эволюционирует в сторону социалистических тенденций, но и в этом случае существо дела в смысле необходимости обеспечения каждого индивида данного коллектива остается неизменным, а речь идет только о более равномерном распределении имуществ, обеспечивающих жизненные условия населения.

Из наследственно-органических рефлексов, сводящихся к ограждению себя от нападения и врагов, возник в коллективе институт уголовного права, в котором защита жизни отдельного сочлена в обществе вверяется особо избранному органу в форме судебного трибунала и исполнительной власти.

Так как продолжительность существования семейного коллектива не измеряется жизнью отдельных его составляющих лиц, а распространяется и на потомство, переходя от старших поколений к младшим, то отсюда, естественно, в капиталистических странах возникает право наследования имущества потомством.

Это право наследования предполагает продолжение личности как единицы коллектива в своем потомстве или в близких родственниках, и потому наследование приняло форму собственности потомства или ближайших родственников. Но это не мешает с изменением взглядов на соотношение отдельных членов коллектива и права передачи по наследству своего имущества изменить в социалистическом направлении, т. е. сделать наследственное имущество общим достоянием коллектива, признав его государственной или общественной собственностью, что в данном случае все равно.

Из проявлений тех же наследственно-органических рефлексов самосохранения вытекают и другие экономические установления в коллективах, как, например, процессы обмена и торговых отношений, создание денежных знаков как товарной компенсации и т. п., а также развитие воровства ^{^*}.

Что касается другого наследственно-органического рефлекса, характеризующегося половым влечением, то в цивилизованных обществах он является основой семьи-этой мелкой ячейки мирного сожития, которая легла в основу семейного уклада, семейных обычаев и семейных установлений, лежащих в основе семейного права. Благодаря семье первоначально стали культивироваться злаки и производиться эксплуатация домашних животных. Семья же привела к развитию родов и племен, откуда возникает развитие

146

и защита национальных начал, приводящих к племенным и национальным распрям и войнам.

Значение полового влечения, обуславливающего размножение, особенно выяснилось со времени труда Мальтуса ^{^^*}. Ему мы обязаны указанием на то, что, если это влечение не встречает противодействия к своему развитию в общественной среде, то размножение населения возрастает с особой быстротой; в цивилизованных же странах размножение стоит много ниже максимального его развития, а это предполагает в этих странах особый корректив по отношению к данному влечению, что в конце концов сводится к его торможению, путем ли его естественного ограничения или путем искусственно принимаемых мер против размножения. В указанном отношении особое значение получает сравнительно медленный рост пищевых продуктов. Благодаря этому население большей части европейских стран развивалось в течение многих столетий крайне медленно, исключая однако позднейший исторический период, начиная с XIX в., когда необходимые средства к жизни стали возрастать вместе с изобретением машин столь важных в каждом производстве. На состояние этого инстинкта между прочими факторами оказывают, без сомнения, особое влияние экономические причины. Так, статистика устанавливает с положительностью ^{^°*}, что число браков и рождений в разных странах находится в прямой зависимости от цен на жизненные продукты и от условий земледелия и торговли. Благодаря этим же условиям, как известно, население современной Франции оставалось в своем росте, если не считать иммиграции.

Ограничение полового влечения у цивилизованных народов выражается установлением <двухдетной системы>, осуществляемой при посредстве

выкидышей и <неправильных> половых отношений, добровольным самоограничением, детоубийством и т. п., что в конечном итоге сказывается количественным уменьшением прироста населения и падением роли семьи в общественной жизни. У нецивилизованных народов при громадном развитии детоубийства последнее не признается даже преступлением.

Тесно связанный с половым влечением родительский <инстинкт> является другой основой семейного сообщества. Семья встречается у всех высших животных, где самцы и самки заботятся о воспитании потомства на основах кооперации родительского труда.

Обращаясь к современному человечеству, необходимо иметь в виду, что этнография не знает какого-либо племени, где бы не существовало семьи в той или иной форме. Только у негритянских племен совместная забота о потомстве ограничивается временем, пока ребенок продолжает сосать грудь и не может ходить. Но и здесь речь идет о семье, хотя бы и в более ограниченном виде.

В цивилизованных же странах европейского и азиатского материка устойчивость семьи признается условием здорового состояния общества и государства.

Семья, являясь следствием полового и родительского <инстинкта>, служит родоначальницей материнства, обеспечивающего воспитание малолетних детей, и поскольку и то и другое является существенным в жизни современного общества, постольку последнее поддерживает и всемерно облегчает семейное начало соответствующими законоположениями.

Ввиду особой важности семьи в целях обеспечения пополнением населения институт семьи поддерживается всяким государственным коллективом, как и связанный с ним институт семейного права.

Вот почему как институт брака, так и обязанности родителей во всех цивилизованных странах охраняются гражданской и религиозной санкцией путем особого установления, вошедшего в обычаи, в религиозный ритуал и в государственные законы. И эта охрана и поддержка брака тем вообще строже, чем консервативнее государственное устройство и состав общества.

10>

147

Можно думать, что те общества, которые не поддерживали и не развивали эту охрану в должной мере, осуждены на вырождение и вымирание. Немалую роль ослабление этой социальной охраны в форме родительского <инстинкта> сыграло и в разрушении высоко цивилизованных обществ древней Греции и Рима.

Между прочим огромную поддержку семейному укладу оказывает почитание предков, приводящее к устойчивости нации. Культ предков содействовал много устойчивости древнего Рима, как ныне тот же культ почитания предков содействует устойчивости и силе Японии и Китая.

Нечего говорить, что половое влечение, приводящее к размножению, имеет своим вторичным последствием развитие более тесных социальных связей между членами одного рода и племени, с одной стороны, и поднятие нравственных начал в социальной среде – с другой, ибо материнское воспитание создает нормы общественного уклада, устраняя грубое обращение с подчиненными ^"*. Уничтожение рабства и крепостного права независимо от экономических и политических причин обязано в значительной мере

также и смягчению условий самого воспитания. С другой стороны, развитие благотворительности в обществе и вообще гуманитарное регулирование самых жестоких проявлений государственного эгоизма, таких, например, как война, также в значительной мере обязаны родительскому <инстинкту> и связанному с ним смягчению условий воспитания. Даже требование прав со стороны народных масс встречает большую отзывчивость в правящих классах общества благодаря тому же родительскому <инстинкту> и более мягкому воспитанию ^'.

Однако не следует забывать, что общество развилось не из семьи, как допускают некоторые, да и общественность в животном царстве возникла гораздо раньше семьи. Общество возникло прежде всего из естественных коопераций, слагавшихся в целях добывания пищи путем охоты, защиты от врагов и преследования хищников. В основе же этих коопераций лежит склонность к подражанию, а вместе с этим и склонность к социальности, что является основой сближения индивидов, имеющих средства к общению и объединению в соответствующей мимике и звуковом языке. Мало-помалу общение друг с другом становится потребностью, благодаря взаимному обмену индивидуальным опытом и благодаря способности подражать, что полезно также и в смысле навыка. Это главным образом и лежит в основе социальной жизни, поддерживаемой естественным и социальным отбором ^.

Данные биологии не оставляют сомнения в том, что социальные влечения присущи всем животным и даже растениям, живущим сообществами ^*. Но в мире человека сообщества принимают форму политических сообществ ^'.

Правда, не всеми биологами признается <социальный инстинкт> ^^ как таковой, однако вопрос не в слове, а в фактах; между тем мы знаем, что, например, цыплята, выведенные искусственно из яиц, следовательно, отдельно от своей семьи, уже с самого начала держатся вместе и следуют друг за другом без всякого предварительного обучения.

<Социальный инстинкт> лег в основу и человеческого языка – этого важного орудия общественности, сплачивающего народы в большей мере, чем даже религиозные или экономические условия.

Если наследственно-органические рефлексы отдельных лиц, проистекая из повелительных внутренних раздражителей (голода, половых потребностей и т. п.) подчиняют себе в известных случаях все другие стремления, то до

^ Бехтерев В. М. Социальный отбор и его биологическое значение. С. 947 – 955; Он же.

Индивидуальные и социальные факторы развития организмов и социальность как условие

прогресса // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913; Он же. Значение гармонизма и социального отбора в эволюции организмов. С. ИЗО-1158.

148

очевидности ясно, что коллективные наследственно-органические рефлексы могут проявляться еще с большей силой благодаря тому, что в толпе ко всем другим условиям присоединяется еще элемент заразы, и в то же время нет достаточно условий для сдерживания стремлений, вследствие чего эти рефлексы, раз проявившись, не находят никакого удержу, никакого тормоза. Примеров этого более, чем достаточно, как из области влечения и самосохранения, и в частности, питания, так и из области полового влечения.

Особенно резко влечение к самосохранению проявляется в условиях, когда массе лиц приходится считаться с вопросом жизни и смерти, как это случается, например, при бедствиях, которые постигают большие скопления народа.

Наряду с тем, что должно быть отнесено к героизму сравнительно немногих лиц, жертвующих собой ради спасения других, мы видим в этих случаях у большинства проявление влечения к самосохранению во всей его грубости и наготе ^{^*}, когда люди ради собственного спасения губят многих. Так бывает при всех крупных пожарах, когда горят общественные здания, наполненные народом. Так бывает при гибели кораблей. Так бывает и при всех других народных бедствиях. Кто читал, например, ¹ описание пожара, случившегося в одном из летних театров Парижа, кто читал подробности гибели океанского парохода <Титаника>, тот легко припомнит, в каких ярких и в то же время отталкивающих проявлениях обнаруживается рефлекс самосохранения в коллективной среде при вышеуказанных условиях.

Проявления другого рода коллективных влечений к самосохранению мы имеем в случаях недостатка питания. Здесь речь идет обыкновенно о голодных бунтах и погромах, сопровождающихся часто невероятными насилиями. Как возникают подобного рода беспорядки на почве недостатка в жизненных продуктах, показывает приводимое ниже описание бунта, происшедшего в Апраксином рынке в Петрограде в период революции.

<В мануфактурный магазин Ягодкина в Апраксином пер. вносили с ломовика бочонки с товаром, только что полученным и привезенным с железной дороги. Некоторые из прохожих обратили внимание на то, что мануфактурный товар запакован в бочонки, а не в парусиновые мешки, как это делается обыкновенно.

Собралось человек десять любопытных, которые подошли к ломовику и спросили, что лежит в бочонках. Вопрос услышал один из приказчиков, раздраженно крикнувший:

– Какое вам до этого дело. Мануфактурный товар тут – и кончено. В это время совершенно неожиданно один из бочонков выскользнул из рук ломового извозчика и, упав наземь, разбился. Из бочки посыпалось бисквитное печенье.

Через минуту у магазина выросла толпа простолудинов, разразившихся бранью и криками:

– Мародеры проклятые! Провизию прячут! Бей их!
Толпа с каждой минутой увеличивалась. Настроение ее было крайне возбужденное.

Несколько человек бросились вскрывать остальные бочонки, из которых посыпались конфеты, галеты, а также различные металлические предметы: подковы, скобы, напильники.

Под влиянием возбуждающих призывов отдельных лиц к расправе толпа ворвалась в магазин. Испуганные служащие разбежались. Сам владелец магазина Ягодкин спасся от самосуда толпы тем, что укрылся в комиссариате.

Зато сильно пострадал один ни в чем не повинный еврей, случайно оказавшийся в толпе.

Не зная, что произошло, он обратился к кому-то с вопросом:

- По какому случаю толпа собралась? Вора поймали?

Вместо ответа какой-то хулиган с криком: "бей жидов", ударил его по голове, после чего на беднягу посыпались удары градом.

Еле живого его спасли от дальнейшей расправы подоспевшие милиционеры. Ввиду крайне воинственного настроения толпы были вызваны в помощь милиции военные силы. Прибыли солдаты Павловского, Семеновского и 1-го пулеметного полков, а также военный отряд.

Часть солдат, услышав крики толпы: "Мародеры прячут продовольствие, надо обыскать все склады", присоединилась к этому требованию.

Моментально был оцеплен склад Соколовского и магазин Гинзбурга. Толпа и солдаты произвели обыск и нашли изрядное количество сахара, бисквитов, конфет, а также тюки различных материй.

Все обнаруженные товары были взвалены на ломовиков и отправлены в комиссариат.

На другой день беспорядки повторялись в еще более широком масштабе. Владелец мануфактурного магазина Антер должен был вывезти несколько тюков товара на станцию для отправки в Псков, Юрьев и Ревель.

В это время к нему подошел какой-то солдат и со словами: "Ага, продовольствие вывозить хочешь?" - ударил его кулаком по лицу. Собравшаяся моментально толпа с угрожающими криками бросилась в целый ряд магазинов производить обыски припрятанной, якобы, провизии.

Полетели наземь тюки, взламывались ящики, из которых сыпались различные товары: калоши, башмаки и прочее. Всего было за день таким образом обыскано 15 складов и магазинов - Иванова, Елисеева, Позднеевского, Тюкова и др. Остальные избегли обыска тем, что поспешили закрыть магазины.

В магазине Тюкова были обнаружены, как передают, такие несовместимые товары, как ботинки и... миндаль. Из магазина Елисеева, по настоянию толпы, пришлось милиции вывести 5 возов мануфактуры.

Целый день тянулись с Апраксина рынка возы с реквизированным товаром и продуктами.

Толпа бросалась к каждому магазину, из которого владельцы или покупатели выносили товар, требуя, чтобы оптовики продавали только в розницу. Вывозить товар в Финляндию и другие города толпа и солдаты запретили, угрожая - кто будет вывозить, тех разгромим ^.

Многие перепуганные владельцы прибежали в комиссариат, бросили ключи от своих магазинов и заявили: <Делайте, что хотите, а мы при таких условиях торговать не рискуем> ^.

Другой случай, который мы приведем здесь, представляет собой буйство толпы в мясном хвосте.

<На почве продовольственной разрухи на углу Дегтярной и Рождественской улиц у городской мясной лавки произошло столкновение между обы-

вателями, милицией и воинским караулом.

В этот день в городской лавке отпускали обычные пайки мяса.

Через некоторое время продажа мяса была приостановлена и приказчики лавки заявили, что весь товар продан.

Толпа не поверила и стала напирать на лавку. Раздались крики: "Врут... Обманывают... Бей мазуриков".

Милиционер пытался было успокоить публику и объяснил, что мясо действительно продано. Толпа не унималась и приступила к разгрому лавки.

На помощь были вызваны милиционер и воинский патруль Павловского полка. Попытки удержать публику от буйства оказались напрасными.

^ Из газетных сообщений.

^ Из газетных сообщений.

150

Рассвирепевшие обыватели схватили одного из милиционеров Гринберга, который пытался прекратить погром лавки, и подвергли жесточайшему избиению.

Видя бесполезность словесных увещаний, патрульные-павловцы открыли стрельбу в воздух. Ружейные выстрелы до некоторой степени остановили разбушевавшуюся толпу. Явившиеся вскоре воинские наряды рассеяли скопившуюся массу народа.

Избитого и окровавленного милиционера Гринберга пришлось для оказания помощи отправить в больницу > ^.

А вот, хотя и краткие, телеграфные сведения из немецкого города Штеттина о голодном бунте, но дающие все же яркую картину тех кровавых последствий, к которым такого рода бунты могут приводить:

<Стокгольм, 13-го (26-го) июня (ПТА). Прибывший из Геттеборга швед, находившийся в Штеттине во время последних беспорядков, сообщил сотрудникам датских газет следующие подробности.

Беспорядки начались в понедельник 5-го июня. Поводом к ним послужил слух, что из города вывозятся сурьные припасы несмотря на то, что в городе ощущается их недостаток. Толпа разгромила и разграбила ряд лавок, выбив стекла. Полиция действовала с чрезвычайной жестокостью. Одна девушка получила сабельные удары. У моста Ганзе было убито 7 человек. В центре города поставили пулеметы, и солдаты действовали как на поле битвы. Пулеметный огонь продолжался всю ночь. Кареты скорой помощи непрерывно разъезжали по городу, подвозили раненых в больницы. На следующий день на многих перекрестках были поставлены солдаты с пулеметами. Город казался вымершим. Только перед лавкой комиссии по снабжению продовольствием собралась толпа несмотря на то, что продажа должна была начаться на следующий день. В среду работы на фабриках возобновились >.

Можно привести здесь еще для характеристики проявления озлобления толпы под влиянием недостатка жизненных продуктов беспорядки, недавно бывшие на Сенной площади в Петрограде.

<Утром, толпа женщин, стоявших в очереди за хлебом, около городской лавки на Забалканском пр., д. 6, обратила внимание, что из соседней рыбной лавки Г. Е. Долгова выносятся ящики с мылом. Женщины любопытствовали у извозчика, куда он должен отвезти это мыло. Извозчик заявил, что повезет на Балтийский вокзал.

Женщины подняли шум и пригласили дежурного милиционера. Владелец торговли предъявил разрешение на право вывоза из Петрограда мыла, но это не убедило женщин, и они настояли на том, чтобы подвода с мылом была отправлена в городской лабаз на угол Садовой и Таирова переулков, администрации которого толпа приказала продавать его по 52 коп. за фунт.

В это же самое время к мясной А. И. Знесина, Садовая № 42, подъехали две подводы и на них стали нагружать кожу для выделки перчаток. Прохожие были крайне удивлены, почему это из мясной лавки вывозится такой товар.

Было сообщено в милицию, и оттуда прибыл помощник комиссара 3-го Спасского подрайона Шариков и шесть милиционеров. Когда Шариков стал заступаться за владельца мясной и объяснять толпе, что у Знесина имеются все документы на право вывоза кож в Новгородскую губернию, толпа еще более взволновалась.

– Это кожа самих комиссаров, они ее здесь скрывали, – сказал кто-то в толпе, и началось избивание помощника комиссара Шарикова. Он был сбит с ног и его беспощадно стали бить по чему попало. Когда помощник комиссара потерял сознание, то его обвязали кожами и на грудь повесили

^ Из газетных сообщений.

151

плакат с надписью; "это-мародер-комиссар".-Один из прохожих хотел заступиться за избиваемого, но толпа напала и на него; спасаясь, он забежал в камеру мирового судьи 46 участка, но толпа ворвалась в эту камеру, вытащила на улицу защитника милиции и так его избивала, что пострадавшего пришлось отправить в Обуховскую больницу.

Проезжавший в это время мимо легковой извозчик был остановлен толпой и на него был посажен под конвоем трех солдат избитый помощник комиссара.

На ломовую подводу было втащено несколько ящиков и устроен помост, на который затем поставили избитого приказчика, и его также всего обвязали кожами и повесили плакат с надписью "купец-мародер".

Извозчик и ломовой в сопровождении части толпы направились по Садовой улице к Невскому проспекту, а другая часть отправилась за объяснениями в комиссариат.

Появление двухтысячной толпы вызвало переполох на Горсткиной ул., где помещается комиссариат 3-го спасского подрайона. Комиссар Озолев, узнав о воинственном настроении толпы, решил для защиты комиссариата вызвать воинскую часть или пожарную команду, но ни те, ни другие не явились. Часть толпы ворвалась в комиссариат. Раздались угрозы по адресу комиссара и всей милиции. За последнее время почти все милиционеры [были] разоружены, но на счастье у двух милиционеров оказались при себе

револьверы, и они по приказанию комиссара выстрелили в воздух. Эти два выстрела так магически подействовали на толпу, что она поспешно стала оставлять комиссариат. Только около 2-х часов дня, когда уже на Горсткиной улице жизнь вступила в обычный порядок, прибыл воинский отряд>.

В других случаях влечение к самосохранению выливается в форму коллективных действий, направленных к обереганию имущества и охране национальных богатств от чуждого на них посягательства и к защите религиозных верований. Сюда относятся самосуды толпы по отношению к ворам и грабителям, суды Линча в Америке, национальные столкновения и войны.

Вообще всякое общество, как и отдельная личность, стремятся к собственным выгодам под влиянием влечения к самосохранению, ей свойственного. Все то, что поддерживает благосостояние общества, возбуждая в нем стеническую реакцию, вызывает стремление к обладанию, тогда как все, что действует неблагоприятно, вызывая астеническую реакцию, возбуждает отпор и противодействие. Стремление к свободе и защите своих прав возникает также на почве влечения к самосохранению, ибо ущерб, наносимый свободе, подавляет жизнедеятельность собирательной личности.

Народ вообще не мирится с тяжелыми путами, которыми связывает, например, капиталистическое государство трудящийся люд, и в этих цепях экономического рабства всегда тлеет то более, то менее явное стремление их разорвать и избавиться от кабалы. Когда правительственный режим и гнет капитала усиливается до определенной степени, не переносимой народным коллективом, возникает государственный переворот, именуемый революцией.

Правительственный режим может постепенно усиливать меры репрессии до значительной степени, но наступает известный предел, за которым следует порыв народного недовольства, проявляющийся бунтом или восстанием. Взрыв негодования и мести возникает ранее или позднее в зависимости от условий жизни самого народного коллектива, от того, в какой мере народ дисциплинирован, воспитан, трудолюбив, _ богат или беден и пр., но он проявляется непременно при известных условиях как необходимое следствие определенных причин.

Коллективное влечение к самосохранению и свободе проявляется и в том, что, когда народ завоевывает свои права путем революционного

152

переворота, он первым делом стремится к освобождению своих заключенных братьев в тюрьмах и арестных домах. Это повторяется во всех революциях, как правило, как закон. Мы видим то же самое во время последней русской революции, причем этот натиск освобожденного народа на тюрьмы произошел не только в главных центрах русской революции – в Петрограде и Москве, но и во всех городах России. Самые места судилищ, пресловутые храмы Фемиды, подвергались разрушению и сожжению, как мы видим на примере хотя бы Петроградского Окружного Суда, сожженного толпой.

Гнусные проявления коллективного полового влечения мы имеем в некоторых сектантских собраниях, в особых собраниях, в форме афинских вечеров и даже в организованных обществах молодежи (огарочных и др.)^, которые проявлялись между прочим у нас в период первой революции. Но мы встречаемся с этими же явлениями даже в диких странах*. Вот что мы

читаем/например, у Ш. Летурно: <На общественных островах и во многих других архипелагах существовало даже знаменитое религиозное братство – ассоциация Аероев, ставившее себе целью разнузданное удовлетворение половых потребностей... Это религиозное сообщество; оно находилось под покровительством бога Оро. Все члены этого полинезийского франкмасонства без различия пола считались высшими существами. Особенное божественное покровительство их охраняло, а после смерти их тени отправлялись в особый рай. Общество признавало полную равноправность своих членов; конечно, большинство принадлежало к аристократии, но и люди из народа могли быть также приняты в него. Для знатных лиц только сокращались формальности. Этот факт крайне любопытен среди племен, у которых благородные смотрели на себя как на сотворенных из несравненно более высокого материала, чем простые смертные. Условия приема в братство были очень строги. Прежде всего нужно было припадком религиозного экстаза обнаружить в себе присутствие божественного духа; после этого становились послушниками. Спустя месяцы, а иногда и годы, послушник подвергался второму испытанию, причем он давал великий обет умерщвлять всех детей, которые от него родятся с этого дня. Таким образом он вступал в седьмой и последний разряд Аероев; его посвящали в священные обряды, песни, пляски и особые мимические движения. Прохождение всех ступеней этой лестницы совершалось крайне медленно, ценой новых испытаний и соответственно обнаруженных способностей в ораторском искусстве, в пении или в поэзии. Наконец, особой татуировкой отмечалось достижение каждой новой степени посвящения.

Общество ставило себе целью возбуждение и необузданное удовлетворение эротических страстей. Все женщины, члены общества, принадлежали сообща мужчинам, причем пары соединялись не более как на два, на три дня. Жизнь Аероев представляла вечный праздник. Это были бесконечные пиры, песни и состязания. Они совершали даже совместные путешествия с одного острова на другой и повсюду их встречали с почетом. Женщины исполняли в присутствии членов общества танец, к которому питают большую слабость в Полинезии, именно Тиморадию, чрезвычайно сладострастный и сопровождаемый соответственным пением. Пробужденные при этом половые вожделения удовлетворялись немедленно и публично, но дети не допускались и детоубийство вменялось в строгую обязанность. Чтобы сохранить своего новорожденного ребенка, женщина у Аероев должна была найти ему в среде членов общества приемного отца, но тогда она вместе с ним изгонялась из общества.

^^ См.: Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни.

153

Принадлежать к братству Аероев считалось великой честью. Один таитянин, привезенный Куком в Англию, объявил, что считает себя равным английскому королю, так как он носит титул Аероя> "°

Надо впрочем заметить, что дело идет в этом случае о стране, где целомудрие вообще неизвестно, но тем не менее характерно, что в этом случае дело шло о сообществе, которое установило у себя религиозный культ эроса наподобие наших сект хлыстов и др.

Половое влечение в толпе проявляется обычно в грубой и безобразной форме, иногда превосходящей всякое вероятие. При занятии австрийскими войсками Лотарингии в период великой французской революции кроаты сожгли монастырь св. Николая, причем многие из монахинь

бежали в Шалон. Большая из них часть подверглась изнасилованию со стороны неприятельских солдат. На их языке это называлось принятием мучений. Некоторые из монахинь, по их словам, подверглись таким мучениям два, три и даже четыре раза, а одна из монахинь приняла восемь мучений.

А вот, что мы читаем в рассказе, заимствованном из <Саратовского Листка> под заглавием <Беззащитные>.

Под шум событий—торжественных и тревожных—в нашем городе совершаются кошмарные явления.

Я говорю о несчастных обитательницах... Петиной улицы. Здесь происходят вещи, от которых леденеет сердце, ум мутится... Вот несколько слов из доклада доктора И. В. Вяземского, прочитанного недавно в Саратовском обществе врачей: <По имеющимся сведениям от командира... дивизиона... запасной артиллерийской бригады в домах терпимости на Петиной ул. наблюдается с раннего утра большое скопление солдат, стоящих на очереди, очередь достигает 40 человек на женщину; были случаи, когда девушки вырывались из дома на улицу с криками: "Спасите, больше работать не могу".

Комитет врачей, рассмотрев заявление по существу и придя к заключению, что в данном случае следует признать наличие истязания женщин, совершающегося в центре города на глазах у всех сделал принципиальное постановление о необходимости закрытия домов терпимости>.

К этому описанию А. Кальманович прибавляет:

<Пока дома терпимости еще не закрыты и там продолжают совершаться поистине ужасные вещи, третьего дня пьяная толпа буйствовала, била стекла, ломала мебель, избивала женщин, а "истязания", о которых говорится в постановлении комитета врачей, в отдельных случаях принимали невероятные размеры и неоднократно в этих отдельных случаях число разнузданных мужчин достигало 100 'на одну женщину.

Медлить с закрытием домов терпимости невозможно. Не помогают ничуть и меры охраны. Петина улица заперта караульной цепью с обеих концов, но мужчины пробираются через один из домов с соседней улицы, причем взбираются на крышу и оттуда спускаются в Петину ул. по водосточным трубам>.

Можно было бы привести и другие примеры поразительной половой разнузданности именно в толпе, где люди не стесняются производить на глазах всех непотребства, которые отдельными личностями из приличия скрываются от взоров сторонней публики.

Нечего говорить, что толпа не знает и не хочет знать никакого удержа ^' и часто кончает тем, что на месте ее насилия остаются одни трупы, как это было, например, в Калуше, во время войны в период уже начавшейся

^"° Летурно III. .Нравственность: Развитие с древнейших времен до наших дней. СПб., 1908. С. 128-129.

154

революции, и что мы встречаем часто и в других случаях, когда дело идет о насилиях толпы над несчастными девушками "°*.

Здесь нет надобности подробно касаться проявлений <социального инстинкта> в коллективах, но несомненно, что он также выражается повелительным образом. Об этом говорит более чем жестокое отношение со стороны коллектива к ябедникам, шпионам, провокаторам, штрейкбрехерам и всем вообще лицам, так или иначе нарушающим условия коллективной жизни.

Нечего говорить, что и в условиях боевой жизни <социальный инстинкт> выражается чрезвычайно яркими чертами, причем нарушение его часто ведет к тяжелым кровавым событиям; закон же, как известно, карает смертной казнью даже попытку за измену в войсках.

XIII. КОЛЛЕКТИВНОЕ НАСТРОЕНИЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ МИМИКО-СОМАТИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСЫ ^

Если у отдельной личности мы можем оценивать настроение с чисто субъективной точки зрения, как делает это психолог, пользуясь показаниями лица, переживающего данное настроение, и руководствуясь аналогией с самим собой, то рефлексология, как мы знаем, не нуждается в этой субъективной оценке; тем более не нуждается в субъективной оценке таких состояний коллективная рефлексология, которая, если и говорит о настроениях коллектива, то оценивает это настроение или тонус исключительно со строго объективной стороны, принимая во внимание мимику участников коллектива, их жесты, характер возгласов, интонацию, знаки одобрения, известное отношение к определенному факту и т. п., словом то, что мы обозначаем название^ мимико-соматических рефлексов ^*.

Как и в рефлексологии отдельной личности, настроение коллектива может быть оживленным в одном случае и вялым и угнетенным в другом случае, а затем дружественным, недружественным или гневным, патриотическим, религиозным и т. п.

Дружественное настроение, как всем известно, характеризуется доброжелательным отношением коллектива к тем или другим лицам и явлениям, но все это протекает большей частью в спокойных тонах, без каких-либо особо резких проявлений.

Но иногда оно характеризуется бурным проявлением дружеского расположения и ласки в виде объятий, поцелуев и т. п. и притом часто проявлениями с предоставлением всего в пользу другого.

Недружественное настроение коллектива характеризуется недоброжелательным отношением, выражающимся в менее резкой степени осторожностью в действиях, стремлением уклониться от общения и т. п.; в более же резкой степени это настроение характеризуется мимикой ненависти и угрозами, стремлением к брани и драке.

Патриотическое настроение коллектива, свойственное большинству людей, живущих в организованном обществе, характеризуется проявлениями привязанности к своему коллективу, стремлением поддержать и защищать его, когда нужно, всеми зависящими средствами. Патриотическое же возбуждение представляет собой как бы апогей патриотизма, характеризующийся соответствующими выкриками и жестами, угрозами по отношению к врагам и т. п.

^ В субъективной психологии термином <настроение> пользуются для характеристики сос-

тояния чувств или расположения духа, но слово <настроение> представляет собою в то же время термин объективный, и мы пользуемся им для обозначения положительного, отрицательного или безразличного тона высших нервных центров.

155

Религиозное настроение коллектива можно наблюдать в любом храме, где оно характеризуется спокойным, молчаливым, сосредоточением на словах молитвы и внешними знаками поклонения божеству. Высшая степень религиозного настроения характеризуется, кроме соответствующей мимики, бурными заявлениями глубокого раскаявания в грехах, ломанием рук, ударами в собственную грудь и т. п. проявлениями самобичевания (сектантские радения).

В известные периоды настроение или тонус коллектива может достигнуть необычайной степени развития и перейти в резкий мимико-соматический рефлекс того или иного рода, например, в виде гнева или же угнетения и испуга.

Не следует забывать, что оживленное настроение и соответствующие ему мимико-соматические рефлексы всегда сопутствуются еще стенической реакцией коллектива, характеризующейся определенной готовностью к наступательным действиям; тогда как угнетенное настроение и соответствующие ему мимико-соматические рефлексы сопутствуются астенической реакцией, приводящей к оборонительным действиям и к религиозности, а в более резких проявлениях – совершенной растерянностью.

Таким образом настроение играет роль той или иной подготовки к определенным коллективным решениям и действиям соответственно тому, как мы имеем это и в рефлексологии отдельной личности.

При этом оживленное настроение вместе со стенической реакцией всегда поднимает энергию коллектива, тогда как угнетенное настроение приводит к ослаблению его энергии.

Вот почему во всех собраниях с целью побудить массу лиц к действию сначала произносятся зажигательные или возбуждающие речи, которые наэлектризовывают собрание, поднимая настроение и тем самым содействуют принятию определенного решения, приводящего к соответственному действию.

Чтобы иметь наглядный пример зажигательной речи, остановимся на минуту на описании концерта митинга <Займа Свободы>, бывшего в период февральской русской революции в г. Павловске.

<Организовавший "три дня Займа Свободы" Комитет служащих государственных и частных кредитных учреждений на вчерашний вечер перенес центр своей энергичной деятельности в Павловский вокзал...

"Купите заем Свободы", – слышится повсюду. "Исполните ваш долг перед родиной". "Обменяйте ваши рубли на облигации". "Родина ждет, что каждый исполнит свой долг"> ^.

Чудный летний вечер способствовал успеху концерта-митинга. Как на открытиях концертных сезонов публики видимо-невидимо.

Наибольший интерес вызвало на этом митинге выступление матроса Федора Баткина, приветствуемого громом рукоплесканий всего зала.

– <Мы переживаем самый трагический, самый ужасный, но вместе с тем самый славный период нашей истории, – так начинает оратор. – Вчера – рабы, сегодня – свободные граждане. Вчера люди, не имеющие права мыслить, сегодня – народ, получивший право требовать.

Что может быть счастливее, величественнее этого. Но что вместе с тем может быть ужаснее того, что благородный, великий народ, который всегда великодушно отзывался на нужды всех своих соседей, теперь стал жалким, отверженным и может быть потерявшим право называться государством.

О причинах этого падения говорилось много, – продолжает оратор. – Но где искать спасения, вот насущный вопрос. Для этого надо смотреть в корень грозящей нам опасности. И вот, спросим себя, где эта опасность? Она – не

^ Из газетных и журнальных сообщений.

156

в том, что кучка одетых в защитные шинели изменников бежала с фронта, позорно сдавая позиции наступающему врагу; она и не в том, что на время в сердцевине государственного организма завелся разъедающий червь, – его нетрудно устранить в народном порыве самообновления и самоочищения. Опасность – в равнодушии и пассивности русского общества, все могущественнее и настойчивее охватывающем широкие его круги.

Стыдно, – энергически восклицает оратор, – стыдно великой стране, которая не может сплотиться даже в ответственный поворотный момент ее истории. Стыдно всем, которые виноваты в современной разрухе. Стыдно всем тем, которые не задумываются над судьбой родины и которым нужно указывать на пример крохотного шестимиллионного героического бельгийского народа, показавшего, как он умеет умирать за честь страны.

Знает ли русский народ, что такое честь родины? Нет, он этого не знает, а если найдутся те, кто это знает, то и они, эти немногие, сумеют об этом говорить.

Мы-резолucionеры, – говорит оратор, – а не революционеры. Ужели действительно мы не умеем творить, не умеем выполнять и часть того, что нам надо – смертельно надо – выполнить?

Теперь, именно перед нами та часть, та малая толика из того, что надо спешно выполнить. Это – обязанность дать займы государству деньги на спасение родины. Если русским гражданам непонятен святой долг перед отечеством, повелевающий, не задумываясь, приносить жертвы для его блага, то пусть они, совесть которых спит убийственным, непробудным сном летаргии, поймут, что из эгоизма они должны сделать то же самое.

Если они не хотят быть зодчими священного храма свободы, то пусть поймут, что своими собственными руками они строят себе и своим детям мрачное здание тюрьмы.

Родина в опасности, – заканчивает оратор, – наша мать умирает. И неужели найдется такой ее сын, который откажет ей в средствах для исцеления!> ^.

После речи Баткина, покрытой долго не смолкавшими аплодисментами, был открыт сбор по подписке на заем, продолжавшийся в течение целого вечера и давший результаты, превзошедшие ожидания устроителей.

Настроение определяет и отношение собрания к речам, поступкам и действиям отдельных лиц или вообще к тем или иным явлениям общественной жизни. Вот почему искусный оратор всегда учитывает в своей речи общее настроение, если.. хочет вести собрание за собой; при условии же своего несогласия с обидим направлением собрания он должен делать это с известной осторожностью и постепенностью.

Всем известно, как вообще трудно говорить в собрании против общего настроения и как относительно легко говорить в тон общему настроению.

Веду в доказательство пример из истории нашей революции. Один из делегатов, выступавших в ночном заседании съезда партии народной свободы в прениях по докладу П. Н. Милюкова, протестуя против вхождения членов партии в состав правительства, обрушивается упреками по адресу А. Ф. Керенского, когда звезда его еще горела ярким огнем:

- <Нам изображают здесь этого человека как какую-то жертву Совета Р. и С. Д. И эту жертву мы, партия народной свободы, должны спасти во что бы то ни стало, и вот мы пришли и пытаемся спасти, за что и великодушно хвалит нас Некрасов. Но точно ли А. Ф. Керенский является жертвой? Разве он протестовал против той разрухи, которую вносили в жизнь Советы?

Далее оратор неожиданно заявляет:

193 197 рлд газетных сообщений.

157

- "Автором приказа № 1 был Н. Д. Соколов, но упорно говорят, что в составлении его принимал участие и сам А. Ф. Керенский...

- Вздор, - раздается громкий голос с места, поднимается невообразимый шум. - Замолчите! Долой! Чепуха...
Кое-где раздаются робкие аплодисменты.

Оратор пытается продолжать свою речь, но в зале снова поднимается буря".

На почве определенно создавшегося настроения в собрании могут происходить и характерные инциденты. Вот этому пример. В дни русского "Займа Свободы", когда распродавались его билеты при общем подъеме настроения в пользу этого займа, в театре "Луна-Парк" во время призыва артиста Кошевского подписаться на "Заем Свободы" разыгрался крупный скандал. Едва только артист Кошевский стал говорить о целях "Займа Свободы", как некто, сидевший в ложе, крикнул:

- Убирайся к черту, врешь.

Поднялся невообразимый шум. Толпа бросилась как один человек к ложе и намерена была учинить самосуд над наглецом. Однако скоро удалось водворить порядок, и безобразник был отправлен в комиссариат в сопровождении нескольких лиц из публики.

Иногда для подъема настроения пользуются и пением, хотя последнее

не менее часто служит выражением самого настроения. В те же дни "Займа Свободы" в "Летнем Буффе" во время первого антракта с открытой сцены раздались звуки Марсельезы.

- "Allons enfants de la palpe", - пел Каченовский.

Могучий бас певца привлек всю публику, которой было предложено подписаться на "Заем Свободы".

Публика как один человек бросилась к столикам и почти все имевшиеся облигации были раскуплены> .

В других случаях настроению помогает даже внешняя обстановка. Так в дни <Займа Свободы> в Зоологический Сад приехал разукрашенный мотор, на котором находились импровизированные банковые киоски.

Въезд автомобиля произвел фурор: подписка прошла с большим успехом. Без соответствующего настроения не может осуществиться в сущности ни одно общественное движение.

С другой стороны, характер настроения определяет не только соответствующую энергию действия, но и его направление.

В каждом собрании мы можем наблюдать то или иное настроение, которое может даже во время самого собрания меняться в зависимости от выяснения тех или иных обстоятельств и речей ораторов, т. е. подниматься или ослабевать и переходить в угнетение. Как всегда, оно характеризуется преобладающей мимикой, жестами, возгласами, знаками одобрения по отношению к определенным выражениям и тезисам, наконец, преобладающим содержанием речей и относительной нетерпимостью к речам, не соответствующим по содержанию общему настроению.

Вот один из многочисленных тому примеров. Во время общего развала в первый период русской революции происходит собрание совета офицеров, носящее страстный характер.

<Первым говорил председатель генерал Амосов. Он дал жуткую картину развала фронта и тыла.

Другие ораторы, большинство из них прибывшие с передовых позиций, подтвердили опасность положения армии.

Офицер Малеванов заявил, что у нас нет власти, и употребил крайне неуместное выражение в отношении правительства.

Из газетных сообщений.

158

В зале поднялся шум.

Крики: "Вон, долой, это неуважение власти, это недопустимо!"
Председатель лишает слова оратора> "".

Коллективное настроение зависит в значительной степени также от состава самого собрания, большей или меньшей его однородности, от самого предмета обсуждения, в большей или меньшей мере задевающего интересы входящих в собрание лиц, данными внешними условиями, т. е. окружающей социальной обстановкой, и даже большей или меньшей ответственностью ожидаемого в собрании решения. Наконец, на настроении собрания отражаются и суще-

ствующие разногласия в самом собрании, ибо они обостряют страсти отдельных ораторов, благодаря чему эта страстность путем заразы переносится и на все собрание.

Вот почему чем меньше разноречий в собрании, тем деятельность его протекает спокойнее. Наоборот, чем более разношерстно собрание, тем оно протекает бурнее.

Иногда в собраниях бывает не один, а два или несколько вопросов, обсуждение которых доводит настроение собрания до наивысшей степени.

Это происходит в особенности в тех случаях, когда собрание занято сложным предметом при существовании на собрании расходящихся партий. Так на бывшем Государственном Советании в Москве первый и наиболее сильный подъем настроения проявился на второй день заседания, когда столкнулись два противоположных взгляда на способы оздоровления государства: взгляд социалистических партий и партии народной свободы, и второй меньшей остроты подъем настроения обнаружился на третий день заседания при выяснении вопроса о поднятии боеспособности русской армии.

В каждом собрании настроение редко определяется сразу, если оно не подготовлялось заранее какими-либо событиями. Обыкновенно лишь после того, как выскажется несколько ораторов, характер коллективного настроения начинает обозначаться и затем последнее нарастает до определенной высоты, когда перед окончательным решением происходит наиболее резкое столкновение взглядов. Поэтому особый подъем настроения в собрании совпадает обыкновенно с моментом наиболее резко обозначившегося разногласия. В этот момент можно всегда опасаться развития эксцессов между отдельными членами собрания.

Когда настроение в собрании достигло своего апогея, оно обыкновенно затем более или менее быстро падает и постепенно собрание приходит к успокоению.

Чем больше коллектив по своим размерам, тем труднее в нем создается общее настроение. Естественно, например, что при разношерстности индивидов, входящих в тот или другой государственный коллектив, общее настроение в стране не может быть одинаковым, ибо в конце концов оно является настроением отдельных кружков, партий, обществ, классов и населяющих ее народов и в зависимости от того, в какой мере те или иные события или мероприятия соответствуют или не соответствуют целям и вожделениям отдельные коллективов, они вызывают в одних угнетенное, в других наоборот повышенное настроение. Таким образом, под наименованием общего настроения в стране в сущности следует понимать преобладающее настроение или настроение большинства отдельных коллективов страны, которое в различных коллективах может быть и неодинаковым и даже прямо противоположным, но в общей массе коллективов все же обозначается уклон настроения большинства их в определенном направлении.

Между прочим общее настроение отражается всегда на результатах выборов, хотя здесь многое зависит еще и от активности той или другой

^ Из газетных сообщений.

партии. Как бы то ни было, настроение, которое выражается на предвыборных

митингах и собраниях, находит для себя исход в тех бюллетенях, которые подаются в избирательные урны. Таким образом, результат выборов как бы определяет в цифровом отношении характер и направление общественных симпатий по отношению к определенным партиям и лицам: окончательный же выбор представляет как бы общую равнодействующую симпатий и стремлений данного общества.

Само собой разумеется, что настроение коллектива не представляется, вообще говоря, стойким, как и настроение отдельных индивидов. Каков бы ни был подъем настроения, вызванный тем или другим событием, он неизбежно с течением времени падает.

В какой мере общественное настроение определяет отношение коллектива к событиям, показывают примеры, когда одинаковая по содержанию речь может встретить различное отношение в зависимости от характера общественного настроения. Так, воинственные речи Керенского некогда встречались восторженно населением; но могли ли бы они встретить подобное же отношение и в последующий период русской революции, когда обозначилось вполне определенное, безусловно отрицательное отношение в войсках к внешней войне? Конечно, нет.

Устанавливая главные принципы, на которых должен быть утвержден мир, президент Вильсон сказал следующее: <Мы столь искренне верим в необходимость торжества этих идей, что я убежден, что выражаю настроение и желание американского народа, заявляя о готовности Соединенных Штатов принять участие во всякой осуществимой коалиции народов, направленной к достижению этих идеалов и обеспечению их против всякого насилия>. Эта воинственная речь вызвала шумное одобрение слушателей. Это было в мае 1916 г., когда великая война уже тянулась около двух лет, когда подводная война грозила существенно нарушить интересы Соединенных Штатов и когда общественное мнение американского народа многому научилось за эту долгую мировую войну. Но скажи эту речь президент Вильсон перед началом великой войны, можно не сомневаться в том, что она вызвала бы бурю протестов. Нечего говорить, что настроение представляется неодинаковым в различных общественных кругах страны, вследствие чего, например, в то время, когда Керенский произносил свои речи, вызывавшие бурные знаки одобрения на фронте перед наступлением 18 июля 1918 г. в Петрограде повсюду раздававшиеся речи против войны находили не меньшей одобрение народных масс на митингах.

Как меняется настроение народных масс, показывает история Людовика Возлюбленного. <Название *Bien-dime* (Возлюбленный), – говорит Карлейль со слов Гено, – которое присвоено Людовику XV, не вызовет в потомстве подобного недоумения. В 1744 г. монарх этот, поспешая из одного конца королевства в другой и приостановив свои завоевания во Фландрии, чтобы поспеть на помощь к Эльзасу, был задержан в Меце болезнью, грозившей пресечь его дни. Когда вести об этом дошли до Парижа, город этот, объятый ужасом, походил на взятый неприятельским штурмом: церкви оглашались молебствиями и воплями, молитвы священников и народа ежеминутно прерывались рыданиями, и из этого столь любовного и нежного участия само собой вылилось название <*Bien-aimé*> – почетный титул, превосходящий все остальные, приобретенные этим великим государством.

Вот что написано в вечное напоминание об этом 1744 г. <Миновало еще 30 лет и "великий государь" снова прикован к одру болезни, но как изменились обстоятельства! Церкви не оглашаются громким плачем; Париж стоически спокоен; рыдания не прерывают молитв, потому что молитв и

не возносятся – кроме казенных молебнов по установленной таксе за час, а такие моления обыкновенно ничем не нарушаются. Пастырь народа, сердце

160

которого отягчено горем, переведен из малого Трианона домой в Версальский замок и уложен в постель. Пасомое стадо знает об этом, но остается равнодушным. Самое большее, если в безбрежном потоке французских разговоров (не прерываемом изо дня в день, а только смолкающем временно на короткие ночные часы) изредка промелькнет сообщение о болезни короля наряду с другими новостями. Нельзя же не держать пари по этому поводу... Более того: "Иные осмеливаются громко говорить на улицах..." А над зеленым полем и над колокольнями города майское солнце сияет, майский вечер гаснет, и люди занимаются своими полезными или бесполезными делами как будто никакому Людовику не грозит смерть>^".

Так изменилось настроение народа к своему королю за 30 лет во Франции, но в периоды революционных движений, когда народные массы переживают в течение недель и месяцев целы^ годы, эта перемена в отношениях к своим героям и в настроениях не ждет столько времени и сменяется с гораздо большей быстротой. Поучительный пример в этом отношении представляет Керенский, герой февральской революции в России. Судьба выдвинула этого человека, бывшего помощника присяжного поверенного и затем руководителя партии трудовиков в Государственной Думе, в первые ряды революционных деятелей тотчас же после свержения царской власти. Сначала он был в роли министра юстиции, затем в роли министра-председателя и военного и морского министра, затем в качестве неограниченного главы Временного Правительства в роли министра-председателя и верховного главнокомандующего.

Войдя в первое революционное министерство в качестве министра юстиции от партии эсеров, Керенский сразу занял в новом министерстве положение лица, на котором сосредоточивалось внимание и надежда всей революционной демократии. С этих пор его популярность росла не по дням, а по часам, его каждый шаг предавался гласности. Подача руки сторожу и снисходительное отношение к высшим чинам министерства при вступлении в последнее привлекают к нему общие симпатии революционного народа. Его недюжинный талант красноречия быстро упрочивает его популярность, ибо во время революции нужно было народу говорить, еще говорить и еще говорить.

Вместе с тем, будучи товарищем председателя в Совете солдатских и рабочих депутатов, он и в этой среде являлся лицом, популярности которого мог бы позавидовать всякий из вожаков. Вот почему, когда первый председатель Совета министров Львов оставил пост председателя, место его по праву, неписаному, но признаваемому всеми, занял не кто иной, как Керенский.

В критический момент власти при развале дисциплины в войсках вслед за декларацией прав солдата, опубликованной во время занятия поста военного министра Гучковым, когда последний отказался от своего поста с безнадежным заявлением, что только чудо может спасти Россию, взоры всех были обращены на Керенского. В нем именно видели единственное лицо, которое может вывести Россию из тупика и спасти страну. Тогда все министры признали, что пост военного министра как важнейший для того времени должен перейти к Керенскому. С занятием этого поста при сохранении звания министра-председателя Керенский явился фактическим владыкой не

только в министерстве, где перед ним преклоняются до такой степени, что при всяком правительственном кризисе ему вручались портфели всех министров, но и во всей России. Его отъезд в войска и проповедь среди них о революционной дисциплине были в русской демократии связаны с глгучими надеждами, что революционная армия подобно армии времен

^°° Карлейль Т. Французская революция: История. СПб., 1907. С. 3–5.

II В. М. Бехтерев

161

французской революции с энтузиазмом пойдет в наступление и покажет миру, на какие подвиги способен русский революционный народ. Действительно русская армия, которая в то время больше занималась уже митингами (<армия митингует>, по тогдашнему выражению), чем боевым делом, и которая отказывалась слушаться своего начальства и даже смещала его по своему усмотрению, как будто на некоторое время образумилась и на юго-западном фронте начала успешно наступать 18 июня, подвигаясь к г. Львову в Галиции. Войска неприятеля стали терпеть поражение за поражением. День 18 июня явился торжеством не кого иного, как Керенского. Хотя он и не участвовал в оперативных распоряжениях, но слава за ним, и ему подносят полки георгиевский крест. В этот момент слава его достигает своего зенита. Его имя стало производить магическое действие на толпу. Так во время одного выступления на митинге-концерте в одном из больших театров мне достаточно было лишь упомянуть имя Керенского по случаю назначения ему георгиевского креста, как тотчас же весь театр, точно под влиянием электрической искры, поднимается с мест и устраивает в честь его шумную и продолжительную овацию.

Нечего говорить, что министры были совершенными пешками в его руках. Некоторые из них в полном смысле слова пресмыкались перед ним, другие же с трудом удерживались в пределах приличного подчинения. Всеми другими лицами он ворочал, как хотел, и увольнял по мановению руки наиболее заслуженных и видных генералов. Так, им были последовательно смещены видные полководцы нашей армии: Алексеев, Брусилов, Корнилов и Юденич. Генерал Рузский незаслуженно был уволен еще раньше во время пребывания на посту военного министра Гучкова при руководительстве Советом министров того же Керенского. Наконец, в первый период революции все газеты переполнялись сообщениями о Керенском. Каждое его слово ловилось на лету и предавалось гласности. Газеты не скупились на похвалы и возвеличение Керенского, которого иногда называли <жемчужиной революции>. Но прошло всего несколько месяцев и его нерешительная и лавирующая политика сделала свое дело. Уже после позорного отступления наших войск в Галиции его звезда начала закатываться. Все поняли, что речами, хотя бы и Керенского, разруху на фронте не остановить. Что роль <главноуправляющего> армии помочь в беде не может. Его постоянную склонность держаться линии поведения между Советом рабочих и солдатских депутатов и так называемыми демократическими слоями отвращала от него все буржуазные элементы, а уклонение Советов в большевизм привело к разрыву с ним левого крыла демократических партий.

Но более всего корниловская история с <мятежом>, в которой, по утверждению буржуазных элементов, он сыграл роль провокатора, резко обострила к нему отношение всей буржуазии, а введение смертной казни и всегдашние колебания и нерешительность подорвали доверие к нему и в среде ранее державшихся его демократов.

Нечего говорить, что среди большевиков он уже с самого начала не

пользовался доверием, а после первого восстания большевиков 3–5 июля он сделался прямым их врагом.

В результате всего вышесказанного, в самый критический момент его истории, в период переворота 25 октября, возглавляемое им Временное правительство не нашло себе защитников во всем многочисленном петроградском гарнизоне, кроме нескольких сот юнкеров и одной роты женского ударного батальона. Нечего говорить, что эти силы были сломлены, правительство было арестовано, и с юнкерами была учинена кровавая расправа. После этого о Керенском, который успел бежать, никто не говорил уже с сожалением. Правда, о нем вспоминали, как о предводителе контрреволюционных войск, которые он вел к Петрограду. Но штаб сосредоточивал

162

внимание собственно уже не на нем, а на войсках и на исходе предстоящих событий.

Здесь Керенский еще раз показал свою нерешительность, и его военная авантюра закончилась сдачей войск и его бегством. Теперь его называли преступником уже те самые лица, которые перед ним ранее благоговели. Вскоре о нем просто перестали говорить. Никто уже не интересовался – где он и что он. Он просто был забыт и забыт навсегда ^ . Так на протяжении нескольких месяцев настроение народных масс менялось с ходом исторических событий ^" .

Также и великая мировая война вызвала во всех странах в самом начале высокое патриотическое настроение; но проходят годы и война, и настроение постепенно падает даже у тех, кто имел возможность подогревать его победами. В конце концов правым оказался Гинденбург, заявивший, что победителем остается тот, у кого крепче нервы.

Но независимо от естественного падения или внутреннего торможения коллективного настроения последнее под влиянием событий может меняться и в другую сторону. Такое изменение настроения принято называть его переломом.

При переломе настроение масс, имевшее одно направление, принимает благодаря сложившимся условиям совершенно другое направление. Так, в течение русской революции вслед за июльским восстанием большевиков произошел перелом в настроении демократических слоев русского общества, выразившийся резко отрицательным характером по отношению к крайним левым течениям, находившим ранее много сочувствовавших элементов, но ненадолго, ибо после корниловской истории 27 августа общественное настроение вновь сделало уклон в сторону большевизма.

Во время 1905 г. народ явно сочувствовал революционному движению, но с позднейшим наступлением эксцессов революционного характера и с развитием так называемых экспроприаций настроение начало быстро меняться; окончательный перелом его в другую сторону произошел со времени <бомбистского> движения.

Яркий пример такого перелома в настроении народных масс мы имеем также в смене боевых стремлений русской армии <братанием> с бывшими врагами в период начала русской революции.

Вот еще пример, как после подавления восстания большевиков в Пет-

рограде 3–5 июля изменилось настроение в самих бунтовавших частях. Подавивший восстание <генерал Половцев, немало поработавший в эти дни, сиплым, усталым голосом рассказывает о том, как его благодарило им же отрешенное начальство некоторых военных установлений и при оригинальной формулировке благодарности: "За то, что показал власть!" Скажут, что за кару, за обиду, за отстранение от отдела кланяются и благодарят только вымуштрованные и воспитанные в испуге и су-бординации люди. Но ведь благодарят и солдаты, и матросы, вчера еще буйствовавшие.

Рассказывают, что, когда К-в посетил главнокомандующего, преображенцы освирепели и требовали, чтобы К-в был им выдан. Половцеву пришлось уговариваться с солдатами, что без их согласия К-в не будет выпущен. Только тов. Гоц упрямил солдат, и К-ва увели по черной лестнице.

А после солдаты, отмякнув, отойдя от злобы, благодарили окружающих за то, что не допустили их до безумного шага>.

^ Правда, 22 ноября 1917 г. он сам напомнил о себе, поместив в газетах письмо за своей . подписью, но само это письмо уже похоже на вопль отчаяния. Нет надобности говорить, что оно не произвело и тени впечатления на общество. Его прежние друзья могли только пожалеть, что оно появилось в печати.

II*

163

Другой пример быстрой перемены в настроении коллектива. По словам газет, после расстрела офицеров на корабле <Севастополь> некоторое время спустя солдаты стали справлять по ним панихиды.

Под влиянием перелома в общественном настроении совершенно изменяется и отношение к прежним кумирам и к прежним учреждениям, представлявшим собой ранее народную гордость. Это мы видели на примере Людовика Возлюбленного и Керенского, но возьмем еще один пример: генерал Корнилов, герой успешного наступления 18 июля 1917 г., впоследствии верховный главнокомандующий русской армией пользовался необычайным ореолом славы и почета. Но достаточно был ему повести так называемый <мятеж> против Временного правительства и все или почти все от него отвернулись и прежние его хвалители явились наиболее яростными хулителями.

Еще пример: бывший председатель Государственной Думы Родзянко был окружен не меньшим ореолом почета и уважения не только в период существования самой Государственной Думы, но и в первые дни революции, в которой он сам принимал известное участие. Но что последовало затем? Когда революция дала господство пролетариату, на его голову посыпались разного рода обвинения и выносились отовсюду протестующие резолюции. А сколько таких же примеров можно иметь во время великой французской революции, во всех вообще революциях и даже во всех вообще значительных общественных движениях.

Еще пример: во время суда Мальяжа, когда происходило избиение аристократов, которому придали лишь внешнюю законность трибунала, не-многие освобождались от гильотины. Но вот аристократ Журньяк де С. Мear представил суду доказательства своих гражданских добродетелей и сослался

на любовь своих солдат. Его помиловали и вслед за этим приговором толпа мгновенно разразилась приветствием – <да здравствует нация!>, причем под-судимый был восторженно провожаем из залы суда той самой толпой, которая готова была злорадствовать по поводу каждого из выполненных судом смертных приговоров.

А вот как описывает изменчивость настроения толпы молочный брат Марии Антуанетты, оказавшийся в числе счастливых, избегнувших обычной для большинства участи быть гильотинированным: <Лишь только гвардейцы подняли свои шляпы на острия сабель и воскликнули "да здравствует нация", раздались неистовые рукоплескания; женщины, заметив, что я был в белых шелковых чулках, грубо остановили двух солдат, которые вели меня под руки и сказали им: "берегитесь, вы ведете господина по сточной канаве". Они были правы, канава была полна крови. Такое внимание со стороны этих мегер меня тем более удивило, что они только что яростно аплодировали избиению моих' сотоварищей по заключению> ^.

В нормальных условиях чем быстрее и выше поднимается волна настро-ения, тем быстрее и глубже она затем падает и, наоборот, чем медленнее она поднимается, тем медленнее она и опускается. Но не следует забывать, что самый подъем настроения может быть вызван какими-нибудь внешними толчками, которые находятся вне условий данного общества, и тогда выше-указанное правило не может иметь места ^"*. Так например, объявление войны сторонней державой может вызвать сразу огромный подъем патриотического настроения, который затем ослабевает лишь постепенно с ходом событий. Равным образом неожиданная военная катастрофа может повести к взрыву патриотизма в стране, как это случилось, например, в Италии в октябре 1917 г., где было уже утомление войной и началось было разложение армии подобно нашему. Но случившаяся военная катастрофа

^^ Кабанис П., Насс Л. Революционный невроз. В. м., В. г. С. 20.
164

вследствие наступления немцев привела к тому, что и социалисты прев-ратились в так называемых социал-патриотов и общее патриотическое на-строение, выразившееся в лозунге спасения отечества, сделалось господст-вующим. К тому же на помощь Италии быстро были подведены иностранные войска, а колеблющиеся части войск были уведены в тыл и это спасло положение.

Как быстро изменяется настроение общества, может служить также пример с саботажем буржуазии после октябрьского переворота в России в 1917 г. Первоначально буржуазия в лице союза союзов объявила полный бойкот большевикам и отвергла всякое сотрудничество с ними, заняв по отношению к ним непримиримую позицию. Но прошло несколько месяцев, и тот же союз союзов вынужден был заявить свой отказ от саботажа. То же сделали и представители высших учебных заведений, а за этим и вообще настроение определилось для большинства в смысле возможности сотрудничества, ко-торое постоянно стало налаживаться. Одни с этим примирились из-за куска хлеба, другие нашли, что саботаж был крупной тактической ошибкой, третьи, что вообще нужна деловая работа для страны, а политика должна отойти в сторону и т. д" но суть в том, что саботаж стал осуждаться почти всеми.

Разразившаяся вместе с русской революцией гражданская война также дает многочисленные примеры изменения настроения народных масс. Пока господствуют красные, народные массы, подавленные общей разрухой, про-являют недовольство, устраивая торжественные встречи войскам белых, но

режим белых уже в течение нескольких месяцев или даже недель вызывает общее недовольство, и народ вновь ожидает красных как своих избавителей. Такая смена во время гражданской войны происходит иногда многократно в ту и другую сторону.

Другим образчиком того, как меняется настроение масс, особенно в периоды бурных политических переворотов, может служить также пример, что после огромных побед, достигнутых Германией в период великой войны, когда население обнаруживало максимум военного напряжения, вместе с развитием революции оказалось невозможным произвести даже какой-либо обязательный набор военнообязанных. Так, мы читаем, что при обсуждении [вопроса] об обороне государства социал-демократ Шефлин сделал следующее заявление: <В настоящий момент нет возможности создать военную силу путем призыва военнообязанных; государство, которое еще недавно было крупнейшей военной державой в мире, вынуждено теперь вербовать добровольцев путем газетных объявлений. Необходимо, чтобы армия народной обороны уважала конституцию, подчинялась правительству и стояла на страже законов государства. Необходимо также, чтобы добровольцы подчинялись своим начальникам и соблюдали строгую дисциплину> ^.

Проявлением того или другого настроения служат, как известно, соответствующие мимико-соматические рефлексы. Так, более резкое проявление угнетения, вызванное теми или другими условиями, выражается в индивидуальной жизни, кроме других явлений, вздохами, стоном, плачем, рыданиями, причитаниями, заунывными звуками и жалобами.

Путем последовательной эволюции угнетенное настроение выливается в заунывную песню, напоминающую и стоны, и вздохи, и плач.

С другой стороны, оживленное настроение характеризуется смехом, хохотом, восторженными восклицаниями, оживленной речью и радостными звуками и заявлениями, а затем путем последовательной эволюции выливается в оживленную песню с бодрым оттенком.

И в том, и в другом случае песня для усиления эффекта сопровождается соответствующими ей звуками музыки, причем и сама музыка явилась

^^ Из газетной телеграммы. Берлин, 1917, от 25 февр.

165

выражением тех или иных настроений, а путем заражения и возбудительницей соответствующего настроения в других.

Как известно, не один голос служит проявлением настроения, но и телодвижения, и, если угнетенный тонус подавляет движения, то оживленный тонус их возбуждает, вызывая целый ряд разнообразных телодвижений в форме как бы разряда нервной энергии. Отсюда оживленный тонус на высоте своего развития приводит к пляске ^*.

Естественно, что и все коллективные настроения сопутствуются такого же рода явлениями. Так, угнетение по случаю похорон характеризуется заунывным пением, похоронным маршем, молчаливым вставанием в собраниях в память умерших и т.п.; с другой стороны, торжество коллектива в случаях дружественной встречи, победы и т. п. сопровождается коллективными пиршествами, веселой торжественной музыкой, бодрым маршем, оживленными речами, приветствиями, торжественными церемониями, балами и т. п.

Коллективные настроения путем заразы получают склонность к распространению и могут в известных случаях даже захватывать ряд коллективов.

Символизм дополняет развитие коллективных настроений, усиливая их еще в большей мере. Например, черные флаги в случае национального горя, национальные флаги в торжественных случаях патриотического характера, соответствующие случаю речи, тосты и т. п. действуют несомненно усиливающим образом на общее настроение коллектива, служа в то же время дальнейшими проявлениями мимико-соматических рефлексов ^{^*}.

Когда бодрое коллективное настроение, сопровождающееся стремлением к осуществлению соответствующих действий, достигает высокой степени своего развития, мы говорим об энтузиазме народных масс ^{^*}.

Но этот энтузиазм проявляется обыкновенно под влиянием более или менее сильных внешних поводов. Мы его встречаем обычно вместе с общим подъемом настроения, обусловленным каким-либо поводом.

Так, подобно тому, как в индивидуальной жизни оскорбление или какой-либо иной повод может вызвать раздражение, так и в коллективах под влиянием каких-либо событий, задевающих честь коллектива и его независимость, развивается враждебное настроение, взрыв энтузиазма и боевой энергии против виновников этих событий. Примеров этому много: особенно их много в период войн. Между прочим один из ярких примеров этого представили американцы в настоящую войну, когда немецкие субмарины стали топить американские суда у побережья Атлантического океана. Этот факт явился, конечно, неизбежным в ходе войны, но и в то же время сообщение об этом факте, свидетельствовавшее о перенесении войны в Америку, тотчас же отразилось большим притоком лиц, записывающихся в ряды армии, и вместе с тем сильно содействовало развитию и усилению патриотизма и подъема боевой энергии среди американцев, что видно из целого ряда газетных сообщений. Мы приведем здесь выдержки из американских бюллетеней, заслуживающие нашего внимания. <Нью-Йорк тайме> замечает по этому поводу следующее: <Немцы не могли бы избрать более верный путь, для того чтобы усилить воинственные стремления в сердцах всех американцев и чтобы довести патриотический пыл до лихорадочной температуры>. <Нью-Йорк герольд>, касаясь роста рекрутирования, между прочим замечает: <Вскоре после появления на улицах экстренных выпусков вечерних газет люди толпами стали устремляться к рекрутировочным станциям и стали требовать, чтобы их приняли в ряды армии. И по мере приближения сумерек все большее число желающих стать рекрутами стекалось в конторы и наводняло их заявлениями о желании войти в состав той или другой из боевых сил дяди Сэма.

На морской рекрутировочной станции около 500 молодых людей в три часа пополудни добивались возможности поступить во флот и

ежеминутно прибывало еще больше. Чиновник станции сказал: <Контора была залита толпой и было невозможно удовлетворять рекрутов немедленно по их появлении несмотря на то, что многочисленный штат работает интенсивно>.

То же самое рассказывали на всех рекрутировочных станциях. Везде в них толпились массами люди с целью поступить в армию, их патриотизм и боевой дух еще больше окрепли под влиянием сообщения о пиратских набегах гуннов. С того времени, как Соединенные Штаты приняли участие

в мировой войне, еще не было такого порыва к вступлению в ряды армии и к участию в конфликте.

Равным образом и со стороны женщин проявился рост патриотизма, что выразилось наплывом их в Красный Крест с целью поступить на работу в американские военные и морские госпитали. <В шесть часов утра желающие поступить во флот явились в таком большом количестве на морскую рекрутировочную станцию, что очередь растянулась с третьего этажа, где находится рекрутировочная станция, на улицу и достигла следующего квартала. У всех других рекрутировочных станций люди ждали утром, пока откроются двери> ^.

Ко всему следует добавить, что из донесений, приходивших из прибрежных городов, видно, что действия субмарин не производили паники. <Свет нигде не гасится за исключением двух городов, которые по распоряжению мэров вечером погружаются в темноту> .

Только что сказанное показывает нам, что настроение коллектива может быть зарегистрировано определенными цифрами. И действительно, если вопрос идет о точном регистрировании коллективного настроения, то в сущности вряд ли имеется более правильный метод, как подсчет голосов при выборах. Подобно тому, как подсчет голосов при спорных вопросах дает перевес тому или другому решению, так и при выборах подсчет голосов определяет всегда с возможной точностью политическое настроение страны. Но подача голосов никогда не может быть полной, она сопровождается тем или другим количеством недостающих голосов. Последнее, если необъяснимо какими-либо причинами, затрудняющими подачу голосов, должно быть отнесено на счет большей или меньшей степени безразличного отношения к политическим вопросам и, в частности, того отношения, которое проявляет население к вопросу, решаемому этими выборами. Отсюда ясно, что правильно поставленная статистика является, вообще говоря, 'лучшим и наиболее точным показателем коллективного настроения страны и его перемен, происходящих с течением времени. Заслуживает внимания, что, как и в жизни отдельной личности, вместе с изменением настроения группы или народа изменяется соответственным образом и весь характер общественных воззрений.

Я могу привести пример из жизни Франции, как изменился вместе с общественным настроением общий кругозор целого народа: <Четверть века назад незадолго до великой войны напоминание о прошедшей военной славе считалось преступлением против Франции>. Известный проф. философ Жакоб, преподававший этику в женской национальной школе в Севре, высказался в то время следующим образом: <Если нашей родине суждено сыграть блестящую роль в мире, то это может совершиться посредством науки, искусств, изящных промыслов, избранного вкуса, великодушия в обращении, словом, в силу нашего гостеприимного характера, но я не вижу ничего в будущем, помимо средств миролюбивых>. Высшими выразителями интеллектуального направления во Франции второй

^^ Из газетных сообщений <Ивнинг мэйль>. Из газетных сообщений.

167

половины прошлого столетия, проповедовавшими настоящий культ разума и науки, явились Ренан и Тэн.

Реакция против этого направления развивалась исподволь и постепенно. Возможность опоры на союзников приободрила многих. Успехи техники, автомобилизма и особенно воздухоплавания дали новый толчок для пробуждения французского военного темперамента [^]*. Почва была подготовлена, когда грубые выходки восточных соседей вызвали громкий протест. Экспедиция военного судна в Агадир переполнила чашу, и вся Франция заговорила о войне>.

В сфере мысли это проявление национализма нашло себе очень резкое выражение. По свидетельству известного литературного критика Эмиля Фагэ, <реакция против Канта, Тэна и Ренана проявилась в гораздо большей силе, чем можно было думать. Когда о них упоминают, то делают это не иначе, как с величайшим презрением... Общее направление есть вполне выраженный антиинтеллектуализм [^].

При таких условиях неудивительно, что все, что содействует расширению кругозора, что побуждает к миролюбивому состоянию, считается теперь многими французами унижительным и непристойным... Одна английская писательница, смущенная воинственным настроением французского юношества, выразилась следующим образом: <Те самые мои друзья, которых я прежде знала как поклонников мира, как врагов милитаризма и узкого национализма, как приверженцев Гете, Ницше и Вагнера, теперь поразительно изменились.

Они лишь шопотом произносят прежние слова мира и прогресса, но каждым словом, каждым ударением голоса, каждым взглядом дают почувствовать их желание войны>.

Подобно тому, как изменился вместе с общественным настроением кругозор мыслящих людей во Франции, мы пережили такое же изменение мировоззрения, начиная с эпохи 60-х годов до конца 70-х годов, когда разразилась русско-турецкая война. Статистика книжного рынка и взятых из библиотек книг дала бы в этом отношении особенно поучительные данные.

XIV. КОЛЛЕКТИВНОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

С образованием коллектива его сосредоточение, направлено ли оно в сторону защиты, или в сторону нападения, или на что-либо, привлекающее его любознательность, усиливается прямо пропорционально числу единиц, входящих в коллектив.

Естественно, что коллектив всегда выигрывает в отношении наблюдения и в способности примечать перед отдельным индивидом, чему мы имеем многочисленные примеры прежде всего из жизни животных*.

Для иллюстрации достаточно привести пример из Г. Друммонда[^].

<Вот олень стадо, растянувшееся, как они любят это делать, на четверть мили длиной; каждое животное в стаде не только участвует в физической силе всех остальных, но и в наблюдательных способностях; его осторожность ввиду возможной опасности есть осторожность всего стада; у него столько глаз, ушей, органов обоняния, сколько у всего стада; его нервная система простирается на все пространство, занятое линией; одним словом, его среду составляет не только то, что слышит, видит, обоняет, осязает, чувствует на

^{^^} Мечников И. И. Сорок лет искания рационального мировоззрения. М., 1913. С. 30.

^ См.: Друммонд Г. Прогресс и эволюция человека. Цит. по Рибо Т. Эволюция общих идей.
М., 1898.

168

вкус один, но что слышит, видит, обоняет, осязает, чувствует на вкус каждый отдельный член стада> ^^.

Сосредоточение как вид коллективного рефлекса ничем по существу не отличается от индивидуального рефлекса сосредоточения в форме зрительного сосредоточения или смотрения, слухового – слушания и других, с тем однако различием, что здесь акт смотрения и слушания выполняется тысячами глаз, устремленных на один и тот же предмет, и тысячами настороженных ушей. Здесь те же формы мышечных сокращений, которые наблюдаются и при индивидуальном смотрении и слушании, но эти формы мышечных сокращений выполняются множеством лиц одновременно. Однако есть большое различие в результате смотрения, т. е. наблюдательной способности или собственно способности примечать.

Тысячи глаз смотрят лучше, чем пара глаз. Малейший недочет в игре тотчас же улавливается смотрящим коллективом, между тем как один зритель мог бы не обратить на это внимание. Можно сказать, что способность примечать в коллективе во столько раз сильнее, во сколько коллектив численно больше одного индивида" "*.

Если мы находимся в концертном зале, мы имеем слушающий коллектив с теми особенностями в позах, которые характеризуют известное напряжение слухового аппарата. И опять – таки слушающий коллектив обнаруживает *caeteris paribus*, более острое наблюдение в отношении звуковых эффектов, нежели каждый индивид в отдельности, ибо малейший недочет в выполнении непременно будет замечен в коллективе известным числом лиц, тогда как отдельный индивид, каким бы слухом он ни обладал, может оставить его незамеченным хотя бы вследствие временной рассеянности.

Коллективное сосредоточение мы имеем в каждой толпе, внимающей своему оратору; в каждой театральной публике, следящей за ходом представления или за выполнением трудных акробатических упражнений; в каждом концерте, где собрание слушает музыкальные пьесы или пение; в каждой школе, где ученики сосредоточиваются на словах своего учителя; в каждой трудной по выполнению коллективной работе, где люди сообща выполняют одно общее дело и сосредоточенно следят за руководителем в целях согласованности своих движений, от которой зависит правильность самой работы.

В определенную эпоху времени* коллектив сосредоточивается на каком-либо определенном событии и проявляет к этому событию особую впечатлительность. Так, в период войны коллективное сосредоточение устремляется на известия, получаемые с театра военных действий. В период голода коллективное сосредоточение устремляется на вопросы, связанные с доставкой съестных продуктов. В период громкого процесса коллективное сосредоточение устремляется на ход судебного следствия и разбирательство дела. В случае тяжелого общественного бедствия коллективное сосредоточение устремляется на различные детали этого события и т. п.

Таким образом общественное сосредоточение привлекается в социальной жизни всякой сенсационной новостью: объявлением войны, каким-либо грандиозным предприятием, новым открытием или изобретением, даже

какой-нибудь замечательной книгой, вообще всем, выходящим из ряда заурядных вещей.

Упомянутые выше большой эффект коллективной сосредоточенности и большой результат коллективной наблюдательности достигается в коллективе животных и человека не чем иным, как обобщающим началом коллектива, благодаря которому замеченная кем-либо особенность тотчас же сообщается при посредстве знаков или языка другим. Этого достаточно, чтобы она сделалась уже общим достоянием и послужила предметом дальнейшего

Там же. С. 177.

169

совместного обсуждения и общего выявления, которое благодаря усиленному сосредоточению на том же предмете многих приводит еще к большему углублению наблюдательности в указанном направлении.

В результате всего этого оценка того или иного предмета сосредоточения, будет ли то картина, театральное представление, музыкальная пьеса и т. п., оказывается со стороны коллектива более верной, нежели со стороны каждого из его отдельных индивидов.

Возьмем пример из жизни. С наступлением февральской революции П. М-ов, один из популярнейших вождей того времени, выбранных народной волей в члены Временного правительства, во время своей речи вслед за переворотом упомянул вскользь имя возможного будущего монарха России. Этого было достаточно, чтобы эта речь подверглась почти всеобщему осуждению, и сам оратор сразу же потерял доверие среди более левых политических кругов страны, тогда как отдельный индивид, слушая ту же речь, мог бы не обратить на это место своего внимания, или же при обмене мнений оратор мог бы так или иначе исправить впечатление от речи.

Из вышеизложенного ясно, почему коллективный или общественный надзор имеет преимущество перед надзором со стороны отдельного лица.

В этом и заключается значение общественного контроля, который, вообще говоря, отличается значительно большей внимательностью и строгостью, нежели контроль отдельных лиц^{^*}.

Однако все вышеуказанное справедливо по отношению к тому случаю, когда для наблюдающего коллектива представляется возможность проявить обобщающее начало путем главной критики и обмена мнений. В другом случае, когда дело сводится лишь к одному коллективному наблюдению, и коллектив самое большее может выражать лишь свое одобрение или неодобрение, как это имеет место в отношении театральной публики, то коллектив тем самым лишается в значительной мере остроты своей наблюдательности, и окончательный результат ее сводится к тому, какое впечатление данное представление производит на большинство наблюдателей. Но так как и здесь обобщающий элемент в коллективе осуществляется при посредстве знаков одобрения или неодобрения, то этим путем коллективная наблюдательность подчиняется в той или иной мере закону подражания или заразы. Всякому ясно, что, когда то или другое место пьесы вызывает аплодисменты одной группы лиц, эти аплодисменты подхватываются и другими и нередко всей залой. Этим, как известно, пользуются клакеры в театрах, нанимаемые специально для поддержки той или другой пьесы.

То же условие подражательности и внушения играет роль и в отношении происхождения коллективных иллюзий и галлюцинаций, о которых речь будет ниже.

Не входя в подробности по этому предмету, я только хотел бы обратить здесь внимание на тот факт, что всякая коллективная галлюцинация начинается с коллективной иллюзии или даже представляет собой иллюзию, в основе которой лежит коллективное сосредоточение, направленное в определенную сторону соответствующим настроением и связанным с ним ожиданием. Так, когда та или другая семья бывает поражена горем вследствие смерти кого-либо из семьи, случается, что несколько лиц видят умершего при той или иной обстановке или при условиях, дающих повод к развитию массовой иллюзии. Когда войска находятся в постоянной тревоге, они часто поражаются коллективными иллюзиями и галлюцинациями в форме видения приближающегося неприятеля. Особенно часто такие иллюзии развиваются в сумерки или в ночное время. И опять здесь поводом к развитию коллективных видений служит тот или другой внешний повод, создающий первоначально иллюзию в глазах одного, но затем эта иллюзия путем заразы

170

передается другим и, обобщаясь, превращается в коллективную иллюзию, а иногда и галлюцинацию^.

Как и при сосредоточении со стороны отдельного индивида, коллективное сосредоточение характеризуется тем, что каждая мелочь в событии, привлекаем коллективное сосредоточение, возбуждает коллективную мимико-со-матическую реакцию, и вызывает многочисленные пересуды со стороны общества. Само событие становится предметом общего суждения, предметом модного разговора везде и всюду.

Нечего говорить, что коллективное сосредоточение отличается теми же свойствами, как и сосредоточение отдельного индивида.

Так при однообразии предмета оно подвержено утомлению: напротив того, разнообразие внешних впечатлений, особенно при условии некоторого перерыва, его оживляет.

Одно и то же событие, какой бы важности оно ни было, не может долго привлекать к себе коллективное сосредоточение. Последнее мало-помалу притупляется или тормозится, направляясь затем на другое событие.

Вообще чрезвычайно важным фактором поддержки коллективного сосредоточения, как и при сосредоточении отдельных лиц, является смена событий, служащих предметом сосредоточения.

Последнее особенно обостряется по отношению к какому-либо событию, если коллективное сосредоточение в течение некоторого времени представлялось совершенно незанятым, иначе говоря, бездействовало и, следовательно, находилось как бы в периоде отдыха. Но само собой разумеется, что напряжение сосредоточения обуславливается общественной важностью того или иного события, что, в свою очередь, находится в зависимости от того, в какой мере это событие затрагивает интересы индивидов, входящих в данное сообщество или коллектив.

Обращает на себя внимание специфическое отношение толпы, опреде-

ленным образом настроенной, к внешним влияниям того или иного рода. Оказывается, что толпа, подобно отдельным индивидам, безразлично относится ко всем воздействиям, которые не соответствуют ее настроению, и, наоборот, она очень чутка к воздействиям, так или иначе отвечающим по своему характеру ее общему настроению. Ее наблюдательность и сосредоточение в этом отношении обостряется. Это совершенно аналогично тому, что мы имеем и в настроении отдельной личности. При пониженном или угнетенном настроении человек мало или даже вовсе недоступен всему, что противоречит его настроению, и даже тому, что может его развлечь и поднять настроение. Наоборот, при повышенном настроении человек недоступен ^{^^} к горю других.

С другой стороны, в периоды политических переворотов, смут и восстаний под влиянием обостренных политических отношений более или менее обычными должны считаться коллективные опасения и коллективная подозрительность. Как во время великой французской революции, так и во время русской революции опасения возможности контрреволюции не оставляли общество в течение почти всего времени революции, и на этой почве развивалась коллективная подозрительность благодаря чему видели контрреволюционера почти во всяком человеке, не принадлежащем к правящим партиям, и привлекали к ответу по самому малейшему поводу. Также и во время войны развивается усиленная подозрительность коллектива по отношению к шпионам. Особенно это проявляется в странах, в которых, как например, в Германии, военный шпионаж поставлен на необычайную высоту. Можно сказать, что в зависимости от развития шпионажа естественно стоит и

^{^^} Подробности и многочисленные примеры коллективных иллюзий и галлюцинаций см. в моей книге <Внушение и его роль в общественной жизни>.

171

развитие <шпиономании>, ибо чем выше поставлен шпионаж в своей стране, тем более возникает опасность, что в такой же приблизительно мере шпионаж существует и в неприятельской стране, а потому вполне естественно подозревать неприятельский шпионаж кругом себя. Вот почему, например, в Германии, в период бывшей войны больше, чем в какой-либо другой стране, поражало обилие плакатов на улицах, площадях, вокзалах, в магазинах, ресторанах, кафе и других общественных местах, предупреждающих об опасности шпионажа.

Нечего говорить, что германская <шпиономания> направилась прежде всего против тех иностранцев, и между прочим против русских, которые не успели выехать из Германии до периода объявления войны. Затем все острие этой шпиономании обрушилось на пленных. Нам ближе известны в этом отношении данные, которые относятся к русским военнопленным. Наибольшую ценность в этом случае, без сомнения, имеют собственные свидетельства самих пленных, которые мы здесь и приводим со слов Н. Вавулина. <В каждом пленном германцы способны были видеть шпиона. Обыски в лагерях военнопленных были обычным явлением. Обыскам подвергались наши врачи, офицеры, солдаты и гражданские пленные. Почти всегда неожиданно в лагерях или лазаретах военнопленных появлялся караул, который оцеплял бараки и занимал все входы и выходы. Приезжало лагерное начальство, появлялись сыщики, иногда и полицейские собаки. Тотчас же поднималась суета, и германские офицеры и фельдфебели, гремя своим оружием, красные от натуги, орали на своих и на наших. Эта брань по нашему адресу и крикливые приказания вместе с угрозами нервировали нас до крайности.

Врачи и офицеры подвергались более унижительному обыску, чем солдаты. Обыкновенно их выводили из своих помещений в пустой барак, где и предлагали раздеваться догола. И в то время, когда врачи и офицеры раздевались, а германские офицеры рылись в белье, господа майоры или гауптманы направлялись в помещения обыскиваемых, где с усердием кладоискателей копались в грязном белье и лазали под койки, ощупывали стены, вскрывали столы.

Солдат осматривали проще, но чаще обыкновенно блок-фельдфебель как ответственный хозяин своего блока отдавал приказание выстроиться пленным на плацу вместе со своими вещами. И когда серая ободранная масса выстраивалась со своими такими же рваными мешками, появлялся фельдфебель с переводчиками, а иногда и со сворой полицейских собак, искали всегда что-либо сугубо криминальное, но находили рваное тряпье, изредка записки, дневники, книги, газеты, которые тотчас же забирались и отсылались в комендатуру^{^°}.

<Шпиономания> терроризировала не только германское население, но и их армию. Было вполне понятно жестокое к нам отношение германцев, ибо в корне его таилась боязнь, как бы их человеческое отношение к пленным не дало бы повода к обвинению в незаконном с нами сношении, угрожающем якобы безопасности германской империи.

В деле охранения своих военных тайн Германия необычайно ревнива. Обыски, цензура, допросы – все это были вспомогательные средства для определения <благонадежности> подозреваемого лица. Неодобрительно отозвавшийся о германской империи подвергался суровому наказанию. Военнопленные, по состоянию своего здоровья подлежащие обмену, но вызвавшие какое-либо подозрение, оставались в лагерях навсегда.

Говоря про партию военнопленных, вернувшихся с фортификационных работ в лазарет лагеря Альтдамма, автор замечает: <Это были полуживые

^{^°} Вавулин Н. Германские приемы и обеспечение победы//Вестник знания. 1914. Вып. 6. С. 530-531.

высохшие мертвецы, в прямом смысле-скелеты, обтянутые ссохшейся пожелтевшей кожей. Большинство из них страдало туберкулезом в последней степени, были среди них и калеки. И вот только потому, что эти люди были замучены на казенных работах, германское военное министерство издало приказ не подвергать этих лиц обмену, так как они могут выдать военные тайны. И таких пленных безжалостно оставляют умирать.

В целях обезвреживания шпионажа вся корреспонденция военнопленных прежде, чем попасть в цензуру, выдерживает карантин от 10 дней и более, большей же частью совсем уничтожается. В тех же целях ни одно постороннее лицо не имеет права посещать лагеря военнопленных, а военнопленным запрещается не только проживать на частных квартирах, но и ходить из одного лагерного блока в другой^{^"}.

Автор еще не касается особых охранительных мер, которые применялись ко всем вообще выбывающим из пределов Германии лицам, а между тем описание этих мероприятий в немалой степени восполнило бы картину германской шпиономании.

По описанию д-ра Креслина, лично осматривавшего лагерь русских

военнопленных в Германии, картина представлялась еще более мрачной, но мы не будем останавливаться на этом предмете, чтобы не беречь раны прошлого, хотя и столь недавнего времени.

Заметим в заключение, что в коллективе, как и у отдельной личности, в зависимости от настроения, особенно в периоды тревоги и ожиданий того или иного события, развивается обострение воспринимающих органов до степени развития коллективных иллюзий и галлюцинаций.

Я ограничусь здесь для иллюстрации сказанного одним из примеров коллективной галлюцинации, случившейся по описанию <Разведчика> в ночь со 2 на 3 июня в Андиганском гарнизоне, вскоре после известного восстания, разразившегося в Андигане 18 мая.

<Андиганский гарнизон изнемогал под бременем все возраставших трудностей караульной службы. Арестованные росли в числе с каждым часом; конвойная служба и дальние разведки поглощали ежедневно всю андиганскую конницу; справедливо опасались возможной вспышки фанатизма к близившемуся моменту казни; бродили слухи, что туземцы готовы ринуться выручать своих святых коноводов и вожаков, причем многочисленным толпам головорезов, казалось, легко было бы стереть с лица земли горсточку русских людей, среди которых находился также временно командующий войсками со свитой и высшие военно-судебные лица.

Если тем, кто знал полностью андиганские обстоятельства, положение рисовалось далеко не в розовом свете, представьте же себе тех, до которых все это достигало в раздутых до химеричности формах, и вы себе легко представите состояние темной солдатской среды. Особенно усердными поставщиками разных нелепостей в солдатскую среду были денщики.

Ночь, когда случилась в Андигане тревога, была темная-претемная южная ночь, пасмурная. Ей предшествовал дождь, кажется с грозой.

Вновь прибывшие стрелки были расположены в казармах и в лагерях. Казармы тогда еще слабо освещались внутри, а бараки почти так же, как в роковую ночь, 18 мая, т. е. весьма скудно. Все остальное пространство и города, и окрестностей тонуло в густейшем мраке. Фонари в городе Андигане не зажигались на эту ночь по славному русскому обычаю не зажигать их, если по расписанию полагается луна, хотя бы ее скрывали тучи.

Было за полночь. Солдаты и в казармах, и в лагерях спали вповалку, крепко держа ружья и ощупывая вприсонках патроны. Тишина царствовала поистине удручающая и томящая.

"^ Там же.

Вдруг откуда-то издалека долетел какой-то неясный шум, заставивший всех нас вздрогнуть, а через секунду ужаснуться, а потом ахнуть, ибо шум все рос...рос...; вот уже это гомон толпы, вот вырываются отдельные дикие крики, потом целые снопы криков, визгов, воплей.

Потом ко всему этому присоединилось <ура>, сперва редкое, потом громкое, потом громовое... победное <ура>, и <ура> все росло, охватывая лагерь, казармы.

Вдруг затрещала ружейная пальба. Свидетель пришел в лагерь, когда еще один дневальный, приложившись, пускал последний заряд вдогонку убежав-

шему врагу. В эту минуту все остальные люди стояли, уже построившись в своих бараках-навесах, старательно оглядываемые и успокаиваемые своими начальниками. Каждый откровенно говорил, куда он палил и сколько раз, но откуда пошла стрельба и тревога никто толком не знал ни в лагерях, ни на постах.

Между тем причиной ложной тревоги было то, что раненый в бреду вскочил и с воплями пустился бежать; после того повскакивали также и все остальные раненые.

Охотничья команда, ближайшая к лазарету, моментально разбуженная, схватила ружья и с криками <ура>! бросилась на выручку своих раненых.

Это всколыхнуло лагерь! Люди стали вскакивать, напяливать на себя, что попало, загалдели, заорали. Гаркнули <ура>, которое, разрастаясь и перекатываясь, докатилось до отдаленнейших уголков гарнизона.

Потом кто-то ухнул в темноту из винтовки и массовая галлюцинация выросла во всей своей красе – все видели, слышали и стреляли врага. Люди сделались глухи на секунду к голосу начальников, к сигналам>.

XV. КОЛЛЕКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО

За последний период времени взгляд на коллективную творческую деятельность существенно изменился. В то время, как еще недавно признавалось, что творчество есть результат по преимуществу отдельных индивидов, выделяющихся силой своего ума, коллектив же не может дать в процессах суждения и творчества ничего, кроме посредственности, ныне напротив того приходится признать как положение, что коллективная творческая деятельность в человечестве играет преобладающую роль, и что даже само суждение обязано не чему иному, как коллективной деятельности. Эту точку зрения между прочим разделяет и выдающийся социолог современности Э. Дюркгейм. Но, не останавливаясь пока на этом факте, заметим, что, когда дело идет о суждении отдельной личности, то в этом случае все, или по крайней мере многое, определяется предшествующим опытом личности, в зависимости от которого и выявляется ценность того или иного суждения. Приложение этого опыта к новой задаче в конце концов сводится к приведению доказательств за и против и к взаимному взвешиванию их с целью подвести окончательный итог этому взвешиванию в виде определенного вывода.

Подобное же мы в сущности имеем и при суждении коллектива с тем различием, что здесь к делу привлекается не опыт отдельной личности, но опыт многих личностей, входящих в данный коллектив, вследствие чего и суждение коллектива представляется обыкновенно более многосторонним по сравнению с суждением отдельной личности в той мере, в какой опыт многих личностей многостороннее опыта каждой отдельной личности. Вот почему критика того или другого предмета и его частных в коллективе оказывается всегда полнее и разностороннее критики отдельной личности, а самые суждения и решения оказываются более осторожными.

174

Но зато работа коллектива вследствие участия в суждении многих отдельных личностей для подведения итогов оказывается гораздо более медленной, нежели работа отдельной личности.

Поэтому там, где нужна спешность и быстрота решения, там работа коллектива неуместна, хотя бы она была и совершеннее работы отдельной личности; где, наоборот, нужна бдительная предусмотрительность и осторожность и в то же время нет спешности, там работа коллектива предпочтительнее работы отдельной личности.

На характере суждения коллектива однако сказывается его состав, определяющий взгляды и интересы большинства входящих в него отдельных личностей.

Отсюда очевидно, что в зависимости от состава коллектива, суждения и решения его в отдельных случаях могут иметь тенденциозный характер и могут даже носить отпечаток своеобразной заинтересованности. Тем не менее как общее правило суждения и решения коллектива представляются более беспристрастными, нежели индивидуальные суждения и решения. Для того же, чтобы обеспечить вполне беспристрастное коллективное суждение, самый коллектив должен быть составлен из разнородных по характеру элементов [^] *.

Индивидуальная умственная деятельность, углубляясь в тот или другой вопрос и руководясь своим опытом и эрудицией, в сущности пользуется опытом коллектива, его синтезирует и из соответствующего материала делает те или другие выводы. В то же время она знаменуется творчеством в зависимости от своего опыта, эрудиции и таланта. Но на этой деятельности, как она ни плодотворна, всегда лежит отпечаток индивидуальности в той или иной мере, а при недостаточной эрудиции и широте взглядов – даже и отпечаток односторонности. Вот почему наилучшие результаты получаются в том случае, если индивидуальная творческая работа подвергается обсуждению в коллективе, где под перекрестной критикой со стороны людей, работающих в других направлениях, выводы и решения, достигнутые в тишине кабинетов отдельной личностью, шлифуются, пополняются, расширяются или обобщаются. Нечего говорить, что в собраниях же они пропагандируются и популяризируются.

Однако вместе с этим из самой работы устраняются нередко особо характерные индивидуальные особенности. Чтобы они были сохранены, необходимо автору предоставить лишь воспользоваться приемлемыми для него замечаниями коллектива и только.

Содержание речей в собрании обычно отражает в себе индивидуальность отдельных членов собрания, но не следует забывать, что ораторы, выступающие в собраниях, невольно принимают во внимание как характер самого собрания, так и взгляды других ораторов; следовательно, уже на этих речах отражается влияние коллектива, но окончательное коллективное суждение получается лишь из взаимно скреживающихся и взаимно критикующих друг друга мнений и выливается в конце концов в определенное постановление, решение или резолюцию.

Всякое собрание, как известно, протекает более вяло или более оживленно в зависимости от важности предмета, состава собрания и заинтересованности в нем лиц, участвующих в собрании.

Если полного расхождения взглядов на собрании не обнаруживается и может быть найдена точка примирения, то решение идет по равнодействию – ющей двух или многих скреживающихся мнений, но чем более расхождение взглядов, тем обыкновенно медленнее достигается каждый результат обсуждения, т. е. решение.

Само собой разумеется, что умелое регулирование прений содействует большей успешности и большей сдержанности собрания и направления его по определенному руслу. Недостаток же правильной регуляции прений может

175

быстро осложниться каким-либо инцидентом, а неумение вовремя ликвидировать инцидент иногда срывает самое собрание. Дело в том, что всякий инцидент, возникающий на почве разногласий в собрании, резко подчеркивает и обостряет это разногласие и тем вредит правильной работе коллектива, если не сводит ее окончательно на нет при полном расхождении во взглядах отдельных частей собрания.

Продуктивность работы коллектива зависит в известной мере и от размера самого коллектива. Обыкновенно, чем больше коллектив, тем медленнее идет его работа, но зато она представляет большую гарантию в отношении удовлетворения интересов возможно большей массы лиц. Однако размеры собрания для успешности коллективного обсуждения предмета имеют свои пределы, и собрания свыше 500-1000 человек уже сильно затрудняют правильное руководство^{^*} обсуждением предмета^{^*}.

Когда предмет становится ясным для большинства лиц, когда путем коллективной работы и скрещивания взглядов выясняется сущность дела, можно говорить о коллективном выяснении предмета.

Когда мы говорим о коллективном рассмотрении предмета, о коллективной критике, о коллективном взгляде на вещи и т. п.¹ все это в сущности только отдельные этапы коллективной соотносительной деятельности, выливающиеся окончательно в форму коллективного суждения.

Результатом последнего является, как уже сказано, резолюция или решение, постановление или приговор при одобрении большинством собрания. Эти решения, постановления или приговоры являются в сущности сводкой всего обсуждения и последним выводом, к которому приходит коллектив в результате своей работы и формулу которого предлагает та или другая сторона или вообще кто-либо из участвующих в прениях.

Что касается коллективных словесных заявлений в собственном смысле слова, то в сущности имеется почти единственный случай, когда тот или иной коллектив произносит вполне согласованную во всех частях речь. Это в хоровом пении, но здесь согласованность имеет целью дать наряду со словесной символизацией гармонию звуков.

С другой стороны, коллективные заявления могут быть более или менее согласованными в виде возгласов и выкриков в толпе: в других же случаях эти заявления, хотя и могут иметь со стороны отдельных индивидов коллектива более или менее согласованное содержание, но каждым отдельным лицом выражаются индивидуально. Так бывает при заявлениях и требованиях массы лиц, собравшихся по какому-либо определенному поводу и связанных одними и теми же интересами.

В других случаях и даже чаще всего коллектив заявляет себя одной общей формулой – письменной или устной все равно, передаваемой через выборное лицо. Эта общая формула – приговор, резолюция или решение – может быть очень кратким, но она всегда требует до своего выявления предварительной работы в виде коллективного обсуждения вопроса.

Печать есть одна из форм коллективного обсуждения, являющегося все-народным, а, следовательно, и более широким в смысле большего круга лиц, которые привлекаются к обсуждению, причем в последнем участвуют люди, уже владеющие в той или иной мере пером, и к тому же самое обсуждение по условиям печати лишено конкретной экспрессивности живого слова.

Само собой разумеется, что, хотя это обсуждение может быть особенно ценным в смысле освещения разных сторон вопроса, но по самому условию своего выполнения оно является еще более медлительным в отношении затрачиваемого времени и не дает возможности получить определенное решение путем непосредственного голосования, если не иметь в виду форму анкеты.

176

Мы уже упоминали, что многие из авторов утверждали, будто только индивидуальная деятельность является творческой, коллективная же деятельность будто бы к творчеству неспособна или во всяком случае не может быть сравниваема по качеству с творчеством индивидуальным.

Так, многие авторы признают толпу тупой и в отношении своих умственных процессов стоящей вообще ниже отдельных индивидов, ибо решение толпы обыкновенно не выходит будто бы из порядка посредственности.

Между прочим Габелли дает другую иллюстрацию той же самой мысли по отношению к выборам кого-либо, например, ректора в университетах. <Выбирают того, чей выбор наименее задевает самолюбие, кто не выдается, наиболее невзрачного. Часто желают иметь таковым наиболее терпимого, снисходительного, стоворчивого, имеющего наименьшее значение, одним словом, человека, наименее энергичного и решительного, который будет иметь меньше влияния. Таким образом выбранный не пользуется доверием ни сторонников, ни противников, каждый из которых прекрасно сознает, почему подал свой голос. Иногда даже случалось, что после выбора сторонники избранника менее склоняются в его пользу, чем его противники>^ .

Вышеуказанные взгляды ничуть не исключительны. Они разделяются и другими авторами, писавшими о том же предмете. Очень выразительно по этому предмету высказывается Макс Нордау: <Соедините 20 или 30 Гете, Кантов, Гельмгольцев, Ньютонов etc. и дайте им на обсуждение практические, современные вопросы; их споры будут, пожалуй, отличны от тех споров, которые ведутся на первых попавшихся собраниях (хотя я не утверждаю даже и этого), но что касается результатов этих споров, то я уверен, что они не будут отличаться от результатов, даваемых всяким другим собранием. Почему же? Потому, что каждое из 20 или 30 выбранных лиц, кроме личной оригинальности, отличающей его от других, обладает и наследственными, видовыми признаками, не отличающими его не только от его соседа по собранию, но даже и от всех снующих по улице прохожих. Можно сказать, что все люди в нормальном состоянии обладают известными признаками, являющимися общими для всех, равными, положим x' , это количество увеличивается в вышеозначенных индивидах на другую величину, различную у различных индивидов, которая поэтому должна быть для каждого из них назначена иначе, например, a , b , c , d и пр. Предположив это, мы получим, что в собрании из 20 человек, хотя бы самых высоких гениев, будет $10x$ и только $1a$, $1b$, $1c$ и т. д., ясно, что $10x$ неизбежно победят отдельные a , b , c , т. е. что челове-

ская сущность победит личную индивидуальность, и что колпак рабочего совершенно покрывает собой шляпу и философа> ^.

Э. Ферри ту же мысль выражает иначе, но не менее образно. <Совокупность нескольких способных людей не всегда служит гарантией их общей способности: собрание здравомыслящих людей может быть лишены единодушия, как в химии от соединения двух газов может получиться жидкость>. По словам Сигеле, <коллективная психология обильна неожиданностями; сотни, тысячи людей сообща способны совершить поступки, которые ни один из сотни или тысячи, будучи одинок, не совершил бы никогда. Эти неожиданности впрочем почти всегда прискорбного свойства. Соединение хороших людей почти никогда не дает превосходного результата, иногда получается посредственный, а в иных случаях даже очень плохой>^.

^^ Сигеле С. Преступная толпа. С. II.

2" Там же. С. 11-12.

" Там же. С. 12.

^ Там же. С. 13.

12 В. М, Бехтерев

Чтобы ответить на последний вопрос, автор приходит к выводу, что <в толпе хорошие свойства некоторых вместо того, чтобы суммироваться, вычитываются друг из друга>. Это значит, что лучшие качества одних затеняются низшими качествами большинства людей, входящих в толпу. Отсюда ясно, что последние должны брать верх над первыми. Кроме того, и действие взаимовнушения в толпе должно сказываться аналогичным образом. Наконец, в толпе мы имеем известный невысокий относительно уровень нравственности. То же наблюдается и в собраниях в отношении интеллектуальных сил, которые в конечном счете ниже самого умеренного таланта несмотря на то, что толпа, будучи чаще всего кровожадным зверем, способна в известных случаях возвышаться до степени благородства и героизма.

Единство толпы как социальной личности есть, как известно, первое условие проявления массовых действий. Это единство устанавливается часто независимо от состава индивидов, исключительно под влиянием эмоциональных состояний, вызванных тем или другим фактом ^*.

Но когда устанавливается такое единение, толпа как социальная личность является уже не средним элементом входящих в нее индивидов, а обладающим совершенно особыми свойствами. Это вызывается будто бы тем, что высшие продукты соотносительной деятельности различных индивидов как бы вычитаются друг из друга и выливаются в форму средней линии, и все ценное и разнородное изглаживается. Наоборот, все то, что относится к более низким формам соотносительной деятельности – импульсивности, эгоизму, например, подавляемые в индивидах, здесь как бы слагаются, затемняя собой более высокие проявления соотносительной деятельности. Вот почему, по словам Г. Лебона, <в толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. "Весь мир", как это принято говорить, никак не может быть умнее Вольтера, а, наоборот, Вольтер умнее, нежели весь мир, если под этим словом понимать толпу> ^.

С другой стороны, благодаря известной численности толпы в составляющих ее элементах появляется большая уверенность в силе и авторитетность, чем не обладает в такой мере каждый индивид в отдельности. Вместе с этим связана вера в безнаказанность и непогрешимость общего решения.

Далее в толпе развивается необычайно повышенная восприимчивость к внушениям и склонность к заразе.

Благодаря всему этому получается склонность к импульсивности, к неспособности к критической оценке своих поступков.

Отсюда как общее явление можно признать понижение интеллекта в толпе и, с другой стороны, повышение мимико-соматических рефлексов. Все это, конечно, относится к уличной толпе и ничуть не может быть применимо ко всем собраниям и в особенности к собраниям специального характера.

Согласно Г. Лебону, <деятельность толпы всегда и везде бывает ниже деятельности изолированного индивида> ²¹. Но это положение опять-таки подлежит оспариванию, ибо толпа даже неорганизованная, но объединенная известным настроением, способна на геройские поступки и действия, украшающие страницы истории до настоящего времени. С другой стороны, собрания, слушая подготовленные заранее доклады специалистов, сглаживают в них именно те или иные односторонности и увлечения, а что это служит пользе дела, можно видеть из того, как часто сами специалисты-докладчики соглашались с правильностью внесенных поправок или даже отказываются от своих положений.

²¹ Там же.

[^] Лебон Г. Психология социализма. С. 322.

178

Вообще же, что касается большей глупости коллектива, по сравнению с отдельными индивидами, то в этом отношении многое было высказано без достаточного взвешивания всех обстоятельств. Прежде всего нельзя смешивать, как уже сказано, уличные толпы, связанные одним лишь настроением, с другими коллективами. С другой стороны, то, что делает отдельный индивид, есть плод часто долговременных поисков и стараний, основанных к тому же на синтезе коллективной работы, тогда как толпа большей частью принуждена принимать решения, которые не могут быть откладываемы на более или менее долгое время. Вместе с тем решение толпы является равнодействующей или, вернее, средней арифметической из мнений целого ряда лиц, составляющих толпу, и, следовательно, характер решения определяется самим составом толпы, а потому при преобладании в ней посредственностей и мнение ее окажется посредственным, но вовсе не доказано, что толпа умных людей будет давать коллективное мнение, которое окажется глупее, нежели в том случае, если бы оно при тех же самых условиях было высказываемо каждым в одиночку.

Бентам между прочим обращает внимание на различие между постановлениями политических обществ, имеющих постоянный характер, и такими же обществами, имеющими случайный и кратковременный характер, в том смысле, что первые дают легче решения, отвечающие истинным интересам их членов.

По Г. Лебону, будто бы даже парламентские собрания представляют опасность в двух направлениях – <в отношении непроизводительной растраты финансов и в отношении прогрессивного ограничения индивидуальной свободы>. Однако и это положение требует поправки. Не может подлежать оспариванию, что парламенты лучше регулируют финансы, нежели единоличная власть министра. Уже один общественный контроль сразу отсе-

кает из народного бюджета статьи расхода, которые не могут быть оправданы с точки зрения общественного интереса. Правда, парламенты не жалеют средств на те потребности, которые игнорируются короной, но парламенты же указывают и источник покрытия новых расходов, признаваемых продуктивными.

Что касается прав личной свободы, то опять-таки большой вопрос, кто больше издает ограничивающих личную свободу постановлений – парламент ли или администратор, который в бурные дни так и сыплет как из рога изобилия обязательными постановлениями, большей частью одно другого бессмысленнее.

Также и положение об односторонности мнений, выставляемых Лебоном, как одного из свойств толпы, даже парламентской, не может быть принято безусловно. Если партия, взвешивая интересы своих избранников, высказывается при голосовании как один человек в силу партийной дисциплины, то не следует забывать, что до предварительного голосования в самом парламенте вопрос всесторонне обсуждался в партийных собраниях, где скрещивались доводы многих ораторов и где решение явилось той средней линией поведения, которая оказалась наиболее целесообразной при данной конъюнктуре партийных соотношений. Этой заранее условленной подачей голосов объясняется и безразличное отношение слушателей к речам малоизвестных ораторов, тогда как речи главных вожakov партии представляются всегда показательными и выслушиваются с должным вниманием.

Надо при этом заметить, что до сих пор характеризовали толпу как более или менее самостоятельное сообщество лиц, тогда как действующей толпы нет без ее вожakov; толпа и вожак взаимно дополняют друг друга и влияют друг на друга. Вожак руководится настроением толпы и эффектом, производимым его речью на толпу; тогда как толпа слушает своего вожакa и подчиняется ему в своих действиях.

12*

179

Любое вообще собрание представляет собой сочетание индивидуального и соборного ума. Не подлежит сомнению, что не всякий может быть вожакom толпы и опять толпа толпе рознь. Не всякий из лидеров парламентских партий может быть вожакom уличной толпы и наоборот ^"'. .

Поэтому и характеристика толпы со стороны различных психологов страдала той или иной односторонностью благодаря тому, что не принималось во внимание в той мере, в какой это необходимо, тесное взаимоотношение между вожакom и толпой, чему между прочим были посвящены интересные страницы еще со стороны нашего Михайловского и о чем позднее говорили видные западные социологи, как например, Тард и др.

Что касается коллективного творчества в тесном смысле этого слова, то мы не разделяем общепринятой точки зрения, будто бы коллективный труд не может быть сравниваем по качеству с индивидуальным трудом. Собрание или толпа будто бы никогда не могут достичь в отношении качества труда даже средней степени индивидуальной работы (Сигеле, Г. Лебон и др.). Это мнение, однако, следует признать крайне односторонним. Правда, индивиду чаще, чем группе, мы обязаны инициативой и изобретениями, но нельзя упускать из виду, что индивидуальный гений есть сам по себе продукт общества, олицетворяющий собой синтез коллективной работы, что он вдохновляется толпой, что инициатива требует осуществления при участии толпы, что изобретения делаются для толпы и без нее они утрачивают всякий

смысл, и что индивидуальный порыв нередко совершенно бессилён, если он не поддерживается и не будет подхвачен толпой " ". Ясно, что индивид без толпы или собирательной личности ничто, как ничто и толпа без индивида. Только совместная работа индивида и толпы или собирательной личности обеспечивает прогресс. При этом каждой стороне выпадает своя доля участия в человеческом прогрессе.

Индивидуальному уму, чтобы проявить себя, нужна помощь коллектива, потому что он творит для него, он изобретает то, что полезно и нужно коллективу, он собирает материал, который ранее его подготовил коллектив, он синтезирует факты, уже подготовленные коллективом, он осуществляет то или другое дело в интересах коллектива и пользуется всеми указаниями, которые черпает из коллектива. С другой стороны, коллективный ум пользуется продуктом индивидуального ума, но он сглаживает все острые углы в его творческой работе, он устраняет излишние частности и шероховатости, имеющие то или иное значение в глазах индивида, но лишённые общего значения, он обобществляет работу индивидуального ума, делает её общеприемлемой и общезначимой. Таким образом совершенно неверна точка зрения, будто бы только индивидуальный ум может творить хорошо, а ум толпы или собрания не способен проявлять творческую деятельность или по крайней мере не способен в той мере, как ум индивидуальный, и что последний в этом отношении должен быть поставлен выше коллективного ума. Я больше склонен к мысли, что лучшая творческая деятельность достигается путем совместного труда, выполняемого при участии индивидуального и коллективного ума, из которых первый принимает на себя подготовку и обработку материала, второй же его критику, пополнение и обобществление. И разве мы не знаем примеров, когда даже гениальные творения были исправляемы под влиянием критики и оценки коллектива, на суд которого представлялось произведение. А если это так, то, очевидно, что за коллективным умом всегда останется принадлежащая ему роль в соответственном исправлении и сглаживании недостатков и односторонностей индивидуальной работы.

Уже коллективное или общественное мнение суть результат обсуждения того или другого факта или события отдельными сочленами коллектива, его отдельными кружками, а в больших коллективах отдельными

180

партиями и обществами – обсуждения, распространяемого передачей из уст в уста, а в образованном обществе ещё и печатью, играющей вообще огромную объединяющую роль во всех вообще коллективах. В случаях же особой значимости самого события известную роль в установлении общественного мнения, в странах, пользующихся политической свободой, играют также роль народные митинги, а отчасти театры, кинематографы, ба- лаганы и пр.

Да и всякая вообще работа, поручаемая любому собранию, выполняется так или иначе путем коллективного обмена мнений, которые затем синтезируются в форме того или другого вывода или коллективным же умом или, что бывает чаще, индивидуальным умом, выражающим в этом случае работу коллективного ума.

Не следует вообще упускать из виду, как я уже упоминал, что индивидуальное творчество пользуется накопленным богатством коллектива, что любое открытие является плодом накопленных фактов и даже обобщение этих фактов, необходимое для нового открытия, бывает нередко подготовлено в

такой мере, что остается подвести лишь итог всему сделанному, причем само открытие как бы носится в воздухе, индивидуальный же ум является только ярким выразителем этого обобщения.

Задаваясь вопросом, как происходит процесс в тех или других достижениях, Тард между прочим говорит: <Сперва мы намечаем возникновение всевозможного рода изобретений, взаимно противоречащих идей и фантазий, то появляющихся, то исчезающих, откуда установление некоторых ясных формул, построение некоторых пригодных машин не заставит позабыть все остальное, чтобы отныне служить основанием для надстройки дальнейших усовершенствований для последующего развития. Прогресс является... чем-то вроде коллективного мышления без коллективного мозга, но возможного благодаря солидарности (как следствие подражательности) многих мозгов изобретателей и ученых, обменивающихся своими открытиями> ^.

Тем не менее мы знаем и формы настоящего коллективного творчества. Сюда относится язык, обычное право, верования, мифы и в некоторой степени народный эпос. Даже и художественное творчество может осуществляться коллективом, чему свидетельством может служить расписание древних русских храмов, производившееся рядом лиц по соглашению, например, <Рублевым со товарищи>; да и некоторые литературные произведения осуществлялись коллективно. Сюда, например, относится известное в русской литературе произведение—<Кузьма Прутков>. Таким образом неоспоримо, что отрицать роль коллектива в творческой деятельности значит впадать в другую крайность.

В конце концов творчество в человеческой истории достигается совокупными усилиями коллектива и отдельных единиц. На долю первого выпадает главным образом накопление опыта и фактов и общее согласование результатов индивидуального опыта в интересах целого, а на долю вторых — синтез этих фактов с личной точки зрения. Ясно, что как без первого процесса не может осуществиться творческий акт, так и без последнего завершение творческого акта не может быть достигнуто. Но и то, и другое, взаимно пополняя друг друга, приводит к творчеству, прогрессу и совершенствованию.

Здесь мы остановимся на самом важном коллективном изобретении — на человеческом языке. Происхождение языка, говорит П. Коллэ, необходимо предполагает уже предварительное существование какого-либо общественного союза ^ и оно объясняется, следовательно, как факт исключительно социальный.

^^ Тард Г. Законы подражания. С. 153.

181

<...Современное языкознание... объясняет образование языка из жестов, криков, восклицаний, с помощью которых дикий человек выражал и сообщал другим свои ощущения и чувства, а затем из созвучий (ономатопей), с помощью которых он старался подражать крикам животных и звукам природы, как то делают до сих пор наиболее отсталые дикари и наши собственные дети в первые месяцы их жизни. Ренан и Макс Мюллер выводят корни языков из этих подражательных созвучий — первобытных, односложных звуков, которые, присоединяясь друг к другу в различных сочетаниях, и образовали первые слова. Таким образом язык мог быть только самопроизвольным и бессознательным продуктом коллективного, а не индивидуального ума...> И в то же время <мысль не могла возникнуть, и тем более развиться, без этого необходимого орудия. Происхождение письма было

точно также исключительно общественное. Письмо сначала идеографическое, затем фонетическое обозначает собой переход от животной жизни к жизни разумной, и составляет вместе с языком самый основной фактор цивилизации, то условие, которое позволило развиться традиции и воспитанию, которое дало возможность последующим поколениям воспользоваться прогрессом, уже осуществленным предшествующими поколениями> .

В своей статье Э. Дюркгейм ¹⁰ сводит происхождение логического суждения, а, следовательно, и самой мысли, к социальной жизни. Он прежде всего указывает, что содержание логической мысли состоит из общих понятий (концептов), и вот автор задается вопросом – в силу чего общество может принимать участие в образовании концептов.

Он заявляет, что, рассматривая концепт как общую идею, вопрос остается неразрешимым, ибо индивид свои восприятия и образы может сравнивать, выделяя из них нечто общее. Но концептам автор дает другое определение. Чувственные представления являются чем-то текучим, они приходят и уходят и притом каждый раз изменяются, если не от изменения самой воспринятой вещи, то от изменения самих себя, тогда как общее понятие остается <вне времени и вне становления>, будучи как бы изъятым из таких колебаний. Общее понятие является способом мышления, <который в каждый момент времени фиксирован и кристаллизован>. Система понятий дана уже в материнском языке, ибо каждое слово выражает концепт, язык же является более или менее фиксированным и, если меняется, то лишь медленно.

Всякое логическое понятие, если и не общезначимо, то по меньшей мере способно стать таковым. Понятие не есть только мне принадлежащее понятие, оно может быть обобщаемо, чего не может быть с <ощущениями>, ибо всякое, умственное общение между людьми состоит именно в обмене концептами. Таким образом концепт по самой природе своей не есть нечто индивидуальное, а является по своему происхождению результатом коллективности как самый язык, состоящий из концептов, является результатом той же коллективности. В конце концов понятия суть не что иное, как объекты коллективного опыта, являясь <коллективными представлениями> в форме, установленной языком и будучи общими для целой группы.

Таким образом логическое суждение в сущности становится возможным с тех пор, когда индивид приобретает сверх индивидуальных представлений еще концепты общие для многих умов и имеющие безличный и устойчивый характер. В конце концов, безличная мысль ¹⁰ возникла из коллективной мысли.

Колпэ И. Отношение социологии к психологии // Новые идеи в социологии. Кн. 2. С. 84–85; Idem. Elements de sociologie. P., 1903.

¹⁰ Дюркгейм Э: Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Кн. 2. С. 27–67.

182

Мало того, новейшая неопозитивная школа социологов признает, что не только концепты или понятия, но и основные категории ума являются не чем иным, как продуктом общества, которое мыслится не как воображаемое и номинальное существо, а как система действительных сил. Такие категории разума, как понятия времени, пространства, рода, числа, причины, субстанции, личности и т. д.¹¹ соответствующие наиболее общим

свойствам вещей, являются, в конце концов продуктом общества. По Э. Дюркгейму, уже при анализе религиозных верований встречаются с основными из этих категорий. Религия есть явление существенно социальное. С другой стороны, время нельзя представить, <не принимая в расчет приемов, посредством которых мы его делим, изменяем и выражаем известными знаками. Время понимается только при условии различения в нем разнородных элементов. И вот, по Э. Дюркгейму, частного, т. е. индивидуального, опыта недостаточно, чтобы <создать понятие или категорию времени, ибо время есть отвлеченная, безличная рамка, которая обрамляет не только наше индивидуальное существование, но и бытие всего человечества>^.

Но если время не есть только мое время, а время общее для всех людей как нечто объективно мыслимое, то очевидно, оно может быть только результатом коллективного опыта. На самом деле порядок распределения явлений во времени создается социальной жизнью. Дни, недели, месяцы, годы и т. д. отвечают периодичности обрядов, праздников и публичных церемоний. По автору, ощущения и представления последовательности событий – результат индивидуального опыта, тогда как категория времени как одинаковая для всей группы является делом национальности. То же имеет силу и по отношению к пространству и причинности. По отношению к пространству необходимо отрешиться прежде всего от кантовского взгляда как на чистое и абсолютно однородное, которое не служило бы ничему. Пространственное представление о результате индивидуального опыта состоит из первичного распределения получаемых при этом опыте данных, из которых одни относятся направо, другие налево, одни кверху, другие к низу, к северу, к югу, западу, востоку и т. п., подобно распределению времени по срокам. Но одинаковость разделения пространства и доказывает социальное происхождение этих различий. Имеются и более прямые указания социального происхождения пространственных разделений. Некоторые, например, австралийские и американские, общества имеют форму круга, и пространство в них разделено подобно становищу племени. Так, народ Зуни (Пуэбло) состоит из семи частей, и пространство их состоит из семи стран, тесно связанных с соответствующей частью. И так как каждая часть племени имеет свой цвет в виде символа, то и каждая страна света имеет тот же цвет. Отсюда ясно, что пространственная организация стоит в прямой зависимости от социальной организации, причем даже деление на правую и левую стороны стоит в связи в религиозными воззрениями.

Понятия рода, силы, личности и действительности имеют такое же социальное происхождение.

Даже логика с ее понятием тождественности и противоречия по-видимому имеет социальное происхождение, ибо мы знаем, что в мифологии бывает так, что часть равна целому или при небытии чего бы ни было оказывается возможным существование какого-либо предмета, иначе говоря, мы встречаемся с неустранимыми логическими противоречиями, причем <здесь постоянно ставится проблема бытия, обладающего одновременно самыми противоречивыми атрибутами: единством и множественностью, материаль-

221 Там же. С. 54.

183

ностью и духовностью, способностью подразделяться до бесконечности, ничего не теряя из своего состава и т. д.>^.

Таким образом начало –тождественности является далеко не извечным, зависит, по крайней мере отчасти, от фактов исторических, а следовательно, социальных. Ясно, что как утверждение, что категории не выводимы из опыта, а ему предшествовали и являлись условием его возможности, так и происхождение их из индивидуального опыта, согласно теории Спенсера, одинаково встречает возражение. Если бы эмпиризм имел основание, то от категорий, этих наиболее общих понятий, пришлось бы отнять их общие характеристические свойства, что определяет их приложимость ко всему реальному и в то же время устанавливает их независимость от каждого отдельного опыта, тогда как ощущение и образные представления и <индивидуальны, и субъективны>. <Таковы два вида знаний, представляющие собой как бы два полюса ума. В подобных условиях, вывести разум из опыта значит заставить его исчезнуть, ибо такой вывод равносильно сведению всеобщности и необходимости, характеризующих разум, к простым видимостям, к иллюзиям, которые могут быть практически удобны, но которые не имеют под собой никакой 'реальной почвы. Это значит также отказаться признать объективную реальность логической жизни, упорядочение и организация которой и являются главной функцией категорий>^". Признавать же категории результатом особого разума, являющегося как бы <эманацией> высшего или божественного разума, значит прибегать к гипотезе научно недоказуемой. К тому же <категории человеческой мысли никогда не закреплялись в одной неизменной форме. Они создавались, уничтожались и пересоздавались беспрестанно; они изменялись в зависимости от времени и места. Божественный же разум, напротив, одарен противоположным свойством>^.

Словом, <знание состоит из двоякого рода элементов, несводимых друг к другу>. Знания эмпирические ""^' происходят под прямым действием объектов и, следовательно, речь идет об индивидуальных состояниях и только о них одних, тогда как категории являются продуктом коллективного опыта.

Мы полагаем, что вопрос представляется далеко менее ясным, когда рассматриваемый предмет обсуждается с субъективной точки зрения, ибо в таком случае приходится говорить о коллективных представлениях, безличной мысли и т. п. Дело упрощается в значительной степени, коль скоро мы будем обсуждать вопрос с объективной точки зрения, говоря о языке как орудии логической мысли. В самом деле мы определенно можем сказать, что без языка не может быть никакого суждения, ибо в субъективном мире представлений в форме суждений нет и быть не может. Там имеется только ассоциативная связь представлений по смежности, по сходству, по принадлежности и т. п.; та же связь, которую мы называем суждением, возможна только при существовании словесных и иных символических сочетаний, не иначе. Но слово, жест или письменный знак, как мы знаем, представляют собой символы, которые являются результатом коллективного опыта, откуда ясно, что и суждение может быть не чем иным, как таким же результатом коллективного опыта. Отсюда ясно, что логика развилась вместе с языком, и когда язык находится еще на примитивной стадии развития, тогда и логическое мышление оказывается невозможным в полной мере, что нам и доказывает первобытная мифология.

В логическом мышлении человек отрешается от чувственного опыта, входя в область отвлечения и подходя к пониманию истинной сущности

""^ Дюркгейм Э. Социология и теория познания. См. также: Vmdelbandt // Zeitschrift Fur Volkspychologie. S. a. Bd. 8. S. 166–167; Steinthal // Ibid. S. 178–179. Дюркгейм Э. Социология и теория познания. С. 35.
"" Там же. С. 36

внешнего мира, но это он мог сделать лишь с помощью символа как продукта коллективности, являющегося первым шагом отвлечения ^{^^^*}, характеризующаяся безличностью. Лишь при посредстве коллективного опыта придается определенная устойчивость данному символу как безличному обозначению определенных объектов, представляющему в то же время первое обобщение всех аналогичных объектов опыта многих людей. Очевидно, что только путем этого обобщения и достиг человек умственного взаимоотношения, являющегося таким образом результатом коллективности.

Можно ли сомневаться в том, что без коллективного опыта, приведшего к символическому обозначению различных явлений внешнего и внутреннего мира, человек оставался бы на положении низшего существа, ограничиваясь в своем внутреннем мире лишь образами и чувственными переживаниями, которые не только не давали бы возможности общения с другими людьми, но и не могли бы давать ему возможности создавать обобщение в форме концептов. Лишь при посредстве языка человек получил возможность иметь концепты, являющиеся общим достоянием всех и проверяемые в отношении их значения всеми же, а вместе с этим и каждый индивид получал возможность дальнейшего сопоставления концептов и новых обобщений и выводов, что и должно было привести к возникновению логической речи. Только в условиях коллективности создается общезначимость тех или других символов – концептов, ибо каждый ум в той или иной мере проверяет на собственном опыте данные символы – концепты. Вместе с тем в коллективе же достигается согласованность данного символа со всеми другими путем взаимообмена этими символами, благодаря чему в горне общей коллективной работы символы вообще и концепты, в частности, приобретают определенную значимость, безличность и устойчивость, ибо эти символы, как и символы и концепты, становятся творением всего общества, а не отдельного какого-либо индивида. Отсюда ясно, что и наша логика является результатом коллективности и вместе с развитием последней имела свою эволюцию, которая продолжается и поныне: это не значит, однако, что индивид здесь ни при чем.

Как известно, категории признавались и признаются за абсолютно значимые и неизменные формы всякого суждения. Это очевидно указывает, что в отношении их от начала умственного обмена между людьми в условиях жизни и деятельности человеческого коллектива было достигнуто полное и безусловное согласие, которое вошло, так сказать, в природу каждого индивида, выросшего и воспитавшегося в коллективе. И Дюркгейм прав, признавая за ними не только общественное происхождение, но и выражение ими различных сторон общественного бытия. <Так, категория рода первоначально была неотделима от понятий о человеческой душе: в основании категории времени лежит ритм совместной жизни; категория пространства образовалась по образцу пространства, занятого группой; коллективная сила послужила прототипом для понятия о действенной силе – этого существенного элемента категории причинности>^ . Мы думаем, однако, что категории, как и концепты, суть продукты деятельности одновременно и индивидуальной, и коллективной. Здесь именно нашли полную согласованность между собой результаты личного и коллективного опыта, который развил и укрепил их как незыблемые формы человеческого обмена. Индивид живет в пространстве и уже в связи с устройством своих органов (полукружные каналы и др.) имеет возможность ориентироваться в нем. Он живет во времени, имея возможность воспринимать последовательность раздражений (звуковых и иных), и в то же время может даже измерять последовательность внешних

явлений с помощью меры своего дыхания, количества сделанных движений,

Там же. С. 56–57.

185

например шагов, и пр. Он действует, являясь причиной изменения вещей в мире, пользуясь своими конечностями как орудиями наподобие рычагов: он имеет перед собой сходные предметы, воспроизводимые с особенной легкостью при встрече с другими сходными предметами, и путем сопоставления устанавливает родство между ними; он улавливает группу предметов, связанных между собой и образующих собой нечто целое и т. п. Но все эти продукты индивидуального опыта, хотя бы и основанные на органической основе воспринимающих аппаратов, оставались бы недоразвитыми и несогласованными в различных своих частях без коллективного опыта. Индивид, имея органические данные в устройстве своих воспринимающих органов к образованию самих категорий, не мог бы их создать как общезначимые явления без взаимобмена в этом отношении с другими индивидами, без коллективного опыта, который только и может установить категории как непреложную основу всякого суждения, являющегося в свою очередь в результате взаимобмена личным опытом отдельных индивидов " " .

В категориях отразился коллективный ум, но он вошел в них на основе деятельности индивидуального ума. В сущности последний отсчитывает последовательность времен года, дня и ночи, дыхательных движений и т. п. Но сделать эту последовательность общезначимой мог только коллективный ум, установив и дальнейшие необходимые подразделения этой последовательности в форме тех или иных сроков. Равным образом индивидуальный ум путем опыта определяет при посредстве своих движений пространственные размеры, для которых он пользуется даже частными размерами своего тела или произведенных им передвижений, как например, толщина пальцев, вершок, четверть, фут, аршин (шаг), <косая> сажень и пр., а также повороты в одну и в другую стороны, движение вперед, вспять и т. п. Но эти определения опять-таки получают общезначимость только при посредстве коллективного опыта, который согласует необходимые для всех результаты индивидуального опыта, восполняет их необходимыми деталями и таким образом создает общие категории, как бы выделяя их в силу их общезначимости из области индивидуального опыта. Являясь результатом индивидуально-коллективного опыта, общие категории в то же время не лишаются своей теоретической ценности, ибо они не могут не быть отражением самой природы вещей.

Мы уже знаем, что отвлеченное мышление возможно только при посредстве языка, а язык есть произведение коллективное, откуда ясно, что и категория, как и все вообще общие понятия, не могли бы быть созданы без коллективного опыта. Но это однако ничуть не исключает того, что с образованием языка были созданы первоначально символы для общих понятий каким-либо одним или несколькими индивидами сообразно выяснившейся на практике потребности, после чего эти символы получили всеобщее распространение путем их обобществления. Можно по этому вопросу представить доказательства, равносильные эксперименту в области, например, изобретательности жестикуляторного языка глухонемых, что может быть проверено любым наблюдателем.

Перед нами группа глухонемых детей в возрасте до 10–12 лет. Вечером 27 июня я пошел вместе с д-ром Ш. в их спальню. Дети лежали на своих кроватях, но еще не спали. Они живо жестикулировали между собой как все вообще глухонемые дети данного возраста. Между прочим каждый из

взрослых людей на их языке обозначается жестом, указывающим на какой-либо характерный признак. Например, полнощекая дама обозначается указательным пальцем, направленным в щеку, усатый господин обозначается двумя руками при посредстве отведения их кистей из-под носа наподобие разглаживания усов в стороны, доктор в очках обозначается приставлением к глазу пальцев правой руки, сложенных в виде кольца и т. п. Меня предупредили, что будет крайне любопытно, какой жест дети придумают

186

специально для меня как для нового лица, которое они видят впервые. И что же оказалось? Не прошло и несколько секунд, как один ребенок сделал жест своей правой рукой, показывая, как спускается у меня борода, указывая тем на характерный для них внешний признак моего лица, и этого было достаточно, чтобы тотчас же этот жест вошел в общее между детьми употребление для обозначения в их среде моей личности.

Здесь таким образом удачный жест, проделанный одним ребенком, быстро перенятый другими детьми, обобществляется "" путем коллективного обмена, становясь таким образом общепринятым жестом, сделавшимся общим достоянием, понятным для всех и каждого. Не видим ли мы того же самого и в устном языке слышащих. Кто-нибудь даст соответствующее обозначение какому-либо новому предмету, и это обозначение принимается другими, входя во всеобщее употребление. Так, не очень давно вошли во всеобщее употребление слова: хулиган, отсебятина и др.; благодаря печатной пропаганде еще позднее вошли во всеобщее употребление новые научные термины в виде ^-лучей, с легкой руки Рентгена, в виде рефлексологии, предложенного мной названия для разрабатываемой мной же дисциплины, сводящейся к объективному изучению человеческой личности и т. п.

Отсюда ясно, что уже в образовании символов нельзя исключать участие творчества отдельной личности. Тем более это должно быть признано в отношении образования категорий, которые зависимы в известной мере от органических условий деятельности воспринимающих органов каждого индивида.

Все сказанное однако не умаляет творческой роли общества, и тысячу раз прав Э. Дюркгейм, говоря: <Именно общество располагает созидательной мощью, которой не имеет никакое другое существо. Всякое творчество в действительности помимо той мистической операции, которая ускользает от разума и науки, есть продукт синтеза. И если уже синтезы отдельных представлений, совершающиеся в глубине каждого индивидуального сознания, могут быть творцами нового, то насколько же более действенны те обширные синтезы множества индивидуальных сознаний, каким являются общества! Общество – это наиболее могущественный фокус физических и моральных сил, какой только существует в мире> ^.

XVI. СОГЛАСОВАННЫЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Относительно действий толпы многое было сказано уже ранее при характеристике толпы и при коллективных наследственных органических рефлекссах. Но там характеризовалась в отношении своих действий главным образом уличная толпа, как случайное сообщество лиц, связанное одним настроением. Отсюда естественно, что такая толпа будет всегда импульсивной и в одних случаях крайне жестокой, в других случаях, наоборот, благородной в зависимости от своих вожаков и повода, приведшего к собранию толпы.

В настоящее время мы хотели бы обратить внимание на другую сторону коллективных действий, когда они, благодаря согласованности действий многих индивидов, достигают нередко результатов, неосуществимых для отдельных лиц. В этом случае общий результат коллективных действий зависит от большей или меньшей согласованности действий и движений лиц, входящих в данный коллектив.

Примером таких согласованных коллективных действий могут служить оркестр, театр, общая коллективная работа в составлении резолюций, танцы, акробатические и гимнастические упражнения, войсковые движения, руководимые кем-либо действия толпы и т. п.

^ Там же. С. 65-66.

187

Благодаря коллективной деятельности в современном цивилизованном обществе осуществляется созидательная работа, с помощью которой соответственно направленным коллективным трудом создались дивные творения зодчества, которая осуществляет на наших глазах чудеса современной техники в виде тех или иных сооружений общественного и частного характера и которая привлекает коллективный труд в шахты, на фабрики и заводы и на всякое вообще дело, непосильное одному человеку.

Давно известно, что всякий вообще труд находится в прямой зависимости от настроения. Это доказано точными цифрами при выполнении работы отдельными лицами.

Не менее бесспорна эта истина и по отношению к коллективному труду. Общее настроение и здесь влияет на интенсивность труда самым резким образом "''*.

Есть основание думать, что и музыкальные звуки могут действовать на коллективный труд в смысле его повышения или понижения, как это известно по отношению к индивидуальному труду. На этом основано значение песни и музыки при выполнении некоторых форм коллективного труда ^"*.

Если мы будем говорить об успешности самого труда в зависимости от его побуждающих условий, то можно, например, задаваться вопросом о сравнительной продуктивности коллективного труда в интересах общего дела и такого же труда в собственных интересах. Опыт показывает, что вопрос должен быть решен в пользу последнего и потому именно, что удовлетворение собственных интересов сильнее возбуждает мимико-соматические (эмотивные) рефлексy и поднимает в большей мере энергию, нежели раздражение синтетическим комплексом общих интересов, если, впрочем, человек недостаточно проникнут социальностью. Работа в общих интересах часто ослабляет стремление сделать больше, чем сосед, и потому ослабляет индивидуальное усилие к работе. Равномерная оценка работы и равномерное распределение продуктов работы между всеми нередко устраняет соревнование, этот важный стимул к работе вообще "*"*. Нечего говорить, что установление общего контроля за распределением не только отвлекает массу лиц от производительного труда, но и, требуя особой опеки над личностью, подавляет ее, затормаживая в то же время ее энергию.

Вместе с этим нельзя не отметить, что усовершенствование производства встречает тормозы вместе с установлением обязательности общественных условий труда в определенной форме. Устранение индивидуальных способов

производства и" добывания ослабляет личную инициативу и личную заинтересованность в совершенствовании труда. Ограничение потребности соответственно установленной для всех нормы приводит, с другой стороны, к подавлению импульсов к деятельности и изобретательности. Наконец, невозможность самому использовать продукты своего труда по личному усмотрению подавляет импульс к бережливости, экономии и накоплению продуктов труда в интересах будущего. Отсюда ясно, что, признавая особо важную в общественном смысле ценность труда на коллективных началах, необходимо иметь в виду, что в целях большей успешности в отношении быстроты и лучшего качества производства, как и большей экономии в трате продуктов, индивиды не должны быть лишены поощрительных мероприятий, в виде например, премий или других форм удовлетворения личных интересов.

Но действия коллектива выражаются не одним физическим трудом в истинном смысле этого слова.

Так, создание духовно-культурных учреждений также должно быть отнесено к коллективным действиям, преследующим определенную цель.

Не следует забывать, что устойчивость проявления энергии коллективом зависит и от условий ее выявления. Так, когда дело идет о борьбе, пассивная оборона всегда обесценивает, ибо она не развивает энергии, не дает упраж-

188

нения и навыка, не закаляет борющиеся элементы в борьбе и, приводя к неожиданным ударам со стороны противника, заставляет испытывать на себе подавляющее влияние тревоги и постоянной опасности, приводя к бесплодному растрачиванию своей энергии в ожиданиях этой опасности. Совершенно иначе дело обстоит при так называемой активной обороне или при нападении, где не только закаляются борцы, но где в то же время развивается максимальная энергия вместе с каждым успехом, возбуждающим всегда стеническую реакцию.

Следует, однако, иметь в виду, что коллективные мероприятия не только активного характера могут иметь успех, но и меры пассивные в известных случаях могут оказаться не менее действительными, нежели какое-либо активное действие. Возьмем, например, забастовку как пример коллективного прекращения работы. Она часто, более действительна* в определенном смысле, нежели какие-либо другие активные действия.

Планомерность коллективной работы предполагает существование организованности в самом коллективе, которая осуществляется с помощью исполнительного бюро" ^* или власти, избранной коллективом.

Очевидно, что планомерность коллективной деятельности стоит в прямом соотношении с организованностью самого коллектива, а эта последняя стоит, в свою очередь, в прямом соотношении с тем, что представляет собой исполнительное бюро или власть и в какой мере эти органы в состоянии осуществить свои права и свои задачи.

Нечего говорить, что согласованность движений обуславливает не только продуктивность коллективных действий, но и придает им силу, которой не могут достигнуть отдельные личности. Отнимите эту согласованность, и вы получите бессистемные действия, которые не могут претендовать на преодоление больших препятствий.

Так, всякое войско основано на согласованности его движений и действий, к которой оно приучается всей своей предварительной школой дисциплинирования.

Можно сказать, что энергия коллектива прямо пропорциональна согласованности входящих в нее индивидов, устанавливаемой путем организации, и обратно пропорциональна их разъединенности.

С другой стороны, в коллективах, лишенных правильной организации, мы имеем дело чаще всего уже не с созидательной, а скорее с разрушительной силой, какую можно видеть, например, в разнузданных действиях толпы. И это главным образом потому, что здесь получает особое значение демогогический элемент вожаков.

Общественные стремления и общественные мероприятия, как и коллективный труд, находятся в прямом соотношении с настроением общества, а характер действий данного сообщества зависит от морального качества и высоты развития народных масс, его составляющих. Так, приподнятое настроение связано с оживлением общественной деятельности, иногда с экспансивностью ее проявлений и даже агрессивным характером; тогда как упадок настроения связан с его пассивностью, недостатком живости и ограничением размаха в действиях.

Также в литературе, этом зеркале общественных настроений, мы имеем яркое выражение этого правила. В одних случаях при упадке настроения поражает общественное нутье и бездействие, при других условиях преобладает широкий размах в стремлениях народных героев и самого общества.

В условиях русской действительности приподнятость настроения можно видеть в 60-е годы, тогда как упадок настроения связан с периодом реакции в 70-х и 80-х годах, когда общественное нутье и мировая скорбь, особенно среди молодежи, вошли даже в моду, вынуждая к борьбе против нее здоровые общественные силы.

189

Как настроение отдельных индивидов отражается на всей их деятельности, выражаясь ее подавлением и реакциями с отрицательным или оборонительным характером, так и настроение коллектива отражается на его деятельности. Разве, например, пониженное общественное настроение не отражается на искусстве и на его тонах, на литературе, наконец, на коллективной деятельности, на вялости внешней реакции, на отрицательном направлении внешней политики. Словом, сообразно настроению все приобретает соответствующий колорит.

Известно, с другой стороны, что победа, поднимая в войсках настроение, усиливает их боевую энергию; поражение, наоборот, ее парализует. Вот почему с однажды разбитыми войсками выступать в бой и побеждать много труднее, нежели с победоносными войсками.

Но ни в чем другом по-видимому не отражается лучше всего характер настроения народа, как в его творчестве и между прочим в мифологии и верованиях.

В периоды подавления народного духа религия и мистицизм всегда приобретали особое развитие в народных массах. Так было в дореволюционном периоде во Франции, как было и у нас, в России, когда даже

первый открытый революционный шаг – 9 января – произошел под руководством священника Гапона с крестом в руках, причем впереди отряда несли хоругви и иконы.

Вполне естественно, что, когда подавляются все политические движения, в народе обнаруживается наличность мистицизма ^{^*}, что составляет благоприятную почву для религиозного возбуждения. Так, в течение XVII столетия во Франции это проявилось теософизмом Сведенберга, сенмадарскими явлениями и мистическим шарлатанством Калиостро.

В России это проявлялось сектантством, открытием целого ряда вещей с прославлениями новых святых, а в последнее время быстрым распространением оккультизма и <распутинством>, которое питалось одновременно и религиозным мистицизмом и сексуальной неудовлетворенностью аристократов.

Революция не сразу сметает мистицизм, да и к тому же часть общества в революционный период, подавленная событиями, ищет для себя выхода в религиозных воззрениях. К тому же вместе с тем, как понижается рассудочная способность в периоды народных движений, впечатлительность толпы, наоборот, повышается, а это поддерживает склонность к мистицизму, проявляющуюся в повышенном стремлении ко всему сверхъестественному и чудесному.

Даже в самый разгар французской революции мистицизм народных масс не исчез, он только преобразился. Вот что мы читаем по этому поводу в книге Кабаниса и Насс: <Под влиянием народных празднеств, заменивших церковные церемонии, в массе стал особенно распространяться мистицизм. В памятные дни, когда всенародно прославлялись добродетель какого-нибудь героя или торжество какого-нибудь отвлеченного принципа, какая-то пророческая экзальтация преобразовала этих людей, стремящихся всеми силами души к новым идеалам. Только вновь нарождающиеся религии способны вызывать подобные возвышенные порывы.

Переходя к церемониям культа разума, а затем верховного существа, мы должны признать, что терроризованное общество было в это время одержимо настоящим религиозным, весьма близким к безумию, бредом, который все возрастал по мере успехов диктатуры Робеспьера ^{^"}.

В России во время революции мы встречаемся с громадными толпами молящихся в храмах и еще больше с толпами, наполняющими улицы во

^{^"} Кабанис П, Насс Л. Революционный невроз. С. 328.

время религиозных процессов, и это одновременно с тем, когда некоторые из усердствующих революционеров с кафедры проповедывали самым грубым образом осуждение религии и публично доказывали отрицание божеств, подвергая сомнению народные верования.

ЧАСТЬ II

ВСТУПЛЕНИЕ

После того как мы рассмотрели различные стороны соотносительной деятельности коллектива, нам необходимо еще выяснить те законы, которые открываются в отношении деятельности коллектива, ибо всякая наука не

должна довольствоваться одним описанием подлежащих ее рассмотрению явлений, но и обязана выяснить зависимость этих явлений от тех или других условий. Эта часть научной дисциплины представляется особенно важной, ибо с тем вместе, как выясняется известное постоянство в соотношениях двух явлений и законообразная зависимость одних явлений от других, мы получаем возможность предсказывать ход явлений или предвидеть будущее, в чем собственно и заключается ценность научного познания ^*.

Если математик предсказывает делимость или неделимость числа, то он руководится в этом определенной ранее установленной зависимостью. Если астроном предсказывает солнечные и лунные затмения, то это лишь благодаря выясненной зависимости движений планет по законам тяготения, установленным Ньютоном.

Если химик может предсказать вперед атомный вес существующего, но еще неоткрытого тела и до известной степени его свойства, то он опять-таки осуществляет это благодаря выясненной законообразной зависимости, со-державшейся в периодической системе Менделеева. Если механик строит новую машину, вперед предвидя ее действие, то он достигает этого уяснением определенной зависимости явлений при соотношении одних рычагов с другими. Точно так же физик может определенно высчитать количество калорий, потребных для согревания определенного тела при данном его объеме, опять-таки руководясь выясненной раньше зависимостью. То же самое мы имеем в известной мере и в биологических знаниях, хотя развитие их далеко не достигает совершенства астрономии, химии, механики и физики ^*.

Тем не менее законы Менделеева дают возможность предвидеть качество потомства, учение Дарвина делает понятным развитие живых организмов и предвидит возможные породы, которые открываются как вымершие в геологических пластах.

Палеонтолог имеет возможность, руководясь той же зависимостью, по одной или нескольким частям скелета воспроизводить в целом виде ту или иную вымершую породу. К тому же очевидно должны стремиться и гуманитарные науки и некоторые из них уже установили определенную зависимость явлений, достаточную для уяснения хода явлений в будущем.

Но они установили ее исключительно благодаря строго объективному методу, как это мы видим, например, в политической экономии, и чего нет в социологии. Известный в социологии закон исторического иллюзионизма показывает между прочим, как субъективное понимание явлений расходится с объективной действительностью. Доказано, например, что деятелям французской революции казалось, что они борются за свободу, равенство и братство всех граждан, а между тем на самом деле борьба шла за освобождение буржуазии от опеки феодализма, иначе говоря, борьба происходила в пользу

интересов капитализма. То же произошло и с христианством. За что боролось христианство, за чистое ли учение Христа, как полагали его апологеты, или за схоластику, за иерархическое начало церковнослужительного персонала, за господство христианского материализма, как он проявляется в нынешних условиях. Расхождение между идеями, руководившими поборниками христианства, и объективными данными исторического движения христианства полное, и оно не замечалось самими руководителями христианского учения. Достаточно вспомнить хотя бы инквизицию. Еще например: недавно пережитая мировая война, в основе которой лежало экономическое соперничество Германии и Англии. К сокрушению одной стороны в этой войне

стремились несомненно обе эти воюющие державы, у которых другие скорее были только сотрудниками, а кончилось тем, что капитализм вообще подорвал свое бытие, и война привела к необычайному росту социализма.

Вот почему и из социологии и вообще из понимания движения народных масс должен быть также исключен всякий субъективизм, и только строго объективное отношение к делу ¹ * дает возможность установить определенную в этом отношении законосообразность ¹ *.

Поэтому и в коллективной рефлексологии мы должны стремиться к тому же самому. И то обстоятельство, что в индивидуальной соотносительной деятельности нам удалось установить известные зависимости, вселяет надежду, что и в коллективной соотносительной деятельности эти зависимости могут быть обнаружены.

Даже более того, анализ соотносительных явлений, обнаруживаемых коллективом, приводит к выводу, что здесь имеются в общем те же зависимости, которые мы выяснили и в отношении проявлений соотносительной деятельности отдельной личности [^]

Оба эти знания, таким образом, в указанном отношении служат как бы подтверждением и проверкой одно другого.

В конце концов необходимо признать, что если рефлексология отдельной личности основывается на энергетическом учении, признающем все внешние проявления отдельного индивида результатом приобретенной им энергии с процессом рождения, питания и воздействия со стороны внешних влияний, то и коллективная рефлексология только тогда может сделаться наукой, способной устанавливать законы общественной жизни, когда она встанет на энергетическую точку зрения и будет выяснять жизненные проявления каждого коллектива в связи с условиями и поводами, приведшими к его возникновению, в связи с характером входящих в состав его индивидов и, наконец, в связи с влияниями, воздействовавшими на коллектив извне как в настоящем, так и в прошлом. Это дает возможность учитывать результаты коллективной деятельности в связи со всеми внешними условиями, их определяющими, и выяснить соотношения или законы, которым подчиняется деятельность коллектива.

В нижеследующем изложении мы рассмотрим эти соотношения по отдельным категориям, обозначаемым именем законов. Как уже ранее упоминалось, основные принципы или законы надорганического мира в объективном его изучении суть те же, что и законы органического и неорганического мира, а это служит лучшим доказательством того, что рефлексология как строго объективная наука, изучая индивидуальную и коллективную соотносительную деятельность, сближает в полной мере этот

[^] См.: Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека. М.; Пг" 1923.

[^] Бехтерев В. М. Об основных законах мира в связи с рассмотрением социальной жизни

с точки зрения рефлексологии: К учению об едином мировом процессе// Вопросы изучения

и воспитания личности. 1920. № 2. С. 171-204; Он же. Об основных законах мира при

объективном рассмотрении соотносительной деятельности человека и его социальной жизни

с точки зрения рефлексологии// Там же. 1921. № 3. С. 353-371.

отдел знания с естествоведением, чего не может сделать ни общая, ни экспериментальная психология как науки субъективные, применяющие метод самонаблюдения, совершенно неприменимый к наукам о мертвой и живой природе.

1. ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ЭНЕРГИИ

Закон сохранения энергии, открытый Р. Майером, подкрепленный работами английского физика и техника Джоуля и окончательно установленный Гельмгольцем, ныне не требует каких-либо пояснений ввиду его общепризнанности и общеизвестности. Сущность этого закона заключается в том, что количество энергии в замкнутой системе не убывает и не прибавляется, что все виды энергии в природе состоят по отношению друг к другу в определенном отношении эквивалентности (равноценности). Что касается принципа сохранения вещества, то его нельзя рассматривать иначе, как частный принцип сохранения энергии, так как вещество в конце концов есть не что иное как связанная энергия. К тому же в настоящее время мы не можем уже говорить о сохранении вещества без оговорок после открытия радиоактивных тел.

В своей книге <Общие основания рефлексологии> доказываю, что так как наши воспринимающие органы суть трансформаторы внешних энергий, что было высказано мной как положение еще в 1896 г.[^], то вся вообще деятельность человеческой личности подлжит закону сохранения энергии.

Общественный процесс есть процесс, обусловленный коллективной энергией отдельных лиц, и всегда проявляется в той или иной деятельности или работе, что все равно, а это является только в результате затрачиваемой энергии.

Нет надобности говорить, что далеко не всегда коллектив выполняет работу совместно всеми своими сочленами более или менее равномерно или одновременно: чаще по-видимому первоначальная работа выполняется одними или несколькими лицами, другие же в это время являются только лишь созерцателями, слушателями или в лучшем случае подражателями: но тем не менее и здесь дело идет о коллективной работе, только неравномерно распределенной, ибо одни освобождают накопленную энергию, другие перерабатывают получающиеся результаты в форме внешних раздражений в запасную энергию, на что затрачивается всегда та или другая часть имеющейся уже энергии, или же освобождают свою энергию под влиянием подражательного стимула, т. е. со сравнительно малой затратой сил, но так или иначе участие и тех, и других, т. е. целого коллектива, в одной общей работе несомненно.

Общественная или коллективная энергия таким образом составляется из совокупности энергий всех участвующих в общей работе лиц. Но необходимо иметь в виду, что проявляемая участвующими лицами энергия, как и во всякой механической системе не вся переходит в полезную или действительную работу: часть ее тратится на преодоление инерции коллектива, на внутреннее трение между участниками работы, на преодоление внешних препятствий к работе, в чем бы они не проявлялись, и т. п.

Таким образом только оставшая часть затрачиваемой энергии переходит в действительную работу, как это имеет место и при выполнении всякой вообще механической работы.

^ Бехтерев В. М. Учение о нервных единицах (neuron) и о соотношениях их друг с другом // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1896. № 1/3. С. 12-22; Он же. Теория соприкосновения (Contact theorie) и учение о разрядах нервной энергии как условия проведения нервного возбуждения // Там же. С. 23-28.

13 В. М. Бехтерев
193

При осуществлении той или иной коллективной работы приложим также известный в механике параллелограмм сил, причем результат действия проявляется в определенном направлении, являющимся равнодействующей всех усилий, производимых отдельными индивидами, участвующими в данной коллективной работе.

К общественной энергии одинаково применимы и процессы подавления ее или торможения, и процессы ее усиления, обусловленные приложением новой силы или большим освобождением имевшейся запасной энергии участвующих индивидов, о чем подробнее речь будет в другом месте. Воспрепятствованное же общественное движение выливается всегда в движение другого направления или временно затормаживается, но не исчезает.

Уже эти данные говорят за то, что закон сохранения энергии, являясь общим мировым законом, имеет непосредственное приложение к деятельности коллектива, как и к отдельной человеческой личности. Однако до сих пор понятие энергии и принцип ее сохранения в приложении к человеку встречали препятствие в субъективистических воззрениях на человеческую личность, вследствие чего это понятие не могло даже прочно и установиться.

Строго объективная точка зрения, принятая рефлексологией, устраняя вопрос о субъективных явлениях, признает, что каждая личность является в сущности аккумулятором энергии^{^*}, которая приобретает частью уже вместе с зачатием и плодоношением, впоследствии же при посредстве вводимой пищи и воспринимающих органов как трансформаторов внешних энергий. В свою очередь, запасная энергия переходит в кинетическую и молекулярную работу при сокращениях мышц и отделении желез. При таком взгляде на дело не может быть сомнения в том, что к человеческой личности, как и ко всякому живому существу, вполне приложим закон сохранения энергии, ибо если бы в этом отношении существовало какое-то отступление от закона сохранения энергии, то он перестал бы быть всеобщим и, следовательно, утратил бы свое значение мирового закона.

В настоящее время мы даже знаем, что запасная энергия наших центров содержится главным образом в зернистой части нервных клеток (Niel-евские тельца), ибо зерна клеток распыляются вместе с их работой и наступающим утомлением. Нам таким образом известен самый субстрат нервной энергии.

В последнее время явилась возможность даже высчитать процент полезной работы, который осуществляет человеческий организм по отношению к энергии, получаемой извне вместе с пищей. Специальными исследованиями выяснено при посредстве учета потребляемой пищи и производимой механической работы, что коэффициент полезной работы мышц человека достигает в общем до 21% потребляемой им энергии, тогда как паровая машина, как известно, дает не более 13% полезной работы, хотя дизели дают уже много больше.

У людей с большей физической силой % полезной работы поднимается до 36%. Само собой разумеется, что здесь не принята во внимание трата энергии, которая расходуется на внутреннюю работу желез и других соматических органов (потоотделение, оживленное кровообращение и т. п.). Большее количество полезной работы человека по сравнению с паровой машиной объясняется тем, что человеческая машина совершеннее паровой уже тем, что она сама пополняет в известной мере свои недочеты во время работы за счет запаса энергии, постоянно имеющегося в центрах, благодаря не одному только притоку питательного материала, но и благодаря трансформации разнообразных форм энергии внешнего мира, действующих на воспринимающие приборы наших поверхностей^{^*}.

В своем сочинении <Бессмертие человеческой личности как научная проблема> я подробно касаюсь вопроса о том, что творчество соотносительной деятельности человека никогда не утрачивается, — оставаясь вечным. <Духовная>

194

личность человека, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно, и таким образом каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней, хотя бы косвенно, соприкасались во время ее жизни и таким образом живет в них и в потомстве как бы разлитой, но зато живет вечно, пока существует вообще жизнь на земле.

Можно сказать, что в течение своей жизни человек, если можно так выразиться, рассеивает свою энергию среди близких и не близких ему лиц, которые в свою очередь, передают приобретенное другим, а те — третьим и так далее до пределов человеческих взаимоотношений, причем в претворенном виде это влияние личности на других себе подобных, в свою очередь, будет воздействовать на самую личность, первоначально давшую толчок к воздействию на других ^ В собирательной человеческой личности все взаимно связаны друг с другом, и нет ни одного происшествия, которое не отразилось бы в той или иной мере всюду. Один подвиг вызывает преемственно другой подвиг, и одно преступление влечет за собой другое преступление^{^*}.

Но если ни одно проявление человеческой личности в мире не исчезает бесследно, то, с другой стороны, и нет ничего такого, что давало бы откуда бы то ни было нарастание энергии без соответствующих внешних условий, иначе говоря, нельзя признать существование какой-либо свободной энергии человека, возникающей вне определенных взаимных соотношений. В этом отношении нельзя не припомнить вполне верных замечаний, высказанных еще Л. Толстым в его знаменитом сочинении <Война и мир> и приведенных уже в моей рефлексологии: <Для истории признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, т. е. не подчиненной законам, есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных тел> '.

Признание это уничтожает возможность существования законов, т. е. какого бы то ни было знания. Если существует хоть одно свободно движущееся тело, то не существует более законов Кеплера и Ньютона и не существует более представления о движении небесных тел. Если существует один свободный поступок человека, то не существует ни одного исторического закона и никакого представления об исторических событиях. Естественный вывод

отсюда, что человеческая энергия, как и всякая энергия, не увеличивается и не уничтожается, а лишь переходит в другие формы энергии или в работу.

Ясно, что и по отношению к собирательной личности или коллективу необходимо иметь в виду тот же закон сохранения энергии. Очевидно, что и здесь он должен иметь одинаковое значение, ибо, если он приложим к отдельной личности, то он одинаково приложим и для целого ряда личностей, входящих в коллектив и объединенных между собой теми или иными условиями, чем бы ни обусловилось это единение. Толпа сама по себе так же, как и отдельная личность, получает извне раздражение при посредстве воспринимающих приборов – слуха и зрения, она так же, как и отдельная личность, является аккумулятором запасной энергии и приводит ее при известных условиях в кинетическую энергию или работу, производя этим разряды энергии в зависимости от тех или других высших раздражений.

Конечно, мы не можем сделать никаких расчетов для выявления этого закона на практике, ибо нельзя учесть количество запасной энергии каждой личности в отдельности: далее мы не можем учесть, как складывается эта

* Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. Б. м. Б. г. С. 10–11.

Отд. отт.

^ Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1868. Т. 1. С. 272.

13'

195

энергия отдельных личностей при объединении их в толпу, но, признав за тем и другим определенную величину, мы должны сказать, что энергия собирательной личности дает те или другие разряды в зависимости от количества запасной энергии, в ней содержащейся, и в зависимости от силы раздражителей, приводящих к разряду, а что эти разряды, осуществляясь в работе, подлежат в отношении направления и силы определенной закономерности, нам доказывает статистика. Последняя не оставляет более ни в ком сомнения, что все явления общественной жизни представляют правильное соотношение между определенными причинами и соответствующими им следствиями.

Во всяком случае совершенно ошибочно думать, что индивидуальный ум человека господствует над событиями. Ни что иное, как последние, выдвигают ту или другую личность; которая и является выразителем общественных настроений и коллективных действий, но нельзя забывать, что в делах общественных роль большинства или численность в той или иной мере ограничивается личными качествами, и потому та или другая личность, будучи выразительницей определенного круга лиц, может воздействовать на толпу соответственным образом и даже подавлять большинство. Этим и определяется роль личности в народных движениях.

В периоды бурных общественных событий роль толпы выдвигается в такой мере, что можно говорить о преобладающем значении ее так называемых инстинктов или наследственно-органических рефлексов и о понижении умственного контроля отдельных лиц, являющихся руководителями толпы; тогда как в более спокойные периоды общественной жизни роль личности как руководителя действий толпы получает большее значение '*.

Во всяком случае не только действие толпы или собирательной личности, но и ее творчество как всякая работа не исчезает бесследно, но сохраняется,

претворяясь со временем в те или другие формы энергии.

В самом деле тот или другой народный коллектив, создав культуру, разве когда-нибудь <духовно> умирает? Он может распасться, разъединиться или подпасть под чужое владычество. Но и в том, и другом случаях результат его в новых формах творчества, как это было с народами, унаследовавшими <духовные> богатства древней Греции и Рима.

Во всяком случае для представителей науки, стоящих на строго объективной точке зрения по отношению к человеческой личности согласно тому, как то учит рефлексология, — наука, отрешившаяся от субъективизма современной нам психологии и рассматривающая в человеке лишь соответствующую деятельность, не может быть сомнения в том, что к человеческой личности и ее действиям в полной мере должен иметь приложение закон сохранения энергии. В заключение должен упомянуть, что рефлексология человека мной и создавалась и мыслилась не иначе, как стоя на энергетической точке зрения ^ которая первоначально мною высказана еще в книге <Психика и жизнь> ", причем подробнее эта точка зрения развита в немецком и французском изданиях того же сочинения ^

II. ЗАКОН ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ СКОРОСТИ ДВИЖЕНИЯ С ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ

В механике давно известен закон, по которому всякое ускорение движения обуславливается движущей силой, ей пропорциональной и одинаковой с ней по направлению. Этот закон является законом общего значения, приложимого

^ См.: Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии...

" Бехтерев В. Психика и жизнь. СПб., 1902.

* Bechterew W. Psyche und Leben. Wiesbaden, 1904; Idem. L'activite psychique et la vie. P., S. a.

196

не к одному только неорганическому миру, но также и к миру органическому и надорганическому. В органическом мире всякая функция может подвергаться ускорению зависимости от особых возбудителей и пропорционально их силе и соответственно направлению их действия. Но в организмах мы имеем своего рода замкнутые системы, в которых большей частью предопределено направление действия той или иной функции, а равно и пределы ее развития, чем и ограничивается применение этого закона.

В соотносительной деятельности, как мы знаем, возбуждение идет пропорционально силе возбуждения до известного предела, когда наступает истощение функции, которое представляет уже начало разрушения системы. Что касается направления возбуждения, то оно обуславливается строением движущих органов и, следовательно, может происходить только в определенном направлении. Но и возбудитель в таком случае только тогда является возбудителем, если он имеет ту же сторонность, вследствие чего и здесь этот закон не терпит какого-либо нарушения.

В социальном мире мы имеем подтверждение того же самого закона в самых разнообразных случаях.

В каждый данный момент общество, находясь в подвижном равновесии, является результатом взаимодействия возбуждающих и тормозящих условий, причем всякое общественное движение протекает в направлении равнодей-

ствующей тех и других условий, выливаясь опять-таки в такую форму, которая определяется соответственным преобладанием возбуждающих сил над тормозящими влияниями. В силу этого нам необходимо рассматривать те и другие условия в последовательном порядке.

Когда возникает то или другое общественное движение, то оно обусловливается и преобладанием возбуждающих, поощряющих или оживляющих условий. Эти оживляющие условия могут быть естественными и искусственными. К естественным оживляющим условиям относятся прежде всего воздействия, стоящие в прямом соответствии с тем основным раздражением, на почве которого возникло данное общественное движение. Допустим, что мы имеем дело с патриотическим движением, возникшим под влиянием условий военного времени. Вполне естественно, что все события с характером военных успехов так или иначе подогревают и усиливают патриотическое движение в стране.

Развитие религиозного движения усиливается при осуществлении всяких религиозных церемоний. С другой стороны, развитие общественного движения против правительства оживляется при всех случаях, подкрепляющих успех этого движения, и т. п. Далее, к естественным оживляющим условиям общественного движения относятся и все те условия, которые, хотя и не находятся с ним в прямом соотношении, но так или иначе стоят с ним в определенной гармонии.

Так, движения нравственного характера поощряются религиозными кругами, движение спорта и гимнастики встречают поддержку в военных сферах, поскольку физические упражнения содействуют военной подготовке населения и т. п. Этим же объясняется тот факт, что в периоды революционного брожения встречают общую поддержку наиболее крайние партии с революционным направлением, тогда как более спокойная общественная жизнь выдвигает на первый план умеренные партии.

Если мы имеем боевой коллектив в виде войска, то ясно, что при прочих равных условиях всякий прибавок силы дает в результате более скорое достижение цели пропорционально приданной войску силе. Если мы имеем трудящийся коллектив, равным образом всякое прибавление новой силы ускоряет осуществляемую работу пропорционально прибавочной силе.

Но жизнь общественная проявляется не одной физической силой. Оживление общественной деятельности происходит в сущности при каждом

197

новом открытии или изобретении, которое является своего рода силой в форме толчка для общественной деятельности в той мере, в какой оно поднимает настроение, возбуждая интерес в обществе, в результате чего возникает общественное движение или ускоряется начавшееся движение пропорционально возбуждаемому интересу.

На основании сказанного становится понятным, что, если мы имеем устремление общества в сторону какой-либо профессии, это верный показатель того, что имеется какой-то стимул, который привлекает людей к избранию этой профессии, и можно определенно сказать, что это привлечение к данной профессии будет прямо пропорционально размерам самого стимула.

Если мы имеем иммиграционный процесс, то опять-таки он обусловлива-

ется тем или другим стимулом, привлекающим население в данную страну, и, чем значительнее этот стимул, тем больше развивается иммиграция. С другой стороны, эмиграция из той или другой страны стимулируется теми или иными неблагоприятными условиями, создавшимися в данной стране, и эта эмиграция опять-таки происходит с тем большей силой, чем менее благоприятны условия жизни в данной стране по сравнению с другими условиями.

Если какой-либо коллектив, разрастаясь, постепенно распространяет свои действия в определенном направлении, то можно с уверенностью сказать, что туда влечет его какой-то интерес и он влечет с тем большей скоростью, чем этот интерес оказывается больше.

Движение наук равным образом руководится тем же самым законом. Любое открытие как своего рода обновляющая сила заставляет умы работать в этом направлении с тем большей интенсивностью, чем более значительно открытие. Новое в искусстве приводит к аналогичным результатам, привлекая ряд художников к работе соответственно тому художественному интересу, который содержит в себе новое в искусстве.

Наконец, с теми же самыми явлениями мы встречаемся и в экономической области. Всякая промышленность развивается в том направлении и с той силой, в каком направлении и с какой силой имеется спрос, являющийся своего рода возбудителем или стимулом. Точно то же мы имеем и по отношению к торговле. Она всегда идет в связи со спросом по путям сообщения, и чем они более облегчены, тем больше развивается и торговля.

Надо при этом заметить, что торговля стимулируется и условиями фабричного производства, и обилием денег в стране, что нарушает простоту отношений. Однако сущности дела это не изменяет, ибо в этом случае мы имеем условие роста капитала и конкуренции, которые, в свою очередь, подчинены тому же самому закону ускорения движения пропорционально движущей силе и в направлении одинаковом с действием этой силы.

Когда происходит более или менее напряженная борьба против и равновесие сил оказывается недостаточно устойчивым, представляется крайне рискованным делать резкий уклон одной партии в свою сторону, не оценив в достаточной мере свои силы, которые должны преодолеть возможное сопротивление противной стороны, иначе дело сведется к провоцированию событий, к возбуждению оборонительной реакции со стороны противоположных борющихся партий, и дело может кончиться неблагоприятно для зарвавшейся стороны. Между прочим так именно произошло в России с указом о роспуске 4-й Государственной Думы, вслед за которым тотчас же начало открыто формироваться революционное движение как и в самой Думе, так и в стране, и также произошло во время второй мартовской (1920 г.) революции в Германии с захватом власти военной партией с Люстинцем во главе.

Вообще в моменты неуравновешенного состояния общественных сил всякий неосторожный шаг с той или другой стороны может оказаться вызовом, провокационным актом или возбудителем для обширного народного движения. Примеров история дает много, очень много. Но ближе для нас могут быть события 9 января 1905 г., давшие сильный толчок революционному движению в России и существенно содействовавшие ускорению первой русской революции, уже подготовленной режимом Александра III и неудачной русско-японской войной. Другим примером могут быть ленские

расстрелы 1912 г. События эти, происшедшие в далекой тайге Восточной Сибири, казалось, могли пройти бесследно для народных масс внутренней России. Однако они явились первым набатным ударом, послужившим к пробуждению пролетариата в России. Мученическая смерть донских рабочих отразилась новой вспышкой революционного движения.

Волна стачек пронеслась по всей России, рабочий люд стал внимательнее прислушиваться к революционным лозунгам и стал теснее сплачиваться во имя борьбы за свои права. Благодаря этому к началу войны 1914 г. рабочее движение в Петербурге достигло развития баррикадного восстания, и лишь внезапно вспыхнувшая война временно затормозила революционное движение, которое с тем большей силой разразилось два с половиной года спустя в связи с нашими неудачами на фронте и упрямством царя, возбуждавшим против себя распутинской историей все слои населения, кроме приближенных лизоблюдов.

Но буржуазия, ставшая на сторону революции, не учла того, что она сама всегда служила опорой капитализма. Рабочее движение, ничем не останавливаемое, естественно, должно было повести свою борьбу до конца, и буржуазия погибла в огне революции, а примыкающая к ней интеллигенция была в начале отменена вслед за объявленным ею бессмысленным саботажем при большевизме, подвергаясь всевозможным преследованиям.

Одним из оживляющих общественное движение условий является временный отдых или приостановка этого движения.

Ни одно в сущности общественное движение не может идти с достаточной энергией непрерывно. Оно непременно будет затихать само собой под влиянием внутренних тормозящих условий, заключающихся в утомлении его приверженцев. Но некоторый отдых или перерыв этого движения уже вновь его оживляет, давая новый импульс к движению.

К искусственным оживляющим условиям относятся все те, которые создаются для этого теми или иными установлениями коллектива. Сюда могут быть отнесены такие стимулирующие условия, как похвала, награды и другие поощряющие меры общественных и сословных установлений, религиозных общин и т. п. Тогда как меры репрессии, как наказание, изоляция, тюрьмы и прочее, являются искусственными тормозами, устанавливаемыми коллективом по отношению к лицам, которые нарушают условия жизни и деятельности коллектива.

Когда общественное движение возникло, достаточно бывает обыкновенно ничтожной искры, чтобы его оживить, тогда как в начале его возникновения оно пробивалось с большими усилиями.

Вот почему при соответствующих условиях, т. е. при подготовленной почве, достаточно даже минимального толчка, чтобы разразилось самое движение в целую бурю.

Как мы уже упоминали, современная русская революция началась с указа о роспуске Государственной думы, ибо почва для нее была уже давно готова.

Швейцарская революция началась с издевательства над одним из видных швейцарцев также при существовании давно подготовленной почвы. В каждом вообще общественном собрании или толпе, когда настроение достигает своего

апогея, достаточно бросить один лозунг, сказать одно слово, чтобы толпа или собрание перешли к действию.

Описываемая Л. Толстым в <Войне и мире> сцена убийства, производимого самосудом мало значащего преступника на крыльце гр. Растопчина, может служить примером таких случаев. Само собой разумеется, что в толпе переход к действию осуществляется легче, нежели в собраниях, ибо толпа всегда действует более импульсивно, более автоматически, нежели любое организованное собрание.

В заключение следует иметь в виду, что оживление общественного движения может происходить и в виде реакции на другое, противодействующее ему общественное движение или государственную меру.

Так, преследование христиан в первые века ничуть не ослабляло христианского учения, а, наоборот, оказывало ему сильную поддержку, окружая первых христиан ореолом мученичества.

То же самое мы имеем с преследованием религиозных отщепенцев, как, например, раскольников в России, а равно и с преследованием революционеров. Вообще можно сказать, что всякое новое общественное движение, должностное изменить существующий уклад жизни и не отвечающее в данный момент взглядам большинства, пролагая свой путь, обыкновенно требует жертв и должно быть вымучено^{^*}.

Так, освобождение высших проявлений человеческой личности от подчинения их телу или животным интересам в форме христианского учения потребовало множество жертв в виде христианских мучеников. Прекращение человеческого рабства было вымучено восстаниями рабов и войнами против рабовладельческих стран.

Борьба с людоедством стоила множества человеческих жертв при экспедициях в дикие страны и покорения их европейцами. Борьба за международную помощь раненым в войнах вызвана мучениями многих тысяч раненых на полях сражений, оставляемых в прежнее время без помощи. Борьба за политическую свободу человеческой личности требовала огромного количества жертв в виде так называемых политических преступников. Борьба за свободу того или другого народа была искуплена его восстаниями, нередко подавляемыми силой.

Борьба за равноправие наций сопровождалась целым рядом войн против империализма, приводя к неисчислимым жертвам. Достаточно вспомнить о наполеоновских войнах, о севастопольской войне и о великой европейской войне последнего времени, чтобы уяснить себе, чего стоила человечеству до сих пор борьба за равноправие народов, еще далеко не законченная.

Борьба за вечный мир и за разоружение народов также требует своих жертв, и будущая победа Интернационала повлечет за собой еще немало искупительных жертв, которые тем не менее приведут к осуществлению этой великой задачи, которая к стыду человечества еще до сих пор остается неразрешенной.

Огромное оживляющее значение в деле развития общественных движений представляет собой конкуренция, являющаяся результатом соревнования двух, трех или более общественных движений, более или менее близких по своему

характеру и задачам. Здесь соревнование дает импульс для направления внутренних сил коллектива, содействуя усилению общественного движения, и, если оно проявляет свою жизнеспособность, путем соревнования оно непременно оживится и получит мощный толчок к своему развитию. Сколько важных общественных движений обязано своим существованием именно конкуренции и сколько из них достигли благодаря этому своего мощного развития. Было бы трудно перечислять здесь примеры, доказывающие это положение, ибо они у всех на глазах. Однако не следует забывать, что конкуренция только тогда является оживляющим фактором, когда она не

200

является подавляющей, ибо в последнем случае конкуренция оказывает прямо противоположное действие, тормозя развитие общественного движения, не выдерживающего конкуренции. Между прочим поощряющими условиями, поддерживающими распространение по коллективу нововведения, служат, с одной стороны, все вспомогательные открытия, стоящие в согласии с данным нововведением, и, с другой стороны, очевидно облегчение жизненных условий в коллективе, окружающее такое нововведение известной долей обаяния, обусловленного его жизненной ценностью.

Необходимо заметить, что частое оживление всякой вообще реакции обязательно связывается с ее ускорением благодаря привычному ее выполнению и механизации. То же самое мы наблюдаем и в общественных движениях. Во всяком вообще коллективе общественные движения, повторяющиеся неоднократно, становясь привычными, развиваются всегда с большей быстротой, нежели общественные движения, не имевшие себе примера в прошлом. Так, революционным вожакам хорошо известно, что народ необходимо приучить к революционным выступлениям, чтобы могло быть организовано восстание. Любой военачальник знает, что обстрелянные войска дергаются в бок с большей стойкостью, нежели свежие и необстрелянные.

Достоинно внимания, что если факторы, содействующие тому или другому явлению, повторяются один за другим, то они как бы наслаиваются друг на друга и, суммируясь, действуют с большей силой в определенном направлении. Легче всего это проследить на каком-либо большом явлении. Вот, например, социальный факт огромной важности, вовлечение Соединенных Штатов Америки в великую европейскую войну, где интересы Америки, казалось бы, не были существенным образом задеты. Между тем Америка, которая незадолго перед тем проводила в жизнь идею международного арбитража, не могла вмешаться в войну иначе, как под влиянием общественного и народного движения. Разберемся в этом деле и выясним, как в конце концов случилось это, казалось бы, невероятное событие.

По этому поводу нужно прежде всего сказать, что накануне войны международная позиция Соединенных Штатов Америки сводилась к защите следующих принципов: 1) учение Монро, по которому американское правительство взяло на себя защиту Нового Света от нападения со стороны европейских государств и в то же время устранило себя от вмешательства в европейские дела, 2) отстаивание свободы морей и 3) всемерная забота о международном арбитраже, который бы давал возможность предотвращать повторение войн.

Взрыв общеевропейской войны 1914 г. для Америки потому казался неожиданным, что никаких признаков надвигавшихся событий там нельзя было ощущать. К тому же каждая из воюющих европейских стран имела

в Америке достаточное число своих соплеменников, и взаимные их обвинения естественно спутывали все карты, не давая возможности разобраться, в чем дело и на чьей стороне правда. С самого начала Америка объявляет нейтралитет и это, конечно, было принято как нечто неизбежное и необходимое. Затем ввиду разделения мнений в Америке президенту пришлось выступить с особым воззванием с предупреждением, что расхождения взглядов в Америке могли бы препятствовать исполнению обязанности великой миролюбивой нации в смысле подания советов мира, успокоения и посредничества, <не в качестве приверженца одной из воюющих сторон, но в качестве друга> ". Вот как выражал свои мысли по этому поводу президент в своей декларации 20 апреля 1915 г.: <Мы для всего мира народ-посредник, народ наш образовался из смешения всех наций мира, мы естественно

Как война захватила Америку. М., 1918. С. 8.

посредники между их кровью, их традициями, их наклонностями, вкусами и страстями. Поэтому мы в состоянии понять их в их смешении, всех сообща, а не каждую в отдельности, ибо мы не сторонники той или другой нации, но мы понимаем, объединяем и воплощаем в себе все нации. В этом смысле я называю американский народ народом-посредником> ^.

Американский нейтралитет таким образом имел все основания быть полным и безупречным. Он таковым и был вначале, но дальше события развивались не в пользу одной стороны, ибо уже вторжение немцев в Бельгию и совершенные там насилия и бесчинства глубоко возмутили общественное мнение граждан Американских Штатов. Комиссия бельгийского правительства, явившаяся в Америку в сентябре 1914 г. с жалобами на поведение германцев, правда, не привела прямо к цели, но президент в ответной речи, дабы избавить Штаты от вмешательства в европейский конфликт, оставил за собой право высказать впоследствии свое решение по данному случаю. Это был, конечно, только выход из затруднительного положения, причем симпатии большинства граждан Америки уже стали решительно склоняться в одну сторону, ибо в пользу бельгийцев пошли пожертвования в виде денег, съестных припасов и одежды. Несмотря на это мысль о необходимости держать нейтралитет в Америке была всеобщей и политика президента в этом отношении признавалась единственно разумной.

Дело начало принимать другой оборот лишь с тех пор, как стала выясняться серьезная опасность Соединенным Штатам из-за морской войны. Уже в августе 1914 г. министр иностранных дел в Америке разослал ноту всем воюющим странам с обращением внимания на серьезную опасность, грозящую нейтральным странам вследствие их неуверенности относительно гарантии их прав на море. Англия согласилась держаться с некоторыми оговорками постановлений Лондонской конференции, декларация которой была отвергнута в свое время Великобританией. Дипломатическая полемика, возгоревшаяся на этой почве между Америкой и Англией, показала, что Англия не склонна держаться взгляда Америки, что будто бы моря не входят в состав Старого Света. Сущность английской точки зрения сводилась к тому, что она не может согласиться на сокращение своего боевого флота, пока ее соседи не будут согласны сократить свои боевые армии.

В дальнейшем начинаются старания Америки добиваться всемерно скорейшего окончания войны. 27 мая 1916 г. президент обращается к Лиге мира и устанавливает принципы, на которых должен быть заключен будущий мир. С этого времени становится ясным, что Америке безразличны условия будущего мира, и это ясно вытекает из следующих слов обращения: <Мы столь искренно верим в необходимость торжества этих идей, что я убежден, что выражаю настроение и желание американского народа, заявляя о готов-

ности Соединенных Штатов принять участие во всякой осуществимой коалиции народов, направленной к достижению этих идеалов и к обеспечению их против всякого насилия»¹.

Нечего говорить, что эта речь вызвала восторженное одобрение со стороны американского народа, в котором под влиянием событий, выяснивших ему, что без участия в сухопутной войне нельзя добиться защиты жизненных интересов Америки на море, произошел крупный сдвиг в сторону защиты этих интересов вооруженными силами, но острие американского меча обратилось не в сторону Великобритании, как можно было бы думать, руководствуясь вышеуказанной дипломатической полемикой между Штатами и Великобританией, а против Германии и вот почему: между Германией и Соединенными Штатами не существовало соглашений об арбитраже, но по

¹ Там же. С. 8-9.

² Там же. С. II.

вине самой Германии, державшейся в этом вопросе вполне уклончиво подобно тому, как в свое время она отвергла предложения Гаагской конференции о соглашениях для мирного улажения международных споров. Собственно конфликты с Германией начались со времени протестов Германии о ввозе Америкой как нейтральной державой оружия в воюющие страны, хотя сама Германия снабжала незадолго перед тем оружием воюющие балканские страны. Право Америки в этом отношении не могло быть оспариваемо не только потому, что страны, менее готовые к войне, оказывались бы при таких условиях в наихудших условиях, но и потому, что в таком случае и сама Америка в случае войны была бы лишена оружия. В конце концов такое положение дел предоставляло бы мировое владычество государству, обладающему большим числом заводов для вооружения.

В дальнейшем вызывающим условием со стороны Германии по отношению к Америке явилось установление зоны, в пределах которой Германия в нарушение принципов международного права признала свое право топить без предупреждения коммерческие суда. Когда безжалостно была потоплена <Лузитания> с массой человеческих жертв, негодованию американцев не было предела. И этот тяжелый инцидент прошел фактически благополучно для Германии, но затем насмешливое и пренебрежительное отношение правительства Германии и всем известные заговоры и недобросовестное отношение германских дипломатических агентов в самой Америке, интриги Германии в Японии и Южной Америке для возбуждения враждебных отношений к Соединенным Штатам и даже попытки вызвать восстание на Кубе, Гаити и Сан-Доминго и другие действия имели явно вызывающий характер и не могли не сыграть роль стимулов, подвергших тяжкому испытанию долготерпение Соединенных Штатов².

На представления по поводу действий австро-венгерского и германского военных и морского атташе ни извинений со стороны германского правительства, ни мер взыскания с этих лиц не производилось, тогда как командир подводной лодки, потопившей <Лузитанию>, получил со стороны королеванного дегенерата Вильгельма даже высокий орден <pour le merite>. Между тем действия подводных лодок против американских граждан в дальнейшем провоцировали назревшие события, и вот выразитель американского народа - президент Соединенных Штатов 2 февраля 1916 г. в речи, сказанной в Топеке, говорит уже о возможности при нарушении прав американского народа прибегнуть к силе оружия³. Переговоры из-за потопления парохода <Суссек> дали частичное удовлетворение Соединенным Штатам, и война была временно отвращена.

В конце 1916 г. президент Вильсон приступил было уже к подготовке ноты, в которой требовалось от воюющих стран определение целей войны. Узнав об этом, Германия и ее верные союзники Австро-Венгрия, Болгария и Турция, еще ранее опубликования ноты Вильсона, обратились через нейтральные страны к союзникам с предложением начать мирные переговоры. Однако, эта нота в действительности была далеко не миролюбива, ибо в ней слышался голос победителя по отношению к противной стороне. Даже нейтральные страны оказались под угрозой Германии, ибо неучастие их в содействии заключению мира должно было иметь последствия, что Германия с союзниками будут признавать себя свободными от всяких обязательств по отношению к защите интересов нейтральных стран, что обозначило, что подводные германские лодки не будут считаться ни с чем и не будут щадить суда нейтральных держав. Посылка ноты президента Вильсона об определении целей войны привела в ясность положение вещей. Со стороны Германии получился уклончивый ответ: напротив того ответы держав согласия дышали

Там же. С. 14.

203

искренностью и во многом совпадали с предложениями американского правительства, ибо здесь не было и тени создания условий будущей агрессивной политики, тогда как Германия устремилась к миру победителя над побежденными .

Затем следовало знаменитое обращение Вильсона к сенату, одновременно относившееся к американскому народу и вообще к народам всего мира, в котором он изложил условия будущего мира, за которые Соединенные Штаты стали бы ратовать. Существенная часть этого воззвания гласила следующее: <Никакой мир не может и не должен быть прочным, если он не согласован с принципом, гласящим, что правительства получают свои полномочия от своих управляемых и выражают их волю, и что передача народов от одного государства к другому, вроде частной собственности, есть несправедливое> ^.

Что за этим последовало? Печать, отражающая общественное мнение европейских стран, оказалась в Великобритании и Франции в общем на стороне тех пунктов, которые высказаны в этой речи Вильсона, за некоторыми лишь оговорками. Между тем как в Германии лиц, сочувствовавших Вильсону в его обращении, оказалось вообще мало или им не оказалось возможности заявлять свое сочувствие. К тому же 16 января 1917 г. германский министр иностранных дел дает предписание германскому посланнику в Мексике, в котором заявляется о намерении отказаться от исполнения обязательств со стороны Германии по отношению к делу с потоплением <Суссека> и предлагается мексиканскому правительству Новая Мексика и Аризона, если оно нападет вместе с Японией на Соединенные Штаты.

Можно ли сомневаться в том, что вместе с этими новыми стимулами настроение американского народа все более и более обращалось против Германии и находилась почва для взаимоотношений и сотрудничества между Америкой и державами-согласия. Естественно, что в Соединенных Штатах постепенно нарастало негодование против морского разбойничества Германии и против жестокостей, проявленных германцами в занятых областях. Все могло, быть может, еще обойтись без войны, но случилось так, что в последние дни января 1917 г. граф Бернсторф передал американскому министру иностранных дел ноту с заявлением, что германское правительство

намерено еще более расширить сферу действий своих подводных лодок, вопреки протесту по этому поводу со стороны Америки. Последовал разрыв дипломатических сношений между Америкой и Германией. И тут еще не было сказано последнее слово перед войной, ибо президент Вильсон очевидно надеялся на возможность мирного разрешения конфликта, когда говорил сенату: <Мы искренние друзья германского народа и настойчиво желаем остаться в мире с правительством, которое говорит от его имени> ". Это заявление однако не возымело своего воздействия. Главные требования Америки не были удовлетворены. В начале марта уже выяснилось, что германское правительство намерено привести в действие свою угрозу, и вот президент спрашивает при этих обстоятельствах у конгресса одобрения на вооруженный нейтралитет, причем 500 членов из 531 члена обоих палат высказались в пользу политики Вильсона, а 12 марта последовало распоряжение о вооружении американских торговых судов. Но Германия не успокоилась, проявляя свою разбойничью политику по отношению к торговым судам всех наций. Вследствие этого дело приняло роковой оборот, и 2 апреля 1917 г. Вильсон прочел речь вновь собранному конгрессу с предложением объявить о состоянии войны с Германией, а 6 апреля нижняя палата огром-

" Там же. С. 15-16.

" Там же. С. 18.

" Там же. С. 20.

204

ным большинством голосов вотировала решение, принятое уже ранее сенатом и гласившее следующее:

<Принимая во внимание, что германское имперское правительство совершало неоднократно враждебные военные выступления против правительства и народа Соединенных Штатов Америки, посему: постановляется советом и палатой представителей Соединенных Штатов Америки, собравшимся на общем заседании Конгресса, что война между германским правительством и правительством Соединенных Штатов, навязанная ему Германией, формально объявляется, и президент вместе с сим уполномочивается использовать все морские и сухопутные силы Соединенных Штатов и все ресурсы правительства для ведения войны против германского имперского правительства. Конгресс Соединенных Штатов этим самым ручается, что все силы страны будут направлены к победоносному разрешению настоящего конфликта> ^.

Ясно, что для того, чтобы произошел сдвиг в настроении и во взглядах миролюбивого американского народа и чтобы отношения между ними и автократической Германией разрешились коллективным воинственным рефлексом со стороны народа американской республики, нужно было систематически усиливать это настроение все новыми и новыми раздражениями, обострявшими отношения американского народа к Германии, что и привело к воинственным действиям одного огромного государственного коллектива против другого могущественного государственного коллектива, каковыми являлась Германия с ее союзниками.

Таким образом на этом примере доказывается с ясностью, как общественное движение поддерживается и развивается в определенном направлении под влиянием постоянных толчков и воздействий, помогающих и содействующих ему, вследствие чего рушатся все тормозы сложившегося многими десятками лет народного мировоззрения, преодолевается закон инерции и миролюбивая нация, взбудораженная воинственным настроением, высылает своих сынов на кровавую борьбу, разразившуюся на отдаленном для нее

европейском материке.

III. ЗАКОН ТЯГОТЕНИЯ

В особой работе " я доказываю, что такие законы, как тяготение, имеют силу не для одной только механики небесных тел и неживой природы вообще, но и для мира растений и животных, а также и для социальной среды ^{^*}.

В живой природе мы встречаемся с законом тяготения в явлениях так называемого положительного таксиса и положительного тропизма. Эти явления настолько хорошо известны в биологии, что здесь нет надобности входить в подробности по этому предмету. Но тяготение в биологическом смысле следует понимать шире чисто механического тяготения, ибо всякое неизбежное сотрудничество и симбиоз являются особыми видами биологического тяготения.

Что касается симбиоза, то это явление ныне настолько известно как в мире растений, так и в мире животных что опять-таки нет надобности входить здесь в излишние по этому поводу подробности. Но некоторые данные в целях пояснения должны быть приведены. На основании опытных исследований доказано, что ассимиляция азота бобовыми облегчается клубеньковыми бактериями. С другой стороны, существуют уже многочисленные исследования, указывающие на взаимно-полезное сожительство, точнее было

" Там же. С. 24.

Бехтерев В. М. Об основных законах мира при объективном рассмотрении ... С. 353-371;

Он же. Об основных законах мира в связи с рассмотрением ... С. 171-204.

205

бы сказать жизненное сотрудничество, различных видов грибов с лесными древесными растениями. Так, грибницы, оплетая собой ответвления корней древесных пород, тем самым защищают их от высыхания, от влияния низкой температуры и от нападения тех или других вредителей. Сверх того они еще помогают корневой системе тем, что, расползаясь много дальше последней, они усиливают всасывающую деятельность корневой системы. Срастаясь с тонкими корешками или проникая в их ткань, нити грибницы играют в этом случае роль придаточных волосков, которые собирают с большей поверхности влагу с заключающимися в ней веществами, пополняя тем самым питательный материал, извлекаемый из почвы самим деревом при посредстве его корней.

Бернардом доказан в этом отношении еще один важный факт, а именно: что грибницы грибов, сожительствующих с тем или иным растением, необходимы ему и для прорастания его семян. Последние не прорастают даже при самых благоприятных условиях почвы в отсутствии грибницы тех грибов, которые паразитируют на растениях и после прорастания. Особенно показательные исследования в этом отношении могут быть получены на орхидных. Подобные же явления известны относительно плауновых растений, размножающихся спорами (Траубе). Наблюдения Эйткинсона, Метениуса и Гревилиуса то же самое подтверждают и относительно терновников, причисляемых некоторыми из ботаников к папоротниковым.

С другой стороны, все эти грибы суть паразитирующие растения. Они

живут и размножаются на теле того или другого растения потому, что лишь с помощью их могут обеспечить свое жизненное существование. Отсюда естественно взаимное тяготение тех и других растений друг к другу. Они взаимно связаны в своих жизненных условиях наподобие того, как взаимно связаны между собой двойные звезды или планеты с солнечной системой.

Не менее известны явления симбиоза среди животного царства. Но здесь мы имеем еще и другие условия для взаимного тяготения. Это сотрудничество и взаимопомощь, которые оказывают друг другу различные особи одного и того же вида. Интересные подробности в этом отношении могут быть почерпнуты в труде Кропоткина <Взаимопомощь как фактор эволюции>. Так или иначе, но животный мир невозможно представить себе без сотрудничества и взаимопомощи, а это и обуславливает собой явления взаимного тяготения индивидов друг к другу.

Таким образом всемирный закон тяготения имеет силу по отношению и к социальному миру.

Инстинкт самосохранения приводит к развитию социальности, сближая индивидов друг с другом не только механически, но и образуя между ними коллективное единство, в котором проявляется как бы взаимное тяготение одних индивидов к другим. Некоторые, как Ваксвейлер, обозначают это взаимное тяготение одних индивидов к другим именем <социального средства>. (L'affinite sociale). Но как бы ни относиться к этому <социальному средству>, несомненно, что общение между людьми, вынуждаемое самой природой вещей при воспитании детей приводит к развитию влечения к себе подобным и склонности реагировать на их воздействия соответственным образом. А так как воздействия от себе подобных в жизненных условиях чаще всего выражаются взаимной нуждаемостью, то ясно, почему везде, где имеются какие-либо взаимные интересы, легко образуются социальные единства. Помимо того к сближению приводит и защита от сторонних неблагоприятных воздействий совокупными усилиями. <Группа путешественников, подвергшаяся нападению, сближается, соединяется и совокупными силами отбивается от нападающих; в случае той или иной опасности многие чуждые друг другу люди соединяются в одно целое и образуют единую группу; объединение людей в постоянные и длительные оборонительные и

206

наступательные союзы, начиная с соглашения двух-трех лиц, решающихся совместно нападать или защищаться, и кончая соглашениями городов, областей, государств – все эти процессы взаимодействия представляют явления, возникшие на почве этих биологических условий. Они не только сталкивали людей друг с другом, но и вызывали определенный порядок и организацию в их взаимоотношениях> ^.

Вообще говоря, индивиды, сходные друг с другом по внутренним и внешним качествам, взаимно тяготеют друг к другу, но, с другой стороны, и люди, несходные между собой, но взаимно дополняющие друг друга, также тяготеют друг к другу*. К этой категории явлений относят и взаимное тяготение друг к другу различных типов. И в том, и в другом случаях как бы инстинктивно чувствуется полезный результат – в первом случае от соединения однородных сил, во втором случае от сочетания взаимно дополняющих друг друга сил.

Таким образом возникновение коллективов обязано закону тяготения, причем объединение в коллективы происходит в одном случае благодаря

сходству индивидов в отношении настроения, характеров, убеждений или устремлений, в другом случае благодаря объединению несходных, но взаимодополняющих друг друга индивидов, образующих благодаря этому нечто цельное. Но в чем бы ни заключались основные условия образования коллективов, несомненно, что и там, и здесь в основе всего лежит взаимное тяготение индивидов друг к другу.

Приложение закона тяготения к собирательной личности характеризуется тем, что в социальной жизни мы встречаемся с особыми центрами тяготения то более значительными, то менее значительными. Последние, в свою очередь, находятся в условиях взаимного тяготения друг к другу, и притом сила тяготения стоит в определенных соотношениях с размерами этих центров подобно тяготеющим друг к другу небесным телам. Но здесь эти размеры должны определяться не столько пространными размерами самих центров, сколько социальной значимостью этих центров. Ясно также, что явления тяготения между этими центрами стоят в зависимости от расстояния между ними и удобства сообщения, как бы сокращающих эти расстояния, и при том здесь приложима как раз та же формула тяготения, обратно пропорциональная квадратам расстояний, которую мы имеем по отношению к небесным телам.

Спрашивается, чем же обуславливается сила тяготения тех или других центров в социальной среде? На это не может быть одинакового ответа для всех случаев, ибо и самое тяготение может быть обусловлено географическими, экономическими или торговыми, политическими или научно-литературными условиями.

Более чем очевидно, что географические условия тяготения состоят в удобстве путей сообщения, привлекающих жителей к данному центру, соседство с местностями большего развития добывающей промышленности, создающими условия лучшего обеспечения и т. п. Экономические условия тяготения заключаются в положении того или другого пункта на торговых путях вблизи мест обрабатывающей промышленности. Политические условия тяготения состоят в местоположении органов внутреннего управления, в местожительстве лиц, олицетворяющих мощь того или другого государства, и т. п. Наконец, научно-литературное тяготение заключается в собраниях научно-литературных ценностей в определенных местах, а также в научных открытиях и изобретениях¹.

Собственно, каждое открытие или изобретение непременно привлекает к себе отдельных индивидов как для ознакомления с ними, так и для его

¹ Сорокин П. А. Система социологии. Пг¹⁹²⁰. Т. 1. С. 269.

обслуживания, причем чем важнее и значительнее роль этого открытия или изобретения, тем большей силой тяготения оно обладает. Если дело идет о научном открытии лабораторного характера, то к нему тяготеют сторонние работники, едущие отовсюду, чтобы иметь возможность самим видеть и изучить новое открытие, слушать лекции, к нему относящиеся, и т. п. Если это открытие технического свойства, тотчас же организуется предприятие для его эксплуатации, которое, в свою очередь, собирает вокруг себя целый ряд лиц, желающих посвятить себя новому делу. Если речь идет о новых теоретических воззрениях, преподаваемых в высшей школе, к этой школе начинает тяготеть все большее и большее число слушателей. Если речь идет о новом торговом предприятии, которое, в свою очередь, является своего

рода открытием, хотя бы по своему замыслу и задачам, оно также концентрирует около себя участников и сотрудников. Далее, к любой фабрике или заводу, представляющим собой опять-таки своего рода открытие, хотя и подражательного характера, тяготеет ряд лиц, участвующих в организации самого предприятия, с одной стороны, и то или другое число рабочих – с другой. Затем, любая школа, представляющая собой опять-таки открытие подражательного характера и обобщающая приобретенные открытия и изобретения молодым развивающимся умам, в свою очередь, является центром тяготения для учащейся молодежи. Поэтому и большой город, содержащий и то, и другое, и третье, в свою очередь, является сильным притягательным центром для всех вообще заинтересованных лиц.

Благодаря этому центрами тяготения являются те пункты земного шара, которые собирают около себя возможно большее число учреждений, культивирующих открытия и изобретения в различных областях человеческой деятельности от экономической до литературно-научной и художественной включительно. Благодаря этому закону тяготения и возникают мировые центры цивилизации.

В зависимости от творческой деятельности народа, условий государственной жизни и уровня цивилизации различные эпохи выдвигают свои центры цивилизации. Так, в свое время мировым центром цивилизации являлись Вавилон и Ниневия, в другое время таким центром была Александрия, позднее Афины, еще позднее Рим.

В средние века играл роль таких центров целый ряд городов, а в новейшее время мировым центром цивилизации должен быть признан Париж. Но и каждая страна имеет свои центры цивилизации, к которым тяготеет ее население.

IV. ЗАКОН ОТТАЛКИВАНИЯ

Наряду с законом тяготения и сотрудничества общественная жизнь подчиняется и закону отталкивания и борьбы. Дело в том, что каждое общество уже при самом своем возникновении начинает дифференцироваться или расчленяться на отдельные части, причем одно расчленение происходит в целях разделения труда и, следовательно, осуществляет форму сотрудничества и сближения, тогда как другая форма расчленения характеризуется и различными устремлениями составляющих ее индивидов. В результате последнего расчленения и является взаимное отталкивание и разъединение, а затем неизбежно следует конкуренция, соперничество и борьба. Вот почему каждое общество не может избежать ни конкуренции, ни соперничества и борьбы, но в этом заключается залог его будущих успехов и совершенствований. В развитом обществе прежде всего само строительство общественной жизни вызывает борьбу партий, из которых каждая стремится достигнуть господствующего положения и власти в лице своих представителей.

208

Но и помимо того каждое общественное дело имеет многих претендентов, из которых каждый оспаривает право на руководство и тем самым оспаривающий, с одной стороны, сам стремится выявить свою личность в смысле лучших качеств на выполнение оспариваемой роли, и, с другой стороны, побуждает к более энергичной деятельности других претендентов на ту же роль.

Точно то же мы наблюдаем и во всех .вообще областях производительного

труда. В любом производстве наряду с сближением определенного ряда лиц мы встречаем и отталкивание и разъединение, приводящие к конкуренции и соперничеству. Благодаря этому каждый из соперников стремится по-своему улучшить качество производства или по крайней мере распространить в большей мере продукты этого производства, привлекая к себе и своему товару внимание потребителей. Далее конкуренция и соперничество в области труда в промышленных странах приводят не только к интенсификации производства, но и к развитию пролетариата, благодаря усиленному предложению рабочих рук, а вследствие того к их обесценению и беззащитной эксплуатации.

Точно такое же взаимное разъединение и отталкивание, а, следовательно, конкуренция и соперничество, проявляются во всех вообще отраслях труда, не исключая педагогического и научного. –Везде речь идет о соперничестве и конкуренции, ибо каждый ученый или педагог стремится стать выше другого и достичь лучших результатов сравнительно со всеми другими. Точно так же наряду с обнаруживаемыми открытиями и изобретениями они проявляют соответственно закону отталкивания и эксцентрическое влияние на собирательную личность, которое обуславливается необходимостью пропаганды и распространения каждого открытия и каждого изобретения. Эта пропаганда сама по себе отвлекает население от больших центров, распределяя его по окружающим областям. При этом распространение изобретений в целях общедоступности его населению, более удаленному от больших центров и областей, вынуждает к образованию малых или второстепенных центров в других местах, выбор которых зависит от тех или иных местных условий, скрещивания путей сообщений и т. д.

Таким образом наряду с силой тяготения сами изобретения и открытия обладают и силой отвлечения или отталкивания, благодаря чему в конце концов устанавливается в каждой собирательной личности особое равновесие между обоими силами, которое и определяет соответствующее расселение населения по земной поверхности и разгруппирование его в той или другой местности.

<Все, что мы ныне в общественной жизни видим общепринятым, утвердившимся, вошедшим в обычай, превратившимся в верование, все это составляло сперва предмет горячего спора. Нет самого мирного учреждения, которое не родилось из раздора. Грамматика, кодекс, конституция (подразумеваемая, так же как и писанная), господствующая промышленность, преобладающая поэзия, катехизис – все это, составляющее категорическую основу обществ, является производением, медленно и постепенно созданным общественной диалектикой. Каждое грамматическое правило представляет собой выражение восторжествовавшей некогда привычки речи, распространившейся в ущерб другим привычкам речи с ней несходным. Каждая статья кодекса является соглашением, мирным трактатом после кровавых битв на улице, после ожесточенной полемики в прессе, после ораторских бурь в парламенте. Каждый принцип, воплотившийся в конституции, восторжествовал после многих революций и т. д.> ^.

^ Тард Ж. Законы подражания. СПб., 1892. С. 173–174.

14 В. М. Бехтерев

209

Разъединение и соперничество, основанные на узко-политических интересах личности, проходят через всю историю человечества. Борьба родов и племен между собой, борьба новых молодых элементов против власти отца семейства и родоначальника в первоначальную эпоху общественной жизни,

борьба личности против кастового, сословного и классового господства, непрерывная экономическая борьба народов и племен, борьба личности против подавления ее массой-обществом за высвобождение ее первоначально из-под рабства, а позднее из экономической кабалы, освобождение ее из религиозных пут, борьба партий в каждой касте, в каждом сословии, в каждом классе, в каждом организованном обществе, внутренняя борьба между отдельными членами семьи, общины, артели, кооператива, партии, церковного прихода и вообще той или иной социальной группы – вот многочисленные, но далеко еще не все виды взаимного отталкивания, соперничества и борьбы, которые развиваются неизбежно с железной силой непреложного закона в условиях социальной жизни. В то же время этот закон отталкивания и разъединения, являясь стимулом к соревнованию и борьбе, служит одним из важных факторов прогресса человеческой личности на пути ее развития и совершенствования.

Таким образом несмотря на стремление народов к объединению и слиянию благодаря подражанию и заимствованию, обуславливающим увеличение сходства, этого основного условия для взаимного тяготения и слияния, на пути к этому объединению встречаются и препятствия в виде разъединения народов при неодинаковых условиях существования, в виде соперничества, национальных предрассудков, исторических традиций, национальной, классовой или партийной гордости и т.п." что соответствует в механике силам отталкивания. Основной причиной этого отталкивания и разъединения является природное и социальное неравенство между людьми, из которых последнее может быть устраняемо культурой.

По словам Ш. Летурно, <человека можно назвать иерархическим животным. За исключением может быть совершенно первобытных орд Огненной Земли неравенство царит во всех человеческих обществах. Всюду слабый подчиняется сильному: но в обществах со сложной организацией, опирающихся на наследственную передачу привилегий, право сильного под конец заменяется правом наиболее богатого; таким образом свободная игра жизненной конкуренции, какой она является во всем остальном органическом мире, извращается, и нередко бывает, что слабейший, бронированный привилегией, побеждает сильнейшего и более интеллигентного соперника. Это злоупотребление особенно резко проявляется в обществах со' строгим разделением на касты, но и современные наши государства в значительной степени еще причастны ему, даже и наиболее демократические из них> ^°.

Уже из сказанного видно, что в лице человека интеллект или высшие формы соотносительной деятельности, создающие богатства благодаря изобретениям, представляют собой лучшее орудие в борьбе за существование, заменяющее собой крепкие зубы, острые когти, мощные мышцы. Но развитие интеллекта, обремененное не индивидуальной жизнью, вырабатывающей другие органы борьбы, а социальной жизни, ибо только путем взаимообщения и обмена личным или индивидуальным опытом и является возможным развитие интеллекта ^', не исключает, однако, в мире человека и борьбы физической в настоящем смысле слова, что доказывается бесчисленными войнами, которые велись человечеством на протяжении всей истории и, к сожалению, до сих пор не могут быть изжиты. К стыду человечества оно

^ Летурно Ш. Нравственность: Развитие ее с древнейших времен до наших дней. СПб., 1908. с. 347.

не создало еще самого важного изобретения, которое раз и навсегда прек-

ратило бы войны между народами и драки между отдельными людьми.

Но конкуренция и соперничество происходят не только между людьми, но и между различными учреждениями. Каждое правительственное учреждение соперничает и конкурирует с другими аналогичными правительственными учреждениями. Каждая промышленная или торговая фирма, каждое предприятие, каждая фабрика являются в той или иной мере конкурентами и соперниками таких же учреждений в стране. Равным образом и учреждения, занятые умственным трудом, конкурируют и соперничают друг с другом и стремятся проявить себя в том или ином отношении лучше других.

Так, конкурируют и соперничают друг с другом разного рода школы, как например, академии, университеты, институты и т.п., а также и другие ученые и учебные учреждения от высших до низших, как конкурируют и соперничают между собой и сами ученые и педагоги.

Словом, какую бы отрасль труда мы ни взяли, везде и всюду мы встречаемся с конкуренцией и соперничеством соответствующих учреждений и их представителей. Но в этом соперничестве, в этой борьбе, акте, казалось бы, антисоциальном, мы имеем залог высокого социального совершенствования.

Дело в том, что благодаря этой борьбе осуществляется тот социальный отбор, который охраняет и дает развиваться социально полезным учреждениям и предоставляет вымирать учреждениям, не отвечающим социальным нуждам и нежизнеспособным. Этот социальный отбор в отличие от естественного дарвиновского отбора не пользуется какими-либо небольшими уклонениями в организации и не основывается на приспособлении к естественным условиям жизненного существования, а имеет в виду лишь один принцип - социальной полезности, который и определяет дальнейшую судьбу всех вообще общественных установлений, которые сохраняются для потомства опять-таки не в силу биологической наследственности, столь важной в естественном отборе Дарвина, а в силу социальной наследственности, как это мной развито в другом месте ".

Все вышеуказанное показывает, что закон отталкивания, вызываемый конкуренцией, соперничеством и борьбой, является одним из основных законов социального совершенствования, и, если без социального сближения и сотрудничества неосуществима никакая социальная задача и никакое вообще социальное строительство, то без конкуренции, соперничества и борьбы, лежащих в основе закона отталкивания, нет совершенствования социального мира.

V. ЗАКОН ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАВНОГО ДЕЙСТВИЮ

Речь идет о законе, по которому общественные движения, проявляемые различными социальными группами при условиях взаимоотношения последних друг с другом, противодействуют одно другому таким образом, что нарастание одного общественного движения вызывает стремление к противодействию со стороны другого общественного движения, ему противоположного. Так, сильное развитие национализма дает толчок к развитию социализма, и, наоборот, с другой стороны, сильная власть приводит к усилению оппозиции. При развитии анархии в стране возникает стремление в других группах поддержать власть и установить единение^'.

^ Бехтерев В. М. Социальный отбор и его биологическое значение// Вестник знания. 1912.

№ 12. С. 947–955; Он же. Значение гармонизма и социального отбора в эволюции организмов//Природа. 1916. № 10. С. 1130–1158.

14>

211

Во всех подобного рода случаях противодействие нарастает по мере того, как развивается данное общественное движение.

Общественно–политическая жизнь складывается из стремлений различных партий или кружков и движется обыкновенно зигзагами то с перевесом влияния со стороны одной из партий, то с перевесом влияния со стороны других партий в зависимости от их силы. Но бывают моменты в истории, когда наступает межпартийный конфликт, приводящий к общественному кризису.

Всякое новое общественное движение встречает ту или другую оппозицию со стороны определенных общественных кругов. Но когда одно из общественных движений получает преобладающее значение, против него начинают действовать объединенные силы различных партий. Так, деспотическое управление подготавливает революцию, революция, в свою очередь, подготавливает контрреволюцию.

Всякое вообще открытие или изобретение, будучи осуществлено, стремится получить распространение в окружающей среде, и затем это распространение идет все дальше и дальше, встречая сопротивление; с одной стороны, в косности среды и в противодействии со стороны тех изобретений, которые сталкиваются с новым изобретением. Допустим, что речь идет об изобретении электрического освещения. Известно, что распространению его препятствовало, и до сих пор препятствует, с одной стороны, косность народных масс, а с другой стороны – противодействие со стороны представителей газового и аужровского освещения. В конце концов, во всех таких и аналогичных случаях придется путем подробного анализа признать, что противодействие равно действию, будучи противоположным ему по направлению.

С другой стороны, если мы имеем давление со стороны власти на те или иные общественные слои, то и в этом случае возникает оппозиция со стороны борющихся кругов общества, которая нарастает с тем большей энергией, чем большую реакцию проявляет правительственная власть, и в результате инертность массы и оппозиция достигает той степени, которая уравновешена реакцией. Всякая революция, кроме инертности в массах, встречает сопротивление в контрреволюционных, более умеренно настроенных элементах, вследствие чего и здесь противодействие должно быть равно действию и противоположно по направлению.

В борьбе партий сила одной партии встречает сопротивление со стороны других, и первая будет распространять свое влияние до тех пор, пока противодействие со стороны других партий не окажется равным ее силе, будучи противоположным по направлению. Также и в войнах действие одной силы будет преодолевать противодействие противоположных ей сил до тех пор, пока это противодействие не достигнет равенства действию, будучи противоположно ему по направлению.

В виде реакции против стремлений буржуазных классов развиваются в обществе социалистические тенденции, в виде реакции против войн развивается пацифизм и интернационализм.

Если с течением времени патриотизм в одних слоях населения слабеет под влиянием интернационалистических взглядов, он непременно усиливается в других слоях. Так, в России при большевистском движении во время революции, когда солдаты под влиянием интернационалистической пропаганды отказывались сражаться, стали возникать батальоны смерти, офицерские батальоны чести и женские батальоны, явившиеся реакцией против большевизма.

Вообще, при всяком усилении того или другого общественного движения, как бы в противовес ему, начинает развиваться другое общественное движение, ему противодействующее. Таким образом, каждый раз, при нарушении рав-

212

новесия между отдельными слоями, в обществе возникает, в свою очередь, стремление в нем к выравниванию нарушенного равновесия путем противодействия.

Борьба партий также руководится данным законом, и каждый раз, когда одна партия берет перевес, против нее надвигаются другие партии, которые в случае надобности образуют блок. На том же основании правительство в конституционных странах вынуждено линию своего поведения соотносить с большинством парламента, которое образуется либо одной более сильной правительственной партией, либо блоком нескольких партий, против которого борется, в свою очередь, оппозиция.

В этом направлении все стремления оппозиции направлены к противодействию большинству и к достижению в тех или других вопросах соответствующей компенсации.

Но наступают моменты в истории, когда всему государству как целому грозит величайшая опасность или бедствие, как это случается, например, в период войн, и в таком случае в целях устранения этой опасности происходит как бы слияние всех партий, причем даже партии, при других условиях составлявшие оппозицию правительству, стараются в этих случаях оказать ему поддержку.

Иначе говоря, в целях возможного предотвращения грозящей опасности все силы в государстве сливаются воедино, и обыкновенно нет разномыслия в отношении достижения обороны государства не только между партиями, но и между народными представителями и самими правительствами. При этом обычно правящие сферы реорганизуются в так называемое коалиционное министерство, дабы достигнуть еще большего единения сил в целях противодействия внешней опасности^'.

В силу означенного закона при недостаточности сил одной группы в помощь возникают коалиции и блоки. Тот же закон имеет значение и по отношению к столь крупным коллективам, как народы и государства. Когда Франция сделалась сильной и воинственной в период Наполеона, против нее составлялись коалиции других держав. Когда в первой половине XIX в. усилилась Россия, против нее составила коалиция держав из Англии, Франции, Сардинии и Турции.

Когда затем выдвинулась своей мощью Германия, в противовес ей и ее союзу с Австрией и Италией образовался двойственный союз России и Франции, а когда возникла великая война, то против четверного союза Германии, Австрии, Болгарии и Турции возникла коалиция союзников:

России, Франции, Англии, Италии и Японии. К которым затем присоединилась Америка и некоторые другие страны из малых держав. И все это в удовлетворение закона противодействия равному действию^'.

Как один из примеров проявление этого закона можно привести современное общественное движение в России в период 1919 и 1920 гг., известное под названием <субботников>. Вот что по этому поводу было написано мной еще в самом начале этого движения, когда оно еще только что зарождалось, в журнале <Железнодорожная техника и экономика>.

<Субботники>, или правильное <субботничество>, представляет собой общественное явление, которое не может быть обойдено молчанием. В самом деле, не удивительно ли, что в то время, как с наступившей разрухой в России, когда недоедание стало обычным явлением, когда все жалуются на нехватку хлеба, и средств, и всего вообще необходимого, и на слабосилие, вызванное систематическим недоеданием, массы лиц, руководимые известной идеей, выходят на тяжелую работу в тот день и час, когда, казалось бы, нужен был трудящимся отдых после шестидневной работы, и притом выходят на работу не для своей пользы, что было бы легко объяснить необходимостью дополнительного заработка, а совершенно бескорыстно, отдавая свои силы

и свой труд на пользу других, на пользу общества. До сих пор такие примеры, если и бывали, то лишь в виде единичных случаев по тем или иным особым обстоятельствам, например, в случаях неожиданно надвинувшегося какого-либо бедствия, которое нужно смягчить, и где нужно помочь общественными силами. Это так называемая мирская помощь, сохранившаяся с древних времен по случаю России. Но здесь речь идет не о единичном явлении, вызванном по случаю внезапно разразившегося над кем-либо бедствия, а о явлении, принимающем систематическую форму и распространяющемся по разным районам Советской России. Чем спрашивается оно вызвано? Несомненно, это есть реакция со стороны здоровых сил общества на ту разруху и недостаток созидательной работы, которые мы переживаем.

Это общественное движение проявилось первоначально в той среде, которая ближе чувствует необходимость показать на деле своим собственным примером, как должна вестись работа в создаваемой на новых началах России, но оно разливается по всему обществу независимо от каких-либо партий и взглядов. Вековое рабство и темнота русского народа, обусловленные прежним режимом, явились причиной того, что, когда трудящийся народ получил свободу, и не только свободу, но и господствующее положение, произошло нечто такое, что не всеми учитывалось и во всяком случае не могло быть предвидено. Дело в том, что, осознав свою свободу и права, трудящийся люд, раньше работавший из-под ярма, исполнявший подневольный труд, всегда и всякому противный и невыносимый, стал освобождать себя от труда вообще, прибавив к общей разрухе, неизбежной вообще при коренном перевороте общественной жизни, еще самую тяжелую разруху-отсутствие дисциплины или <разгильдяйство>, с одной стороны, и бегство от труда или <озорничество>, с другой. Эта разруха живой силы, которая одна обеспечивает прогресс и творчество народных масс и которая в состоянии преодолевать всевозможные препятствия, представляла собой самое тяжелое явление нашей общественности, обусловленное грехами прошлого и условиями еще не сложившегося настоящего. Оно влекло нас к гибели, и, казалось, в этом положении не было никакого исхода, не было никакого просвета, ибо там, где должна была начаться новая быющая ключом жизнь на месте старой жизни застоя и подневольного труда, там начинала зиять зловещая пропасть, которая готова была поглотить все самые широкие начинания, омрачить самые радужные надежды новой общественной жизни.

Но последняя подчинена определенным законам или зависимостям, столь же непреложным, как и движения небесных тел, хотя и мало нам известных. И вот как неизбежной в мире общественных явлений оказалась наша общая разруха, так же неизбежно на смену ее является и реакция против нее в виде своеобразного и поражающего общественного явления – <субботничества>. В механике неживой природы, как мы знаем, известен закон, формулируемый в виде противодействия равному действию, но противоположного ему по направлению. Тот же самый закон осуществляется и в <социальной> механике человечества. И вот, на место отсутствия дисциплины уже давно стала намечаться соответственная координация общественных сил, которая постепенно должна эволюционировать в стройные общественные формы. Ныне же на местах прежнего бегства от труда начинает пробиваться здоровый созидательный коллективный труд <субботничества>. И что замечательно: как велико было в начале революции бегство от труда, того труда, который, был подневольным и потому для всех тяжелым, вынуждаемым необходимо-стью, ныне в строительстве новой жизни мы видим на первых порах шествие труда свободного, коллективного, бескорыстного, почти геройского и во всяком случае труда благородного не в старом опошленном смысле, а в истинном значении этого слова. Этот коллективный труд в форме <субботничества> разливается ныне по всему лицу Советской России, заражая

214

собой все здоровые элементы страны. Это есть не что иное, как почин, <великий почин>, как назвал его Ленин, в созидательной работе новой жизни. Пусть даже это есть временное общественное явление, ибо демократический принцип всякого труда – его полная оплата. Здесь же оплаты никакой нет. Здесь бескорыстное служение обществу, но тем более выдвигается его значение в новой жизни. <Субботничество> есть общественный порыв и в то же время показатель того, как надо служить обществу".

Интересно, как развивалась эта своего рода <трудовая> эпидемия¹. Об этом говорят газетные сообщения, которые приведены в выдержках в статье наблюдателя". Дело началось с железнодорожников-коммунистов московского узла Казанской ж. д. Сперва было проведено в жизнь постановление, чтобы каждый коммунист прорабатывал сверх нормы по два часа без какого-либо вознаграждения. Но вот 10 мая 182 человека на той дороге проработали сверх нормы в течение шести часов и проработали с такой успешностью, что иначе потребовалась бы для выполнения работы целая неделя. Производительность труда благодаря подъему достигла 270%, причем некоторые группы рабочих продолжали свой труд также и в воскресенье.

За Казанской железной дорогой последовала Московско-Александровская железная дорога, где субботники для коммунистов и сочувствующих были введены постановлением общего собрания коммунистов и сочувствующих, и уже 17 мая осуществленный субботник с большим подъемом повысил производительность труда в три раза. За этим последовало постановление от 22 мая иметь сверхурочный четырехчасовой рабочий день для коммунистов, затем движение в пользу <субботничества> распространилось на провинцию, первоначально обнаружившись в Саратовских железнодорожных мастерских, затем в Рузаевской организации, после того в Туле в мастерских железной дороги, затем в Сормове, в Воронеже (8 и 15 июня), на ст. Малоярославец (13 и 15 июня) и т. д. и т. п.

Таким образом в течение одного месяца эта трудовая эпидемия расп-

ространилась на целый ряд московских организаций и распространилась на многие провинциальные города, сделавшись в настоящее время почти всеобщим явлением. Нельзя не отметить здесь и тот подъем настроения, который не только поднимает до необычайной высоты производительность труда, но и заставляет в иных случаях переносить начатую работу на воскресенье. Очевидно, что во всей работе проявляется благородный порыв. И как всюду, так и здесь благородный порыв оказывается заразительным, он увлекает за собой многих, он сплачивает во имя труда всех тех, кто не потерял веру в жизнь. Скажу более, с каждым субботним днем, читая репортажи о прошедшем субботнике, об увеличении числа выходящих на работу, об участии в работе не одних починщиков-коммунистов, но и беспартийных, о подъеме в количественном отношении самой работы, приходишь к выводу, что закладываются первые устои новой трудовой жизни, жизни для всех и выявляются первые проблески новой зари, зари будущего.

Так представляется нам все это явление с бытовой стороны. Но с точки зрения общественной жизни субботничество является, как упомянуто, реакцией на разруху как возможный ей противовес и, очевидно, и <субботничество>, и ряд других мероприятий, противодействующих разрухе, со стороны власть имущих будут развиваться в той степени и до того времени, пока разруха не будет изжита окончательно и пока противодействие не окажется в конце концов равным действием.

^ См.: Железнодорожная техника и экономика. 1919. Авг.
– Там же.

215

Закон противодействия равному действию находит подтверждение и в явлениях коллективного торможения, уподобляющегося явлению трения в механике и физике.

Говоря о явлениях торможения общественных движений, необходимо иметь в виду, что они в общественной жизни столь же неизбежны, как и оживление, причем акты торможения являются как бы регуляторами всякого общественного движения, вводит его в свои берега. Что было бы, например, если бы большой коллектив остался без власти, – этого важнейшего тормоза во всяком государственном и общественном коллективе? Получилась бы та абсолютная свобода, которая граничит с анархией и неорганизованностью и которая обязательно должна привести к переходу в состояние той или иной организованности, ограничивающей свободу. Вот почему погоня человечества за идеальной и абсолютной свободой является той синей птицей, которая грезится человечеству во сне, но которая для него неуловима и самое большее является мимолетной ступенью в период глубоких общественных переворотов ^, как было, например, во времена Керенского в период великой русской социальной революции. Как нет абсолютно свободной <воли> отдельных индивидов, так не может быть и абсолютно свободной <воли> в коллективах, которая, в свою очередь, ограничивается давлением со стороны соседей, ограничивается внутри организацией и ограничивается окружающими условиями жизни вообще.

К торможению в индивидуальной жизни относятся все так называемые акты воздержания, акты терпения и акты молчания, иначе говоря, все акты пассивного и активного неделания, акты, лишенные внешнего двигательного эффекта или проявляющие его в самом незначительном размере. Сюда относятся сдержанность при нанесении оскорбления, акты воздержания от

участия в каком-либо деле, акты воздержания от зрелищ, от удовлетворения инстинктов, акты терпения при нанесении обид или ударов, акты терпения при отнятии имущества, акты молчания при вызове на разговор во время брани, личных оскорблений, прекращение начатого действия и т. п. В коллективах мы имеем дело с теми же самыми явлениями, проявляющимися лишь в коллективной форме.

В последующем изложении нас будет интересовать собственно условие развития актов торможения в коллективной среде как проявление закона противодействия равному действию.

Во всяком обществе мы имеем, с одной стороны, согласие, содействие и сотрудничество, к которому относится и та форма, при которой дело идет о разделении труда, и, с другой стороны, разногласие, противодействия и разлад. Первые условия являются условиями, поддерживающими и оживляющими всякий общественный прогресс, вторые условия являются условиями, тормозящими общественный прогресс или его задерживающими. Равновесие тех и других условий приводит к застою, преобладание тормозящих условий к упадку, а преобладание содействующих условий – к прогрессу. И так как в каждый данный момент одни формы как более совершенные встречают содействие, а менее совершенные – противодействие, то прогресс и характеризуется совершенствованием общественных форм и накоплением социальных навыков.

Самое развитие общественных движений не обходится без актов торможения.

<Всякому зарождающемуся верованию, всякой потребности всегда необходимо сначала с большим трудом пробиться на свет сквозь сеть привычек и противоположных верований, затем, победив это препятствие, распространяться после своей победы до тех пор, пока новый враг, вызванный ее триумфом, не преградит ей пути и не противопоставит ее распространению непреодолимого препятствия. Этими новыми врагами для данной потреб-

216

ности будут большей частью привычки, вызванные прямо или косвенно ей же самой; так для данного верования, всегда отчасти, как известно, ложного, врагами будут противоречащие ему в известном отношении идеи, которые будут выведены из него или открыты с его помощью в другом месте; ими будут ереси или учения, возникшие из догмата, но противоположные догмату и стремящиеся остановить его победоносное движение в мире; ими будут научные теории или промышленные их приложения, внушенные предшествующими теориями, применение или верность которых они ограничивают и тем мешают их успеху> ^.

Известно всем, с какими усилиями христианство пробивало себе дорогу в древних странах. Но мало-помалу новое религиозное учение получило преобладание над старым и затем оно достигает своего апогея, как это было, например, в средние века, после чего постепенно христианская религия в Европе идет к упадку, вытесняемая главным образом научно-философскими воззрениями в интеллигентных массах населения.

Как на один из эпизодов борьбы религиозного воззрения с научным, можно указать, что во времена Галилея религиозное воззрение столкнулось с новым научным движением за вращение земли, причем последнее встретило сильный отпор со стороны первого, пока оно не вытеснило религиозное

воззрение полностью, возмев над ним преобладание.

То же самое можно видеть на [примере] развития революционных течений в старых монархиях. Первоначально всякое революционное движение встречает резкий отпор со стороны огромного большинства населения, но мало-помалу приобретает все больше и больше приверженцев, пока оно не восторжествует. В России, например, можно проследить полный переворот в воззрениях умов в течение какого-нибудь одного-двух поколений. Еще во время казни убийц Александра II народ в Петербурге бросал комья грязи в судорожно корчившиеся на виселице тела Перовской, Желябова и др., тогда как в период революции 1917 г. имена Перовской и Желябова обоготворялись, и народ проходил густыми толпами с красными знаменами по той самой площади, на которой они были повешены.

Можно сказать, как правило, что всякое новое общественное движение возбуждает реакцию противодействия, которая тем сильнее проявляется, чем резче отступление нового общественного движения от установленного общественного уклада, и, если мало-помалу новое движение, когда оно представляется достаточно мощным несмотря на создаваемые для него препятствия пробивает себе дорогу, то это значит, как и при столкновении физических тел, что сила сопротивления равна действию, но сопротивляющаяся масса оказывается меньшей по сравнению с действующей массой, вследствие чего она и должна бывает уступить.

Старый общественный уклад представляет своего рода внутреннее тормозящее условие, которое постепенно преодолевается новым движением как общественным рефлексом, но и здесь мы имеем опять-таки тот же закон противодействия равному действию.

Таким образом распространение всякого нововведения в социальной среде встречает противодействие во всяком другом нововведении, имеющем такую же тенденцию к распространению. В конце концов дело может кончиться тем, что два нововведения взаимно уравнивают друг друга и оба получают распространение, но, конечно, взаимно ограниченное, или же один из них берет перевес над другими и тогда он получает преобладающее распространение.

Тард обозначает столкновение нововведений их интерференцией, а распространение путем подражания – лучами подражания. Эта интерференция

^ Тард Ж. Законы подражания. С. 130.

217

лучей подражания, однако, не всегда обуславливает взаимное противодействие распространению, но в известных случаях дело идет о взаимном соединении, приводящем к усилению и ускорению лучей. Когда противоположение оказывается одновременным, оно приводит к борьбе и взаимному ослаблению или уничтожению, но, если противоположение оказывается последовательным, оно дает ритмическое движение.

В науке одна теория сменяет другую. Так, например, система Коперника вытеснила систему Птолемея, причем последняя как менее удачная заторможена второй, ставшей на ее место. Но факты сохраняются и накапливаются, ибо они составляют материал для оценки и не относятся к самой человеческой деятельности. То же и в других сферах человеческой деятельности – в литературе, в искусствах и в промышленности. Одно направление сменяет другое.

Романтизм вытесняется реализмом, классическое искусство одной школы сменяется другой школой, наконец, вся классическая школа замещается модернизмом, в общем же все накопление богатств, все школы образуют образцы искусства. В технике и промышленности тоже имеются свои стили, вкусы и воззрения, которые вытесняют один другого, не уничтожая постепенно накапливающиеся открытия.

Таким образом и здесь в эволюционном процессе мы имеем торможение одних явлений и возбуждение или оживление других.

<Принятая философская система выдерживает все удары критики, покуда рядом с критикой не выступит ее соперницей новая философская система. Как бы ни была известна художественная школа в искусстве, она продолжает существовать, покуда не явится ей на смену другая. Готический стиль убил романский; нужен был стиль возрождения, чтобы устранить готический. Равным образом вопреки критике классическая драма продолжала бы жить, если бы не появилась драма романтическая (форма гибридная впрочем). Промышленный продукт исчезает из потребления только вследствие появления нового продукта, отвечающего той же потребности, или же вследствие исчезновения самой потребности с изменившимися модой и обычаем, причиной чего может быть лишь распространение нового вкуса (а не одного лишь отвращения к старому) или нового принципа (а одного лишь возражения против прежнего)> ^.

Всякое изобретение дается с большим трудом, но раз изобретение достигнуто, оно тотчас же вступает в конкуренцию со всеми теми орудиями, которые производили ту же самую работу, но менее успешно, постепенно их вытесняя и в то же время встречая с их стороны, как и со стороны косной среды и рутины, соответствующее противодействие, равное по силе действию самого изобретения, но противоположное по направлению.

Почин, подражание и конкуренция в сущности и определяют таким образом ход и развитие всякого социального движения^{^*}. При этом подражание находится в прямой зависимости от большей или меньшей однородности среды и само служит к развитию однородности, тогда как конкуренция определяется ее разнородностью, а почин – активностью входящих в нее членов. Поэтому подражание так легко распространяется в условиях жизни замкнутых обществ, известной партии и т. п., тогда как конкуренция выдвигается с особенной силой, когда тот или иной социальный факт выходит за пределы данного общества, партии и вообще более или менее однородной среды.

Рассмотрение вопросов конкуренции не входит в нашу задачу, ибо этот предмет уже разработан трудами целого ряда видных социологов, начиная с Маркса. Мы лишь выдвигаем здесь вопрос о конкуренции как факторе соотносительного характера, действующего в противовес подражанию, фак-

" Там же. С. 167–168.

торе, являющемся не менее основным в социальной среде, как и подражание. Только благодаря конкуренции происходят видоизменения социальных форм, ибо при одном подражании дело свелось бы к одной форме, и это поставило бы вопрос о самом существовании общества, его жизни. С этим вопросом, видимо, встретился и Тард, но он его не разрешает, оставляя его открытым. Он указывает на трудности разрешения социального вопроса: <Хорошо ... или худо, если когда-либо установится полное единогласие в умах, достигну-

тое изгнанием или более или менее насильственным обращением несогласного меньшинства, и установится ли когда-нибудь такой порядок? Хорошо или худо, если конкуренции коммерческой, профессиональной, конкуренции честолюбий отдельных индивидов, а также конкуренции политической и военной отдельных народов будет положен конец организацией труда или государственным социализмом, обширной всемирной федерацией или новым европейским равновесием, первым шагом к европейским Соединенным Штатам, и готовит ли все это для нее будущее? Хорошо или худо, если избавившись от всякого контроля и устранив всякое противодействие, выступит, наконец, на смену сильная и свободная общественная власть, абсолютно самодержавная и способная на великие дела, власть всемогущая в лице какого-либо Цезаря или партии, или какого-либо народа, власть самая человеколюбивая и самая разумная, какую только возможно вообразить, и следует ли нам иметь ввиду такую перспективу?

Вот вопрос, и он страшен именно потому, что так стоит[^]. Автор далее говорит, что человечество движется в направлении наибольшей истины и наибольшего могущества, но можно сомневаться в том, каким путем будет достигнут этот максимум – <путем ли развития противоречий, конкуренции и критики или, напротив, путем заглушения всего этого и безграничного подражательного распространения единой мысли, единой воли, которые распространятся все более и более упрочатся в массах> ". Можно ли сомневаться, что и тот, и другой путь одинаково не может привести к результату, да и не может быть осуществлен на практике, ибо каждый из них дополняет один другого и приводит к максимуму достижимого благополучия.

Ясно отсюда, что к числу тормозящих условий должна быть отнесена в известных случаях, и конкуренция, которая действительно является нередко наиболее могущественным тормозом для распространения всякого неокрепшего социального явления. Поэтому Тард неправ, когда он сводит социальную жизнь к подражанию, ибо конкуренция играет в жизни обществ, в социальнии общественных условий человеческой деятельности не менее важную роль, как и подражание, тем более, что конкуренция, как мы знаем, далеко не всегда является подавляющей силой, а часто и возбуждающей, о чем речь была в другом месте[^].

Примером конкуренции в области культуры может служить факт вытеснения к началу нашей эры клинообразных письмен из передней Азии финикийским алфавитом, распространявшимся по берегам Средиземного моря. Несомненно, что это вытеснение произошло вслед за военными и политическими успехами народов, населявших берега Средиземного моря, но мы знаем, что и победители в культурном отношении иногда уступают

[^] Там же. С. 33.

" Там же. С. 33–34.

[^] Кроме подражания и конкуренции, для всякого нового факта необходима инициатива или почин, без которого не может обойтись ни одно открытие, ни одно изобретение, ни один новый лозунг, ни один призыв. Этим определяется роль личного почина в общественном процессе. Но почин только тогда окажется действительным, когда он встретит подражание со стороны других и выдержит конкуренцию. Таким образом почин, подражание и конку-

ренция—вот что определяет в конечном итоге общественный прогресс или общественное движение.

219

побежденным народам, и, следовательно, вопрос этот должен рассматриваться в плоскости, главным образом, конкуренции двух культур, которые история привела в столкновение друг с другом.

То же самое мы имеем и в отношении языка. Языки менее культурных народов постепенно вытесняются языками более культурных народов, коль скоро эти последние вступают в более тесное единение с первыми на правах победителей.

Далее, в языках мы имеем также конкуренцию различных лингвистических форм и, следовательно, взаимное торможение, при котором одна форма выдерживает конкуренцию и затем упрочивается и распространяется путем подражания, тогда как другая под влиянием конкуренции тормозится и исчезает совершенно. При этом, конечно, результат борьбы или конкуренции стоит в связи с возможным упрощением языка и с его выразительностью.

Тормозящие условия в коллективе создаются властью. В конце концов, всякая власть есть насилие, и без насилия не может быть власти. Она является чаще всего результатом подавляющего господства одного класса над другими. Правда, в других случаях она может быть результатом соглашения двух или большего числа борющихся партий. Вне этих условий, более или менее прочной власти нет и быть не может. Однако и в последнем случае она будет подавляющей для тех элементов, которые не участвуют в соглашении. Чтобы осуществлять свои задачи, власть не может обходиться без особых орудий, которые, будучи тем самым с ней связанными, являются исполнителями ее введений.

Будет ли власть результатом соглашения партий и классов или же она будет результатом преобладания одного из них, она, во всяком случае, являясь олицетворением силы всего политического общества, имеет возможность действовать и выступать за все общество. Но достаточно, чтобы главное орудие власти — войско — утратило преданность данной власти, как это случается почти во всех революциях, как власть лишается своей опоры и падает.

Всякое общественное движение, раз начавшись, имеет согласно закону инерции тенденцию развиваться в том же направлении. Если на самом деле так не происходит, то это обуславливается особыми препятствиями, его тормозящими, как внешними, так и внутренними. Торможение коллективной работы может зависеть от всякого нового внешнего раздражения, привлекающего общественное сосредоточение. Вот, например, коллектив, который занят своей обычной работой. Приходит во время работы новое лицо, принося с собой какую-либо интересную новость, и работа коллектива приостанавливается на время его рассказа.

Представим себе собрание, которое занято определенной темой, а сосредоточение всего коллектива направлено на речь оратора, развивающего шаг за шагом самую тему. Но вот послышался набатный колокол или необычайный шум на улице. В коллективе сосредоточение, устремление на предмет речи оратора тотчас же подавляется на то или другое время.

Допустим, что мы имеем со стороны уличной толпы проявление коллективного гнева против какого-либо лица. Но достаточно, чтобы этот объект гневного настроения толпы был достаточно находчив и возбудил ее смех, чтобы толпа успокоилась, перейдя от гнева к веселому настроению. В другом случае кто-либо другой может отвлечь толпу своими увещаниями, и гнев толпы принимает иное направление.

Вот разъяренная толпа под влиянием каких-либо поводов или нелепых слухов начинает бесчинствовать. Достаточно показаться воинской силе, чтобы толпа прекратила буйство.

Допустите, что голодная толпа начинает протестовать против торговца съестными припасами. Достаточно бывает своевременно выяснить, что тор-

220

говец не причем, ибо он сам не получил товаров и на самом деле их не имеет, и толпа, готовая к погрому, расходитя.

Возьмем еще пример: толпа избивает человека. Достаточно вмешаться сторонней воинской силе, и человек, который был верной жертвой ярости толпы, спасен.

С другой стороны, тормозящим условием для общественного движения служит столкновение его с общественными течениями иного характера. Это опять-таки внешние тормоза для общественного движения.

Когда развивается какое-либо общественное движение, оно обычно не встречает противодействия со стороны других общественных сил до тех пор, пока оно не достигнет такого развития, при котором оно столкнется с интересами других общественных движений.

С этих пор начинается подготовка в общественных кругах противоположного лагеря к определенному противодействию, которое постепенно и вводит общественное движение в определенные границы.

К более или менее постоянным или, точнее, длительно действующим, тормозящим факторам в общественной жизни должны быть отнесены все условия общественного и государственного ограничения.

Сюда относятся подчинение законам, обычаям, правам, традициям, сословным установлениям, даже так называемым предрассудкам, общепризнанным условиям общественной нравственности или порядочности, определенным требованиям религии, установленным приличиям в манере держать себя, в речи, в одежде, требованиям моды, кружковым установлениям в форме определенных правил и т. п.

К временным тормозящим условиям должны быть отнесены все те, которые вытекают из событий текущего времени.

Общественное движение может быть заторможено искусственно путем отвлечения народного движения в иное направление или путем прямого противодействия. Так, оппозиция прекращает свою борьбу с правительством вместе с наступлением войны ввиду грозящей всем опасности и вместе с развитием общего патриотического настроения в стране. В этих видах правительства уже неоднократно прибегали к спасительным для них войнам, руководясь тем, что ожидаемыми победами можно отвлечь или временно

подавить революционное движение.

Известно, что XIII в. особенно богат гонениями против евреев, обвиняемых нередко в ритуальных убийствах, и это вследствие того, что в низших слоях общества начало проявляться брожение, и потому низшее духовенство и отчасти дворянство из боязни всякого самостоятельного шага самого народа стали направлять мятущуюся мысль народа в сторону религиозных гонений против евреев, подогревая своими подстрекательствами религиозное направление умов и фанатизм народных масс. Легендарные басни об употреблении евреями крови христианских младенцев с ритуальными целями должны были служить отвлечением народного брожения в сторону, выгодную для духовенства и дворянства. Еврейство должно было служить козлицем отпущения за грехи управителей и пастырей, и вот начинается расправа с евреями по самому незначительному поводу, кончающаяся большей частью убийствами и грабежами¹⁴. Другим средством подогревания религиозного настроения средневекового жителя служили процессы против ведьм и колдунов, кончавшиеся сожжением последних, а равно и религиозные гонения против еретиков. Аналогичное значение в более широком, конечно, масштабе играли и известные всем крестовые походы.

Соответственно этому тормозящим фактором для народных движений является всякое вообще новое значительное общественное событие, захватывающее все общество. Это может быть война, какое-нибудь необычайное открытие, заинтересовывающее общество и призывающее его к дея-

221

тельности, и даже массовая организация общественных развлечений. Недаром голодная римская толпа, которую занимали в целях политических цирковыми представлениями, впоследствии оглашала Рим криками: <Хлеба и зрелищ!>

Мы заимствуем для иллюстрации нашего положения одну выдержку из сочинения Тарда, рассматривающего вопрос достижения социального единения со своей особой точки зрения: <Когда в каком-нибудь округе умирающие с голоду партии и классы изо всех сил стараются уничтожить друг друга, открытие каменноугольных копей, обогащающее всех, устанавливает согласие между всеми. Когда страна раздирается внутренними неурядицами, открытие колонии или ее завоевание для воинственного народа равносильное открытию, вызывает большой поток эмиграции, столь же умиротворяющий, сколько и обогащающий. Сколько европейских войн и революций устранило или на несколько веков отдалило великое открытие Колумба! И какое значение представляют рядом с этим те мелкие колониальные столкновения, которые оно породило! Оно дало широкий исход вдаль для духа несогласия, алчности и бесчеловечности, который, имея возможность удовлетвориться над дикарями и на невозделанных территориях, перестал потрясать Европу с прежней силой>¹⁵.

К области торможения должны быть отнесены те ограничения, которые встречает мнение одной партии, сталкиваясь с другим противоположным мнением другой партии, а также та оппозиция, которая организуется против честолюбивых замыслов тех или других представителей власти; те конституции, которыми ограничивается та или иная власть, и, наконец, те законы, которые создают преграды различного рода вожделям, противоречащим минимальным условиям общежития.

Подавление общественного движения путем прямого противодействия,

например, запрета со стороны власти или даже воинской силой, представляет собой также пример внешнего торможения. В этих случаях дело сводится обыкновенно к временному торможению, ибо с ослаблением власти оно вновь находит почву для своего развития.

При этом, однако, не следует забывать, что применение крутых мер по отношению к тому или другому общественному движению может иметь значение лишь временного средства. За ним обязательно должны следовать другие более рациональные мероприятия, причем и в этом случае заторможенность общественного движения далеко не всегда бывает прочной, ибо вместе с тем, как тормозящие условия будут устранены, прежнее общественное движение может вновь оживиться.

Не менее доказательны примеры насильственного, т. е. внешнего, торможения общественного настроения, которое легко было наблюдать во время последовавшей в России вслед за революцией гражданской войной. Те области, которые, находясь то или другое время под давлением <красного> режима, встречали с радостью приход белых, проявляя в этом случае даже энтузиазм. Но приходило некоторое время, когда, испытав новый режим, еще более суровый по сравнению с первым, население пропитывалось ненавистью к белым и встречало опять с радостью приход красных. Некоторые местности, переходившие из рук в руки, испытывали эту перемену настроения в ту и другую сторону по многу раз.

Помимо внешнего торможения следует иметь в виду и внутреннее торможение, которое заключается в косности среды, в привычках, в обычаях, в рутине, мешающей проявиться всякому общественному новшеству с должной силой и препятствующей его распространению.

" Тард Ж. Социальная логика. СПб., 1901. С. 233.
222

Всякий коллективный сочетательный рефлекс развивается на почве обыкновенного и, явившись как результат побочного раздражения, легко подвергается внутреннему торможению.

Допустим, что под влиянием тех или других условий образовался сочетательный коллективный рефлекс, дающий лицам известного толка то или другое удовлетворение. Представим его в форме тех правых организаций, которые были так сильны и так шумели у нас в период, предшествующий великой войне. С наступлением войны и призывом с высоты престола объединиться всем партиями и забыть все распри, эти организации начали притихать, с развитием же революции они совсем исчезли, потеряв для себя всякий смысл и лишившись соответствующего удовлетворения.

Произошло то, что в значительной мере является внутренним торможением, в отличие от высшего торможения, которое может быть, например, следствием запрета со стороны закона или ограничения тех или других организаций административным путем или путем насилия.

Внутренние тормозы в коллективах вообще не составляют редкости. Так, например, в истории мы встречаемся с необходимостью для народа, обусловленной теми или иными обстоятельствами и моментами, проявить энергию и энтузиазм и в то же время невозможность осуществления этого по причинам внутреннего порядка, классового раздора и т. п. Сюда же относятся случаи, когда задерживается культурное движение народа, раздираемого междоусобицей, гражданской войной двумя религиями и несогласием в верованиях, когда мы

встречаем, с одной стороны, разъедающий скептицизм, с другой – религиозный фанатизм, или непрерывную борьбу между консерваторами и оппозицией. Благодаря этим условиям часто даже борьба народа за свое историческое бытие не может осуществляться, ибо результаты его воинственного порыва рушатся и утрачиваются по обстоятельствам, против которых было бы бессильно или невозможно вести борьбу. Все эти состояния приводят обыкновенно к подавлению и к ограничению или ослаблению народного порыва и, следовательно, к бездеятельности и параличу.

Вообще всюду, где мы встречаемся с действием противоречивых факторов, там мы имеем подавление общественных движений и состояние общественной косности. Даже простое разногласие с другим лицом в том или ином случае парализует стремления обоих в большей или меньшей мере.

Между прочим и то, что известно под названием коллективного настроения, подвергается внутреннему торможению, сменяясь другим настроением. Возьмем пример из жизни русского общества. Как известно, в начале великой войны все общество до самых низов включительно следило за малейшими событиями на войне: всякая удача на войне возбуждала всех и давала повод к торжественным речам в общественных собраниях, тогда как военная неудача оценивалась как национальное горе, повергавшее всех в уныние. Но период сплошных военных неудач постепенно притупил общественную реакцию к этим событиям.

Еще в первое время революции наступление 18 июля дало резкий толчок развитию патриотического настроения, ибо и сама революция первоначально прошла под флагом патриотизма, но это была последняя патриотическая вспышка. Последовавшие затем военные неудачи в корень подорвали всякую веру в успешное продолжение войны и дали благоприятную почву для интернационалистических учений. За этим началось безразличное отношение к войне, а с захватом власти большевиками оно достигло такой степени, что отторжение от России не только Польши, но и Литвы, Курляндии, а затем и всего Прибалтийского края, Украины, Финляндии и Кавказских областей, проходило в русском обществе без всякой особой реакции, как будто бы речь шла о расчленении не живого общественного тела, а бездыханного трупа.

223

Заслуживающим особого внимания явлением в коллективной рефлексологии может быть естественное торможение мимико-соматического рефлекса толпы, вызываемого казнями и расстрелами. Всякому известно, как действует на нервы убийство в мирной обстановке и как привыкают к убийству на войне. Привыкший к бою солдат перестает испытывать угнетение или страх, он скорее возбуждается в бою и как бы пьянеет, пренебрегая опасностью. Мимико-соматическая реакция, таким образом, постепенно все более и более притупляется вместе с частым повторением у каждого индивида, и, в конце концов, реакция, возбуждаемая даже перед лицом собственной смерти, испытываемая каждым при соответствующих обстоятельствах, совершенно затормаживается. Постоянное ожидание смерти делает человека безразличным при действительной опасности "*" .

Здесь речь идет о более или менее полном подавлении мимико-соматической реакции, являющемся в результате известного переутомления. В подтверждение сказанного в мемуарах участника Парижской Коммуны, начальника уголовного розыска Каттелена мы можем прочесть между прочим следующее: <В конце концов, так как утомляешься от всего, то солдаты не

истребляли больше пленных, но стреляли без гнева, без дикого завывания, но в полном порядке и с мудрой экономией патронов.

Два или три выстрела из шаспо, иногда даже один, сделанные без сомнения в упор, в череп, и все было кончено. Под конец и жертвы стали позволять себя приставлять к стене со спокойным отречением. Только несколько скромных жалоб:

"Мой бедный мальчик, что это вы хотите там делать, вы не дали даже мне времени поцеловать моих детей"> ^°.

Большого безразличия перед лицом смерти как с той, так и с другой стороны трудно даже и представить.

Даже простые люди, видя кругом себя казни, привыкали к предстоящей своей смерти как будто к самому обыкновенному акту. Так, в Оранже крестьяне даже поплясывали на эшафоте, а 15-летний мальчик спрашивает палача: <Ты очень больно мне сделаешь?>

Нечего говорить про стойкость руководителей революционных движений, которые обычно почти все умирают с героическим спокойствием, чему способствует их воодушевление и выработанная стойкость нрава. Известно, какое равнодушие проявил Дантон на эшафоте: <Ты покажешь мою голову народу, она стоит этого>, – были его последние слова. Случались даже шутники на эшафоте. Так, один, шутя, желает зрителям большей удачи, чем он ее имел, другой вышучивает под гильотиной и народ, и самого палача.

С другой стороны, известно, с какой стоической твердостью в большинстве случаев умирают заговорщики в период кровавых революций. Так, жертвы заговора <Красных рубах> восходят один за другим на эшафот, не выдавая своих тайн. Еще более яркий пример в этом отношении представляют жирондисты. <Своей героической смертью жирондисты заслужили сразу переход в бессмертие. Были приняты все меры, чтобы они могли выпить перед смертью чего-нибудь возбуждающего. Это не мешало им хором запеть марсельезу не как похоронный самим себе псалом, а как победный марш, как символ надежды на лучшие судьбы отечества. Они пели с увлечением, громко и понятно и на печальной колеснице, и сходя с нее на землю, и поднимаясь на ступень эшафота. Лишь тяжеловесный нож гильотины заставлял их голоса умолкнуть навеки> ^.

Не меньше безразличия проявлялось и в толпе, наблюдавшей бесчисленные казни.

^ Cattclain P. Memoires inedites du chef de la Surete sous la Commune. S. 1., S. a. P. 231.

^ Кабанис П., Насс Л. Революционный невроз. Бм., Б. г. С. 98.

<Жертвоприношения гильотине прививались все более и более: они стали входить в привычку, делались народной потребностью, а толпа, приучившаяся к виду крови, перестала испытывать чувство отвращения, а вскоре уже не могла обходиться без подобного возбуждающего для нервов средства. Матери приводили на места казни детей, отцы поднимали их на плечи, "воспитывая в них таким образом ненависть к тиранам и чувство мужества"> ".

Как известно, аналогичные явления наблюдаются и в нападающей толпе. Еще вначале толпа как будто испытывает к крови отрицательное и во всяком случае осторожное отношение, но достаточно, чтобы первая кровь пролилась,

и ярость толпы не знает пределов; ярость перестает возбуждать отвращение; наоборот, она является совершенно безразличной для толпы и даже не возбуждает, чем и объясняются издевательства толпы над трупами убитых.

Можно было бы привести многочисленные примеры, но они всем известны из истории. Из сказанного ясно, что привыкание к чему-либо, возбуждавшему ранее мимико-соматический рефлекс, есть уже акт внутреннего торможения этого рефлекса.

По той же самой причине преодоление внутренних препятствий и всякое социальное нововведение прививаются не сразу, а входят в жизнь постепенно путем перевоспитания общества. Если нововведение коренным образом изменяет обычный уклад общественной жизни, то оно всегда встречает более или менее сильный отпор из-за привычек и рутины, являющихся выражением закона инерции. Поэтому, чем более предстоит резкая ломка общественных традиций, тем сильнее сопротивление со стороны общества, тем сильнее внутреннее торможение, которое нередко может быть подавлено только силой. Примерами могут служить уже ранее упоминавшиеся сопротивления, которыми сопровождалось введение паровой машины, устройство железных дорог, первоначальное возделывание картофеля, насильственное проведение реформ и т. д.

Народные волнения и бунты находят для себя благоприятную почву именно в этих столкновениях установившихся социальных условий с нововведениями, к которым общество не подготовлено.

Во избежание этого все более или менее радикально изменяющие жизненный уклад общественные нововведения легче всего проводятся через молодые поколения, еще не погрязшие в рутине старых условий и не сжившиеся с ними, вследствие чего в таких случаях особую роль должно всегда отводить перевоспитанию юношества.

Вообще каждое нововведение в социальной среде, затрагивающее интересы большинства, встречает с его стороны сопротивление то более сильное, то менее сильное в зависимости от того, как глубоко эти интересы затрагиваются. С течением же времени нововведение становится привычным, вследствие чего оно затем оттаивается как нечто усвоенное и как бы принадлежащее обществу, хотя некогда и навязанное ему силой. Так, римское законодательство некогда вводилось силой среди галло-романских народов, которые затем признавали своим священным долгом защищать римское право как лучшее народное достояние.

Препятствиями к распространению того или другого нововведения в коллективе являются, без сомнения, противоречащие ему взгляды, укоренившиеся в обществе, а также различного рода предрассудки и даже национальная, племенная или сословная гордость, основанная на традициях прошлой жизни коллектива^{*}. В зависимости от этих условий один коллектив легче воспринимает нововведение, нежели другой, в котором распространение того же нововведения встречает уже значительно большее препятствие. Нечего говорить, что распространение нововведения по коллективу

^{*} Там же. С. 101.
15 В. М. Бехтерев

встречает большее препятствие, если оно возникло не в руководящей среде,

и, наоборот, оно идет быстрее, когда оно исходит от руководящих и пользующихся общим доверием сфер, которые возбуждают подражание в окружающих в большей мере, нежели эти последние в первых. Точно также распространение нововведения от одного коллектива к другому происходит легче, коль скоро оно зарождается в высшем по значению коллективе по сравнению с тем случаем, когда нововведение зародилось в низшем по своему значению коллективе, ибо первый коллектив в большей мере вызывает подражание со стороны других, нежели последний^{^*}.

Вообще же внутреннее торможение легко наступает при частом повторении социальных фактов. <Вследствие частого употребления слово сокращается, обесцвечивается, изнашивается как гольш, скатанный волнами; религиозное верование теряет свою интенсивность, искусство вырождается и пр.>". Совершенно то же мы наблюдаем и во всяком общественном движении, которое с течением времени тускнеет, утрачивая новизну, и перестает не только привлекать к себе внимание других, но и возбуждать собственных сподвижников.

Поэтому нужен какой-либо толчок, чтобы общественное движение вновь оживилось. Даже простой перерыв этого движения может оказаться для него выгодным, благодаря тому, что энергия его приверженцев с этим вместе возрастает, и оно вновь возбуждает к себе общественный интерес.

Упомянутое выше коллективное сосредоточение, подобно индивидуальному, также подвергается через тот или другой срок утомлению или внутреннему торможению. Ввиду этого коллективная работа, требующая напряженного сосредоточения, должна сопровождаться определенными перерывами, после которых она может продолжаться с новой энергией благодаря последующему оживлению. Время наступления торможения в этом случае зависит от характера коллективной работы, а также от большего или меньшего ее однообразия.

В силу этого оратор, который говорит вяло и однообразно, утомляет толпу уже в короткое время, тогда как оратор, обладающий способностью разнообразить свою речь и интонацией, и содержанием, может быть выслушиваем толпой без утомления в течение одного-двух и более часов. Поэтому для поддержки сосредоточения при более продолжительных умственных занятиях пользуются не только перерывами, но и сменой темы занятий. При правильной смене занятий и при соответствующих перерывах умственные коллективные занятия, как известно, могут длиться без большего переутомления около 5-6 час., а коллективные занятия иного рода могут длиться значительно дольше. Условно признано, что 8-часовой физической труд, сопровождаемый правильным отдыхом, является тем наибольшим размером труда, который в большинстве случаев гарантирует при длительных физических занятиях от излишнего переутомления и истощения. Однако, переутомление зависит не только от количества часов труда и времени перерывов, но и от напряжения в труде и даже интереса к труду".

Если тормозом общественной жизни является то, что мешает естественному ходу развития общества, то не следует забывать, что и в коллективной рефлексивности, как и в индивидуальной, один и тот же раздражитель может быть тормозящим, но может быть и возбуждателем, смотря по тому, в какой период народного движения он действует. Так, применение силы, связанное с расстрелами, нередко приводит к подавлению народного движения в самом начале движения, но в иных случаях, когда народное возбуждение уже

[^] Тард Ж. Законы подражания. С. 216.

^ Бехтерев В. М. Основные задачи рефлексологии физического труда // Вопросы изучения и воспитания личности. 1919. № 1. С. 3-51.

226

достигло значительной степени развития, расстрелы могут вызвать только новый взрыв народного возмущения и усиливают тем самым народное движение. Так, во время исторической забастовки 25 февраля, когда казаки отказывались стрелять в народ и часто кричали вместе с народом <долой самодержавие>, в войска были влиты полицейские части, и производились расстрелы народа из пулеметов, расставленных на крышах домов и разных частях города. Но было уже поздно, и политическая забастовка тотчас же превратилась во всеобщую. Каждый день новые расстрелы еще больше усиливали народное возмущение и укрепляли народное движение, которое, в конце концов, и взяло верх над старым режимом. Толпа народа на улицах, смешавшись с войсками, овладела положением, и переворот совершился с быстротой молнии.

Другой пример: конкуренция, как мы видели, нередко является тормозом для малоокрепших общественных движений, но в других случаях, как мы знаем, она является их возбудителем. Известно, что конкуренция служит нередко стимулирующим фактором в развитии того или другого общественного движения. Только недостаточно окрепшие и нежизнеспособные общественные движения, как упомянуто, она может подавить и затормозить, ибо они не в состоянии выдержать соперничества, на чем собственно и основывается система протекционизма. Во всех же остальных случаях конкуренция служит фактором оживляющим по отношению к общественным движениям, дающим повод и основание к усиленной деятельности коллектива, дабы превзойти соперничающие с ними другие общественные движения.

Во всех перечисленных случаях акты торможения в коллективной среде создают условия, благодаря которым создается противодействие всякому общественному движению, причем это противодействие, в конце концов, всегда окажется равным действию, представленному тем или иным общественным движением.

В заключение заметим, что к числу важных общественных коллективных актов торможения, имеющих в одних случаях политическое, а в других случаях экономическое значение, принадлежат, без сомнения, так называемые забастовки. Здесь мы имеем дело с актом общественного негативизма или с проявлением общественного торможения, при котором быстро, иногда сразу, прекращается общественная деятельность, только что бывшая ключом. Это торможение выявляется обыкновенно под влиянием каких-либо внешних условий и влияний, достаточно сильных, чтобы воздействовать на массы, в то время, как эти массы не могут иными способами дать соответствующий отпор этим влияниям, сводящимся к насилию. Иначе говоря, вследствие неосуществимости активного противодействия вместо него выступает акт торможения. Однако, забастовка является актом большого общественного значения не в смысле только одной обороны, но и как действительное средство борьбы, нередко достигающее тех или других положительных результатов. Одной из крупнейших по размерам и достигнутым результатам является всеобщая политическая забастовка, разразившаяся в России в 1905 г., и для нас на этом примере небезынтересно проследить причину развития этой забастовки, приведшей, в конце концов, к созыву законодательных учреждений в России.

Всеобщая политическая забастовка 1905 г. в России имеет глубокие корни, начавшие свой рост задолго до ее начала. Еще бессмысленная Японская война, потребовавшая от России колоссальных жертв, вызвала недовольство русского народа, проявлявшееся на каждом шагу. Пропаганда против царского правительства разлилась широкой волной по всей России. Правительство не сдавалось и поддерживало суровый режим в стране. Но начавшееся недовольство царским режимом, которое подготавливалось уже давно, росло все больше и больше. Чтобы парализовать агитацию противников царской власти,

15'

227

последняя организовала свою агитацию в рабочей среде, для чего были образуемы общества среди рабочих, на собраниях которых подкупленные правительством ораторы доказывали народу, что ему необходимо надеяться на царя, что он не должен верить противникам царя, что царь искренне желает помочь своему народу, что царь народ свой любит и желает ему благоденствия и что, если существует на Руси недовольство царским режимом, то это происходит от не в меру усердных чиновников и т. п. Одно из таких обществ было основано в Москве, другое было организовано в Петербурге по почину полиции с участием священника Георгия Гапона в начале 1904 г., причем одной из задач С.-Петербургского общества фабричных и заводских рабочих было отвлечение рабочих от преступной пропаганды.

Гапон, ставший во главе этого общества и пользовавшийся первоначально доверием некоторых членов правительства и духовенства, был прекрасным оратором, умевшим увлекать своих слушателей. Когда он изображал тяжелое положение рабочего, он вызывал слезы на глазах у слушателей и вызывал детские восторги, когда доказывал, что рабочим нужно надеяться только на царя. Нечего говорить, что имя царя тогда еще пользовалось ореолом, передаваемым как бы по наследству от отцов к дедам. Число членов общества и слушателей Гапона и других ораторов росло с необычайной быстротой. Слушатели в словах ораторов как бы находили свои собственные затаенные упования, и толпой рабочих овладело волнение по причине лучших чаяний.

Эта пропаганда, одобряемая полицией, однако, имела и обратную сторону, ибо разжечь надежду – значило превратить ее в пламя, а вполне понятно, что простым народом были сделаны в этом направлении свои выводы. Если царь является <отцом> народа, то он должен выслушать своих <детей>, ввиду чего созрела мысль непосредственно обратиться к царю, чтобы он выслушал <нужду> народа и помог ему в столь тяжких обстоятельствах. Надо заметить, что народ и в прежние времена обращался изредка непосредственно к царю через ходоков. В этом случае, однако, было решено обратиться к царю не через отдельных ходоков, а самому народу идти ко дворцу с царскими портретами, иконами и хоругвями.

Это осуществлялось 9 января. Столица провела в тревоге ночь, ожидая событий, ибо никто не мог поверить, что это непосредственное обращение толпы к царю может пройти безнаказанно для безоружного народа. События развернулись так, как предсказывали многие, понимавшие положение дел. Зимний дворец был окружен войсками, которые остановили рабочих, последовали выстрелы, в результате явились жертвы, и земля вокруг дворца обогрелась кровью. Официальные бюллетени раненых считали сотнями, а убитых десятками, слухи передавали о гораздо большей цифре. По словам, дети, следившие за событиями и влезшие на деревья Адмиралтейского сада, при выстрелах падали с деревьев наподобие подстреленных воробьев. Разочарование в среде рабочих и простого народа было полное. Последняя

надежда на царя, основанная на вере в него, внушенной ораторами, закончилась горькими плодами. Ясно стало для всех, что обращением и просьбами помочь ему нельзя и что нужны иные способы воздействия на царя и его правительство. Почти вся страна была в волнении, которое все больше и больше нарастало, вследствие чего явилась необходимость сменить правительственный режим и выработать основы будущей конституции страны в виде законосовещательной Думы. Но то, что могло удовлетворить народ в той или иной мере весной 1905 г., когда оппозиция правительству не могла достигнуть соответственной высоты и напряжения, уже представлялось неподходящей мерой при большем подъеме общественных сил осенью 6 августа того же года, когда был опубликован неудачный законодательный акт о законосовещательной Думе. Так как права народа не получили надлежащего удовлетворения, а между тем неудачное ведение Японской войны

228

показало всю неприглядную сторону царского управления, то народное движение развивалось все больше и больше, и вот, наконец, в оппозиционных к правительству кругах созрела мысль организовать акт обороны в виде всеобщей политической забастовки среди рабочего класса, к которому примкнули железнодорожные служащие, а 19 октября к забастовке примкнул и телеграф в лице почтово-телеграфных служащих. Пульс жизни в стране как бы замер. Поезда остановились там, где их застала забастовка. Почта и телеграф прекратили свою деятельность. Заводы и фабрики остановились. Трамваи в городах остановились, а стоявшие по улицам трамваи нередко опрокидывались на мостовую. Нечего говорить, что забастовка грозила неисчислимыми бедами всей стране, и правительство поняло ее грозное значение, вследствие чего спешно был изготовлен акт о правомочной законодательной Думе, и 17 октября был обнародован соответствующий манифест, окрыливший надежду на свободу забитого русского народа.

С этого момента забастовка прекращается. Поезда пришли в движение, на заводах и фабриках начали свое движение колеса, и на улицах города потянулись трамваи. Законодательный акт 17 октября, таким образом, явился тем смазочным маслом, которое устранило торможение в колесах общественной машины, остановившейся было по причине неудовлетворения общественных нужд.

Из всего вышесказанного ясно, что закон противодействия, равного действию, в общественной жизни является столь же непреложным, как и в механике. Он только встречает здесь более сложную обстановку, и потому проявляется не в столь простых формах, как в механике, но это не изменяет его сущности и не умаляет ни его значения, ни его важности "*".

VI. ЗАКОН ПОДОБИЯ

В механике имеется теорема, по которой две геометрически подобные системы, но различные по своим размерам, будут всегда иметь геометрически подобные движения, вследствие чего при всевозможных смещениях они остаются себе подобными.

Эта теорема естественно вытекает из закона подобия, который может быть прослежен также и через органический мир. Так, мы знаем, что благодаря сходству основного состава живого вещества протоплазмы и все основные функции, [такие] как функции питания, дыхания и обмена, представляются подобными. Везде и всюду в органическом мире удерживается общее строение организмов в виде клеточных колоний с большей или

меньшей централизацией частей тела. Химические и механические процессы, в свою очередь, представляются общими для всех вообще организмов. Даже такие внешние оборонительные средства, как основанные на выработке яда, представляются по своему составу подобными даже в столь отдаленных по развитию организмах, как пчела и змея. Наконец, и онтогенетическое развитие организмов происходит по одному общему плану, воспроизводя все формы филогенетического развития.

В общественной жизни этот закон подобия можно проследить в разных сторонах деятельности коллектива. Так, прежде всего общественная организация везде и всюду происходит по одному и тому же плану. Прежде всего при коллегиальной форме общественной деятельности мы имеем всегда выборный президиум с председателем во главе. При авторитарной форме управления мы имеем назначенного главу и избираемых им лиц как исполнителей его велений и пр. В разных странах, у разных народов при самых разнообразных условиях жизни мы встречаемся с более или менее одинаковыми или сходственными формами поклонения божеству при всеобщем распространении такого понятия о боге. Известно, что в мифологии

229

народов Старого и Нового Света имеются общие черты, которые не могут быть объяснены путем заимствования мифологии одного народа другим народом, ибо сходство мифов было обнаружено у народов Старого и Нового Света еще при открытии Америки. Также оказалось немало общих черт и в обычаях и нравах народов, не имевших между собой соприкосновения в исторической жизни.

Остановившись на сходстве религиозного культа мексиканцев с католическим, Ш. Летурно замечает: <Не в первый раз приходится нам наталкиваться на тот факт, что во все времена и под всеми широтами люди, принадлежащие к разным расам, обнаруживали сходство, приходили к одинаковым мыслям, иногда даже крайне своеобразным, и все это объясняется только тем, что они люди. Припомните египтян, африканских негров и краснокожих – все они одновременно и совершенно независимо пришли к одной и той же жестокой мысли отрезать носы у своих неверных жен, или же вспомните губную ботуку ботокудов, нутка-колумбийцев и негров Средней Африки и т. п.>^.

Далее исторический ход развития цивилизации всех народов выполняется как будто по одному общему плану. Охотничий быт народов на заре цивилизации сменяется кочующим вместе с развитием скотоводства, а кочующий период сменяется с развитием большей безопасности земледельческим. В смысле социально-экономического устройства на смену прежнему рабовладельческому строю идет феодальный, феодальный строй сменяется буржуазно-капиталистическим, на смену же последнему идет социалистический строй.

Наблюдая революционное движение в России за 1905–1906 гг., особенно же за 1917 г. и следующие годы, и сравнивая его с ходом следовавшей затем революции в Германии и с прежними революциями, особенно же с Великой французской революцией конца XVIII в. невольно каждому приходит мысль о безусловной закономерности сложных человеческих действий и о соответствии их с законом подобия. В самом деле, кто может отрицать, что русская революция 1917 г. и следующих лет явилась в значительной мере повторением революции конца XVIII в., несмотря на то, что и та, и другая революции происходили в разные исторические эпохи, причем обе революции

отделял период времени в одно столетие с четвертью, и все это несмотря на то, что одна из этих революций развилась среди глубокого мира, другая среди гигантской мировой войны, и обе они были осуществлены народами, жившими в различных исторических условиях, народами различной расы и жившими в разных климатах.

Что же касается следовавшей за русской революцией германской революции, то последняя, хотя и не достигла того крайнего развития, какое приняла революция в России, но явилась как бы сколком с русской революции, надвигаясь в то же время более ускоренным темпом по сравнению с русской. Так, в германской, как и в русской революции, мы имеем начало ее развития в войсковых частях, быстро распространившееся на весь западный фронт, преследование и убийство офицеров, образование солдатских и крестьянских советов, разделение нации по принципу самоопределения народов и первоначальное коалиционное министерство. Даже германская революция имела своего Корнилова в лице Гинденбурга, контрреволюционное сопротивление некоторых войсковых частей, своих большевиков в лице спартаковцев, своего вождя большевизма в лице Либкнехта, свое июльское восстание в декабрьские дни в Берлине, и т.д. и т.п., причем все это проходило в том же порядке, как и в России. Казалось, здесь было достаточно причин, для того чтобы революционные события шли по иному пути. Хотя

Летурно Ш. Нравственность... С. 227.

230

германская революция развилась во время той же войны, но у народа-победителя, который мог гордиться достигнутыми военными успехами и громадным расширением своей территории, у народа, отличавшегося особенной дисциплинированностью в жизни, большей воспитанностью и образованностью по сравнению с русским народом, народа, жившего под ореолом блестящей военной истории недавнего времени, народа, управляющегося много более благоразумно, нежели у нас в России, с династией, не расшатанной распутием, а наоборот, пользовавшейся в лице Вильгельма II, как до войны, так и в период войны колоссальной популярностью в населении, все это, казалось бы, должно было обусловить другой ход революции в Германии. И тем не менее, несмотря на все это развитие революции в Германии пошло теми же путями, как и в России, но не могло в силу особых условий своей страны выдержать натиска контрреволюционной волны и потому остановилось на полдороге.

Очевидно, что это общее сходство событий может быть объяснено только таким образом, что в развитии событий и там, и здесь действуют одни и те же причины и одни и те же законы, которым следуют эти события, несмотря на громадное различие среды и условий. А если это так, то нельзя сомневаться, что такое же подобие явлений должно существовать и в общественных движениях, развивающихся в периоды более спокойной общественной жизни, ибо в периоды революции оно проявляется лишь более выпуклым образом и выступает вообще ярче для нашего глаза, нежели в другие времена.

Не приводя многих других доказательств этого закона в проявлениях надорганического мира, укажем здесь и на сходство или подобие различных фаз онтогенетического развития соотносительной деятельности с различными фазами онтогенетического развития, ибо ребенок в своем умственном развитии в сущности проходит первоначальную стадию дикарского периода человечества, постепенно, вместе с развитием восходя до культурного состояния в периоде возмужалости^{^*}.

Так как аппарат соотношения или мозг имеет одинаковое в существенных чертах строение у отдельных индивидов одного и того же вида, то и так называемые соотносительные функции у всех индивидов развиваются по одним и тем же путям. Это условие лежит в основе того, что отдельные особи одного и того же вида в сообществе друг с другом легко объединяются между собой для совокупной деятельности в соответствующих случаях. В большей мере, чем где бы то ни было, это наблюдается в сообществе людей. Спрашивается, какими же условиями объясняется это объединение соотносительной деятельности в людском обществе?

В последнее время некоторыми из авторов ^ выдвигается гипотеза о том, что в бессознательной деятельности, олицетворяющей будто бы опыт предшествующих генераций, все индивиды одинаковы, различия же между ними обнаруживаются лишь в сознательной области. Это положение, конечно, помогло бы уяснить нам общность действий массы лиц в известных случаях. Но дело в том, что наследственный опыт бесчисленного ряда предшествующих генераций обнаруживается, собственно, в простых рефлексах, но ничуть не в тех <бессознательных> процессах, которые, как и сознательные, относятся собственно к той соотносительной деятельности, которая предполагает прошлый индивидуальный опыт. Отсюда ясно, что как ни заманчива эта гипотеза, она не может быть полезной при объяснении общности соотносительной деятельности массы лиц.

По нашему мнению, объединяющими факторами соотносительной деятельности массы лиц в общественных группах являются следующие: непосред-

^ Vierkandt A. Naturvolker und Kulturvolker. Lⁿ 1898; Lamprecht K. Moderne Geschichtswissenschaft. Freiburg im Breisgau; Heyfelder, 1905.

231

редственное влияние или индукция, подражание, затем – словесное внушение и, наконец, убеждение.

Наименее изученную форму взаимовлияния в коллективе представляет индукция или непосредственное воздействие одних лиц на других. Вывшие до сего времени исследования давали, большей частью, неубедительные результаты. Но в последнее время мне удалось провести исследование, которое имело значение лабораторного опыта, как над животными, так и над людьми. Эти исследования, послужившие предметом моих докладов на конференции по изучению мозга и психической деятельности в 1920 г.", не оставляют сомнения, что возможна непосредственная индукция со стороны индивида другому, благодаря которой напряженное сосредоточение экспериментатора заставляет выполнить задуманное задание.

Но если это так, то очевидно, что в коллективе, особенно таком, как толпа, может существовать, и несомненно существует, непосредственное взаимовлияние или индуцирование, которое всегда должно иметь в виду.

Подражание, по существу, является естественным следствием и дальнейшим развитием процесса репродукции ^*, ибо всякая репродукция есть самоподражание или подражание однажды произведенному акту, причем испытанные однажды мышечные раздражения оставляют известный след, который, оживляясь, дает толчок к новым действиям подобного же рода.

При подражании другим, дело идет о воспроизведении слышанного,

виденного и ощупываемого, причем здесь импульсом служит внешний толчок, возбуждающий, благодаря уже имеющемуся индивидуальному опыту, по сочетанию аналогичные мышечные раздражения, обуславливающие одинаковые или сходственные движения. Подражание есть основной социальный рефлекс, как репродукция есть основной рефлекс индивидуальной соотнесительной деятельности.

Не говоря о подражании как способе биологической защиты в форме так называемой мимикрии*, необходимо иметь в виду, что подражание есть первичная основа общения всех вообще живых существ.

Вот почему во всех низших существах только подражание служит основой социальных условий жизни.

Если масса гусениц движется по одному направлению целой кучей, цепляясь друг за друга и производя однообразные движения, как я мог наблюдать в одном случае, то это только благодаря осязательно-мышечному подражанию.

Если мы слышим в тихий летний вечер звон кузнечиков, то это опять-таки происходит в значительной мере благодаря подражанию. Когда куча комаров толпится над головой, производя однообразные движения вверх и вниз, то это может быть объяснено только подражанием.

В пчелином и муравьином царстве с подражанием мы встречаемся везде и всюду. Даже если на пчелиный улей нападут сторонние пчелы и начнут поедать пчелиную детвору, то же начинают делать, благодаря подражанию, и пчелы улья, подвергающегося нападению.

Если в болоте раздается голос квакши, он непременно вызовет ответный голос со стороны ее подруг. Крик петуха вызовет ответный отклик со стороны его пернатых соседей.

В птичьей хоре в наших лесах и садах опять мы встречаемся с явлениями подражания. Достаточно сторожу птичьего стада взмахнуть крыльями и взлететь, как вся стая пернатых поднимается с места.

В мире млекопитающих животных подражание также развито в необычайной степени. Всем известно, как стадо подчиняется своему вожаку, как

^" Иванов-Смоленский А. Г. Опыты мысленного воздействия на животных // Вопросы изучения и воспитания личности. 1920. №2. С. 266-271; Флексор П. Опыты так называемого мысленного внушения животным // Там же. С. 272-278.

232

ржание осла или жеребца вызывает ответное ржание со стороны встреченных ими подруг и т. п. Как известно, имеется масса наблюдений в отношении способности к подражанию самых различных животных, а обезьяна в этом отношении вошла даже в поговорку.

Подражание представляется крайне распространенным явлением у всех вообще высших животных. Сюда относятся стадное бегство животных от опасности и стадное же преследование добычи. Всем известно, что, когда одно из животных, живущих стадами, нападает на след добычи и начинает ее преследовать, как то же проделывают и все другие стадные животные. Известно, что в стаде баранов и других животных вожак, проделывающий

то или другое действие, вызывает подражание своему действию и со стороны других животных, входящих в стадо. Так, его остановка перед определенным предметом заставляет остановиться и других его сотоварищей, его прыжок на определенном месте дает те же результаты. С другой стороны, всем известно, что если под влиянием какого-либо шороха начинает лаять одна из собак, то за этим раздаётся лай и со стороны других собак, и, наконец, то же проделывает и вся свора собак, находящихся в одном месте. Крик одного из домашних гусей возбуждает тотчас же крик среди всего стада. Когда стая птиц садится на одно дерево или стая диких чаек устраивает себе отдых от рыбной ловли где-нибудь на песчаной отмели, можно слышать, как крик одной птицы быстро распространяется по всей стае, придавая характер какого-то своеобразного разговора между собой всех особей стаи.

Все это примеры подражания в жизни животных, каковых можно было бы привести во много раз больше, если бы в том была какая-либо надобность.

У животных подражание является как бы инстинктивным, данным от природы актом. В самом деле, вот перед нами цыпленок, почти только что вылупившийся из яйца. Будучи отделен от своей матери, он совершенно не может ориентироваться среди лежащих перед ним пищевых продуктов в виде яичных крошек и он погибает с голоду, не будучи побуждаем к еде. Но как же его к этому побудить? Для этого достаточно постучать пальцем, подражая клеванию матери, и тотчас же птенец начнет клевать, подражая движениям вашего пальца, и первый же попавший в его рот комочек яичка по рефлексу проглатывается; после нескольких таких подражательных опытов птенец начинает уже и сам проделывать клевательные движения, которые приводят к осуществлению питательного акта.

Подражание неизбежно при общении двух себе подобных индивидов на том основании, что оно всегда сопровождается стенической реакцией, ибо прямой опыт показывает, что при рассмотрении на синхроничные движения физическая работа поднимается. Убедительным в этом отношении может считаться опыт Fere. Если испытуемый будет производить работу на эргографе и в то же время против него будут осуществляться те же движения на эргографе другим лицом, то количество работы поднимается. Это стеническое влияние подражания сопровождается положительной экотивной мимико-соматической реакцией, побуждающей к более или менее длительному воспроизведению тех же движений. Вот почему подражание является всеобщим законом в животном царстве. Это же обстоятельство приводит к выводу, что в основе социальности лежит не только специальный отбор, но и чисто биологический или точнее биорефлексологический фактор, состоящий в стимулирующей роли подражания, возбуждающего в то же время мимико-соматическую реакцию положительного характера.

Что касается человека, то и здесь подражание проявляется на каждом шагу, несмотря на то что у человека процессы торможения играют значительно большую роль, нежели в остальном животном царстве. Посмотрите на детей и вы убедитесь, как они подражают один другому и своим старшим.

Крик одного вызывает крики и других. Если один сорвется и начнет шалить, за ним побегут и другие дети.

На подражании основано и все развитие человеческой речи, жестов и отчасти мимики, ибо глухие от рождения остаются немыми, но зато имеют хорошо развитую мимику, а слепые имеют крайне ограниченную мимику при хорошем развитии других органов.

Все воспитание человека, как впрочем и большинства животных, основано на подражании, благодаря которому опыт старших передается младшим в значительной мере в форме подражания. Да и в социальной жизни старших подражание проявляется на каждом шагу. Достаточно кому-нибудь зевнуть, особенно вечером в обществе, как все начинают зевать. Всем известно, какое оживление вносит в общество хотя бы один живой и веселый человек. Только что скучавшее общество под его влиянием начинает оживленную беседу. Заразительность смеха также общеизвестна. Некоторые не могут видеть плачущих без того, чтобы сами тотчас же не начали плакать.

С другой стороны, подражательность в мимике долго живущих вместе людей бывает так сильна, что дает сходственные черты, как это мы имеем относительно пары супругов.

Известно также, что путем подражания развиваются заикание, истерические припадки и другие нервные состояния.

В некоторых болезненных состояниях способность подражания достигает наивысшей степени, благодаря чему всякое произносимое слово и всякое производимое ими действие неизбежно повторяется (так называемая эхोलалия и эхопраксия). Наконец, подражание проявляется и во всех сложных действиях и в работе: каждый учащийся повторяет своего учителя, ученик своего мастера, и только постепенно человек освобождается от подражания другим, производя что-нибудь более или менее оригинальное. Подражание в моде также общеизвестно. Но и сложные социальные явления опять-таки основаны в некоторой мере на подражании. Так, ход русской революции в значительной степени явился подражанием Великой французской революции. Несомненно, что причиной этого сходства явилась и общая для революций закономерность общественных явлений, но что и подражание здесь играло известную роль, показывает сходство и чисто внешних форм некоторых общественных явлений^{^*}.

Не будем входить в обсуждение вопроса, еще далеко не выясненного, — на чем, собственно, основано подражание, составляющее один из основных рефлексов в биологическом ряду животных. Удовольствуемся тем, что воспринятые зрением и слухом импульсы, очевидно, облегчают воспроизведение виденного и слышанного, как однажды проделанное движение облегчает воспроизведение этого движения, проявляясь в виде самоподражания, а облегченное движение сопровождается стенической реакцией, побуждающей к движению.

Особую форму объединения при посредстве слова представляет внушение и убеждение. Внушение есть в настоящем смысле слова посредственное подражание, ибо в простом подражании мы имеем воспроизведение того или другого акта под влиянием соответствующего зрительного, слухового или осязательного импульса, тогда как при внушении мы имеем исполнение того или другого акта посредством соответствующего словесного символа^{^*}, отвечающего данному акту. Разница, следовательно, в том, что в одном случае внешнее впечатление возбуждает сходственный акт, во втором случае тот же акт воспроизводится путем соответствующего ему символа.

Спрашивается, может ли быть внушение среди животных. По-видимому, да; по крайней мере, у более высших из них. В то время, как стая диких птиц занята едой где-нибудь на лугу или на болоте, она возлагает на одного из своих сотоварищей обязанности сторожа, и достаточно бывает этому

сторожу высоко поднять голову, как вся стая настораживается, а первый тревожный крик со стороны сторожа побуждает всю стаю подняться с места и лететь прочь. Таким образом, проявление голоса в данном случае вызывает определенное действие всего стада. Что это такое, как не внушение? По крайней мере, нет ничего такого, что обособляло бы это явление от того, что мы знаем относительно явлений внушения у человека ^{^*}.

Можно признать, таким образом, что в восходящем ряду животных в зависимости от условий существования и полезности в жизненной борьбе обнаруживаются раньше всего мимикрия и другие формы подражания, а позднее выступает внушение.

Что касается человека, то здесь мы встречаемся с явлениями индукции, подражания и внушения, причем последнее может осуществляться не одним криком или жестом, как у животного, но и словом и даже главным образом словом.

Механизм внушения, в свою очередь, сводится к тому, что слово как символ дает при известных условиях, связанных с отвлечением сосредоточения, толчок к воспроизведению уже имевшегося в жизненном опыте движения или состояния, воспроизведение которого в то же самое время облегчается в той или иной мере, чем и достигается реализация внушения со стороны другого лица.

Как известно, в настоящее время наукой выработан метод внушения как в состоянии так называемого гипноза, так и наяву или в бодрственном состоянии. В жизни, однако, дело идет большей частью о непреднамеренном внушении в бодрственном состоянии, которое незаметно передается от одного лица другому, различаясь от подражания, как упомянуто, тем, что в последнем случае дело идет о воспроизведении виденного и слышанного, тогда как в первом случае мы имеем дело с вызыванием определенного действия или состояния с помощью слова, крика или жеста.

Значение внушения в общественной жизни огромно и проявляется везде и всюду подобно подражанию, часто переплетаясь с последним самыми неуловимыми нитями.

Подробнее излагать роль внушения в общественной жизни я не считаю возможным, ибо этому предмету была посвящена мной особая книга [^], к которой я и отсылаю читателя.

Здесь, однако, следует остановиться еще на том процессе, который обозначается термином усвоения, основанного на обучении и убеждении. Дело идет здесь о еще более сложном подражательном процессе, в котором в целях воспроизведения какого-либо стороннего акта личность не подражает ему слепо и не побуждается непосредственно к действию путем слова как символа, а предварительно оценивает его значение и полезность в целом и лишь затем, при положительном результате этой оценки, начинает воспроизводить этот акт как явившийся результатом изучения, вследствие чего он признается в таком случае усвоенным, причем и самое усвоение имеет целью не одну лишь форму и даже не столько форму, сколько существо самого предмета.

Когда усвоение как сложная форма подражания осуществилось, и усвоенный акт может воспроизводиться благодаря выучке, тогда этот акт может выполняться с особенной быстротой и легкостью по одному какому-нибудь словесному или письменному приказу или даже какому-нибудь знаку,

например жесту, играющему роль внушения.

Нечего говорить, что эта форма более сложного подражания, сводящаяся к усвоению, если и уступает подражанию в отношении скорости выполнения, то она выигрывает перед ним ввиду предварительного выяс-

^ Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1903.

235

нения целесообразности и полезности данного действия при соответствующих условиях.

О значении этой формы сложного подражания в социальной жизни распространяться нет особой надобности. Достаточно сказать, что на нем основана вся цивилизация и культура народов.

Некоторые из символов несомненно обязаны своим происхождением метафорическому уподоблению, основанному на сходстве и подражании. Этот факт нетрудно проследить на целом ряде случаев. Так, движения дирижерской палочки основаны на пространственном уподоблении высоте тонов и ширине регистра, цветные значки основаны опять-таки на уподоблении реальным формам действительности. Так, красный флаг есть знак крови и потому присвоен революционным проявлениям. Красным флажком обозначается и всякое предупреждение об опасности.

Зеленый флаг или знамя заимствованы от цвета растущей зелени и связывается поэтому с надеждой на будущий расцвет.

Черный цвет уподобляется темноте могилы и представляет таким образом эмблему смерти и террора.

Белый цвет, наоборот, представляет собой эмблему блеска и присваивается монархической власти.

Голубой цвет, соответствующий цвету небесного свода, является символом чистоты и непорочности и потому является эмблемой в некоторых религиозных украшениях и обрядностях.

Во всех этих случаях символ является как бы реальным воспроизведением другого явления, имеющего то или иное значение в окружающей нас действительности.

К особому виду воздействия следует отнести те случаи, когда определенные действия окружающих непосредственно вызывают изменения состояния данного лица. Примером такого воздействия может служить случай, когда младенец при виде того, как один человек бьет другого, начинает плакать, или как взрослый человек, видя картину ужаса, впадает в состояние обморока. Здесь нет ни подражания, ни внушения, а есть нечто иное, как непосредственное влияние в форме сочетательного рефлекса.

Пример такого рода нам представляет также следующий случай. Когда знаменитый Менделеев представлял Петроградскую палату во время столетия Юрьевского университета, он, подходя к эстраде, пошатнулся. Вся публика, как один человек, встает в знак уважения к его личности. Это не была овация, которая сопровождается публичными аплодисментами. Это было молчаливое почтение к национальной гордости и славе.

Другой пример может представить собой встреча Керенского в войсках в его период славы. Вот одна из таких сцен: <Ровно в 9 часов оркестр заиграл "Марсельезу", казаки взяли "на караул", и в открытом автомобиле показался Керенский. Многотысячная толпа загремела "ура". На лицах встречавших большое волнение и видимая любовь к своему революционному вождю и герою. Керенский встал во весь рост на автомобиле и, высоко держа фуражку, приветствовал народ. Его искренность, одухотворенное лицо приковывали внимание своей выразительностью и каким-то внутренним очарованием. Когда автомобиль Керенского пролетел сквозь толпу, то все, словно загипнотизированные, побежали за автомобилем, все время крича "ура" и размахивая шляпами и фуражками> ".

Понимание в вышеуказанном смысле воздействия выполняется при посредстве сочетательных рефлексов, подобно тому, как и в других случаях дело идет о возбуждении сочетательных рефлексов с помощью символических,

^" Из газетных сообщений.

236

например речевых, знаков, будет ли это вызываться непосредственно в форме внушения или же в форме логического убеждения.

Такого рода сочетательное воздействие приходит по-видимому несколько позднее с усвоением определенных отношений между людьми. Так, если ребенок, увидев в окне драку людей, начинает плакать, это несомненно акт индукции, но она является в цикле развития позднее проявления подражательности, ибо требует уже известного опыта в отношении хотя бы столь простых актов, как побивание одного лица другим. Точно так же, когда человек бросается помочь другому, когда последний неожиданно сваливается, или стремится помочь ему в поднятии упавшего из его рук предмета, это акты индукции, опять-таки требующие соответственного жизненного опыта, вследствие чего они возникают в периоде развития позднее подражательности.

Что касается внушаемости, то она возникает с тех пор, как в достаточной мере усваивается ребенком значение речи и жестов, что происходит позднее усвоения значения простых актов, а потому и внушаемость является во всяком случае не раньше, а большей частью несколько позднее индукции.

Наконец, убеждаемость доводами требует уже хорошо развитой речи с вполне развитыми логическими посылками и потому проявляется в еще более позднем возрасте, когда путем опыта приобретает знание причинных соотношений между отдельными явлениями.

В данном случае нас может интересовать главным образом то, что как подражание и внушение, так и индукция приводят к согласованным действиям всего коллектива или целой группы лиц в коллективе, что имеет особо важное значение в социальных условиях жизни. При этом надо иметь в виду, что как внушаемость и подражательность, так и индуктивность человека не представляются всегда в одной и той же степени. Они находятся в зависимости от его состояния в то или другое время, от большей или меньшей его сосредоточенности и отчасти в зависимости от источника воздействия. Так, состояние пассивности и отвлечение сосредоточения располагает к развитию подражания, индукции и внушаемости.

С другой стороны, человек развитой, со свежими силами, следовательно, неутомленный, может в большей мере противодействовать подражательности, индуктивности и внушаемости. Бодрящая реакция мимико-соматического характера всегда содействует развитию подражательности, индуктивности и внушаемости в направлении, соответствующем характеру данной эмоции. Известно, что в толпе подражательность, индуктивность и внушаемость встречаются особенно благоприятную почву, и это потому, что в толпе резко поднимается эмотивное состояние при условии пассивности и утомления.

С другой стороны, люди, мало развитые, и дети, как известно, отличаются большей индуктивностью, подражательностью и внушаемостью.

Но независимо от всего прочего и источник, от которого исходит воздействие, не представляется безразличным в смысле осуществимости воздействия в той или другой форме.

Так, совершенно неодинаковое влияние на школьника окажут жест или слова своего сотоварища и жест или слово своего учителя: точно так же на необразованного человека окажут неодинаковое воздействие жесты и слова другого такого же неуча, как он сам, и жесты и слова образованного человека и т. д. Наконец, природные качества, в какой мере они сказываются на индивидуальных особенностях и характере того или другого лица, не безразличны в отношении силы воздействия.

Опыт, во всяком случае, дает основание к тому, чтобы признать, что одни лица по своей природе более склонны к подражанию, индукции и внушению, нежели другие лица.

237

Наконец, следует указать и на необходимые физические и ненормальные состояния, которые повышают склонность к подражательности, индуктивности и внушаемости.

Сюда относятся такие состояния, как сомнамбулические, и в том числе так называемые гипноз, или искусственный сон, и некоторые из общих неврозов, как, например, истерия, психостения, эмерячение и некоторые другие.

Под противовнушением^{^*} понимают то состояние, когда объект реципиент противодействует влиянию на него стороннего внушения, что объясняется привычкой к сбереганию себя от сторонних влияний. Это противодействие проявляется иногда и в отношении влияния доводами, когда человек на все то, в чем он мог бы без труда убедиться, заявляет безмотивное несогласие. Ему говорят, например, что ему было бы полезно пройтись, и он без достаточных причин ответит: <Нет, я в этом не нуждаюсь>, и так же в других случаях. Эта привычка к негативизму в ответах и действиях составляет результат, главным образом, воспитания, отчасти же известного настроения.

Следует однако иметь в виду, что как противовнушение, так и логическое несогласование, в конце концов, не составляют неодолимых преград для внушения и убеждения, но все-таки, в той или иной мере, они могут ограничивать силу воздействия и того и другого.

Что же касается подражательности и индуктивности, то здесь склонность к противодействию, по-видимому, не имеет места или, по крайней мере,

не проявляется более или менее очевидным образом. Надо впрочем иметь в виду, что это замечание имеет силу, главным образом, по отношению к подражанию в том узком значении, когда дело идет о копировании действий или слов, но не в том расширении этого понятия, которое допустил в своих социологических трактатах Тард, разумеющий под ними все вообще процессы симпатии, внушения и подражания всякого рода.

В нормальных условиях не всегда легко провести резкую грань между внушением и убеждением, ибо и тот, и другой процесс воздействия часто осуществляется в одном и том же случае одновременно. Можно лишь сказать, что в одном случае дело идет о непосредственном прививании другому лицу и, следовательно, вызывании у него определенных состояний, действий или заявлений путем слова или жеста стороннего человека, тогда как в другом случае дело идет о вызывании в другом лице действий или заявлений посредством доводов или так называемых логических посылок, говорящих в пользу необходимости или полезности при данных обстоятельствах действий или заявлений, причем осуществление их достигается лишь в том случае, если и сам воздействуемый после соответствующей критики <за> или <против> усвоит соответствующие доводы, т. е. признает необходимость и полезность действий при данных обстоятельствах и сделает их руководящими линиями в отношении своего поведения.

Ввиду этого ясно, что логическое воздействие или убеждение доводами требует времени, ибо оно сопровождается критикой, тогда как внушение прививается непосредственно, а следовательно, быстро, но зато первое всегда или почти всегда соответствует интересам данного лица, осуществляющего производимое на него внушение, во втором же случае вопрос о полезности или интересах реципиента совершенно исключается.

Подражание есть основа общественности, что было выдвинуто еще в работе Тарда. Уже при изучении речи, этого первого и основного орудия общественности, подражание играет столь важную роль, что без подражания развитие речи вообще оказалось бы невысказанным. Равным образом и воспитание основано в значительной мере на подражании. Путем того же подражания человек перенимает в значительной мере и все общественные

238

условности и обычаи. Лишь благодаря подражанию человек становится общественным существом в настоящем смысле слова.

С другой стороны, кроме непосредственного подражания в этом случае должно иметь в виду и внушаемость, т. е. склонность непосредственно подчиняться словесному влиянию. Дело идет здесь о взаимном влиянии путем слова одних лиц на других и о той форме внушения, которую можно бы назвать общественным внушением. Уже в школе во время обучения мы встречаемся с внушением на каждом шагу. С другой стороны, когда человек вступает в ту или иную группу лиц, в тот или другой кружок, он получает тотчас же со всех сторон внушение, касающееся внешних условий общежития, обычаев, традиций, и невольно им подчиняется.

Процесс убеждения, приводящий к усвоению, также действует в массах людей, как и у отдельных лиц. Когда вождь толпы разъясняет последней то или другое событие, это не значит, что он действует исключительно путем нарушения. Известную долю в этом случае почти всегда занимает и убеждение, которое таким образом, является также не несущественным фактором объединения нервно-психической деятельности массы лиц. В смысле зна-

чения убеждения как объединяющего фактора имеет особую важность тот факт, что в школах все учатся одному и тому же и усваивают одни и те же вещи, что естественно, приводит к известной нивелировке различных соучастников данного общества.

Собственно, везде и всюду в общественных группах объединение членов достигается с помощью упомянутых факторов, основанных на индукции, подражательности, внушаемости и усвоении, основанных на убеждении. Но внешними импульсами к объединению служат более всего классовые и профессиональные условия, втягивающие личность в свой круг жизненных привычек и обычаев. Эти условия, как мы уже говорили, собственно, и являются определителями многих высших особенностей той или другой личности, обусловленных принадлежностью ее к определенной группе лиц или к известному классу общества.

В каждой общественной группе имеются свои условности и обычаи и свои традиции, которые обыкновенно каждым новым членом и перенимаются более или менее быстро благодаря вышеуказанным факторам, действующим часто совершенно незаметно для отдельных лиц; однако достаточно человеку по каким-либо обстоятельствам выйти из одной группы и перейти в другую, чтобы он сейчас почувствовал, в какой мере в нем укоренились условности и обычаи прежней группы, и что нужно опять известное время, чтобы приспособиться к новым условиям той группы, в которую он вступает.

Таким образом, и в этом случае мы имеем действие закона подобия, ибо при объединении людей соотносительная деятельность отдельных лиц приучается проявлять себя в соответствии со всеми остальными и, следовательно, находясь в новых условиях, она должна вновь достигать подобия другим сочленам нового сообщества.

Но всеми вышеуказанными условиями не исчерпывается закон подобия, ибо мы знаем случаи, когда не имеется никаких данных, указывающих на возможность общения между народами, и, следовательно, об условиях подражания или заимствования не могло быть и речи, и тем не менее мы имеем сходство тех или других социальных явлений. Уже выше приводились этому примеры. Сюда относятся одни и те же формы богопочитания в Старом и Новом свете, выяснившиеся еще при открытии американского материка; сходство мифологии самых различных народов, не имевших никакой исторической связи друг с другом, и т. п.

Очевидно, что в этих случаях дело сводится к тому, что одинаковые причины приводят и к одинаковым следствиям, удовлетворяя основному принципу закона подобия.

239

VII. ЗАКОН ПЕРИОДИЧНОСТИ ИЛИ РИТМА

Из данных физики общеизвестна распространенность колебательного движения. В сущности ни один вид энергии не обходится без колебательного движения. Движение небесных светил, как и движения атомов и молекул, имеют свои циклы; органическая природа также проявляет функции роста и размножения с циклическим характером. Система кровообращения, дыхания и обмена, сон и бодрствование имеют свои фазы и свои циклы.

Периодичности же подвержены и все процессы соотносительной деятельности, то оживляющейся, то угнетаемой. Смена настроения, возбуждение и

угнетение вследствие усталости и другие аналогичные явления характеризуют эту периодичность в проявлениях соотносительной деятельности отдельных лиц. Даже проявление таланта выдающихся деятелей имеет свои периоды развития, расцвета и упадка, следовательно, имеет свой цикл как выражение ритмической формы движения. Да и в самой деятельности талантливых лиц можно отметить известную периодичность, на что указывает подробный анализ их жизни.

Подобно этому и политическая или социальная среда проявляет цикличность в своем развитии и движениях. Прежде всего любой коллектив имеет свое зарождение, развитие, период расцвета и затем период последующего упадка. Даже такой коллектив, как народный организм, скрепляемый государственным устройством, имеет свои фазы развития, когда он возвышается в своем могуществе, достигает затем своего апогея в отношении силы могущества и процветания, после чего постепенно переходит в период упадка и разложения. Так, наживается веками форма государственного устройства, после чего народ может начать жить как бы новой государственной жизнью, которая будет проходить опять те же циклы с периодом своего зарождения, возвышения, расцвета и последующего упадка.

В сущности всякое государство, подвергаясь закону ритма, проходит период первоначального развития, следующий за ним период расцвета, после чего следует период упадка, а затем в обновленной форме государство может вновь проявить свою энергию и мощь, достичь нового расцвета, за которым опять неизбежно последует его упадок, и т. д. В этом случае и военное могущество государств подвержено тому же закону развития, достижения своего могущества и последовательного ослабления.

Даже политический режим во внутреннем управлении стран подвергается периодическим колебаниям, ибо правительственная реакция обыкновенно сменяется либеральными реформами, за которыми следует вновь правительственная реакция, которая впоследствии сменяется правительственным либерализмом. Можно сказать даже, что всякая политическая мера, доводимая до крайности, тем самым подготавливает и собственное падение, возбуждая в обществе оппозиционную реакцию.

Но не только государственный организм, но и всякая цивилизация имеет свой период развития, процветания и упадка. <На заре этих цивилизаций мы видим горсть людей разнообразного происхождения, соединяющихся вместе благодаря случайностям эмиграций, нашествий и побед. Общую связь между всеми этими людьми, отличавшимися друг от друга своим языком и религией и в жилах которых текла разная кровь, составляла полупризнаваемая власть одного вождя>. <Затем время совершает свое дело. Тожественность среды, повторение скрещиваний, потребности общей жизни медленно действуют, и скопище разнородных единиц начинает сливаться и образует расу, т. е. агрегат, обладающий общими чертами и чувствами, которые все более и более фиксируются наследственностью. Толпа становится народом, и этот народ уже может выйти из состояния варварства ^{*}. Обычно он выйдет из него лишь тогда, когда после долгих усилий, постоянной

240

борьбы и бесчисленных начинаний, он приобретает идеал. Природа этого идеала имеет мало значения; он может представлять культ Рима, Афин или поклонение Аллаху, все равно, но этого идеала будет достаточно, чтобы соединить единство чувств и мыслей у всех индивидов расы ^{*}, находящейся на пути своего образования. Тогда-то и может народиться новая цивилизация

со всеми своими учреждениями, верованиями и искусствами. Увлекаемая своей мечтой раса последовательно приобретает все, что дает блеск, силу и величие... Совершив свое созидательное дело, время неизбежно переходит к делу разрушения, которого не избегают ни боги, ни люди. Достигнув известной степени могущества и сложности, цивилизация перестает расти и осуждается за упадок. Скоро должен пробить для нее час старости. Наступление его неизбежно отмечается ослаблением идеала, поддерживающего душу расы. По мере того как бледнеет идеал, начинают колебаться здания политических, социальных и религиозных учреждений, опирающихся на этот идеал...

С окончательной потерей идеала раса окончательно теряет свою душу, она превращается в горсть изолированных индивидов и становится тем, чем была в самом начале, толпой... Цивилизация теряет свою прочность и оказывается во власти всех случайностей. Властвует чернь и выступают варвары. Цивилизация еще может казаться блестящей, потому что сохранился еще внешний фасад ее здания, созданный долгим прошлым, но в действительности здание уже подточено, его ничто не поддерживает и оно рухнет с первой же грозой. Переходить от варварства к цивилизации, преследуя мечту, и затем постепенно слабеть и умирать, как только мечта эта будет потеряна – вот в чем заключается цикл жизни каждого народа^{*°}. (Вернее было бы сказать, цикл каждой цивилизации.–В. М. Бехтерев.) После же нее с новыми условиями политического характера начинается новая цивилизация, несущая новые идеалы и часто зарождающаяся в другом пункте земного шара, подчиняющая себе и народы старой цивилизации.

Цивилизацию, имевшую свой начальный период и период расцвета, но уже упадающую в одной части материка, принимают другие народы, и снова выступает под влиянием нового импульса оживление цивилизации, но уже с другим характером и на другой основе. Из сказанного ясно, что, как и в других случаях, могут быть как содействующие или оживляющие влияния для коллективных проявлений, так и тормозящие влияния, задерживающие ход и развитие этих проявлений, причем преобладание тех и других сменяется чередующимся образом, что и обуславливает характер периодичности социальных явлений.

Даже энергия отдельных народов подчиняется тому же закону ритма. Проявляющаяся в одном направлении, она затем ослабевает, пробиваясь через некоторое время в другом направлении.

Ясно, что как во всем физическом мире дело идет о волнообразных и колебательных движениях в форме ритма, так же и в мире коллективных образований эволюция осуществляется путем волнообразного же движения. В самом деле всякое общество переходит от застоя к деятельности и, наоборот, от деятельности к застою, от приниженного состояния к возвышению и, наоборот, от возвышения к падению. Посмотрите историю всех народов и вы убедитесь, что это так^{*°}. Во всяком вообще коллективе происходит смена консервативного направления более либеральным и, наоборот, либерального направления консервативным, увлечение новшеством сменяется возвратом к старине, к обычаю, да и всякое новшество при долговременном его существовании переходит в обычай, в старину.

*° Лебон Г. Психология народов и масс. Б. м" Б. г. С. 327–329.

16 В. М. Бехтерев

В этом процессе перехода от прогресса к регрессу и наоборот известную роль играет явление торможения. Проявившееся однажды направление со временем приводит к утрате интереса со стороны общества к данному направлению, что и доводит процесс дальнейшего развития общества к внутреннему торможению данного направления, а это вынуждает общество к движению в противоположном направлении. С другой стороны, взятое однажды определенное направление в движении общества доводится по закону инерции до таких крайностей, которые возбуждают оппозицию и протест в значительных слоях населения, и, в конце концов, производя перелом в общественном мнении, возбуждают к переходу общественного движения в противоположном направлении.

Как известно, социолог Тард подробно выяснил роль подражания, этого важного рефлексологического элемента в жизни обществ. Но подражание имеет своим объектом творческие акты, которые приписывают обыкновенно отдельным индивидам, хотя нельзя упускать из виду и существование творчества коллективного, народного. Таким образом жизнь общества регулируется, с одной стороны, творчеством или открытиями и изобретениями, и, с другой – подражанием; причем движение всей жизни обществ сопровождается каждый раз особым подъемом в период открытий и изобретений и относительным застоєм в периоды, следующие за открытиями, когда развивается преимущественно подражательная общественная работа и когда собираются факты, требующие известного освещения ^{^*}. С накоплением последних является какой-либо гигантский ум, который сделает соответствующие обобщения, и вновь возникает открытие, вызывающее общественный подъем. Таким волнообразным путем движется научная и общественная мысль и так же дело идет во всех областях творческой деятельности человека.

Всякое более или менее значительное общественное движение развивается по восходящей линии, достигает затем своего апогея и, в конце концов, ослабевает, сходя на нет, после чего возникает новое общественное движение, чаще всего порождаемое старым, но приобретающим теперь новую форму, которая, в свою очередь, развивается по восходящей линии, достигает в известное время своего апогея и затем, ослабевая, сходит на нет, чем и характеризуется периодичность общественных движений. Итак, более чем очевидно, что общественные движения никогда не идут по прямой линии, а всегда волнообразно, сменяясь одно другим, ему противоположным. Подъем энергии в начале какого-либо общественного движения сменяется ее последовательным падением, после чего может вновь оживиться то же движение. Подъем общественного настроения обычно сменяется его угнетением. Устремления общества в одном направлении, встречаясь с нежелательными явлениями, вызывают общественный перелом, за которым следуют устремления его в другом направлении.

Так, революция в России достигла крайнего своего уклона в сторону большевизма в период восстания в Петрограде в начале июля 1917 г., вызвав перелом в общественном движении, и подготовила контрреволюцию, не достигнув цели; но контрреволюция, в свою очередь, привела к уклону общественного движения в сторону большевизма.

При этом надо иметь в виду, что в периоды революционных движений волны общественных настроений протекают гораздо более бурным образом, нежели в обыкновенных условиях жизни народа. Обыкновенно взрыв революции происходит в те периоды народной жизни, когда гнет народа достигает своего апогея, но тем более бурно происходит реакция в сторону сбрасывания

этого гнета в период революции в целях освобождения народа от цепей рабства. Даже все то, что в той или иной мере стоит в связи с прежним порядком вещей, подвергается разрушению и даже поруганию.

242

Возьмем, например, отношение к церкви и религии. Являясь прислужницей и оплотом монархического строя, религия в периоды революционных переворотов подвергается тем большему поруганию и унижению, чем более углубляется революционное движение, и опять в силу того же закона ритма в следовании за высокими гребнями обратных волн. Чтобы осветить хотя бы частицу той ненависти, с которой народ в период великой французской революции относился к предметам католического культа, заимствуем здесь некоторые из характерных событий в период 1789 г., проявлявшихся в форме так называемого иконоборства. Мы не будем говорить о чисто варварском разрушении колоколен, монументальных оград храмов, гробниц, священных сосудов и совершенно бесцельном сожжении церковных тканей и кружев. Но остановимся на картинах еще более ярких в этом отношении: <С августа 1789 г. по всей Франции вспыхнули костры среди пляски и диких воплей опьяневшей черни, на которых сжигались тысячи предметов неограниченной стоимости: мраморные столы, камины, зеркала, витрины, цветные стекла, статуи, резные церковные кресла и пр.

"Осветители" замков не щадили даже вековые деревья, которые срубались и сжигались тут же.

Иконоборцы набрасывались не только на все изображения "бывших" ангелов, "бывших" христов, "бывших" святых, но также и на балдахины, хоругви, подсвечники, светильники, чаши, сосуды, блюда и все украшения обихода, так называемого "бывшего" католического культа. Местные рабочие привлекались насильно к "делу"; их заставляли бросать свою работу, чтобы идти на разгром церковных и городских владений> ^.

Таким образом и здесь дело шло о настоящем надругательстве озлобленного народа над тем, что являлось продуктом человеческого труда и таланта, создаваемом веками.

Аналогичные явления в революционные периоды наблюдаются и в отношении искусства. Должно сказать, что одним из тяжелых явлений народных переворотов является тот вандализм, который проявляется по отношению к искусству, когда ценнейшие произведения искусства разрушаются без всякой в сущности надобности, и таким образом в революционном пожаре погибало то, что является драгоценным достоянием всего человечества. При этом нельзя признать, чтобы народные вожаки и деятели ополчались на искусство. Нет, совсем нет. Известно, например, какие Конвент делал усилия возродить искусство и вообще дать народу все то, что до сих пор являлось привилегией богачей, устраивая для этого даже грандиозные публичные торжества, и однако народ в это именно время проявлял необычайный вандализм к предметам искусства. В период русской революции большевики стремились дать пролетариату все то, что до сих пор было исключительной привилегией богатого класса, устанавливая фактическое и юридическое господство пролетарских классов и беднейших крестьян. Некоторые из их вожаков читали лекции о значении искусства, образовывали новые музеи искусства из дворцов, но разве не в их период дворцовые сокровища подвергались наибольшему расхищению и разрушению. Можно объяснить этот поразительный вандализм неразвитостью народа, отсутствием воспитания и образованности. Без сомнения, это обстоятельство остается не без значения, но все же им нельзя

объяснить прямого отношения к предметам искусства, когда оно разрушалось без всякой надобности там, где оно могло быть пощажено без всякого ущерба для дела революции. Очевидно, что причина здесь кроется еще и кое в чем другом. Здесь сказывается уже безразличное отношение и даже ненависть

^ Возможно речь может идти о следующих книгах: Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции: Пер. с фр. СПб., 1880; Лиссагарэ П. О. История коммуны 1871. М., 1905; Карлейль Т. Французская революция: История. СПб., 1907.

16>

243

ко всему тому, что напоминает аристократизм, что является принадлежностью богачей. Когда народ держат в цепях рабства и затем эти цепи разрываются на части, то народ, предоставленный самому себе, дает полную волю своим инстинктам, и здесь, в народной ненависти ко всему тому, что напоминает прошлый уклад и прошлый быт с господством аристократии, гибнет все — и хорошее, и дурное; чем тяжелее были цепи рабства, тем сильнее проявляется народный вандализм в период переворота *.

К этому присоединяется и другое обстоятельство.

Во все периоды своей истории народ стремится олицетворить свои политические и религиозно-моральные верования в определенные символы, которые отражаются в искусстве. Но вместе с тем как эти верования начинают ослабевать или даже исчезают, народ обращается против тех символов, которые он почитал ранее, с тем большей яростью, чем более противоположны его новые политические воззрения по отношению к старым. Вот почему в слепой ненависти народа гибнет все, что своим содержанием напоминает прошлый уклад жизни и что олицетворяет в символических образах прошлые варварские народы. И вот французская революция в период Конвента ознаменовывает себя декретом об уничтожении всех оставшихся королевских памятников, гробниц и усыпальниц, а в русской революции 1918 г., в период большевизма, спустя два месяца издается декрет о публичном снятии памятников, которые возмущают народное чувство. Последние общественны и о них нет надобности здесь распространяться. О них говорит сама история этих периодов общественных потрясений.

Словом, и в последовательности событий мы встречаемся с законом ритма в том смысле, что одно общественное движение сменяется другим, ему противоположным. При этом до известной степени существует и соотношение между силой того или другого общественного движения и следующего за ним уклона в другом направлении. При этом чем сильнее бывает общественный подъем в одном направлении, тем сильнее следует за ним падение. Соответствие проявляется даже и в отношении большей или меньшей остроты общественного движения. Иначе говоря, чем бурнее развивается подъем, тем быстрее и резче проявляется и следующее за ним падение и, наоборот, чем медленнее происходит подъем, тем медленнее протекает и следующее за ним падение.

В политических движениях закон ритма проявляется тем, что чем сильнее политическое движение одного направления, тем сильнее затем следует реакция. Чрезмерный гнет царского режима в России последнего времени привел в конце концов к большевизму, который стал обозначаться уже в самом начале революции, ибо еще 20 и 21 февраля на улицах Петрограда раздавались в некоторых частях крики: <Долой Миллюкова> и <Долой Временное правительство>.

Между прочим периоды возрождения, повторяющиеся время от времени в истории народа, являются классическими проявлениями периодичности социальных явлений. В то время как народы, создавшие культурные ценности, давно уже исчезли, когда казалось, что и наследники этой культуры сделались достоянием истории или даже археологии, когда они, казалось, для современного мира исчезли навсегда, тем не менее наступает время возрождения, когда они вновь становятся центром общественного внимания и подражания путем воспроизведения в новых условиях жизни.

Надо заметить, что и в различных областях проявления народной жизни мы наблюдаем то же самое. Так, общество переходит от вспышки национализма к безразличию в национальных вопросах и даже к сожжению националистической литературы, от периода материализма к идеализму и обратно, задерживаясь в то или другое время на средней линии. Каждая научная специальность подвергается такому же полнообразному движению

244

в своем развитии, которое характеризуется различными направлениями в разные периоды времени.

Вообще закону ритма подчинены все проявления соотносительной деятельности всякого вообще коллектива. Так, прежде всего необходимо установить, что настроение коллектива подвергается периодическим сменам в ту или другую сторону, что обуславливается не одними внешними условиями, которые могут быть в одно время благоприятными для коллектива, а в другое время неблагоприятными для него, но и неустойчивостью самого настроения, которое не может оставаться бессменно одним и тем же в течение долгих периодов времени ^{^*}. Обычно одно общественное настроение через то или другое время сменяется другим, более спокойным или даже ему противоположным, которое затем снова подвергается такой же смене, и т. д., примеры чему были уже приведены в первой части настоящего труда.

Таким образом настроение народных масс не делает исключения из общего правила. Сегодняшний герой завтра делается кумиром толпы, но послезавтра та же толпа становится к нему равнодушной, а иногда, при столкновении политических направлений, даже враждебной. Сколько народных кумиров в истории прошло через период народного энтузиазма и обаяния, проявляемых при одном их имени, и кончало народным равнодушием, забвением и даже полным пренебрежением и осуждением. Такой была судьба Ганнибала, Юлия Цезаря, Наполеона I. Даже судьба новейшего героя первого периода русской революции, Керенского, может служить примером этой смены народных настроений. Лишь нелицеприятный суд истории отводит каждой личности, игравшей роль в судьбах народов, свое место, оценивая по достоинству ее заслуги и не утаивая ее отрицательных сторон.

Колебание общественного настроения происходит то более быстро, то более медленно в зависимости от периода общественной жизни. В революционные периоды смена настроения происходит с калейдоскопической быстротой. Недовольство одним политическим режимом приводит к перевороту, условия нового режима обычно удовлетворяют народ ненадолго и уже вскоре поднимаются голоса недовольных, которые привлекают к себе все большее и большее число адептов, подготавливая тем самым переворот в обратную сторону.

В эволюционном процессе, кроме смены время от времени противоположных общественных настроений, мы имеем переход от одного направления

в творческом процессе к другому, ему противоположному. С другой стороны, всем известно, что вслед за бурным проявлением общественной жизни в форме революции обыкновенно следует последовательный процесс общественной реакции.

Но и вне этих периодов народных возмущений каждый народ в своей жизни последовательно переходит от оживления к застою, после чего под влиянием какого-либо толчка вновь происходит оживление народной жизни и шаги к прогрессу, за которыми снова наблюдается переход к застою.

С другой стороны, всякое вообще учение, развиваясь, достигает своего господства, после чего подвергается тому или другому преобразованию. Сменяющее его новое учение подвергается той же участи: оно должно расцвести, затем увянуть и подвергнуться преобразованию.

Далее литература, как и философия, не избегает той же смены одного направления другим: романтизм сменяется натурализмом, за которым следует мистицизм, за мистицизмом следует вновь натурализм и т. д.

Да и всякий общественный прогресс в умственной жизни подвержен тем же колебаниям, протекая то более быстро, то более медленно и сменяясь временным даже застою, за которым вновь следует оживление и т. п.

Так движется наука и литература, но также движется и искусство, где одно направление сменяется другим, после чего новое направление, пройдя

245

свой цикл развития, вновь сменяется другим, часто ему противоположным, уже ранее пережитым, но принявшим в себя новые черты соответственно времени и прогрессу, достигнутому в искусстве. Даже религия не избегает подобной же участи.

Равным образом всякое верование проходит свой цикл возникновения, полного расцвета и последовательного упадка, после чего могут вновь найти почву религиозные искания в другом направлении.

Первое христианство имело свой период развития или возвышения и расцвета, достигнутого в III в. Но вместе с тем, когда христианство, приняв в свое лоно царя Константина, оставило ему все имущество и все права привилегий, прежнее чистое христианство первых веков, подписало себе тем самым смертный приговор. Вслед за этим христианство преобразуется в государственную религию, вследствие чего получает свое особое значение, в государственной форме христианство достигает своего высшего развития в Европе в эпоху средних веков, когда оно приобрело господство над жизнью государств и когда даже великие короли должны были идти на поклонение в Каноссу. Позднее однако государственная власть восторжествовала над христианством и постепенно с развитием политической жизни могущественных государств оно все более и более занимает служебную роль в государстве, с развитием же наук постепенно утрачивает свое влияние и на умы народов.

Если мы обратимся к экономической области, то и здесь мы встретимся с теми же циклами. Любой народ по тем или другим условиям изживает свой период младенческого состояния индустрии, затем возвышается до апогея, после чего благодаря конкуренции и новым условиям утрачивает достигнутое в период расцвета. Да и каждая промышленная отрасль, каждое предприятие терпит ту же судьбу. Какое-либо изобретение дает толчок изве-

стной промышленности, оно достигает своего полного развития, но затем появляется на свет новое изобретение и прежняя промышленность постепенно начинает падать, уступая свое место новой промышленности.

Таким образом везде и всюду проявление коллективной деятельности, как и проявление индивидуальной жизни, подчиняются закону ритма, имеющего таким образом всеобщее значение.

Из вышесказанного ясно, что общественный процесс движется волнообразной линией. После царского режима, после криков о войне до победы русская революция как реакция против царского режима и как реакция против криков о войне до победы перешла очень быстро в большевизм, последний же при некоторой затяжке должен вызвать уклон вправо, который может выразиться диктатурой. Как царизм довел себя до крайних пределов деспотизма во время войны и тем самым изжил сам себя, вызвав реакцию, так и большевизм неумеренным и неосторожным проведением крайних реформ может изжить самого себя. Лишь постепенно взбаламученное общественное море успокаивается путем ослабления волн, пока оно не войдет в спокойные берега. Поэтому лица и партии, берущие среднюю линию, всегда проигрывают в бурные дни революции. Чтобы приспособиться к среде, они должны меняться, как калейдоскопические фигуры.

<Восстание толпы, – говорит Г. Лебон, – это только минутные порывы ярости. Но под возобновившимся влиянием своих консервативных наклонностей толпа скоро возвращается к прошлому и сама же требует восстановления тех идеалов, которые она разбила в порыве ярости. Наша история вот уже целое столетие повторяет это нам на каждой своей странице. Едва революция закончила свое дело разрушения, как почти все, что она ниспровергла, были ли эти учреждения политические или религиозные, – все это было восстановлено только под новыми именами> "-.

^ Лебон Г. Психология социализма: (Очерки). СПб., 1899. С. 133.
246

Хороший пример дает в этом отношении и русская революция. Как известно, революция в войсках началась с убийства офицеров, причем возбуждение против них, перекидываясь из части в часть, привело к огромному количеству жертв. Массе офицеров пришлось спасаться, их унижали, над ними издевались, даже в костюме их сравнивали с простыми солдатами, а в некоторых частях заставляли их даже быть кашеварами; однако, с наступлением немцев после Брестского мира, ввиду недостатка кадрового офицерства в рядах красной армии, офицеры снова призываются к боевой деятельности.

Вообще, в ходе общественной эволюции обычно бывает так, что, начавшись с какого-либо явления, общественный процесс осложняется в дальнейшем новыми ингредиентами и затем вновь приходит к упрощению, аналогичному тому, что было в начале. Этот факт может быть иллюстрирован рядом примеров.

Но я остановлюсь на одном – на примере церкви. Первоначально церковь представляет свободное от государственного контроля учреждение в виде небольшой общины, затем она тесно связывается с государством^ являясь служебной частью его правительства, и, наконец, вновь отделяется от государства, получая свою независимость и становясь иерархически организованным учреждением, признанным правительством и государством в качестве свободного и самодовлекющего установления.

VIII. ЗАКОН ИНЕРЦИИ

В числе других законов коллективной жизни необходимо признать существование закона инерции, общего для всей вообще природы. Под ним мы понимаем закон, которому подчиняются все вообще общественные движения. Благодаря этому закону всякое общественное движение, раз развившись, имеет тенденцию распространяться вширь по всему коллективу, увлекая за собой все большее и большее количество индивидов. Это напоминает своего рода снежный ком, который растет беспредельно вместе с тем как он движется в соответствующей среде.

<Общество не могло бы жить, не могло бы сделать шага вперед, измениться, не обладая сокровищем рутины, обезьянства и совершенно бараньей стадности, непрерывно возрастающих, с каждым следующим поколением> ^.

То, что называется консерватизмом, относится к проявлению закона инерции, как и всякая вообще рутина.

Как известно, толпа отличается особенной консервативностью. По словам Лебона, очень авторитетного автора, <изменчивость толпы выражается только поверхностным образом: в сущности же в толпе действуют консервативные инстинкты, столь же несокрушимые, как и у всех первобытных людей. Она питает самое священное уважение к традициям и бессознательный ужас, очень глубокий, ко всякого рода новшества, способным изменить реальные условия ее существования> "\

Самые бурные революции часто в результате имеют ни что иное, как перемену в названиях учреждений, которые являются результатом некоторых традиций.

Всякое общество в отношении идей всегда отстает от ученых и философов на несколько поколений.

Яркий пример закона инерции показывает, как был восстановлен отмененный во время французской революции католический культ вследствие общих требований. Вот доклад бывшего члена конвента Фуркруа, приводимый Тэнном.

^ Тард Ж. Законы подражания. С. 76.

** Лебон Г. Психология народов и масс. С. 191.

247

<Повсеместное празднование воскресного дня и посещение церкви указывает, что масса французов желает возвращения к прежним обычаям, и теперь не время противиться этой национальной склонности... Огромная масса людей нуждается в религии, культе и священниках. Ошибка нескольких современных философов, в которую я и был вовлечен, заключалась именно в том, что они полагали, будто образование, если оно достаточно распространено в народе, может уничтожить религиозные предрассудки. Эти предрассудки служат источником утешения для огромного числа несчастных и надо, следовательно, оставить народной массе ее священников, ее алтари и культ> ^.

Попробуйте провести радикальную реформу в любом деле и вы увидите, как велика косность людей, ибо в конце концов эта реформа не может быть осуществлена именно по причине этой косности. Отчего великие революции не достигают своей конечной цели? Опять-таки от того, что косность на-

родных масс не может быть преодолена ^*.

С другой стороны, начавшееся общественное движение, получает тенденцию к дальнейшему развитию.

Даже искусственно воздвигаемые препятствия в виде преследований, если и задерживают общественное движение, то лишь ненадолго, ибо общественное движение, имеющее глубокие корни во внешних или внутренних условиях жизни обществ, несмотря на все преследования, все более и более укрепляется в умах и даже жертвы идут ему на помощь, ибо окружают его ореолом мученичества. Если же оно по каким-либо условиям проявилось слишком рано, оно может быть временно преодолено действием тормозящих влияний, но с течением времени вновь оживает при более благоприятных условиях.

При этом всякое общественное движение, раз развившись, при благоприятных условиях продолжает развиваться в том же направлении.

Если этого на самом деле не происходит, и то или другое общественное движение с течением времени прекращается или приостанавливается временно, то это зависит от каких-либо внешних тормозящих условий или от внутренних тормозящих условий среды, в которой оно развивается. Если, с другой стороны, направление общественного движения изменяется, то это опять-таки зависит от каких-либо сторонних влияний.

Закон инерции приводит к тому, что все раз достигнутое, осуществляется при повторении того же раздражения, приводящем к развитию навыка и упражнения.

Дело идет в конце концов о коллективных репродуктивных рефлексах, которые все с большей и большей легкостью осуществляются при повторении. Отсюда складываются общественные привычки и тенденции, которые основаны на подражании молодых старшим и новых элементов данной ассоциации более старым членам той же ассоциации. Отсюда каждое поколение в большей или меньшей степени идет по пути предшествующего поколения по раз предложенному пути, сохраняя его установления и обычаи, и только новые условия жизненной обстановки приводят к тем новшествам, которыми ознаменовывает свою жизнь новое поколение.

Само собой разумеется, что закон инерции сильнее действует там, где жизненные условия приводят к изолированности народа и к большому единению в его среде старших и младших, как мы это видим, например, в Китае, географически обособленном от других народов, и при пастушеском образе жизни всех вообще кочующих народов. Это и приводит к необычайной консервативности таких народов, сохраняющих в течение веков свой патриархальный образ жизни и соответственно ему свой жизненный уклад, причем он переходит до наших дней в том самом виде, в каком мы встречаем его на заре цивилизации.

^ Тэн И. Происхождение общественного строя...
248

Наоборот, воинственные народы, как часто сталкивающиеся с другими народами в периоды походов, отличаются всегда и большей прогрессивностью, хотя здесь имеют место и другие причины, как например, усиленное соперничество со своими соседями во всем, что относится к прогрессу, без чего и сама борьба не может оказаться успешной.

Причины и поводы многих обычаев и навыков теряются в тумане древности, и в настоящее время не может быть даже открыт их смысл; но тем не менее они обязательно воспроизводятся из поколения в поколение по традиции или рутине. Возьмите, например, святочное гадание: кто может определенно сказать, почему оно приурочивается именно к рождественской ночи или к крещению, и почему оно не приурочивается к пасхальным дням?

С другой стороны, различные установления в настоящее время обставлены целым рядом бесцельных обрядностей, происхождение которых темно или неизвестно, и которые тем не менее неуклонно осуществляются народами в соответствующих случаях. Наконец, множество бесполезных социальных установлений до различных форм этикета включительно удерживаются по закону инерции, лежащему в основе общественного консерватизма.

Задержка того или иного общественного движения зависит не от того, что оно само беспричинно так сказать теряло бы силу, а вследствие того, что по условиям времени и сцеплению обстоятельств прежние силы, его поддерживавшие, либо нашли себе иной исход, либо самодвижение, встретив противодействий в том или ином отношении, подверглось временному торможению. Лучше всего это может быть доказано на примере.

Возьмем христианство. Явившись как реакция на грубое материалистическое воззрение язычества, оно начало все больше и больше завоевывать умы и достигло своего апогея в средние века, когда оно восторжествовало окончательно над язычеством. Если с течением времени христианство перестает играть прежнюю общественную роль, то это находит свое объяснение в новом укладе общественной жизни европейских народов, наступившем вместе с развитием индустриализма и движения науки. То же самое мы имеем и в других общественных движениях.

Благодаря вышеуказанному закону всякое общественное движение, раз развившись, обнаруживает тенденцию поддерживать раз принятое направление движения. Это своего рода рутина в общественной деятельности. При этом общественная среда отличается вообще большою косностью. По-видимому, чем меньше образована общественная среда, тем больше в ней косности. Отсюда сохраняемость утративших свое значение обычаев, верований, традиций.

Всякое нововведение проводится в жизнь не иначе как при существовании подготовленной почвы и когда старый уклад уже отжил или пережил себя, в противном случае нововведение не осуществляется. Сколько законов остается на бумаге только потому, что они не подготовлены жизнью. С другой стороны, насильственное введение чего-либо в общественную жизнь встречает всегда соответствующий отпор и сопротивление.

Достаточно вспомнить картофельные бунты в России, противодействие оспопрививанию, дезинфекцированию местностей во время холерных эпидемий и т. п." чтобы составить себе об этом ясное представление.

Даже введение стальных перьев на место гусиных некогда вызвало резкую оппозицию со стороны многих и лишь постепенно завоевало себе право гражданства.

Наконец, то что может быть названо традицией и привычкой в общественном деле, может быть сведено к тому же закону инерции.

Далее то что называется престижем и авторитетностью в глазах толпы, разве не дает, в свою очередь, примера закона инерции, ибо всем известно,

что авторитет даже после того, как он совершенно выдохся, еще способен подчинять себе массы, которые идут за ним по инерции, находясь под его обаянием.

С другой стороны, если происходит острый сдвиг общества в определенном направлении, то он обычно получает тенденцию идти дальше того, что признавалось бы достаточным по ходу дела, и при том чем бурнее происходит самый сдвиг, тем больше проявляется вышеуказанная тенденция.

Всякое общественное движение, раз начавшись и получив известные корни в общественной жизни, при благоприятных условиях продолжает развиваться, пока не исчерпает весь подходящий материал в обществе, и, если оно не воспрепятствовало какими-либо мерами, оно развивается и дальше, пока не потеряет свой общественный *raison d'être*.

Таким образом вначале движение всегда нарастает до известного предела, после чего ослабевает, постепенно замирая за недостатком материала. При этом то или другое движение в периоде нарастания, не будучи чем-нибудь задержанным, достигает обычно своих крайних пределов.

Когда это случится, движение встречает противодействие со стороны групп, сплывающих между собой для отпора, и общественное движение переживает свой кризис. Так, революция, докатившись до своих крайних пределов, находит себе обычный отпор в контрреволюции.

Но при волнообразном ходе общественных движений, при котором за апогеем движения следует общественный перелом, а за последним наступает вновь обратный уклон волны и т. д., благодаря вышеуказанному закону размах общественного движения, принявшего определенное направление, идет дальше тех пределов, где он должен был бы остановиться. Так, современная русская революция вместо того, чтобы быть всенародной, какой она и была в самом начале, подверглась столь сильному уклону в сторону господства пролетариата, что сделалась в сущности партийной, отвечающей интересам одного пролетарского класса.

Революция 1905 г. так же, как известно, перешла в экспроприации и бомбометание, что, в свою очередь, вызвало реакцию в широких слоях русского общества, резко отшатнувшихся от этих диких форм революционного движения. После революции 1905 г., в период реакции, достигшей своего апогея, уклон общества вправо опять-таки достиг такой степени, что он далеко не соответствовал существующему соотношению общественных сил.

По вышеуказанной причине промежуточные оппозиционные группы, имеющие преобладающее влияние на умы во время общественного застоя, наоборот, теряют свое влияние во время народных движений. Первое объяснение тем, что массы, проявляющие недовольство, склонны прислушиваться к проповеди лучших условий жизни, но они не поддаются крайним течениям в такой мере, как умеренным, ибо первые кажутся им утопическими, да и пропаганда их сильно затрудняется в период общественного застоя и реакции. Поэтому в период народных сдвигов и переворотов первыми делают историю умеренные партии, но, когда сдвиг уже обозначился и совершается переворот, когда вместе с тем и условия пропаганды сильно облегчаются, более крайние течения приобретают перевес благодаря этому, открывают вам широкие горизонты на будущее. Наконец, они опять становятся оппозицией по отношению к умеренности и увлекают за собой тех, которые следовали ей.

Можно уподобить это движение возу. Чтобы сдвинуть его с места, нужны главным образом усилия коренника, пристяжки же здесь играют лишь вспомогательную роль. Но когда воз сдвинут с места, дружное действие пристяжек приводит воз в такое движение, которое никогда не может развиваться с помощью силы одного коренника.

Нельзя забывать кроме того, что во время народных движений самые консервативные элементы, составляющие до сего времени стоячую воду и общественное болото, пристают к движению и стремясь воспользоваться

250

событиями, чтобы вывести из ничтожества, зачисляются в группы самых передовых, т. е. более крайних течений.

Между тем умеренные элементы, привыкшие слушать своих вожаков, остаются верными их лозунгам и отстают вместе с их вожаками в общественном движении. В конце концов эти умеренные течения теряют почву в большой волнующейся массе, их перестают слушать, постепенно они утрачивают доверие своих собственных слушателей, видящих успех других деятелей. Поэтому, стараясь спасти свое положение, они вступают в соглашение с более радикальными партиями и, наконец, сходят со сцены осмеянные и, будучи преследуемы торжествующими более крайними течениями, часто погибают. Такова судьба всех умеренных течений во время народных переворотов. Примером может служить судьба жирондистов во время французской революции и судьба русских кадетов во время большевистского переворота.

Ясно; что закон инерции действует здесь в двояком направлении. Одни благодаря ему отстают, оставаясь на прежнем месте: таковы умеренные; другие, увлекаемые потоком движения, стремятся все дальше, достигая наиболее отдаленных уклонов общественного сдвига.

Благодаря тому же закону инерции, власть даже без достаточной опоры в населении держится еще долгое время после того, как она утрачивает общие симпатии и поддержку. Известно также, что начавшаяся паника продолжается некоторое время и после того, как для нее уже нет больше оснований. С другой стороны, под влиянием одержанного успеха войска идут дальше того, что им предоставлено взять по задуманному плану, и часто встречают непредвиденное сопротивление.

Когда разрастается какое-либо народное движение, оно с каждым своим успехом открывает все новые и новые перспективы, вследствие чего требования его вожаков возрастают все больше и больше. Борющаяся с этими движениями власть, напротив, учитывает только достигнутые результаты и в целях самозащиты старается урезать в своих уступках как можно больше, а в мероприятиях идет не столько в предвидении фактов, сколько за самими фактами. Отсюда всегдашнее явление, что власть запаздывает со своими уступками, что в сущности всегда служит на пользу прочно укоренившемуся движению, которое в этом запаздывании и в этом урезывании уступок находит новый предлог справедливости своих требований. С другой стороны, когда победительницей является одна сторона или одна партия, то, обыкновенно, она не в меру пользуется своим положением, игнорируя более или менее полно, интересы другой побежденной стороны, и тем самым дает повод для недовольства и возникновения в среде ее при благоприятных условиях резкого противодействия или даже открытого возмущения и мятежа.

Возьмем пример из русской революции. По справедливому заявлению

центрального органа российской социал-демократической партии <Рабочей газеты>, так называемый мятеж главнокомандующего Корнилова был под-готовлен ошибками революции. Вот что мы читаем по этому поводу в <Дне>: <Центральный орган РСДРП обрел мужество в момент, когда еще не ликвидирован был вполне мятеж генерала Корнилова, открыто заявить, что этот мятеж подготовлен в той или иной мере оценками революционной демократии. Пренебрежение к задачам обороны страны, уступчивость по отношению к анархистским лозунгам и анархистским группам в среде демократии, политика изоляции пролетариата от прогрессивных слоев имущих классов, отбрасывавшая эти классы от революции с быстротой, совершенно не соответствующей ни их интересам, ни интересам самой демократии, – все это вместе взятое готовило почву для взрыва контрреволюционных сил, принявшего на сей раз форму корниловского похода на Петроград. Другие, увлекаемые потоком движения, стремятся все дальше, достигая наиболее отдаленных уклонов общественного сдвига.

251

Уступчивость в сторону революционного авантюризма и неуступчивость в сторону имущих классов одинаково питали почву контрреволюции и со времени печальной памяти июльских дней мы неотвратимо шли к реакционному перевороту.

К счастью для России он принял форму плохо выполненной корниловской авантюры. Но было бы величайшей ошибкой думать, что ликвидация плохо выполненной реакционной авантюры есть вместе с тем и ликвидация самой контрреволюции> ^.

Нужно иметь в виду, что для развития недовольства против руководителей главенствующей партии достаточно ухудшения общих жизненных условий, хотя бы оно и не зависело собственно от руководящей партии.

Достаточно, чтобы развилось общее недовольство отчего бы то ни было, а затем оно так или иначе выливается в протест прежде всего против ответственных лиц или против тех, которые признаются ответственными в бедствиях народа. Так бывает, например, при всех голодных бунтах.

Вот почему в годину тяжелых народных испытаний развивается как бы инстинктивное стремление создать власть не партийную, а всенародную, чтобы в ней получили отражение по-возможности все элементы страны для противодействия кризису.

Поэтому, во время великой мировой войны в таких парламентарных странах, как Франция и Англия, явилась уже в самом начале войны необходимость коалиционных министерств.

В России это вылилось в форму требований первоначально министерства доверия, а затем ответственного министерства.

Правда, это не было осуществлено, но зато царская власть и поплатилась революцией. В течение первого периода последней опять-таки голоса большинства людей своим лозунгом выставляют требование коалиционного министерства, состоящего из представителей социализма и буржуазии, ибо однопартийное правительство в столь ответственные моменты истории ответственным быть не может.

Наконец, закон инерции виден и в том, что, когда сплочение коллектива

состоялось, оно удерживается путем одной внутренней дисциплины как своего рода дрессировки, но оно удерживается лишь до тех пор, пока не произойдет какого-либо толчка, который может разом вывести коллектив из неустойчивого равновесия и тем привести его или к распаду, или к дезорганизации.

В зависимости от закона инерции стоит и то обстоятельство, что раз начавшееся движение никогда не прекращается сразу. Будучи подавлено силой, оно все же ликвидируется не вдруг и притом подвергается чаще всего лишь временному торможению, ибо с течением времени оно может осуществиться вновь с прежней или еще с большей силой, если не будет отвлечено в каком-либо ином направлении. Так, первая русская революция 1905 г., задавленная тяжелой пятой реакции, возгорелась еще с большей силой в 1917 г. и смела в одну минуту власть, которая ее распинала в течение первой революции 1905 г.

Но и в ином направлении проявляется закон инерции в общественной жизни. <Ряд актов общения, повторяясь много раз в силу тех или иных причин, в результате приобретает силу привычки, влекущей нас к продолжению взаимодействия в силу инерции, без всяких других причин и условий... Коллективное единство, однажды возникшее и существующее определенное время, по истечении известного числа повторений взаимодействия, далее может существовать инертно, вплоть до того момента, когда какая-либо сила не заставит к привычке присоединить новое условие для поддержания раз-

^ День. 1917. 31 авг.
252

рывающейся связи взаимодействующих единиц... Инертная сила повторения ряда актов известна. Достаточно сказать, что многочисленная и однообразная реакция человека на тот или иной раздражитель механически, спонтанно будет вызывать эту реакцию как только будет дан соответственный раздражитель. Иными словами, повторение создает привычку, привычка создает шаблоны действия, спонтанно заставляющее нас поступать согласно этим шаблонам. В этом смысле привычку можно не в переносном, а в буквальном значении этого слова назвать биологической инерцией> *".

<Имеется бесчисленное количество примеров в социальной жизни, где привычка – инерция играет главную роль. Продолжение брачных союзов, когда они утратили уже реальную основу, продолжение торговых связей с определенными лицами, когда существуют тысячи торговых соотношений с другими лицами, продолжающееся участие в том или другом кружке, партии, обществе и других организациях после того, как духовное согласие прекратилось, представляют явление общественной инерции. К явлениям общественной инерции следует отнести и привычку к смертным казням, к расстрелам и к чему угодно, ибо, если первоначально всякая необычная кара вызывает резкую общественную реакцию, то со временем к ней уже относятся с полным равнодушием, как ко всякому заурядному явлению.

Согласно закону инерции и авторитет отдельных личностей, начал возмечиваться в глазах толпы, прогрессивно растет нередко даже не в зависимости от обстоятельств и продолжает иногда долгое время еще удерживаться, когда заслуги давно уже миновались, а новых не существует и не предвидится.

Это нетрудно проследить на любом примере, но особенно бросается в глаза – это безудержное возвышение авторитета по инерции в войсковых

частях, где тот или другой успех быстро возвышает в глазах толпы его виновника, который продолжает вырастать в глазах толпы все более и более, достигая на известном уровне апогея своего величия: <Caesara, caesara, morituri te salutant, – вот возглас, олицетворяющий безграничный авторитет военачальника перед толпой.

Закон инерции немало содействовал сплочению обществ и их однородности. Так, некоторые из небольших ассоциаций благодаря особенностям своего жизненного уклада, передаваемых согласно обычая из рода в род и из поколения в поколение, удержались от сторонних влияний, сохранив свою коллективную физиономию в течение ряда веков. Таким образом и социальная наследственность является одним из проявлений закона инерции.

Во Франции, например, давно разрешены браки и похороны без участия церкви, и рабочие вообще нередко подсмеиваются над всем, что относится к религии, а между тем, по свидетельству Г. Лебона, <...браки и похороны без участия представителя церкви очень редки среди парижских рабочих. Брачный договор, заключенный лишь в мэрии, кажется рабочему чем-то недоконченным> **, несмотря на все усилия подорвать веру в религию. То же самое мы имеем и в России в период второй революции.

Несмотря на декрет об отделении церкви от государства и декрет о разрешении браков в комиссариате, оказалось очень мало желающих воспользоваться столь упрощенным способом бракосочетания.

Благодаря тому же закону инерции, формы правления, например, старые монархии, переживают самих себя и почти при первом натиске революционных движений сметаются в один миг как карточные дома.

" Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 301–302.

^ Лебон Г. Психология социализма. С. 40.

253

В политической жизни стран можно указать на Англию, как на пример, где по инерции удержалась внешняя форма монархического образа правления, тогда как по самой сущности дело идет о республиканской форме правления.

Другим примером может служить пережиток царской власти в России за последний период власти дома Романовых. В конце концов, она явилась олицетворением не власти царя, а кучки проходимцев, которые пользовались органом царской власти в собственных выгодах, ибо истинной царской власти в России уже не было во все время царствования Николая II.

В конце концов инерция является той консервативной силой, которая является хранителем национальных и классовых особенностей и исторических черт в характере населения.

Тард подводит некоторые из явлений, объясняемых законом инерции, под понятие контрподражания, но это контрподражание в конце концов есть продукт его увлечения мнимой всеобщностью закона подражания в коллективной жизни общества, ибо в конце концов его контрподражание и доказывает, что коллективная жизнь не подчиняется одному только закону подражания, ибо есть в ней и нечто такое, что противоречит закону подражания, что не может быть под него подведено ни под каким видом и что

как противоположность закону подражания было совершенно ненаучным образом обозначено именем контрподражания.

Вообще говоря коллектив гораздо более консервативен, чем отдельный индивид. Первому труднее усвоить любое новшество, труднее заставить его отказаться от старого уклада жизни. Все обычаи, общественные традиции, пережитки старины и даже просто остатки прошлого быта должны быть отнесены на счет закона социальной инерции*.

Посмотрите как переживает современное общество самые тягчайшие испытания в период войн. Казалось бы, в связи с событиями последнего времени вся жизнь его в известные периоды должна перевернуться вверх дном, а между тем продолжается прежнее посещение публикой театров, кафе-шантанов, кабаре и прочих увеселительных учреждений как будто ничто не изменилось, как будто все остается по-старому. Со стороны это производит отвратительное впечатление пира во время чумы. Когда иностранцы выражали возмущение, наблюдая, как во время несчастной для нас Цусимы Петербург наполнял театры и кафе-шантаны, они были правы, ибо они были временные гости Петербурга и не вошли в его жизнь, а потому и не поддались закону инерции, но обыкновенному обывателю какое дело до Цусимы. Он привык днем выезжать по гостям, вечером быть непременно в театре или кафе-шантане, и он от этого не откажется, ибо в его действиях сильна сила традиции.

Еще в более тяжелых условиях Россия переживала 1917 г., когда затянувшаяся война привела к полному расстройству внутреннюю жизнь страны и к сокращению продовольствия до голодного пайка, сведенного до минимума. Но что из этого. Казалось бы, можно было ожидать народного восстания. Ничуть не бывало: в праздничные дни Рождества несмотря на голодный хлебный паек и всю тяжесть переживаемого времени предпраздничная сутолока идет своим обычным порядком, ни в чем не отступая от обычной картины.

Вот, например, как характерно описывают эту предпраздничную сутолоку в Москве, где хлебный паек ко времени рождественских праздников был сведен до 1/4 фунта на человека с предупреждением, что может быть и эта 1/4 фунта хлеба будет в дальнейшем убавлена. Московский корреспондент по этому поводу пишет: <Могу констатировать: Москва оправдала возложенные на нее, на ее испытанные качества ожидания; она приняла в этот ущербленный хлебный паек и предупреждение о возможном его обращении в сладкую мечту с похвальным спокойствием и даже как будто равнодушием.

254

<Что такое паек, когда нужно хлопотать о гусе>. Не так давно могли с пафосом восклицать: быт не умер, нет быт жив. Быт живуч и цепок, он держится крепко. В Москве, пожалуй, даже крепче, чем где-нибудь еще в пределах республики советов. И этот быт сумел вдвинуть в трагические рамки переживаемого все грандиозное содержание праздников, все их исконные детали и аксессуары> .

Со стороны, например русскому военнопленному, за границей кажется, что в России начался <всемирный потоп>, и он не знает, где ковчег, на котором может спастись Россия. Но <удивлению его, во всяком случае, не было бы предела, потому что на фоне потопа он увидел бы почти обычные праздничные и предпраздничные узоры. Потому, что в "потоп" как-то вместились и суетящиеся в обычных покупках улицы, и битком набитые

гастрономические и кондитерские лавки, изливающие потоки людей с кулками, коробками, пакетами, ласково мигающие огоньками елки и веселые вечеринки с простынями-афишами несчетных товаров, театриков, кабаре, кафе-шантанов, кинематографов с репертуарами дневных и вечерних спектаклей ...>^°.

То что происходило в Москве, то приблизительно происходило и в Петрограде, да в последнем и вне праздников, в самые тяжелые моменты политических событий мелькают афиши с заглавием <веселый бал>, где поясняется, чтобы <дамы не забывали пригласить своих кавалеров, а кавалеры своих дам>, где происходят <бесперывные танцы> с участием артистов в публике, где будут происходить конфеты, серпантин, почта, игра в снежки и тому подобные благоглупости, причем даме, получившей наибольшее количество открыток, предоставляется приз в виде серебряного сюрприза. И это в то время, когда старая Россия государственно и экономически гибла, когда отделялась Финляндия, отторгались целые области на западе в пользу Германии, когда шли кругом грабежи, когда по улицам нельзя было ходить безопасно, ибо вы рисковали тем, что с вас снимут пальто, шубу и разденут до рубашки.

Далее, хотя в периоде борьбы с установившимся режимом не бывает недостатка во всевозможных обвинениях предержавших властей, но, когда оппозиция берет верх и является победительницей, она обыкновенно проявляет на первое время большую суровость по отношению к побежденным. Лишь мало-помалу это отношение сглаживается по мере того, как наступает общее успокоение, но если вслед затем наступает новый переворот, он опять сопровождается более суровыми репрессиями в первое время, нежели то было раньше.

Точно также и в битвах народов. Первоначально наступающий терпит значительные потери от сопротивления врага, но когда это сопротивление сломлено, то победитель всегда вознаграждает себя жестокой расправой с побежденным. Очевидно, здесь играет роль в первое время род мести, обусловленной необходимостью подавить сопротивление, и чем сильнее последнее, тем больше озлобление, которое и проявляется крайне бурно в этот период, когда победитель вступает в свои права после одержанной им победы. Здесь очевидно действует опять-таки закон инерции и действует в том отношении, что развивавшееся в период борьбы озлобление продолжает нарастать и в дальнейшем с обозначившейся победой, когда, казалось бы, уже не должно быть места озлоблению и даже нет более подходящих для него условий.

Почему войны, не приносящие решительных побед, кончаются в большинстве случаев посредничеством. Это потому, что народный энтузиазм

*" Карссьв Н. If Наш век. 1917. 31 дек.

"° Там же.

одной стороны не знает меры и не может остановить свои устремления и вожделения на известной границе. Но то же происходит и с другой стороной, ибо так велика сила инерции, что ограничить себя, остановить свое движение на определенном пункте народные массы не в состоянии.

С другой стороны, разве скоро утихает взбаломученное море народных движений: революционная война, однажды развившись, разве не докатится до своих пределов, если только она не встретит специально нарочитого проти водействия.

Такое великое событие, как война, не прекращается без того, чтобы кинетическая энергия народа не вылилась в другую форму. В России после великой войны она и вылилась первоначально в революцию, а затем в гражданскую войну. Конечно, умелым управлением народным организмом можно достичь более целесообразного направления кинетической энергии народных масс. Но во всяком случае здесь дело идет ни о чем другом, как о подавлении кинетической энергии одного направления, для того чтобы направить ее по другому руслу.

С другой стороны, и революционные движения при своем развитии не знают никаких границ и никаких пределов, разрушая на своем пути все, что им противится и что против них саботирует, и, переворачивая без достаточного основания все, что, казалось бы, могло оставаться нетронутым и пощаженым. Когда развивается то или другое движение в области художественного творчества, оно опять переходит за грань допустимого. Примером может служить всем известный футуризм в живописи и поэзии, кубизм и другие ответвления модернизма.

Новые религиозные учения также принимают такие формы, которые выходят за пределы допустимого. Каждая мода, постепенно развиваясь, быстро достигает такой степени, что становится для всех уродливой и только тогда сменяется новой модой, которая, в свою очередь, достигает своих нелепых форм, после чего снова сменяется другой модой. Даже наука, точная наука, где, казалось бы, не должно быть места увлечениям, и та по закону инерции доводит то или другое новое учение до крайних пределов допустимого. Этим объясняются всевозможные крайности в научно-практических областях знания, например, в медицине, педагогике и др. Так, всем известно, до каких крайностей доходили в свое время гуморалисты, затем представители целлюлярной патологии, всевозможные увлечения туберкулином при лечении чахотки, препаратом Erlich'a при лечении прогрессивного паралича и т. д.

Очевидно, что формулы и положения, которые властвуют над умами людей, вырабатываясь и развиваясь медленно и постепенно путем долгой эволюции, вместе с тем также медленно и постепенно теряют и свое значение. И в то время, как для образованных людей они уже перестают быть истинами, среди необразованных масс они еще долгое время продолжают играть роль руководящих положений в жизни как непреложных истин.

Влияние греческого и римского мира в науках и искусстве, как известно, длилось много веков еще после того, когда оба языка уже умерли и отошли в область преданий, и в сущности до сих пор еще мир Европы находится под влиянием греческого искусства, а различные учреждения под влиянием созданий римского ума.

Когда овладевает умами новая идея, нужно много времени и усилий, чтобы ее вытеснить полностью другой. <Прежде, чем окончательно умереть, она будет долгое время составлять часть старых наследственных идей, которые называют предрассудками, но которые мы, однако, уважаем. Старая идея даже тогда, когда она не более, как слово, звук, мираж, обладает магической властью, способной еще подчинять нас своему влиянию. Так держится это старое наследие отживших идей, мнений, условностей, которые мы благо-

критики, если бы нам подумалось исследовать их> ^.

Вообще, старые обветшавшие идеи еще долго влияют на умы, принимая форму предрассудка.

<Преклонимся перед силой идей, когда она уже достигла известного периода "своего развития", то нет уже ни рассуждений, ни доказательств, которые могли бы ее победить. Чтобы народы могли освободиться из-под какой-нибудь идеи, нужны века или насильственные революции, а иногда и то, и другое. Человечеству остается только считать химеры, которые оно себе вымышляло и жертвой которых последовательно становилось> ".

Законом инерции объясняется также вера в авторитеты и все, что относится к общественным условностям, привычке, заветам и влияниям предков, столь могущественно проявляющимся везде и всюду. Наконец, роль преданий и их главенство в жизни относится к этому же порядку явлений. <Обаяние преданий, завещанных предками, повсюду преобладает над стремлением к новизне. Не составляет исключения в этом отношении даже наше современное общество, столь обильное всевозможными заимствованиями в сфере языка, идей, учреждений, литературы. Сравним, например, новые слова, заимствованные в последнее время французской речью из языков английского, немецкого, русского, с одной стороны, и с другой – весь старый французский словарь, или новейшие идеи эволюционизма и пессимизма со всем строем давно усвоенных традиционных воззрений; или новейшие законодательные реформы со всем французским кодексом, в основе своем современном римскому праву и т. д. Таким образом, подражание новой моде составляет лишь незначительный ручеек подле великой реки преданий и обычаев, и это вполне естественно>. Вообще говоря, элемент традиции в коллективах всегда имеет преобладающую роль.

Обаяние древности переходит в нравы и даже в язык. Так, по словам Достоевского (<Записки из мертвого дома>), в Сибири из угождения к человеку говорят, что он имеет престарелый вид, собеседника же называют старшим братом, а обращаясь к двадцатилетнему юноше, говорят: <Мое почтение дедушке такому-то>. Эти обычаи по-видимому занесены из Китая. Но и в древнем Египте, и в Риме, да и всюду старина почиталась высоко, как она почитается и ныне.

На этом основании национальная ориентировка (так называемое национальное сознание субъективной психологии) является результатом признания ценности истории своего народа, причем она обуславливает стремление увеличивать и множить эти ценности. Сохранение традиций поколений дает возможность удерживать известную определенность и преемственную последовательность взглядов в этом отношении, которые, репродуцируя прошлое, как бы соблюдают ответственность перед умершими, оказывая им необходимый почет, и подготавливает почву будущим поколениям, которые придут на смену живущим. Этой живой преемственностью поколений сохраняются культурные ценности нации, которая сама себе довлеет; культурные же ценности нации обуславливаются, собственно, синтезом творчества личности с коллективным процессом, сплачивающим людей в одно целое ^*.

Вполне естественно поэтому, что в каждом общественном организме консервативные партии являются хранительницами заветов старины и обычаев народа. Эти партии, подразделяющиеся на более мелкие коллективы как выразители общественной инерции в то же время образуют тормозы, препятствующие всякому общественному прогрессу, ибо в то время, как

- ^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 117.
" Там же. С. 122.
" Тард Ж. Законы подражания. С. 241–242.

17 В. М. Бехтерев

257

прогрессивные партии стремятся к достижению новых прав и всякого рода новшеств, заимствуемых от иностранцев, консервативные партии отвергают и новые права, и всякого рода новшества, признавая унаследованные от предков обычаи и законы наиболее гарантирующими блага жизни.

Наконец, и в экономической жизни господство закона инерции более чем очевидно.

Согласно этому закону, установившаяся цена на те или иные продукты отличается устойчивостью, независимо даже от условий спроса и предложения. Нужны в самом деле более или менее резкие влияния, чтобы цены сдвинулись с той высоты, на которую они однажды поднялись. При этом однако же цены легко вздуваются, но не легко опускаются, и это понятно, потому что в первом случае они получают толчок в виде выгод продавца, определяющего цены, сообразуясь с данными условиями, тогда как во втором случае при отсутствии такого толчка мы имеем чистые проявления закона инерции: с одной стороны, привычку населения к повышенной плате и, с другой – привычку продавца получать большую плату. С другой стороны, мы знаем, что народившиеся потребности не скоро исчезают в силу того же закона инерции. Можно доказать это положение убедительными примерами. Оказывается, например, что в Европе хлеб не мог быть вытеснен привозным рисом, как в Азии рис не был вытеснен привозным хлебом, именно благодаря сложившейся привычке: в первом случае благодаря привычке населения есть хлеб, во втором случае благодаря привычке есть рис.

Под закон инерции надлежит подвести и все то, что относится к социальной наследственности. Правда, Тард подводит социальную наследственность к законам подражания, но от того или другого названия дело не изменяется. Во всяком случае наследственность представляет собой консервативную силу, которая удерживает раз сложившуюся общественную форму на более долгое время, чем это вызывается необходимостью.

<Всякий коллектив есть живой организм, существующий благодаря воспроизведению и сам осуществляющий воспроизведение самого себя в той же форме, в какой его создает история каждый данный момент. Культ предков и почтение к ним, сохраняющееся из века в век, обуславливает передачу из поколения в поколение общественных традиций и обычаев и даже суеверий, что и обеспечивает преемственность передачи в потомство приобретений и форм, достигнутых предшествующими поколениями.

Припомним только, как упорно держались в течение долгих веков религиозные суеверия, противоречащие даже самой простой логике. В течение более чем двух тысяч лет самые блестящие гении склонялись перед их властью и лишь в современные эпохи явилась возможность оспаривать их достоверность> ^.

По словам Тарда, <человек освобождается (и никогда вполне) из-под ига обычая лишь для того, чтобы снова подпасть под него, другими словами, чтобы укротить и утвердить завоевания, совершенные в эпоху временного освобождения. Если в нем сохраняется достаточно жизненности и талант, то он снова затем сбрасывает это иго и делает новые завоевания, но затем

снова отдыхает и т. д. Таковы исторические судьбы великих цивилизованных народов " .

То же необходимо сказать и по отношению к обрядам. Известно, что язычники, приняв христианство, еще долго придерживаются своих языческих обрядов. Когда наступила эпоха Возрождения, то приверженцы новых взглядов еще долго продолжали удерживать привычки феодальной жизни. Вообще известно, что формы сохраняются долго после того, как изменились самые

^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 245.

^ Тард Ж. Законы подражания. С. 245.

258

основы правового порядка. Далее известно, что, когда материнство было уничтожено, обычай фиктивного материнства по отношению к отцу в виде кувады еще долго сохранился. Пылающие костры в Иванов день до сих пор еще напоминают нам о поклонении языческим богам. Умыкание женщин давно уже вывелось из употребления, но еще память о нем сохранилась в брачных церемониях. Позднейшие религии, являющиеся на смену прежней, удерживают в той или иной мере церемонии последней. Наконец, и в языке мы встречаемся с сохранением прежних корней в том случае, когда слову придается уже другое значение в языке. Вообще не трудно найти выражения, как бы освободившиеся от своего содержания и передающиеся из поколения в поколение, будучи лишены своего основного смысла. Далее мы видим те или иные особенности права, передающиеся из рода в род, несмотря на то, что они возникли при других условиях, в другое время и являются анахронизмом для данного периода времени. В искусстве и литературе не трудно указать много особенностей, которые представляют простые пережитки старины и составляют предмет рутины. Наконец, все так называемые церемониалы – эти <великие музеи истории>, по выражению Поля Виоле, представляют собой проявление закона общественной инерции, выливающейся в столь своеобразные формы.

Наконец, придворный этикет и сохранение регалий, разве это не пережиток старины, удерживающейся до наших дней. Словом, закон инерции в общественной жизни господствует везде и всюду, и потому – то так трудно бывает сдвинуть общество с прежних устоев и дать ему новые формы.

Неизбежность революций по-видимому хранится также в законе инерции, который доводит общество, сложившееся со старыми формами, при нарастании новых потребностей до тупика, из которого выход один – насильственное сбрасывание старого, изжитого уклада жизни и радикальное ее обновление революционным путем.

IX. ЗАКОН НЕПРЕРЫВНОГО ДВИЖЕНИЯ И ИЗМЕНЧИВОСТИ

Один из древних греческих философов учил, что в мире все движется, все изменяется, все течет. Эта мысль встречается и у позднейших авторов в более или менее определенной форме. Так, например, мы читаем: <Мы теперь знаем и удивляемся, как мы не могли раньше заметить, что в мире все непрерывно изменяется, что все развивается в хорошую или в дурную сторону, что доктрина неподвижности есть только мечта метафизиков. Наши предки ненавидели перемены, мы их жаждем> ^ . И тем не менее принцип непрерывности движения почему-то не введен до сих пор в число основных законов мира, может быть, потому, что его вытеснил всеми признаваемый

закон эволюции. Однако, закон эволюции есть закон развития, а это не одно и то же с принципом непрерывного течения и изменчивости^{^*}.

Этот принцип гласит, что в мире нет ничего постоянного и неизменного. Каждая вещь, в конце концов, не вечна, она создается и затем разрушается, вследствие чего всякая неизменность должна быть признана только видимостью. В форме первоначального учения этот основной принцип был сформулирован еще Гераклитом, в позднейшее же время этот принцип нашел отражение в метафизическом учении Гегеля. Уже в древности Левкиппом и тем же Демокритом было высказано атомистическое учение о вещах в мире, но эти атомы, как и молекулы, признавались и признаются донныне находящимися в вечном движении. Из соединения и разъединения этих

[^] Летурно Ш. Нравственность... С. 5.

17*

259

атомов и происходят разные формы вещества. Ныне атомы разложены на элементы энергии в виде электронов и положительных ядер или корпускул, которые могут разъединяться, приводя к распаду вещества (так называемые радиоактивные явления). Сами атомы образуют более или менее сложные движущиеся системы электронов вокруг центральных ядер с положительным зарядом. Так дело обстоит в неорганическом мире, который должен быть представляем в виде вечно движущейся энергии, превращающейся из свободной в запасную и обратно, причем и запасная энергия в форме вещества представляет собой нечто, не остающееся в покое, а пребывающее в вечном движении, но движения так сказать внутреннего порядка.

Если мы обратимся к органическому миру, то здесь опять-таки мы встречаемся повсюду с движением и только с движением. Растение прорастает из семени, оно вырастает благодаря процессам питания и дыхания, движения соков и химическим превращениям под влиянием солнечной энергии; с течением времени растение обнаруживает цветение; с этим вместе происходит процесс оплодотворения, созревают семена, из которых вновь вырастает растение и т. д. и т. д. Словом, дело идет о непрерывно происходящем процессе или движении и изменчивости.

То же самое мы имеем в мире животных. Процессы зарождения, питания, дыхания, роста, размножения и непрерывного прекращения внешних энергий суть процессы движения и изменчивости и ничего более. Человеческая личность есть опять-таки повторяющаяся и постоянно колеблющаяся величина, где каждый день дает ей новый опыт, восполнив ее знание и ее навыки. Но если все вышесказанное справедливо по отношению к неорганическому и органическому миру, то оно также справедливо и по отношению к миру надорганическому или социальному. И здесь мы имеем дело везде и всюду с движением, а следовательно, с изменчивостью или процессом.

Общество создается путем взаимодействия двух или нескольких индивидов, но в то же время общество растет и развивается, заимствуя опыт из ранее бывших коллективов и соседних обществ, с которыми ему приходится сталкиваться: общество с ростом дифференцируется и входит в соотношения и союзы с другими обществами. Общество заимствует и подражает и в то же время творит и само; изменяясь с течением времени, испытывает соответствующие превращения. Словом, дело идет о непрерывном движении, о постоянных превращениях, и нигде нет остановки этого движения, нет покоя.

И затем, что бы мы ни взяли из явлений общественной жизни, мы повсюду встретимся опять—таки с одним лишь движением. Вместе с тем и отношения личности к обществу и обратно не представляют собой постоянной величины, а меняются то в одном, то в другом отношении. Политические формы управления меняются вместе с тем как прежние отживают свой век. Самая форма правления в государстве не остается постоянной и, хотя более медленно, но сменяет одна другую. Политические связи народов меняются в зависимости от международной конъюнктуры: союзы и соглашения сменяются распрями и войнами.

Еще большей подвижностью отличается экономическая жизнь. Достаточно следить за котировкой биржевых бумаг, чтобы иметь понятие, как быстро меняется отношение публики к ценностям и как непрерывно колеблется денежный рынок. Что касается торговли, то она вся состоит в оборотах и в движении.

Если мы обратимся к языку, то вряд ли нужно доказывать, что он не представляет чего—либо неподвижного, а напротив того, всякий язык живет, постоянно развиваясь, причем одни слова стареют и отмирают, другие рождаются вновь. Кроме того, слова меняются в своем значении, вследствие чего их смысл не стоит в соответствии с корнями и происхождением слов.

260

Эта постоянная изменчивость языка сказывается в течение веков в такой степени, что с течением времени рождаются путем смешения новые языки, происхождение которых от языка—прародителя может быть выяснено только сравнением корней.

Даже самые понятия не остаются неизменными, а, наоборот, с течением времени одно и то же слово или обозначение приобретает совершенно иной смысл, иное содержание. Как на один из многочисленных примеров изменения смысла слова, можно указать на слово <самодержавный>, которое в эпоху Ивана III обозначало державную самостоятельность, тогда как впоследствии то же слово стали связывать с понятием неограниченности власти царя.

Возьмем затем литературу: мы знаем, что это опять—таки живой организм, ибо всякая литература переживает младенческий период своего существования, период дальнейшего развития и возмужалости или зрелости и даже период дряхлости. Вместе с тем в литературе мы имеем постоянную смену направлений и еще более частую смену настроений, являющихся отражением вечно меняющихся общественных настроений.

Не меньше изменений претерпевает и научная литература, где с накоплением фактов одна прежняя гипотеза сменяется новой, где идет непрерывная лабораторная работа, дающая с каждым днем новое обоснование старым теориям или подводящая фундамент под новое здание в виде ли новой научной теории или даже в виде новой научной дисциплины. То же необходимо иметь в виду и по отношению к искусствам, где художественное творчество выявляет все новые и новые формы и где опять—таки мы встречаем непрерывную смену школ, направлений и стилей.

Таким образом все в надорганическом мире, как и в мире органическом, подвергается изменению, все течет, и можно согласиться с тем, что вся вселенная в конце концов представляет собой один процесс непрерывного изменения, связанного с творчеством. Как мы уже говорили, это учение

старое и берет начало еще со времен древней Греции, хотя следы его можно найти еще раньше.

Самая форма мирового движения представлялась различными представителями мысли неодинаково. По одним, куда должны быть отнесены Вико, Ницше, Лебон и Бланки, дело сводится к вечному и постоянному круговращению, возвращению прежних форм, и возобновлению одних и тех же изменений, причем с достижением последней стадии наступает возврат к первоначальной стадии, вследствие чего мир представляет собой как бы циклическое течение. Еще в <Экклесиасте> мы читаем: <род проходит и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь> ". <Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое>, но это было уже в веках, бывших прежде нас> ^. Если мы сравним эти стихи с позднейшим учением, например, Г. Лебона, по которому эволюция мира в последнем анализе состоит из двух очень различных фазисов: из фазиса сгущения энергии в атомы и из фазиса расходования этой энергии ^, то мы в сущности будем иметь ту же мысль, выраженную лишь другим языком, согласно новейшему учению об энергии.

^" Книга Экклесиаста: Пер. с греч. В. м., В. г. Гл. 1. С. 4–10.

^ Там же.

^ Лебон Г. Эволюция сил: Пер. с фр. СПб., 1911. Кн. 4. Ч. 2: Опыт над дематериализацией материи. Гл. 1–2. С. 46–57.

Рс'ib идет таким образом о кругообращении энергии из свободного состояния в связанное в форме атомов и освобождении ее в мировое пространство, после чего в течение миллионов лет энергия снова переходит в состояние атомов. По Г. Лебону, начало возникновения вещей, без сомнения, только повторение старого. Ничто не позволяет думать, что вещи впервые существуют, так же как нельзя допустить, что они навсегда исчезают и больше не возникают^.

В надорганическом или социальном мире эта теория была применена Вико, согласно которому народы в своем историческом развитии переходят от стадии богов через стадии героев к стадии людей, после чего снова начинается первая стадия с некоторым, однако, изменением и т. д. Это учение, как легко видеть, предполагает, что в мире имеется ограниченное число форм для осуществления неизбежных изменений.

Но, по другому взгляду, мы как раз имеем нечто обратное, ибо число форм для происходящих изменений может быть бесконечным, притом же процесс происходящих в мире изменений представляется неповторяющимся и, следовательно, необратимым. В этом случае процесс изменений может осуществляться в одном направлении, но при этом не предрешаются самые пути этого изменения.

Но имеется и средняя точка зрения, по которой процесс изменения, хотя и необратимый, по в той или иной мере приближается к первоначальному. В этом случае фигурально можно представить себе процесс мировых изменений в форме спирали, таковы взгляды Гёте, Тарда, Майера и др. Что

мир непрерывно изменяется – это факт, но это изменение не представляет собой круговращения, как это красиво сказано еще Экклезиастом, ибо на самом деле даже круговращение миров есть только кажущееся явление. Если планеты обращаются вокруг солнца и своих осей, то и они в сущности не повторяют одного и того же движения в определенном направлении и эклиптика планет делает непрерывные отступления.

И в самом деле имеется много данных за то, что в сущности везде и всюду дело именно идет не о кругообращении явлений, не говоря о неорганическом мире, можно определенно сказать, что органический и социальный мир дает этому множество примеров. Из органического мира можно было бы указать на зарождение растений и животных из семени, развитие, рост, плодоношение и новое развитие из семени, но уже другой индивидуальности. В социальном мире первоначальное государственное устройство зиждилось на основах народоправства в примитивных его формах. С течением времени дело свелось к выборному главе с ограниченной формой власти, затем наступает переход к неограниченной наследственной монархии; после того мы имеем снова переход к ограниченной монархии, и в конце концов снова наступает период народоправства, но уже в форме парламентарных республик или даже советов. Ясно, что здесь произошел кругооборот с изменением начальной формы, вследствие чего мы имеем движение непрерывное с необратимыми формами, но с их возвратом в измененной форме – нечто вроде спирального движения. Если мы обратимся к развитию религии, то мы имеем первоначальное почитание людей или животных, например, своих предков (тотемизм), затем почитание героев, после того почитание богов, после чего с ослаблением религиозных воззрений снова почитание людей в форме общества или человечества (в социализме или интернационализме).

Если мы обратимся к изменению брака, то убедимся, что первоначально брак является учреждением более или менее свободным, затем семейные узы скрепляются прочно религией, и нарушение семейной верности жестоко

" См.: Лебон Г. Эволюция материи. СПб., 1912. Вып. 1.
262

карается, затем брак освобождается от религиозных цепей, и дело сводится по преимуществу к гражданским брачным обязанностям, причем постепенно брак вновь становится учреждением более или менее свободным, когда для заключения брака и развода требуется лишь взаимное согласие и даже согласие одной только стороны, официально зарегистрированное.

Самые общества или племена переходят от разрозненного состояния и борьбы к союзам, затем сплачиваются в один большой государственный организм, после чего снова разъединяются на основах самоопределения.

Литература первоначально является народной в форме народного эпоса: затем, удалясь от народных интересов, становится как бы кастовым учреждением, удовлетворяя потребности более интеллигентного класса, и, наконец, снова становится народной литературой и обслуживает интересы не отдельной касты индивидов, а всего народа.

Даже в языке можно найти подобную же изменчивость. Не входя в филологические тонкости, заметим, что, например, обращение к другому лицу первоначально имеется одно <ты>; затем оно выражается смотря по случаю двумя словами <ты> и <вы>, а язык более развитых народов, как например, французский, уже не пользуется словом <ты> в обращении к

людям, а всегда имеет для этого только одно <вы>.

Также и народные воззрения испытывают подобные же превращения. Первоначально добытые опытом данные первобытных народов затемняются постепенно религиозными воззрениями, которые с течением времени почти вытесняют из воззрений народа данные опыта и наблюдения, лежащие в основе наук; но с течением времени наука, выдерживая вековую борьбу, берет верх над религией, тогда опыт и наблюдение в жизни человеческих обществ снова приобретают свои права.

Нет надобности умножать эти примеры. Они достаточно убедительны, чтобы установить как положение, что мир непрерывно изменяется, что все в мире течет, что формы, в которые все вновь и вновь облачаются явления мира, необратимы, но что в то же время обнаруживается постоянный возврат к сходным положениям и сходным формам с теми, которые были уже изжиты ранее; однако эти положения и эти формы неизбежно содержат в себе нечто новое, ранее не бывшее и не имеющее возможности повторяться впредь. Отсюда ясно, что закон непрерывного движения и изменчивости сводится к необратимости вечно меняющихся форм.

X. ЗАКОН РАССЕЙВАНИЯ ЭНЕРГИИ ИЛИ ЭНТРОПИИ

Как известно, в физике установлено в форме непреложного закона еще со времени Сади Карно в 1824 г. так называемое второе начало гидродинамики, по которому принимается, что энергия стремится к рассеиванию или к переходу от неравномерного сгущения к равномерному распределению. В более точном виде этот закон был представлен впоследствии Клаузиусом в Германии и В. Томсеном в Англии.

Такой переход энергии от неравномерного ее распределения к равномерному всегда происходит непосредственно, обратный же переход требует всегда предварительной работы, т. е. затраты других форм энергии. В превращении существует, как выражается проф. Хвольсон <своего рода сторонность> " .

Пример: превращение работы в теплоту дает соответствующее количество тепла, но при превращении тепла обратно в работу лишь часть тепловой энергии перейдет в полезную работу, другая часть ее при данных условиях не может быть превращенной в работе. Так, камень при па-

^ Хвольсон О. Д. Сохранение и разъяснение энергии// Природа. 1912. № 5. С. 594-606.
263

дении на землю утратит живую силу, но развивает теплоту, которую однако нельзя снова превратить в живую силу.

Этот основной закон физики, который может быть доказан и в области химии, например, в случаях необратимости реакций, имеет безусловное приложение и к органической природе, ибо все организмы суть носителя запасной энергии, которая стремится рассеяться, переходя непосредственно в ту или другую форму механической работы и превращаясь в тепло и другие более яростные формы энергии во время процессов разложения. Поддержка же самой жизни, т. е. питание организма, не может происходить без затраты определенного количества работы. Наконец, и вся приспособляемость организмов основана на этом законе, ибо приспособляемость предполагает возможное ослабление механических воздействий и других дейст-

вующих на организм влияний путем превращения механической энергии в форме толчка в другие формы энергии, менее вредные для организма (тепло, электричество и т. п.).

Но этот закон энтропии, или рассеивания энергии, имеет безусловное значение и по отношению к надорганическому миру. В сущности каждый входящий в коллектив индивид в своей деятельности является носителем запасной энергии его сочленов, которую он рассеивает кругом себя в окружающей его среде непосредственно в виде той или иной формы движения, производящего действительную работу, или выполняя свою деятельность в форме знаков, или сигналов, играющих роль возбудителя работы в других; но восстановление запаса затрачиваемой при этом энергии, всегда требует работы, связанной с отысканием и приобретением средств на восстановление затрачиваемой при этом энергии.

Если человеческий организм, выполняя физическую работу, может дать до 33% полезной работы из того запаса энергии, которую он приобретает главным образом вместе с пищей, то и при выполнении коллективной работы, выполняемой сообща, имеем мы также известный % полезной работы, которая сама по себе не в состоянии быть обращена на восстановление затраченной энергии в количестве, равном ее израсходованию.

Далее мы знаем, что развитие культуры общества осуществляется путем созидательной работы, затрачиваемой на открытия и изобретения. Эти открытия и изобретения, иначе говоря, затраченная на них энергия, становясь достоянием широких масс населения, рассеиваются среди них непосредственно путем усвоения и подражания без затраты с их стороны того количества энергии, которое было потрачено на самое открытие; для того же, чтобы добиться нового изобретения или открытия, опять потребуются затраты того или иного количества энергии или работа многих лиц, участвующих в подготовке открытия, которое, в свою очередь, постигнет та же участь. Подъем каждого вообще коллектива, будет ли это класс, партия или народ, на соответствующую высоту предварительно требует затраты того или иного количества энергии со стороны входящих в его состав индивидов, но этот подъем неизбежно сопровождается рассеиванием накопленной таким образом энергии путем прямой передачи результатов труда другим коллективам, достижение же каких-либо результатов тем или другим коллективом соответственно его заданиям опять потребует затраты новой энергии со стороны входящих в состав коллектива индивидов, которая будет рассеиваться тем же порядком, и т. д.

Возьмем затем все случаи столкновения народов. Прежде чем осуществляются эти столкновения соперничающими сторонами, производятся обширнейшие приготовления в форме вооружения, подготовки различного рода снаряжений, припасов, подготовки путей сообщения и пр. и пр., на что тратится огромная затрата коллективной энергии. Во время столкновения эта энергия, являющаяся запасной, переходит в действие или в работу, но

264

эта работа не восстанавливает полностью затраченных запасов, на новое изготовление которых должна быть вновь затрачена соответствующая энергия.

То же мы наблюдаем и в экономической области. На производство того или другого продукта затрачивается определенная часть энергии; полностью полученные продукты однако не дают возможности полностью восстановить затраченную энергию человеческих рук. Для этой цели продукты должны

быть обращены в товар и проданы, иначе говоря, на них должна быть произведена новая затрата труда, чтобы их затем обменять на полученные путем продажи деньги.

Ясно, таким образом, что коллективная человеческая энергия переходит в работу, которая не может быть обращена сама по себе вновь в человеческую энергию в количестве, равном исполненной работе, а это и служит выражением закона рассеивания энергии, или энтропии, в надорганическом мире "—"*

XI. ЗАКОН ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Мы не будем здесь касаться принципа относительности в мире вообще, установленного в знаменитом мемуаре Эйнштейна ", а рассмотрим лишь проявление его в условиях коллективной деятельности.

Под названием закона или принципа относительности в общественной жизни мы не понимаем тот принцип, по которому всякое общественное движение, как и всякое индивидуальное действие, имеет значение не само по себе взятое в отдельности, а в соотношении с данными общественными условиями ^*.

Так, в дни царизма в России уже требование министерства доверия признавалось крайне радикальной формой общественного движения, тогда как в дни революции всего несколько месяцев спустя уже и требования республиканского строя для России не считались радикальной мерой. И это потому что многие общественные круги стояли уже на точке зрения демократической федеративной республики, а некоторые в этом отношении шли и еще далее до большевистского социализма включительно.

С другой стороны, программа партии народной свободы почиталась в дни царизма для большинства населения России слишком радикальной и от нее многие умеренные элементы отворачивались, а сама партия властью была загнана в подполья/тогда как в дни революции даже преобразованная кадетская партия с большим уклоном влево почиталась крайней правой партией, а большевистской властью она, в свою очередь, была загнана в подполье как представительница крайних контрреволюционных течений. В дни больших побед малые не возбуждают умы, тогда как при отсутствии побед уже и небольшой военный успех рассматривается как событие большой государственной важности. В дни общественного затишья даже незначительное событие является предметом суждения всего общества и подвергается всесторонней общественной критике, тогда как в дни больших общественных сдвигов и кризисов нередко и большие события проходят мало- или совсем незамеченными. Точно так же во время спокойного периода общественной жизни даже обыкновенное, так сказать заурядное, убийство возбуждает сенсацию. В периоды народной смуты, когда кровь льется рекой вследствие гражданской войны, об отдельных убийствах нет и разговора ни в обществе, ни в печати. Даже загадочный кошмарный расстрел семи невинных студен-

^ Вопрос, всегда ли и всюду ли в мире дело идет о рассеивании энергии или же мы встречаемся и с фактом скопления энергии при известных условиях, например при обра-

зовании небесных светил, нашему рассмотрению в данное время не подлежит.

" См.: Einstein A. Annalen der Physik. 1905. S. 17.

тов, произведенный в Петрограде в начале марта 1918 г. неизвестными людьми, не вызвал особой сенсации в обществе. О самосудах с расстрелом, убийством и растерзанием ни в чем неповинных лиц или цепких воришек, чем так пестрели все ежедневные газеты во время русской революции, и говорить нечего. Они проходили почти незамеченными.

Далее, закон относительности проявляется в том, что всякое общественное движение не только в отношении своей силы, но и в своем характере не может иметь одной постоянной оценки, ибо в одних условиях и в одно время может быть признано прогрессивным, а следовательно, способствующим общественному развитию то, что в другое время может быть признано ретроградным и во всяком случае препятствующим здоровому общественному развитию.

С другой стороны, одно и то же общественное движение или действие в зависимости от условий общественной конъюнктуры оказывается в одном случае тормозом прогресса, а в другом случае его возбудителем. Так твердая власть является разрушительным началом, когда она применяется для ограничения здоровья общественных течений и, наоборот, она необходима и полезна как условие соответствующее прогрессу, когда она применяется для ограничения анархии.

Патриотическое настроение полезно и необходимо для здоровой государственности в период войн, когда необходима сплоченность нации, тогда как то же патриотическое настроение, проявляемое в избытке, может быть прямо вредным в мирное время, ограничивая стремления к выявлению культурных стремлений отдельных входящих, в состав государства народов, следовательно, тормозя развитие их самобытной культуры.

В конце концов можно сказать, что нет ни одного общественного тормозящего условия, которое при других условиях, и даже в одно и то же время для различных общественных слоев не оказалось бы поощряющим и наоборот.

Возьмем более или менее постоянные общественные тормозы, как требования законов, религии, общественных традиций, условной нравственности, приличия и т. п.

Все они в сущности являются тормозами в одних случаях и возбудителями или поощрителями в других случаях. Так, требование закона ограничивает свободу действия в отношении так называемых преступлений, но оно же содействует общественной жизни, ограждая население от грабежей и бесчинств. С одной стороны, требования религии, с другой стороны, воспрещающая безнравственные действия как противоречащие служению божееству, тем самым содействуют их ограничению в жизни и в то же время они побуждают других к высоконравственным поступкам^{^*}.

Общественные традиции ограничивают свободу личности, но в то же время они содержат в себе и поощрительное действие в отношении всего, что содействует укреплению общественных начал. Таким образом, нет ни одного общественного явления, которое признавалось бы имеющим везде и всегда абсолютное значение, а наоборот каждое общественное явление должно быть рассматриваемо как явление, имеющее относительное значение.

Наконец, одна и та же организация в зависимости от сложившихся условий в одно время так относится к данному событию, в другое время иначе.

Так, Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов в самом начале русской революции отрицательно относился к займу свободы, ибо этот заем поддерживал войну, а в конце июня, во время дней займа свободы, тот же Совет выпустил воззвание с призывом к населению подписываться на заем свободы.

Закон относительности применим ко всем вообще коллективным движениям.

Когда существует в стране голод, то инстинктивные рефлекс толпы проявляются многочисленными грабежами и насилиями без достаточного противодействия со стороны властей и общества, тогда как в другое время те же явления встречают естественное противодействие не только со стороны властей, но и во всех слоях населения, а потому, если и осуществляются, то лишь в виде исключения.

Когда толпа веселится, трудно заставить ее плакать, и, наоборот, при грустном настроении собрания нелегко его развеселить.

Когда масса людей воспитана на определенных взглядах, ей крайне трудно или почти невозможно привить противоположные взгляды и, наоборот, ей крайне легко принять взгляды, стоящие в соответствии с усвоенными путем воспитания.

Если коллективное сосредоточение направлено в определенную сторону, то опять-таки крайне трудно его отвлечь другими событиями и, наоборот, сосредоточение легко устремляется на объекты, стоящие в связи с теми, на которые оно уже направлено. То же наблюдается и в коллективных действиях.

Тактика партий в их взаимной борьбе и в борьбе с правительством меняется соответственно условиям времени, ибо в одно время оказывается целесообразным одно поведение, тогда как в другое время оно может оказаться не только нецелесообразным, но даже вредным для интересов данной партии, вследствие чего она принуждена обращаться к другим тактическим приемам. С другой стороны, и меры репрессии, применяемые в стране в качестве общественных тормозов, могут оказаться неподходящими в одних условиях и целесообразными в других.

Надо заметить, что сила и значение всякого воздействия на коллектив стоит в зависимости от состояния коллектива в каждый данный момент, ибо иногда и сильные воздействия могут дать слабую реакцию и наоборот ^{^*}. Так, в начале войны всякое событие, имеющее отношение к войне, вызывает в обществе отклик в виде взрыва патриотизма, тогда как со временем, когда война затягивается, такое же событие уже не вызывает равносильного отклика в общественных слоях. Это доказывает, что каждый раз при оценке общественных движений должны быть принимаемы во внимание разнообразные общественные условия, которые так или иначе отражаются на силе того или другого общественного движения, но от этого важное и всеобъемлющее значение закона относительности ничуть не умаляется.

Статистика говорит нам, что ежегодно гибнет в морях более тысячи паровых и парусных судов. Число жертв должно быть громадно, но это никого не поражает, ибо происходит в разное время гибель то одного, то другого маленького судна. Но вот дело идет о предполагаемой лишь гибели одного океанского большого пассажирского судна, и это поражает умы, вызывая бурю волнений в общественной среде.

То же проявляется и в отношении значения тех или других мероприятий. Так, при неповиновении военной части своему начальнику в период царского режима в России расформирование ее считалось крайней мерой, тогда как в условиях революционного времени, при ослаблении воинских традиций эта мера была признана уже нецелесообразной и была заменена мерами реорганизации, перевоспитания и массовой репрессии.

Другой пример: во время великой русской революции была отменена смертная казнь, но спустя короткое время, когда стали появляться эксцессы и изменнические акты в армии, она была вновь восстановлена тем же самым лицом, министром Керенским, который ее первоначально и отменил.

Самое отношение общества к смертной казни изменяется в связи с условиями жизни. В мирное время казнь глубоко возмущает общественную совесть и служит обыкновенно предметом осуждения со стороны большинства

267

населения, тогда как в военное время даже массовые расстрелы не вызывают особой реакции в обществе. Вообще отношение к казни осужденных далеко неодинаковое в том случае, когда казнь случается как исключительное явление или же когда казни происходят целыми массами. Уже раньше была речь о том, что во время усиленной работы гильотины во время великой французской революции находились смельчаки, которые, всходя на эшафот, издевались над своими палачами или допускали по отношению к ним совершенно неуместные шутки. Это напоминает нам состояние, с каким относятся в странах, где царствует людоедство, те жертвы, которые попадают на обед другим.

Так, относительно южноамериканских гварайосов известно, что они, охотясь на людей и захватывая последних, душили их по очереди. <Жертвы столь же кровожадные, как и их жертвоприносители, умирали наподобие краснокожих, затягивая песнь смерти, в которой издевались над своими палачами, напоминая им, сколько их друзей и даже родных они сами хорошо съели> ^.

Принцип относительности осуществляется и в проявлениях общественной жизни, когда дело идет о смене одного общественного явления другим.

Так, чем тяжелее тот гнет, от которого народ освободился, тем сильнее действует репрессия революционеров и победителей-повстанцев по адресу бывших угнетателей. Но при этом репрессии стоят в прямом соотношении с тем, в какой мере народ освобождается из-под опеки над ним. Этим объясняется многое из того, что мы имеем в развитии французской, русской и всяких других революций.

<Конечными результатами (народных правительств.-В. М. Бехтерев) являются сначала анархия, затем мрачный деспотизм господина одного из тех тиранов, которых всегда находит толпа, движимая рабским инстинктом самосохранения. Так было часто в истории... демократических неурядиц. После Сулы-Мария и гражданских войн явились Цезарь, Тиворий и Нерон, после конвента был Бонапарт, после 48-го года Наполеон. И все эти деспоты были обожаемы толпой. Как могли бы они держаться, если бы чувство народа не было за них> ^.

По словам того же автора, социализм может восторжествовать. Он не

продержится долго и режим, который ему наследует, будет режимом давления, которое надолго даст обратный ход цивилизации той страны, где он водворится[^]. Можно не соглашаться с автором по существу его взглядов на социализм, но отрицать за ним знания общественных условий нельзя. Суть в том, что за крайним уклоном общественной жизни в одном направлении обычно следует уклон в другом направлении, ему противоположном.

Таким образом, чем сильнее и болезненнее идет разрушение прежних устоев в революционные периоды, тем яростнее проявляется реакция – таков закон истории. С другой стороны, чем больше развивается уличных грабежей, тем чаще и жесточе проявляются самозащита общества в виде самосудов и жестокой расправы.

Армия, разбитая и униженная, всегда морально падает, и это выливается в различного рода грабежах, пьянстве, насилиях, разврате. Это есть реакция отчаяния, уподобляющаяся тому, как человек с отчаяния или горя запивает и морально опускается.

Даже внешние знаки боевого характера подвергаются в этом случае пренебрежению и уничтожению. Оружие бросается, распродается или расхищается, погоны и знаки отличия снимаются, снаряжение уничтожается

[^] Летурно Ш. Нравственность... С. 85.

[^] Лебон Г. Психология социализма. С. 74.

[^] Там же. С. 75.

268

или безрассудно растрачивается и т. п. В этом отношении русская революция как нельзя более оправдывает это положение, и декреты о снятии погон и крестов явились лишь отражением общих взглядов в солдатской массе о ненужности и того, и другого, а декреты против расхищения казенного имущества были опубликованы, к сожалению, уже тогда, когда войскового снаряжения не осталось почти вовсе.

В период русской революции в целях защиты против контрреволюции были выдвинуты два тарана – декларация прав солдата и земельный вопрос. Первый таран был направлен по командному составу прежней армии и отразился на дисциплине, второй, будучи направлен против помещиков как представителей буржуазии в деревне вызвал безудержную тягу к земле. Но оба эти условия оказались губительными не для одной армии, ибо другой своей стороной они обратились против самого революционного правительства в вопросе о демократическом мире с Германией. Лишь путем невероятных усилий удалось революционному правительству вновь восстановить армию, с прежними принципами управления.

Мы не перечислили еще много из того порядка явлений, которые служат проявлением принципа относительности; но и приведенных примеров достаточно, чтобы оценить значение этого принципа в общественной жизни, в которой этот мировой принцип получает свое столь же яркое выражение, как и в других проявлениях органической и неорганической природы.

XII. ЗАКОН ЭВОЛЮЦИИ

Бесперывная изменяемость сама по себе не есть еще эволюция, ибо изменяемость есть результат непрерывного движения, тогда как эволюция есть развитие форм из других и, следовательно, постепенная или быстрая смена

одних форм другими. Правда, изменение, хотя и не есть формообразование, но обычно сопровождается изменением положения и формы, откуда следует, что закон эволюции как бы восполняет закон изменчивости^{^*}, но тем не менее с эволюцией мы связываем не одно только изменение, с чем связано всякое вообще движение, но и преобразование или возникновение нового в отношении внешней или внутренней форм, что представляет собой известную степень накопления или убыли вещества наряду с его перемещением. Словом, эволюция, представляя собой развитие новых форм, в сущности являет собой творческий акт и закон эволюции есть в сущности закон творчества.

Значение открытия этого мирового закона трудно вообще переоценить. По Геккелю, впереди всех прочих завоеваний человеческого духа здесь стоит наше современное учение о развитии. Уже предчувствовавшееся 100 лет тому назад Гете, оно только в начале XIX столетия впервые было удовлетворительно выражено Ламарком и в законченной форме обосновано Дарвиным, в 1859 г. Теория естественного отбора Дарвина заполнила пробел, оставшийся в учении Ламарка относительно взаимодействия наследственности и приспособления. Мы теперь определенно знаем, что органический мир медленно и постепенно развивался на нашей, земле по тем же <вечным неизменным законам>, которые в 1930 г. Ляйель доказал для неорганического тела земли; мы знаем теперь, что бесчисленные, различные виды животных и растений, в течение миллионов лет населявшие нашу планету, суть только ветви одного родословного дерева; мы знаем, что человеческий род представляет новейшие высшие и совершеннейшие побегы родословного дерева позвоночных " .

Первые исследователи, твердо установившие закон эволюции (Ламарк, Спенсер, Дарвин и др.), приходили к выводу, что образование новых форм

[^]" См.: Геккель Э. Монизм как связь между религией и наукой. Лейпциг; СПб., 1907.
269

происходит лишь медленно, вследствие чего установилась формула, что природа не делает скачков, но впоследствии исследования показали, что образование новых форм далеко не всегда идет постепенно, но иногда и скачками (де Фрис), вследствие чего некоторые видели в этом отрицание закона эволюции, но по существу дело это является лишь расширением того же понятия об эволюции, как развитие новых форм или новообразовательного процесса, идущего лишь путем более резких и быстрых отклонений или скачков, а не путем малых и едва заметных изменений, что ранбе признавалось как бы аксиомой для закона эволюции.

Закон эволюции представляет собой всеобщий закон, научно доказанный во всех областях физико-биологических знаний, вполне естественно, что он потому должен быть приложим и к общественной жизни, а следовательно, и к развитию коллективных реакций.

Надо заметить, что в процессе эволюции мы встречаемся с таким изменением явлений, которые должны считаться необратимыми явлениями. <Прогресс от фетишизма к идолопоклонству необратим так же, как и переход от богов-животных к богам-людям, от зооморфизма к антропоморфизму, или даже переход от богов-зверей к богам-домашним животным> .

Можно привести также примеры необратимости из лингвистики, как например, превращение твердого окончания глаголов в мягкое в целом ряде романских языков, имеющих корень в древнем латинском языке. Другие

примеры приводить было бы излишне.

Закон эволюции может быть прослежен во всех общественных явлениях, начиная с языка, который, исходя из одного общего корня, путем постепенного дифференцирования и обобщения, видоизменяется в новые и новые формы. Каждый обычай имеет свою историю, в которой не трудно также найти проявление закона эволюции. Еще легче проследить эволюцию в мифах – будет ли это миф о Церере ^{^*} или о Геркулесе ^{^^*}. И там и здесь мы можем проследить его первоначальное развитие и все дальнейшие изменения, которым он подвергается в связи с воззрениями различных народов. С другой стороны, разве развитие религиозных учений, начиная с ведизма ^{^°*}, переходя к браманизму ^{^*} и к Зороастру ^{^*}, от Моисея ^{^*} к Христу ^{^*} и Магомету ^{^*} и затем в разветвлениях и сектах христианства и магометанства не дает возможности установить во всей полноте закон эволюции?

Далее эволюцию мы можем проследить во всяком общественном процессе, даже в настроении народных масс, которое, начиная с едва заметного проблеска, постепенно усиливается, доходя до своего апогея. Наконец, и творчество народных масс подвергается соответствующей эволюции, и разве художественное литературное и научное творчество, преемственно передаваемое, не эволюционирует ли, в свою очередь, как и все, что составляет результат творчества человеческого ума. Разве не отражается, например, Теокрит в Виргилии, Менандр в Теренции, Платон в Цицероне, Байрон в Лермонтове и т. п.?

Так как закон эволюции является общим для всех вообще общественных движений, то отсюда понятно, что каждое общественное движение, где бы оно ни проявлялось, проходит одни и те же стадии развития. Но когда тот или иной коллектив воспроизводит общественное движение, уже пережитое другим коллективом и распространяющееся на него благодаря подражанию, то он не воспроизводит его полностью во всех промежуточных стадиях развития, а ограничивается тем, что переживает различные стадии развития общественного движения, но переживает их в более или менее сокращенном виде, подобно тому как в биологическом мире зародыш проходит различные стадии развития вида. Это дает возможность молодым нациям, которые

[^] Тард Ж. Социальная логика. С. 205–206.
270

должны проходить те же стадии развития общественных движений, которые пережиты в свое время более старыми нациями, переживать их в более короткий срок, причем многие промежуточные стадии общественных движений в этих случаях протекают как бы в сокращенном виде ^{^*}. Вот почему наша русская революция, которая во многом явилась сколком с французской революции, прошла различные стадии своего развития с гораздо большей быстротой, нежели это было во времена французской революции. То же наблюдается и в отношении всех других общественных движений, развивающихся в различных частях земного шара. Благодаря этому народы, достигшие степени развития, при котором культурные достижения становятся осуществимыми путем достижения переимчивости, могут пройти ряд исторических ступеней культуры с гораздо большей быстротой, нежели это достигалось тем народом, который обеспечивал себе культурные успехи по преимуществу собственными усилиями. Примером этого может служить Россия XVIII и XIX в. и Япония, недавно еще бывшая некультурной страной и ныне стоящая уже на высокой ступени культурного развития.

Принято думать, что социальная эволюция не делает скачков, хотя,

казалось бы, противоречием этому служит принятие народом новой религии. Но это только кажущееся явление, будто здесь происходит быстрый переворот. <Без сомнения, всякому известно, что все великие религии, – браминизм, буддизм, христианство, ислам – вызвали массовые обращения среди целых рас, которые по-видимому сразу их приняли, но когда углубляешься немного в изучение этих обращений, то сейчас можно заметить, что, если что изменили народы, то только своей старой религии, а не саму религию; что в действительности принятые верования подверглись изменениям, необходимым, для того чтобы примкнуть к старым верованиям, которым они пришли на смену и по отношению к которым были только простым продолжением. Отсюда происходят изменения, испытываемые религией вместе с принятием ее тем или другим народом. Примером может служить буддизм Китая, ислам на Деканском полуострове и др.>.

Однако мнение Г. Лебона не может быть принято безусловно. Как в биологическом мире имеются скачки в виде так называемых мутаций де Фриса, так и в социальном мире, кроме эволюции, имеются и революции, которые представляют собой вполне законное явление в ходе исторического процесса.

Следует далее иметь в виду, что эволюция всегда и везде идет от общего к частному, например, создание языка вообще предшествовало развитию отдельных форм и прежде всего предшествовало мифологии и развитию наук, а с другой стороны, развитие наук опять-таки шло от более общих к более частным, и так во всем.

Вообще весь вид эволюционного процесса в обществе людей определяется целым рядом факторов географического, климатического, социально-экономического характера, которые, кстати сказать, отдельным личностям, хотя бы и гениальным, предоставляют в истории лишь скромное место. Все дело сводится к эволюционному процессу самого общества, т. е. народных масс. Но отдельные личности тем не менее могут иметь огромную роль, если они своей умственной прозорливостью сумеют уловить пульс народной жизни и направление исторического процесса и тем самым приложить свою энергию на путь соответственного развития народных масс. Возможно, конечно, что сильная личность, пользуясь своим высоким положением, может и воспрепятствовать в той или иной мере, правильной эволюции общественного процесса. Но в каждом случае личность должна быть рассматриваема не сама по себе, а как личность, лучше воспринявшая наследие прошлых

^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 79–80.

поколений и опирающаяся на тот или иной коллектив, олицетворяя особой надежды и устремления этого коллектива, вследствие чего роль личности определяется общественной значимостью и социальной силой того коллектива, представителем которого она является ^*. Таким образом роль государя, главного военачальника, народного вождя, демагога, представителя определенного класса или партии сводится не столько к особым качествам самого лица, что однако само собой разумеется не остается без значения, сколько к значению той массы людей, которая объединяется с этим лицом.

В проявлении закона эволюции огромное значение имеет неравенство коллективных единиц и индивидов. Если бы природа снабдила всех одинаковыми качествами и одинаковыми способностями, то очевидно не могло бы быть и подражания – этого могучего фактора общественной жизни, ибо нечему, было бы и подражать. Вместе с тем не было бы стремления к

совершенствованию этого другого важнейшего фактора эволюции, не было бы борьбы и соперничества – этих важнейших импульсов общественного движения, точно также почти неосуществимо было бы общественное разделение труда, равно и специализация, и дифференциация общественных сил, столь содействующих успеху цивилизации. Словом, на место прогресса мы имели бы более или менее полный застой в общественной жизни. Правильная организация общественной жизни предполагает равенство всех людей в отношении социальных прав, и только этот принцип гарантирует справедливое отношение к людям. Но природа не ко всем людям одинаково справедлива и условия жизни отдельных индивидов, как и отдельных народов, неодинаковые, а это и лежит в основе индивидуальных национальных особенностей, имеющих огромное значение в эволюции человеческого общества.

Применим ли рассматриваемый нами закон эволюции к отдельным общественным явлениям? Начнем с эволюции власти. Государственная власть или правительство возникло из семьи, образующей собой как бы самостоятельное государство. Эти государства, семьи, размножаясь и объединяясь в роды, образуют собой родовое государство, которое достигает затем дальнейшего роста, образуя собой нацию. Помимо семьи государства возникали путем образования коллективов, преследовавших другие цели, например, разбойничество. К шайке или орде примыкали другие беглецы из ряда окрестных деревень и таким образом, получив достаточную силу, эта шайка или орда, громя соседние деревни, в конце концов, подчиняла их своей власти, которая и узаконилась путем известного соглашения между нападающими и нападаемыми. Так возник Рим с его могуществом и также, в позднейшие времена возникали государства, обязанные своим существованием нашествию монголов.

Первоначально в развивающемся государстве устанавливается общинный строй, но затем общинный вечевой строй эволюционирует в монархическое государство, которое возникает не ранее развития частной собственности на землю, в результате чего развивается обезземеливание свободных земледельцев более сильными по сравнению с ними соседями. <Развитие крупной собственности на землю и так называемый процесс феодализации и крепостничества, превращающий прежних свободных земледельцев в настоящих подданных господствующих землевладельцев, кладет предел всякому свободному общинному вечевому строю. На место прежнего народного веча становится собрание различных благородных и лучших мужей, господствующих в своих вотчинах и объединяющихся обыкновенно вокруг самого могущественного землевладельца – князя, признаваемого всеми ими своим государем> ". Ясно, что с собственностью происходит деление на классы, а с этим

Тахтарев К. М. Общество и государство. В. м., В. г. С. 12–13.
272

вместе дается начало <классовой борьбе>. Надо заметить, что путь возникновения политических форм был указан еще Аристотелем, который на основании изучения 157 известных в то время народов вывел социологический закон возникновения и смены различных политических форм государственного бытия и властвования в связи с соотношением классов и условий классовой борьбы.

Вообще говоря, непрерывные преобразования в коллективах путем эволюции приводят обычно к полной перестройке их организации либо в сторону централизации власти, либо в сторону децентрализации. Так, например, организация католической и православной церкви перешла от демократической общины в евангельском духе к иерархической организации

с аристократией в лице епископа, затем к монархическому строю в виде патриарха и римского первосвященника, связанных соборными постановлениями. Но однажды папа объявил себя непогрешимым и тем самым католичество перешло к монархическому абсолютизму.

Точно таким же образом древняя Русь с ее удельными княжествами перешла путем эволюции на положение сначала ограниченной монархии, а затем и абсолютной монархии.

Но абсолютная монархия со временем вновь преобразуется в сторону развития народоправства, сначала в форме ограниченной монархии, а со временем и в форме республиканского строя с децентрализацией местной власти и федеративной государственной организацией.

Эта смена одного состояния другим в организации общества обуславливается тем, что по закону инерции централизующая власть постепенно доходит до такого абсолютизма, который становится непереносимым для народа и вызывает реакцию в виде резкой оппозиции, приводящей к свержению абсолютной монархии, и, наоборот, демократическая организация власти, в свою очередь, доводит страну по закону инерции нередко до невозможных условий, вызывая иногда даже гражданские войны и возбуждая вследствие того оппозицию в обществе, и тем самым склоняет последнее снова в сторону монархии.

Археология и этнография восполняют еще в большей мере наши сведения об эволюции государств.

<Мы можем теперь до известной степени составить эмбриологию всех наших общественных учреждений. Перед нашими глазами развертывается самое отдаленное прошлое наших обществ. Можно, например, de visu изучать образование общества; это прежде всего первобытная и анархическая орда первых времен четвертичного периода в том самом виде, в каком она существует теперь на Отгненной Земле. Затем эти орды соединяются в классы и племена, последние выделяют из себя сословия, касты, затем подчиняются предводителям и, наконец, образуют деспотические монархии и т. д.>^.

Вообще, закон эволюции общественных условий и развития цивилизации получает чрезвычайно ценный материал в этнографических изысканиях. Тот же Летурно, говоря об эволюции человеческого рода, замечает: <История даже при помощи легенд открывает нам всего только один момент в эволюции человеческого рода. При помощи же этнографии можно надеяться дойти до самых источников, все промежуточные звенья могут быть восстановлены и конец связан с началом. Паровая машина приводится таким образом в связи с расколотыми кремнями, пароход с первобытной лодкой, дворец с пещерой, фиктивные (т. е. где одно слово имеет разное значение) языки с односложными, дифференциальные исчисления с первобытной нумерацией австраллийца, тщетно пытающегося пересчитать свои пальцы, великие арийские религии с анимизмом африканского негра, щедро награждающего внешний

"^ Летурно Ш. Нравственность... С. 25.
18 В. М. Бехтерев

273

мир сознательной жизнью, сходной с его собственной. Рафаэль становится тогда отдаленным потомком первобытных рисовальщиков департамента Лозер (из Франции)> "^.

В свою очередь, собственность на земле возникла путем расселения на земле, принадлежащей захватившим ее членам того или другого племени как бы на правах общинного владения. С течением времени эти земли дробятся, образуя собственность классов, семей и в заключение переходят в собственность отдельных владельцев. Развитие языка предполагает, что в отдаленные от нас времена язык мог возникнуть как звукоподражательный знак и как сочетательный рефлекс из обыкновенных звуковых рефлексов: ой, ай, ах, ну и т. п.", причем возникший таким образом речевой сочетательный рефлекс постепенно все более и более дифференцировался путем приставок, флексий, удвоений и т. п. и обобщения путем переносных выражений и слов, выражающих общие понятия. При этом благодаря подражанию язык должен был распространиться между семьями одного и того же рода, класса или племени или в определенном коллективе, будет ли это община или орда. Таким образом постепенно должна была возникнуть раса ^*, говорящая на одном языке, который однако благодаря разделению населения на отдельные коллективы уже с самого начала должен был иметь свои говоры и наречия, впоследствии опять сливающиеся благодаря обеднению коллективов.

Несомненно далее, что совершенствование языка и его развитие шли по ступеням от жестов к словам с конкретными обозначениями и от конкретных слов к абстрактным обозначениям. Язык современных нам дикарей или так называемых первобытных народов еще богат жестами. Но сверх того установлено, что в первобытных языках не имеется абстрактных и сравнительно мало общих названий, ибо слова и жесты у них являются выражением конкретных вещей. Поэтому первобытные языки богаты существительными, глаголами и предлогами. Язык жестов у первобытных народов еще в большей мере служит обозначением конкретных явлений, как действий, положений и т. п. При этом язык жестов состоит опять-таки не из отдельных жестов, а представляет сложный их комплекс, который характеризует определенное действие. Это как бы двигательные изображения или описания. Например, для обозначения воды производят действие зачерпывания ее рукой и т. п.

И в дальнейшем эволюция языка прослежена сравнительно хорошо благодаря успехам сравнительного языкознания. Но мы не войдем в подробности по этому предмету. Мы ограничимся здесь указанием на то, что основной язык изменяется в смысле произношения даже от той общественной среды, в которой он распространяется. Так, например, различные латинские слова, переходя из римской среды в среду испанскую или гальскую, претерпевали однообразные и характерные изменения, причем каждая буква заменялась другой определенной буквой и эта известная согласная в немецком или английском языке эквивалентна известной другой согласной в языке санскритском или греческом, а это в сущности обозначает что коренной язык, переходя из первобытной арийской среды в среду германскую, греческую или индусскую, менял свои согласные указанным образом, в одном случае получая вместо твердого звука придыхательный, в другом - наоборот .

Эволюция взглядов на причинность явлений представляет собой то, что известно под названием эволюции человеческой мысли. Как известно, Кант

" Там же. С. 23.

"^ См.: Бехтерев В. М. Объективная психология. СПб., 1910. Вып. 3.

"* См.: BruM L. Les fonctions mental. S. 1., S. a. P. 175-176.

"^ Тард Ж. Социальная логика. С. 249-279.

различал три стадии мышления: теологическая, метафизическая и позитивная.

Но Стюарт Гленни за основной закон интеллектуального развития признает закон движения от количественно-неопределенной, к количественно-определенной концепции взаимодействия вещей, иначе говоря, эволюция идет от крайне несовершенных взглядов на причинность явления в направлении установления более точных взглядов.

На место кантовских трех стадий автор различает следующие этапы в развитии человеческих взглядов на причинность: магический, сверхъестественный и научный.

Первая стадия является в тот период, когда человек, ничего не зная о причинах явлений природы и признавая в самом себе активность из непосредственного самонаблюдения, наивно допускает влияние этой активности на окружающие его явления. Это период народного младенчества, при котором человек верит, что для того, чтобы вызвать дождь, достаточно полить землю водой с какими-то причитаниями, чтобы отомстить врагу, необходимо пронзить его тело на его изображении, чтобы освободить кого-нибудь от болезни, достаточно фиктивно вытянуть из его тела определенный материальный предмет и т. п. Речь идет здесь об обобщении своего действия с особой магической силой, воздействующей на те или иные внешние явления и живые объекты.

В дальнейшей стадии человек признает причину явлений окружающего мира в особой духовной невидимой силе. Эта стадия возникает с развитием понятия о духе как особом существе, имеющем реальное бытие.

В этой стадии человек населяет природу невидимыми существами с качествами, свойственными человеческому духу, и объясняет их вмешательством все явления природы.

Здесь дело идет об анимизме в виде обобщения самой субъективно сознаваемой активности с явлениями природы, следовательно, об обобщениях своих же собственных душевных состояний, оцениваемых с точки зрения духовной силы.

Третья стадия признает строгую механическую причинность для всех явлений природы за исключением основной первопричины в виде Творца вселенной, управляющего миром по раз установленным законам, причем все в мире подчинено этой законности; о вмешательстве сверхъестественных сил в явления природы не может быть и речи.

Мы добавим к этому, что дальнейшей и последней стадией развития человеческого мышления должно быть совершенное исключение не только из явлений природы, но и из понятия о начале самой вселенной какой-либо сверхъестественной силы, что и завершает эволюцию в вопросе об оценке в окружающем нас мире.

Заметим также, что нельзя представлять себе дело таким, что одна стадия последовательно сменяет другую. Обычно в одном и том же периоде можно встретить в одних слоях населения проявления первой и второй или только второй стадии, а в других более интеллигентных слоях проявление третьей стадии, являющейся достоянием всех вообще или большей части научно образованных людей. Вряд ли нужно говорить, что последняя стадия является

результатом применения опыта в жизни и в лаборатории, который воочию доказывает полную законосообразность всех явлений природы.

Что касается эволюции научных знаний, то она, как и эволюция языка, идет от общего и неопределенного к частному и более определенному. Вместе с тем прогресс знания, открывая все более и более глубокие соответствия, обнаруживает и множество глубоких несоответствий, ранее не замечаемых. Благодаря тому, что крупные обобщения достигаются гениальными умами, естественно, что эволюция знаний идет толчками. Таким образом, например,

18*

275

человечество пришло к своим величайшим открытиям, начиная с учения Галилея, законов Ньютона и др., где проявился могучий синтез человеческой мысли. Подобным же образом осуществляется гигантская коллективная работа человеческого ума, выражающаяся энциклопедией научных знаний, сводом законов, общественной моралью, художественным творчеством и т. п.

В искусстве, как и в знании, эволюция идет опять-таки толчками благодаря новым идеям и новым знаниям, как бы оплодотворяющим прежние обветшалые идеи и отжившие знания. Так, романский стиль преобразовался в готический благодаря новым влияниям, явившимся последствием крестовых походов. Позднее готическое искусство претерпело преобразование в искусстве ренессанса под влиянием изучения греко-римской жизни.

Отсюда понятно, что нет никакого основания ждать параллелизма между развитием наук и искусства, ибо каждая отрасль соотнесительной деятельности ждет своего периода, чтобы быть оплодотворенной для нового успешного развития. Заметим еще, что идеалы как символы прекрасного изменяются вместе с расой и эпохой, и потому каждая раса создает свое искусство, как и каждая эпоха творит свои формы искусства.

Спрашивается, что является коренным импульсом эволюционного процесса? В биологии процесс эволюции обуславливается процессом борьбы за существование, основанным на потребностях организма, с одной стороны, и неравенством средств к нападению и обороне, с другой. Но кроме борьбы за существование в том же процессе эволюции с нашей точки зрения, солидарной с Кропоткинским, несомненно играет роль и сотрудничество, основанное на выгоде в достижении цели, т. е. удовлетворения потребности и дающее лучшие условия для защиты и нападения в борьбе. Точно также и в основе эволюционного процесса в обществе лежит конкуренция и борьба, основанные опять-таки на потребностях коллективов, с одной стороны, на неравенстве средств к нападению и защите, с другой, и вместе с тем также приобретает значение и сотрудничество, основанное на выгоде в достижении цели в смысле удовлетворения потребностей и создания лучших условий для защиты и натиска в борьбе.

В самом деле без потребностей может ли быть какое-либо стремление к деятельности? Очевидно нет. Но чем обуславливается конкуренция и борьба? Очевидно, только неравенством сил и средств. Чем обуславливается сотрудничество? Стремлением усилить свои средства в конкуренции и борьбе.

Из предыдущего ясно, что социальное равенство возможно только в идеале, ибо с наступлением равенства не было бы импульса к новым социальным достижениям. Вот почему, если социализм ставит идеалом равенство, то оно мыслится, как мы уже упоминали, только как равенство социальных прав, вытекающее из акта рождения на свет, но социализм не

может стремиться к уравниванию способностей отдельных индивидов. Ибо, если бы это когда-нибудь и произошло, то привело бы к полной остановке всякого социального прогресса ^{^*}.

Нередко смешивают эволюционный процесс с прогрессом или даже совершенствованием, что неправильно уже ввиду того, что эволюция есть прогресс развития без различия, идет ли это развитие в сторону поступательного хода, или прогресса, или в сторону попятного хода, или регресса.

Но сам по себе прогресс как понятие требует своего определения. Надо при этом заметить, что вопрос о том, что такое совершенствование и что такое прогресс, не может решаться без определенной предпосылки и выяснения того, с какой точки зрения рассматривать самый вопрос, ибо то, что мы назовем совершенствованием, с одной точки зрения, может оказаться регрессом и ухудшением, с другой точки зрения. Представим себе, что мы имеем машину, предназначенную для определенной цели, например, летательный аппарат. Разобравшись в его составных частях, мы найдем, быть

276

может, его более сложным по сравнению с существующими системами, но совершенство самого аппарата независимо от его сложности будет определяться его большей или меньшей приспособленностью к той цели, для которой предназначен аппарат, т. е. для авиации. Итак, во всех случаях, когда дело идет об орудиях или машинах, совершенство или несовершенство определяется тем, в какой мере лучше орудие или машина приспособлены для той цели, для которой они предназначены.

С другой стороны, понятие прогресса есть более общее понятие, говорящее о движении вперед, но не связанное непременно с совершенствованием, ибо прогресс может происходить и в сторону попятного развития. Поэтому всякое совершенствование неотъемлемо связывается с прогрессом, но прогресс может сопровождаться не качественным улучшением или совершенствованием, а, наоборот, ухудшением. Тем не менее часто словом прогресс пользуются для обозначения того же самого совершенствования, не разделяя оба эти понятия по существу.

Переходя к выяснению вопроса о совершенствовании живой природы, необходимо иметь в виду, что и здесь мы должны иметь неодинаковое разрешение вопроса смотря по тому, будем ли мы рассматривать вопрос с точки зрения строго биологической, иначе говоря, в смысле совершенствования самой организации того или иного индивида, или же будем рассматривать с точки зрения социальной, т. е. жизни в целом. Обращаясь к первому вопросу, мы не имеем основания становиться на точку зрения каких-либо преимуществ того или другого органа, той или иной части организации, ибо индивид есть целое и неделимое. Поэтому рассуждения отдельных биологов, будто бы большее развитие нервной системы и центральных ее органов, в частности, характеризует большее совершенствование, не могут иметь абсолютного значения в данном вопросе.

В конце концов, весь организм в целом является самодовлеющей машиной, сущность которой сводится, с одной стороны, к приспособлению организма к окружающей природе, с другой – к использованию внешних сил природы путем установления разнообразного соотношения самого организма как целого с окружающей средой. Отсюда ясно, что роль нервной системы, и в частности, центральной, в установлении соотношения организма с окружающим миром огромная, но все же не исключительная, ибо те или

другие части тела являются орудиями, при посредстве которых нервная система выполняет свою роль, и следовательно, качество орудий при этом все же не может не быть принято во внимание. В конце концов, вопрос о более совершенной организации должен естественно решаться опять-таки в смысле более или менее разнообразного установления соотношения организма с окружающей средой, а не в смысле размеров одного только мозга.

Далее, как приспособление к среде, так и использование среды обеспечивается ничем иным, как дифференцированностью органов и согласованностью их функций, а потому мы могли бы сказать, что наиболее совершенный организм будет тот, который представляет наибольшую дифференциацию органов при наибольшей согласованности их функций; но внешним выражением того и другого процесса в деятельности организма и является установление разнообразного соотношения организма с окружающей средой, а потому это установление и должно быть наиболее верным показателем совершенства организма.

Некоторые полагают, что по аналогии с искусственной машиной мы имеем приспособление к среде и использование окружающих условий, совершенное в целях поддержания жизни организма и являющееся проявлением совершенствования; но это значило бы придериваться телеологического взгляда, тогда как природа сама по себе не знает целей. Вот почему мы

остановились на другом строго объективном определении. Если бы остановиться на телеологическом определении, что по существу неправильно, то пришлось бы признать, что организм лучше приспособленный в целях сохранения жизни, является и более совершенным, но в таком случае оказалось бы, что одноклеточные организмы, не знающие смерти, явились бы и более совершенными. С другой стороны, дневки оказались бы менее совершенным организмом, нежели более низшие животные, а слон, попугай, ворон и некоторые другие, как более долго живущие, признавались бы более совершенными по сравнению с человеком, что опять-таки неправильно.

Таким образом, наше определение и понимание совершенствования как установления путем приспособления к среде и использования окружающей среды более разнообразных соотношений с окружающей средой нам представляется единственно правильным^{^*}.

То же самое определение можно применить и к виду. Можно определенно сказать, что каждый биологический вид является продуктом своей среды и своей эпохи. Поэтому о большем или меньшем совершенстве видов нельзя говорить в смысле большей или меньшей способности их к самосохранению. В известную эпоху с изменением окружающих условий жизни может оказаться один вид, лучше или хуже приспособленным к достижению той цели, о которой речь была выше, нежели другой и наоборот. Но все виды могут быть сравниваемы друг с другом по тому, в какой мере разнообразны те соотношения, которые тот или другой вид устанавливает с окружающей средой, и в зависимости от этого и определится его большее или меньшее совершенство. Так как нервная система является тем аппаратом, который принимает на себя более сложные соотношения с окружающей средой, то ясно, почему большее развитие нервной системы и является вместе с тем показателем совершенствования того или другого вида, хотя дело и не в одной нервной системе, которой к тому же некоторые виды и не обладают.

Если мы обратимся к вопросу о социальном прогрессе в смысле совершенствования, то и здесь давалось нередко телеологическое объяснение. Так,

по взгляду некоторых, прогрессом является лишь то изменение в обществе, которое является приближением к намеченному идеалу, а этот идеал, созданный на основании особых соображений, должен быть лучше современного состояния, хотя бы на опыте он оказался и худшим; иначе говоря, дело идет о таком эволюционном процессе, который ведет от худшего к лучшему, как бы это ни понималось лучше. Иначе говоря, здесь вводится оценка лучшего на основании каких-либо других теоретических соображений, и самый идеал признается наперед установленной нормой. Здесь нет надобности говорить, что это определение не выдерживает критики.

Другое, определение социального прогресса совпадает с понятием социальной эволюции. Но в этом определении предполагается, что позднейшая форма есть и более лучшая, что по существу неправильно, ибо эволюция ничуть не предполагает непременно перемены к лучшему. Эволюция есть изменение, связанное с творчеством новых форм, но эти новые формы в действительности могут оказаться хуже старых, что случается вообще нередко, ибо общество может не только прогрессировать, но и регрессировать. Так например, та или другая реформа есть проявление эволюционного процесса, но она может оказаться не прогрессивным, а регрессивным фактором и должна иметь вследствие этого соответствующие последствия.

К вышеуказанным основным взглядам в сущности относятся все имеющиеся теории социального прогресса. Так, к первой группе должны быть отнесены все те авторы, которые выставляли те или другие принципы как идеальные нормы общественных условий существования.

История науки полна целым рядом таких норм, признаваемых идеалами. Сюда относятся: <принцип золотой середины (Аристотель), принцип счастья

и пользы (гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм), принцип любви (христианство) (Петражицкий), принцип императива (Кант), принцип жизни (Ницше, Гюйо), принцип общности (Вундт), принцип единства (Наторп), принцип солидарности (М. Ковалевский, Л. Буржуа и почти все современные французские социологи), принцип роста знания (Конт, Бокль, де Роберти), принцип общего благополучия (Геффдинг), принцип сбережения сил (Зиммель) и т. д.> ^ Этим перечислением, конечно, еще все принципы далеко не охвачены, да и далеко не исчерпывается список имен, разделяющих тот или другой принцип. Один утилитаризм (<максимум счастья для максимума людей>), например, имеет целый ряд представителей, как Милль, Бентам, Спенсер, Тард, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров и др.

Другое направление, рассматривающее прогресс как эволюцию, имеет, в свою очередь, своих представителей, таких, как Кондорсе, Конт, Спенсер, Оствальд, Новиков и др.

Очевидная недостаточность такого толкования прогресса привела к исполнению этого учения со стороны Е. В. де-Роберти. По этому автору, процесс изменения, происходящий в биологической среде, есть эволюция, а процесс изменения, происходящий в социальной среде, есть прогресс. Но так как целеполагание является основным условием социального бытия, то, по Е. В. де Роберти, <прогресс есть эволюция, становящаяся для нас целью> ". .

Но эволюция есть закон, относящийся и к надорганическому миру, ибо нельзя ограничивать этот закон только биологической средой, в надорганической же среде эволюция может опять-таки происходить в сторону улучшения или в сторону ухудшения, что не будет соответствовать прогрессу. Если же мы введем к понятию эволюции в надорганическом мире

добавление в смысле целеполагания, то мы сведем этот взгляд к одному из принципов, о которых речь была выше. Таким образом эта теория прогресса не дает нам никакого преимущества перед всеми теми, о которых сказано выше.

Мы полагаем, что и здесь, как и в других случаях, должны быть совершенно исключены как телеологический взгляд, так и субъективная точка зрения. И потому, подобно тому как в биологическом мире, социальный прогресс должен характеризоваться установлением более разнообразных соотношений с окружающей средой в смысле приспособления к ней и использования ее путем большей общественной дифференцировки (разделение труда) и большей согласованности отдельных частей, входящих в состав общества. Обратное будет характеризовать общественный регресс. Но общее понятие прогресса может разбиваться на частные. Так, частичной формой проявления прогресса следует признавать ту форму взаимоотношения между личностью и обществом, которая в данный период наилучше соответствует разворачиванию творческой деятельности и личности и общества, приводящей к подчинению окружающей природы стремлениям человека как общественной личности и стремлениям самого коллектива. Это подчинение природы стремлениям человеческого коллектива сопровождается ростом производительности данного общества и его труда, приводящей и к расширению его жизненных отношений.

Социальный регресс между тем характеризуется приостановкой поступательного хода общественной жизни и ее творчества, обусловливаемой какими-либо тормозящими условиями, как внешними, так и внутренними, причем дело может завершиться даже распадом самого коллектива.

Сорокин П. А. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии.

СПб.. 1914. Кн. 3. С. 146.

" Видимо, речь может идти о: Роберти Е. В. де. Социология и психология//Там же. Кн. 2.

С. 1-26; Он же. Новая постановка основных вопросов социологии. М" 1909.

279

Распад или разрушение коллектива приводит к окончательной его гибели или смерти, состоящей в его распылении, точнее в переходе из структурного и гармоничного состояния в бесструктурное и дисгармоничное, переходе из социальной жизни к жизни общественно-бесструктурной как смерть организма есть переход от коллективной жизни его клеток к бесструктурному распаду на молекулы и на атомы.

Достоинно внимания, что в коллективной рефлексологии, как и во всем вообще мире, общим правилом является то, что созидание в эволюционном процессе идет всегда более или менее и последовательно, инволюция и распад, наоборот, почти всегда относительно быстро. Поэтому и социальные строго организованные коллективы, на созидание которых требовались века, разрушаются в сравнительно короткое время, как показывает история Римской империи, история многих других государств и даже история царской России.

XIII. ЗАКОН ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЯ

В настоящее время закон дифференцирования является установленной

истиной как для органического, так и для неорганического мира, и на этой стороне вопроса мы здесь останавливаться не будем. Мы приведем лишь одну выдержку из речи известного естествоиспытателя Геккеля, которая покажет нам, как ныне мыслится постепенная дифференциация мира.

<В самом начале в бесконечном мировом пространстве нет ничего, кроме подвижного эластического эфира ^ и бесчисленных однородных отдельных частиц, разбросанных среди него наподобие пыли в воздухе; это первичные атомы, возможно, что последние по своему происхождению суть только "точки сгущения" колеблющейся субстанции, остатки которой образуют эфир. Соединяясь в определенном числе в группы, это первичные атомы, или атомы массы, образуют атомы элементов нашей химии. Согласно... гипотезе Канта-Лапласа, из подобного колеблющегося "первичного тумана" возникают вращающиеся мировые тела. Среди многих тысяч мировых тел наше солнце является одним; оно собирает вокруг себя планеты, которые оторвались от него благодаря действию центробежной силы. Наша маленькая земля – только одна из планет солнечной системы; вся индивидуальная жизнь этого шара – результат действия солнечного света. Когда раскаленный земной шар охладевает до известного градуса, образовавшаяся капельно-жидкая вода – это первое условие органической жизни – осаждается на поверхности затвердевшей земной коры. Атомы углерода начинают свою органическую деятельность и соединяются с другими элементами в способные разбухать соединения плазмы. Маленький комочек этой плазмы переступает границы сцепления и индивидуального роста и делится на две одинаковые части. С этой первой моной начинается органическая жизнь со свойственной ей функцией наследственности. В однородной плазме моны выделяется из мягкой внешней массы центральное, твердое ядро; этой дифференциацией ядра и протоплазмы образуется первая органическая клеточка. Долгое время нашу планету населяют исключительно такие протисты или одноклеточные существа. Из ценобий или союзов этих протистов образуются позже низшие гистоны, многоклеточные растения и животные> ^.

Мы провели эту выдержку исключительно для иллюстрации мысли, как согласно закону дифференциации мыслится развитие всего разнообразия форм в мировом масштабе, ничуть не считая правильными некоторые положения автора. Так, известно, что многие из физиков ныне уже обходятся без

^ Если он существует, скажем мы от себя.

"^ Геккель Э. Лекции по естествознанию в философии. СПб., 1913. С. 45–46.

280

гипотезы об эфире; автор затем вовсе не касается строения, а, следовательно, и возникновения атомов из электронов, о вращающихся туманностях и т. п. Но суть не в том, все ли в этой схеме соответствует действительности, а в изложении той схемы, как эволюционной, мировой процесс мыслится вообще путем дифференцировки первичных форм, дело идет ко все большему и большему их разнообразию и, следовательно, к усложнению внешнего мира.

Мы знаем далее, что в органическом мире закон дифференцирования можно проследить на развитии каждого отдельного индивида, начиная с момента оплодотворения яйца.

Но и в социальной жизни каждого коллектива, как и всего человечества, мы должны иметь в виду закон дифференциации или выделения индивидов по особым качествам, наряду с законом избирательного обобщения, приводящим к группировке личностей по их особенностям и стремлениям.

По этим двум основным законам собственно и происходит историческое развитие человечества. Рибо о развитии детского ума говорит: <Единственная подходящая формула это такая: ум идет от неопределенного к определенному. Если из неопределенного сделать синоним общего, тогда можно, пожалуй, утверждать, что вначале появляется не частное, но также и не общее в точном смысле слова, а неясное> ^°. Нечто подобное мы имеем и по отношению к обществу.

Первоначальное общество есть общество недифференцированное или, точнее говоря, мало дифференцированное. Оно связано лишь совместной жизнью, общностью интересов, взаимными соотношениями, установившимися благодаря опыту. Это общество самых примитивных дикарей, не знающих ни государственной жизни, ни разделения на касты. В цивилизованном мире такое общество представляется обществом детей, воспитывающихся в одной среде. Лишь с возрастом в этом обществе начинается известная дифференцировка и организация, приводящая одновременно к обобщению и согласованию дифференцированных отделов общества.

Государство как политическая организация общества, соответственно определенной степени развития и состоянию общества, может быть различным – советской республикой, монархией, абсолютной или ограниченной. Причем и там, и здесь может быть еще целый ряд дальнейших подразделений, как вечевое народоправство, феодальное государство, избирательное и наследственное королевство. Да и отдельное государство при децентрализации управления дифференцируется на отдельные самоуправляющиеся области. Этот процесс дифференцирования как всякий процесс разделения труда основан на том, что самоудовлетворение физических потребностей осуществляется лучше при отделении одних частей от других.

Таким образом, .. государство как политическая организация общества, дифференцируясь, отражает определенную степень развития и состояния самого общества и потому может образовать самоуправляющуюся общину с вечевым характером народоправства и феодальное государство с избирательным или наследственным сюзереном во главе. Более сложные формы государства в виде сановных монархий и демократических и буржуазных республик суть продукты дальнейшей дифференциации в государственной организации общества.

Всякий вообще жизнеспособный коллектив, раз образовавшись, тотчас же дифференцируется. Уже в самом начале в коллективах возникает президиум или бюро, исполнительное бюро, касса, организация специальных отделов, комиссий и т. п.^* В коллективах больших размеров, таких, например, как государство, дифференциация представляется много более сложной.

^ Рибо Т. Эволюция общих идей: Пер. с фр. М., 1898. С. 46.

Здесь дело идет о выделении органов управления или ведомств и раз- делении остальной массы населения по характеру происхождения (националь- ные различия), по характеру труда (профессии и союзы), по имущественному цензу (классы), по образованию (интеллигент и неинтеллигент), преоблада- ющим взглядам и т. п. Далее дифференциация приводит к образованию отдельных организаций, кооперативов, комиссий, органов самоуправления, центрального правительства, разных министерств и т. п. и т.п. Мало того,

дифференциация в коллективе происходит в отношении занятий и даже самих орудий производства.

По Вальтману [^], развитие общественной жизни человека также подчиняется биологическим законам дифференцирования, приспособления, подбора и т. д., как и развитие органической жизни. Но главное различие заключается в том, что к силам органическим присоединяются технические орудия, т. е. не индивидуальные отдельные от организма силы, препятствующие действию закона органического подбора индивидов, органического наследования и совершенствования.

Закон подбора органов и организмов происходит на технические орудия таким образом, что орудия, в свою очередь, дифференцируются, приспособляются к новым полям и производят, разумеется, при посредстве людей, новые высшие формы. И в истории орудий существует постоянство формы.

Лафарг в этом смысле прав, говоря, что совершенствование и истинная борьба за существование происходят не между людьми, а между искусственными органами.

К закону дифференциации в общественной жизни относится разделение труда и вообще постепенное расчленение простого и однородного первоначально коллектива на отдельные части в виде отдельных кружков, партий и т. п., как и всякое вообще проявление индивидуализма в обществе.

<У низших рас, все индивиды даже тогда, когда они принадлежат к различным полам, обладают почти одним и тем же психическим уровнем. Будучи все похожи друг на друга, они представляют вполне картину того равенства, о котором мечтают современные специалисты. У высших рас неравенство индивидов и полов, напротив, составляет закон[^]. Таким образом, в то время как дикари мало имеют существенных различий в отношении личного склада, в отношении особенностей ума и соотносительных функций, вообще народы исторические^{^*} уже представляют немало различий между собой. Возьмите русского, англичанина, испанца, разве нельзя их отличить друг от друга по манере держаться, по способу выражаться, по действиям? Разве их история не показывает глубокого различия между этими народами во всем складе их социальной личности?

<Одни из главных результатов цивилизации, с одной стороны, дифференцирование рас посредством с каждым днем все более и более возрастающего умственного труда, возлагаемого ею на народы, дошедшие до высокой ступени культуры, и с другой, все большая и большая дифференциация различных слоев, из которых состоит каждый цивилизованный народ[^].

Ясно, что организация есть неизбежный результат дифференцирования всякого сообщества. Путь, по которому идет организация, определяется в одном случае так: 1) акты взаимодействия, 2) их повторение[^], 3) обычай, 4) юридическое правило, 5) юридический институт как совокупность норм поведения в определенной сфере отношений (семейный институт, институты собственности, власти, наследования, суда и т. д.), социальная организация

[^] Вальтман. Теория Дарвина и социализм. Б. м., Б. г. С. 242.

[^] Лебон Г. Психология народов и масс. С. 34.

[^] Там же. С. 35.

как совокупность юридических институтов данной группы населения> ^ . В другом случае дело идет о более коротком пути: состоящем в соглашении лишь между собой, выработке устава, его оформлении и проведении в жизнь .

С другой стороны, всякое начавшееся движение сначала представляется обычно более или менее хаотичным и более общим по своему характеру и лишь вместе со своим развитием оно постепенно принимает все более и более определенную форму, иначе говоря, принимает более специальный вид, получая вполне определенную физиономию.

Таким образом всякое общественное движение из мало определенного становится все более и более определенным.

Этот процесс внутренней организации общественного движения, когда оно из более общего и хаотичного постепенно становится более частным и более определенным, мы и называем его дифференцированием.

Возьмем любую толпу, которая собирается, возбуждаемая каким-либо недовольством. Вначале почти никто не знает, зачем он находится в толпе, и что может быть результатом собрания. Но когда образовались первоначальные кучки, в них начинается взаимный обмен мнений. Основные причины недовольства, вследствие этого обмена мнений в отдельных частях толпы, а затем и во всей толпе, выясняются все более и более, причем постепенно это общее недовольство начинает принимать более конкретную форму, вследствие чего предъявляются уже определенные обвинения к тем или другим лицам.

Таким образом самое недовольство первоначально крайне смутное и неопределенное дифференцируется в конкретное недовольство по поводу тех или других действий определенных лиц и порядков, ими устанавливаемых. Что эта происшедшая дифференцировка общественного движения, в данном случае движения толпы, из неопределенного и хаотического недовольства в конкретное недовольство определенными лицами может привести к насилию – это вполне очевидно.

Но все это в приведенном примере может произойти только после строго установившегося настроения толпы против определенных лиц, чего вначале могло и не быть. Возьмем любое собрание, обсуждающее какой-либо вопрос. С самого начала никто не может сказать, во что выльется данное обсуждение, к чему придет собрание, ибо первоначально все хаотично, все неопределенно. Но вот начинаются прения. В первое время вопрос освещается с разных точек зрения, и опять-таки нельзя еще сказать, во что выльется обсуждение вопроса, но с течением времени начинает более или менее выясняться сущность вопроса. Взгляды различных партий получают свою ясность и как бы уточняются и этим самым обеспечивается дифференцировка разных мнений, которая нигде так ярко не выступает, как в свете коллективной критики. Вместе с тем определяется равнодействующая большинства мнений, и таким образом начинает постепенно выясняться точка зрения большинства собрания. Наконец, предлагается выработанная кем-либо в согласии с мнением большинства резолюция, которая при опросе голосованием и принимается собранием.

Этим заканчивается коллективная работа, которая была первоначально хаотической и мало определенной, но путем постепенного дифференцирования достигла большей определенности, вылившись в одну краткую формулу.

Возьмем затем развитие такого крупного общественного движения, как восстание. Сначала дело начинается глухим недовольством и ропотом населения, что время от времени проявляется в заявлениях отдельных партий, в действиях отдельных групп, а затем целых банд, но вначале ничто еще

^ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 340.

283

не определилось в точности и неизвестно, какими путями будет двигаться восстание.

Затем среди недовольного народа возникает организация, которая начинает собирать вокруг себя повстанцев, и мало-помалу восстание начинает организовываться, выливаясь в народное движение с определенными лозунгами и намеченной строго выработанной программой требований.

Таким образом и здесь, следовательно, народное движение, начавшееся глухим, малоопределенным недовольством, постепенно достигает полной организованности, иначе говоря, дифференцируется " * в вооруженное восстание, имеющее определенную программу действий и все необходимые для того средства.

Возьмем для примера военные действия. Первоначально разрабатывается план наступательных действий, но ни один полководец не обманывается относительно того, что точная реализация плана почти никогда не осуществима на войне.

Заготовленный заранее план скорее рассматривается как цель, к которой необходимо стремиться, но самое достижение цели в конечном итоге будет зависеть от различных обстоятельств, с которыми придется встретиться при осуществлении плана. Даже когда сами действия начали развиваться, обычно никто не может сказать, как они пойдут далее, ибо здесь все неожиданно, все неопределенно, и лишь с течением времени обрисовываются большая или меньшая определенность положения и способы достижения намеченной цели.

Следует затем иметь в виду, что, если коллектив встречается впервые с внешними воздействиями того или иного рода, то его реакция первоначально оказывается также мало определенной и хаотичной, и лишь с течением времени постепенно выливается в определенную форму.

В этом опять-таки проявляется закон дифференцирования, общий для всех вообще общественных движений.

Допустим, что правительство в целях самообороны предприняло определенные меры с целью подавления того или иного общественного движения. Эти меры вызывают общее возмущение в оппозиционных кругах. Вследствие этого в последних начинается реакция, которая первоначально выражается в мало определенной форме, вызывая лишь обострение оппозиционных настроений, а затем при обсуждении положения дел в многочисленных кружках и партийных собраниях, выливается в определенную форму противодействия, располагающего соответственной программой его выполнения и определенными средствами для достижения своей цели.

Даже правительственные мероприятия против тех или иных обществен-

ных движений, являющиеся тормозами для последних, первоначально мало определены и хаотичны и лишь с течением времени по мере опыта приобретают определенную форму.

Равным образом и всякое общественное противодействие тому или другому движению первоначально представляется недостаточно определенным и лишь со временем приобретает более или менее конкретную форму.

Таким образом всякое вообще общественное движение и даже тормозящие его условия проходят от начала до конца различные стадии дифференцирования, переживая стадии подготовительной, большей частью мало определенной, и затем начальной стадий уже проявившегося общественного движения.

Это движение, однако, первоначально является слишком общим, но затем оно постепенно приобретает все более и более определенный характер, выливаясь, в конце концов, в более или менее частичную конкретную задачу.

Даже в коллективном сосредоточении подтверждается тот же самый закон, ибо сначала предметом сосредоточения является то или другое событие в

284

целом, а затем коллективное сосредоточение направляется уже на различные детали события. Далее, если мы имеем дело с коллективной мимико-соматической реакцией, то первоначально она крайне неопределенна, проявляясь более или менее общим выражением недовольства, но затем она вызывается в определенную форму, вследствие чего мимико-соматическая реакция того или иного рода приобретает уже чисто конкретный характер, что ясно из представленных ранее примеров.

Равным образом и все другие проявления коллектива подлежат закону дифференцировки. Между прочим этот закон со всей ясностью обнаруживается и на развитии языка.

По А. Шлейхеру: <Исходным началом в развитии всех языков были простые звуки, служившие для изображения воззрения, представлений, понятий, которые могли функционировать во всяком отношении, т. е. как всякая грамматическая форма, хотя для этих функций и не существовало особого звукового выражения, так сказать, особого органа. Таким образом, на этой первобытнейшей ступени развития языка нет особых звуковых различий ни для глаголов, ни для имен существительных, ни для спряжений, ни для склонений и т. д. Попробуем наглядно представить это по крайней мере на одном примере. Для слов, которые на современном языке произносятся Tat, getan, le, later, tatig существовало ко времени зарождения первоначального индо-германского языка слово dha, ибо это слово (означающее полагать, делать и произносимое по древнеиндусски dha, по древнебактрийски da, по гречески ба, по литовски и славянски de, по готски da и по верхне-немецки to), оказывается общим корнем всех вышеуказанных слов... На более поздней ступени развития индогерманского языка стали употреблять для выражения определенных отношений корень дважды (корни употреблялись еще тогда, как слова), присоединяя к нему еще другое слово, другой корень, но каждый из этих элементов оставался еще самостоятельным. Для обозначения, например первого лица настоящего времени, говорили dha dha ta. С дальнейшим развитием языка, когда элементы слились в одно слово, и корни получили способность изменяться, из трех этих слов получилось dhadhmi (по древнеиндусски dadhami, по древнебактрийски dadhami, по

древнегречески τ(λγ)ц, по древневерхненемецки torn. Лот для tetomi, по нововеверхненемецки tue). В древнейшем dha содержались неразделенными еще и неразвитыми различные грамматические формы, как глагольные, так и именные, вместе со всеми своими видоизменениями. Те же отношения можно наблюдать еще и по настоящее время в языках, оставшихся на низшей ступени развития>^.

В другом направлении происходит дифференцировка слов. Л. Гейгер дает исторические примеры такой дифференциации, когда одно и то же слово иногда с некоторыми видоизменениями служит для обозначения различных предметов: der See und die See, Bett u Bett что происходит еще и поныне^.

Что развитие языка идет путем дифференцирования и обобщения вряд ли даже нужно доказывать. Достаточно припомнить, что все индоевропейские языки своим прародителем имеют санскрит, который таким образом дифференцировался на целый ряд различных языков.

Самый процесс дифференциации языка зависит от расселения народов и от возникновения новых слов, которые мало-помалу усложняли все более и более первоначальный язык, который в то же время пополнялся и заимство-

^ Авенариус Р. философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы: Пер. с нем. СПб., 1913. С. 19-20.

'" Geiger L Der Ursprung der Sprache. Stuttgart, 1869. Bd. 30. S. 282.

285

вался словами. Наконец, достоверно известно, что и климат не остается без влияния на язык.

Так, например, в теплом климате обнаруживается распространение новых слов, избыливающих открытыми гласными, тогда как в странах холодных преобладает распространение глухих гласных. Также и расовые особенности отражаются на характере языка в смысле произношения слов, а это само по себе указывает на отношение расы к происхождению языка.

Если мы проанализируем любое научное движение, то мы убедимся, что и оно развивается путем дифференцировки и последующего избирательного обобщения или синтеза. В этом случае первоначально, как известно, набираются новые факты, и таким образом начинает дифференцироваться самый материал, который разрастается иногда до колоссальных размеров: но одновременно с этим идет и синтетическая работа обобщения фактов путем подведения их под определенные теории. То же и в литературе и в искусствах. Здесь первоначально дело идет о новых произведениях, выделяющихся от прежних своими особенностями, а вместе с тем из совокупности этих особенностей вырастает новое направление, особая руководящая система.

Даже приобретение навыков и знаний подчиняется закону дифференцировки. Что делает человек, чтобы научиться играть на инструменте? Он должен сначала изучить отдельные ноты, т. е. уметь дифференцировать отдельные звуки, извлекая их у данного инструмента, а затем он их уже обобщает, переходя к мелодиям. Что делает человек, учащийся грамоте? Сначала он изучает азбуку, иначе говоря, дифференцирует грамоту, а затем приучается к составлению отдельных букв, слогов и целых слов.

Тот же общий закон дифференциации может быть приложен, между прочим, и по отношению к потребностям, ибо всякая потребность возникает из опыта и, следовательно, развивается вслед за открытием или изобретением, давшим материал для этой потребности [^]". Так, потребность в наркотических средствах, таких например, как табак, явилась следствием открытия этого дурманящего средства и способа его употребления. Раньше этого существовала вообще потребность в возбуждении нервной деятельности, которая могла удовлетворяться другими средствами, например, алкогольными напитками, но эта потребность до открытия табака не могла принять форму потребности именно в табаке. Совершенно правильно также мнение, что потребность закрывать известные части тела одеждой явилась не прежде одежды, а именно вследствие ношения платья, необходимость в котором возникла вследствие климатических влияний.

Если мы теперь посмотрим, как развиваются потребности в обществе, то мы должны принять во внимание, что развитие всякой общественной потребности также идет по пути дифференциации. Возьмем, например, потребность в возбуждающих средствах, сначала она представлялась мало определенной и более или менее общей социальной потребностью, возникшей с усложнением цивилизации, которая не находила себе удовлетворения, кроме быть может, поедания каких-либо возбуждающих растительных плодов, но с незапамятных времен человек научился готовить вино из винограда, и с этих пор потребность в возбуждающих веществах становится более определенной в смысле потребности в вине. Со временем явились новые изобретения в виде различных сортов вин и в виде приготовления вина из хлеба, и та же потребность для многих сделалась потребностью в определенном качестве вина или водки, и таким образом потребность, вначале бывшая неопределенной, сделалась более определенной и дифференцированной, разделившись на ряд потребностей. С открытием действия опиума, морфия, кокаина и других наркотических средств та же потребность в возбуждающих средствах дифференцируется еще более.

286

Итак, все вышеизложенное не оставляет сомнения в том, что всякое общественное проявление развивается путем дифференцирования. Этот принцип является столь же общим для общественных движений, как и для сочетательных рефлексов в индивидуальной жизни.

XIV. ЗАКОН ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ

Закон воспроизведения не составляет закона, относящегося к органическому миру. Уже в законе ритма или периодичности мы встретились с тем, что однажды бывшие процессы с течением времени воспроизводятся, хотя и в несколько измененном виде. Нельзя не вспомнить при этом прекрасных слов Экклезиаста. С другой стороны, везде и всюду в неорганическом мире мы имеем возникновение одного, тела из другого со свойственными последнему отличительными признаками. Пример: планетный мир, имеющий своего прародителя в солнце. Другой пример – образование кристаллов.

В мире органическом закон воспроизведения проявляется в осуществлении потомства или в биологической наследственности, известной всем и каждому. С другой стороны, основным свойством раздражительности клеточной ткани является тот факт, что после раз происшедшей реакции при вторичном раздражении подобного же рода реакция осуществляется с гораздо большей легкостью. Она часто воспроизводится уже при незначительном

внешнем толчке или поводе.

Что касается соотносительной деятельности в форме высших или сочетательных рефлексов, то репродуктивные процессы относятся к самым основным их проявлениям, характеризуюсь воспроизведением соответствующих реакций как двигательных, так и сердечно-сосудистых и секреторных, на чем здесь нет надобности останавливаться подробно.

Перейдем теперь к оценке закона воспроизведения в надорганическом мире и будем кратки ввиду ясности самой темы.

Целый ряд данных говорит безусловно в пользу того, что в жизни обществ огромную роль играет фактор наследственности, но не биологической или индивидуальной, а так называемой духовной. Под этим названием мы понимаем то, что унаследовывается обществом путем воспитания и преемственности от предков, что переходит к той или иной общественной организации из прошлого и переходит в виде как бы готовых сложившихся форм общественной жизни. Сюда относятся прежде всего все богатства сложившейся в прошлом <духовной> стороны коллектива "*", передающейся потомству от прошлых поколений, как язык, обычаи, предания, общие понятия и пр., а также все, что известно под названием установившихся традиций и вообще уклада общественной жизни.

Когда и при каких условиях сложился обычай, часто никто сказать не может, даже смысл его нередко утрачивается, и тем не менее обычай покоряет людей и сохраняет свою силу несмотря даже на полное изменение условий, под влиянием которых он возник. Примером может служить сожжение костров в Иванов день, перешедшее к ним от времен язычества, гадания на святках, рождественские ёлки и т. п.

Не менее стойки традиции в интеллигентном обществе, которые противостоят всяким влияниям моды. Таково ношение столь своеобразной одежды, как фрак и цилиндр в официальных случаях, и все так называемые светские обычаи, которые непререкаемо господствуют в интеллигентном обществе несмотря на всеми сознаваемую их нелепость.

Необходимо далее иметь в виду, что на <духовном> складе общественных организаций отражаются и все продукты творческой деятельности отдельных лиц, которые становятся общественным достоянием. Сюда относятся такие результаты человеческого творчества, как наука, литература и искусства.

287

Вне сомнения, все эти продукты творческой деятельности отдельных лиц, как мы уже говорили, до известной степени являются отражением общественных настроений и взглядов и в этом отношении они являются как бы показателем творческой деятельности народов. Но в то же время наука, литература и искусства являются таким фактором, существование которого и передача в потомство не могут не отражаться на общественной жизни народов, как в каждой общественной группе не остаются без влияния на ее деятельность результаты прошлой умственной работы той же общественной группы.

Необходимо далее иметь в виду, что на деятельности общества отражается все духовное имущество, состоящее в приобретениях, которые делает человечество с каждым шагом своего поступательного движения в области индустрии, и которые имеют прямое отношение в общественной жизни, как

например, усовершенствование способов сношения людей через пространство, усовершенствование способов передвижения и пр.

Из вышеизложенного очевидно, какое значение имеет общественная наследственность^{^*} для коллективной жизни народов и общественных организаций.

Без сомнения, эта общественная наследственность является возможной благодаря передаче путем печатного и устного слова продуктов человеческого творчества от одного поколения к другому. При этом особую роль в указанном отношении играет воспитание юношества, но имеет не меньше значения и простая преемственная передача от одних лиц к другим, которая происходит везде и всюду в каждой общественной организации, служа основой для укрепления общественных традиций между ее членами.

Поэтому ничто в общественной жизни не совершается без предшествующих влияний и ничто не исчезает бесследно. Даже то, что обязано исключительно личной инициативе, при ближайшем анализе окажется, что в действительности личная инициатива возникает на общественной потребности и стоит в несомненной связи с целым рядом других фактов общественной жизни. Словом, нет ничего такого в общественной жизни, которое явилось бы совершенно новым и не имеющим своих корней в прошлой общественной жизни. Самый гений, этот могучий инициатор в человеческом обществе, является порождением предшествующих биосоциальных условий, осуществляя свою творческую деятельность при посредстве накопления материала, годного для его синтетической обработки. Вообще же всякое общественное развитие сопровождается накоплением коллективного опыта в результате соответствующей затраты коллективной энергии.

Наоборот, обратное развитие или общественное разложение является результатом недостаточности или невозможности коллективного опыта вследствие торможения общественной энергии. Это соответствует биологическому закону Спенсера, по которому всякое развитие сопровождается накоплением вещества, а разложение сопровождается обратным явлением.

Таким образом всякий шаг в развитии общественности есть результат предшествующего коллективного опыта^{^*}. Ясно, что закон общественной наследственности в своей основе включает в себя установление зависимых отношений между общественными событиями настоящего времени и прошедшими. Последний факт состоит в том, что, если произошло то или иное событие, то за ним обязательно должно обнаружиться при отсутствии каких-либо задерживающих моментов определенное следствие, представляющее новые формы общественности.

Особенно убедительным примером общественной наследственности является обычай. <Нет правительства более мелочного и деспотичного, нет за-

" Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. 288

конодателя, строже соблюдаемого и более сурового, чем обычай. Под этим словом я разумею бесчисленное множество воспринятых старых или новых привычек, которыми регламентируется частная жизнь не сверху и отвлеченно, как регламентирует ее закон, а непосредственно и во всех частностях, и которые обнимают собой все искусственные потребности, все симпатии и антипатии, особенности нравов и обращения, свойственные в данное время той или другой стороне> .

Обычай, подобно правительству и законодательству, находится в связи с религией: он является отпрыском обрядности.

В свое время признавали те или другие предрасположения в больших общественных группах, часто обозначаемые гением народа. Такие предрасположения признавались за народами в отношении грамматических форм, определенных форм правления, религиозных верований и т. п. Допускалось, что характеру той или другой нации свойственны одни общественные явления и вовсе не свойственны другие явления. Так, например, Китай и Япония признавались странами, которым не свойственны европейские учреждения, как греческому гению будто бы свойствен политеизм.

Надо однако заметить, что, хотя и неоспоримо, что та или другая нация имеет свой темперамент и обладает той или иной степенью деловитости, что зависит от климатических, экономических и иных условий, но неоспоримо также и то, что все остальное, что характеризует нацию, зависит от ее общественной жизни и ее уклада, сложившегося веками. Поэтому введение новых образцов в общественной жизни путем просвещения народных масс может коренным образом изменить это предрасположение нации или ее характер, как это мы видим на примере Японии.

Так или иначе, но каждый социальный индивид имеет свою физиономию и свои личные особенности, которые передаются из поколения в поколение в качестве доминантных признаков. Это – гений народа, гений его языка, гений религии. Это – дух партийности, это – характер определенной среды, ее обычаев и привычек. Словом везде, где имеется определенный коллектив, мы имеем и определенное коллективное выражение его индивидуальных качеств. Но все это, если исключить область темперамента и умственного развития, не прирожденные биологические особенности, а особенности, приобретаемые путем сложившихся жизненных условий данного сообщества, которые однако настолько укоренились в нем, что являются признаками, исследуемыми с особенным постоянством^{^*}.

XV. ЗАКОН ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОБОБЩЕНИЯ ИЛИ СИНТЕЗА

Мы снова здесь встречаемся с всеобщим законом – законом избирательного обобщения или синтеза. Последний мы имеем уже в неорганической природе везде и всюду, где образуется система тел, где мы имеем дело с подвижным равновесием сил, и всюду там, где образуются сложные химические соединения. Но и органический мир также подчинен закону синтеза. Разве самый организм не есть синтез или интеграция клеток в форме тканей, интеграция химическая с помощью крови и соков и, наконец, интеграция энергетическая с помощью первой системы. Разве все это не форма синтеза разных отправлений в целях интересов всего целого, его жизнедеятельности и самосохранения?

Не будем на этом останавливаться, ибо это не наша задача, но заметим, что тот же закон применим и к обществу. И действительно, мы уже ранее

[^] Тард Ж. Законы подражания. С. 312.
19 В. М. Бехтерев

видели, наряду с дифференциацией в коллективной деятельности, мы встре-

чаемся и с законом синтеза или избирательного обобщения. Уже в развитии коллективных сочетательных рефлексов не обходится дело без избирательного обобщения.

В сочетательных рефлексах отдельных индивидов это сказывается тем, что, если мы производим наряду с раздражением, вызывающим рефлекс, другое побочное раздражение, то в конце концов после известного ряда раздражений, неизбежно рефлекс будет получаться и на это побочное раздражение. Неизбежность эта вытекает из самого существа дела, почему при известных условиях данное следствие неустранимо. В жизненном опыте эта зависимость так или иначе учитывается, и данные однажды в опыте следствия признаются как цель в других случаях. Пример: впервые испитанный младенцем недостаток в питании удовлетворяется грудью матери или кормилицы. В этом первоначальном жизненном опыте дело идет о недостатке пищи или состоянии голода как первичном органическом раздражителе, и о достижении удовлетворения создающейся потребности путем грудного молока. Пока в жизненном опыте нет другого способа удовлетворения голода, как материнским молоком, каждый раз состояние голода возбуждает стремление к удовлетворению тем же способом, вследствие чего однажды или несколько раз происшедшее устранение голода как стимула или раздражителя столь тесно сказывается с последующим благосостоянием организма, что создается естественная потребность в последнем, а способ утоления голода, т. е. питание, является уже целью поведения для удовлетворения создающейся потребности.

Таким образом цель дана в предшествующем опыте и она является руководительницей поведения в определенных случаях, т. е. при создавшихся подобных же условиях.

Однако не всегда цель создается в самом индивидуальном опыте, но она в таком случае является результатом коллективного опыта других как неизбежное следствие, являющееся результатом закона сочетательных рефлексов. Так, жизненный опыт говорит, что все люди рано или поздно умирают. Сам человек в этом случае личного опыта не имеет и иметь не может, но коллективный жизненный опыт смерти других получает руководящее значение и создается цель, – с одной стороны, отдалить личную смерть, а с другой, быть готовым к смерти.

Другой пример: жизненный опыт показывает, что обращение с острожными больными приводит к развитию той же заразной болезни и у других людей, что вынуждает к осторожности с такими больными. Данный человек может не иметь в этом отношении собственного опыта, но тем не менее, обобщая примеры на других до самого себя включительно, он принимает соответствующие предосторожности, следовательно, создается личная цель как руководящее начало в поведении избежать заражения.

Дело идет таким образом в обоих случаях о развитии оборонительного рефлекса, развивающегося путем опыта у людей вообще и прививающегося к данному лицу, но не путем собственного опыта, а путем естественного воспитания коллективного рефлекса и применения чужого опыта к самому себе, благодаря синтезу или обобщению.

Вообще во всяком коллективе идет процесс избирательного обобщения наряду с дифференциацией, ибо уже разнородная первоначально толпа вскоре становится однородной, сплачиваясь все теснее и теснее вокруг одной общей цели. Точно также и всякий другой коллектив сплачивается в своих отдельных частях благодаря установлению определенной организации. В каждой

организованной толпе непременно возникает согласованность или гармония ее частей и общность стремлений, которые являют собой доказательство начавшегося обобщения.

290

Согласно закону избирательного обобщения, осуществляется организация в каждом вообще коллективе в целях сплочения его частей для общей деятельности.

Благодаря этому закону всякое длительно существующее коллективное единство по мере своего существования из бесформенного становится оформленным, из нешаблонного-шаблонным, из беспорядочного-упорядоченным, короче, из неорганизованного – организованным ^.

Таким образом первоначально раздробленные и дифференцировавшиеся части общества с течением времени подвергаются объединению, стимулом для которого является общий язык, религия и другие установления и поводы, являющиеся в роли раздражителей. Так, древние греческие государства объединялись, благодаря олимпийским играм и дельфийскому оракулу ^*. Народы Римской империи объединялись не только силою оружия, но и в силу общего языка и религии, способной вливать бесчисленное количество новых богов, а также благодаря распространению одной и той же культуры. Христианство и одна общая культура объединяет цивилизованные народы позднейшего времени.

Наряду с дифференциацией населения по классам и племенному составу имеется всегда обобщающее государство с его организацией власти, и народы, заимствуя друг у друга путем подражания те или другие нововведения в культурном отношении, уже этим путем объединяются друг с другом. Даже войны, которые должны бы разъединять народы, ибо они порождаются распрей между ними, на самом деле нередко приводят к объединению и союзам, и не только благодаря завоеванию одного народа другим, но и благодаря заимствованиям менее культурного народа у более культурного, особенно если последний оказался победителем. Помощью в этом объединении служит и государственная организация, которая скрепляет в один мощный союз нередко совершенно различные по культуре и верованиям народы.

Далее, несмотря на политическое разъединение народов друг от друга идет обычно их экономическое и культурное сближение. То же происходит и с меньшими коллективами, как например, сословиями, которые объединяются на почве общих культурных и экономических интересов и, заимствуя друг у друга различные нововведения путем подражания, постепенно приходят к объединению и слиянию, устраняя классовые и сословные преграды.

Вообще в государственной жизни всюду рядом с дифференциацией идет и обобщение ^* в области политической организации обществ. По словам Тахтарева, <более сложные формы политического общества и государства образуются из более простых посредством их слияния. Так, вечующие племена сливаются в народности и вечевые народоправства и принимают вид союзов самоуправляющихся народов.

Феодальные княжества, перестающие быть самостоятельными и потому становящиеся в зависимость от более могущественных, подпадают под высокую руку их государей и тоже в конце концов сливаются в более сложное феодальное государство. Самовольного характера независимые городские рес-

публики, переставая быть самодостаточными в деле обеспечения своей внешней безопасности, столь же неизбежно принуждены объединяться для борьбы с внешними врагами. Образую союзы и федерации республик, они дают этим начало более сложной республиканской форме. Основные государства, переставая быть самодостаточными в том же военном отношении и попадая в зависимость друг от друга, подобно феодальным княжествам и городским республикам, дают начало более сложным формам национального государства. Наконец, и национальное государство, и национально-классовое общество

^ См.: Сорокин П. А. Система социологии.

19*

291

под влиянием международного общения, теряя свою самодостаточность, объединяются в союзы и принимают вид каких-то международных государств, которые, в свою очередь, стремятся объединиться и превратиться во всеобъемлющую всемирную республику> "°.

При этом организация власти всегда стоит в определенной связи со взаимоотношениями общественных классов и групп, на которые распадается та или другая народность, а проявление власти как силы, согласно Джефсону ^ и Артуру Бентли ^, зависит от давления со стороны той или другой большой общественной группы. В конце концов, власть самую силу вещей неизбежно подпадает под давление господствующей общественной группы, являясь ее орудием в достижении известных целей.

Таким образом, очевидно, что в политической жизни народов наряду с дифференцированием везде и всюду дело идет и об обобщении. Процесс обобщения идет еще далее и, когда самодостаточность государства в известном периоде его жизни не удовлетворяет уже всем жизненным потребностям, она восполняется необходимыми соглашениями, союзами и слияниями.

Более того, при осуществлении всякой вообще коллективной деятельности мы имеем процесс избирательного обобщения. Коллективные действия обычно сначала недостаточно организованы и недостаточно определены; со временем же они выливаются в форму более согласованных действий, направленных к достижению определенной цели.

Так, если обучаются войска маневрированию, то первоначально движения их представляются мало согласованными и лишь со временем они приобретают необходимую стройность, следовательно, являются определенными и точными, подвергаясь согласованию.

С другой стороны, при обучении оркестра, при хоровом пении и в других случаях коллективных движений мы имеем тот же процесс постепенного перехода от негармонического и более или менее хаотического к более стройному и гармоническому. Следовательно, мы и здесь имеем дело с обобщением.

Примеры обобщения мы имеем и в промышленных кооперациях, и в различного рода финансовых союзах, и в артелях и т. п.

Что научная мысль, как и всякое вообще творчество, не обходится без обобщения и синтеза, не нужно и доказывать, ибо всякому ясно, что вслед за накоплением фактов следует объединение их в одну систему, обобщение их одним каким-либо принципом или одним законом. Всякое вообще творчество, будет ли то научное творчество или творчество в искусстве, в суще-

ственной своей части сводится к синтезу и обобщению. Тот же процесс обобщения мы имеем и в развитии наук. По Тарду ", совершенно неоспоримо, что наши науки вначале были просто как бы только состоящими из маленьких разрозненных открытий, не имеющих между собой никакой связи; потом эти открытия соединились в группы (причем каждая отдельная группировка была сама по себе открытием), в маленькие теории, которые, в свою очередь, были соединены в более обширные теории, подтвержденные или исправленные множеством других открытий. Наконец, все это объединяется арками (или мостами) гипотез, переброшенных над открытиями ^*.

Жизнь всякого без исключения общества характеризуется творчеством, которое в собирательной личности не проявляется одинаково во всех вообще индивидах, а более или менее неравномерно, причем в одних индивидах

^ Тахтарев К. М. Общество и государство. С. 10.

^ См.: Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие: (История публичных митингов

в Англии): Пер. с англ. СПб., 1901. Т. 2.

^ См.: Bentley A. The process of government. S. 1., S. a.

^ Тард Ж. Социальные законы: Личное творчество среди законов природы и общества. СПб., 1906.

292

она проявляется в большей мере, нежели в других. Творчество и представляет собою ту работу, которая в форме толчков дает начало всякому общественному процессу. Творчество выражается изобретением или открытием, которое неизбежно приводит рано или поздно к изменению общественных соотношений. Открытие огня в оное время изменило совершенно человеческий быт, дав возможность пользоваться искусственно приготовленной пищей, ковкими металлами в место камня, жить в отапливаемых помещениях при гораздо более суровых климатах, нежели прежде, устраняя, где нужно, темноту, мешающую осуществлять работы, и т. п. Открытие взрывчатых веществ дало возможность пользоваться огнестрельным оружием, переделывать с большей легкостью поверхность земли, лучше разрабатывать ее недра; изобретение пара ускорило пути сообщения и в корне изменило организацию человеческого труда, заменив ручную форму труда фабричной и заводской промышленностью; открытие электричества дало возможность сообщить человеку свои распоряжения на далекое расстояние как в письменной, так и в устной форме (телеграфом и телефоном), не говоря о целом ряде усовершенствований в различных технических областях.

В этом случае дело идет об открытиях и изобретениях, касающихся усовершенствований в технической области, создавших новые эры в жизни человечества. Не меньшего значения были и открытия в области высших проявлений соотносительной деятельности человека. Такими творцами явились все двигатели науки и искусства, все основатели религий, проложившие новые пути к познанию и моральному совершенствованию, что привело к лучшим условиям существования человечества, выразившимся предвидением событий, массой усовершенствованных орудий, облегчающих человеческий труд, устранением рабовладельческого труда, отменой феодализма и крепостничества и т. п.

Нечего говорить, что наряду с этими делающими эпоху открытиями и

изобретениями мы встречаемся на каждом шагу с более мелкими открытиями и изобретениями, значение которых представляется соответственно меньшим по своим размерам, но действие их в смысле характера их влияния на общественную деятельность представляется все же значительным. Возьмем хотя бы такое изобретение, как английская булавка. Разве она не привела к экономии в деятельности человека, устранив шитье там, где оно могло быть заменено булавкой?

В чем же собственно заключается сила и значение творчества? Откуда берется то новое, которое мы находим в каждом открытии и в каждом изобретении? Не может подлежать сомнению, что творчество представляет собою результат синтеза или комбинации сильным умом реальных явлений и более мелких изобретений и открытий, что может быть подтверждено анализами всех вообще крупных изобретений и открытий "^^*.

Можно определенно сказать, что всякое открытие и изобретение основано на комбинировании явлений природы. Отдельные факты открываются многим, но комбинация их не всем доступна, а между тем комбинация и составляет нечто новое, ранее неизвестное. Возьмем открытие Ньютона. Кому неизвестно было, что яблоки падают с дерева на землю, а между тем этот общеизвестный факт в комбинации с другими не менее известными для астрономов фактами привел к открытию, удивившему весь мир.

Благодаря тому обобщению становится возможным и научное предвидение, как в том убеждает нас целый ряд всем известных фактов.

Значение больших количеств, как оно выявляется в статистических данных и в теории вероятности, равным образом в своей основе имеет закон обобщения.

Но не только сама наука, но и существование различного рода воззрений, ошибочных теорий, различных соображений, фантастических предположений

293

и взглядов, начиная с первобытных людей до цивилизованных рас, словом, все антимистические, фетишистические, тотемические и другие нелепые взгляды и теории, как и религиозные концепции и фантастические объяснения явлений природы, даваемые необразованными людьми, суть не что иное, как продукты того же синтеза—правда, синтеза ошибочного, исходящего из ложных посылок, но все же синтеза как обобщающего начала.

То же следует сказать и об искусствах. Так, например, крайне оригинальное искусство индусов обязано своим происхождением слиянию и переработке древнего египетского и ассирийского искусства. Нечто подобное можно найти и в возникновении и развитии искусства европейских и других народов.

Тот же процесс обобщения, как мы видели, лежит и в основе развития категорий и общих понятий.

Наконец, и в развитии самого языка рядом с процессом дифференциации шедя одновременно и процесс обобщения. Как, например, произошли нынешние романские языки? Путем смешения римского языка с местными языками, а в этом процессе смешения и проявился процесс синтеза или избирательного обобщения.

Даже в распространении языка дело не обходится без участия закона

обобщения, ибо новый язык, прививаемый тому или другому народу, соответствующим образом переделывается им путем слияния с местным языком.

Так, в течение двух столетий галлы, будучи завоеваны римлянами, усвоили латинский язык, но этот язык был постепенно приспособлен к своим потребностям и к своим лингвистическим формам, в результате чего получился французский язык.

В конце концов благодаря обобщению вырастает всякое большое социальное явление. Так, бесчисленные маленькие бедные языки отдельных народов путем обобщения объединяются в один большой и могучий язык, удовлетворяющий всех.

Даже общественная мораль постепенно складывается благодаря оценке поведения каждого индивида в разных условиях со стороны отдельных личностей и групп, в результате чего получается общественное мнение в форме общественной морали.

К порядку обобщений относится и ассимиляция и объединение народов, когда дело идет о внутреннем сближении одних с другими. По Г. Лебону, <когда какая-либо нация достигла этого объединения, то устанавливается инстинктивное согласие всех ее членов по всем крупным вопросам, и серьезные разногласия не могут возникать более в ее недрах>^.

Наконец, сколько архитектурных стилей обязано процессу обобщения? Истинный знаток искусства скажет об этом лучше автора настоящего сочинения. Даже цивилизации, в конце концов, обязаны процессу обобщения, ибо нет на свете чистых цивилизаций одного народа, а имеются только смешанные цивилизации, где наслойка одной цивилизации покрывает другую цивилизацию, более древнюю.

Если обратиться к вопросу о факторах, приводящих к общественному синтезу, то необходимо иметь в виду, что в организованных обществах целям коллективного объединения или синтеза служат, как известно, съезды, объединенные заседания, советы, совещания и т. п. Той же цели служат все фабрики с их разделением труда, кооперативы, банки, правительственные учреждения, научные общества и другие коллективы, где лица разных специальностей объединяются той или иной общей целью.

Одной из важнейших сил, приводящих проявления отдельных индивидов к обобщению, согласованию и слиянию, является подражание и заимство-

^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 15.
294

вание. В самом деле, несмотря на дифференцирующую роль различных по характеру факторов в виде различных географических, экономических и других влияний, обособляющих друг от друга народы и расслаивающих общества, подражание, основанное на заимствованиях устанавливает сходство между дифференцированными частями народов и обществами, что приводит к их единению и обобщению.

Разница между цивилизованными народами Европы и, например, албанцами, так велика, что об их единении трудно и говорить, тогда как, например, между швейцарцами и другими западноевропейскими народами имеются уже все формы культурного сближения благодаря далеко зашедшему взаимному

подражанию в культурном отношении. Точно так же низший слой населения благодаря подражанию в области образования постепенно сливается с более высшими слоями в культурном и экономическом отношении, а это приводит к большому обобщению и слиянию этих групп населения. Подражание в языке, т. е. заимствование одними народами языка у другого народа, также служит важным стимулом к обобщению, приводя к объединению и слиянию народа. Вообще везде и всюду подражание играет роль обобщающую и объединяющую. Общественные верования и общественные стремления благодаря взаимной заразительности и подражанию даже нарастают в своей силе и значимости и связи с количеством членов коллектива.

Достаточно, чтобы в жизни какого-либо общественного деятеля проскользнуло то или другое компрометирующее его обстоятельство, и тогда недоверие общества проявляется уже ко всем его другим начинаниям.

С другой стороны, избирательное обобщение выступает каждый раз, когда при том или другом воздействии на общество возникает одинаковое отношение в различных общественных группах.

Так, на тот или другой акт правительства может развиваться оппозиция одинаково как в правых, так и в левых кругах. Когда возникает такое бедствие, как война или мятеж, то различные слои населения стремятся проявить свой патриотизм. Одна и та же цель может возбуждать разные общественные коллективы. Так, например, исследование тропических стран африканского материка и северных и южных приполярных стран возбуждало деятельность многих ученых коллективов и коммерческие классы населения разных наций, объединявших свои силы на этой почве. К этому же порядку явлений относятся те случаи, когда различные по характеру движения могут быть призваны к жизни и поддерживаться в дальнейшем из одного и того же общего источника. Так, революция 1917 г. в России в первое время привела к объединению всех оппозиционных элементов страны вследствие того, что прежняя царская власть вызвала оппозицию к себе со стороны как всех социалистических и либерально-буржуазных слоев населения, так и в иномродческом населении России¹. Наконец, крупное общественное бедствие обычно возбуждает движение в смысле оказания помощи в самых различных кругах населения.

Все это примеры того закона избирательного обобщения, по которому различные общественные движения возбуждаются одним и тем же воздействием.

Избирательное обобщение можно наблюдать при всякой вообще коллективной деятельности. Вот, например, собрание, в котором обсуждается какой-либо вопрос большой важности. Несмотря на большое расхождение взглядов в различных политических партиях некоторые из этих партий могут сойтись на одном и том же решении.

В случае развития коллективных беспорядков на ночь недостаточную продовольствия, мы имеем часто путем обобщения в силу коллективного сочетательного рефлекса погромы не только лавок, содержащих продовольственные продукты, но и таких лавок, которые имеют предметы иного рода.

Вообще при коллективном возбуждении последнее, будучи вызвано определенным объектом, впоследствии направляется на все объекты, находящиеся в известном соотношении с первым объектом².

То же мы наблюдаем и при коллективном сосредоточении. Когда пос-

леднее направляется на определенный объект, то и целый ряд объектов другого рода, стоящих лишь в каком-либо соотношении с первым, является предметом такого сосредоточения.

Наконец, борьба с властью иногда обобщает самые крайние общественные течения. Чтобы не ходить далеко за примерами, можно указать на совместную деятельность в России крайних левых партий и всем известных союзников русского народа, а также бывших городских и жандармов. Вот что мы читаем, между прочим, в связи с этим в газетах: <За несколько минут до прихода экстренного поезда с министром в золоченом зале, где отдыхали цари, вояжировавшие из Царского в Питер и обратно, главнокомандующий округом ген. Половцов возмущенно протянул мне открытку, найденную во дворце, захваченном максималистами*, в две краски-черную и красную.

Черной краской изображены карикатурные, носатые, в ермолках, седые евреи, а красной – море крови, сливающейся в вазу, поставленную еврейкой, из горла четырнадцатилетней венгерки: <зарезанной> в Тисса-Эсларе.
– Вот видите, – кратко сказал генерал.

– Вижу, – пожал я плечами. Как в хорошем сыщицком романе: все линии перепутались. Крайне-левая, крайне-правая – все сводится к ритуальному погрому>. В этом эпизоде, быть может, имеется что-то преувеличенное, быть может, даже случайное, но несомненно, что многие из бывших монархистов проявили особенную склонность работать с крайними левыми предпочтительно пред всеми другими революционными партиями.

Во всех вышеупомянутых случаях дело идет не о простом обобщении, но об избирательном, ибо оно осуществляется между общественными движениями различного рода, состоящими в известном отношении к одному какому-либо явлению, игравшему роль общего для них возбудителя. Но между родственными организациями возможно и настоящее слияние, когда две или более организации, преследуя родственные цели, объединяются в одно целое, сохраняя каждая свою физиономию. При этом слиянии уже утрачивается индивидуальная реакция каждой организации, и с момента слияния лишь новая объединенная организация обнаруживает реакцию на внешние события.

С другой стороны, известно, что в целях взаимной поддержки два или несколько общественных движений, стремящихся к координации своих сил, образуют блок.

Таким образом здесь мы имеем дело с такими случаями, когда несколько различных общественных течений в целях лучшего достижения своих задач обобщаются друг с другом, не утрачивая при этом своей общественной физиономии. Часто это обобщение не идет дальше определенной цели, причем достижение только этой цели и признается как нуждающееся в совместных усилиях, тогда как все другие стороны деятельности входящих в союз организаций признаются расходящимися в разные стороны. Таково, например, слияние различных партий в блоки для совместных действий, преследующих определенные политические цели, образование трестов и т. п. За примерами в политической истории народов ходить недалеко.

Еще К. Маркс, говоря о гражданской войне во Франции, между прочим сообщает, что поражению Парижской Коммуны немало содействовало предательское согласие прежних революционеров и социалистов с Луи Бланом во главе, ставших в Версальском собрании на сторону порядка. Вот что говорит по этому поводу историк Парижской Коммуны Лиссагарэ: <Но

постановления сельских депутатов и прошедшее самого Тьера вопили против республиканских уверений. Бывшие герои обороны не представляли уже достаточного ружательства. Тьер почувствовал это и пригласил людей безупречных, старых борцов за дело, которых изгнание снова нам возвратило. Их авторитет стоял все так же высоко в глазах провинциальных демократов. Тьер пригласил их в коридоры собрания для частной беседы, сказал им, что они держат в своих руках судьбу республики, польстил их старческому самолюбию и так хорошо завладел ими, что сделал себе из них щит и мог телеграфировать, что они аплодировали проклятиям 21 марта > ^.

Луи Блан, брюзжавший всю свою жизнь, впрочем совершенно невинно, против основ общества, теперь оскалил зубы на коммунаров, которые, по его словам, приговорили его к смерти. С кем, говорил он делегатам, с кем вести переговоры в Париже? Господа, которые оспаривают уже друг у друга власть, — фанатики, идиоты или мошенники, не говоря уже о бонапартистских и прусских интригах "^. Такие или подобные формы избирательного обобщения различных партий для борьбы с другими мы встречаем и в современных условиях революционного движения. Примеры у всех на глазах.

Точно также и научные общества, преследующие одни и те же цели, часто объединяются для общей работы, чтобы тем самым достигнуть наилучших результатов. Так, например, международные и национальные ассоциации ученых учреждений или союзы обществ представляют собою примеры такого обобщения научных коллективов. То же самое мы имеем и в отношении общественных организаций экономического и профессионального характера.

Их объединение в союзы для совместной защиты своих интересов представляет новый пример избирательного обобщения.

При образовании толпы первоначально дело идет об отдельных кучках народа, которых привлекает одно и то же обстоятельство, и затем уже эти отдельные кучки вместе с прибывающими людьми объединяются в одну сплошную толпу.

Когда организуется восстание, оно также состоит первоначально из нескольких банд, которые затем объединяются, получая одну общую организацию. Последняя уже и направляет действия всех отдельных частей к определенной цели.

Когда мы имеем общую работу, например, коллективный труд, то вначале, по крайней мере, у людей непривыкших, мы не имеем достаточной согласованности в работе; часто даже работа одного мешает работе другого, но мало-помалу работа многих людей достигает полной правильности и согласованности и тем самым сближает друг с другом участников общего труда.

Подходящим примером в этом отношении может служить игра в оркестре или разыгрывание пьесы на сцене. Первоначально каждый музыкант или актер должен разыгрывать свою роль в отдельности, в чем можно видеть подтверждение закона дифференцировки, но потом эти отдельные роли будут выполняться в одном связном целом, что соответствует уже закону избирательного обобщения. Наконец, хоровое пение представляет собою пример того же самого явления.

Во всех этих случаях мы имеем дело с тем же самым явлением, что и в рефлексологии отдельных индивидов ".

Одна и та же цель как основной раздражитель возбуждает здесь целый ряд лиц, которые вследствие этого становятся близкими друг другу и объединяются, осуществляя принцип общественного синтеза или избирательного обобщения.

^ Лиссагарэ П. О. История коммуны 1871 г. М., 1905. С. 315.

" Там же. Гл. 23. С. 314–324.

^" См.: Бехтерев В. Общие основы рефлексологии человека.

297

XVI. ЗАКОН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Наблюдая явление общественной жизни, мы должны придти к тому важному положению, что ни одно общественное движение не может обнаружиться прежде, чем осуществляются все необходимые для него предпосылки. Этот закон до такой степени непреложен, что, если прозорливость гения предугадывает то или другое открытие за несколько веков до его осуществления, тем не менее это открытие не делается достоянием жизни, пока не осуществятся те предпосылки, которые сделают самое открытие вполне естественным и необходимым звеном в общей цепи других исторических факторов. Даже сама очевидность иногда оказывается бессильною сдвинуть научную мысль с однажды принятой позиции, пока для того не окажется достаточно подготовленной почва. Один из классических тому примеров представляет отношение Парижской Академии Наук к первым известиям о метеоритах.

<В 1790 г. упал "небесный" камень около города Жульяка и мэр города послал сообщение... в Академию Наук... Докладчик Bertholon сказал... следующее: "Как печально, что целый муниципалитет в формальном протоколе подкрепляет народные поверья, о существовании которых следовало бы лишь пожалеть. Что мне сказать по поводу этого протокола? Всякий философски образованный человек, читая это удостоверение об очевидно ложном факте, о физически невозможном явлении, сам сумеет сделать все необходимые выводы"> ^.

Очевидно, что неподготовка умов к новому явлению, казавшемуся неправдоподобным, привела к тому печальному явлению, что отвергался факт, засвидетельствованный 300 лицами, – факт, который при отсутствии предубеждения легко было бы и лично проверить на месте, что сразу рассеяло бы все сомнения, но даже этот самый простой и естественный путь проверки в данном случае не приемлется в виду неприемлемости для неподготовленных умов самого факта.

Не менее поразительный пример представляет та же Академия, когда в свое время высказалась за неосуществимость летания по воздуху для человека ввиду того, что это будто бы противоречит его природе. А Медицинская академия в Париже не нашла ничего особенного, кроме явлений воображения (imagination), в Месмеровских опытах, воспроизводивших явления гипноза. И в том, и в другом случае необходимо было человечеству прожить несколько десятков лет, чтобы признать факты и осуществить открытия, которые казались ранее просто немислимыми.

Поэтому нет никакого сомнения, что наука в своем развитии представляет собою постепенно подготовляющийся процесс общественной мысли. Еще наш Менделеев высказал это в следующих словах: <Стараясь познать бесконечное, наука сама конца не имеет и, будучи всемирной, в действительности

неизбежно приобретает народный характер, даже более или менее единоличные оттенки> ^ . Автор далее, сопоставляя науку и искусство, говорит: <Наука и искусство по существу преследуют одни и те же цели; наряду с возбуждением чувств приятного, наука и искусства занимаются изучением и описанием реального мира, расширяя наш умственный кругозор и углубляя наши сведения о природе и жизни. Итак, к психологическому моменту присоединяется еще биологический, имеющий самостоятельное значение для практической жизни, для отношения человека к окружающей его действительности и приводящий к использованию результатов человеческого творчества> ^°° .

^ Краль К. Мыслящие животные. М" 1913. С. 233.

^ Вальден П. И. Наука и жизнь//Природа. 1917. № 9/10. С. 902.

"° Там же.

298

По этому поводу академик П. И. Вальден замечает: <Но ученый и изобретатель, художник и поэт, это-живая часть природы, их воля-часть воли народа, их фантазия - часть фантазии народа или широких масс человечества, их творческая сила - часть скрытых духовных сил народа. Поэтому корни творчества отдельных лиц кроются в глубине фантазии и воли народных масс. Поэтому при рассмотрении научного творчества необходимо коснуться фантазии коллективной, фантазии народной> . Отсюда ясно, что научное и художественное творчество предполагает существование уже подготовленных ранее духовных сил народа.

С другой стороны, можно определенно сказать, что ни одно изобретение не может осуществиться, пока нет для него подходящих данных, добытых предшествовавшими исследованиями. Так, изобретение огня не могло осуществиться ранее, нежели человек стал пользоваться орудиями и мог приготовить себе материал для поддержания огня. Телега не могла быть изобретена ранее колеса и приручения больших домашних животных в виде лошади или быка. Паровая машина явилась после знакомства с действием поршня и рычага и действием пара и т. п. В этом случае дело гениального ума сводится к тому, чтобы объединить разрозненные части так, чтобы из них могли получиться орудия, производящие ту или другую работу.

<Одно открытие всегда носит в себе другие открытия, но неизвестно, появятся ли из него последние, а если появятся, то когда и в каком порядке. Открытие буссоли^* носило в себе открытие Америки и Океании в том смысле, что фактически невозможное без магнитной стрелки нахождение этого континента или этих архипелагов становится более или менее вероятным после ее открытия: очень мало вероятным через промежуток времени 50 лет, немного более вероятным через промежуток в 2 или 3 столетия и очень вероятным или даже вполне достоверным через 1000 лет. Во всяком случае ясно видно, что из этих двух открытий первое должно было предшествовать второму. Но Флорида могла стать известной раньше или позже Бразилии, а новая Каледония - раньше или позже Новой Голландии.

Открытие письма очевидно должно было предшествовать открытию книгопечатания; открытие арабских цифр было необходимо раньше успехов наших математиков. Прежде же всего открытие членораздельной речи является условием sine qua поп для всяких других открытий> ^ .

С другой стороны, всякий переворот протекает тем легче и тем безболезненнее, чем больше подготовлена народная организованная масса. Так,

февральская революция в России была приветствована в России как избавление от страшного гнета и измены в войне и вызвала огромный подъем в населении, доходивший до того, что люди на улицах поздравляли друг друга и обнимались, а многие, здороваясь, приветствовали друг друга с наступлением <воскресения>. Словом, протестующих не было, ибо кучки монархистов при общем ликовании попрытались. Войска без сопротивления переходили на сторону нового правительства, сменяя старые боевые знамена на красные флаги и маршируя с революционными песнями.

Другую картину представляет собою Октябрьская революция, устроенная большевиками, произведшими новый переворот при посредстве захвата власти. Их лозунги – немедленный мир, немедленное же разделение земли и господство пролетариата – привлекли на их сторону войска и рабочую массу, но остальная трудовая демократия и мелкая буржуазия, не говоря о цензовых элементах, увидела в этом перевороте неблагоприятные для себя последствия и потому вступила в лагерь врагов новой революции, поддерживая не существовавшее уже, вследствие ареста и смещения, вре-

^ Там же. С. 903.

^^ Тард Ж. Социальная логика. С. 184-185.

299

менное правительство; и в результате тотчас же организовались народные массы в комитеты спасения родины и революции, городская дума стала центром новых организаций, противодействующих новой власти, а служащие министерств и других правительственных учреждений объявили бойкот и перестали нести службу под руководством нового правительства. Неизбежно вслед за этим разразилась гражданская война, кончившаяся победой большевистских войск под Петроградом, следовавшими затем осадой и расстрелом юнкеров, еще более тяжелыми событиями в Москве и многочисленными разгромами по другим городам, не говоря о бесчисленных арестах.

Несмотря, однако, на боевой успех новое правительство, уничтожив постепенно все существовавшие ранее буржуазные органы печати, не исключая и социалистических газет, не могло вполне овладеть положением, что привело к затяжной гражданской войне, и это потому, что население страны не было и не могло быть подготовлено к коммунизму.

Развитие культурной жизни народов подчиняется тому же закону исторической последовательности. Каменный век сменяется веком бронзы, бронзовый век сменяется веком железа, век железа сменяется веком пара, а век пара сменяется веком электричества, но все эти смены обуславливаются не чем иным, как соответствующими открытиями и изобретениями, ранее которых не мог осуществиться ни один из этих периодов развития человеческой культуры.

Точно так же охотничий быт народов сменяется кочевым и земледельческим бытом не ранее того, как упрочится безопасность населения от набегов соседей, а промышленный строй страны стоит в прямой зависимости от избытка населения, не могущего обеспечить себя земледельческим трудом, и от некоторых других условий.

Само государственное устройство есть плод предшествующей подготовки народных масс к определенной форме правления.

Общественные явления такой огромной важности, как установление нового политического строя, в форме, например, социалистической республики,

неосуществимы в полной мере без соответствующих предпосылок, как совершенно справедливо говорит об этом А. Пинкевич в своей статье [^]. Эти предпосылки состоят в том, чтобы пролетариат был хорошо грамотен, чтобы он обладал достаточно широким кругозором, чтобы он отличался определенной нравственной стойкостью, чтобы значительное большинство его было сознательно социалистическим, т. е. знало, что такое социализм и как к нему можно подойти технически, и, наконец, понимало бы вред нарушения общих интересов труда и целого при удовлетворении частных интересов рабочего класса и т. п. Иначе говоря, пролетариат должен быть достаточно интеллигентным и, если не стать мозгом страны, то во всяком случае дорасти до известного умственного и нравственного развития, он должен быть соответственным образом воспитан; в противном случае всякая социалистическая перестройка государства неминуемо окончится крахом, что картинно изобразил нам Г. Лебон в своей книге <Психология социализма>.

Итак, нет достаточных исторических предпосылок, и закон исторической последовательности ведет к роковым последствиям.

XVII. ЗАКОН ЭКОНОМИИ

Цельнеру [^] мы обязаны указанием на принципы наименьшей затраты средств в условиях мертвой природы. Излагаемый ниже закон приспособ-

[^] Пинкевич А. II Вечерняя звезда. № 25.

[^] Zelner. Ueber die Natur der Cometen. Leipzig, 1872.

300

ления неизбежно приводит нас к принципу экономии во всем органическом мире, о чем нет надобности здесь распространяться.

Философия Авенариуса [^], как известно, устанавливала как принцип, что <духовная> сфера, в видах целесообразности, достигает своих целей путем затраты наименьшей меры силы, причем это осуществляется не сразу, а путем упражнения и навыка.

Этот принцип можно считать вполне верным для соотносительной деятельности. Создание понятий, отыскание законосообразности явлений, счисление и математические выкладки – все это соответствует принципу затраты наименьшей меры силы. Будем ли мы рассматривать соотносительную деятельность как результат нервной энергии или какой-либо иной, ясно, что принцип экономии должен быть признан здесь непреложным, причем всякое упражнение, а, следовательно, всякое повторение, сопровождается уже известной экономией затрачиваемой энергии.

Мы не войдем здесь в подробности этого принципа в применении к соотносительной деятельности отдельных индивидов. Заметим лишь, что принцип экономии лежит в основе всякого приспособления, ибо процесс приспособления необходимо сводится к экономии затрачиваемой силы вследствие уточнения выполняемой работы.

Ясно, что и в социальной среде закон экономии должен иметь свое значение. И здесь процесс приспособления стремится к достижению наибольшего удовлетворения потребностей при наименьшей затрате сил и средств. Вся социально-экономическая жизнь основана на принципе развития наибольшей производительности при затрате возможно меньшего количества

сил и средств.

Более того, даже возникновение самих коллективов обязано принципу экономии сил и средств, ибо объединение людей в общества только и может оправдываться принципом экономии. Там, где отдельные индивиды, взятые порознь, не могут осуществить того или другого дела, там требуется коллектив, объединяющий силы отдельных лиц, чтобы соединенными силами достичь соответствующего результата. Поэтому всякий вид коллектива является в сущности осуществлением принципа экономии сил, но и всякое проявление общественной жизни удовлетворяет тому же принципу экономии сил. Авенариус прав, когда он говорит: <Влияние принципа наименьшей меры силы в практической жизни человека... не только очевидно для всех во всяком стремлении к свободе, к разделению труда, к объединению административной, коммерческой, правовой, государственной и социальной жизни, но явно проявляется и в институтах торговли, политической экономии, законодательства, государства, политики и т. д.> ^{^o}.

Всякий символизм объясняется также принципом экономии, ибо символика стремится заместить сложные явления какими-либо бьющими в глаза и во всяком случае выразительными и легко улавливаемыми знаками. Самый язык как продукт социального творчества есть осуществление принципа экономии, ибо с помощью слова обозначается ряд тех или других предметов и отношения между ними, и в то же время облегчается весь процесс соотношения нас с окружающими лицами как облегчаются и все вообще процессы соотносительной деятельности ^{^*}.

Установление общих понятий и категорий как результат социальных условий жизни равным образом удовлетворяет закону экономии сил.

Принцип экономии проявляется даже в создании слов, которые укорачиваются до поразительности. Вместо Психоневрологического Института

силы.

[^] Там же. С. 95

Авенариус Р. философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы.

[^] Там же. С. 95.

301

говорят часто <Психо-невро>, вместо Института по изучению мозга и психической деятельности говорят прямо <Институт мозга>; например: Пойдем в Институт мозга, или даже просто в <Мозг>, или вместо: <Совет рабочих и крестьянских депутатов> говорят <совдеп> или <Смольный>. Все сложные названия в произношении вынуждаются к сокращению потребностью экономии, например, <Понто>, <Моно>, <Сантруд>, <Главсанупр>, <Нкпс> и т. п. Также и в письменности обычно прибегают к сокращениям часто повторяющихся и общеизвестных терминов, заменяя их начальными буквами, например, <и т. п.>, <и пр.>, <б. или м.> Телеграммы еще более вынуждают к сокращению слов и названий, а стенография, в видах той же экономии затрачиваемой работы, заменяет слова особыми знаками. О пользовании счислением, как и математическими выкладками в целях экономии речь была уже выше.

Далее, символизм знаков не менее ярко выражен, например, в кокардах, в наплечниках, в самой одежде, в различных условных обозначениях и в

значках, даже в атрибутах званий и профессий (ношение соответствующих регалий, например, кокарды у чиновников, цепи у судьи). В некоторых случаях символизация сводится к воспроизведению одного характера качества или свойства предмета как замещающего собою целый предмет. Это выявляется и в звукоподражательных словах (свист, жужжание, гром, грохот, кудахтанье и т. п.). Все это разнообразные формы экономизирования носительной деятельности.

В сущности и развитие всех наук и знаний в своих практических достижениях преследует ту же цель осуществления тех или иных задач при возможно наименьшей затрате сил.

В самом процессе научного творчества осуществляется принцип экономии с каждым обобщением, с каждым установлением той или иной зависимости, с каждым установлением закона как обнимающего ряд зависимостей и явлений.

Вот что мы читаем, например, в книге А. А. Чупрова по поводу закона тяготения: <Открытие этого закона обозначает переворот... в теории тяготения. Почему? И до Ньютона допускали..., что солнце как целое притягивает планеты; приходила также в голову мысль о законе обратной пропорциональности квадрату расстояния. Ньютон совершил лишь переход от рассмотрения сил, действующих между телами конечных размеров, к изучению сил, с которыми притягиваются бесконечно малые частицы. Этот переход сопряжен с такой экономией умственной энергии, что по праву занимает отводимое ему место в истории вопроса. Если бы память должна была удерживать в отдельности каждый установленный в этой области единичный факт, то с ростом знаний сложность проблемы вопроса вышла бы за пределы означенных способностей человеческого разума> ^["]. Между тем с открытием закона Ньютона <мы сразу выходим из затруднения: пестрая масса отдельных фактов становится тотчас легко обозреваемой. Весь богатый запас наблюдений резюмируется в краткой формуле> ^.

Даже искусство подчиняется тому же принципу экономии, отбрасывая все лишнее, все обременяющее в своем стремлении возбуждать возвышенные эмоции, дабы достичь того же результата с затратой наименьшей меры силы.

Всякое общественное движение развивается всегда в сторону наименьшего сопротивления, поскольку это не противоречит основной цели этого движения, удовлетворяя тем самым принципу экономии.

^" Чушков А. А. Очерки по теории статистики. СПб., 1910. С. 46.

^ Там же.

302

Достижение наибольших результатов при наименьшей затрате средств является принципом всякой вообще борьбы, преодоления тех или других препятствий и в то же время основным принципом военных действий.

В конце концов и вся общественная жизнь проникается принципом экономии. Отсюда идеалом жизни как индивидуальной, так и общественной является достижение наибольших результатов при возможно меньшей затрате энергии. Можно сказать, что удовлетворение наибольшего числа потребностей при затрате наименьшего количества средств является основным правилом

всей социально-экономической политики ^{^*}. С другой стороны, всякая коллективная деятельность развивается по пути наименьшего сопротивления, а это именно и отвечает принципу экономии сил. Так, любое новое учреждение только тогда имеет шанс на свое будущее развитие, когда оно при полезности основных задач, заполняет пустое место и осуществление его не требует чрезмерных средств; иначе говоря, оно согласуется с принципом удовлетворения наибольшего числа потребностей при наименьшей затрате сил и средств. Когда мы имеем дело с уже сложившимся учреждением, оно всегда развивается в связи с поставленной задачей в том направлении, в котором оно находит для себя меньше всего противодействия^{**}.

Развитие народной культуры опять-таки подчиняется закону экономии сил, ибо оно обуславливается существованием имеющегося под рукой материала, с одной стороны, и соответствующей подготовкой лиц, с другой. То же мы имеем и по отношению к развитию добывающей и обрабатывающей промышленности и по отношению к развитию различных ремесел и искусств.

Равным образом и развитие, как и преподавание наук, не делает в этом отношении исключения, ибо опять-таки оно стоит в прямой зависимости от наиболее подходящих условий и от подготовки соответствующего персонала, что и создает возможную экономию средств и сил.

С другой стороны, каждое предприятие, встречаясь с тем или другим препятствием, при своей жизнеспособности пробивает себе дорогу туда, где препятствие оказывается более слабым. Это, естественно, отвечает закону экономии сил. Поэтому, например, и выбор пути, по которому развивается народное недовольство, всегда совершается по направлению меньшего сопротивления.

Тем же принципом экономии сил объясняются и те или другие компромиссы, когда, например, прочность обычая, уже устаревшего, сталкивается с разумным нововведением.

В этом случае целесообразность нововведения побеждает рутину и сущность создается новым учением, а форма остается прежней. Таким образом сохраняется лишь форма прежнего уклада, сущность же меняется. Так, христианство, распространившись среди европейских народов, оставило государственное устройство прежним, изменив лишь, в известной мере, содержание общественной жизни.

Все вообще пережитки прежнего частью объясняются именно с этой точки зрения.

Во многих случаях новая религия, новая политическая форма и новое законодательство кончают тем, что мирятся с введением новой нормы, оставляя старую сущность, кое-как прилаженную к новым условиям.

Если дело идет о расселении народа, то опять-таки оно происходит в том направлении, в котором он встречает меньше всего препятствий и где народ находит наибольшее количество удобств для жизни и соответствующих угодий. Эмиграция обычно происходит в сторону меньшего сопротивления, меньшей конкуренции и наибольших жизненных удобств. Если мы имеем движение бунтующей толпы, то оно происходит всегда в сторону меньшего сопротивления и в сторону благоприятную в смысле достижения соответствующих целей.

То же мы имеем и в отношении войскового коллектива во время боя. Он движется опять-таки обычно в сторону наименьшего сопротивления противной стороны, т. е. направляется туда, где сопротивление слабее. Правда, задание может требовать сломить раньше всего наибольшее сопротивление неприятеля в определенном пункте, но и это делается не иначе, как с расчетом достичь в конечном итоге наименьшей затраты средств при получении наибольших результатов.

Господствующий в жизни принцип полезности (утилитаризм) независимо от цели также отвечает принципу экономии, ибо полезное часто не только удовлетворяет ту или другую потребность, но и удовлетворяет ее с наименьшей затратой силы. И действия всякого вообще коллектива будут соответствовать принципу полезности только в том случае, если, удовлетворяя ту или другую потребность коллектива, они будут производиться с наименьшей затратой энергии и средств.

Необходимо и здесь указать на роль упражнения и навык в осуществлении этого закона, ибо и в жизни общественных учреждений, и в коллективной деятельности всякого рода обществ бывший опыт и сложившийся навык играют существенную роль в смысле затраты наименьшей меры силы при достижении наибольших результатов. Дело в том, что в коллективной, как и в индивидуальной, деятельности упражнение приводит к облегчению последующей деятельности, направляемой по тому же руслу, как и первоначально. Иначе говоря, многократное воспроизведение определенного коллективного действия создает навыки, которые, приводя к облегчению деятельности коллектива в определенном, раз принятом, направлении, тем самым осуществляют реализацию этого закона на практике в условиях коллективной деятельности.

Из всего вышеизложенного ясно, что в жизни и деятельности коллектива закон экономии имеет значение основного принципа и можно сказать, что нет ни одного проявления в жизни коллектива, где бы этот принцип не имел места и не оправдывался бы так или иначе на деле. Во всяком случае это один из тех принципов, который должен быть принимаем во внимание при всех вообще соотношениях в жизни и деятельности коллектива.

XVIII. ЗАКОН ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Закон приспособления не является законом, имеющим отношение к одной органической природе, но он должен быть распространен на весь вообще неорганический мир. И в самом деле, разве эволюция неорганического мира не основана на взаимном приспособлении взаимодействующих тел и энергий? Движение небесных тел в мировом пространстве разве, в свою очередь, не является своего рода взаимным приспособлением? С другой стороны, когда гольш обкатывается волнами моря, когда ручей или река течет, избирая себе русло в наиболее податливой почве, разве это опять не является приспособлением в неорганической природе?

Но нас будет занимать здесь собственно мир органический и надорганический.

Что касается первого, то формула жизни, данная Спенсером и состоящая в непрерывном поддержании приспособления внутренних отношений к внешним \wedge , не может быть признана достаточной. Дело не в одном приспособлении внутренних отношений к внешним, но и в использовании внешних отношений для поддержки внутренних отношений. Если первая спенсеровская

часть формулы выявляет пассивную роль живого вещества, то вторая, дополненная нами, выявляет его активную роль. При этом чем выше тип

^ Спенсер Г. Основания биологии: В 2 тт.: Пер. с англ. СПб., 1870. Т. 1. 304

животного, тем в большей мере выявляется вторая часть этой новой формулы, т. е. использование внешних отношений в целях поддержки внутренних отношений.

В растительном мире мы по-видимому встречаемся главнейшим образом с первой частью этой формулы, но и здесь дело не обходится без использования внешних отношений, если принять во внимание поворачивание цветка к свету, поворачивание листьев в целях наилучшего использования солнечной энергии, направление определенным образом корневой системы в целях лучшего использования питательных продуктов почвы и т. п. Если приспособление внутренних отношений к внешним зависит от вызываемых изменений внутренних условий, например, большая продукция тепла и меньшая его потеря при большем охлаждении внешней, оберегание важнейших органов от весовых потерь при недостатке питания и т. п., то использование внешних отношений выражается внешними движениями, тропизмами "* и таксисами"* прежде всего, и развитием у животных свободного передвижения в целях добывания пищи, укрывания от непогоды, прятания в норы и логовища от неблагоприятных атмосферных условий, а у более высших типов изготовление нор и логовищ для зимы, приготовление гнезд во время спаривания и т. п. "°.

Наконец, в мире человека вся материальная культура знаменуется использованием разнообразных сил природы в целях поддержания внутренних отношений организма на соответственном уровне.

Одним из существенных аппаратов для выполнения этого приспособления внутренних отношений к внешним и использования последних в целях организма является нервная система с ее рецептивными аппаратами – трансформаторами. Последние избирают из внешнего мира раздражения, являющиеся для организма в том или в другом отношении безразличными, и трансформируя их в нервный ток, при посредстве сочетательных систем черепноспинной оси связывают вызванное этими раздражениями воздействие с соответствующими движущими и секреторными аппаратами (мышцы, сосуды и железы). Особенно важно, что некоторые из рецепторов, как сетчатка, Кортиев орган, Шнейдерова оболочка и тепловой рецептор кожных покровов, дают возможность улавливать внешние раздражения на расстоянии и тем самым при участии опыта предоставляют возможность организму своевременно подготовиться к соответствующей реакции. При этом благодаря высшим центрам нервной системы устанавливаются разнообразные соотношения между организмом и окружающей средой в зависимости от индивидуального опыта и в связи с изменяющимися условиями как самого индивида, так и окружающей среды.

Благодаря этому акту приспособления создается, как мы знаем, ряд высших или сочетательных рефлексов, благодаря которым и устанавливается сложное и многостороннее приспособление каждого индивида к окружающим условиям и использование последних в целях поддержания жизни.

К тому же и то, и другое совершенствуется еще благодаря тому, что нервная система разлагает раздражения на свои составные части и, получая возможность реагировать в зависимости от опыта на ту или другую их

часть, дает возможность в то же время устанавливать путем одинаковых реакций соотношения смежности в пространстве и во времени между зависящими друг от друга раздражениями, что дает во многих случаях возможность предупреждения грядущих раздражений.

Если для первой, т. е. пассивной, части вышеуказанной формулы мог бы быть достаточен собственно анализ внешних раздражений в целях выработки приспособления к ним внутренних отношений, то ни в каком случае

^° См.: Бехтерев В. Психика и жизнь.
20 В. М. Бехтерев

305

этого анализа не было бы достаточно для второй, активной, части жизненной формулы, где особенное значение получает как раз синтез. Вот почему корковые области нервной системы, при посредстве которых осуществляются сочетательные рефлексы, не могут быть рассматриваемы только как анализаторы, как их стали называть за последнее время физиологи школы И. Павлова. Они, с моей точки зрения, суть не только анализаторы, но и не в меньшей мере синтезирующие аппараты, или комбинаторы, что доказывается и прямыми опытами".

Дело в том, что в жизненных условиях все формы сложного приспособления организма к окружающей среде и использования последней требуют не одного только анализа, но и избирательного обобщения внешних воздействий и вместе с тем согласованности соответствующих ответных реакций. И между тем несомненно, что и то, и другое у высших животных и человека осуществляется при участии мозговой коры как высшего органа, устанавливающего все сложные соотношения организма с окружающей средой, меняющиеся соответственным образом в связи с изменением последней.

Заслуживает внимания, что не только данное внешнее воздействие вызывает соответствующую ему реакцию, но и последняя способна воспроизводить в той или другой мере соответствующее ей воздействие. В лабораторных опытах это сказывается тем, что у лиц, особенно впечатлительных при обычных условиях вызывания сочетательных рефлексов с помощью электрокожного раздражения при одновременном звуковом или световом раздражении с течением времени, когда воспитывается уже сочетательный рефлекс, оказывается, что испытуемый, по его заявлению, отдергивает руку или ногу потому, что он испытал электрический удар, которого на самом деле не было. В других, более обычных, случаях, хотя и не бывает такой галлюцинации, но все же испытуемый воспроизводит возможность наступления электрического удара, с которой и соотносится воспитанный сочетательный рефлекс.

С другой стороны, и самый рефлекс, как мы знаем, всегда сочетается определенным образом с данным раздражением, ибо раздражение резкое и непривычное по своему характеру возбуждает всегда оборонительный рефлекс, тогда как раздражение умеренное и благоприятно действующее на организм возбуждает наступательный рефлекс, приспособляющийся к раздражению таким образом, чтобы его использовать возможно лучше и возможно полнее. Эта постоянная связь, устанавливающаяся между рефлексом и внешним воздействием, все более и более упрочиваясь, приводит к механизации действия всюду, где самый рефлекс многократно повторяется. Благодаря такой механизации рефлекторное действие осуществляется с большей легкостью, без лишних движений и с большей скоростью. Сосредоточение как подготовительный рефлекс со стороны воспринимающих органов также со-

четается с определенным внешним воздействием и этого достаточно, чтобы это воздействие или его воспроизведение с постоянством возбуждало акт сосредоточения, а сосредоточение, в свою очередь, приводило к воспроизведению данного внешнего воздействия.

Эти условия лежат в основе облегченного воспроизведения бывшей в опыте реакции, что имеет чрезвычайно важное жизненное значение не только в виду того, что облегченное воспроизведение удовлетворяет принципу экономии, но и тем, что, путем многократного воспроизведения тех или других рефлекторных актов под влиянием соответственных воздействий, создаются определенные привычки и возникают новые <сверхорганические> потребности индивида, руководящие его поведением.

То, что относится к индивиду, имеет силу и по отношению к коллективу как собирательной личности. И здесь приспособление идет по тем же путям,

"^ См.: Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии.

306

причем дело идет опять-таки не только об установлении и поддержании непрерывного приспособления внутренних отношений коллектива к внешним, но и соответственного использования внешних отношений в целях сохранения коллектива. Дело в том, что коллектив, подобно индивиду, пока он живет, т. е. развивается и растет, нуждается в удовлетворении своих жизненных потребностей. Это приспособление здесь осуществляется при посредстве сочетательных же рефлексов коллективного характера, развивающихся под влиянием разнородных внешних воздействий на данный коллектив со стороны как окружающей природы, так и других коллективов или отдельных лиц.

Таким образом коллектив борется за свое существование, приспособляясь к условиям местности и климата, к окружающей мертвой и живой природе и к тем коллективам, с которыми он приходит в соприкосновение и взаимодействие, и в то же время использует в своих целях и то, и другое, и третье. Соответственно обстановке и условиям жизни происходит и развитие коллективных сочетательных рефлексов с характером сосредоточения, подражания, символизма, обороны и наступления в целях удовлетворения своих потребностей как наследственно-органического характера, так и приобретенных путем опыта и возникших в течение жизни под влиянием повторно происходящих внешних воздействий того или иного рода и являющихся в форме привычных коллективных актов.

В подробности осуществления такого рода приспособительной и приспособляющей деятельности коллектива входить нет надобности, ибо она представляется ясной уже из сказанного. Можно только подчеркнуть еще раз, что всякое жизненное проявление коллектива в смысле тех или иных рефлексов есть в сущности акт его приспособления к окружающим условиям или использования последних в целях самосохранения.

XIX. ЗАКОН ОТБОРА

Как всякое явление, так и коллектив должен иметь свое обоснование в общих законах природы, иначе его существование не имело бы никакого оправдания в окружающей действительности.

Не может подлежать сомнению, что в применении к условиям жизни только принцип полезности может оправдать то или иное явление, и в этом отно-

шении приверженцы учения Дарвина рассматривают общественность в животном царстве вообще как условие, благоприятствующее успеху в борьбе за существование. Благодаря этому животные, ведущие общественный образ жизни, выигрывают в борьбе за существование перед другими и в силу естественного отбора имеют больше шансов на переживание после себя потомства.

Итак, с точки зрения дарвинизма, развитие сообществ обязано борьбе за существование, т. е. внешним причинам, ибо в известных случаях борьба с внешними врагами и борьба с природой сообщества осуществляются успешнее, нежели в одиночку. Но одних внешних условий недостаточно для образования сообществ, ибо сообщества в животном мире обуславливаются не одной борьбой, но и условиями, вытекающими из самой организации. Не говоря о том, что самая борьба возникает вследствие жизненных условий организма, связанных с потребностью питания, индивиды при общении друг с другом обнаруживают воздействие друг на друга, благодаря которому эффект удовлетворения усиливается, если он достигается не в одиночку, а сообща, ибо здесь эффект собственного удовлетворения, дополняясь впечатлением от такого же удовлетворения другими, достигает наибольшей степени, благодаря действию непосредственной индукции или заразы. Люди едят с большим аппетитом за столом вместе с другими. Точно так же танцоры увлекаются танцами в сообществе в гораздо большей мере, нежели в одиночку.

20>

307

В свою очередь, при подъеме энергии, возникающем на почве большего удовлетворения жизненных потребностей, развивается стремление к общению с другими, тогда как состояние угнетения во избежание его усиления сопровождается стремлением к одиночеству и избеганию общества. Огромно также значение общения индивидов между собой, приводящее к подражанию, которое облегчает приобретение общественных навыков. Вот почему и образование коллективов ничуть не исчерпывается одними условиями полезности их в борьбе, но и стоит в связи с вышеуказанными условиями. Словом, не одна борьба является причиной создания коллектива, но и потребность индивидов в сообществе, которая может возникать и по другим основаниям, ничего общего с борьбой не имеющим.

Не без значения в этом случае должен быть и закон сочетательных рефлексов. Последний, как известно, обуславливает то, что всякое побочное раздражение, сопутствуя основному, становится при многократном повторении самостоятельным возбудителем того же самого рефлекса. Допустим, что в борьбе с окружающей природой, на охоте, при добывании пищи и в других предприятиях первобытный человек в сообществе с другими успевал больше, чем в одиночку. Это приводило к созиданию общественных условий существования не только по закону естественного отбора с выживанием наиболее приспособленных особей, но и по закону сочетательных рефлексов, в силу которого получаемые в сообществе лучшие результаты, возбуждая соответствующую стеническую реакцию в отдельных индивидах, сопровождались для каждого человека еще побочными раздражениями от сообщества людей, способствующими лучшему удовлетворению потребностей, в силу чего это сообщество само оказалось благоприятным раздражителем для индивидов, привлекая к себе последних.

Но общественные условия жизни имеют свои законы, и всякое общество устанавливает соответствующие условия общежития, связанные с торможением устремлений личности и ограничением ее прав в пользу общества вместе с предоставлением ей особых удобств и преимуществ, например, лучшей защиты и проч.). Отсюда ясно, что условия общественной жизни являются

дальнейшими косвенными результатами закона сочетательных рефлексов.

Нужно при этом иметь в виду, что безусловное господство везде и всюду принципа борьбы за существование в последнее время все более и более оспаривается, особенно с тех пор, как наш соотечественник Кропоткин опубликовал свое известное сочинение <Взаимная помощь как фактор эволюции> ^, богатое обильным фактическим материалом по данному вопросу. Можно признать вместе с Кропоткиным, что наряду с борьбой за существование в природе живых существ распространен не в меньшей мере принцип солидарности и взаимопомощи. Этим и объясняется в большей мере, чем борьбой за существование, развитие общественности и образование коллективов.

Дело в том, что коллективные нападения, хотя и обеспечивают соответственный успех, но зато и вынуждают к дележу добычи на столько частей, из какого числа состоит самый коллектив, вследствие чего большинство хищников предпочитают единоличную охоту для добывания себе пищи.

Другое дело коллективная оборона. Здесь не имеется того неблагоприятного условия, чтобы что-нибудь делить между отдельными членами коллектива. Однако, вполне очевидно, что на коллектив и не делается нападения в одиночку, а, наоборот, всякое нападение соразмеряет свои силы с возможностью сопротивления со стороны нападаемого, а потому коллективная защита встречает себе достойного соперника в коллективном же нападении. Очевидно, таким образом, что ни в условиях нападения, ни в условиях

^ Кропоткин П. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919. 308

защиты или обороны не находит для себя достаточного или по крайней мере безусловного оправдания коллектив в природе.

Наоборот, взаимопомощь в условиях жизни вообще, а не только обороны и нападения, вот что оправдывает существование коллектива, ибо взаимопомощь неосуществима без коллектива, как и коллектив немислим без взаимопомощи. Во всяком случае взаимопомощь как фактор эволюции находит в коллективе свое осуществление, оправдывая в то же время существование самого коллектива.

В особых работах я останавливаюсь, в свою очередь, на солидарности и взаимопомощи как явлении в природе, существующем наряду с борьбой за существование^, и как явлении, обеспечивающем совершенствование и прогресс "\ Вместе с тем в этих работах я доказываю, что в условиях общественной жизни мы встречаемся с особым законом природы в форме <социального отбора>, который в противовес естественному отбору, действует в смысле предоставления преимуществ на переживание не более сильному и физически более приспособленному к условиям жизни и окружающей природы, но более социальному или вообще более отвечающему интересам сообщества ^.

Так, поддержка старости, поддержка больных и калек, поддержка беспомощного младенчества – все это осуществляется в коллективе как должное и неизбежное, а между тем все это стоит в явном противоречии с законом борьбы за существование, понимаемой в смысле борьбы всех против всех.

Можно даже удивляться, как признание всеобщности закона борьбы за существование долгое время заставляло некоторых биологов рассматривать

сотрудничество и взаимопомощь, которые находят свое высшее выражение в человеческом коллективе, но которые проявляются в природе всюду, начиная с самых низших ее ступеней, как принцип, подчиненный закону борьбы, а, следовательно, не имеющий будто бы своего самостоятельного оправдания в условиях живой природы. Руководясь вышеизложенным, мы не можем согласиться с большинством авторов, рассматривающих образование коллектива как неизбежный результат одного закона борьбы"*.

Грант-Аллен ^ между прочим обвиняет защитников ничем не ограниченного естественного отбора, что они его трактуют обыкновенно не в широком биологическом, а в крайне узком смысле. Они имеют в виду только особь, а не группу или вид. Между тем биология должна усвоить тот взгляд, что раса выступает в борьбе за существование как отдельная единица.

По словам Г. Лебона: <Ассоциация на место бессильного личного эгоизма ставит могучий коллективный эгоизм, который каждому приносит выгоду. За недостатком групп людей, связанных узами религии, крови или политики, узами, воздействие которых слабеет с каждым днем, солидарность интересов может довольно прочно соединять людей> ^.

<В настоящее время, - говорит тот же автор, - слово солидарность гораздо чаще употребляется, чем старые термины братство, свобода и равенство, и дело идет к тому, что оно вовсе заменит их.

Между тем оно ни в каком отношении не представляет для них синонима. Так как конечной целью всякой коалиции интересов является борьба против

^ Бехтерев В. М. Социальный отбор и его биологическое значение. С. 947-955.

* См.: Бехтерев В. М. Индивидуальные и социальные факторы развития организмов и социальность как условие прогресса//Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913.

^^ Бехтерев В. М. Значение гармонизма в биологии организмов и социальный отбор. С. 1130-

115.S.

'^ Alien II Die neue Zeit. 1893. N 29. S. 71.

'^ Лебин Г. Психология социализма. С. 109.

других интересов, то очевидно, что солидарность является лишь частной формой всеобщей борьбы существ и классов. Солидарность, как ее понимают теперь, необходимо исключает свободу и ограничивает очень узкими рамками ассоциаций наши старые мечты о братстве"^.

Борьба, без сомнения, является одним из важных стимулов к образованию коллектива и общественности, но если бы только одна борьба являлась условием образования коллектива, то нельзя [было бы] понять, зачем создавались бы коллективы с целями эстетическими и возвышенно моральными.

Как, например, понять коллективы музыкального характера, хоровые коллективы, коллективы художественно-литературные или просто художественные? Отсюда очевидно, что не одна борьба управляет жизнью, но последняя имеет и другие руководящие мотивы, значение которых почему-то до сих пор затемнялось без достаточных оснований.

По Э. Ферри, известное учение Маркса является дальнейшим развитием теории эволюции. Надо однако заметить, что если это и можно признать, то никак не с исторической точки зрения, ибо Маркс предшествовал Дарвину и к тому же исходил из других источников. Но как бы то ни было, наряду с борьбой классов должно быть принято во внимание и учение в форме чистого социализма, который предполагает, правда, не равенство людей, которого на самом деле нет, а природное равенство прав на человеческое существование: при этом разделение труда неизбежно уже в силу неодинаковых природных склонностей или склонностей, воспринятых с малолетства. Поэтому не должно быть того, что одни являются тунеядцами, а другие работают через силу подобно вычному животному.

Наука как бы то ни было признает необходимость взаимопомощи, основанной на солидарности интересов. <Что касается солидарности, то никакое наблюдение не может отрицать ее, потому что такая солидарность наблюдается у всех существ. Некоторые общества животных, а в особенности низших, т. е. наиболее слабых, только и существуют благодаря узкой солидарности, которая одна лишь делает для них возможной защиту против врагов> ^". Но солидарность, по нашему мнению, не должна быть рассматриваема только с точки зрения лучшей защиты от врагов. Солидарность есть фактор эволюции такой же важности, как и борьба, и притом корни ее лежат глубоко в живой природе, и если в известных случаях солидарность зависит от борьбы между индивидами, то в такой же мере и борьба может обуславливаться солидарностью индивидов. Главное же, солидарность есть фактор, содействующий и поддерживающий общественность.

При всем том наряду с солидарностью и социальным отбором не устраняется и закон борьбы в мире людей, и только взаимодействие того и другого закона обуславливает прогресс человечества. Что было бы с человечеством, если бы в его среде не существовало соревнования и конкуренции? Без конкуренции отдельных личностей, племен и классов, <одним словом, без всеобщей борьбы, человек никогда бы не вышел из своего первобытного варварства. Он и теперь еще жил бы в пещерах, с трудом оспаривая свою скудную добычу у диких зверей, и никогда не узнал бы благ цивилизации> ^°.

Учению о равенстве и братстве, по словам того же автора, особенно тяжелый удар нанесло <учение об эволюции, доказавшее, что повсюду в природе идет непрерывная борьба, всегда кончающаяся гибелью более слабого, – закон, без сомнения, кровавый, но являющийся источником всякого

^ Там же. С. 108–109.

II" Там же. С. 112.

12" Там же. С. 77.

прогресса, и без него человечество никогда не вышло бы из своего первобытного варварства, а цивилизация теперь еще и не родилась бы> "\

Но и борьба за существование, девизом которой является смерть слабому и неприспособленному, в мире человека, как и многих животных, приводит к развитию борьбы обществами, в которых должна господствовать солидарность, вследствие чего последняя должна быть признана важным фактором

эволюции вообще. В качестве конечного вывода из дарвинизма В. Битнер недавно так выразил эти мысли: <Если на первых ступенях развития закон борьбы в результате имеет грозное "смерть слабому", то в человеке борьба, приводя к развитию социальных инстинктов, обосновывает защиту слабого, и не только ближнего, но и дальнего> ^.

Необходимо затем иметь в виду, что не столько, собственно, борьба за существование, сколько выживание приспособленных играет роль в развитии органического мира, приспособление же есть соответствие строения и функций организма окружающей среде, которое осуществляется не путем лишь одной борьбы.

Вообще говоря, приспособление не имеет за собой какого-либо одного принципа. Для природы безразлично, как достигается это соответствие— прогрессом организации или ее регрессом, как в случае паразитического мира; кроме того, соответствие может достигаться, как мы говорили выше, и путем приспособления окружающей среды к нуждам организма. Последнее условие, почти совершенно отсутствующее в низших организмах, проявляется все в большей и большей мере с прогрессом организации и достигает наибольшей степени в мире человека^ . Благодаря именно этому, человек, единственное из всех высших животных, распространил свое существование на весь земной шар.

Само собою разумеется, что могучим источником приспособления к себе природы является творчество, основанное главным образом на условиях социальной жизни.

По А. Паршину, приспособление физической среды к нуждам человеческого организма происходит в двух направлениях: 1) в направлении поддержки человеческого организма в форме одежды, орудий работы, оптических инструментов, в способах передвижения и т. д. и 2) в направлении перестройки физической среды в форме жилищ, дорог, обработки полей и т. д. "\

Все это является в конце концов материальной человеческой культурой. Но это осуществление человеческой культуры достижимо лишь при посредстве кооперации. Однако общественность возникла не из этих условий, как полагает А. Паршин, ибо она имеется и в животном мире, и не из борьбы за существование, как думают дарвинисты, а она имеет самодовлеющее основание в принципе лучшего удовлетворения потребностей в сообществах и в принципе защиты всякого сочлена сообщества, хотя бы и слабейшего, коль скоро он соответствует интересам сообщества. Поддержка и защита детства, больных и немощных стариков, как упомянуто, не могла бы быть оправдываема ни с точки зрения закона борьбы, ни с точки зрения естественного отбора.

Лишь постепенно вместо индивидуально-эгоистических человеческих особей охотничьего быта, по А. Паршину, земная поверхность начала пополняться <семейно-кооперативными группами>. Семья явилась ячейкой, и для

^ Там же. С. 61.

^ Там же.

^" См.: Бехтерев В. Психика и жизнь.

^ Паршин А. М^ Научная религия. (Война с естественнонаучной, религиозной точки зрения

и перспективы человеческого будущего). М., 1917. С. 3–51.

311

приспособления природы к ее нуждам приручены были животные, и сделаны были первые опыты культуры хлебных злаков " ^

Затем кооперация распространилась на род и племя, которые были первыми группировками людей и которые в мирном сожитии образовались под воздействием родственных связей. При этом при разрастании семьи в племя одних родственных связей было недостаточно, и потребовалась помощь религиозного элемента, возникшего целиком из инстинкта самосохранения ^'. Религия привела к созданию сурового племенного бога, охранявшего семью и возбравшего паразитизм и хищничество в пределах племени.

В дальнейшем развитие мирных коопераций явилось уже результатом развития принципов государственного, национального и религиозного.

Надо, однако, заметить, что первично все же не семья, и не род и не племя привели к развитию обширных трудовых коопераций; последние явились прежде всего результатом целесообразного сочетания энергий ряда индивидов, преследующих удовлетворение одних и тех же потребностей, вследствие чего общественность проявляется еще задолго до семьи в животном царстве. Семья и общественность явились факторами эволюции общественных коопераций, достигших в мире человека первое племенных и национальных, второе политических и частью религиозных коопераций. В настоящих условиях человечество живет в национально-государственных и просто государственных формах, в которых паразитизм и хищничество изгоняют или по крайней мере стараются изгонять правовыми нормами. Государства являются теми кооперациями, которые, оберегая себя, проявляют, к сожалению, еще звериные инстинкты в форме хищничества и паразитизма по отношению к другим народам и государствам, что и приводит неизбежно к войнам.

Что касается религии, то, явившись первоначально, как утверждают многие, из инстинкта самосохранения, по утверждению же других, будучи плодом социальных условий жизни, она перешла на помощь семье, роду и племени, а затем стала служить и государству. Но эволюция религиозных учений еще во времена древней Греции начала отрешаться от племенных и государственных начал, что доказывается стихами Илиады о скорби Зевса при преследовании Гектора Ахиллом, а со времен христианства религия призывает к мирному сожитию и все человечество, признавая хищничество и паразитизм общечеловеческим злом.

Но религия есть оплот и стимул темных невежественных масс и не она послужит решающим моментом в объединении человечества, а развитие общегосударственного строительства с устранением экономической кабалы и так называемого капиталистического строя, причем первоначально человечество пройдет через ложь государств, а позднее сгладится и государственная обособленность, превратившись в автономные области, федеративно связанные в одно целое на условиях взаимопомощи и кооперации.

Идущее рядом с развитием сотрудничества в человеческом мире развитие так называемых нравственных начал является также помощью в установлении единения, но развития одних только нравственных начал без установления целесообразности условий общего сожития еще недостаточно, чтобы приблизить человечество к единению.

Есть мнение, что развитие коллективных и альтруистических побуждений происходит на почве стремлений человека к личной выгоде. Это мнение в последнее время поддерживается Н. Шавровым. <Человек, – говорит этот автор, – как и все живое, эгоистичен. Альтруистические побуждения появились только впоследствии и развились на почве стремления человека к личной выгоде.

^ Там же.

312

Борьба с природой и неблагоприятными внешними условиями, добывание пищи, охота, защита от нападения со стороны животных и т. п. значительно были успешнее, когда человек выступал не единично, а вместе с другими. Это оставляло постоянный след в психике человека и рождало определенные представления, отчасти доходя до его сознания, отчасти оставаясь в подсознательной сфере.

Повторяясь бесконечное число раз, через тысячи лет, капля за каплей, это оставило в нервно-психической области такие глубокие следы, что на почве их родились представления, кажущиеся самостоятельными и как бы свойственными человеку с самого начала> ^".

Свои взгляды автор предваряет данными из закона сочетательных рефлексов, по которому всякое побочное раздражение, сопутствующее основному возбуждению, неизбежно вызывающему рефлекс, после известного числа повторений становится способным вызывать тот же самый рефлекс.

Применяя этот закон к коллективизму, автор замечает: <первоначальные побуждения человека были эгоистичными. Коллективизм же был побочным, сопутствующим явлением в жизни дикого человека, средством для достижения цели, направленной к удовлетворению элементарных потребностей. Впоследствии он превратился в самостоятельный побудитель. На почве коллективизма как новое сопутствующее явление родились альтруистические понятия, которые также сделались впоследствии самостоятельными побуждениями для человека. Это произошло естественным путем, так как без этих последних всякая общественность и все коллективные формы борьбы рассыпались бы как песочное здание.

Сопутствующие явления и средства для достижения целей на почве элементарных побуждений получили значение самостоятельных побуждений> .

В сущности это объяснение коллективизма одной своей стороной совпадает с дарвиновским учением, ибо и последним коллективность объясняется принципом борьбы, имеющим в основе эгоизм, как олицетворение борьбы всех против всех. Однако принцип борьбы приводит к выживанию наиболее приспособленных при посредстве естественного отбора. Как же может играть роль в эволюции коллективизм, возникший из эгоизма?

Очевидно, без унаследования дело обходиться не может. Для того чтобы спасти свое положение, автор такое унаследование и допускает: <Несомненно, что высшие психические рефлексы оставляют весьма стойкие следы в организации мозговой коры и могут передаваться тем или иным способом по наследству> ^ При этом понимается, что наследственно передается почва, на которой могут эти психорефлексы развиваться, как, например, в виде проявления связей между психическими центрами молекулярного равновесия

самых нервных элементов и т. п.

Однако, как бы ни казалась заманчивой гипотеза физиологического унаследования, до сих пор нет данных, чтобы можно было с положительностью говорить о наследственности приобретенных свойств и влияний у человека ^, исключая тех, которые действуют на зародышевую плазму; во всяком случае, опыты над животными, особенно низшими, в этом вопросе не могут быть признаны убедительными.

Если же не допускать наследственной передачи коллективизма, то он должен быть в жизни каждого вида явлением, зависимым от обстоятельств и условий окружающей действительности, подобно тому, как все сочетательные рефлексы.

^ Шавров Н. Мысли о человеке и государстве. Действующая армия. 1917. С. 15.

" Там же. С. 18.

^ Там же. С. 40.

313

С моей точки зрения, оба фактора, и внешний и личный, имеют значение в развитии коллективизма, иначе говоря, к нему приводят и закон сочетательных рефлексов, и подражание, которое есть тоже сочетательный рефлекс, и закон естественного отбора. Передача же склонности к коллективу происходит путем воспитания из поколения в поколение, тем более, что и вскармливание детей неосуществимо в жизни высших животных без семейного коллектива.

Кроме того, и сам коллектив содержит в себе условия, которые делают его самодовлеющим учреждением, ибо он поддерживается не только большой успешностью коллективного труда, приводящего к взаимному подбадриванию, соревнованию и разделению труда путем специализации, но и тем фактором, который я обозначаю как <социальный отбор>.

Последний обеспечивает общую взаимную поддержку в коллективе – и именно не наиболее приспособленному к условиям окружающей природы, а наиболее приспособленному к коллективу, хотя бы и наименее сильному в физическом смысле, но зато наиболее сильному в социальном отношении.

XX. ЗАКОН ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В числе других законов, управляющих жизнью и деятельностью коллектива, необходимо рассмотреть еще закон взаимодействия. Этот закон можно было бы выразить следующей формулой: если две системы находятся в соотношении друг с другом, то они оказывают друг на друга действие, прямо пропорциональное их силе. Этот закон прежде всего может быть проверен в движениях небесных тел. Взаимодействие физических сил является, как известно, предметом изучения механики; явления молекулярного и химического взаимодействия составляют предмет изучения физики и химии. Но тот же закон принадлежит и всему органическому миру, включая и соотносительную деятельность отдельных индивидов.

Как известно, весь органический мир взаимодействует между собой. Ныне даже выделяют особую научную дисциплину под названием <Экология> ^, которая занята изучением взаимодействия между организмом и окружающей средой и, в частности, взаимодействия между растениями и животными. В этом последнем случае, в сущности, эта наука представляет собой фито-

и зоосоциологию [°], которую увенчивает гомосоциология [^].

Отсюда ясно, что тот же принцип взаимодействия имеет особо важное значение и в коллективной жизни человека, ибо уже образование самого коллектива, требующее объединения индивидов, предполагает их взаимодействие. Это взаимодействие осуществляется не только между индивидами одного и того же коллектива, но и между каждым индивидом и обществом в целом и в еще большей мере между обществом и его руководителями, между толпой и вожаком. С другой стороны, все управление народами основано на взаимодействии управляемых и управителей.

На отношения взаимодействия распадаются все остальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями эстетическими, религиозными, правовыми и научными. Короче говоря, взаимодействие двух или большего числа индивидов есть родовое понятие социальных явлений; оно может служить моделью последних. Изучая строение этой модели, мы можем познать и строение всех общественных

[^] Haeckel. *Generelle Morphologie der Organismen*. В., 1866. S. 286.

[°] См.: Вагнер В. А. <Социология> в ботанике: (Фитосоциология)//Природа. 1912. Сekt.

С. 1059-1079; Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 10.

^{^^} Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1.

явлений. Разложив взаимодействие на составные части[^] мы тем самым разложим на части самые сложные социальные явления .

Лассаль был прав, когда говорил, что конституция тогда и хороша и приемлема, когда она является выражением правильного соотношения сил в государстве в каждый данный момент, ибо всякая социальная жизнь предполагает борьбу классов и партий, следовательно то или иное между ними взаимодействие, и в сущности каждый коллектив вступает во взаимодействие со всеми другими коллективами, с которыми он так или иначе соприкасается в своей жизни, и даже со всем окружающим миром. Чтобы выяснить принципы взаимодействия, возьмем самый примитивный коллектив - уличную толпу - и посмотрим, как проявляется здесь этот принцип.

В отношении толпы имеется немало исследований, но в них, вообще говоря, немало односторонности и преувеличений. Одни видели в толпе только склонность к преступлениям и не замечали, что толпа бывает в полном смысле слова героической, забывая к тому же, что история обязана множеством самых благородных порывов человечества именно толпе. Другие недостаточно различают характерные особенности уличной толпы или уличного сборища и толпы, заседающей в судах в качестве присяжных заседателей, в парламентах, в советах, комитетах и т. п. Ибо многое, что справедливо по отношению к уличной толпе, то неприложимо к организованному собранию и наоборот. Так, например, в числе специальных свойств, характерных для толпы, авторы указывают на импульсивность, раздражительность, недостаток рассуждения и критики, неспособность обдумывать, преувеличенную чувствительность, необычайную внушаемость и т.п. Г. Лебон, между прочим, сравнивает эти качества с теми, которые наблюдаются у низших существ эволюции, например женщин [^], детей и дикарей.

Однако, можно ли сказать, что советы, комитеты или парламенты могут быть приравнены по своей форме рассуждения к женщинам, дикарям или

детям. Если бы это было так, можно ли было бы допустить, что везде, где требуется наибольшая беспристрастность, осторожность в суждениях и осмотрительность в решениях, человечество предоставляло бы действовать коллективному уму, и как можно было бы примирить с этим мнением тот факт, что передовые народы Европы предоставляют самые важные вопросы своей жизни, решающие нередко судьбы народов, постановлениям коллективного ума в форме парламентов и международных трибуналов.

Очевидно, что дело обстоит на самом деле не так, и то, что относится к толпе неорганизованной, не может быть переносимо на организованные собрания, где взвешиваются разнородные взгляды и скрепляются доводы, культивированные различными умами и воспринятые индивидуальными умами под определенным углом зрения.

Можно согласиться с тем, что решения собраний не могут претендовать на гениальность, хотя и это зависит в сущности от значительности ума вожаков и умения их защитить свое мнение, но несомненно, что решения собраний сравнительно редко бывают односторонними, что в наибольшей мере свойственно индивидуальному уму.

Так же и в отношении воздействия на толпу мы не можем согласиться с теми авторами, которые утверждают, что рассудок не может тут играть роли или даже имеет отрицательное значение. По словам того же Г. Лебона, <на толпу нельзя влиять рассуждениями, так как ей доступны только грубые ассоциации идей. Поэтому и ораторы, умеющие производить впечатление на толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к ее рассудку. Законы логики не оказывают на нее никакого действия> " ^ По отношению к неор-

^ Там же. С. 81.

^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 243.

315

организованной толпе это мнение можно считать справедливым, но лишь в том случае, когда толпа уже находится во власти определенного настроения, как это впрочем, случается нередко. Но если толпа спокойная, например, толпа, собравшаяся не под влиянием какого-либо недовольства и возмущения, а лишь с целью послушать оратора, разъясняющего ей то или другое положение дела, то как можно говорить, что законы логики не оказывают на нее никакого действия? Оратор, который послушался бы совета и, отбросив всякие доводы, бил бы только на эффект, стараясь возбудить эмоциональное состояние в толпе, наверное, не оказался бы в большом выигрыше. Во всяком случае, спокойная толпа выслушивает доводы, которые, правда, должны быть ясны, просты и убедительны и, еще лучше, снабжены соответствующими примерами и образами, эмоциональная же окраска важна там, где нужно побудить толпу к действию.

Что же касается организованной толпы, например, толпы присяжных, то, присутствуя на громких процессах, я встречался неоднократно с тем фактом, что адвокат, пользующийся неопровержимыми доводами, более воздействовал на присяжных заседателей, нежели адвокат, бьющий только на эффект и старающийся возбудить лишь одно эмоциональное состояние в своих слушателях. В одном месте Г. Лебон говорит: <Присяжные, как и толпа, легко подчиняются влиянию сочувствия и очень мало влиянию рассуждения>. <Они не могут устоять, говорит один адвокат, при виде женщины, кормящей грудью своего младенца, или при дефилировании сирот перед ними. Чтобы снискать расположение судей, женщине достаточно быть

симпатичной, говорит де Гляже> "*" .

Все это верно, но ведь это также верно и по отношению к индивидуальному уму, и в этом нет большого различия между отдельной личностью и толпой присяжных. Последняя во всяком случае поддается как доводам, так и возбуждению эмоции. Я знал одного известного в Петрограде адвоката, имевшего возможность благодаря своему таланту возбуждать эмоцию и в публике, и в среде присяжных, но который в громких процессах всегда выдвигал раньше себя своего помощника, строившего свою речь исключительно на анализе и доводах.

Это именно сочетание анализа и доводов в одной речи и эмоциональной окраски – в другой и производило на присяжных неотразимый эффект. Что склонность к эмоции в толпе далеко не обычное явление, доказывает всем известный факт, что там, где отдельный человек легко может поддаться чувству и может смягчиться под влияниями слез просительницы, на собрание и толпу эти слезы могут не произвести соответствующего действия или даже вызвать обратное впечатление.

Как и в толпе неорганизованной, в избирательной толпе Г. Лебон снова отмечает слабую способность к рассуждениям, отсутствие критического духа, раздражительность, легковерие и односторонность ^ . Но как раз именно в избирательных собраниях действует дух партий, а партийная политика основана ничуть не на эмоции и чувствах, а на интересах, подкрепленных определенными доводами, и никакие способы возбудить чувство не будут достаточными, чтобы преодолеть интересы партии, выразившиеся в ее платформе.

Можно не очень возражать против положения, выставляемого Г. Лебоном, что в толпе люди всегда сравниваются, и, если дело <касается общих вопросов, то подача голосов сорока академиков окажется несколько не лучше подачи голосов сорока водоносов> ". Но во всяком случае нельзя согласиться с его

" Там же. С. 293.

^ Там же. С. 229.

" Там же. С. 307.

316

доводами и соображениями относительно всеобщей подачи голосов, которую он снисходительно готов оставить только потому, что эта формула является своего рода религиозным догматом настоящего времени, а ограниченная подача все равно не была бы лучше по своим результатам, между тем при ней пришлось бы испытать еще и <тяжелую тиранию каст>. Заслуживает, однако, внимания совершенно справедливое мнение Г. Лебона, что <арифметическое среднее всех избраний во всякой стране служит изображением души расы> ^ . Однако, не прав Г. Лебон, дополняя это положение фразой, что <эта душа остается почти одинаковой из поколения в поколение>. Уже различные результаты голосования, производимого в разные эпохи в одной и той же стране, показывают, что несмотря на огромнейшую устойчививость, изменения <души> нации составляют явление далеко не заурядное.

Заслуживает далее внимания, что авторы, писавшие о толпе, склонны были утверждать, что коллективное решение благодаря взаимодействию друг на друга отдельных членов толпы всегда окажется ниже по качествам и глупее решения отдельной личности. Но здесь кроется глубокое заблуж-

дение ¹. Дело в том, что нельзя рассматривать собрание как исключительно коллективный ум. Дело идет обыкновенно об объединении работы индивидуального и коллективного умов. Всякий вопрос в собраниях обыкновенно подготавливается тем или другим докладчиком по специальности, а затем путем критики и обсуждения доклада в собраниях имеющиеся резкости в докладе, основанные на переоценке фактов, на преувеличении, увлечении и односторонности, обыкновенно сглаживаются, ослабляются и устраняются, как обтесывает токарный станок все острые углы обрабатываемого дерева. При этом в доклад вводятся иногда те или иные новые положения или новые вставки, которые восполняют его пробелы. Можно ли при этих условиях сомневаться в том, что результаты работы окажутся выше и ценнее результатов работы одного индивидуального ума? И кто не знает, что в жизни те или другие постановления коллегии, например, хотя бы постановления третейского или коронного суда, признаются гораздо более авторитетными, нежели мнение отдельного лица или распоряжение единичного представителя той или другой административной власти. Нечего говорить, что и коллегия может вынести ошибочное постановление, что было, например, с французской Академией наук, отвергнувшей некогда идею о возможности летания человека по воздуху, ибо это будто бы <противно природе человека>, а также с Парижской Медицинской академией относительно месмерических явлений ², не усмотревшей в них ничего особенного, кроме игры воображения, и таким образом просмотревшей в них явления гипноза, впоследствии признанные наукой как новые и вполне реальные явления. Можно упомянуть также о позднейшем постановлении у нас в Петрограде Медицинского совета, обставлявшего гипнотизирование больных со стороны врачей такими же требованиями, какие предъявляются при операциях, что было равносильно почти полному запрету в пользовании гипнозом в России. Известны всем и судебные ошибки, сводившиеся к обвинению невинных людей. Но ведь эти заблуждения коллективного ума в сущности относятся ничуть не к его собственной работе, а к заблуждениям и недостатку знаний тех специалистов, которые были докладчиками по этим вопросам и которые своим авторитетом успели убедить собрание в том, что было результатом их собственного незнания. К тому же в отношении авиации и гипноза время тогда еще не подготовило умы к восприятию новых истин, и они остались неразгаданными.

Таким образом в этих коллективных заблуждениях вина падает главным образом не на работу коллективного ума, а на работу того индивидуального

¹ Там же. С. 308.

317

² &". ³

ума, который в данном случае руководил собранием и подавлял его своим авторитетом.

Когда сопоставляют работу индивидуального и коллективного ума, то забывают, что та и другая сторона несравнимы между собой по самому существу. Дело в том, что, когда дело идет о работе индивидуального ума, то прежде всего мы имеем дело обыкновенно со специалистом, часто обладающим прекрасной эрудицией, имеющим возможность сосредоточиться на заданной работе, навести нужные справки, употребляя на все это немало времени, в некоторых случаях целый ряд дней, недель и даже месяцев, а иногда и лет. Естественно, что труд должен выйти и обстоятельный, и более или менее точный по своим результатам, хотя иногда и односторонний.

В коллективном уме мы не всегда имеем дело с такими специалистами, здесь лет возможности сосредоточиться, навести справки, требующие значительной затраты времени и т. п. Зато в собраниях имеются обыкновенно разносторонние специалисты, если нет знатоков данного вопроса, и кроме того могут оказаться представители других соприкасающихся специальностей, которые рассматривают и обсуждают вопрос под другим углом зрения и которые обычно не имеют той заинтересованности, какую часто имеют отдельные специалисты. Отсюда ясно, что коллективный труд должен отличаться более осторожным отношением к делу и более всесторонним освещением предмета, но не может отличаться той глубиной, которая может быть свойственна индивидуальному уму.

Очевидно, таким образом, что наибольшая гарантия правильности решения достигается в тех случаях, когда работа коллективного ума совмещается с работой индивидуального ума, подготавливающего вопрос в своей обработке для общего обсуждения и критики.

Вот что нам дает в результате анализ взаимодействия умов в коллективных собраниях. Надо при этом заметить, что и работа индивидуального ума не может быть рассматриваема исключительно как таковая. Известно, что гениальный ум утилизирует результаты труда тысячи предшествовавших умов как хороший мастер утилизирует знание и навыки огромного числа предшествовавших ему мастеров. Вот почему великие изобретения и открытия, кажущиеся результатами индивидуального ума, в действительности представляют собою в сущности результат деятельности коллективного ума предшествовавших поколений. Как мы знаем, даже общие понятия обязаны творчеству коллективного ума, т. е. толпы, а не индивида.

Что касается взаимодействия классов и других коллективов, то здесь результаты этого взаимодействия сказываются не только в постепенном сглаживании разноречий, но и в степени влияния более значительных по силе коллективов на общий ход дел¹*. Даже управление страной стоит в прямом соотношении со значением и силой того или другого класса или партии.

Законы классовой борьбы гласят, что, если данный класс устанавливает так или иначе свое господство в стране, то он и создает свое правительство. Если два соперничающих класса не могут решить вопроса в отношении господства одного из них, то правительство может быть только коалиционным при возможности соглашения. При отсутствии соглашения, вследствие обессиления обоих классов взаимной борьбой наступает момент, дающий основу для развития диктатуры. Так было в начале владычества Наполеона III во Франции, когда Кавиньяк должен был уступить, создав ему позицию диктатуры.

Когда дело идет об управлении парламентской страной, то, как известно, управляющий орган – министерство – опирается на парламентское большинство, и, если почему-либо не составляется такового в его пользу, то правительство идет на уступки, привлекая к себе те или другие партии,

318 ,

дабы образовать этим путем в свою пользу большинство представителей народа.

Но взаимодействие коллективов обнаруживается не в одной только политической области, оно не меньше проявляется и в области науки и

искусства, ибо и здесь мы имеем отдельные партии ученых и отдельные направления в искусстве, словом, отдельные лагеря, которые воздействуют друг на друга, постоянно сглаживают свои острые разногочия, по временам даже вступая в соглашения для совместной работы, и опять-таки и здесь главенствующее значение приобретает та партия или то направление, которое оказывается более значительным по своей реальной силе.

Наконец, и в экономической области мы встречаемся на каждом шагу с взаимодействиями коллективных групп.

Прежде всего взаимодействие устанавливается между продавцами и потребителями или покупателями благодаря чему между прочим происходит установка цен (спрос и предложение), да и самый характер предметов, потребляемых данным коллективом, зависит от установившихся вкусов, обычаев и других условий, в которых живут потребители. Далее, взаимодействие проявляется между конкурентами, из которых каждый имеет стремление выдвинуть себя перед своими соперниками. Точно также устанавливается известное взаимодействие между разными группами потребителей, особенно при недостатке товаров и т. п.

Наконец, и в условиях международных отношений дело идет о взаимодействии каждого народного коллектива с его соседом и вообще со всеми коллективами, с которыми он входит, в какое-либо соприкосновение, как и всех вообще народных коллективов вместе взятых на каждый из них. И здесь, как и во всех других случаях, результатом взаимодействия является главенствующая роль одного или нескольких коллективов перед всеми другими. Но в конце концов общий ход международной жизни определяется той равнодействующей, которая является результатом взаимодействия всех народных коллективов, входящих в соотношение друг с другом в целях установления международных связей.

XXI. ЗАКОН КОМПЕНСАЦИИ ИЛИ ЗАМЕЩЕНИЯ

В данном случае дело идет о законе, по которому всякое движение или какая-либо другая форма энергии, встречая то или другое препятствие для своего проявления, замещается другими движениями или другими формами энергии, представляющими в сущности тоже род движения. Нет надобности останавливаться на том, что этот принцип является прямым следствием принципа сохранения энергии и подтверждается в физической среде везде и всюду. На этом основан так называемый принцип единства энергии. В химии мы также с постоянством встречаемся с реакциями замещения одного вещества другим.

В органическом мире этот закон осуществляется равным образом на каждом шагу, ибо, например, в растительном царстве искусственное препятствие к развитию и росту корешков и стеблей обходится замещением новых корешков и стеблей, вырастающих из других частей растения. В животном царстве недостающий орган замещается усиленной функцией других органов. В функциях нервной системы мы встречаемся с замещением разрушенных и перерожденных систем и волокон другими, здоровыми системами и волокнами.

Специально в соотносительной деятельности мы имеем также замещение одного действия, почему-либо задержанного другим, одного забытого слова другим, одной неудовлетворенной потребности другою. Так, сексуальные потребности замещаются нередко художественными или религиозными

исканиями и наоборот. На этом основан между прочим метод сублимации ^{^*} при лечении общих неврозов.

Тот же процесс замещения мы имеем и в деятельности коллектива. Когда умственное движение в нем воспрепятствовано, как это было, например, в России в период царского режима, то взамен его обращает на себя внимание поразительное развитие мистических учений, картежной игры и алкогольных излишеств. Когда правительство воспрещает открыто вести агитацию, она находит для себя пути в подпольной пропаганде. С целью же воспрепятствовать последней, правительства часто прибегают к отвлечению народного движения в иную сторону, навязывая, например, войны населению. Чтобы отвлечь побежденный народ от агрессивных стремлений по адресу народа-победителя, ловкие дипломаты стремятся отвлечь энергию побежденного народа, поддерживая его завоевательные стремления в иных странах. Так, Бисмарк, отнявший от Франции Эльзас и Лотарингию, поощрял все время колониальную политику Франции. Вильгельм II, не уяснив себе здравого смысла этой тактики и сделав ложный шаг созданием столкновения в Агадире в виде известного <прыжка Пантеры>, подготовил неудачную для Германии мировую войну, обесславив тем самым свое имя в истории.

Закон компенсации, между прочим, сыграл большую роль в отношении распространения христианства в конце II-в начале III в. Как известно, при Антонинах и в особенности при Северах проявилось поразительное пробуждение религиозной мысли в римском обществе с жадной верой в возвышенное, духовное и бессмертное.

Это явилось настоящей реакцией против злоупотребления чувственными наслаждениями, столь распространенными в то время, путем замещения общественной философии новым учением. К тому же Римская империя принимала в свой пантеон богов всех завоеванных стран, благодаря чему бесчисленное количество богов, естественно, подрывало в них веру и ослабило социальное значение языческой религии.

В связи с вышеуказанным стремлением общества к возвышенному и духовному были сделаны попытки морализовать древние мифы и одухотворить языческую религию, но эти попытки уже не удовлетворяли общество. В это-то время христианство с его учением о едином Боге на небесах и духом общечеловеческой любви и всепрощения соответствовало наступившей реакции и стало быстро завоевывать свои права. Геройский дух первых христиан-мучеников, их непоколебимая вера в правоту своего учения и непримиримость христианства с другими религиями, откуда и возникли кровавые преследования, довершили дело победы христианства над язычеством.

На этом же законе компенсации основано то, что осуществление всего великого в общественной жизни связано нередко с тяжелыми испытаниями и только иногда, благодаря этим испытаниям и тяжелому страданию своих защитников, оно получает осуществление и окончательное признание.

Ничем иным, как законом компенсации, объясняются и поразительные противоречия, которые проявляются в коллективной жизни народов, особенно в периоды смуты. Так, в самые трагические дни террора, сопровождаемые почти непрерывными казнями, когда на эшафоте гибнут сотни и тысячи людей, все увеселительные заведения переполняются народом. Так было во времена великой французской революции, так было и во время русской

революции. Причину этого надо видеть частью в том, что народ, ранее лишенный всех видов удовольствия вследствие бедности и забитости, выбившись на свободу, безгранично отдается всевозможным увеселениям, ранее совершенно для него недоступным, частью же в потребности скрасить тяжелые условия жизни увеселениями. Вот почему всевозможные виды увеселений дают полные сборы в то время, когда царствует гильотина в

320

Париже, а у нас в период революции оживленно проходят <танцульки> во время непрерывных расстрелов и грабежей.

Нечто аналогичное можно видеть в том, как заключенные Парижа, над которыми уже висел дамоклов меч гильотины, без всякой меры предавались любовным похождениям. Вот, например, как описывают со слов современников жизнь в тюрьме консьержеров^1 Парижа Кабанис и А. Насс: <Пройдя первую решетку, а их было в общем не менее четырех, вы попадали в пространство, окруженное кругом железными цепями. Здесь допускались свидания с посетителями, но обыкновенно к заключенным приходили одни женщины, их и принимали, конечно, всегда приветливее... здесь, по словам одного из современников, мужья становились любовниками, а любовники удваивали свою нежность. Было без особого договора условлено не обращать более внимания на законы общественных приличий годные, конечно, лишь тогда, когда возможно отложить изливание нежностей до другого, более удобного, случая и места. Беззастенчиво раздавались направо и налево нежнейшие поцелуи. Под покровом сумерек или просторного платья обменивались смело изливаниями нежности, удовлетворялись самые горячие порывы. Подчас эти восторги прерывались видом несчастных, только что приговоренных к смерти, которых проводили через этот же дворик из залы судебных заседаний трибунала. Тогда на минуту кругом воцарялось гробовое молчание, все испуганно переглядывались, а потом... потом снова раздавались нежные слова, поцелуи, горячие объяснения, все принимало прежний вид, все незаметно шло опять своим чередом.

Под главным входом наблюдалось почти то же. Вдоль длинных скамей по стенам сидели мужья с женами и любовники с любовницами, все обнимались и ласкались с таким же спокойствием и радостью, точно они возлежали на ложе из роз. Иные лишь изредка плакали и стонали.

Во флигеле тюрьмы происходила игра амура с не меньшей интенсивностью. Днем заботились о туалетах, и все принаряжались и прихорашивались, а вечером любовь снова вступала в свои права. Все дисконтировалось^* в ее пользу: вечерний сумрак, тень проносившегося облака, утомление стражи, надзирателей, скромность и сон остальных заключенных>^.

На принципе компенсации или замещения основывается и процесс сигнализации и применение так называемой символики. Необходимо иметь в виду, что всякое сообщничество^* создает основание для развития способности сигнализировать один другому. Первичное сигнализирование есть примитивный язык мимики. Эффект испуга, испытываемого одним индивидом, есть уже сигнал об опасности для другого. Крики отчаяния являются призывными криками о помощи и т. п. Мимика полового возбуждения есть опять-таки своего рода сигнал, приводящий в соответствующее возбуждение индивидов другого пола. Стрекотание кузнечика, щебетание и крики птицы, лай собаки, бляение овцы, топанье кролика, мычанье коровы, ржанье лошади, взвизгивание и другие звуки макаки – все это суть звуковые сигналы, лежащие в основе языка животных^*, вполне понятного другим

животным того же вида и достигающие у человека развития сложной членораздельной речи.

Эти сигналы, конечно, не всегда бывают звуковые: они могут быть также световые, например фонарь, у светляков, покраснение или посинение кожных придатков у некоторых животных, механические, как например движение усиков у муравьев и других придатков у насекомых, выразительные позы и движения у многих животных, жесты у человека, пахучие – в виде отделений у животных в периоде Течки и спаривания и т. п. Но всегда и везде они

^ Кабанис П., Насс А. Революционный невроз. С. 132.
21 В. М. Бехтерев

321

служат характеристическими признаками определенного состояния животного – сигналом или знаком его состояния для других, и в этом их значение.

<Когда олень вскидывает голову кверху, все другие олени делают то же самое. Это есть знак, он означает: "слушай". Если первый олень не видит предмета, привлечшего его внимание и кажущегося ему подозрительным, он испускает низкий звук. Это есть слово, оно означает "осторожность". Если он видит затем, что предмет не только подозрителен, но и опасен, он делает дальнейшее употребление языка – интонацию: вместо низкого звука "слушай", он испускает резкий громкий крик, означающий "бегите, спасая свою жизнь". Отсюда природа языка: знак или жест, звук или слово, и интонация>^.

Нечего говорить, что чем животное выше по развитию, тем его сигналы многосложнее. Возьмем для примера собаку. Уже в лае собаки Ч. Дарвин отметил от 4 до 5 видоизменений. Но ведь собака выражает свое состояние не одним лаем, но и ворчанием, визгом, а также движениями хвоста, ушей, мимикой лица, движением всего туловища, выражением глаз и т. п. Здесь язык уже настолько разнообразен, что передает многие тонкости внутреннего состояния собаки, которые не могут быть передаваемы например, птицей. У обезьян имеется до 6 видоизменений голоса* и уже примитивный язык, служащий для обозначения определенных предметов, помимо весьма разнообразного языка телодвижений.

Человеческая речь, возникшая путем эволюции из примитивного языка звуковых рефлексов, жестов и мимических движений – есть прямой продукт социальности и развилась благодаря непрерывному общению людей друг с другом, без чего никакой сигнализации в форме речи не могло бы быть и помину. Во всяком случае ряд фактов говорит за то, что эта способность к сигнализации в отношении примитивных мимических и звуковых рефлексов не наследственна и, следовательно, не прирождена, другая же часть приобретает опытом в форме высших или сочетательных рефлексов." " Человеческая речь во всяком случае является приобретенной путем опыта. В пользу этого может быть прежде всего приведен факт, что глухой от рождения всегда в то же время оказывается и немым, но он заменяет недостающую речь обилием жестов^.

С другой стороны, слепой от рождения беден жестами и мимикой, но богат интонацией голоса. Человек, лишенный общения с себе подобными от рождения, как Гаспер Ганс, лишается развитой речи. Наконец, человек, рожденный от родителей одной нации и перевезенный в младенческом возрасте в другую страну, приобретает речь этой страны, не сохраняя никаких

следов речи своих родителей.

Достоин внимания, что язык жестов и пантомимика развиваются под контролем зрения, язык звуков – под контролем слуха. Между прочим указывают на значительное сходство между жестами и пантомимическими движениями глухонемых и первобытных народов, и это оттого, что у последних, как и у первых, при ограниченности звукового языка жесты и пантомимические движения представляются хорошо развитыми.

Даже и жесты, употребляемые для сокращения, тождественны или сходны в обоих случаях, как сходны эти движения и у различных народов. Все это было бы загадочным, если бы не объяснялось тем, что эти жесты и пан-

^" Дрюммонд Г. Эволюция человека. С. 181. Цит. по Рибо Т. Эволюция общих идей. М"

1898.

^° См.: Бехтерев В. М. Биологическое развитие мимики // Вестник знания. 1910. № 1, 3, 4.

^^ Имеются и опытные данные, из которых видно, что глухие животные утрачивают способность издавать звуки. В опытах, произведенных в нашей лаборатории над собаками (доктор Ларионов), при развитии глухоты после удаления височных долей оперированные животные с течением времени утрачивали и способность к лаю.

322

томимические движения являются воспроизведением движений изобразительных, указывающих и др., которые не могут быть различными у различных народов, ибо относятся к одинаковым внешним объектам.

<Маллери устроил свидание индейцев из Утахи с одним глухонемым, который передал им длинный рассказ об одном воровстве, после чего вступил с ними в разговор: оказалось, что обе стороны прекрасно понимали друг друга> ^.

Как упомянуто, глухонемые, обходясь без слов, развивают до высшей степени свою мимику и жесты, благодаря чему они легко понимают друг друга и, не будучи обучаемыми, пользуются, в конце концов, более или менее одинаковыми изобразительными и указательными жестами, доступными также и пониманию людей здоровых. Их жесты образуют собою и терминологию, или обозначения, и упрощенный синтаксис. Причем последний состоит в порядке следования жестов друг за другом и в их определенном сочетании.

В виде примера, скажем, что, например, ребенок обозначается жестом, указывающим маленький рост, а младенец жестом, указывающим на кормление грудью, ношение на руках и укачивание. Собака обозначается движением головы с движением рта наподобие лая и т. п. Потерять обозначается жестом, показывающим урон вещи и тщетное ее отыскивание, забыть обозначается проведением руки по лбу и пожиманием плеч. Полюбить обозначаются приложением руки к сердцу. Ненавидеть одинаковыми жестами с отрицательным киванием головы и т. п.

Что касается синтаксиса, то, по исследованиям ряда авторов (Скотт, Тейлор, Роменс и др.), в нем нет частей речи или терминов определенного лингвистического значения, а он построен исключительно на порядке расположения знаков-жестов, причем знаки располагаются в порядке их относительной важности, а именно: подлежащее располагается впереди сказуемого, дополнение раньше действия – глагола, а изменяемое раньше изменяющего, все же лишнее опускается. Например, для выражения: я прибил такого-то палкой, жесты следуют в таком порядке: я – такого-то – бить – палка, а для выражения: я был побит таким-то палкой – порядок жестов будет следующий: такой-то-я-бить-палка. Этот синтаксис, конечно, крайне беден и едва ли может быть сравниваем даже с ограниченным синтаксисом слабоумных. К тому же, как и для последних, для таких необученных глухонемых в большинстве случаев остаются совершенно недоступными нравственные, религиозные, космологические и метафизические понятия. Однако, глухонемые не лишены творчества ^.

Почему именно человек развил преимущественно звуковой язык? Я уже говорил в другом месте об анатомических условиях, содействовавших развитию языка звуков ^. Но все же нельзя не указать здесь на особые преимущества языка звуков перед языком жестов, которые дали определенное направление символизму человека в виде преимущественного развития звукового языка.

Есть основание думать, что первоначально человек имел возможность пользоваться тем и другим языком, однако преимущество в дальнейшем развитии осталось за языком звуковым, и этому содействовали следующие условия. Язык жестов занимает руки, мешая заниматься с помощью их другими делами, в темноте он не передается, как не передается за препятствиями, например, в лесу, и через большое расстояние. Затем, жесты и пантомимика исключительно подражательного происхождения, вследствие

^ Рибо Т. Эволюция общих идей. С. 74.

^ См: там же. Отдел IV. Аналитические жесты. С. 70–78.

См: Бехтерев В. М. Объективная психология. Вып. 1/3.

323

чего они связаны с конкретными раздражениями и мало приспособлены для обобщений, хотя и нельзя отрицать, что дальнейшее развитие языка жестов могло бы выработать знаки для обобщения. Имеющиеся жесты для сокращения уже служат указанием на возможность такого развития. С другой стороны, звуковая речь допускает развитие и крайне тонкую дифференцировку в отношении внешних звуковых раздражений и проявлений голоса и звуков в отношении как интонации, так и сложности звуков, и все это при минимальной затрате сил.

Письменная речь первоначально уподоблялась языку жестов по своим изобразительным приемам (так называемое идеографическое письмо). М. Мюллер приводит ряд примеров, очень поучительных в этом отношении. Сходство здесь обнаруживается в отношении и обособления терминов, и известного порядка, и конкретных изображений самих действий. Он указывает на одно письмо туземца Каролинских островов капитану испанского судна: наверху нарисован человек с вытянутыми руками (просьба), налево внизу предлагаемые предметы: 5 раковин больших и 7 маленьких различной формы, направо – прямо против – изображены вещи, которые испрашиваются в обмен: 3 больших и 4 малых удочных крючка, два куса железа и два топора ^.

Сигнализация имеет огромное значение не только в коллективной жизни человека, но и в коллективной жизни животных. Стая птиц спокойно собирает свой корм, пока сторож их не вскрикнет и не даст сигнала взмахом крыльев, чтобы все летели прочь от приближающегося врага.

То же известно и относительно четвероногих животных, живущих стадами. Как известно, все стадо следует указаниям своего вожака, сигнализирующего в известных случаях всем, как следует поступать.

Символизм человека, кроме письма и рисунков, сводится к следующим формам:

- 1) нечленораздельные звуки в форме простых рефлексов;
- 2) звуки такие же нечленораздельные в форме сочетательных рефлексов;
- 3) звуки членораздельные как дальнейшее развитие сочетательных рефлексов в форме звукоподражания;
- 4) звуки членораздельные как дальнейшее развитие сочетательных рефлексов путем приставок, осложнений и суффиксов (речь);
- 5) рефлекторная мимика и жесты, например, плач, смех и другие, как результат кожных раздражений, защитные движения рук при закрывании ими лица и глаз, отдергивание руки от резкого раздражения;
- 6) мимика и жесты в форме сочетательных рефлексов;
- 7) пантомимические жесты как воспроизведение действий (указывающие, изобразительные и пр.).

Что касается значения сигнала в общественных условиях человеческой жизни, то как и в индивидуальной жизни оно приобретает путем опыта и упражнения входящих в коллектив индивидов.

Крик отчаяния по общему опыту обозначает несчастье, стрельба, опять-таки по опыту всех, имевших дело с оружием, сопровождается тяжелыми жертвами. Этого достаточно, чтобы и без действительного несчастья и без всяких жертв то и другое имело свои обычные последствия для толпы, т. е. панику в одном случае, ответные выстрелы в другом случае.

Набатный колокол раздается, как всем известно, в случае пожара, требующего помощи, с другой стороны, известно, что благовест раздается в начале церковного богослужения. Вот почему и тот, и другой служат сигналом для выхода из дому – в одном случае на пожар, в другом случае в церковь. Совершенно аналогичные условия мы имеем и во всех других случаях.

^^ Рибо Т. Эволюция общих идей. Раздел <Язык>.

324

В жизни человека сигнализация осуществляется, можно сказать, на каждом шагу.

Допустим, что происходит обучение войск. Все ждут сигнала. Вот раздается команда, и войсковой коллектив, остававшийся в выжидательном состоянии, вместе с командой приходит в движение. По условленному сигналу в виде

приказа начинается и сражение на войне, где и все дальнейшее развивается согласно даваемым сигналам.

Возьмите пожарную команду. Сигнал, данный с башни, взбудораживает массу пожарных, и каждый устремляется к своему делу. Один миг, и все готово к выезду на пожар, где опять приводят в действие массу лиц слова команды, играющие роль сигналов. Нет последних – и пожарная команда отдыхает до тех пор, пока не услышит нового пожарного сигнала, призывающего к исполнению обязанностей.

Другой пример, когда вы имеете танцующую массу лиц на балу. Пока она прогуливается по залу, болтая друг с другом. Но вот началась музыка. Она служит сигналом, и вы видите, как из толпы выделяется одна пара за другою, начиная танцы под музыку.

Дальше, вы находитесь в театре и ждете представления. Публика еще не собралась, но в назначенное время появляется среди оркестра капельмейстер. Он поднимает свою палочку вверх, что является сигналом для музыкантов, а для публики моментом, возбуждающим напряженное сосредоточение. Но вот поднимается занавес, начинается самое представление. Выходящие на сцену лица начинают говорить, обращаясь друг к другу, а иногда в сторону, к публике. Для всей этой сценической массы лиц имеется свой сигнал, который однако остается незамеченным для публики. Этот сигнал дается из суфлерской будки и заключается в указании в соответствующий момент фраз, которые должны быть произнесены, и в напоминании действий, которыми должна сопровождаться сцена.

Посмотрите затем, как начинает свое пение хор. Раньше всего выступает регент¹*, он дает сигнал в виде камертонного звука, затем дается жест рукой, и хор начинает пение. В другом случае хор начинает петь со взмаха дирижерской палочки или с началом музыки, или, наконец, вслед за окончанием начальной песни. Все это суть сигналы, которые немедленно влекут за собою определенный род коллективных действий.

Перейдем к коллективным гимнастическим упражнениям. Что обеспечивает согласованность действий массы лиц, производящих сложные гимнастические упражнения? Опять – таки команда или сигнал, обозначающий начало действий.

Допустим, вы находитесь в школе, где масса юношей привлечена к коллективной умственной работе. Все они во время рекреации² бродят по коридорам, шумя и крича. Но вот дается звонок, и все устремляются в классы, чтобы занять места. Прошло несколько более 3/4 часа, и новый звонок обозначает начало перемены, когда урок кончается. В самом классе при общей работе, например при диктовке, которую должны выполнить ученики, учитель дает сигнал, с которого и начинается коллективная работа.

Вы присутствуете при общественных играх и опять вы встречаетесь с тем, что каждое коллективное действие, хотя бы соревнование в беге, начинается по определенному сигналу.

Вы находитесь на скачках, и опять начало скачек обозначается определенным сигналом.

Вы смотрите на коллективные действия рабочей артели, и здесь вы видите, что согласованность в общей работе достигается в известные периоды

командой или пением рабочей песни.

325

В больших коллективах звонок будит всех, призывает к столу, к занятиям, ко сну. Словом, сигнал играет важную роль всюду там, где нужна согласованная коллективная деятельность.

Во всех вышеприведенных случаях мы имеем дело с организованным коллективом, где самый сигнал является заранее условленным и привычным знаком. Но и в неорганизованных коллективах сигнал получает аналогичное значение. Так, в толпе, находящейся в тесном помещении, один крик: <пожар!> может послужить сигналом к развитию паники. В больших собраниях часто от шума и разговора ничего не слышно, но достаточно подняться председателю из-за стола и взять в руки звонок, как собрание стихает.

С другой стороны, находясь в толпе, достаточно крикнуть: <Держите вора!> как за бегущим в погоню устремится несколько лиц.

Провокаторский выстрел нередко служит началом уличного побоища и ведет к междоусобной бойне вооруженных лиц.

Набатный колокол сзывает людей на пожар. Благовест ^{^*} призывает народ в церковь к молитве.

Крик отчаяния в толпе приводит ее в движение.

В больших собраниях, когда принимается то или иное решение, следовательно, когда коллектив должен выразить определенное отношение к какому-либо событию, одно слово председателя и множество поднятых рук обозначают решение собрания в ту или другую сторону.

Как можно видеть из приведенных примеров, сигнал является необходимым условием в различных случаях коллективной деятельности. Он является в некоторых случаях предупреждающим знаком, побуждающим в коллективной деятельности к наступлению или к обороне. В других случаях он является в то же время и средством для согласования коллективной деятельности, без чего она не могла бы даже осуществляться. В третьих случаях он определяет конец общего действия.

Отсюда ясно все значение сигнализации в коллективной деятельности, где сигнал приобретает, быть может, еще большее значение, нежели в жизни отдельного индивида, ибо без него не только жизнь массы лиц могла бы подвергаться естественной опасности, но и самая коллективная деятельность во многих случаях представлялась бы неосуществимой.

Заметим здесь же, что с развитием способов сигнализации связан и вопрос о социальной наследственности, благодаря которой опыт отдельных индивидов одного поколения передается индивидам следующего поколения, и таким образом устанавливается та социальная преемственность во времени, которая обуславливает и историческое развитие общественных начал [^].

Далее, сигнал или знак в общественной жизни играет роль символики и собственно жесты и словесная речь в конце концов представляют собою не что иное, как символы реальных явлений внешнего мира или определенных отношений и действий. В жизни цивилизованных народов символика или символизм играют и помимо речи чрезвычайно широкую роль благодаря

чему создается целый ряд искусственных символик, часто имеющих то или другое историческое происхождение.

Так, регалии царской власти, знаки отличий, гербы и прочее – все это есть не что иное, как выражение общественной символики. Символизм проявляется вообще всюду в общественной жизни, как например, в обычаях, идущих из старины, в религиозных обрядах, в так называемом языке цветов и даже покрое платья, в украшениях и т. п.

Некоторые из явлений символизма передаются из рода в род как бы по привычке, утратив свое первоначальное значение.

^^ Бехтерев В. М. Социальный отбор.; Бехтерев В. М. Значение гармонизма.

326

Так, сожжение костров в Иванов день"*, являясь пережитком старины от времен идолопоклонства, в настоящее время утратило уже свой первоначальный смысл. Напротив того, некоторые из свадебных обычаев, до сих пор еще удерживающиеся в народе, не потеряли своего символического смысла и поныне.

Вся обрядовая сторона религии, производимая на общественных богослужениях, полна символического значения, и нет ни одного шага священника при церковном богослужении, который не символизировал бы то или другое событие из жизни Иисуса и его учения.

То же самое должно быть сказано и о всех вообще церемониях и обрядностях общественного характера, как, например, общественных торжествах, общественных танцах, общественных церемониях, общественных похоронах, общественных играх и т. п. Везде и всюду мы встречаемся с общественной символикой в самом разнообразном ее проявлении. Между прочим полон символики и придворный этикет, основанный на обоготворении коронованной особы и возвеличении ее до степени кумира. <Одним из таких кумиров, которым воздавались божеские почести, перед которыми воскурялись фимиамы, и приносились жертвы, фимиамы словесловий и лести, а в жертву разум и совесть, человеческое достоинство и честь, во всех странах и во все времена был носитель верховной власти. От незапамятных времен древнего Египта, где фараон был <царь и Бог>, через ряд веков тянется эта традиция фараонизма, обоготворения владыки, и в эллинистическом царстве Птоломеев, и в Римской империи, а в новой форме и позднее в христианской Европе .во времена абсолютизма.

Не делали ли из монарха заместника Бога на земле? Не приписывали ли его власти божественное происхождение? Не называли ли царя земным Богом? Не восклицал ли Боссюэт: <Короли – вы боги>! и не называл ли их <Христами> в качестве помазанников божиих? Не были ли в ходу в качестве официального эпитета <обожаемый> и в применении к монарху? Не началась ли его особа как <священная>? В таких чувствах к предрержавшей власти не воспитывались ли длинные ряды поколений, и не входило ли это в закоренелую привычку?^^

Но это обоготворение владыки распространяется и на собирательную власть народа, за которую еще Ж. Руссо признал неограниченность и непогрешимость.^ На народную власть также распространяется раболепие, которое проявляется пред владыками монархической эпохи.

Вот как, например, в одной газетной статейке из времен начала русской революции было высказано словословие новому народному верховенству (выписываю эту выдержку из статьи Н. Кареева): <Его величеству народу, торжествующему и гордому, мудрому и могущественному народу богатырю, народу подвижнику, народу праведнику, народу сияющей совести, народу пророку, учителю всех народов, и т. п. Да, мы русский народ восхваляем здесь, как "праведное и чистое на путях к царству Божию". Слава тебе, слава тебе, русский народ, загадочный и светлый, как Тот, благословение которого осеняет все твои грядущие пути. Слава народу-Спасителю, слава народу, хранящему в недрах своих сияющее откровение для целого мира. Слава народу, который будет учителем и любовью всего смятенного, мятежного и не находящего покоя и радости на земле человечества> . В едином народном разуме автор, между прочим, признал <внутреннее

" Карем Н. II Наш век.

^* См.: Руссо Ж. Об общественном договоре или начале политического права: Отрывок из

исповеди: Пер. с фр. М., 1906.

"*" Карие Н. II Наш век.

327

приближение к образу и подобию того совершенства, которое являет собою цель духовных устремлений от первого дня создания> "°.

Скажут, что это обожествление представляет собою взгляд одного человека. Нет, этот текст был помещен в одной из очень распространенных газет, очевидно, для сведения массы читающей публики. В этом же роде произносились речи на митингах, обоготворявшие народную власть или по крайней мере устанавливавшие ее непогрешимость.

Мало того, даже читались лекции о пророческом предсказании еще в библейские времена относительно русской революции на тему <Что значит великий шум из страны северной?>.

Это тема неоднократно повторялась одним из членов ордена <звезды восточной> и собирала огромное стечение публики. Да и дело обоготворения народной власти не ограничивалось одними газетными и лекционными дифирамбами.

Керенский, олицетворявший собою власть, как народный избранник в первый период русской революции на самом деле держал себя как верховный и самодержавный вождь народа, пред которым должны были происходить те же церемонии, как и пред настоящим верховным наследственным владыкою <божию милостию>. Ему принадлежали все прерогативы неограниченной власти, ибо в критические моменты русской революции все министры отдавали ему свои портфели, предоставляя ему неограниченное право распоряжаться их судьбой. Нечего и говорить, что и помещение для нового владыки потребовалось то же самое (Зимний дворец), которое занимали в дореволюционное время цари.

Но символизм проникает и в нашу обиходную жизнь в виде преклонения и лести пред власть имущими и великими и в виде условной вежливости при всех отношениях с лицами, хотя бы и низшими по положению и достоинству, исключая своих семейных, где ни этикету, ни условной

вежливости нет места ввиду полной их бесцельности.

Значение символов в общественной жизни, однако, не ограничивается и этим, ибо символика проявляется также в скульптуре, в архитектуре, в живописи, в литературе и в поэзии как отражения общественной жизни. Даже мимика и манера держать себя полна символизма, который нетрудно открыть при самом поверхностном анализе явлений.

Социальное единство как всякий сложный объект может символизироваться и обычно символизируется своим знаменем, знаком, эмблемой, например, зеркало ^{^*}, форменная одежда, флаг и пр. В роли символа может оказаться и лицо или даже группа лиц, например, президиум, командный состав и т. д., являющиеся выразителем или представителем данного коллектива. Этот же символ часто оказывается в известной мере и посредником в отношении единства, своего рода цементирующей связью для многих членов сообщества, ибо он напоминает о принадлежности их к данному сообществу и обязывает их к определенному поведению и солидарности в согласии с интересами сообщества. Об этой цементирующей роли символов говорит и П. Сорокин в своей работе [^].

Далее, геральдика, различные значки и ордена, те или другие наглядные указатели, различные церемонии религиозные и светские, наконец, местные танцы, даже игры и торжества, разве не полны общественной символики?

Ввиду того, что те или иные символические знаки благодаря установленным обрядностям олицетворяют собою всю сумму исторических фактов, они получают могущественное влияние на умы как своего рода фетиши. Примером может служить стяг полка. Я вспоминаю, как во время мировой

[°] Там же.

[^] См.: Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. С. 322–323.

328

войны одна из русских сестер милосердия случайно подобрала на поле битвы, уже захваченном немцами, знамя полка, разбитого вместе с другими частями отряда генерала Самсонова в Восточной Пруссии, и затем, сохранив его при себе во время пленения и, будучи впоследствии отпущенной, с необычайными предосторожностями провезла его через Германию и другие страны. И вот, в тот момент, когда она вместе с другими сестрами, отпущенными благодаря состоявшемуся соглашению, перешагнула через нашу государственную границу с Финляндией, то я, случайно сидя в одном вагоне, мог воочию убедиться в действии этого фетиша на умы военных. Когда сестра развернула спасенное ею знамя из окна вагона, то несколько военных бывших на перроне и не имевших никакого отношения к погибшему полку, реагировали на это знамя буквально как на святыню. Одни из них, смотря на него, крестились, другие плакали, отирая слезы платком, третьи припадали к нему, чтобы с благоговением целовать лоскуты знамени.

Нет надобности говорить, что сама сестра считала себя героиней, которая должна лично передать знамя в руки государя. Такова сила символа, олицетворяющего мощь полка как боевую единицу в его историческом прошлом и настоящем. Знамя перестает быть предметом, это даже не простой символ, это нечто священное, за что отдают жизнь, не задумываясь, и почитают за особое счастье нести во время битвы, подвергая себя величайшей опасности и притом без малейшей возможности самому защититься.

Подобное же обоготворение мы имеем в религии кусков дерева (австраллийские чуринги)^{^*}, камней, скал, растений, животных (тотемические животные, почитание быков, крокодилов, ибисов в Египте и т. д.)>. Не менее знаменательно почитание предметов вроде <гербов, судебных зеркал, орденов, амулетов, мундиров (<честь мундира>), икон, крестов, статуй мадонны, папской туфли, мощей и бесчисленного множества всяких "реликвий" во всех областях жизни "[^]

Как велико стремление толпы к символизму показывает между прочим устройство новых празднеств со стороны Конвента во время великой революции во Франции и появление тогда же нового культа Разума. При этом замечательно, что эти празднества являлись как бы копией древних церковных обрядов полных аллегории, до такой степени символизм является своего рода необходимостью для народных масс.

Вот, например, как устраивался при большом стечении народа типичный праздник торжества Разума в соборе Парижской Богородицы 20 брюмера II года, в 10 день декабря 1793 г.

<Посреди храма была воздвигнута гора, скрывавшая церковные хоры. На вершине ее был устроен круглый портик в греческом стиле с надписью на фасаде "философия". С каждой стороны его украшали бюсты ее апостолов: Вольтера, Руссо, Франклина и Монтескье. На склоне горы пылал священный очаг истины. Под звуки музыки две группы девушек в трехцветных поясах, увенчанные цветами, и с факелами в руках пересекают гору, встречаются у алтаря, и каждая преклоняется пред божественным пламенем. Затем из храма выходит женщина, олицетворенная красота, в белом платье и красном головном уборе. Это воплощение свободы, пред которой преклоняются все республиканцы при пении хвалебной кантаты>[^]".

Вся вообще обрядность в разных общественных учреждениях опять-таки является доказательством значения символизма в народных массах. Даже в период революционного гонения на церковь устройство 7 мая гражданских похорон в Петрограде многим ли отличается по форме от церковных похорон? А все формы чинопочитания и разные церемонии в мирное время в вой-

" Там же. С. 186.

[^] Кабанис П., Насс Л. Революционный невроз. С. 332-333.

329

сковых частях и во время празднеств по тому или иному случаю разве не проникнуты символизмом от начала до конца?

Словом, жизнь коллектива полна символизма и это потому, что символ облегчает усвоение сложных соотношений путем их замещения сравнительно простыми и легко воспроизводимыми знаками, часто имеющими историческое значение.

Наконец, и важнейшие действия отдельных исторических личностей являются предметом символизма для последующих поколений. Подвиг Прометея сделался символом мученичества за истину, подвиг Иисуса явился символом кротости и терпения. Отвага Святослава явилась символом храбрости, походы Наполеона, Суворова и других явились символами военного искусства. Стоицизм древних, учение эпикурейцев, поведение киника Диогена – все это для позднейших времен превратилось в символизм.

Таким образом все значительные, чем-либо выдающиеся подвиги отдельных лиц, переживая себя в истории народов, переходят в нисходящих поколениях в символические формы. Даже выдающиеся события приобретают форму символизма для потомков, например <Седан>, <Цусима> <Панама> и др.

С явлениями компенсации мы встречаемся и в народном творчестве в виде так называемой персонификации, наблюдающейся по отношению к той или другой абстракции. Уже в религиях мы встречаемся везде и всюду с персонификацией божества, замещающего собою ту или иную абстракцию. То же, очевидно, мы имеем и в целом ряде народных легенд.

По словам Pareto, <высшая степень персонификации существует там, где дается имя абстракции, однообразию, чувству, и таким образом последнее трансформируется в объективных индивидов. Затем персонификация прогрессирует, превращается в антропоморфизм. Присоединяя к таким персонификациям признаки пола, ее делают еще более конкретной. Такие персонификации рождаются сами собой помимо участия сознания> "\ Таким образом язык и символические обозначения являются необходимым средством персонификации, и достаточно бывает дать имя какому-либо абстрактному понятию, чтобы привести его путем замещения к персонификации и антропоморфизму. Такова персонификация в народных сказаниях <Горягоремычного>, <Зависти> и т. п. В древнем мире тот же процесс персонификации привел к созданию таких богов, как Fortuna и Victoria. Но кроме них в Риме, по словам Boudain'a ^, существовал еще целый ряд менее известных богов и богинь, как Aeguitas, Bonus eventus, Concordia, Copia, Disciplina, Fama, Felicitas, Fides publica, Gloria, Hronos, Juventus, Libertas, Mens, Pax, Pietas, Prosperitas, Providentia, Salus generis humani, Sanctitas, Vertus. Нет надобности говорить, что персонификация той или иной абстракции достигает полноты своего развития, когда вместе с этим создается легенда, которая конкретизирует абстракцию не только в определенной личности, но и в ее действии.

Фетишизация и обоготворение людей общеизвестны. Здесь играет роль не только положение, с которым уже исторически связывается ореол славы, власти и т. п. (например, обоготворение царей), но и успех в действиях (например, обоготворение полководца, правителя, демагога и т. п.). Примеров такого обоготворения можно было бы привести множество. Сюда относится культ римских императоров, культ непогрешимого папы и т. п. А вот образчик обоготворения своих королей зулусами. В их письме королю значится следующее: <О Pedsulu царь царей, царь небес! Что земли в присутствии нашего великого царя? Что становится с силой лесов перед великим Слоном? Своим хоботом он отсекает ветви деревьев... Его дыхание

^ Panto V. Traite de sociologie generate. P. S. a. Vol. 12.

^^ Boudain. Les cultes paiens dans l'emp. tot. S. L. S. a. P. 415-416.

на лице врагов как огонь, падающий на высохшую землю. Враги пожираются огнем перед лицом царя царей. Будучи сам отцом огня, он подымается в небесную лазурь: он посылает свои молнии в облака и принуждает дождь спуститься с них. Горы, леса и вы, зеленеющие поля! Услышите голос сына Маггобана, царя неба>^.

Можно было бы привести немало и других аналогичных примеров обоготворения царей восточных стран, но и вышеуказанных достаточно, чтобы показать, как личность при известных условиях замещает в глазах того или

другого коллектива нечто такое, что приравнивается божеству.

XXII. ЗАКОН ЗАВИСИМЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мы не будем здесь останавливаться на значении закона зависимых отношений в неорганическом и органическом мире, где все находится в определенных отношениях друг с другом.

<От следствия мы восходим к его непосредственной причине, эта причина, в свою очередь, представляет следствие и т. д. Эта неопределенно длинная цепь причин и действий, следующих друг за другом, – цепь, в которой наблюдаемое ныне явление представляет лишь одно звено, представляет по существу своему линейный ряд. Бесконечно большое число подобных рядов может существовать одновременно, эти ряды могут скрещиваться, так что одно и то же явление, если в возникновении его участвовало несколько различных явлений, входит следствием в несколько рядов следствий, которые с этого исходного момента, им всем общего, будут в дальнейшем оставаться различными и совершенно друг от друга оторванными> ^.

Мы займемся здесь лишь событиями общественного порядка, составляющими существенный предмет нашего рассмотрения.

Нет ни одного общественного движения, которое в своей исторической жизни не являлось бы следствием предшествующих событий. Дело в том, что развитие общественной жизни всегда идет в определенной последовательности как следствие вытекает из причины.

Правильность установления этого закона видна из того, что везде, где общественное движение задерживается, можно доказать внешние или внутренние причины этого задерживания, и, с другой стороны, везде, где общественное движение, раз развившись, с течением времени изменяет свое направление, опять-таки могут быть доказаны причины этого изменения направления.

Если действия отдельных лиц <причинны> и обусловлены преемственно передающимися влияниями одних лиц на других, то ясно, что и все исторические события имеют подобную же <причинность> и преемственность.

И действительно, путем исторического анализа нетрудно убедиться в том, что современные нам события началом своим имеют человеческие действия в прошлом и, преемственно исходя от современных событий к прошлому, мы дойдем до времен доисторических, причем, строго говоря, корни современных событий придется относить к первоначальной эпохе человеческой жизни и даже еще далее в глубь веков.

Как известно, уже целый ряд авторов, начиная с Аристотеля и кончая Марксом, Энгельсом и позднейшими социологами и экономистами, ставили вопрос о соотношении различных явлений общественной жизни и старались выяснить закономерность и взаимную обусловленность различных общественных явлений.

^ Ковалевский М. М. Социология. Спб., 1910. Т. II. С. 194–195.

^^ Colirnot A. A. Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caracteres de la critique philosophique. P., 1851. Т. 1–2.

Одним из наиболее продуктивных и точных методов в этом отношении является метод статистический, благодаря которому уже выяснен целый ряд взаимоотношений общественного характера, как например, определенное взаимоотношение между развитием преступности и социальным неравенством, дороговизной жизни и целым рядом других условий, между дороговизной продуктов и размерами заработной платы, между размерами обезземеления и ростом рабочего класса, между рождаемостью и смертностью и т. п.

Другими научными методами выяснения закономерности общественных явлений служат данные генетической социологии ^{^*}, которые показывают развитие социальной жизни и выясняют правильную смену одних явлений другими. Этим путем оказывается возможным выяснить определенную закономерность в отношении самостоятельности каждого общества, имеющего право на самостоятельность, и в отношении развития брака и семьи, и в отношении развития определенных сторон экономической жизни и тех или других форм организации власти и правовых норм, а также закономерности между средствами существования и численностью населения, установленного Кондорсе и Мальтусом, между разделением общественного труда и расслоением общества на группы и классы, между господствующим классом и организацией власти. Статистический метод, как и метод генетической социологии, дает возможность даже предвидеть события социальной жизни и устанавливает зависимость одних явлений от других.

Возьмем еще раз пример голода в стране, когда поведение народных масс подчиняется всем последствиям, неизбежно вытекающим из этого фактора. В этом случае все устремления народных масс направляются на добычу пищевых продуктов. Дело идет прежде всего о возможной экономии продуктов потребления населением, об их более равномерном распределении и об интенсификации добывания продуктов путем усиленного развития сельского хозяйства и огородничества и изобретения всякого рода пищевых суррогатов. Так как коллективное сосредоточение определяется тем же фактором, то в результате это сказывается не только в действиях, но и во всех разговорах и везде, где угодно, главным предметом беседы является вопрос питания, размеров пайка и т. п. Таким образом речевые рефлексы подчиняются тому же самому фактору, и люди склоняют словесные обозначения голода, пайка и пищевых продуктов повсюду и во всех падежах. Но мало этого, сама власть как руководитель коллектива подчиняется тому же фактору и вмешивается в личную жизнь, подчиняя ее в наибольшей мере интересам всего коллектива, главным образом, в вопросах питания. Благодаря этому вводятся ограничительные меры к вывозу продуктов питания и изыскиваются способы приобретения продуктов на стороне, производится государственное или общественное распределение продуктов, коммунизация ^{^*} хозяйства, вводятся поощрительные мероприятия к интенсификации агрокультуры и скотоводства и т. п.

Но если эти все меры недостаточны, то естественным последствием является эмиграция части населения, организованные нападения на соседей в виде разбоев, войн и походов с целью захвата продуктов питания в обмен на другие продукты и обращения завоеванных стран в свои колонии. Наконец, внутри страны происходит выравнивание пользования имуществом не только путем насильственной коммунизации продуктов питания, но и путем развития грабежей и воровства и, наконец, путем восстаний обездоленных классов населения с целью достижения власти и обстановки себя лучшим обеспечением продуктами питания и другими

благами. Нечего говорить, что все эти неизбежные последствия голода могут быть выявлены на основании целого ряда документальных данных и выведены в цифрах на основании собранного статистического ма-

332

териала. Как известно на основании статистики, дело идет об ограничении роста населения в период голода путем уменьшенного Количества рождений и повышения смертности – этого нелицеприятного показателя общественных бедствий, безразлично, будет ли это увеличение смертности, обуславливаться развитием эпидемий и повышенной болезненностью населения или же повышенным количеством убийств и самоубийств, обыкновенно сопутствующих развитию в стране голода ^.

Если мы будем иметь фактор иного рода, например, половую неудовлетворенность коллектива, вследствие, например, неравномерного распределения полов, то мы будем иметь опять-таки полную зависимость от этого фактора поведения народных масс в соответственном направлении, а именно: усиленные разговоры на половые темы среди неудовлетворенной части населения, ограничение в пределах возможности половых сношений, замена их такими суррогатами, как онанизм, гомосексуализм и устремление народных масс в сторону возможного регулирования брачных отношений, например, полигамии при избытке женщин, многожужия при избытке мужчин, применение различных мер внутреннего порядка, например, обязательное брачное сожителство, как это применялось иногда между осужденными на длительные каторжные работы или поселение в безлюдных местах (о. Сахалин), похищение и умыкание женщин из соседних областей, даже массовое нападение с этой целью на соседей (известное в римской истории похищение сабинянок) ^*, массовое изнасилование женщин, как это бывает в походах при нападении на безоружные города и деревни, и т. п. Интеллектуальная неудовлетворенность, в свою очередь, имеет свои социальные последствия, характеризующиеся большим спросом книг в библиотеках и на рынке, большим количеством оригинальных и переводных сочинений, большим количеством исследовательских организаций (лабораторий, институтов, научных экспедиций и т. п.), большим количеством лиц, поступающих в учебные заведения, и т. п.

Очевидно, что и периоды больших общественных волнений, требующих большого жизненного темпа от отдельных лиц, приводят к повышенному распространению всякого рода интеллектуальных возбудителей в виде того или иного вида наркозов (спирта, табака, опия, морфия, эфира, кокаина и т. п.).

Очевидно, что жизнь обществ, как и жизнь отдельных индивидов, как мы уже говорили и ранее, определяется потребностями, являющимися частью

^^ Заметка при чтении корректуры. В последнее время П. Сорокиным был сделан доклад на ученой конференции Института по изучению мозга и психической деятельности под заглавием: <Влияние голода на поведение людей и общественные процессы>, в котором автор подходит к вопросу с той же точки зрения, что мной и было высказано в прениях по этому докладу, но развивает свои мысли со значительно большими подробностями. Остановиваясь на роли голода в поведении человека, он обозначает эту роль <пище-

таксисом», который удачнее, с моей точки зрения, было бы заменить <пищевой тягой>.

Охарактеризовав физиологические и соотносительные проявления <пищетаксиса> у отдельных лиц, автор останавливается на последствиях массового голодания, приводящего к

определенным социальным последствиям. Важнейшими в числе их являются: 1) изменение

кривой ввоза и вывоза пищевых объектов <из> и <в> голодную область, 2) явление изобретения и изменения способов добывания средств пропитания, 3) эмиграция (мирная

и военная), 4) обострение социальной борьбы в форме преступлений, 5) явления хлебных

бунтов, волнений и революций, 6) явления централизации и <коммунизации> социально-

политического уклада общества, 7) увеличение смертности, 8) падение рождаемости, 9) изменение <нравов, обычаев и идеологии> общества. Все или не все из этих явлений

в какой степени развиваются в голодном обществе зависит от ряда дополнительных условий (например, покрытия или непокрытия ввозом недостающих продуктов и т. п.).

Общий вывод: в глубине множество крупнейших социальных явлений, с первого взгляда

не имеющих ничего общего с питанием, основной причиной их служит исследуемая независимая переменная, т. е. количество и качество химических элементов, поступающих

в организм членов общества.

333

наследственно-органическими, общими для всех людей (тяга к пище, к противоположному полу, к обществу) или приобретенными путем привычки в течение жизни (тяга к умственной пище, к возбуждающим средствам). Недостаток в удовлетворении этих потребностей и определяет направление общественных устремлений, которые в зависимости от размеров недостаточной удовлетворенности колеблются в своей интенсивности и экстенсивности. Это положение может быть выражено определенной математической формулой. Если общее количество материала, дающее полное удовлетворение той или другой потребности, мы обозначим через a , недостаток материала для полного удовлетворения данной потребности выразим знаком B , то степень неудовлетворенности должна быть выражена $a - B$. Последствия этой неудовлетворенности должны быть учтены цифровым же образом и, следовательно, могут быть также выражены особыми знаками, и тогда мы можем изменения коллективных рефлексов под влиянием определенных воздействий в форме неудовлетворенности выразить соответствующей математической формулой: $i - B = +x + y + z \dots$. А так как недостаток удовлетворенности, являющийся раздражителем, может быть выражен, как мы видели, определенной цифрой путем собрания определенных данных и сделанного расчета, и с другой стороны, статистика последствий этого раздражителя также дает цифровой материал, то мы тем самым получаем возможность в той или другой мере уточнить эти взаимоотношения между раздражителем в коллективе и его последствиями в форме коллективных рефлексов с помощью математических исчислений.

Еще Спенсер признавал закономерность явлений общественной жизни, сравнивая, подобно Конту, человеческое общество с организмом, почему оно подчиняется законам интеграции и дифференциации, закону ритма и закону

равновесия, закону борьбы за существование и закону сотрудничества и разделения общественного труда. В проявлении этих законов и заключается процесс эволюции любого общества, причем всякое общественное явление Спенсер, подобно древнему Аристотелю, рассматривал с точки зрения его развития. За Спенсером шли и другие авторы, держась эволюционной теории, как Эспинас, Летурно, Вормс, Шарле, Лилиенфельд и др.

Надо заметить, что еще Аристотель ¹, этот истинный основатель социологии, рассматривая различные политические формы, выясняет закономерность смены их под влиянием классовой борьбы и соотношения общественных групп между собой. Само учение Аристотеля об обществе и государстве как о самодостаточном общении людей представляет собою установление очень важного закона, на основании которого и зиждется бытие всякого общества и всякого государства. В дальнейшем мысль о закономерности общественных явлений поддерживалась Макиавелли и целым рядом позднейших авторов, в числе которых особенно выдаются имена Вико, Монтескье, Адама Смита, Тюрго, Кондорсе, Мальтуса, Сен-Симона, Ог. Конта, Кетле, Спенсера, Маркса, Энгельса и некоторых других.

При исследовании развития человеческих обществ мы встречаем, вообще говоря, поразительную правильность и закономерность в смене общественных форм. <Эта правильная повторяемость в смене самых различных форм общественной жизни, обнаруживаемая сравнительным изучением как эволюционного, так и революционного хода общественного развития всех народов, дает социологии возможность говорить о закономерности развития общественной жизни> ².

¹ Аристотель. Политика: Пер. с греч. М., 1865.

² Тахтарев К. М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг., 1918. С. 40.

В настоящее время нет вообще надобности доказывать существование преемственной связи исторических событий. Но мы должны иметь в виду, что за историческими событиями всегда скрываются народные движения как проявления коллективных рефлексов народных масс. Иначе говоря, историческая преемственность предполагает преемственность народных движений. Но и независимо от смены исторических событий можно видеть преемственность общественных движений в том, что одно общественное движение всегда связывается с целым рядом других, ему предшествовавших, эти в свою очередь связываются с другими, еще более ранними, и т. д.

Возьмем смену общественных настроений за период нашей войны с Германией. Когда разразилась война, тотчас же в стране, которая долгое время разъедалась партийными распрями, обнаружился патриотический подъем, объединивший на некоторое время все партии и устранивший на время классовую рознь. Но первоначальный порыв со временем стал сменяться более спокойным националистическим настроением, которое, не получая соответствующего удовлетворения за отсутствием побед, нашло исход в революции, уже давно подготовлявшейся в России, но подавляемой неоднократно правительственной репрессией. Поэтому националистическое настроение страны, не найдя себе соответствующего выхода, и вылилось вместе с роспуском Государственной думы (в чем народ усматривал еще большее стеснение своих прав) в резкую оппозицию к правительству, неудачно поведшему войну. Оппозиция

таким образом расчистила почву для революции, которая, начавшись под флагом патриотизма буржуазных классов, привела к освобождению пролетариата от сдерживающих его пут, вследствие чего последнему в необычайной степени облегчилась его классовая борьба, закончившаяся господством пролетариата, вместе с чем стали выдвигаться социалистические стремления, приведшие к возрождению интернационала.

Таким образом все находится в одной общей цепи, все логически связано друг с другом, одно общественное движение вытекает из другого как неизбежное следствие и само является причиной последующих движений. Нет вообще ни одного общественного явления, которое не было бы непосредственно связано с предшествующими как с его причиной и последующими как его следствием и которое вообще представлялось бы как бы оторванным от всех других общественных явлений.

Как есть логика в связной цепи словесных рефлексов, так есть логика и в следовании действий. Кто сказал а, тот должен быть готовым сказать б. Та же логика с непреложною законностью проявляет себя и в отношении коллективных устремлений и движений. В этом отношении логика исторических событий подчинена одинаковой закономерности и не может ни в чем различествовать от логики языка и логики индивидуальных действий. Здесь следствие вытекает из условий в такой же мере, как логический вывод вытекает из предшествующих посылок.

Все это понятно, если принять во внимание, что новые общественные явления представляются в сущности дальнейшим развитием прежних общественных движений.

В сущности нет ни одного общественного движения, которое не имело бы своих корней в прошлом, а эти корни в прошлом сами по себе не представляли бы неизбежного последствия общественных движений в еще более отдаленном прошлом. В этом и заключается сущность закона зависимых отношений.

Возьмем такое огромное общественное движение, как пережитая нами великая война.

Почему она развилась в такое страшное событие, что привело народы всего мира к столкновению друг с другом?

Внешняя сторона этого грандиозного общественного события не сложна и представляется в следующем виде: летом 1914 г. в Сараеве произошло убийство австрийского эрцгерцога.

Австрия, которая давно простирала свои политические вожеления на Сербию, усмотрев, что корни этого преступления заложены будто бы в великосербской пропаганде, предъявила известный ультиматум Сербии, почти равносильный лишению ее своей самостоятельности.

В свою очередь, Сербия естественным образом, в силу племенных и давних политических связей обратилась за помощью к России.

Руководствуясь полученным ответом, Сербия согласилась почти на все австрийские условия, оговорив лишь те пункты, которые несовместимы с понятием самостоятельности Сербии. Предъявление ультиматума было, однако, не одним действием австрийских рук, но и обусловлено ранее с Германией. Несмотря на все стремления дипломатии, особенно русской, английской и

частью американской, найти пути к примирению, в Берлине провоцировали Россию указом о мобилизации, появившемся в газетах. Русский посол об этом тотчас же телеграфировал в Петербург.

Приказ будто бы оказался апокрифическим^{11*}, вследствие чего появилось официальное его опровержение. О последнем тотчас же русским послом было опять-таки сообщено в Петербург. Однако, передача последней депеши была задержана на 12 час.

В ответ на <распубликованный> приказ о мобилизации в Германии последовала русская мобилизация, направленная против Австрии, которая тем временем уже объявила войну Сербии и мобилизовала с этой целью свои войска.

За этим последовало со стороны Германии предъявление России ультиматума о демобилизации, а когда последний не возымел своего действия, объявлена была России война со стороны Германии.

Затем последовало объявление франко-Германской войны в силу русско-французского союзного договора, а после того к Франции и России вследствие нарушения бельгийского нейтралитета присоединилась Англия. Впоследствии в войну вступила на стороне союзников Япония, а затем на стороне Австрии и Германии – Турция; еще позднее на стороне союзников – Италия и затем Португалия, на стороне же Германии и Австрии – Болгария и в конце концов на стороне союзников – Америка. Но все это лишь внешняя и притом несущественная сторона. Гораздо важнее в этом вопросе то, что уже много лет, как культура Германии достигла небывалого развития вследствие целого ряда условий, входивших в разбор которых здесь нет особых оснований. Затем, вслед за военными успехами в 60-х годах, приведшими к возвышению Пруссии в германском союзе, и в особенности после войны 70-71 годов, вся внутренняя политика Германии направилась в сторону подчинения интересам военной касты, или так называемого прусского юнкерства, и крупной немецкой буржуазии. Это привело к усилению империалистических интересов Германии, к экономическому и политическому соперничеству ее с Англией и к поддержанию продолжительного вооруженного мира в Европе.

В конце концов напряжение, выдерживаемое в течение около полувека державами Европы, не могло не разразиться страшной войной, к которой Германия систематически готовилась в течение не менее 45 лет.

Таким образом, великая война явилась естественным результатом империалистического милитаризма, который возник в Европе после войны 1870 г., и потому достаточно было одного происшествия в Сербии с убийством эрцгерцога, чтобы мировая война разразилась как бы стихийно. Военный пожар в силу естественной логики событий нельзя было локализовать никакими дипломатическими переговорами и державы одна за другой вовлекаются в мировую войну.

336

Но и это, конечно, не все.

Со времени франко-прусской войны совершенно изменилась вся психология германского народа. Страна, возвеличенная победами, перенесла свое победоносное настроение и на свое миропонимание, которое вылилось в неудержимый поток стремлений к мировому господству: в политике, индустрии, науке и т. п. Быстро были захвачены колонии и обеспечены

мировые рынки для Германской промышленности, вместе с тем стал образовываться в Германии целый ряд учреждений, отвечающих ее мировой политике и стремлению развернуть свое торговое влияние на весь мир, что не могло не вызвать упорного и систематического соперничества со стороны Англии. Соседка и союзница Германии, Австрия вошла первая в круг германской политики, за ней уготовано было место России, но последняя своевременно до известной степени защитила себя союзом с Францией. Затем немецкое влияние через Австрию распространилось на Балканский полуостров, после чего Вильгельм, осуществляя в себе представителя прусского юнкерства, подчинил себе экономически и политически Турцию как европейскую, так и азиатскую, включая всю переднюю Азию вплоть до Персидского залива. Наконец, при посредстве миссии Сандерса Германия стала распорядиться в Константинополе как у себя дома.

В этом факте уже заключалось начало великой европейской войны, ибо с этим вместе были существенно попораны политические интересы России, Италии Англии и Франции. Но наряду с этим в виде весьма существенного фактора в столкновении народов явилось некогда происшедшее (в 1870–1871 гг.) унижение Франции со стороны Германии и нарастающее все время политическое соперничество Германии и Англии.

Необходимо при этом иметь в виду, что так называемые интересы опять-таки являются плодом народных устремлений, подготавливавшиеся десятками и даже сотнями лет, и все это опять-таки имело глубокие корни в предшествующих народных движениях политического, экономического и религиозного характера.

Следует иметь в виду, что почти весь XIX в., особенно его вторая половина, протекли в борьбе национализма с социализмом и интернационализмом, причем, быть может, ни в одной стране национализм не уступил столь глубоких корней, как это случилось в силу вышеприведенных условий в Германии.

Национализм – это коллективный эгоизм. Помимо племенных особенностей национализм поддерживается привычным жизненным укладом и самобытным развитием литературной и духовной культуры.

На почве национализма развивается патриотизм как проявление государственного эгоизма.

Противоположными ему являются понятия интернационализма и космополитизма как международного и межгосударственного альтруизма.

Экономическая зависимость одних народов от других, международный умственный обмен, мировой товарообмен, международная промышленность и другие связи между цивилизованными народами содействовали развитию интернационализма и космополитизма. Большую роль в этом отношении играет также пролетариат всех стран как лишенный имущества и живущий одним заработком, а потому не прикованный к определенному местожительству и свое местонахождение ставящий в зависимость от места работы. К тому же борьба с имущественным классом и буржуазией со стороны рабочего класса выдвигается последним на первый план, и в целях борьбы во всех странах идет взаимное объединение пролетариата.

Вот как по этому предмету говорит Лауфенберг в своем сочинении:
<Сколько бы ни называли эту войну в Германии и во Франции, в России и в Англии войной оборонительной – войной, которую никто не хотел, как

бы ни выставляли задачей ее защиту угрожаемых национальных владений, национальной независимости, сколько бы ни утверждали, что цель ее—благо народов и порука мира в будущем, неоспоримым остается факт, что все государства подготавливали эту войну всеми находящимися в их распоряжении средствами, и что все капиталистическое развитие с непоколебимой последовательностью влекло к мировому конфликту. Мировая война явилась неизбежным следствием капиталистической системы мирового хозяйства, в ней проявился бунт производительных сил против господствующих до сих пор капиталистических, националистических хищнических форм. В страшных страданиях, судорогах и конвульсиях происходит рождение новой системы хозяйства, которой принадлежит ближайшее будущее> '".

Одновременно с этим мы присутствовали при борьбе национализма и интернационализма, и хотя эта борьба еще не закончена, но есть уверенность, что победа в конце концов через тот или иной период времени останется за интернационализмом. Пока же государства, развившиеся экстенсивно, но не успевшие ассимилировать свои народы или объединить их культурно-экономически, как Россия, Австрия и Германия, обречены на перестройку в смысле большего или меньшего обособления входящих в их состав народов ^*.

Из сказанного ясно, что столь грандиозное народное движение, как великая война, имеет свои корни в отдаленном прошлом и даже в далеких исторических временах, а если мы обратимся к анализу этих корней, то опять—таки найдем связь их с предшествующими народными и общественными движениями и т. д. и т. п. до бесконечности. Словом, мы здесь встречаемся с непреложным явлением зависимых отношений в форме исторической преемственности без каковой вообще не может быть понято ни одно общественное движение, какой бы силы и каких бы размеров оно ни представлялось.

Но логика исторических событий идет далее.

Вследствие колоссальных затрат и жертв людьми, которыми сопровождаются успехи в современной войне, оказалось, что народы не могли выдержать напряжения, связанного с победами, и в результате — грандиозная война, вызвавшая необычайное напряжение народных сил, начала возбуждать вместе с подъемом патриотизма в одних слоях населения ропот и недовольство в других, особенно в народных массах, и развитие в их среде интернационалистических стремлений. Чем дольше длилась война, тем больше развивались неустойчивые в своих политических формах репрессии внутри государств, и в конце концов народные массы не выдержали. Ранее всего подпольная реакция возникла в стране наибольшего произвола и административной репрессии, где народные массы меньше всего привыкли к выдержке и дисциплине, и в то же время в стране более бедной и вообще менее оборудованной по сравнению с другими странами, какова Россия. К тому же ее административная машина стала проявлять явную несостоятельность еще задолго до войны и, не выдержав напора общественных стремлений к народовластию, она в результате была сломлена с началом февральской революции. Последняя выдвинула вскоре же лозунг протеста против военной репрессии и против самой войны, вследствие чего армия стала разлагаться, а приказ № 1 явился лишь ярким выражением этого неудержимого общественного протеста против военной репрессии.

В других странах благодаря иному строю правления, лучшей системе ведения войны и другим условиям, массовые народные протесты проявились позднее. Но они начались и в Италии, и в других странах. Правда, в Италии

^ Лауфенберг. Великая война. С. 6. Цит. по книге Как война захватила Америку. В. м., 1918.

338

дело отчасти на время было исправлено вследствие активной поддержки союзников и развития патриотизма в стране под влиянием испытанных поражений и давнего соперничества с Австрией на национальной почве. Даже в Америке начало развиваться в начале 1918 г. забастовочное движение, позднее же всего оно проявилось в центральных странах, ибо они оказывались победителями, а шум побед заглушает ропот народа, но все же проявились и в них в начале 1918 г. в виде массовых протестов, выразившихся общими забастовками, первоначально в Австро-Венгрии, а затем и в Германии. Очевидно, и здесь несмотря на победы и расширение территории путем военных захватов стала проявляться общая реакция в виде борьбы за скорый мир как вследствие голода, так и утомления войной, что и привело к катастрофе.

Если мы обратимся специально к развитию русской революции, то и здесь мы встретимся с полной исторической закономерностью.

Чтобы понять общественный процесс, давший русскую революцию, необходимо учесть факт продолжительного истощения страны, истомленной долгой безуспешной борьбой, обнаружившей все язвы прошлой социальной жизни – недостаток технического образования в стране, почти полное отсутствие производства, . темноту народных масс, неумение и развал в административной среде и полное истощение экономической жизни государства.

Естественно, что при таких условиях народ стал на сторону протеста против старой власти, проявляя недовольство вообще всем старым порядком.

К этому надо добавить, что во время национальной борьбы все классы общества, все партии, кроме социал-демократов и интернационалистов, которых в то время было меньшинство, горели стремлением к одной цели – к обороне страны от внешнего врага, а между тем уверенность в том, что для обороны используются все средства страны и что самая оборона ведется честными руководителями, постепенно колебалась все больше и больше под влиянием фактов для всех очевидных и ясных и под влиянием слухов, выраставших до грандиозных размеров и обвинявших самого военного министра Сухомлинова в измене. Все это и привело к свержению старой власти, к тому же представленной слабовольным монархом, окруженным такими же убогими приспешниками и политическими шарлатанами. Возможность справиться с внешним врагом, стремление положить конец экономической разрухе и возрождение страны первоначально олицетворялись для многих в Государственной Думе, потому что она в течение всех 10 последних лет вела борьбу с разлагавшимся уже много лет царским самодержавием, борьбу открытую, у всех на глазах и являлась поэтому для многих, по крайней мере, для так называемых буржуазных слоев, организующим фактором народных масс.

Правда, низы народа молчали, но в армии, в деревне и на заводах шла

своя политическая пропаганда, и хотя, быть может, здесь общее недовольство исходило из других поводов, но все сходились на одном – что так продолжаться не может.

Для всех тех классов, которые относятся к буржуазии и части интеллигенции, свержение монархии произошло как реакция на неспособность старой власти организовать оборону страны и следовательно открывало широкие национальные демократические перспективы на возрождение России на началах гражданской свободы и права, тогда как для пролетариата, находившегося под влиянием социальных течений, свержение старой монархии являлось освобождением от векового гнета, и потому упрочение и углубление революции им ценилось выше всяких национальных стремлений, мало к тому же понятных темной народной массе.

22*

339

Свержение монархии произошло с такой легкостью, что нельзя было ничего подобного себе представить, но это объясняется исключительно тем, что она уже почти никого не имела на своей стороне, ибо лишилась совершенно защитников и в солдатской среде, сплошь составленной из свежих народных сил, зараженных той же пропагандой социалистических учений, как и вся масса городского пролетариата. Но уже в первые же дни революции при формировании временного правительства возник спор между представителями буржуазии и демократии, спор, едва не окончившийся разрывом между обеими группами.

Это показывает, что в дело единения всех групп населения в отношении состава временного правительства проникла червоточина.

Вследствие этого уже вскоре после начала февральской революции обнаружилось расхождение народных масс – буржуазии, с одной стороны, и демократии – с другой, которые не нашли для себя примирения и на московском Государственном Совещании.

Надо при этом иметь в виду, что народ, остававшийся в рабстве и в темноте в течение веков и лишенный самодеятельности в общественной жизни, никогда не знавший, что такое политика страны, с одной стороны, не мог возвыситься до государственных задач, а с другой стороны, за долгий период царского гнета создалась революционная интеллигенция, ведшая борьбу против патриотизма и националистических тенденций буржуазии. Дальнейшее так называемое углубление революции собственно и явилось результатом борьбы одной силы с другой, причем само собой понятно, что взбаламученное море народных масс обнищавших, истомленных и неразвитых, у которых всякий патриотизм в свое время был вытравлен полным отстранением от дел государственно-общественной жизни, устремилось за демагогами интернационалистического склада и потому должно было одержать верх – и в действительности одержало его – общественное течение как против войны, так и против буржуазии и капитализма вообще.

Так надо объяснить денационализацию русской революции, в которой в различной степени работали все социалистические партии, и которая шла тем более быстрым темпом, что первоначально в большинстве буржуазная, а затем коалиционная, власть не могла дать народу улучшения ни военного положения, ни материальных благ в отношении земли и хлеба, а империалистические цели войны естественно возбуждали народ против ее дальнейшего продолжения.

Таким образом известный приказ № 1 роль Совета рабочих и солдатских депутатов с его держанием власти на веревочке (известное постольку поскольку), торжествующий въезд Циммервальда в Россию и над всем этим борьба с экономическими и империалистическими тенденциями буржуазных классов – вот главные этапы первого периода русской революции, приведшие ее к большевизму и превратившие ее из общенациональной в партийную революцию пролетарских классов.

Вместе с этим процессом денационализации русской революции шел постепенно и процесс государственного разложения и распада, причины которого, отчасти, конечно, лежат и в непрочности прежнего царского строя. Особенно большую роль в этом отношении сыграл большевизм как носитель пролетарских интернационалистических тенденций, превративший революцию в борьбу рабочих и солдатских масс против всех других классов населения.

Такой характер большевистской революции, начавшейся переворотом 25 сентября 1917 г. привел страну к диктатуре пролетариата и к междуусобной войне. Изоляция России от своих союзников как представителей буржуазного империализма, сепаратное перемирие с Германией и последующие затем сепаратные мирные переговоры явились дальнейшим естественным последствием совершившегося переворота.

340

Со временем однако и большевизм начинает разочаровывать массы частью вследствие неосуществления обещанного мира, в особенности же ввиду недостатка продовольствия, тяжелой промышленной экономической разрухи и неизбежно наступающего в стране голода.

Очевидно, что в огромном организме старой русской государственности к моменту наступления революции не нашлось тех здоровых коллективных сил, которые смогли бы осуществить созидательную работу в необходимом масштабе, и это главным образом потому, что старая власть, как упомянуто, душила всякое проявление общественности, сделав общество пассивным стадом, в котором одновременно были убиты начала и государственности, и здорового национализма.

Обычно сравнивают русскую революцию с великой французской революцией, и в этом отношении нельзя не отметить много сходных черт. Но между великой французской революцией и русской революцией имеется и большая разница, которую, по-видимому, проглядели те, которые стояли близко к революционному движению, а именно: первая началась в мирное время и потому могла проявить колоссальную энергию народа в военном отношении, вторая началась в период тяжелой и длительной войны, истомившей силы народа и, следовательно, она в основе своей устраняла всякий боевой клич и привела в конце концов к резкому протесту против войны. Отсюда все те партии и представители их, которые говорили о войне до победы, сразу были отброшены и даже те, которые говорили о продолжении войны, хотя бы и с демократическими тенденциями, потерпели фиаско, ибо в первый период революции выше всего явилась тяга к земле, а, следовательно, и к миру во что бы то ни стало.

Большевизм, который раньше всех заявил о мире во что бы то ни стало, начал естественно привлекать к себе народные умы. В то же время наша армия стала с поразительной быстротой подвергаться разложению. К факторам, приведшим к разложению русской армии, следует отнести помимо приказа № 1 между прочим и отсутствие патриотизма в русском народе.

Можно сказать, что патриотизм систематически искоренялся из народа. Лозунгом царского режима было отстаивание царя, веры и отечества, из чего видно, что отечество ставилось всегда как последнее место. С другой стороны, школа наша блистала отсутствием предметов, относящихся к отечествоведению, народ был устранен от самоуправления, суждения на политические темы не допускались, и тем самым в широкой публике развивалось и поддерживалось пассивное отношение к судьбам своей страны. Ко всему прочему народ в большинстве был безграмотен, забит нищетой и лишен объединяющего обмена мнений вследствие преследований всяких форм общения на политической почве.

Что касается интеллигентных слоев, то надо сказать, что благодаря их оппозиционному настроению по отношению к властям слово <патриот> признавалось в их среде почти бранным, потому что патриотические лозунги были узурпированы царскими прихвостнями, придворными лакеями и гнусными их приспешниками, именовавшими себя истинными патриотами и истинно русскими людьми. Да и самое понятие патриотизма олицетворялось в поддержке прежде всего ненавистной для большинства интеллигенции неограниченной монархии. К тому же земельный простор не давал чувствовать близкой опасности со стороны внешнего врага и тем самым успокаивал население видимостью собственной безопасности.

Ясно, что вследствие этих причин армия не могла проявлять особого воодушевления. Правда, в начале войны благодаря газетной травле обнаружилась неприязнь к немцу, что вызвало патриотический подъем в стране на некоторое время, но неумелое ведение войны, общий беспорядок, отсутствие снарядов и вооружения, ничем не оправдываемое хищничество

и бесцеремонное воровство, бездарность или измена правителей, таких, например, как бывший министр Сухомлинов, способствовали еще более понижению патриотического настроения.

Революция развилась как протест против создавшегося положения, и казалось, что вместе с нею защита страны получит реальную почву: но революция возникла на почве переутомления войной и привела к братанию на фронте и к лозунгу мира во что бы то ни стало без аннексий и контрибуций на почве самоопределения народов и к проповеди, что немцы – друзья, а враги – вся буржуазия и <контрреволюционные> офицеры, а также капиталисты всего мира, и в том числе союзные нам буржуазные и капиталистические страны, как Англия, Франция и Америка. В то же время высшие лозунги международного права и справедливости оказывались мало доступными пониманию русского простого народа. А тут еще тяга к земле под влиянием слухов о дележе земли.

<Зачем мне земля и свобода, если меня убьют?> – был задан характерный вопрос министру Керенскому, когда последний объезжал фронт, произнося одну из своих патриотических речей. В этом возгласе сказался тот грубый и тупой эгоизм, который граничит с полным равнодушием к судьбе своей страны.

В общественной жизни все сцеплено одно с другим, благодаря чему имеется неразрывная связь всех элементов, и достаточно выдернуть какую-нибудь нить, не заполнивши бреши и не перестроивши соответственным образом зависимых от выдернутой нити элементов, как начинает колебаться вся стройная гармония коллектива, приходя к полному расстройству. Так начинается то, что получило характерное название общественной разрухи,

которую исправлять всегда труднее, нежели предупреждать.

Говоря о состоянии умов, предшествующем Великой французской революции, Г. Лебон между прочим замечает: <Умиленный гуманизм, начинающийся с пастушеских идиллий и философских рассуждений и кончающийся гильотиной – таковы эти, по-видимому, безобидные идеи, которые скоро привели людей правящих классов к слабости и дезорганизации. Они не верили больше в свое собственное дело и даже были, как справедливо заметил Мишле, врагами своего дела.

Когда ночью 4 августа 1789 г. знать отреклась от своих вековых прав и привилегий, революция была уже создана. Народу оставалось лишь следовать тем указаниям, которые ему были даны, и, как всегда, он довел их до крайности> ^ . Само собой разумеется, что причины великой французской революции лежат значительно глубже, нежели это изображает Г. Лебон, но в его словах справедливо то, что сделанный однажды шаг неизбежно имеет свои дальнейшие последствия, которые, как показывает приведенный пример, могут вылиться при известных условиях в социальное явление такой огромной важности, как революция.

Есть мнение, что социальная среда подвергается в нормальных условиях лишь медленной эволюции. Говоря о социальных сферах, Г. Лебон пишет: <Кроме тех случаев, когда цивилизации разрушались завоевателями, они всегда изменялись очень медленно. Много установлений погибло, много богов упало со своего трона, но и те, и другие были замещены лишь после долгого периода старости. Великие государства распадались, но это случалось лишь после периода медленного упадка, которого общество, как и отдельные люди, не сумели избежать> ^ .

Надо однако иметь в виду, что развитие общественной жизни далеко не всегда идет беспрепятственно. Поэтому, когда для эволюции государственной

^^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 134.

^" Лебон Г. Психология социализма. С. 58.

342

жизни ставятся искусственные преграды, то наступает революция, которая дает результаты, гораздо более глубокие по сравнению с теми, каких она достигла бы путем мирной эволюции. История французской и русской революций дает в этом отношении поучительные примеры. То же самое имеет значение в отношении восстаний и войн.

Соотношение, о котором речь была выше, не ограничивается только поведением тех или иных социальных групп по отношению к другим, но такое же постоянное соотношение существует и между социальными группами и внешними окружающими условиями природы, на что в свое время обратил внимание еще Бокль. Можно определенно сказать, что не только продукты народного творчества, такие как язык, обычаи и народные мифы, но и вся вообще литература, искусство и даже общественные и государственные учреждения страны отражают на себе влияние окружающей природы. Более того, сама жизнь и даже судьба народов стоит в соотношении не только с другими социальными коллективами, но и с окружающей природой, что, кажется, нет нужды доказывать. Наконец, и склад личности того или другого народа, его <духовная> физиономия, как отчасти и физическая внешность, стоят в известном соотношении с окружающей природой. Жители юга и севера, жители континента и жители прибрежных стран неодинаковы во

многих отношениях, как неодинаковы жители горных местностей и жители равнин.

Но всего этого мало. Имеются данные, которые не оставляют сомнения, что существует известное соотношение между поведением больших коллективов на земле и состоянием нашего животворящего светила – солнца, а состояние солнца должно, в свою очередь, стоять в связи со всей вселенной.

Мы здесь ограничимся лишь данными о соотношении крупных коллективных движений в человеческом мире с метеорологическими явлениями, корни которых относятся к переменам, испытываемым нашим центральным светилом, покрываемым то большим, то меньшим количеством пятен.

Уже давно известно, что периодичность в отношении проявления максимума пятен на солнце, измеряемая 11-летним промежутком, совпадает с максимумом магнитных бурь и северных сияний, происходящих на земле в те же 11-летние промежутки. Совпадение в этом случае настолько полное, что по положению магнитной стрелки можно судить о том, какая часть солнечного диска занята пятнами. Кроме состояния магнитной стрелки солнечные пятна отражаются на земной поверхности соответственной средней температурой, осадками, а вследствие этого, по аббату Морэ, отражаются и на мировом урожае хлеба, винограда, на времени цветения во Франции сирени и прилета ласточек.

Такой же периодичности подлежит и число тропических циклонов и полярных айсбергов в связи с пульсацией солнца. Очевидно, во всем этом сказывается тепловая и электрическая энергия солнца. Если можно поставить в связь с периодичностью солнечных пятен урожайность на земле, то вполне понятно, что с этой периодичностью должно быть поставлено в связь появление экономических resp. финансовых кризисов (проф. Юнг). В последнее время Морэ устанавливает между прочим и зависимость социальных и политических явлений на земле от периодичности солнечных пятен.

Но и в экономической жизни народов мы имеем то же постоянство известных соотношений. От того или другого события в одной стране, отразившегося на урожае, будет зависеть торговый обмен, а, следовательно, и денежный курс. Война в одной части материка отразится на всей мировой торговле и т. п. С другой стороны, от какого-либо договора между двумя народами, даже между двумя крупными торговыми фирмами, будет зависеть состояние мирового рынка. <В такой тонкой организации, как мировая тор-

343

говля, достаточно вовремя положить перо на чашку весов, чтобы изменить ход торговли и кредита и вызвать небывалый подъем или крах> ^.

Нет надобности говорить, что состояние мировой торговли стоит в прямом соотношении с метеорологическими условиями различных стран, отражающимися на их урожае: так как метеорологические условия, в свою очередь, стоят в прямом соотношении с состоянием солнца, то отсюда-зависимость торгового обмена на земле должна быть перенесена вглубь небесного пространства.

Но не один торговый обмен, но и разнообразные людские отношения должны быть поставлены в соотношение с состоянием солнца, посылающего на землю свою лучистую энергию. В этом отношении особенно интересны

данные, приведенные французским автором Морэ в статье <Солнце>.

По словам Я. Перельмана, <материал, собранный в статье Д. О. Святского, охватывает вопрос шире. Он сопоставляет хронологические даты крупнейших революций с годами максимумов солнечной деятельности. Картина соответствия получается поразительная. Нельзя в самом деле считать простым совпадением, что годы особенно сильной пятнообразовательной деятельности Солнца—1830, 1848, 1860, 1870, 1905 и 1917—были отмечены на земле не только магнитными бурями, но и обширными общественными потрясениями: июльская революция (1830), февральская революция (1848), революция в Италии (1860), Парижская Коммуна (1870), первая и вторая русские революции (1905 и 1917).

Если все это не случайности, если пульс человечества действительно бьется в унисон с биениями космического сердца нашей планетной системы, то можно попытаться на этом основании составить нечто вроде политического гороскопа грядущих лет.

На вопрос, распространится ли бушующая у нас политическая буря еще дальше вширь и вглубь, как уповают делатели перманентной революции, или же пойдет на убыль, как ожидают другие, астроном может ответить: <скорее второе, нежели первое. Максимум солнечной деятельности уже миновал, тепловое и электрическое сердце нашей планетной системы должно вскоре успокоиться> ^.

Организм наш несравненно более чувствителен, чем подозревали старинные медики: мы не видим электричества, но все же ощущаем его, когда приближается гроза.

<Примеры? Я собрал их сотни за время моих наблюдений. Значительную часть жизни я был преподавателем и, следовательно, находился в постоянном контакте с учениками, юными и взрослыми. И я вывел как общее правило, что число наказаний увеличивалось в дни сильных электромагнитных возмущений. Значит, солнечные пятна приводят в возбуждение не только стальную магнитную полоску буссоли, но и сложный детский организм, чувствительный к внешним влияниям; не будучи в силах противостоять этим внезапным воздействиям, он поддается в моменты общего возбуждения различного рода эксцессам.

Но это лишь один из примеров. Все мы, юные и взрослые, должны признать, что электрическое состояние атмосферы, связанное с Солнцем, воздействует на наш характер и расположение, на наше изменчивое настроение и, по всей вероятности, — на доброе согласие в наших семьях, на наши парламентские заседания, на вотирование"* законов, на обострение дипломатических отношений между государствами, а в конечном счете на объявление войн.

^ Морэ Т. Солнце: Пер. с фр. СПб., 1904. Гл. 6–8.

См.: Переломан Я. // Известия российского общ[ества] любителей мироведения. 1917.

Т. VI. С. 310.

344

Что допускается для отдельных индивидов, то тем более применимо к массам, где индивидуальная воля ослабевает, и поведение подчиняется закону больших чисел.

Если так, то периодам наименьшей активности Солнца должны соответствовать периоды спокойствия и мира народов. Взгляните на кривую деятельности Солнца, и вы убедитесь, насколько астрономия способна указывать правительствам и рулевым государственного корабля опасные мели и пучины.

Давно подмечено, что годы минимума солнечной деятельности совпадали с годами всемирных выставок. По мере же усиления солнечной активности человечеством овладевает по-видимому нечто вроде лихорадки – рождаются обострения, возникают войны. Можно подумать, что ветер безумия охватывает умы^{>^}.

Вот хронологическая справка к последним строкам. Годы минимумов солнечной деятельности–1867, 1878, 1896, 1900 и 1910–совпадали с годами всемирных выставок в Париже (первые четыре) и в Генте (1910). Напротив, годы максимумов активности Солнца совпадали во Франции с периодами политических бурь и военных конфликтов: 1870 – франко-прусская война; 1881–1883–Тунис–Аннам–Тонкин; 1894–1896–Мадагаскар, 1905–Марокко, 1914–1917–мировая война.

Идет ли здесь дело о прямом или непрямом влиянии солнечной жизненной деятельности – это еще вопрос, однако, Д. Святский не без основания замечает, что, если солнечные корпускулы, по взгляду Аррениуса, поток которых бомбардирует нашу атмосферу особенно сильно в период повышения солнцедетельности, производя магнитные бури и зажигая огни полярных сияний, влияют на нашу метеорологию и даже на цены на хлеб, как это показал еще Гершель, неужели коллективная техника человечества не должна испытывать на себе столь могущественного влияния нашего светила, которым <мы живем, движемся и существуем?> ^".

Мы привели здесь интересные строки для того, чтобы возбудить в уме читателя мысль, что зависимые отношения в социальной среде не замыкаются в круг одной лишь окружающей человека природы нашей земли, но имеют значительно более широкую пространственность, простирающуюся в глубь вселенной с ее неиссякаемым количеством притекающей к нам мировой энергии.

XXIII. ЗАКОН ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В числе важнейших основных условий общества в жизни необходимо поставить еще закон индивидуальности, который является в сущности общим мировым законом, ибо каждый атом, каждая молекула есть своего рода индивид в виде замкнутой системы особого типа, а химическое соединение – колония индивидов. Таким образом весь неорганический мир представляет собою развитие по индивидуальному типу.

Что касается органического мира, то здесь, как в растительном, так и в животном царстве, индивид является основой эволюционного процесса и всякого вообще развития. Таким образом, как неорганический, так и органический мир эволюционируют согласно закону индивидуальности в том смысле, что каждое новое превращение, давая новый продукт, не уничтожает бывшей индивидуальности как более или менее замкнутой системы, оно только ее видоизменяет, ничуть не более.

Словом, в постоянной изменчивости форм есть нечто такое, что не уничтожается, а наоборот, сохраняется в форме основных свойств, харак-

^ Там же. С. 310–311.

"^'" Там же. С. 311.

345

теризующих определенную индивидуальность. Как бы, например, человек не изменялся со своим возрастом, он останется определенным лицом с его характерологическими чертами. Точно то же мы имеем и в надорганическом мире. Всякая профессия, всякая партия и вообще всякое общество имеют свои характерные особенности, сохраняющиеся при всевозможных изменениях; с другой стороны, как бы тот или другой народ не изменялся, он останется определенным коллективным индивидом. Может измениться его уклад жизни, его государственная форма управления, а все же русский народ останется русским с его особенностями и впредь, французский, итальянский и другие народы останутся французами, итальянцами и другими народами. Отсюда ясно таким образом, что надорганический и социальный мир подчиняется определенной законности, развиваясь по принципу индивидуальности.

Это положение важно и с другой стороны, ибо ко всякой вообще индивидуальности применимы все особые условия течения и развития явлений, какие имеются в замкнутых системах, где, благодаря взаимоотношению различных процессов, господствует принцип уравнивающего начала. Когда процесс горения развивается в физически замкнутой системе, он сам собой прекращается благодаря скоплению углекислоты и недостатку кислорода. Когда в организме развивается лихорадочный процесс, он сам собою устраняется благодаря выработке антитоксинов крови при условии, конечно, если сердце выдерживает повышенную температуру. То же и в надорганических индивидах или коллективах. Когда в социальной среде развивается по какой-либо причине брожение, оно со временем и само уляжется благодаря противодействию антагонистических элементов. Подробнее развивать это важное положение здесь нет надобности. Оно ясно само собою.

Первоосновой всякого общества является семья, ряд семей составляет класс, несколько классов составляют общину, несколько общин образуют племя с той или иной общественной организацией, затем мы имеем союзы племен и т. д. В отношении политических взглядов образуются социальные группы в форме кружков, несколько партий могут образовать союзы; последние по отношению к каким-либо вопросам могут объединяться в блок и т. д. Все это своего рода общественные индивидуальности с им одним принадлежащими характерологическими особенностями ^*.

В экономической области мы имеем артели, кооперативы, синдикаты, тресты и т. п. В сфере управления мы также имеем особые организации, постепенно расширяющие свою сферу действия. То же самое мы наблюдаем и в сфере специально военной, где войсковые части делятся на свои организационные единицы. Всякое общество в свою очередь делится на касты, классы, цехи, профессиональные союзы, кружки и т. п. Словом, всякая социальная среда, организуясь, выделяет из себя в связи с возникающими то здесь, то там потребностями, отдельные части, которые живут своей до известной степени обособленной жизнью, преследуя свои корпоративные интересы, причем каждая часть в определенной области держится своих особых правил поведения, создавая таким образом свои взгляды, свои привычки, свою манеру держаться в среде других, пользуясь иногда своим покровом, особыми значками и т. п. Все это приводит к тому, что каждая такая часть общества приобретает свои индивидуальные черты, а в связи с ее организацией, создающей для нее особые условия существования, может и

должна быть признана общественным или собирательным индивидом.

То же следует сказать и о более крупных коллективах, как например, раса.

<Наиболее яркое впечатление, вынесенное мною из продолжительных путешествий по различным странам, это то, что каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности,

346

и от него же происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верование и его искусство> ^.

<Общность чувства, идей, верований и интересов, созданная медленными наследственными накоплениями, придает психическому складу народа большое сходство и большую прочность, обеспечивая ему в то же время громадную силу> ^.

<Качество характера – это те неизменные основные элементы, которые позволяют различать психический склад высших народов ^*. Открытия, обязанные уму, составляют общее достояние человечества; преимущества или недостатки характера составляют исключительное достояние народа> ^°.

<Моральные и интеллектуальные особенности, совокупность которых выражает душу народа, представляют синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения. Этот агрегат общих психологических особенностей составляет то, что основательно называют национальным характером> "\

В конце концов каждый англичанин, француз, немец, будучи различными между собой, имеют общие черты, характерные для своего народа.

Не без значения может быть вопрос, в какой мере учреждения имеют воспитательное значение для народа. Отрицать такое воспитательное значение учреждений, конечно, нельзя, но то, что они чаще являются следствием народной культуры, в этом не может быть сомнения.

Влияние расы сказывается и в следующем: театральная пьеса, вызывающая восторги толпы в одной стране, часто не имеет никакого успеха в другой или только условный успех.

Всякие заимствованные учреждения, религия, язык и искусства, прививаясь к народу, приобретают свои особенности в связи с характером данного народа. Об этом много интересного можно найти в двух главах книги Г. Лебона. Мы приведем здесь только заключительные строчки в последней из этих глав: <Как бы велико ни было религиозное влияние, в особенности на востоке, однако, влияние расы^* еще гораздо значительнее. Эта расовая душа, руководящая судьбой народов, руководит также их верованиями, учреждениями и искусством; какой бы элемент мы ни изучали, мы всегда найдем ее в нем. Она Действенная сила, которой никакая другая не может перемочь. Она представляет тяжесть тысяч поколений, синтез их мыслей> ^.

Если мы дополним сказанное сведениями о развитии и характере промышленности у различных народов, о различных общественных традициях, об обычаях, о неодинаковом семейном укладе и особенностях бытового характера, то мы получим, в общем, все те особенности, которыми харак-

теризуется индивидуальность каждого народа, в частности ^*.

Народная индивидуальность существенным образом облегчает нам и понимание народной истории.

<История в главных своих чертах может быть рассматриваема как простое изложение результатов, произведенных психологическим складом рас. Она проистекает из этого склада как дыхательные органы рыб из жизни их в воде. Без предварительного знания душевного склада народа история его кажется каким-то хаосом событий, управляемых одной случайностью. Напротив, когда душа народа нам известна, то жизнь его представляется правильным и фатальным следствием из его психологических черт. Во всех проявлениях жизни наций мы находим всегда, что неизменная душа расы

^^ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 5.

^ Там же. С. 115.

"° Там же. С. 29.

^ Там же. С. 10.

""^ Там же. С. 77-107.

347

сама ткет свою собственную судьбу. В особенности в политических учреждениях наиболее очевидно проявляется верховная власть расовой души> ^.

Не без основания признается, что каждый народ имеет ту форму правления, которая ему свойственна.

Имея в виду, что жизнь народов проявляется в создании наук, верований, искусства, материальной культуры и в коллективных действиях, нельзя не признать, что ни одна из этих сторон, в отдельности взятая, не дает полной их характеристики, а лишь все они вместе взятые могут дать оценку личности данного народа, ибо один народ может преуспевать больше в одном, другой в другом направлении, один развивался так, другой иначе, один выработал одни нравы, другой другие и т.д., а это-то и лежит в основе отличия одного народа от другого.

Как мы уже говорили, всякая общественная среда делится на целый ряд партий, корпораций, союзов, кружков и других организаций, которые, создаваясь под влиянием особых потребностей и интересов входящих в них членов, расслаивают общественную среду на свои части, составляющие отдельные общественные ячейки или общественные индивиды.

Всякий нарождающийся самостоятельный коллектив начинает свою жизнь с самоопределения, иначе говоря, он устанавливает и выясняет свои собственные задачи и цели, отмежевывая их от задач и целей других коллективов. Только после этого устанавливаются определенные отношения такого коллектива к другим. В коллективах неорганизованных как уличная толпа этого самоопределения явно не происходит, но и здесь оно все же осуществляется как бы само собой, так сказать, вполне естественным путем.

Как уже говорилось ранее, каждая из общественных ячеек живет своею собственной жизнью, существуя до тех пор, пока она удовлетворяет интересы своих сочленов в той или иной степени, и во всяком случае, пока она отвечает своему основному назначению. Известно, что еще Аристотель в своей <Политике> установил принцип автархии или самодостаточности, по которому государство, как и всякая общественная организация, будет ли то

партия, союз, кружок или какое-либо другое сообщество, продолжает существовать лишь до тех пор, пока они оказываются самодостаточными, т. е. удовлетворяют в соответствующей степени интересы большинства входящих в них сочленов.

Дело идет в этом случае в сущности об индивидуальной самодостаточности, которая лежит в самой основе существования любого общества, любой собирательной личности, ибо только при ее индивидуальной самодостаточности она имеет свой *raison d'etre* на свое обособленное существование.

Если, например, партия утрачивает свой *raison d'etre* по условиям времени, она в прежнем виде уже перестает быть самодостаточной и потому либо распадается, причем члены ее вливаются в другие партии, либо терпит соответствующие превращения, дополняя и видоизменяя свою программу и становясь в таком новом виде снова самодостаточной.

Если мы имеем такую либо экономическую организацию, опять-таки она существует лишь до тех пор, пока представляется самодостаточной в смысле обслуживания интересов своих клиентов. Но с тех пор, как она утрачивает свою самодостаточность, она лишается клиентуры и перестает существовать. Если мы имеем трудовую организацию, она опять-таки существует лишь до тех пор, пока отвечает интересам членов своей организации, и прекращает свое существование или умирает, как только интересы большинства остаются неудовлетворенными. Всякая финансовая организация подлечит тому же принципу. Пока она в состоянии выдерживать конкуренцию других таких же организаций и обеспечивает интересы заинтересованных

^ Там же. С. 48.

348

лиц, т. е. в вышеуказанном смысле является самодостаточной, она продолжает существовать и тотчас же прекращает свое бытие как только она не выдерживает конкуренции или недостаточно обслуживает интересы своих сочленов.

Если мы имеем государственную организацию, основанную на принципе оберегания жизни и имущества своих сограждан и возможно лучшего обеспечения их нужд, то с того времени, как государственная мощь становится недостаточной для выполнения вышеозначенных функций, государственный организм перестает быть самодостаточным в сонме других держав и с целью удержаться на своем месте он вынужден прибегать к союзам, в противном случае он подчиняется более сильному государственному организациям и в тот или другой срок поглощается ими окончательно.

В этом, как и в других отношениях, мы имеем полную аналогию с жизнью всякого вообще индивида животного или растительного царства, который существует и живет, пока является существом самодостаточным, т. е. способным удовлетворять свои потребности и выдерживать конкуренцию в борьбе за существование. Когда эта самодостаточность почему-либо исключается, индивид перестает существовать и погибает. Также и неорганический индивид в форме химического соединения, не будучи при определенных условиях самодостаточным, начинает распадаться и перестает существовать. Известный всем радий при данных условиях земной коры представляется несамодостаточным элементом по существу и потому непрерывно распадается.

Ясно, что закон индивидуальности, как мы уже говорили в начале этой

главы, есть закон общий для всего мира и имеет одинаковое применение к явлениям как органического так и неорганического порядка, так и к явлениям надорганическим, или социальным.

XXIV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущем изложении я старался наметить главные законы, которым подчиняется человеческое общество или коллектив, когда к его изучению подходят с объективным методом. Вперед оговариваюсь, что быть может некоторые зависимости могли бы быть объединены в один более общий закон, другие, еще не раскрытые, будут обнаружены при будущих исследованиях. Так, например, некоторые могут предпочесть рассматривать закон эволюции, закон дифференцирования и закон избирательного обобщения в одном целом. Действительно, как мы знаем, до сих пор процесс дифференцирования, как и процесс агрегации^{***} объединяются в биологии некоторыми из авторов, начиная со Спенсера, под одним общим наименованием закона эволюции. Однако, я предпочитаю рассматривать каждый из этих принципов отдельно друг от друга в целях более детального анализа самих явлений. Этим самым ничуть не отнимается внутренняя связь явлений и зависимостей, ибо несомненно, что, когда устанавливается закон эволюции или развития форм, то при дальнейшем выяснении смены форм неизбежно мы приходим к выводу, что новые формы получаются не иначе, как путем расчленения или дифференцирования старых по времени форм и путем объединения их частей в новые комбинации.

Таким образом дело идет как бы об одном и том же процессе. Но дело в том, что, если мы пойдем по пути выяснения способа, каким осуществляется эволюционный процесс, то мы должны сказать, что и закон непрерывного движения или изменчивости есть уже как бы начало или основа эволюционного процесса, ибо движение связано с изменчивостью положения, а изменчивость положения и лежит в основе изменения форм, т. е. эволюции. С другой стороны, закон исторической последовательности разве не имеет

349

ближайшего отношения к тому же закону эволюции? Точно так же закон инерции, благодаря которому формы до времени удерживаются в прежнем виде, закон воспроизведения, лежащий в основе наследственности, и закон подобия, обуславливающий сходственное развитие органов при одинаковых условиях, – разве все эти и другие законы не имеют ближайшего отношения к закону эволюции и тем не менее никто не станет настаивать на том, что эти законы должны быть подведены под один закон эволюции. Вот почему мы находим нужным и закон дифференциации, как и закон избирательного обобщения, выделить в самостоятельные законы, из которых один обеспечивает разнообразие видимого мира, второй лежит в основе усложнения разнообразных внешних явлений.

Мы считаем вообще более правильным анализировать зависимости явлений или законы до их первичных основ. Но при этом совершенно ясно, что все вообще законы в свою очередь находятся в известном соотношении друг с другом, ибо в конце концов весь мир представляет собою одно связанное и гармоничное целое, в котором одни явления стоят в соотношении с другими или, точнее, вытекают из других, причем все сущее в мире находится в состоянии взаимоотношения и подвижного равновесия^{***}.

Вместе с этим, мы не придаем особого значения тому, следует ли те или другие законы объединить в один более общий закон или не следует,

ибо в конце концов, мы имеем один мировой процесс. Поэтому далеко не так существенно, будем ли мы его анализировать более детально или менее детально, ибо разноречие в этом отношении не могло бы подорвать основных положений настоящего труда, что социальный или надорганический мир должен быть изучаем столь же объективно, как и мир биологических явлений, без всяких экскурсий в область неосознаваемой и неуловимой народной или коллективной души или так называемого народного сознания. Будучи же изучаем строго объективно согласно методам рефлексологии, социальный мир естественно объединяется с органическими и неорганическими мирами как их дальнейшее развитие, а потому и к проявлениям социального мира получает применение та же энергетическая точка зрения, которая руководит нами и в изучении мира физических явлений. Как мир вещественный, будет ли он неорганическим или органическим безразлично, сводится к разнообразным проявлениям энергии, так и надорганический, или социальный, мир может и должен быть рассматриваем с точки зрения проявления энергии в массе людей, объединенных в один коллектив в виде собирательной личности, подобно тому, как и проявления деятельности отдельного индивида сводятся к проявлениям энергии же, получаемой им извне.

С применением строго объективного метода к изучению социального или надорганического мира выясняется, что новая научная дисциплина – коллективная или общественная рефлексология – самым теснейшим образом связывается с разрабатываемой мною рефлексологией отдельной личности. Как в последней вся деятельность человека рассматривается с точки зрения воспитания, развития и взаимной координации различных сочетательных рефлексов, возникающих в силу тех или иных воздействий на воспринимающие органы, являющиеся трансформаторами внешних энергий, так и в коллективе как собирательной личности мы встречаемся с теми же самыми процессами возникновения, развития и взаимной координации коллективных сочетательных рефлексов. И это вполне понятно. Если коллектив, связывающий ту или другую группу лиц, объединенных общим настроением или общими интересами, является собирательной личностью, то к нему должно быть приложено все то, что относится к отдельной личности, за исключением

^ См.: Бехтерев В. М. Об основных законах мира в связи с рассмотрением социальной жизни с точки зрения рефлексологии. С. 171–204.

350

того, чем собирательная личность отличается от отдельной личности, особенно что касается взаимной индукции, подражательности, внушаемости и других форм взаимовлияния.

Отсюда естественно, что и развитие коллективных рефлексов и вообще все проявления собирательной личности идут в общем теми же путями, как и проявления отдельной личности.

Строго объективное изучение личности приводит нас к выводу, что индивид есть результат воздействия внешних энергий, что он сам есть скопление энергии, главным аккумулятором которой являются клеточные элементы и, в частности, нервная система вообще и центральные ее органы в особенности. Отсюда ясно, что все действия отдельной личности внешне определены, о чем я говорю подробно в своей книге «Общие основы рефлексологии человека», а, следовательно, подчиняются действию целого ряда внешних причин. Уже неоспоримой истиной является, как мы знаем, зависимость количества преступлений, самоубийств, число рождений от цен

на хлеб. Колебания в количестве краж, например, по данным прусской статистики, из года в год поразительно совпадают с колебаниями цен на рожь. Даже число таких, казалось бы, мелких и капризных действий, как описки на адресах писем, стоит в прямой зависимости от социально-экономических условий.

Произведенные мною специальные исследования по этому вопросу не оставляют в этом отношении никакого сомнения. <В конце концов преступление, – говорю я в своей работе, посвященной этому предмету, – является роковым исходом из действия целого ряда общих предрасполагающих и непосредственно действующих или ближайших факторов> ^ . В числе последних необходимо принять во внимание как характер самой личности (включая и темперамент), в котором отразилось все прошлое ее жизни и условия ее развития в смысле влияния наследственности, зачатия и плодотворения, так и все другие условия, действовавшие на данную личность как условия воспитания и окружающая среда (товарищество, деклассация^{^*}, экономическое положение) и, наконец, тот или другой непосредственный повод. Эти-то все условия и определяют, почему именно при данных социально-экономических условиях дело преступления выпадает на данную, а не на какую-либо другую личность.

Но если закономерность явлений устанавливается по отношению к отдельной личности, то в одинаковой мере должна существовать закономерность и в отношении действий собирательной личности или коллектива, являющегося совокупностью личностей как объединенных аккумуляторов энергии.

Мы уже знаем, что географические, климатические, политико-экономические и иные условия определяют как нравы, так до известной степени и характер общественных установлений. Исторические события также неизбежно вытекают из определенных предшествующих условий и хороший управитель должен знать, куда направляется русло общественной жизни и какой можно предвидеть его исход.

Gouverner c'est. prévoir говорит французская поговорка, и это практический вывод народной мудрости, сделанный из наблюдений за движением народных масс, которое в конце концов выполняется по столь же непреложным законам, как и движение небесных тел.

Вполне естественно затем, что, если коллектив представляет собой собрание личностей в форме как бы объединенных аккумуляторов энергий, то и закономерность явлений при этом должна проявляться в тех же формах,

^^ Бехтерев В. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности. СПб., 1912. С. 37.

351

как и в отношении отдельной личности. Вот почему мы имеем более или менее полное соответствие в отношении зависимостей, открываемых при анализе высших проявлений отдельной и собирательной личности, а эти зависимости в свою очередь являются воспроизведением и дальнейшим развитием зависимостей, открываемых при анализе органического и неорганического мира. Иначе, конечно, дело и не могло обстоять и, если это не обнаруживалось – при предшествующих исследованиях, то, как кажется, исключительно потому, что к целому ряду явлений низшего порядка, каса-

ющихся деятельности человека и человеческих обществ, применялась до сих пор та субъективная точка зрения, которая служила препятствием к объединению гуманитарных знаний с физико-биологическими науками. Между тем мировой процесс есть проявление единой мировой энергии, и где бы и в каких бы формах последняя ни обнаруживалась, она проявляется везде и всюду одними и теми же соотношениями и подлечит одним и тем же зависимостям или законам.

ДААННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

В ОБЛАСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ

До последнего времени, если не считать анкетного способа опросов, эксперимент в прямом смысле этого слова почти не применялся к задачам изучения деятельности коллектива. Правда, иногда делались и эксперименты над коллективом, но их цель сводилась ничуть не к выяснению коллективных реакций или рефлексов как таковых. Они служили обыкновенно для выяснения значения свидетельских показаний или для массового выяснения тех или других вопросов психологии отдельных лиц без обращения особого внимания даже на то влияние, которое может оказывать масса или группа лиц, в ней находящихся.

В этих исследованиях дело шло таким образом по существу о таких же экспериментах, каковые вообще производились в экспериментальной психологии с тем различием, что здесь пользовались для опыта не отдельными испытуемыми в одиночку, а целой массой испытуемых одновременно, что в сущности даже ослабляет чистоту самих опытов.

Цель нижеприводимых опытов другая – выяснить сочетательно-рефлекторную или нервно-психическую деятельность коллектива как определенной собирательной личности по сравнению с деятельностью отдельной личности. В этом смысле задачи коллективной рефлексологии, как мы понимаем, сводятся главным образом и прежде всего к следующему.

1. Чем рефлексы целого коллектива вообще отличаются от рефлексов отдельной личности при более или менее одинаковых условиях эксперимента.
2. Как рефлексы коллектива видоизменяются в зависимости от изменения состава коллектива.
3. Как рефлексы коллектива видоизменяются в зависимости от тех или других внешних и внутренних условий, в которых оказывается коллектив.
4. Как рефлексы отдельной личности видоизменяются, т. е. стимулируются или тормозятся в связи с влиянием на личность самого коллектива по сравнению с проявлениями тех же рефлексов и той же личностью вне коллектива.
5. Как рефлексы отдельной личности видоизменяются в коллективе в связи с различным его характером и составом.
6. Как рефлексы коллектива видоизменяются под влиянием воздействий той или другой личности.
7. Какие из воздействий отдельной личности и при каких условиях наиболее действительны по отношению к коллективу.
8. Как и каким способом коллектив действует на самую личность в смысле внушения, убеждения и других форм воздействия.

9. Выяснение особенностей того или другого коллектива по внешним его проявлениям в форме коллективных рефлексов.

10. Каковы наиболее основные проявления раздражителей, действующие на коллектив.

^ Доклад, сделанный В. М. Бехтеревым при открытии съезда по психоневрологии в Москве

15 января 1923 г. Эксперименты проводились с участием М. В. Ланге.

23 В. М. Бехтерев

353

К этим главным задачам, не говоря о многих других, сводится разработка путем эксперимента коллективной рефлексологии. В этом направлении эксперимент в сущности не применялся к коллективной рефлексологии. В литературе мы встречаем лишь указания на попытки применить экспериментально-психологический эксперимент к наиболее элементарной форме коллектива – толпе, например, со стороны известного французского ученого Фере. Автор нашел в отношении ощущений, что общее возбуждение всегда отражается приращением динамического эквивалента. Поэтому уже простое пребывание в толпе, судя по его опытам, поднимает динамические силы. Я думаю, однако, что и толпа толпе рознь. Возбужденная толпа это одно, а толпа угнетенная, например, на похоронах и во время паники, – другое. И не может, вообще говоря, настроение толпы отражаться на отдельной личности одинаковым образом вне зависимости от различных взаимоотношений между толпой и личностью. Вот почему эти примитивные эксперименты, не имевшие, по-видимому, своей целью разрешение сложных вопросов коллективной деятельности, не могут быть приняты как руководящие для дальнейшего изучения предмета.

С другой стороны, эксперименты нередко осуществлялись в школьной обстановке над массой лиц одновременно в целях выяснения тех или других вопросов экспериментальной педагогики, таковы опыты Sterna, Clapareda. Нечаева и многих других. Эти опыты без сомнения имели свое значение в разрешении тех или других вопросов, например, для выяснения вопросов внушения и вопросов, связанных со свидетельскими показаниями; но и в этом случае множество объектов, участвовавших в опыте, бралось как количество, а не имелось в виду выяснение вопроса, как общая работа самого школьного коллектива влияет на участвующих в ней сверстников или как влияет работа отдельного школьника на деятельность самого коллектива, что в сущности и составляет главный предмет исследований в области коллективной рефлексологии.

Мы не находим нужным касаться здесь старой и новой литературы по психологии народных масс, к каковой относятся исследования Tard'a, LeBon'a, Dougalla, Wandt'a, Михайловского, Копельмана, de la Grasserie, Rossi и др. Все существенно необходимое о них сказано в недавно вышедшем в свет моем сочинении <Коллективная рефлексология> ^ Замечу лишь, что все упомянутые авторы в большей или меньшей мере трактуют о народных массах, применяя к ним методы субъективной психологии, что я считаю в корне неправильным, и о чем я подробно говорил в только что цитированном сочинении. Недостаткам субъективного метода, мне кажется, мы обязаны в значительной мере установлением широко распространенного взгляда, что толпа есть коллективное существо низшего порядка по сравнению с индивидуальностью, которая в толпе не только обезличивается, но и всегда будто бы принижается в отно-

шении продуктивности своих выявлений. Надо при этом заметить, что понятие толпы у авторов не ограничивается понятием уличной толпы, а вообще относится к любому собранию лиц в форме коллектива: так Габеяли дает иллюстрацию вышеуказанной мысли по отношению к выборам в профессорской среде, например, ректора в университете. <Выбирают того, чей выбор наименее задевает самолюбие, кто не выдается, наиболее невзрачного. Часто желают иметь таковым наиболее терпимого, снисходительного, стоворчливого, имеющего наименьшее значение, одним словом человека наименее энергичного и решительного. Таким образом выбранный не пользуется доверием ни сторонников, ни противников> ^ Так ли это, предоставляю судить другим. Но мой жизненный опыт говорит другое.

^ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921.

" Там же. С. 203.

354

Приблизительно такого же взгляда держится и М. Нордау. <Соедините двадцать или тридцать Гете, Кантов, Гельмгольцев, Шекспиров, Ньютонов и т.д. и предложите их решению или суждению практические вопросы минуты. Рассуждения их, может быть, будут различаться от суждений обыкновенного собрания, но что касается выводов, они ни в чем не будут отличаться от выводов обыкновенного собрания> \

Однако, что же тут удивительного, если дело касается, как в данном случае, практических вопросов, в которых наверное и Гете, и Кант, и Гельмгольц) и другие гении не более сильны, нежели самая обыкновенная лавочница.

Тем не менее вышеуказанная мысль несмотря на неудачную иллюстрацию этих двух авторов разделяется весьма многими. Так, Э. Ферри ту же мысль выразил следующим образом: <Совокупность нескольких способных людей не всегда служит гарантией их общей способности: собрание здравомыслящих людей может быть лишены единодушия, как в химии от соединения двух газов может получиться жидкость> ^

Я не привожу других мнений— Лебона, Сигеле, Сиддиса и некоторых других сходственных. Могу лишь прибавить, что для объяснения вышеуказанной мысли дается и пояснение: будто бы в коллективе высшие проявления ума не складываются, а как бы вычитаются друг из друга, выливаясь в форму средней линии, все же ценное и разнородное сглаживается, ни вел ируется.

Однако, так ли это? В своей <Коллективной рефлексологии> я высказываюсь по этому поводу с решительным сомнением и критикой: <Что касается большей глупости коллектива по сравнению с отдельными индивидами, то в этом отношении, говорю я, многое было высказано без достаточного взвешивания всех обстоятельств. Прежде всего, нельзя смешивать, как уже сказано, уличные толпы, связанные одним лишь настроением, с другими коллективами. С другой стороны, то, что делает отдельный индивид, есть плод часто долговременных поисков и стараний, основанных к тому же на синтезе коллективной работы, тогда как толпа большей частью принуждена принимать решения, которые не могут быть откладываемы на более или менее долгое время. Вместе с тем решение толпы является равнодействующей или вернее средней арифметической мнений целого ряда лиц, составляющих толпу, и, следовательно, характер решения определяется самым составом толпы, а потому при преобладании в ней посредственностей и мнение ее окажется посредствен-

ным, но вовсе не доказано, что толпа умных людей будет давать коллективное мнение, которое окажется глупее, нежели в том случае, если бы оно при тех же самых условиях было высказываемо каждым в одиночку> ^

С другой стороны, в <Коллективной рефлексологии> я останавливаю внимание на том, что даже уличная толпа может быть и героической и часто является даже жертвой благородных порывов, а, следовательно, неправильно приписывать уличной толпе одни свойства дикого зверя, как принимают многие авторы (Tard, Sighele и мн. др.). Я провожу также мысль, что возвеличение личности перед толпой или коллективом является взглядом слишком односторонним, ибо в сущности личность постольку может играть роль в истории, поскольку она олицетворяет и синтезирует в своем лице определенное мировоззрение и использует активность того или другого коллектива. Так, лидер партии олицетворяет собой всю силу данной партии, монарх олицетворяет собой господствующий и служилый класс и к нему примыкающие элементы. В этом отношении личность есть как бы синтез

* Сияем С. Преступная толпа: Опыт коллективной психологии. СПб., 1893. С. II.

' Там же. С: 13.

^ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. С. 205.

23>

355

взглядов определенной партии, класса, слоя и других коллективов, а иногда и укоренившихся традиций, передаваемых из поколения в поколение. В конце концов, не общество есть продукт личности, а наоборот, личность есть продукт общества.

Из работ, появившихся после выхода в свет моей <Коллективной рефлексологии>, я имел возможность ознакомиться с работами Freud'a, Kollarits'a, Donald' a. Работа первого автора, как и все его более ранние работы, проникнута субъективизмом и к нашей теме не имеет близкого отношения; что касается работы Kollarits'a, то она устанавливает две психические группы народностей в Европе, характеризуя их с точки зрения религиозных и других воззрений. По сущности своей она также не имеет отношения к нашему исследованию. А MacDonald " изображает образовательное состояние народов, статистически представленное в отношении безграмотных, посещающих школы, учителей средних и высших школ, книг в библиотеках, газет и повременных изданий, а также в отношении патосоциальных явлений. Автор в отношении преступности вообще, убийства и нанесения смертельных побоев преступности против собственности, душевнобольных в заведениях, самоубийств, внебрачных рождений, брачных расторжений и разделов, дает довольно интересные параллели. По его выводам, народы с большим числом безграмотных дают большее число убийств, высокий процент мертворождений и случаев смерти в течение первого года и редкость самоубийств. Наоборот, у народов с малым числом безграмотных самоубийства часты.

Работа Д. MacDonald'a заслуживает большего внимания как основанная на статистическом материале. Но она опять же не относится к нашему предмету.

На этом мы покончим с данными литературы и перейдем к постановке и результатам своих опытов^.

Начиная с зимы 1918 г. и в течение 1919-1923 гг., мной в разное время с участием моих сотрудников (ассистентов при занимаемой мной кафедре) производились исследования первоначально в детском саду Каш-

кадамовой над детьми обоего пола в возрасте 6–10 лет, а затем в аудиториях над студентами и студентками медицинских курсов, в Государственном

" Макдоналд Д. Р. Социалистическое движение: Пер. с англ. Пг" 1919.

^ Лишь после того, как настоящая работа была доложена на 1 Всероссийском съезде по

психоневрологии, я узнал, что в Германии вышла книга Moede W. Experimentelle Massenpsychologie. Beitrage zur Experimentalpsychologie der Cruppe L., 1920 и лишь в самое

последнее время мне удалось с ней познакомиться. Автор поставил себе целью выяснить,

какие изменения происходят в психике индивида под влиянием коллективных факторов,

т. е. факторов взаимодействия. Строго придерживаясь экспериментально-психологического

метода, он стремился в первую очередь установить <порог коллективного сознания>; поэтому

каждый опыт ставился им сначала на отдельной личности, а затем на группах из 2, 3, 4 и

более лиц (максимум группы достигал 16 участников). Задачами исследования были: авто-

матические движения, воля и сила волевого напряжения, болевые ощущения, внимание,

память и ассоциации. На основании полученных результатов д-р Moede приходит к выводам,

что реакции отдельного индивида изменяются уже, начиная с группы из 2-х лиц, причем

взаимодействие здесь часто сильнее, чем в количественно больших группах. В каждом

коллективе взаимодействие бывает двух родов: тормозящим и стимулирующим. Смотря по

интенсивности взаимодействий внутри группы, Moede различает коллективы статические и

динамические. Чем слабее влияние коллектива на своих членов, тем больше коллектив

приближается к статическому типу; чем взаимодействие сильнее, тем больше он является

динамическим. В опытах на внимание, память и ассоциации коллектив приближался к статическому типу; в опытах на автоматические движения, волю, силу, волевые

напряжения и болевые ощущения, в особенности там, где появлялся фактор соревнования, коллектив

являлся динамическим.

Как будет видно из последующего изложения, наша работа проведена в другом направлении.

Пользуясь строго объективным методом, мы имеем в виду вовлечь коллектив в общую объединяющую его деятельность и в этой его деятельности выяснить особенности кол-

лективных проявлений по сравнению с проявлениями отдельных лиц, входящих в состав

коллектива.

356

институте медицинских знаний, в Ленинградском медицинском институте и над слушателями Педагогического института социального воспитания

нормального и дефективного ребенка, а также на Высших педологических курсах Государственной психоневрологической академии, т. е. в тех учреждениях, где я читаю лекции по рефлексологии. Эти опыты производились мной обыкновенно на самой лекции и входили в самый курс лекций как практически демонстративная часть <Коллективной рефлексологии>.

К участию в этих опытах были привлечены сотрудники по заведываемой мной рефлексологической лаборатории Института по изучению мозга – Звоницкая и М. В. Ланге и как ассистенты читаемых мной курсов по рефлексологии, д-р Триродов-Казаченко (в декабре 1921 г. выбывший из состава ассистентов), В. Н. Мясичев, Н. И. Добротворская и д-р Шумков.

Разбор полученного материала происходил в рефлексологической лаборатории Института мозга, а в обработке опытов принимали участие слушатели и слушательницы Высших педологических курсов: З. Д. Меньшикова, Г. И. Оришич, О. М. Степанова, Б. Ф. Польшман, М. Ю. Шлепянова и А. Б. Шульговская под общим руководством М. В. Ланге. Эти опыты мы считаем далеко еще не законченными, они продолжают и будут еще продолжаться в последующее время. В настоящий доклад вошла относительно небольшая только часть произведенных мной многочисленных опытов, ибо часть пришлось откинуть совсем по тем или другим основаниям; остальные будут опубликованы позднее.

Прежде чем приступить к коллективному эксперименту, мы должны отдать себе отчет в отношении того, что собственно следует понимать под названием коллектива.

Надо сказать, что в этом отношении далеко не имеется согласия между авторами. По самой сути дела коллективом следует именовать то собрание людей, когда между ними устанавливается известная коллективная связь и взаимоотношение. Не входя в дальнейшие подробности по этому предмету, замечу, что целый ряд авторов (де Роберта, Зиммель, Новиков, П. Сорокин, Гиддингс, Драгическо, Бугрэ, Фулье, Грассери, Уорд, отчасти Гумплович и др.) в основу коллектива кладут взаимодействие между сочленами коллектива или общественниками. Однако, всякое ли взаимодействие является основой коллектива? 77. Кропоткин ^ полагал, что в основе образования соединений, т. е. общества, или что то же, коллектива, лежит взаимопомощь индивидов. Другого взгляда на этот счет держится П. Сорокин ", полагая, что как животные, так и люди входят в соприкосновение не для взаимной только помощи, но и для борьбы. Лев ищет добычи, входя с ней в соприкосновение, паразиты взаимодействуют с организмами, являющимися их жертвами. Люди взаимодействуют и общаются друг с другом не только для взаимопомощи, но и для взаимоистребления (войны, драки и пр.). Спор двух противников, доходящий до драки, дает пример кратковременного объединения людей, а длительное единение будет представлять такие единения, как борьба никониан и раскольников, католиков и еретиков, преследуемых первыми, в том числе святая инквизиция с ее жертвами,

^ Почти во всех первоначальных ответах некоторые испытуемые не заполняли дополнительных листков, вследствие чего нельзя было учесть влияния на них коллективной работы.

Другие испытуемые по рассеянности или по каким-либо иным причинам не вносили сведений о поле, возрасте, образовательном цензе и т. д. Все такого рода неполноценные записи пришлось выделить при разработке материала и не брать их в расчет при выводе

результатов, вследствие чего пропал целый ряд опытов.

Вышеупомянутые дефекты устранялись нами постепенно по мере улучшения и выработки самой техники в постановке подобного рода опытов.

^ Кропоткин П. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919.

^ Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1.

357

религиозные споры и войны и т. п. Это ничуть не недосмотр, ибо автор говорит в примечании: <Подчеркиваю, что с моей ненормативной точки зрения группа взаимодействующих раскольников и никониан суть коллективное единство, реальная совокупность, ассоциация> ^ . Ясно, что это даже не может быть названо парадоксом. И на этом-то в корне ненаучном базисе, где коллективным единением признается драка, зуботычина, убийство и т. п., построена многотомная социология П. Сорокина, в которой таким образом в корне ненаучные отделы вступают в своеобразное коллективное единение с научными ее отделами.

Мы будем держаться здесь того определения, которое дано мной в <Коллективной рефлексологии>: <Коллектив только тогда является настоящим коллективом, т. е. объединенным целым, когда благодаря воздействию одних его членов на других устанавливается их единение в том или другом отношении> ^ . Все пояснения к этому определению коллективного объединения, как солидаристического взаимодействия, можно найти в той же книге в отделе <О коллективном объединении>. Эта точка зрения заставила меня остановиться на такой постановке опытов, где имело бы место то или иное объединение между индивидами в смысле пассивного или активного участия в общей работе, как например, коллективное наблюдение или различие, выявление коллективного отношения к предмету или действию, коллективное творчество и т. п.

Первоначальные мои опыты, осуществленные в детском саду Кашкадомовой вместе с моей сотрудницей Звоницкой, имели целью выяснить вопрос, в какой мере совместная (хотя по существу своему индивидуальная) умственная работа, производимая учениками в сообществе своих сверстников, отличается от работы тех же учеников, производимой каждым в одиночку. Для указанной цели мы взяли умственный счет как особо чуткий показатель в смысле повышения или понижения умственной работоспособности. Мы избрали для этой цели детский сад опять-таки не без цели, ибо, как мы знаем, детский возраст вообще отличается значительно большей возбудимостью, нежели взрослые люди, а потому на детях ярче должно было выступить влияние участия в совместной работе.

Все дети, подвергнутые испытанию, прошли первоначальные правила арифметики (сложение и вычитание), но в отношении возраста и успешности были разделены на младшую группу (до 8 лет) и старшую группу, в большем возрасте.

План работы состоял в следующем: 10 человек детей старшего возраста и столько же детей младшего возраста должны были пройти через 3 серии опытов на сложение двухзначных цифр. Каждая серия состояла из 5 сеансов, по 5 мин. каждый сеанс. Испытания происходили всегда в одно и то же время дня – после горячего завтрака, которым пользовались все дети одинаково. Первая серия опытов была проведена в течение апреля месяца (1918 г.). Опыты этой серии происходили в классе. Группе детей, состоявшей, как сказано выше, из 10 человек, выставлялись большие таблицы с рядами

двухзначных цифр, связанных знаком + для сложения их друг с другом. Каждый ученик молча производил счет по выставленным таблицам и записывал в своей тетрадке результаты сложения.

Вторая серия опытов происходила по тому же плану в течение мая месяца. Здесь работа была изолированной, т. е. присутствовали только испытуемый и экспериментатор; ученику давался новый ряд двухзначных цифр. Третья серия опытов снова происходила в классе, так же как и первая серия. Этой третьей серией опытов мы хотели проверить влияние упражняемости, но закончить третью серию опытов нам не удалось по общим

" Там же. С. 312.

^ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Ч. 1. С. III.

358

условиям того времени; был июнь месяц; дети стали посещать школу нерегулярно; на одни опыты являлись, на другие нет. Также не удалось правильно поставить опыты над детьми младшего возраста; поэтому мы приводим здесь данные только относительно опытов первой и второй серий, проведенных над детьми старшей группы.

Само собой разумеется, что учениками делались при счете те или другие ошибки, но в числе этих ошибок были такие, которые могли быть отнесены к пропускам и опискам, а не к действительным ошибкам в счете, вследствие чего пришлось разделить самые ошибки на действительные ошибки и на пропуски и описки.

В прилагаемых двух таблицах приводится результат произведенной учениками во время опытов работы. Помещенные в таблицах числа являются среднеарифметическими из 5 рядов наблюдений, т. е. указывают среднее число правильных решений в течение 5 мин. для каждого ребенка, а также среднее число сделанных им ошибок как в групповой работе (см. табл. I), так и в изолированной (см. табл. II).

Таблица I. Серия I (совместная работа)

Имя испытуемого	№ ученика	Возраст	Число произведенных в течение 3 мин арифметических действий								
			правильно	ошибок	описок						
Костя	1	9 л. 3 м	15	2	0.50						
Сережа	Шура	Петя	11	8 л. III	8 л. 3 м IV	9 л. 23	23.6	23.7	0.75	1	1.25
			0.25	0.40	0.50						
Нина	V	8 л. 3 м	25.4	0.60	0.20						
Кирилл	Володя	VI	9 л. VII	8 л. 11м.	25.6	30.7	0.66	1			
Коля	VIII	9 л.	46.5	1.25	1.80						
Таня	IX	9 л. 2м.	56.2	0.80	1						
Вячеслав	X	9 л. 10м	58	0.60	0.40						
Всего	-	-	327.7	8.91	6.05						

Таблица II- Серия II (изолированная работа)

Имя испытуемого	№ ученика	Возраст	Число произведенных в течение 5 мин арифметических действий			
			правильно	ошибок	описок	
Костя	1	9 л. 3 м	16.22	0.50		
Сережа	11	8 л.	27	1.50	1	
Шура	III	8 л. 3 м	22.50	0.25	-	

Петя	IV	9 л.	34.50	0.75	1.25		
Нина	V	8 л. 3 м	23.40	0.83	—		
Кирилл	VI	9 л.	24	—	—		
Володя	VII	8 л. 11м.	37.70	0.50	0.25		
Коля	VIII	9 л.	44	1.25	2.50		
Таня	IX	9 л. 2м.	65.80	1	0.60		
Вячеслав	X	9 л. 10м	64.50	1	—		
Всего	—	—	359.62	7.58	5.60		

359

Мы видим, что в общем изолированная работа количественно интенсивнее (359.62 против 327.70) и качественно выше работы совместной (на 1.33 меньше ошибок, и на 0.45 меньше описок). Но является ли это свойством самой изолированной работы или результатом некоторой упражняемости мы по этим данным судить не можем, ибо, как сказано, третью, проверочную серию опытов провести не удалось.

Что касается влияния совместной работы на каждого испытуемого в отдельности, то мы видим, что шесть учеников из десяти (см. табл. I и II, №№ I, II, IV, VII, IX и X) в одиночестве работали интенсивнее, чем в группе. Остальные четверо (III, V, VI и VIII) работали интенсивнее в группе. Если же мы сравним наиболее сильных и наиболее слабых учеников, например, I, III и V, VII, IX и X, то увидим, что чем лучше ученик, тем лучше он работает в одиночестве. Характерно также, что в одиночестве сделано меньше описок, что можно объяснить большей сосредоточенностью.

Эти данные совпадают с результатами позднейших опытов, произведенных д-ром Moede ^ над рядом школьников в Лейпциге. Худшие ученики, по его словам, в большинстве случаев выигрывали при совместной работе, лучшие же — проигрывали.

Эти наши данные, как полученные еще в 1918 г., определились тогда же, во всяком случае еще до появления в свет книги д-ра Moede.

В предыдущем деле идет собственно о групповой умственной работе, при которой нет никакого объединения между членами группы при выполнении ими самой работы, вследствие чего и там, и здесь мы имеем работу отдельных индивидов, но в первом случае эта работа выполняется в присутствии сверстников, во втором же случае вполне изолированно, если не считать присутствия не участвующего в работе экспериментатора. Эти выводы мы не считаем окончательными, и опыты будут продолжаться.

Дальнейшие серии опытов относятся: 1) к слушателям Высших педагогических курсов Государственной психоневрологической академии, состоявшим из педагогов, мужчин и женщин, 2) к слушателям Государственного института медицинских знаний и 3) к Ленинградскому медицинскому институту, состоящим исключительно из студентов и студентов-медиков, причем в первых двух группах женщины и мужчины делились почти поровну, а в последней группе имелось большое преобладание женщин.

Возраст первой группы колебался между 20–25 годами, возраст двух последних групп приблизительно равнялся 18–25 годам.

Для вовлечения всего коллектива как целого в самую работу во всех трех группах мы поступали таким образом. В качестве раздражителя во всех опытах за небольшим исключением (см. ниже опыты с творчеством на создание проекта памятника и на определение времени) мы пользовались

специально предназначенным для этой цели зрительным объектом, который выставлялся перед аудиторией, смотря по его сложности, на время от 10 до 15 с. Самый же опыт мы производили так: первоначально всем слушателям раздавалось по листку бумаги, на котором просили отмечать пол, возраст, образовательный ценз, близорукость или дальновзоркость, если они имелись, а в позднейших опытах и любимое занятие, а также место в ряду скамеек. Когда это было проделано всем коллективом, определялось количество участвующих в опыте лиц, после чего выставлялся объект как раздражитель без всяких к нему пояснений; аудитория предупреждалась только непосредственно перед показыванием объекта о необходимости внимания к нему. В случае же опыта с творчеством, где объекта-раздражителя не имелось, давалось задание с тем немногословным объяснением, которое признавалось необходимым.

^ Moede W. Experimentelle Massenpsychologie.

360

Когда задание было пояснено, всем в одиночку предлагалось записать то, что было необходимо выявить в опыте вслед за устранением объекта-раздражителя. После того все записки отбирались. Тут же производилась их группировка по общему характеру содержания, а затем мы подвергали последовательно все части содержания этих записок коллективному обсуждению вслух. Ассистенты вели подробный протокол этого обсуждения. Затем приступали к голосованию, дабы получить окончательное коллективное решение по отношению к тому или иному объекту обсуждения. Голосование в опытах производилось поднятием рук с выяснением количества согласных, несогласных и воздерживающихся. Под именем последних обозначались те, для которых было неясно то или другое отношение к данному случаю. Их голоса при общем подсчете делились поровну и присоединялись затем в половинном размере к согласным и в половинном размере к несогласным. Результаты голосования тут же вносились в протокол. Затем отбирались записки от всех участников опыта, раздавались новые листки и предлагалось каждому записать возможное изменение его мнения. Когда таким образом коллективно намечались решения по поводу каждой частности объекта, также коллективным голосованием устанавливалось коллективное решение в пользу тех или других вопросов общего характера, если таковые имелись в данном опыте. По такому плану делались пока наши первоначальные опыты по коллективной рефлексологии, составляющие предмет настоящей работы, но само собой разумеется, что имеется в виду в дальнейшем разнообразить методику экспериментального исследования коллективных рефлексов в зависимости от цели самого эксперимента.

Наши опыты произведены пока с коллективным воспроизведением, с коллективным выявлением сочетательной деятельности, с различием сходственных изображений (анализом), с установлением сходства между различными объектами (синтез), с коллективным отношением к поведению, с коллективным творчеством, с коллективным определением времени и пространства и с влиянием личности на коллективное отношение к предъявленному объекту. Что касается влияния коллектива на личность, то оно выявлялось почти в каждом из опытов.

Опыты эти, которые последовательно имеют целью захватить и другие вопросы, связанные с деятельностью коллектива, требуют, как легко себе представить, кропотливой последовательной обработки, вследствие чего в настоящее время я ограничусь рассмотрением только некоторых из этих опытов.

Поясним теперь же некоторые данные, с которыми пришлось считаться при обработке полученного материала. В опытах на наблюдательность (предъявлена была в одном случае картина больших размеров, изображавшая пульмановский паровоз, стоящий на рельсах в поле; в другом случае предъявлено изображение шести общеизвестных животных) при разработке данных опыта были исключены все встречавшиеся в записках выражения о субъективных впечатлениях, полученных при рассмотрении картин и рисунков, как-то: <красиво исполнено> или <прекрасный летний день>, <теплая южная ночь>; исключены также субъективные суждения о демонстрированном предмете, например: паровоз должен быть американской системы или новый паровоз, только что выпущенный с завода> и, наконец, не приняты во внимание обозначения цветов, как например: паровоз синий, фиолетовый, ярко-красный и т. д. ввиду того, что эти субъективные показания при особом подсчете будут обрабатываться особо. Таким образом в окончательном итоге в этих ответах подсчету и анализу подлежат только воспроизведенные отдельные детали предъявленных картин и рисунков, иначе говоря, IX перечислений; также исключены записки, в которых испытуемый говорит, что по тем или иным причинам плохо видел объект.

361

В ответах на констатирование различий между двумя таблицами с изображениями животных (предъявлены изображения общеизвестных животных: слон, лев, собака, кролик, лягушка, жирафа, в двух следующих друг за другом таблицах, различающихся друг от друга изменением их позы) также исключены все субъективные обозначения рисунков, например: <животные в спокойном состоянии> или <животные в двигательном эффекте>, <зайчик грустит>. В результате в этих опытах подсчету подлежали только такие указания испытуемых, которые давали сравнение рисунков обеих таблиц в отношении тех или других деталей, например, на 1-й таблице <уши подняты>, на 2-й – <уши прижаты> и т. д.

В опытах на отношение к поведению (предъявлены две картины воровства мальчиком яблок в саду, поимки его садовником и порки последним мальчика) исключены, напротив, все описания предъявленных рисунков и деталей как ненужных для цели опытов. Принято во внимание только отношение к поведению мальчика и отношение к поведению садовника. Анализ этого отношения показал, что одни испытуемые подходили к критике поведения с точки зрения правовой, другие – с общественно-этической, третьи – с медицинской, четвертые – педагогической; поэтому подсчет оценок произведен согласно этим отправным точкам зрения. При этом в видах однообразия в опытах были приняты во внимание только заявления о реакциях, которые были вызваны в зрителях действиями мальчика и садовника.

Наконец, при обработке опытов на творчество (предложено создать проект памятника поэту Некрасову) исключены как неподходящие к делу взгляды на значение Некрасова в русской литературе и русской народной жизни вообще; принято же во внимание только то, что относилось непосредственно к проекту памятника, т. е. его общему виду, его деталям и руководящему в проекте основному мотиву.

Возьмем с самого начала опыт на наблюдательность или способность примечать с предъявлением большой стенной красочной картины, изображающей пульмановский паровоз в поле.

Картина представлена аудитории Государственного медицинского института в течение 15 с. с предупредительным – <внимание>. Затем было предложено тотчас же описать на розданных листках возможно подробнее. Когда эта запись была произведена каждым в отдельности лицом, предложено было всему коллективу перечислить вслух детали предъявленной картины и сообща обсудить правильность или неправильность записи, после чего каждому участнику опыта предоставлялось на свободном месте розданных листков исправить или дополнить свое первоначальное описание картины в той или другой ее части, если испытуемый признавал правильным то, что было высказано во время обмена мнений. На первую запись давалось 10 мин, на вторую – 5 мин.

В результате коллектив заметил 41 деталь предъявленной картины: из них 7 мнимых (или иллюзорных) деталей (дым, пар, пламя, машинист, дрова, уголь, вагоны) и 34 детали, соответствовавших действительности (котел, труба, конус, звезда, площадка, решетка, лесенка, будка машиниста, спицы, щиты, надпись <пожарный рукав>, тендер, полотно, рельсы, облака, деревья, ручеек, трава, постройки, рама, ободок рамы, подпись <слесарь>, колеса, фонари, герб, инициалы, цифры: 2000 и 222). Последние шесть деталей определялись некоторыми испытуемыми не вполне точно, например, изображен герб или инициалы, или имеется и то и другое, имеется цифра 2000, 222 или 2222 и т. д. Такие ответы отнесены к числу ошибочных определений.

В результате этого опыта мы получили следующие данные (см. табл. № III).

362

Таблица III

Число деталей, замеченных всем коллективом. (Участников опыта-66)

	До обмена мнений		После обмена мнений		Изменение работы коллектива	
	после обмена мнений, %					
ных деталей	абсолютные	цифры	%	абсолютные	цифры	%
Правильных	284	80.9	118	86.1	+32.7	
Неправильных		29	8.1	17	12.4	+4.7
Мнимых	39	11	2	1.5	+0.6	
	352	-	137	-	+38	

После происшедшего в коллективе обмена мнений мы видим общее увеличение числа замеченных деталей (137), значительное увеличение правильных показаний (118), небольшое увеличение ошибочных ответов (17) и почти полное исчезновение иллюзорных определений (2).

Является ли это результатом равномерной репродукции или растормаживания каждого участника в отдельности, или же работой определенных групп в среде самого коллектива? Если мы распределим участников опыта в порядке правильно данных ими ответов, то увидим, что наблюдательность развита была у членов коллектива крайне неравномерно. В то время как одни успели в течение 15 с правильно заметить до 10 деталей, другие могли заметить всего 1-2 детали. Большое индивидуальное разнообразие в репродукции сохранилось и после обмена мнений: одни испытуемые добавляли до 6 деталей (максимум), другие всего до 2 и 1 детали (максимум).

Между тем коллектив был довольно однороден по возрасту и образова-

тельному цензу своих сочленов – студенты-медики II курса – но разнороден по составу полов, состоя почти из равного количества мужчин и женщин. Репродукция женщин оказалась много слабее репродукции мужчин.

Индивидуальное различие мы находим и дальше, уже внутри мужской и женской групп коллектива.

Распределение участников и участниц опыта, в порядке данных ими правильных отчетов мы находим в коллективе 4 группы (см. табл. IV и V):

1. Сильную группу мужчин. Входящие в ее состав 15 человек подметили правильно в среднем 6.2 детали (табл. V).
2. Сильную группу женщин. Входящие в ее состав 18 человек репродуцировали правильно, в среднем, 5.1 детали (табл. VI).
3. В слабой группе мужчин (15 чел.) воспроизведено, в среднем, 3.46 детали.

4. В слабой группе женщин (18 чел.) в среднем 2.61 детали. Как отразилась на этих четырех качественно различных группах коллективная работа? Мы видим, что выиграли все 4 группы, хотя и не в равной мере. Правильность ответов возросла у сильной группы мужчин на 22%, у сильной группы женщин на 35%; у слабой группы мужчин на 38.1% и у слабой группы женщин на 44%. Ошибочность осталась у всех 4 групп, но мнимые детали дала после обмена мнений только самая слабая группа коллектива 5.6% (табл. V и VI).

Обмен мнений оказался в данном опыте наиболее продуктивным для самой слабой группы коллектива (процент правильных ответов увеличился на 44; см. табл. IV), тогда как в наиболее сильной группе (1) улучшение

363

Таблица IV

Характер примеченных деталей	Число примеченных деталей Мужской группой коллектива (30 человек)			Женской группой коллектива (30 человек)			Характер примечен-				
	До обмена мнений		%	После обмена мнений		%	абсолют-		%		
	абсолют-	ные %		абсолют-	ные %		абсолют-	абсо-			
Правильных	145	86.8	47	85.5	+28.1	Правильных	139	75.1	71	86.6	+38.3
Неправильных	14	8.4	8	14.5	+4.8	Неправильных	15	8.1	9	11	+4.9
Мнимых	88	--	--	Мнимых	31	16.8	2	2.4	2	2.4	+1.1
Итого	167	55	--	+32.9	Итого	185	82	--	+44.3		

работы сказались в 22%. Но в той или иной мере выиграли от коллективной работы все 4 его группы ".

В общем коллектив несомненно устраняет в значительной мере число иллюзий, хотя ошибочные воспроизведения как менее значительные заблуждения мало им исправляются.

Выравнивание шло таким образом в данном опыте не вниз, а вверх. К тому же эта нивелировка не идет в ущерб точности воспроизведения, а наоборот, от нее последняя только выигрывает. Вместе с этим надлежит признать, что личность в коллективе несомненно приобретает, обогащается, ибо вместе с обсуждением личность иногда воспроизводит больше деталей и даже более точно, нежели это могло быть сделано индивидуально без участия коллектива. Даже те, которые почти ничего не могли воспроизвести индивидуально, после обсуждения воспроизводили иногда без всяких ошибок несколько деталей.

В экспериментах Moede, производившего опыты главным образом в классах над школьниками, работа <худших>, по его выражению, в коллективе повышается, работа же

<лучших> часто остается без изменения, а иногда и понижается. Надо, однако, заметить, что в опытах Moede сравнивается изолированная, индивидуальная работа ученика с его же работой в группе, причем никакой общей работы группой не производилось, а дело

шло лишь об индивидуальной же работе, но произведенной в классе, т. е. в присутствии

других без всякого обмена мнений, тогда как в наших опытах сравнивается совместная работа членов коллектива до и после обмена мнений.

В дальнейшем анализ групп, входящих в состав этого коллектива, показал, что только часть

деталей предъявленной картины воспроизводилась как тем, так и другим полом, другая же

часть деталей примечалась или одними женщинами или одними мужчинами. Мужчины воспроизводили детали, относившиеся к самому Паровозу (тендер, кран, труба и т. д.), т. е.

к главной части картины, женщинами репродуцировано много деталей, относящихся к окружающей обстановке (рама, ободок рамы, трава, ручеек и т. п.). Ни один мужчина не

репродуцирует этих деталей; зато женщины минуют решетку паровоза, будку машиниста

(но видят самого машиниста, которого не существует), крышку трубы и ободок колес тендера, которые не отмечены мужчинами. Если же сравнить детали, репродуцированные

тем и другим полом, то оказывается, что паровоз репродуцирован всеми мужчинами (100),

женщинами же (при расчете на 100) - 77%, колеса обозначили 73 мужчины и только 43 женщины, трубы отметили при этом же расчете 47 мужчин и 22 женщины, тендер отмечен

33 мужчинами и 10 женщинами. Все это лишь до общего обсуждения, но эта разница в полах значительно сглаживается после обсуждения в коллективе. Таким образом в кол-

лективном обсуждении сглаживаются не только различия индивидуальных показаний, но и

различия в показаниях отдельных полов.

Таблица V

Характер примечен- ных деталей обмена мнений	Число примеченных деталей Сильной группой мужчин (15 человек)			Сильной группой женщин (18 человек)			Характер работы	Сильной группой женщин (18 человек)			
	До обмена работы		После обмена мнений	До обмена мнений		После обмена мнений		До обмена мнений		После обмена мнений	
	абсол.	%		абсол.	%			абсол.	%		
	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%		абсол.	%		
Правиль- ных	93	89.4	23	92	+22	Правиль- ных	92	76.7	42	91.3	+35
Непра- вильных	8	7.7	2	8	+2	Непра- вильных	10	8.2	4	8.7	+3.3
Мнимых	3	2.9	-	-	-	Мнимых	18	15	-	-	-
Итого	104	-	25	-	+24	Итого	120	46	-	38.3	

Таблица VI

Характер примеченных деталей обмена мнений	Число примеченных деталей Слабой группой мужчин (15 человек)			Слабой группой женщин (18 человек)			Характер работы	Слабой группой женщин (18 человек)			
	До обмена работы		После обмена мнений	До обмена мнений		После обмена мнений		До обмена мнений		После обмена мнений	
	абсо- пнтг-	абсо- лктт-		абсо- лктт-	абсо- пктт-						
	ные цифры	ные цифры	ные цифры	ные цифры							
Правиль- ных	52	82.5	24	80	+38.1	Правиль- ных	47	72.4	29	80.6	+44
Непра- вильных	6	9.6	6	20	+9.5	Непра- вильных	5	7.6	5	13.8	+7.1
Мнимых	5	7.9	-	-	-	Мнимых	13	20	2	5.6	+3.5
Итого	63	-	30	-	+17.6	Итого	65	-	36	-	+54.6

Между прочим рассматриваемые опыты с воспроизведением дают прекрасный случай выявить внушаемость отдельных лиц. Уже из того, как нивелируются отдельные мнения в коллективном обсуждении, видно, что некоторое влияние, несомненно, принадлежит взаимному внушению лиц, участвующих в коллективе. При этом с помощью подходящих вопросов нетрудно выявить внушаемость отдельных лиц в толпе. Например, относительно изображения пульмановского паровоза достаточно было в одном из опытов спросить относительно дыма из трубы паровоза, чтобы несколько лиц тотчас же откликнулись на этот вопрос, заявив о виденном ими дыме и о его направлении и распространении, между тем как на самом рисунке дыма не было изображено вовсе. Здесь в сущности выявлялось внушающее влияние руководителя собрания, так как влияние ошибочного показания относительно картины кого-либо из участников собрания далеко не сказыв-

обсуждении вопроса.

Другой опыт на репродукцию, состоявший в предъявлении 6 изображений общеизвестных животных, подтверждает сказанное относительно первого опыта (с пульмановским паровозом). В этом опыте, поставленном на Педагогических курсах, между прочим 20 лицами до общего обсуждения указано было 54 детали, после обсуждения было названо еще 15 деталей, следовательно, всего 69 деталей. Всеми участниками дано было правильных показаний до обсуждения 92, ошибочных 47, всего 139. После обсуждения число правильных показаний возросло на 84, ошибочных на 8. Таким образом, правильных показаний после обсуждения оказалось 176, ошибочных 55.

В числе других опытов для сравнения индивидуальной и коллективной деятельности мы поставили опыты на различие и сходство. Опыт на определение различия ставился таким образом, что аудитории предъявлялись один за другим два больших сходственных рисунка с небольшим различием в деталях изображений. Мы пользовались для этой цели теми же рисунками животных. Животные (собака, лягушка, слон, верблюд, кролик, лев) были изображены на двух картинах в различных позах; задание состояло в определении этих поз после того, как обе картины были показаны одна вслед за другой, каждая в течение 10 с. Для другого опыта было взято изображение гуся на одном рисунке и лебедя на другом рисунке. Оба изображения в естественных условиях жизни данных птиц, т. е. на воде. Задание состояло также в определении различия между тем и другим. Для определения сходства мы взяли на одном и том же рисунке изображения двух столь различных объектов, как взрослая женщина и ребенок-девочка, давая задание найти между ними сходство.

Из опытов на определение различия деталей в изображениях животных я приведу результаты первого опыта, осуществленные в аудитории Государственного института медицинских знаний.

Всего участников опыта было 13 чел. Каждый рисунок с изображением 6 животных был предложен вниманию аудитории в течение 10 с. Затем всем участникам предложено записать те различия, которые они заметили между изображениями животных на одном и на другом рисунке. Оказалось по заметкам, что всех отмеченных различий указано было аудиторией 42, но из них 33 было правильных, а 9 было неправильных или ошибочных. Когда эти отдельные наблюдения были подвергнуты обсуждению, то число правильно отмеченных различий достигло 40 и в то же время число ошибочных показаний убавилось до 2. Иначе говоря, коллектив из 9 ошибок, сделанных отдельными наблюдателями, исправил 7 и на то же число улучшил результат сравнения, сделанного отдельными лицами. В этом опыте на сравнение, лежащее в основе анализа, также можно было отметить обогащение личности после взаимного общего обсуждения как в количественном, так иногда и в качественном отношении.

Что касается опыта на определение сходства, лежащего в основе синтеза, то, как мы видели, объектом сравнения были взяты изображения взрослой женщины и ребенка-девочки. Участников опыта было 14. Индивидуально ими были отмечены следующие внешние сходства: в отношении цвета волос (см. рис. 1) (1), цвета глаз (1), антропологического типа (1), позы, формы тела (2), общих черт лица (2), семейного родства (2) стройности фигуры (4), пола (женщина будущая и настоящая) (4), изящества одежды (8). Таким образом только последний признак собрал большинство голосов, остальные оказались одиночными. Что же сделал коллектив? Из упомянутых внешних сходств, он при обсуждении избирает антропологический, т. е. расовый тип

следующем виде: слушателями Педологических курсов, среди которых преобладающую группу представляют учителя I и II ступени средней школы, было предъявлено изображение в размере двух ватмановских листов с одной стороны – воровства мальчиком яблок в чужом саду и появление сторожа с палкой, с другой стороны – поимка мальчика сторожем и наказание пойманного на месте преступления мальчика садовником в виде порки [^]. Участников опыта было 24, но одна участница себя исключила ввиду неизве-

[^] Рисунки заимствованы из атласа Рыбакова с некоторыми видоизменениями.

367

стности всех обстоятельств при совершении проступка мальчиком. Таким образом на самом деле в опыте участвовало всего 23 человека. После предъявления этих двух вышеуказанных изображений было предложено вникнуть в содержание предъявленного и записать результат своего отношения к изображенному на предварительно розданных листках бумаги с обозначением как всегда на том же листке возраста, пола и образовательного ценза. После того, как затем каждым в отдельности была сделана запись на своем листке по поводу содержания предъявленной картины, приступлено было к обсуждению каждого мнения в отдельности. При этом естественно, что одни к нему присоединились, другие отвергали, после чего обсуждаемое мнение подвергалось окончательному голосованию, причем каждому предлагалось либо оставаться при своем мнении, либо отказаться от него и присоединиться при голосовании к чужому мнению, записав изменение мнения в свой листок. Выяснившееся в записях отношение отдельных лиц к действиям изображенных на картине лиц сгруппировалось по следующим категориям: 1) отношение к вине мальчика; 2) отношение к наказанию мальчика; 3) отношение к порке с общественно-этической точки зрения; 4) отношение к порке как педагогической мере воздействия. В этом опыте интересно, как отношения отдельных лиц после обсуждения в коллективе теряли своих адептов или приобретали новых защитников. Так, вина мальчика была признана индивидуально 12 лицами (см. рис. 2); за необходимость наказания мальчика индивидуально высказались 16 лиц. Таким образом и виновность, и необходимость наказания мальчика были признаны значительным большинством лиц. После обсуждения в коллективе за виновность мальчика высказалось 15 лиц, а по обсуждению за наказание в коллективе высказалось всего 12 лиц, следовательно, взгляд о наказании мальчика поколебался. Затем индивидуально высказано было 3 лицами, что, если мальчик воровал яблоки с голода, то он наказанию не подлежит. При обсуждении в коллективе к такому отношению тотчас же присоединились многие, так что число приверженцев этого отношения увеличилось до 18. Затем 4 лица на своих записках индивидуально высказали взгляд, что, если мальчик-лакомка, то посечь можно, но это отношение в коллективе нашло сочувствие еще всего лишь среди 3 членов. В общей сложности за такое отношение таким образом высказалось 7 человек и, следовательно, оно провалилось. Три человека индивидуально высказались за то, что при этих обстоятельствах достаточно мальчика отодрать за уши, но в коллективе это отношение также не встретило сочувствия и за него подано всего 2 голоса, из чего видно, что половина приверженцев этого отношения от него отказалась.

Таким образом общее отношение коллектива к действиям изображенных лиц выразилось формулой: виновен, но при голоде наказанию не подлежит, а если мальчик-лакомка, то заслуживает снисхождения. Интересно сравнить индивидуальное отношение к порке с отношением к той же порке коллектива. Индивидуально отдельными лицами отмечено, что

порка-грубость (1 чел.), порка-жестокость (1 чел.), порка-варварство (1 чел.), порка-насилие над слабым (2 чел.) и, наконец, порка-возмутительна (1 чел.). Таковы были индивидуальные отношения, заявленные 5 различными лицами из 23 человек и, следовательно, заявления эти имели значение лишь как взгляды отдельных лиц. Как же смотрит на порку коллектив? Оказалось, что первое отношение к порке было принято 19 лицами, второе 23, третье 22, четвертое 17 и пятое 17. Таким образом, коллектив огромным большинством голосов сказал, что порка и грубость, и жестокость, и варварство, и насилие над слабым, и возмутительна, тогда как в одиночку 18 человек в первоначальных записях не сразу осудили порку и не возмущались ею.

368

--- коллективное суждение

Рис. 2. Опыт на коллективное суждение (Высшие педологические курсы)

Не менее интересно сравнение индивидуальных отношений и отношения коллектива как целого к порке как педагогической мере. Индивидуальные записи были следующие: <порка-педагогическое недоразумение> (1), <порка - метод естественных последствий> (1), <порка - внушение с эмоциональной окраской> (1), <порка не исправляет> (II), <есть личности, на которых гуманные меры не действуют> (1), <следует посечь секущего>. После обсуждения в коллективе за <педагогическое недоразумение> высказались 12 лиц, за метод <естественных последствий> - 8, за <внушение с эмоциональной окраской>-II, за <вред с гигиенической точки зрения>-17, за существование лиц, <на которых гуманные меры не действуют>, - 8, за <сечение секущего> - 7. Таким образом, придерживаясь большинства голосов, следует признать, что коллективное отношение выразилось формулой: порка вредна с гигиенической точки зрения, порка есть <педагогическое недоразумение> и что порка не исправляет.

24 В. М. Бехтерев

369

Нет надобности пояснять, что такое отношение коллектива к порке должно быть признано по существу правильным и во всяком случае в качественном отношении выше взгляда некоторых отдельных участников собрания. Заслуживает внимания, что в коллективе педагогов порка решительно осуждена с общественной (этической) точки зрения, тогда как с педагогической точки зрения, хотя и признана мерой негигиеничной, но взгляд, что порка <педагогическое недоразумение>, принят незначительным большинством, следовательно, вопрос вызвал большое разногласие, равно как и вопрос, исправляет ли или не исправляет порка как мера воздействия. Групповой анализ этого коллектива (по возрасту, полу и образовательному цензу) показывает, что за порку высказались: 1) исключительно мужская группа, 2) наиболее молодые из этой группы от 19 до 23 лет, 3) люди с очень малым педагогическим стажем и со средним образованием; также из мужской группы тот, кто горячо восстал против порки и в свою очередь предложил <высечь секущего>, был тоже молод (21 г.) и был лицом со средним образованием. Все женщины, независимо от возраста и образования, за исключением одной, колебавшейся, были противницами порки как с этической точки зрения, так и с гигиенической. Так как в этом коллективе преобладал численно женский элемент, то он и повлиял гуманизирующе на общее решение коллектива. Повлиял и возраст: молодые люди, стоявшие за порку, от своего отношения после

обмена мнений отказались. Предложение же <высечь секущего> не встретило сочувствия коллектива.

Тот же самый опыт мы произвели затем для сравнения в Ленинградском медицинском институте при 13 участниках-слушательницах и слушателях того же Института. Уже индивидуальные показания здесь дали мало разнообразия и самые записки отличались в большинстве случаев краткостью. Здесь не было выражено отношения к порке ни с педагогической, ни с общественно-этической точек зрения. Индивидуально большинство голосов высказалось за осуждение сторожа. Между тем коллектив оправдал сторожа и осудил мальчика, но признал заслуживающим снисхождения. Итак, в то время как педологи отнеслись с вниманием к положению мальчика и почти не интересовались сторожем, в Медицинском институте осудили мальчика и оправдали сторожа. Мальчик виновен, хотя и заслуживает снисхождения. Среди медицинской молодежи коллективное отношение было более, так сказать, прямолинейным и формальным, без углубленного отношения к происшедшему, в частности к ребенку, поступок которого вызвал у педагогов всестороннее обсуждение.

Таким образом эти два ответа показывают между прочим существенно различное отношение двух коллективов к одному и тому же происшествию, что можно объяснить главным образом различным составом коллектива; в одном случае будущие медики, в другом учителя; и частью же, быть может, и неодинаковым возрастом ^" участников обоих коллективов: с одной стороны - юная молодежь, с другой - более зрелые лица.

Что касается опытов с коллективным творчеством, то они были осуществлены путем заданий подготовить проект памятника Толстому, Достоевскому, Некрасову ^; мы остановимся здесь на проекте памятника поэту Некрасову. Опыт произведен на Высших педологических курсах, следовательно, среди педагогического персонала. На составление и запись проекта дано 10 мин. Перед опытом было предложено записать, как обыкновенно, свои инициалы, возраст, пол и образовательный ценз. Когда на том же

^" В будущих опытах мы постараемся выяснить эти вопросы более детально.
^ Мы производили и другие опыты на творчество, например написать по поводу чернильницы с воткнутом в нее пером или написать на тему <весна и осень>, но в настоящей работе мы их не приводим. Они будут рассмотрены в другом месте.

370

Проект памятника Некрасову (Опыт на Высших педологических курсах.)

^^^ - индивидуальное творчество
---- коллективное творчество

Рис. 3. Опыт на коллективное творчество

листке был записан каждым его проект памятника, т. е. какую именно форму он считал бы нужным придать памятнику, записки прочитывались вслух, причем каждая новая деталь памятника, встречаемая в отдельных записках, подвергалась обсуждению и голосованию. Общее число участников в опыте было 16 (см. рис. 3). Но одним было признано, что Некрасов ввиду его

личных качеств недостойн памятника. Следовательно, в обсуждении участвовало 15 человек. Один из участников предложил чисто символический памятник в виде женщины, закованной в цепи, долженствующей изображать крепостную Русь и Некрасова, ее освобождающего, одним предложен был памятник в виде белого обелиска с венком из колосьев и с надписью <Некрасову>. Затем памятник в виде учреждения, посвященного поэту Некрасову, был предложен 3 лицами. Были сделаны еще другие предложения, например, памятник с изображением отдыхающей женщины (4 лицами), и памятник с изображением трудящегося народа; с изображением крестьянских детей (4 лицами), с изображением страдания русской женщины (2 лицами), с изображением народа в труде (5 лицами), с изображением ведения к свету трудящегося народа (1 лицом). Из надписей, кроме <Некрасову>, было сделано предложение написать: <сейте разумное, доброе, вечное>. Изобразить фигуру поэта на памятнике предложено 6 лицами. Место постановки памятника на родине предложил один, в Ленинграде предложено 4 лицами.

Интересно отношение коллектива к этим различным и не имеющим ничего общего друг с другом предложениям. Ни отрицание памятника, ни предложение поставить белый обелиск, ни предложение изобразить отдыхающую женщину или страдающую русскую женщину не встретило поддержки со стороны коллектива, несмотря на то, что некоторые из этих предложений сделаны несколькими (3 или даже 4) лицами. Лишь изображение крестьянских детей, предложенное 4 лицами, привлекло еще 2 лиц их коллектива, а изображение

24-

371

Памятник Некрасову (Опыт в Петроградском медицинском институте)

индивидуальное творчество
-- коллективное творчество

Рис. 4. Опыт на коллективное творчество

народа в труде, предложенное 5 лицами, привлекло новых 3 голоса, но за то изображение <ведения к свету и знанию трудящегося народа>, предложенное 1 лицом, привлекло 9 лиц и, следовательно, объединило 10 лиц из 16.

Предложение поставить на памятнике фигуру поэта, внесенное первоначально 6 лицами, привлекло еще 2 и таким образом объединило 8 лиц; надпись <Некрасову>, предложенная 1 лицом, объединила 6 человек, а надпись <сейте разумное, доброе, вечное>, предложенная также 1 лицом, объединила 8 человек. Место постановки памятника на родине, предложенное 1 лицом, не привлекло к себе лишнего голоса, тогда как постановка памятника в Ленинграде, предложенная 4 лицами, привлекла на свою сторону еще 3 лиц при нескольких воздержавшихся. Этот опыт ясно показывает, как коллектив отвергает все крайности, как, например, отрицание памятника Некрасову или постановка ему памятника в форме учреждения, или столь простой памятник, как белый обелиск с венком из колосьев, или, наконец, слишком символический памятник в виде женщины, закованной в цепи. С другой

372

стороны, сделанное всего одним лицом удачное предложение: <ведение к свету и знанию трудящегося народа> подхватывается педагогами и кол-

лективным умом проект памятника Некрасову выливается в форму изображения на памятнике трудящегося народа и ведения его к свету с фигурой поэта, очевидно, наверху и с надписью <сейте разумное, доброе, вечное>, причем местом памятника избран Ленинград.

Отметим, что то же задание было проведено в Ленинградском медицинском институте, где имеется другой состав слушателей – по образованию медицинская молодежь, более далекая от литературных интересов, чем педагоги. Опыт в этом случае дал уже качественно другие результаты (см. рис. 4). Прежде всего обращает на себя здесь внимание бедность содержания памятника в индивидуальных предложениях. При этом и самый коллектив не мог определенно высказаться ни в отношении надписи (ограничились только указанием, что надпись должна быть из произведений), ни в отношении изображений на памятнике фигур (ограничились лишь указанием, что барельефы должны быть взяты из произведений поэта). Самый памятник вышел более простым и реалистическим. При этом коллективу пришлось даже помогать постановкой некоторых вопросов, ибо в индивидуальных проектах не оказалось самого существенного. В общем выяснилось, что произведения и личность Некрасова лучше изучены педагогами, чем медиками, что вполне естественно.

В заключение упомяну еще об опыте на определение времени, произведенном на Высших педологических курсах. Опыт имел в виду выяснить, влияет ли коллектив на результаты опытов в зависимости от содержания или его влияние может стоять и вне зависимости от содержания задания. Здесь требовалось определить промежуток времени, протекший между двумя последующими ударами руки по кафедре и представлявший в действительности $1^{\wedge}/2$ с. Этот опыт при 58 участниках показал, что более или менее точное определение таких промежутков времени большинством не может быть с точностью достигнуто. Обычно промежуток времени отдельными лицами либо недооценивается, либо переоценивается и последнее в большей мере, нежели первое. Лишь сравнительно небольшое число (9 из 58) определило в опыте промежуток времени правильно". Но если сравнить коллективное определение времени (выясненное путем голосования отдельных определений), то оно оказалось во всех отношениях ближе к истине, как в отношении большего числа лиц, высказавшихся за данный в опыте промежуток времени (со включением воздержавшихся около 20), так и в отношении уменьшения размера недооценки и в особенности переоценки. Таким образом и в определении времени, где в сущности никакого содержания нет, коллективное решение имеет преимущество по сравнению с показаниями отдельных лиц. Подведем теперь итог всему вышеизложенному.

Выводы

Наряду с тем, что было установлено уже прежними авторами относительно значения подражания в коллективе и нивелировки проявлений отдельной личности, наши исследования заставляют признать, что коллективная деятельность в некоторых отношениях имеет несомненное преимущество перед индивидуальной. Так, репродукция внешних воздействий в коллективе безусловно выигрывает. То, что может воспроизвести коллектив *viribus unitis*, несомненно больше и в количественном, и до известной степени в качественном отношении, поскольку такое явление, как, например, устранение иллюзий у мужчин и уменьшение их числа у женщин, может указывать на улучшение воспроизведения в качественном отношении.

Не выяснено при этом, не пользовались ли они мысленным счетом.

То же следует сказать и относительно наблюдательности различия сходственных объектов. В этом отношении несомненно коллектив достигает лучших результатов по сравнению с индивидуальными показаниями и в то же время коллектив исправляет значительную часть ошибок, делаемых отдельными людьми. Далее, и в отношении установления сходства между объектами различного характера индивидуальные показания в такой мере идут в разбивку, что в нашем опыте только один признак и притом внешний (изящество одежды) собрал большинство голосов, тогда как коллектив тотчас же наметил целый ряд внешних и внутренних сходств, устранив из индивидуальных показаний те, которые не соответствовали действительности или не имели значения. Таким образом и здесь коллективная деятельность имеет безусловное преимущество перед индивидуальной. Далее, в отношении к поведению мальчика, воровавшего яблоки, оказалось, что коллектив педологов, признав виновность мальчика, поколебался, вопреки мнению отдельных лиц, в необходимости наказания и даже определенно высказался, что, если мальчик воровал под влиянием голода, то наказанию не подлежит, а если лакомка, то все же он не заслуживает ни порки, ни отодрания за уши, иначе говоря – заслуживает снисхождения. Таким образом коллективное отношение оказалось здесь несомненно более правильным и даже более углубленным по сравнению с отношением отдельных лиц к тому же мальчику. Точно также и в отношении порки вообще и порки как педагогического мероприятия коллектив без колебания установил несмотря на разноречие отдельных лиц, что порка, – грубость, жестокость, варварство, насилие над слабым; что порка – педагогическое недоразумение и что она вредна с гигиенической точки зрения, следовательно, коллектив опять же выявил вполне соответствующее отношение к порке и, что называется, разобрался в вопросе. Мы видели затем, что коллектив иногда совершенно видоизменяет решение, уже подготавливавшееся индивидуальными показаниями, и видоизменяет, исправляя его в лучшую сторону. Так было с тем же заданием в Ленинградском медицинском институте, где индивидуально большинство высказалось за виновность сторожа без достаточного основания, тогда как коллектив нашел, что оба заслуживают снисхождения.

Что касается творчества как процесса, стоящего в прямой зависимости от большей или меньшей одаренности и индивидуальных качеств творца, то мы не имеем возможности судить за неимением прямых опытов о существенных особенностях и различиях коллективного творчества по сравнению с творчеством отдельных лиц. Надо думать, что этому роду деятельности, где особую роль должна играть степень одаренности и в особенности талант, каждому, как индивиду, так и коллективу, принадлежит своя роль; в отношении стиля, замысла и его развития при особой одаренности индивидуальная деятельность, очевидно, должна иметь преимущество перед коллективной, но что касается критики и исправления индивидуальной работы, или, по крайней мере, указаний на ее погрешности и в отношении ориентировки в разных формах творчества в смысле определения его качества и общего к ним отношения, преимущество приходится отдать, по-видимому, коллективной деятельности.

Во всяком случае, согласно нашим опытам, коллектив в выработке общего плана какого-либо задания, критикуя отдельные взгляды, выявляет себя в положительном смысле, отмечая все крайности и останавливаясь на предложении, сделанном хотя бы одним лицом, но таком, которое наиболее отвечает цели задания. Также и другие предложения очищаются в коллективном горне и выходят из него только те, которые наиболее соответствуют заданию.

Наши опыты показывают затем, что можно вносить в коллектив продукты своей индивидуальной деятельности, давая толчок тому или другому выявлению в коллективе, и, следовательно, тем самым индивид может определять

374

направление деятельности коллектива, но сама личность несомненно обогащается в коллективе, приобретая или заимствуя от него то, что не могло быть приобретено личностью вне коллектива. Убедительные данные в этом отношении могут быть почерпнуты из опытов на репродукцию и из опытов с различием сходственных фигур и из ряда других опытов.

Наконец, имеются данные полагать, как это показывают опыты с определением времени, что коллективное решение улучшает правильность индивидуальных показаний даже там, где нет возможности руководиться содержанием задания.

Далее, применяемый нами метод дает возможность установить характеристику отдельных коллективов, как это мы видели в ряде опытов, произведенных то среди педагогов, то среди слушателей Государственного института медицинских знаний, то среди слушателей Ленинградского медицинского института. Примером могут служить вышеприведенные опыты с репродукцией картины, с выяснением отношения к воровству и наказанию и с творчеством. При этом выяснилось, что характер и углубленность решения коллектива стоят в прямой зависимости от состава самого коллектива.

Также различие между полами выявляется в коллективе с полной ясностью, что между прочим можно было проследить на опыте с репродукцией картины.

Наши опыты еще находятся в начале их производства несмотря на то, что мы ведем их уже много лет, начиная с 1918 г. Они будут с каждым годом еще разнообразиться и углубляться, но уже и нынешние результаты дают полное основание исключить очень распространенное мнение, что коллектив умственно менее работоспособен по сравнению с отдельными индивидами, его составляющими, и что он будто бы устраняет проявление лучших индивидуальных качеств личности. Лучшие индивидуальные проявления не только не подавляются, но наоборот они поддерживаются и оттеняются путем выдвижения их на первый план. С другой стороны, неправильные или ошибочные показания отдельных лиц или совершенно устраняются, или в большей или меньшей мере исправляются и в то же время отменяются все проявления отдельных лиц более крайнего характера. Благодаря этому окончательный результат коллективной деятельности является более или менее согласованным и несомненно выигрывает по сравнению с разноречивой деятельностью входящих в коллектив отдельных лиц.

В общем продуктивность работы коллектива зависит от его состава и большей или меньшей подготовленности его сочленов к выполнению данного задания. Он работает в пределах уже достигнутого отдельными индивидами, его составляющими. Критикуя и согласуя взгляды отдельных, входящих в коллектив индивидов и контролируя индивидуальную работу, он в то же время ограждает ее от чересчур грубых ошибок и отмечает все крайности и резкости. Вследствие этого коллективная работа в конечном итоге выигрывает по сравнению с работой отдельных лиц. Из наших слов отнюдь не следует делать вывод, что мы считаем коллективное решение всегда и везде непогрешимым: мы видели в опытах (на репродукцию, наблюдательность и др.), что часть ошибочности остается и после обмена мнений. История человечества полна примеров

коллективных ошибок и массовых заблуждений (см. интересную в этом отношении работу д-ра Loewenberg'a) ". Тем не менее заслуживает внимания, что каждый отдельный член в общей работе коллектива обогащается новыми приобретениями в той или иной степени. Чем сильнее и богаче личность, тем меньше она черпает из коллективной работы; чем беднее личность, тем она приобретает больше; уравнение происходит таким образом вверх, улучшая слабых, а не вниз, в смысле ухудшения сильных.

^ Loewenberg. \Лет die Dumrnheit. Munchen, 1910.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Труд В. М. Бехтерева <Коллективная рефлексология> был опубликован в 1921 г. (М-Пг, издательство <Колос>). Настоящий выпуск представляет его первое переиздание, осуществляемое по указанному изданию 1921 г. Представляя собой первую в отечественной науке фундаментальную работу в области социальной психологии, <Коллективная рефлексология> занимает важное место в цикле рефлексологических и психологических трудов Бехтерева. В ней с позиций естественно-научного, объективного подхода обобщается предмет и задачи общественной психологии, ее метод, определяется проблемное поле социально-психологических исследований, приводится и анализируется огромный эмпирический материал, касающийся феноменологии различных социальных общностей, форм и видов межличностного и межгруппового взаимодействия.

ЧАСТЬ 1

^' Позднее рядом авторов были показаны возможности применения методов самонаблюдения и самооценки в изучении коллективных явлений. Так, А. Н. Лугошкиным для психологической самодиагностики юношеских групп были специально разработаны так называемые методики эмоционально-символической аналогии (Эмоциональные потенциалы первичного коллектива/Под ред. Л. И. Уманского. Ярославль, 1977. С. 16-27).

^' Хотя следует признать, что эта дискуссия не завершена, однако, термины <коллективное сознание>, <коллективные представления>, <воля коллектива> и др. широко используются в современной социально-психологической литературе.

^' Оставаясь междисциплинарной наукой, в дальнейшем социальная психология развивалась как отрасль психологического знания.

"*^' Необходимо дополнить, что уже в тот период социология активно опиралась на данные этнографии, исторической и экономической наук.

^' Термин <общественность> используется В. М. Бехтеревым в нескольких смыслах: в данном случае – как общество, в других – как группа, общность или их качество (например, совместность, коллективность) как, групповой фактор и т. п. Ни в одном из перечисленных смыслов термин <общественность> в настоящее время не используется.

^' В данном случае роль общения несколько преувеличена, так как различия в умственном развитии детей гброда и деревни объясняются прежде всего разными системами и качеством образования.

"' Проблема биологического и социального в развитии человека остается и в настоящее время одной из наиболее сложных. По данной проблеме регулярно проводились крупные дискуссии (Соотношение биологического и социального в человеке / Под ред. В. М. Банщикова, Б. Ф. Ломова. М., 1975.; Биологическое и социальное в развитии человека/ Под ред. Б. Ф. Ломова и др. М" 1977).

*' Имеется в виду психологический механизм группового усвоения: что-то (например, знания, опыт и т. п.) становится достоянием группы, т. е. принимается, присваивается ею.

^' Роль внутренней речи в процессе мышления человека была обстоятельно изучена позднее

(Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М" 1968).

^' В последующие годы научные представления об интеллекте и средствах общения не только первобытного человека, но и животных существенно изменились (Войтонис Н. Ю.

Предыстория интеллекта (К проблеме антропогенеза). М.; Л" 1949; Счастный А. И. Сложные формы поведения антропоидов. Физиологическое изучение <произвольной> деятельности шимпанзе. Л., 1972; Тих Н. А. Предыстория общества (сравнительно-психологическое исследование). Л" 1970.

^' В. М. Бехтерев занижает роль социальных условий жизни человека в развитии его руки.

Использование разнообразных орудий труда, ставшее важнейшим элементом социальной жизни человека в первую очередь и определило развитие руки человека.

Трудно согласиться с данным утверждением, так как именно искусственное приготовление пищи во многом характеризует социальные условия жизни человека.

376

^' Речь идет о социальных условиях. Термин <социальная подготовка> в настоящее время

используется в другом смысле: как специальное обучение умениям и навыкам успешного взаимодействия с людьми.

^' В. М. Бехтерев односторонне критикует работы перечисленных авторов. В настоящее

время вклад этих ученых в становление социальной психологии пересмотрен: кроме ошибочных представлений отмечены их крупные достижения. Например, Б. Д. Парыгин пишет <Вот почему именно в языкознании раньше, чем в других отраслях общественного знания, работами Лацаруса, Штейнталя, а в определенном отношении и Вундта было положено начало психологическому направлению, что многие авторы и расценивают как

начало возникновения социальной психологии вообще>. (Парыгин Б. Д. Основы социальной-но-психологической теории. М., 1971. С. 22).

^' Термины <общественное> и <коллективное> в настоящее время не рассматриваются как синонимы. Коллектив—это лишь часть общества как целого. В данном случае количественный признак приводит к качественным различиям между общественными и коллективными явлениями.

^' Дискуссия о преимуществах и недостатках объективных и субъективных методов в социальной психологии продолжалась еще длительный период времени. Примером объективного метода чаще всего рассматривается естественный и лабораторный эксперимент. Однако, в последние годы такое деление методов исследования ушло на второй план. Главным стала разработка процедур валидации и стандартизации методов, способов повышения их надежности, обоснованности, устойчивости и т. п. Тем не менее несомненной заслугой В. М. Бехтерева является его стремление разрабатывать объективные методы социально-психологического исследования.

^"' В. М. Бехтерев явно недооценивает различия в закономерностях поведения личности и группы, особенно толпы, и нередко тем самым становится на позиции индивидуально-психологического редукционизма при объяснении социально-психологических явлений. Не снимая всей остроты рассматриваемой им проблемы, подавляющее большинство исследователей (в том числе и в период работы В. М. Бехтерева) выступают против отождествления психологических закономерностей поведения отдельной личности и группы.

^* Чаще используется термин <наиндивидуальное> (групповое, коллективное, общественное и т. п.) сознание.

^' В дальнейшем развитие социальной психологии пошло в направлении, против которого здесь В. М. Бехтерев возражает. Именно реальная групповая, коллективная и общественная феноменология стала объектом социально-психологических исследований.

^' Вклад В. Вундта в становление социальной психологии оценивается высоко, а психология народов как научное течение, по мнению некоторых авторов, рассматривается одним из трех основных истоков социальной психологии (Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию: Пер. с нем. М., 1972. С. 19).

^' Именно здесь и возникает новая задача для социальной психологии: изучить взаимное влияние разных лиц в процессе и на процесс возникновения групповых представлений.

^' Труды по психологии толпы перечисленных авторов остаются интересными и для современного читателя. Несмотря на то, что толпа относится к одной из простых (по критерию социальной организации) форм, она очень сложна для строгого научного

исследования из-за своего стихийного возникновения и обычно кратковременного существования.

^ В. М. Бехтерев регулярно возвращается к обсуждению вопроса о взаимосвязи индивидуального и коллективного опыта. Однако, отвечает он на него неполно, когда говорит о <нивелировке> результатов индивидуальной деятельности или об <исглаживании> индивидуальных различий в коллективном опыте и т. п. Позднее, в частности в экспериментах на группах, функционирующих в экстремальных условиях жизнедеятельности, неоднократно было показано обратное явление: в совместной деятельности при строгом распределении взаимодополняющих функций усиливались индивидуальные роли и более четко, , выделялись личные вклады в результаты работы группы.

^ Термин <соотносительная деятельность>, предложенный В. М. Бехтеревым, не закрепился и не используется в психологии. Чаще всего в таких случаях говорят о <психической деятельности>.

^ Метод самонаблюдения может также использоваться для изучения типичных представителей тех или иных социальных групп как наиболее ярких выразителей групповой психологии.

^ Такие же методологические позиции занимали многие исследователи того периода развития психологии, в частности представители бихевиористического направления. Позднее это стало характерным для необихевиористов, этологов и некоторых психофизиологов, изучающих поведение животных и человека.

^" Имеется в виду психологический механизм заражения.

^ Эта мысль В. М. Бехтерева полностью подтвердилась: социально-психологические исследования трудовых коллективов развивались достаточно интенсивно (см., например: Психологические проблемы эффективности деятельности производственных коллективов / Под ред. О. И. Зотовой и др. Курган, 1981; Социально-психологические проблемы производ-

377

ственного коллектива/Отв. ред. Е. В. Шорохова и др. М" 1983; Социально-психологические резервы повышения эффективности деятельности трудового коллектива / Под ред. А. Л. Журавлева. М., 1989; Трудовой коллектив как объект и субъект управления/ Под ред. А. С. Пашкова. Л" 1980, и др.).

^"'^ Здесь и на нескольких последующих страницах В. М. Бехтерев формулирует задачи экономико-психологических исследований, что остается чрезвычайно актуальным и сегодня.

В нашей стране экономическая психология как отрасль знания лишь зарождается (Китов А. И. Экономическая психология. М" 1987), хотя ее основы и были заложены Г. Мюнстербергом еще в начале XX в.

^' Речь идет о реакциях, действиях и т. п.

^' Понятие <установки> как готовности действовать определенным образом по отношению к другим социальным объектам получило широкое распространение в социальной психологии. Позднее стали говорить о социальных установках применительно не только к личности, но и группе (Мингалеева Г. А. Роль коллективной установки в совместной деятельности производственной бригады // Социально-психологические факторы эффективности деятельности бригад. М., 1987. С. 79-95).

^' Конечно, не только и не столько социальные установки становились причинами войн между разными племенными группами, однако, отрицательные установки при этом, безусловно, усугубляли враждующие взаимоотношения.

"' Имеется в виду заражение.

^' В. М. Бехтерев фактически формулирует важную идею комплексного подхода в исследовании социально-психологических явлений, ставшего продуктивным в последующие годы.

^' Психология личности в разных социальных группах действительно стала одним из основных объектов исследования в социальной психологии (см., например: Коллектив и личность / Под ред. К. К. Платонова. М., 1975).

^' Речь идет о выделении социальной психологии как самостоятельной отрасли знания.

^"'^ Дискуссия о различиях объектов исследования в социологии и социальной психологии продолжается и в настоящее время. Однако, степень стихийности-организованности групп уже не рассматривается как основание разделения социологического и социального-психологического подходов. В ходе дискуссий предлагался целый ряд и других критериев разделения, например: малые и большие группы, реальные и искусственные (статистические) группы и т. п.

^' Точка зрения, сформулированная В. М. Бехтеревым, имеет широкое распространение и в настоящее время: социология, в отличие от социальной психологии, не ставит своей целью раскрыть глубокие механизмы возникновения и динамики тех или иных групповых и общественных явлений.

^' Ход повторяющихся дискуссий о предмете социальной психологии подтвердил эту мысль

В. М. Бехтерева: несмотря на большое число противников относительно самостоятельного статуса социальной психологии как в среде социологов, так и психологов, ей удалось выделиться и существовать в качестве отдельной научной дисциплины.

^' Такое разделение в подходах социологов и социальных психологов к исследованию групповых процессов в дальнейшем не сохранилось. И те, и другие специалисты изучали

социальные явления (процессы, состояния и свойства) безотносительно к тому, являются

ли они интеграционными или дезинтеграционными. В частности, исследование межлично-

стных и межгрупповых конфликтов сформировалось как крупное научное направление в социальной психологии.

^' Группа и коллектив как объекты социально-психологического исследования позднее

дифференцировались (как общее и частное). Коллектив стал рассматриваться как более

высокий уровень (или этап) развития группы. Эта идея была сформулирована А. С. Ма-

каренко и получила наиболее четкое оформление в работах Л. И. Уманского, А. В. Пет-

ровского и их сотрудников. (Уманский Л. И. Поэтапное развитие группы как коллектива

// Коллектив и личность. М" 1975. С. 77-87; Петровский А. В., Шпалинский В. В. Социальная психология коллектива. М" 1978).

^' Такое разделение коллективной и социальной психологии в настоящее время не встречается-

ся. Социальная психология изучает как организованные, так и стихийно формирующиеся

" , . группы.

В настоящее время термин <коллектив> используется в более узком, по сравнению с пониманием В. М. Бехтерева, смысле. Он не применяется для обозначения, например, толпы, народа или государства (из того, что предлагает В. М. Бехтерев), хотя общепризнанное понимание коллектива отсутствует и сейчас (см., например: Донцов А. И. Психология коллектива. М" 1985; Немое Р. С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. М" 1984; Коллектив и личность/Отв. ред. К. К. Платонов. М" 1975; Психологическая теория коллектива/Под ред. А. В. Петровского. М" 1979).

***' Н.Кареев явно преувеличивал роль психологии в становлении социологической науки.

Судя по тексту, это хорошо понимал В. М. Бехтерев, когда ниже писал о том, что общественная жизнь не исчерпывается психологическими взаимоотношениями различных групп, и что коллективная рефлексология - одна из основ социологии.

^' Позднее стало общепризнанным, что психологическое направление в социологии является

одним из важнейших источников формирования социальной психологии.

^' фактически В. М. Бехтерев формулирует проблемы и задачи исторической психологии, получившей впоследствии соответствующее развитие (История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анциферовой. М., 1971; Поршне> В. Ф. Социальная психология и история. М., 1979).

^' Речь идет о психологическом методе анализа продуктов деятельности, который широко применяется в психологии труда и искусства, этнопсихологии и исторической психологии, однако, он явно недостаточно используется в социальной и экономической психологии. В. М. Бехтерев несколько упрощает данный метод, говоря о том, что <по результатам нетрудно судить о характере деятельности>. Сам по себе этот метод не может дать объективные данные, не зависящие от мнения исследователя, так как он включает в себя обязательную интерпретацию полученных результатов анализа.

**' Это входит в задачи эволюционной и сравнительной психологии (см., например: Вагнер В. Биологические основания сравнительной психологии. С.-П.-М., 1913. Т. 1. Т. 2: Лурия А. Р. Эволюционное введение в психологию. М., 1975; Рогинский Г. 3. Развитие мозга и психики. Л" 1948; Тих Н. А. Ранний онтогенез поведения приматов. Сравнительно-психологическое исследование. Л., 1966).

^' Имеется в виду совместная деятельность. В последние годы этот термин стал

использоваться журналистами и публицистами.

^' Такой замены, однако, не произошло, и социальная психология продолжала изучать психологические проблемы общественного настроения, чувств и т. д. (см., например: Горячева А. И., Макаров М. Г. Общественная психология. Л" 1979; Парыгин В. Д. Общественное настроение. М" 1966; Платанов К. К. Что изучает общественная психология. М., 1971).

^' Речь идет о процессах дифференциации коллектива.

"' Мысль В. М. Бехтерева о пределе непосредственного общения в группе позднее была использована как важнейший критерий выделения так называемых малых (или контактных) групп, в отличие от средних и больших.

^' Влияние размеров группы на эффективность решения различных задач было специально изучено в целом ряде социально-психологических исследований (см., Галвановскис А. Я. Соотношение между величиной группы и успешностью ее деятельности. Дисс. ... канд.

психол. наук. М., 1983; Петровский А. В., Туровский М. А. Размер группы как социаль-но-психологическая проблема // Вопросы психологии. 1979. № 2).

^' Критика В. М. Бехтеревым физиологического редукционизма в социальной психологии сохраняет свою актуальность, так как попытки физиологического объяснения социальных явлений встречаются до сих пор.

"' Дальнейшее развитие психологии доказало обратное: большие успехи медицинской психологии, патопсихологии, а также психологии творчества были основаны в том числе на использовании перечисленных методов исследования. Анализ дневников и воспоминаний, результаты самонаблюдения, анамнестический и биографический методы и др. многое дали для познания развития психических явлений, к которым трудно применимы так называемые объективные методы исследования.

^' Позднее было показано, что учета только прошлого опыта явно недостаточно для объяснения реакций на те или иные раздражители. Стали говорить о большой совокупности внутренних условий личности, опосредствующих внешние воздействия.

"' В этих рассуждениях В. М. Бехтерева можно увидеть некоторые противоречия. Например, он призывает к тому, чтобы использовать <рассказы отдельных личностей, бывших в толпе или собрании>, но любой рассказ очевидца может быть основан на его самонаблюдении, против использования которого В. М. Бехтерев выступает очень активно. На 'практике конкретные исследования В. М. Бехтерева выходят за те строго очерченные границы, которые он связывает с объективными методами исследования.

^' В. М. Бехтерев дает более широкую трактовку экспериментального социально-психологического метода исследования, чем это принято сейчас. Ни анкеты, ни опросники обычно не относятся к методам эксперимента, а являются способами так называемого эмпирического исследования в социальной психологии. Собственно экспериментальный метод приобрел строго определенный смысл (см.: Методология и методы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М" 1977. С. 44-71; Методы социальной психологии / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л" 1977. С. 132-150).

^' В этом отношении прогноз В. М. Бехтерева полностью сбился: крупные исследования по данной проблеме были выполнены под руководством Б. Ф. Ломова и Н. Н. Обозова (см.' Ломов Б. Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психол. журн. 1980. Т. 1. № 5. С. 23-45; Ломов Б. Ф. Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. М" 1975. С. 151-164; Обозов Н. Н. Сравнительный анализ индивидуальной и групповой деятельности // Социальная психология. Л" 1979. С. 140-150).

379

^' В. М. Бехтерев фактически предложил целую программу психологического исследования различных видов коллектива, отдельные части которой позднее были реализованы в разной степени.

^' В дальнейшем так и получилось: наибольшее число социально-психологических исследований было выполнено именно на школьных коллективах (см.: Коломинский Я. Л. Психология детского коллектива. Система личных взаимоотношений. Минск, 1984; Лутошкин А. Н. Эмоциональная жизнь детского коллектива. М., 1978; Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников, М" 1980; Чернышев А. С. Психологические основы диагностики и формирования личности и коллектива школьников. М., 1989).

"' В настоящее время социальная психология спорта сформировалась как направление исследования (Хинин К). Л. Психология общения в спорте. М., 1980). Специальное исследование было выполнено на самодеятельных музыкальных ансамблях (Ба-ибурова Л. И. Социально-психологические характеристики взаимодействия в совместной музыкальной деятельности. Автореф. канд. дис. М., 1986).

^' Промышленная социальная психология стала одним из наиболее крупных направлений социально-психологических исследований (см.: Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф., Шорин В. Г. Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом.-М., 1976; Промышленная социальная психология/Под ред. Е. С. Кузьмина, А. Л. Свенцицкого. Л., 1982; Социальная психология и социальное планирование / Под ред. Е. С. Кузьмина, А. А. Бодалева. Л., 1973; Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда/Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова, М., 1987; Таранов Е. В. Социально-психологическая служба в структуре социального управления производственной организацией. Курган, 1984).

^' Предложение В. М. Бехтерева по использованию приборов для изучения групповой психологии позднее воплотилось в целое направление по разработке аппаратных методов социально-психологического исследования (см.: Горбов Ф. Д., Новиков М. А. Экспериментально-психологическое исследование группы космонавтов//Проблемы космической биологии. Т. 4. М., 1965. С. 17-26; Куликов В. Н., Гительмахер Р. Б. Приборы в социально-психологическом исследовании. Иваново, 1985; Медведев В. В. Экспериментальная установка для исследования согласованности групповых действий и рационального подбора группы//Вопросы психол. 1967. № 2; Обозов Н. Н. Аппаратурный метод исследования срабатываемости и совместимости людей//Методы социальной психологии. Л., 1977. С. 161-164; Уманский Л. И., Чернышев А. С., Тарасов Б. В. Групповой сенсомоторный интегратор//Вопр. психологии. 1969. № 1. С. 128-130 и др.).

^' Это было показано в ряде эмпирических исследований трудового соревнования как социально-психологического феномена, выполненных в производственных коллективах (см.: Журавлев А. Л., Зотова О. И., Новиков В. В. Социально-психологические вопросы организации соревнования в производственном коллективе//Вопр. психологии. 1977. № 5. С. 61-73; Касюлис Ю. С. Влияние соревновательности на трудовую активность

личности. Автореф. канд. дисс. М" 1977; Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М., 1977).

' "' Ответ на поставленный вопрос в какой-то степени был получен в социальной психологии.

В процессе выполнения человеком того или иного вида деятельности были обнаружены две основные стратегии: так называемые <скоростная> (т. е. ориентация человека прежде всего на скорость выполнения деятельности) и <точностная> (т. е. ориентация на качество деятельности). Было показано, что соревновательная ситуация по-разному воздействует на людей с указанными стратегиями: <скоростники> повышают интенсивность труда в ущерб точности, а на людей с противоположной стратегией соревнование либо не действует вообще, либо ухудшает показатели и скорости, и точности выполнения ими деятельности.

^' Данное предложение В. М. Бехтерева было также реализовано с помощью сравнительного исследования индивидуального и группового решения творческих задач (см., например: Брушлинский А. В., Поликарпов В. А. Мышление и общение. Минск, 1990; Кольцова В. А. Усвоение понятий в условиях непосредственного общения // Проблема общения в психологии. М" 1981. С. 60-78; Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М. Психологический механизм группового решения творческих задач // Исследования проблем психологии творчества. М" 1983. С. 279-295).

^' В дальнейшем сложилось так, что изучение отношения различных общественных групп к тем или иным социальным явлениям или событиям чаще всего проводилось социологами. Социальные психологи хотя и учитывают общественное мнение, однако, специальных исследований по этим вопросам проводят недостаточно. " °' В последние годы чаще используется термин <склонность>, под которой понимается <избирательная направленность индивида на определенную деятельность, побуждающая его заниматься. Ее основой является глубокая устойчивая потребность индивида в той или иной деятельности, стремление совершенствовать умения и навыки, связанные с данной деятельностью> (Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М" 1985. С. 323). Исходя из данного понимания, трудно согласиться с тем, что склонности являются только биологическими элементами личности.

380

" ^' Скорее всего, имеются в виду не способности, а задатки как врожденные предпосылки способностей. (Подробнее о соотношении задатков и способностей см.: Платанов К. К. Проблемы способностей. М., 1972. С. 128-136; Теплое Б. М. Проблемы индивидуальных

различий. М., 1961. С. II).

"^" Речь идет о социальных нормах и правилах, усваиваемых в процессе социализации личности.

"^" Предположение об общих закономерностях развития общества и личности так и остается некоторой гипотезой, которую невероятно сложно и доказать, и опровергнуть.

^" Подчинение интересов личности интересам коллектива следует рассматривать как частный вариант их взаимодействия. Возможно и другое явление: подчинение интересов группы интересам одного лица. Этот вариант взаимодействия стал изучаться в психологии руководства и лидерства—отрасли социальной психологии, возникшей значительно позже. Поэтому точнее было бы говорить об исследовании процессов согласования—рассогласования интересов личности и группы, а не только о подчинении одного другому.

^" Так же, как и возраст, фактор пола оказывает влияние на социально—психологические явления в коллективе. Из психологии управления известно, например, что однородные по половому признаку группы (только мужские или только женские) всегда более сложны для руководства ими. Наиболее конфликтогенным при этом является женский коллектив, возглавляемый женщиной—руководителем.

"^" Известны и такие случаи, когда сформировавшаяся личность в зрелом возрасте порывает со своей привычной социальной средой. Такие примеры, в основном, описаны в художественной литературе, однако, подвергать их сомнению не приходится.

"" Термин <равнодействующая> деятельности в данном случае используется как образное, а не строго математическое выражение, т. е. так же, как в социальной психологии используются понятия <сумма>, <интеграл>, <производная> и т. п.

"*" В данном тезисе сформулированы две глубокие мысли В. М. Бехтерева. Во-первых, он впервые здесь четко говорит о том, что деятельность общества имеет свои законы развития, отличные от деятельности входящих в него личностей. Во-вторых, что законы деятельности общества основаны на взаимодействии его членов, которое не выводимо из анализа индивидуальной деятельности.

"^" В. М. Бехтерев односторонне рассматривает феномен взаимодействия коллектива и личности, говоря о том, что <коллектив обезличивает отдельные личности>. Известно, во-первых, что личность, наоборот, может наиболее ярко раскрываться в коллективе единомышленников, а во-вторых, <обезличиваться> могут и целые группы людей из-за одного человека (например, неофициального лидера или руководителя), который <лепит>

под себя людей, подбирая и формируя их. Феномен самоопределения личности в коллективе позднее стал предметом специальных исследований (Туровская А. А. Экспериментальное исследование коллективного самоопределения в групповой деятельности. Автореф. канд. дисс. Днепропетровск, 1976).

Проблемы нормативного регулирования поведения личности в обществе – предмет специальных исследований социальных психологов и социологов (см. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М" 1978; Психологические механизмы регуляции социального поведения/Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М" 1979; Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М., 1976.)

^' В такой резкой форме Бехтерев В. М. формулирует важную проблему формирования личности, ее внутреннего мира под влиянием связей и отношений с окружающим ее социальным миром.

^' Под социальным проявлением сообщества имеется в виду система морально-этических и нравственно-правовых нормативов поведения, социальных норм данного общества и система охраняющих их санкций.

"' В данном утверждении отражается одна из точек зрения, касающаяся связи общества и личности: доминирование общества над личностью, общественного над индивидуальным. Такая позиция в целом была характерна для советской общественной науки того периода. Под социализмом здесь понимается <коллективизм>.

^' Это положение В. М. Бехтерева звучит чрезвычайно актуально и содержит в себе преодоление дихотомии <индивидуальность (личность) – общество>.

^' Вероятно, есть необходимость разведения понятий <регулирование поведения членов общества> посредством использования социально-психологических механизмов с целью интеграции социальной общности и <подавление> как нивелирование индивидуальности, уничтожение всех степеней свободы и творчества членов социальной группы. В. М. Бехтерев эти понятия достаточно четко не разводит. Этот вывод звучит чрезвычайно современно, и тем более важно, что в тот исторический период он рассогласовывался с господствующими идеологическими постулатами советского общества.

^' С этим положением трудно согласиться. Во-первых, человек есть носитель не только биологических, но и социальных качеств (биосоциальное образование). Во-вторых, обуславливаясь развитием составляющих его личностей, прогресс общества не исчерпывается

лишь этим. Человеческий фактор – безусловно главная, но не единственная составляющая общественного прогресса.

^" Речь идет фактически о социальных механизмах функционирования демократического

общества.

^! Скорее всего, имеется в виду нация, народ. Иначе непонятно утверждение, связывающее выдвижение <великой> (или <исторической>) личности с интересами именно расы, а не других каких-либо общностей.

' Речь идет здесь только о подлинных вождях народа, а не искусственно созданных или

возникших в силу сложившихся исторических обстоятельств.

^! В. М. Бехтерев точно уловил социально-психологический механизм и условия воз-
величивания правителя: с одной стороны – отождествление его с народом (<он такой же как мы>), а с другой – перенос на него лучших человеческих проявлений (<он лучший, достойнейший из нас>). Крайние степени выражения последнего, отражающие деформацию общественного сознания, составляют психологическую предпосылку возникновения режима неограниченной личной власти.

^! Здесь были использованы известные психологические приемы воздействия на других

людей.

^! Речь идет не о частном успехе, а об ореоле полководца-победителя, сформировавшемся

в ходе успешной военной и политической деятельности.

^! Имеется в виду группа, коллектив, общность и т. п.

^! Представляет интерес идея В. М. Бехтерева о дифференцированном подходе к управлению разными типами общностей в зависимости от характера и уровня их развития. Эта идея

позднее была реализована в конкретных исследованиях (см.: Журавлев А. Л. Факторы формирования стиля руководства производственным коллективом // Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М., 1983. С. 101-115).

"^* Моноидеизм-отмоно-<единая>, идеизм-идея.

^! Под социальным разумом понимается коллективное или общественное сознание.

^! Речь идет о возбужденном состоянии толпы.

Вряд ли правомерно такую высокоорганизованную и обладающую жесткой формальной структурой социальную группу относить к разновидности толпы.

^^! Этот вывод В. М. Бехтерева имеет важное практическое значение и должен учитываться

в реальной работе с большими массами людей.

^^' Здесь ставится одна из важных задач социальной психологии: поиск факторов эф-
фективности групповой деятельности. В. М. Бехтерев подчеркивает как ее
достоинства,
так и недостатки.

^' Имеется в виду <лицо> в смысле достоинства, престижа и т. п.

^' Предоставление и гарантирование обществом прав личности меньшинствам есть
выра-
жение тенденции демократизации общественной жизни.

^' По сути здесь речь идет о гармонизации личных и общественных интересов.

^' Сформулирована чрезвычайно важная мысль о том, что одним из обязательных
признаков
суверенности и свободы государства (республики, региона, коллектива) должна быть
свобода и уважение прав личности.

Здесь и далее под <агрегатом> понимается некоторое объединение, общность людей.
В. М. Бехтерев предлагает классификацию групп по степени их однородности-разно-
родности.

^^' По сути здесь ставится вопрос о необходимости изучения и учета генезиса
коллектива,

истории его возникновения и развития для его понимания и оценки.

"°' Вероятно, имеется в виду борьба за национальное самоопределение,
национальную

независимость.

^^' Речь идет о <народовластии>.

"^' Имеется в виду идея интернационализма.

Нужно признать, что такими попытками сведения социальных законов к
биологическим,

психологическим или физическим грешат и работы В. М. Бехтерева.

^' Имеются в виду члены одной социальной группы.

^' Речь идет, вероятно, о нравственных нормах.

' Представляет интерес выделение <психологического взаимодействия> как одного из
ха-

актерных признаков социальных общностей.

^' Имеется в виду группа, общность.

^' Заслуживает внимания то, что именно интерес выдвигается В. М. Бехтеревым в
качестве
системообразующей составляющей любой социальной общности.

В. М. Бехтерев справедливо стремится выделить совокупность факторов, лежащих в
основе образования общности.

^°' Не являясь коллективом, случайное скопление лиц может быть обозначено
родовым

понятием общность или предельно широким понятием группа. Согласно классификации

групп, предложенной в современной социальной психологии, этот тип общностей может быть назван <диффузной группой> или <группой-конгломератом> (см.: Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М" 1979. С. 163; Коллектив и личность / Под ред. К. К. Платонова. М., 1975. С. 80).

382

^^' В советской психологии с понятием коллектив ассоциируется высший уровень развития группы, характеризующийся не только наличием общей цели и высокого уровня организации, но и общественно полезной направленностью деятельности (см.: Общая психология/ Под ред. А. В. Петровского. М., 1977. С. 139).

^' По сути, в своих рассуждениях В. М. Бехтерев, декларировавший различие между толпой и коллективом, приходит к их отождествлению.

^' Единство, понимаемое как связь, может рассматриваться и условием образования общности. В то же время оно рассматривается и как динамическое состояние группы людей, т. е. определенная модальность взаимодействия, противоположная конфликту и тождественная в этом случае понятию <согласие>.

^' Имеется в виду единая общность.

^' Имеется в виду <скопление> людей.

^' На наш взгляд, подчиненность толпы вожаку еще не означает ее организации. Именно отсутствие внутренней организованности характеризует, в первую очередь, толпу как социальную группу. Организация толпы создается либо обстоятельствами, либо привносится извне личностью, поднявшейся над толпой.

^^' В этом и подобных случаях точнее было бы сказать <неорганизованная и организованная группы>.

^' Чрезвычайно спорно под названием <организованных орд> объединять и хор, и спортивное общество и воровскую шайку. Последний вид групп обычно относится к группам закрытого корпоративного типа и отличается, в первую очередь, антиобщественными целями деятельности при высоких прочих показателях группового развития (например, сплоченности, взаимной выручки и т. п.).

^^' Термин <корпоративная> группа может использоваться в социальной психологии в разных смыслах. В данном случае речь идет не о малых группах корпоративного типа, а о больших социальных группах, объединенных по идеологическим, политическим и другим социальным основаниям и ценностным ориентациям.

^^' По сути они близки к так называемым незримым группам, условно выделенным по тому или иному признаку.

^' Фактически В. М. Бехтерев дает одну из самых первых классификаций групп, именуя их коллективами.

^^' Разграничение понятий <организация> и <подчинение>, на наш взгляд, совершенно спорно-ведливо.

^^' Проблемы развития групп и коллективов, вопросы групповой динамики впоследствии стали одними из важнейших в социальной психологии, особенно при изучении малых

"". ГРУПП-

Очень важная мысль, показывающая, что коллектив (группа) есть нечто целостное и отличное (приобретшее новые качества), по сравнению с составляющими его членами. Это утверждение противоречит ранее высказанной В. М. Бехтеревым идее о коллективе как собирательной личности.

Сплоченность коллектива не коррелирует прямо со степенью его давления на личность.

Связь здесь не столь однозначна.

^^' Утверждение об индивидуальности группы означает, по сути, осознание ее как целостного

субъекта.

^' Имеются в виду группы или социальные общности.

^^* Советская социальная психология уделяет особое внимание исследованию совместной деятельности как системообразующего признака коллектива (см.: Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. М., 1987; Совместная деятельность: методология, теория, практика/Отв. ред. А. Л. Журавлев и др. М" 1988).

^^' В данном случае речь идет именно о больших группах.

^°* Интересна совокупность факторов, интегрирующих народ как общность, в изложении В.

М. Бехтерева. В работах социальных психологов чрезвычайно редко можно встретить попытки характеризовать народ как группу, поэтому тем ценнее значение идей В. М. Бехтерева.

^' Осознание этих принципов как главных регуляторов деятельности и поведения предшественников земной цивилизации выдвигается сейчас как условие ее сохранения и развития.

^^' Здесь В. М. Бехтерев вводит важную переменную-тип коммуникации между членами

общности как одну из ее характеристик. Речь идет об опосредствованном общении в больших социальных группах.

Имеются в виду малые группы, которые в социальной психологии стали называться контактными, где речь выступает главным средством непосредственного общения.

^^' Речь идет о так называемых мононациональных государствах.

^^' Согласно К. К. Платонову, такие виды групп (зрелищные) занимают промежуточное

положение между организованными и неорганизованными группами, так как имеют лишь ^ внешнюю организацию (см.: Коллектив и личность. М., 1975. С. 9-12).

^^' В. М. Бехтерев не столько примиряет различные взгляды, сколько предлагает свое

толкование механизма выделения и смены лидера группы.

^^"' Имеется в виду достижение согласия с лидерами групп.

383

^^' Прозелитизм-стремление обратить других в свою веру; горячая преданность вновь

принятому учению, новым убеждениям. Отсюда прозелит-это принявший новую веру; новый и горячий приверженец, сторонник учения, движения и т. д. (Словарь иностранных

^ слов. М., 1987. С. 402).

^' В тот период времени термин <социальный инстинкт> широко использовался в биологии

для объяснения стадного поведения животных. В. М. Бехтерев использует его для объяс-

нения общественных явлений и тем самым закономерности развития человеческого общества в какой-то степени сводит к закономерностям биологической эволюции. В на-

стоящее время данный термин используется крайне редко и исключительно биологами, этологами или некоторыми физиологами. При описании социальных явлений чаще всего говорят о различных факторах объединения и интеграции людей в социальные группы.

^^°' Имеется в виду скопление или простая сумма индивидов.

^' Опираясь на труды зарубежных ученых и результаты своих исследований, В. М. Бехтерев

одним из первых в отечественной науке дает развернутую психологическую характеристику

толпы, выделяет те черты, которые отличают ее от других социальных общностей. Его

описания оригинальны и поныне представляют большой интерес для социальных психологов.

^^' Имеются в виду показания, совпадающие или соответствующие (не противоречащие)

, ". ДРУГ ДРУГУ-

К сожалению, в дальнейшем это неожиданное заключение В. М. Бехтерева не получает у него должного раскрытия и аргументации.

^^' Результаты более поздних исследований групп корпоративного типа показывают, что только однородность и сплоченность группы автоматически не дает ей <моральной силы> (или силы общественного воздействия). Важно учитывать направленность социальной активности, цели и содержание ее деятельности.

^' Вряд ли только внутренними и тем более психологическими причинами объясняется кризис партии эсеров. Требуется также учесть экономическую и политическую ситуацию, общую расстановку сил в обществе.

^^' Выделенные В. М. Бехтеревым факторы (основные) эффективности деятельности группы в дальнейшем подтвердились (см.: Немое Р. С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. М., 1984; Социально-психологические факторы эффективности деятельности бригад. М., 1987).

^^' В. М. Бехтерев распространяет понятие <коллектив> даже на сообщества животных, нивелируя тем самым его общественную природу.

^^' Применительно к животным сообществам чаще всего говорят о стадном образе жизни, а не о <социальной жизни> животных.

^^' В. М. Бехтерев односторонне трактует социальность как <склонность к образованию сообществ>. В современной социальной психологии под социальностью (или социальной стороной личности) понимается совокупность социально-детерминированных свойств, качеств, характеристик (включая социальные потребности) человека и его общностей, возникших в процессе их социализации. Поэтому попытки В. М. Бехтерева объяснить происхождение социальности на основе мимико-соматических рефлексов неоправданны.

^^' В настоящее время вопрос ставится не столько о сходстве индивидов вообще, сколько о психологической их совместимости и сработанности как основе эффективного взаимодействия и высокой удовлетворенности общением друг с другом (см.: Обозов Н. Н. Межличностные отношения. Л" 1979).

^' В экспериментах, выполненных под руководством Б. Ф. Ломова и направленных на изучение влияния общения на психические процессы, установлено, что эффект этого влияния объясняется в значительной степени именно открывающейся в общении возможностью взаимного дополнения индивидами недостающих возможностей, например, знаний о способах действия и т. д. (см.; Ломов Б. Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения//Психологический журн. 1980. Т. 1. № 5. С. 23-45).

^^' Имеется в виду психологическое (интеллектуальное, эмоциональное, волевое и т. п.) единство.

В данном контексте <единство> понимается не как некоторое состояние или качество взаимодействия, а как наличие социальной связи, контакта и т. п.

^^' Такое разделение состояния единства на внутреннее, проистекающее из самой динамики процесса взаимодействия его субъектов, и внешнее, обусловленное воздействиями извне, заслуживает серьезного внимания.

^^' Имеется в виду контакт, взаимодействие.

^^' фактически речь идет о средствах общения, которые В. М. Бехтерев назвал условиями или способами общения.

^^' Таким образом, В. М. Бехтерев вводит чрезвычайно емкие и богатые по содержанию термины <посредники>, <средства объединения людей> <специфические раздражители>, <побудители действий>, которыми, по его мнению, охватывается широкий круг явлений, опосредствующих общение и обеспечивающих взаимодействие. Это значительно шире используемого современного понятия <средство общения>, означающего прежде всего способ передачи информации по каналам коммуникации.

384

^' В. М. Бехтерев касается чрезвычайно важной проблемы психологических механизмов искажения информации в процессе прохождения ее по каналам коммуникации и дает объяснение причин этого явления, связывая с ним, в частности, происхождение слухов.

^^' Имеется в виду опосредствованное общение.

""' В современной психологии под непосредственным общением понимается общение <лицом к лицу>, не исключающее, однако, использование различных средств (речи, жестов, мимики и т. д.). В. М. Бехтеревым дается более узкое и буквальное понимание <непосредственности> общения как отсутствия каких-либо <посредников>, кроме органов чувств человека.

^' На основе предложенной В. М. Бехтеревым системы описания посредников <общения> можно существенно обогатить и расширить представления о тех средствах, которые обеспечивают передачу информации от субъекта к субъекту в процессе коммуникации. Наряду с общепринятой совокупностью средств общения, классифицируемых на основе знаковых систем передачи информации (вербальные и невербальные средства), можно выделить также специфические знаковые системы невербальной коммуникации: контакт рук: обоняние; передача информации самим процессом деятельности (его контекстом, способами осуществления); памятники истории и культуры; ритуальные и символичные предметы и т. д.

^^'^' Чрезвычайно важна мысль об общении людей разных эпох, опосредствованном культурными памятниками и опытом народа, как основы исторической памяти.

^' Идея беспредельности человеческого общения, выделенная П. А. Сорокиным и подчеркнутая В. М. Бехтеревым, требует специального анализа с позиций исторической психологии.

^"'" Здесь В. М. Бехтерев разводит понятия <посредники общения> как его побудители и <средства общения> как знаковую систему, используемую для кодирования и передачи коммуникационного воздействия.

^' В. М. Бехтерев—один из немногих, кто специально рассматривает работу органов чувств как условия или предпосылки объединения людей в группы. Он справедливо ставит вопрос о роли тактильных, зрительных и двигательных знаковых систем в организации взаимодействия людей и согласования целей их объединения в группы.

^' Действия могут рассматриваться и как средства передачи информации, и как побудители поведения группы. Здесь В. М. Бехтерев имеет в виду как раз второе.

^"'" Таким образом, речь рассматривается В. М. Бехтеревым и как средство общения, и как способ воздействия, и как условие интеграции людей в социальные общности. Тем самым справедливо подчеркивается роль речи как основного средства общения в человеческом обществе,

^' Под <непосредственным индуцированием> понимается такое воздействие, в результате которого у человека вызывается состояние, противоположное состоянию воздействующего субъекта. Скорее всего, здесь используется физиологический смысл понятия <индукция нервных процессов> (см.: Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова и др. М., ^ 19.53. С. 133).

^"'" В современной психологии указанные явления относятся к разряду механизмов общения.

^°' Здесь выдвигается идея <подражания—контрподражания>, получившая в дальнейшем развитие в теории социального взаимодействия (см.: Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М" 1979).

^^' Этот вывод В. М. Бехтерева верен для относительно стабильных периодов социального развития. В период же революционных преобразований, наоборот, все то, чему подражают, качественно меняет свой знак на противоположный в силу действия так называемого закона противоречия, раскрытого Г. В. Плехановым и примененного им к анализу социально-психологических явлений,

^' Сведение природы языка к подражанию представляется неоправданным. В более поздних работах Л. С. Выготского достаточно подробно были проанализированы генетические корни языка, речи и мышления (см.: Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982. С. 89–118).

^' Так называемое подражание народов друг другу объясняется не только уровнем их культурного развития, но и широким кругом социально-политических, экономических и других факторов, включая их духовное родство. Только совокупность многих факторов определяет в конечном счете возникновение интереса народов друг к другу, составляющего основу подражания.

^' Данное положение остается спорным и в настоящее время, хотя <концепции интеграции> имели распространение в самые разные периоды развития человеческого общества.

^' Чрезвычайно важный практический вывод о преимуществах общества и культуры, открытых для других народов.

^^' Подчеркивая интернациональный характер научных открытий, В. М. Бехтерев в то же время делает практически не оправдывающийся вывод о <социальном уравнении> научных потенциалов. Практика развития науки свидетельствует, скорее, о неравномерном характере ее развития у разных народов.

В данном случае сам же В. М. Бехтерев корректирует значение закона <социального уравнения>, доказывая, что наряду с тенденцией нивелирования различий, существует и тенденция индивидуализации в развитии народов.

25 В. М. Бехтерев
385

^ Речь идет, скорее, о <национальной идее>.

По сути здесь дается сугубо психологическое объяснение феномена внушающего воздействия толпы, хотя В. М. Бехтерев и говорит выше об отказе от субъективной точки зрения в объяснении этого феномена.

^°' Необходимо иметь в виду не только биологическое, но и социальное значение способности подражать, о котором В. М. Бехтерев пишет, но почему-то не включает в заключительный вывод.

Речь идет прежде всего о высокой чувствительности как свойстве нервной системы. Предложения В. М. Бехтерева относятся к так называемым телепатическим процессам, о физической природе и физиологических механизмах которых высказывалось

много интересных гипотез, однако, со временем они не находят своего подтверждения.

^' Имеется в виду объединение людей.

Специфическое обозначение другого субъекта, партнера по общению и т. п.

^^' Тем самым В. М. Бехтерев подчеркивает взаимообратимость, двустороннюю сопряженность актов воздействия разных субъектов друг на друга в процессе общения.

^' В. М. Бехтерев вводит понятие <условия> (или факторы) объединения людей и существования общностей, куда он относит <посредников> и средства общения, способы преемственности и передачи информации, а также общие интересы. Этот вывод нашел подтверждение в современной социальной психологии. Более того, сформировалось целое направление социально-психологических исследований групповой динамики.

^' Здесь, по сути, речь идет о соотношении различных факторов, детерминирующих социальное взаимодействие. Не лишена основания мысль В. М. Бехтерева о доминирующем значении <общего интереса> в процессах групповой интеграции по сравнению с другими факторами. Имеется в виду язык жестов.

^°' Убеждение здесь трактуется широко, как воздействие вообще, что вполне допустимо.

^' Положение о том, что печатное слово <никогда не может воздействовать так сильно>, как устная речь, конечно же, спорно, так как и письменный язык может быть глубоко эмоциональным и обладать высокой силой воздействия. Это, в первую очередь, зависит от качества того или иного текста и от особенностей людей воспринимать устную или письменную речь.

^' Имеется в виду широкое повсеместное распространение общественно-психологических явлений как эпидемии.

^' В пропаганде реально используются различные психологические механизмы воздействия (см.: ВойтасикЛ. Психология политической пропаганды. Пер. с польск. М" 1981; Проблемы социальной психологии и пропаганды. М" 1971; Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973).

^' Это интересный пример четко организованного и эмоционально насыщенного убеждающего (апеллирующего к разуму) воздействия. Использование житейского материала не меняет характер воздействия, а лишь повышает силу эмоционального влияния.

^^' Подчеркивается роль языка как способа трансляции знания. Тем самым В. М. Бехтерев подходит к рассмотрению второй базовой функции языка как средства обобщения.

^' Такого рода воздействия могут осуществляться и без использования языковых средств.

^^' Здесь уместно также использовать понятие <социальные (в том числе моральные) нормы>

и т. п.

^' Наряду с языком немалую роль играют поступки, действия людей, а также ситуация, в которой они совершаются.

^^' Существуют также примеры развития ряда стран с двумя государственными языками.

^°' Интегративный процесс развития языков, выражающийся в тенденции образования одного общего языка для всего человечества, дополняется четко выраженной тенденцией дифференциации^ языков, выделением наречий, диалектов и т. п.

^' Использование физиологического понятия <рефлекс> применительно к социально-психологическим явлениям разных уровней означает, по сути, их редуцированное толкование. Под рефлексом обычно понимается <ответный акт организма, детерминированный воздействием факторов внешней и внутренней сред на соответствующие рецепторы, опосредствованный нервной системой и проявляемый в виде сокращения мышц, секреции и т. п.> (Психологический словарь/ Под ред. В. В. Давыдова и др. М., 1983. С. 318).

^^' Такой прямой перенос закономерностей с одного уровня явлений на другой уровень может быть неоправдан.

^' Объяснять восстание, войну и другие сложнейшие общественные явления только на основе <привычности протеста> для отдельных личностей и суммирования их опыта – это значит, во-первых, не учитывать важные социально-экономические и политические факторы их возникновения, а, во-вторых, редуцировать сложные социальные явления, сводя их проявления к физиологическим механизмам функционирования организма.

^^' Выделение денег как всеобщего эталона обмена явилось итогом длительной экономической эволюции товарного хозяйства и не может быть объяснено только с позиций образования сочетательного рефлекса.

386

^^' Выделение динамического, энергетического аспекта в развитии общественных явлений (в том числе общественных движений) представляет большой интерес независимо от достаточно спорных в историческом плане конкретных примеров, использованных

В. М. Бехтеревым для иллюстрации динамического аспекта анализа).

^^' Общественное движение как массовый сочетательный рефлекс—это определение социального явления посредством понятия другой науки — физиологии. Так называемый физиологический редукционизм был характерен для многих работ того периода развития психологической науки.

^^' Имеется в виду упражнение, обучение, тренировка. *

^^' Вид спортивно—массовых зрелищных мероприятий.

^^' Во всех примерах, перечисленных В. М. Бехтеревым, наряду с машинообразными, автоматическими действиями, присутствуют и сознательно регулируемые акты поведения, личностные проявления и т. д." что не позволяет сводить их исключительно к рефлекторному действию.

^°' Но в данном случае, говоря о механизме восприятия, В. М. Бехтерев не касается его содержательной стороны. Образ, возникающий от восприятия музыки, у каждого человека специфичен и обусловлен его <Я>, так же как в разных группах восприятие музыки будет различным.

^' Рассмотрение коллектива (группы) как целого, включающего в себя совокупность взаимосвязанных, иерархически организованных частей, соответствует системным представлениям о коллективе (см.: Журавлев А. Л. Принципы системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива//Принцип системности в психологических исследованиях. М., 1990. С. 114–131).

^' В социальной психологии по—прежнему дискутируется вопрос о том, каков минимальный

размер группы: диада или триада.

^' Интересно, что В. М. Бехтерев подчеркивает зависимость появления <гения> от общественной потребности.

^^' Потребность понимается как нужда в чем—то необходимом для поддержания жизнедеятельности индивида, группы, общества, как побудитель активности. Потребность обна—руживает себя как в неосознанных влечениях, так и в осознанных мотивах поведения (см.: Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 253–254).

^^' В приведенных примерах несмотря на спорность их отдельных положений обращает на себя внимание наличие в обществе противодействующих сил и их динамическое взаимодействие.

^' Интересная мысль, находящая свое подтверждение на практике.

^^' Имеется в виду автоматизм.

^^' Рациональный момент здесь состоит в том, что, исследуя этиологию сложных явлений,

их истоки надо искать в отдаленных и порой единичных случаях и действиях.

^^' В. М. Бехтерев несколько преувеличивал роль подражания как фактора развития культуры.

^^' В этих опытах сказывается не подражание только, а эффект группового присутствия.

что по своему содержанию шире, чем просто подражание.

^' В. М. Бехтерев неоправданно выводит общение из подражания, рассматривает первое

как результат второго. Потребность в общении возникает не из потребности в подражании,

а из образа жизни человека, его бытия как общественного существа.

^^' Интересен взгляд на игру как на <метод естественного обучения>.

^' Различные виды психических проявлений человека подробно изложены в работе В. М. Бехтерева <Объективная психология> (СПб., 1907-1912). Сущность рефлексологического учения состоит в утверждении, что все проявления человека суть рефлекс-

*' Речь идет о биологических потребностях человека.

^^' Есть немало примеров, когда отдельные институты власти (например, армия) совершали

поступки, руководствуясь не инстинктом самосохранения, а своим долгом.

^^' Сами по себе перевыборы должностных лиц при сохранении прежней социально-экономической структуры, как правило, не обеспечивают радикальных изменений в обществе.

^^' В. М. Бехтерев, используя своеобразную аргументацию, обосновывает известный тезис

о том, что потребности выживания, добычи пищи, сохранения жизни в сложных природных

условиях побуждали людей объединяться в общности.

^^' Этот тезис В. М. Бехтерева требует дополнительной аргументации.

^^' Теория Мальтуса (мальтузианство) подвергалась серьезной критике в социологической

литературе (см.: Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии.

^ М., 1986. С. 191-192).

^^' Имеется в виду достоверность.

Связь между половым влечением и утверждением нравственных начал в обществе не столь прямая и однозначная. Хотя очевидно, что недостатки полового воспитания наносят

ущерб и личности и общественной морали.

В. М. Бехтерев завышает роль психологических механизмов в объяснении таких сложнейших социальных явлений как война или отношение правящих классов к борьбе народных масс за свои права.

^^' Вопрос о социальных влечениях растений чрезвычайно спорен, поэтому данный тезис

В. М. Бехтерева требует специальных и серьезнейших доказательств. Здесь наблюдается

неправомерно широкое толкование понятия <социальное>.

^^' Имеются в виду, вероятно, не только политические, но и другие виды человеческих

сообществ (экономические, национальные и т. п.).

^^' В настоящее время термин <социальный инстинкт> используется крайне редко и как

некоторое образное выражение, а не строго научное понятие.

^^' Имеется в виду открытость поведения.

^^' Речь идет о странах отсталых по уровню технического и культурного развития.

^^' Имеются в виду всякие пределы.

^^' Речь идет о запретах.

^°' Приведенные В. М. Бехтеревым примеры распушенности и жестокости толпы объясня-

ются диффузией личной ответственности, доминированием эмоциональных и подавлением

когнитивных компонентов поведения, самоконтроля и самокритичности людей.

^^' Последующие исследования убедительно показали, что наряду с объективными показа-

телями могут и должны использоваться и субъективные оценки эмоциональных состояний

и настроения личности и группы (см.: Ершом О. В. Особенности настроения личности в юношеских группах. Автореф. канд. дисс. М., 1982; Лутошкин А. Н. Эмоциональная жизнь детского коллектива. М" 1978; Эмоциональные потенциалы коллектива / Отв. ред.

Л. И. Уманский. Ярославль, 1977).

^^' Этот пример показывает динамику отношения разных социальных групп к тем или иным

историческим событиям, что, в определенной мере, пересекается с динамикой настроения,

но не тождественно ему.

^^' Мысль В. М. Бехтерева о том, что причиной формирования настроений могут быть как

внутренние (для данной общности), так и внешние события и факторы, в последующем получила и теоретическое, и практическое подтверждение (см.: Парышн Б. Д.

Общест-

венное настроение. М" 1966).

^^' Пляска-это лишь один из способов выражения чувственного отношения человека к событиям. Возможны и другие поведенческие формы разрядки эмоционального возбуж-

дения (например, человек может беспорядочно прыгать, скакать и т. п.).

^^' В. М. Бехтерев акцентирует внимание на чрезвычайно важном вопросе использования

символов в регуляции поведения человека. До сих пор этот вопрос слабо изучен в социальной психологии, а относится он к практической области применения психо-

логических методов воздействия (см.: Журавлев А. Л., Таранов Е. В. Социально-психо-логические основы опосредованных методов руководства// Психологические механизмы регуляции социального поведения. М" 1979. С. 287-304).

^^' Это одно из немногих и поныне психологических определений энтузиазма и одна из

первых попыток дать его характеристику.

^^' Скорее, это образное выражение стиля французских военачальников, военного боевого

духа того времени.

^^' Неправоммерно широко используется понятие <коллектив>. Точнее здесь говорить о

сообществах, группах животных.

^^' Ведь на деле наблюдает, видит, слышит не коллектив как целое, а каждый его член.

Преимущества же коллектива в этом процессе объясняются суммированием, сложением индивидуальных впечатлений. Но и этот эффект проявляется не всегда: нередки случаи

отвлекающего влияния коллектива на личность (см.: Грудзинская И. К. Решение перцептивных задач в условиях общения двух операторов // Психологические аспекты че-

ловеческой деятельности. М" 1978. Ч. 1. С. 63-78; Носуленко В. Н. Динамика процесса

совместной оценки сигналов//Психол. журн. 1980. № 6. С. 71-79).

^^' Имеется в виду в определенных условиях, при определенных обстоятельствах.

^^* Этот вывод, важный в практическом отношении, требует серьезной проверки, так как

широко известны такие групповые феномены как переключивание и <размывание> ответ-

ственности и т. п.

^^' Имеется в виду не чувствителен.

^^' Важно учитывать при этом, по каким критериям выделяется разнородность коллектива.

^^* Имеется в виду руководство.

^^' Этот вопрос до сих пор не получил в социальной психологии строгого эмпирического

подтверждения.

^^' В основе интеграции толпы могут лежать не только эмоциональные состояния людей,

но и многие другие (например, политические и т. д.) причины.

^^' Дифференциация лидеров в зависимости от группы-это находка В. М. Бехтерева. Поз-

днее в социальной психологии оформилась одна из точек зрения, рассматривающая лидерство как функцию конкретной группы.

^^' По сути В. М. Бехтерев ставит вопрос о психологических механизмах влияния кол-

лектива на процесс творчества, который позднее специально изучался (см.: Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М. Психологический механизм группового (коллективного)

решения творческих задач // Исследование проблем психологии творчества. М" 1983. С. 279–295).

388

^^' Имеется в виду человеческая общность, общество.

^o' Речь идет об отвлеченных, абстрактных понятиях, обобщенных правилах логики и т. п.

^' В данном случае речь идет об индивидуальном опыте, полученном субъектом в его личной жизненной практике.

^^'^' Имеется в виду абстрагирование.

^' Этот вывод В. М. Бехтерева заслуживает самого серьезного внимания, ибо он касается

общественной природы абстрактного (понятийного) мышления человека.

^^' Точнее было сказать, что опыт усваивается, так как речь здесь идет не о его обобщении,

а об усвоении в процессе общения.

^' В психологических исследованиях установлены изменения производительности труда в

зависимости от настроения работника (см.: Новиков В. В. Настроение и труд. Ярославль,

19^7; Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. М" 1979).

^^'^' Роль музыки в труде учитывается и используется при создании комнат психологической

разрядки, при организации музыкальных пауз (перерывов), включении музыки непосред-

ственно в трудовой процесс для повышения работоспособности человека и снижения его

утомляемости в трудовой деятельности.

^^''' В. М. Бехтерев таким образом вскрывает психологическую природу негативного влияния

уравнительности в оценке и оплате труда.

^^' Имеется в виду более действенна.

^^'^' Речь идет о выборных органах исполнительной власти вообще.

^^' Как показывает история, развитие мистических идей есть одно из проявлений общест-

венной нестабильности и духовного кризиса общества.

ЧАСТЬ II

^' В данном случае речь идет о полном цикле научного исследования: описание явления,

выявление факторов, определяющих его развитие, установление Законов развития и осуществление на этой основе его прогноза.

^' Здесь точнее говорить не об уровне совершенства биологических знаний, а о степени

овладения этими знаниями (познанности).

^' Исключить субъективный компонент из социологии невозможно уже в силу того, что главный объект ее изучения – это личность и общности. Вопрос может быть поставлен

в другой плоскости: каковы приемы и способы анализа субъективной составляющей общественно-исторического процесса?

*' Имеется в виду закономерное объяснение.

Развитие биоэнергетики дает факты, показывающие наличие энергетических полей у живых существ, однако, это не устраняет вопрос о субъективных явлениях, а касается их материальных основ.

^' Об этом см.: В. М. Бехтерев. Психика и жизнь. СПб. 1904.

"' Данное предположение В. М. Бехтерева об энергетическом взаимодействии людей как

основе их влияния друг на друга требует специального эмпирического обоснования.

^' Это положение спорно, ибо из практики известно также, что процессы выдвижения новых

лидеров (как и групповая динамика вообще) интенсивно протекают именно в периоды обострений и трудностей, переживаемых социальными группами.

^" Этот тезис не должен восприниматься как оправдание человеческих жертв в периоды

революций и появления новых общественных движений. Здесь речь идет о констатации таких явлений.

^' В. М. Бехтерев дает такое толкование причин вступления США в войну, при котором

недооценируются политические и экономические факторы, но преувеличивается роль психологических факторов (например, реакция на издевательский тон и т. п.).

Это утверждение, с одной стороны, представляет собой попытку найти некое общее основание для явлений разного уровня, с другой – механистическую тенденцию в объяс-

нении социальных явлений.

Вывод В. М. Бехтерева о сходстве и различиях индивидов как равнозначных основаниях

сближения людей получил подтверждение в советской психологии (см.: Обозов Н. Н. Межличностные отношения. Л., 1979).

^' Интересно предложение В. М. Бехтерева рассматривать социально-психологические явления, используя факторы различного социального содержания.

В. М. Бехтерев справедливо ставит вопрос о социальной детерминации развития интел-

лекта человека.

^' Г. В. Плеханов, рассматривая действие этого закона применительно к социально-психо-

логическим явлениям, назвал его законом противоречия.

В. М. Бехтерев обращает внимание и точно подмечает важную закономерность – консолидацию противоборствующих сил внутри социума при наличии угрозы извне и

возникновение чувства <Мы> в связи с противопоставлением <Они> (подробнее см.: Поршне> В. Ф. Социальная психология и история. М" 1979. С. 73–126).

^" В основе объединения государств в блоки прежде всего лежат причины социально-экономического и политического характера.

^ Имеется в виду движение коммунистических субботников.

^ Это утверждение В. М. Бехтерева справедливо и актуально в настоящее время в силу возрождения анархистских лозунгов тотальной свободы.

^ Вряд ли правомерно понимать, что указанные психологические факторы исчерпывают собой причины общественных движений.

^ Разжигание националистических настроений и провоцирование столкновений народов на националистической почве–излюбленное средство тех режимов, которые переживают кризисное состояние.

^ Здесь речь идет о гамме эмоций, чувств и настроений, не сводимых к мимико-соматическому рефлексу (например: страх, стремление к самосохранению, притупление чувства опасности за счет привыкания к действию стрессовых факторов и т. д.).

^ Иначе говоря, В. М. Бехтерев вводит важное понятие <опыт коллектива> как фактор, опосредствующий его проявления.

^ К сожалению, не ясно, по каким критериям В. М. Бехтерев делит коллективы на высшие и низшие: по признаку ли места в иерархической структуре управления, авторитетности, общественной значимости и т. д.?

^ Обращает на себя внимание то, что В. М. Бехтерев сам хорошо понимает специфику проявления законов механики в социальной жизни, где они опосредствуются более сложной системой факторов.

^ В. М. Бехтерев рассматривает таким образом общие законы в развитии явлений разного уровня. Используя метод аналогии, он ищет общие основания в историческом и онтогенетическом процессах.

^" Психологический термин <репродукция> означает процесс воспроизведения сохраненного в памяти.

^ Мимикрия–способ адаптации животных к среде посредством их защитной окраски и формы.

^ По мнению В. М. Бехтерева подражание выступает основой развития и проявления целой

совокупности социально-психологических явлений.

^' Внушенные состояния, чувства (например, страх) могут возникать без использования словесных символов, а посредством тех или иных действий.

^' Этот вопрос до сих пор остается достаточно спорным, однако, в современной психологии большинство ученых рассматривают процессы внушения применительно к человеческому сообществу.

^' Позднее стал использоваться термин <контрсуггестия> (см.: Поршнева В. Ф. Контрсуггестия и история// История и психология. М" 1971. С. 7-35).

^' В советской исторической науке определяющее значение в формировании народов придавалось социально-экономическим закономерностям. Мысль В. М. Бехтерева о духовном начале как средстве интеграции народа чрезвычайно интересна.

^' Здесь речь идет скорее о народе, нации.

^* Эта идея получила развитие и оформление в теории этногенеза, разработанной Л. Н. Гумилевым.

^' Рассматривая альтернативу <творчество-подражание>, В. М. Бехтерев лишает тем самым подражательное поведение творческого характера. В некоторой степени это противоречит его же собственным взглядам на природу сложных форм подражания как процессов усвоения, лежащих в основе формирования цивилизации и культуры народов.

^"' Этот вывод В. М. Бехтерева может быть подтвержден многочисленными историческими примерами.

^' Одна из важнейших характеристик настроения-его неустойчивость-изучалась рядом исследователей (Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М" 1966; Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. М" 1979).

^' Этот вывод В. М. Бехтерева не бесспорен. Как известно, некоторые экономические реформы и социальные преобразования в человеческом обществе завершались довольно успешно. Хотя можно много привести и обратных примеров. В. М. Бехтерев совершенно прав в том, что социальные стереотипы, косность мышления, психологическая инерция и т. п. становятся мощными тормозами общественных реформ.

*°' Нам представляется, что этот вывод требует эмпирической проверки.

^' В. М. Бехтерев справедливо подчеркивает, с одной стороны, конструктивную роль традиций как условия передачи от одного поколения к другому культурных, национальных достижений, с другой - выражающиеся в них консервативные тенденции общественного развития.

^' По В. М. Бехтереву, принцип непрерывного течения и изменчивости констатирует сам факт изменения, а закон эволюции – пути изменения через постепенное накопление новых качеств.

^' Проблемы энергетических затрат в настоящее время ставится в социальной психологии применительно к изучению, например, эффективности руководства трудовым коллективом и др.

390

'** В. М. Бехтерев справедливо подчеркивает значение принципа относительности в оценке

любых социально-психологических явлений.

^' Важна мысль В. М. Бехтерева о том, что одно и то же явление характеризуется как

позитивными, так и негативными проявлениями и не может быть порой оценено однозначно.

^' Введение понятия <состояние коллектива> имеет принципиальное значение, отражая

понимание коллектива как целого, как субъекта психической активности.

^' Точнее сказать: закон эволюции констатирует один из путей, способов изменения.

^' Церера–богиня земледелия и плодородия в римской мифологии.

^' Геркулес–латинское имя Геракла, героя греческой мифологии, наделенного необычной

силой и совершившего множество подвигов.

^' Ведизм–ранняя стадия формирования индийской религии, известная по так называемым ведам (сборникам жертвенных формул). Ее особенность – обожествление сил природы в мифологических образах.

^' Брахманизм–вторая стадия формирования индийской религии, большую роль в которой

играли сложные ритуалы, строгая обрядовая регламентация жизни и т. п.

"' Зороастр–пророк древней иранской религии.

^' Моисей–согласно библейской мифологии, предводитель израильских племен.

^' Христос – основатель христианства.

^' Магомет–основатель ислама.

^' Это чрезвычайно важный в теоретическом и практическом отношении вывод, подтверждаемый наблюдениями и результатами исторического анализа В. М. Бехтеревым реальных процессов общественной жизни.

"' Чрезвычайно важное положение о силе влияния личности, определяемой ее принадлежностью к конкретному коллективу.

^' Вернее в этом контексте сказать о возникновении народности, народа, нации и т. п.

Это чрезвычайной важности и силы предвидение: В. М. Бехтерев в 20-е годы сформулировал данный тезис, который в полной мере осознан только в последние годы.

^' Это определение процесса совершенствования должно быть осмыслено и использовано

современной социальной психологией.

^' Речь идет только об одном направлении дифференциации коллектива: выделении органов его управления. Процессы дифференциации коллектива могут происходить и по другим основаниям.

^' Историческими являются все народы и социальные общности. Здесь имеются в виду цивилизованные народы.

В данном контексте можно сказать <превращается> или <переходит>, так как дифференциация понимается в настоящее время как процесс разделения, размежевания и т. п.

В психологии хорошо показано, что потребность есть источник преобразования среды,

стимул к изобретениям и нововведениям. В. М. Бехтерев прав в том, что потребность

опредмечивается в объектах внешнего мира, стимулирует их создание.

^' Здесь под коллективом понимается социальное сообщество.

^' Имеются в виду традиции, обычаи и т. д.

^"' Роль исторического опыта особенно четко осознается в кризисные периоды развития

общества.

ЙА* " ^

Эта глубокая идея стала предметом специального рассмотрения в этнопсихологии и социальной психологии.

^"' Вероятно, имеется в виду оракул Аполлон древнегреческого г. Дельфы, устами которого <передавались> верующим различные предсказания, исходившие как бы от самого божества.

""' Позднее в социальной психологии стал использоваться термин интеграция (или объединение).

Развитие системы научного знания в современных условиях характеризуется тенденцией

как дальнейшей дифференциации, так и интеграции различных отраслей и научных направлений. Об особенностях развития общей теории психологии см.: Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 61-76.

^' Психологические механизмы творчества всесторонне исследованы в работах Я. А. Поно-
марева (Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976).

^' Под инородцами в России понимались чаще всего кочевые народы, проживавшие на территориях современной Сибири и Казахстана и управлявшиеся специальными инород-
ными управами.

*' В современной психологии подобные феномены объясняются механизмами переноса, генерализации и т. п.

75'

76'

77'

Речь идет о партии максималистов в России начала XX в., активно применявшей террор в тактике политической борьбы.

Буссоль – инструмент для измерения магнитного азимута направлений на местности (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 183).
Вероятно, имеется в виду тот слой российского общества, который получал крестьянскую подать, оброк и т. п.

391

^' Понимание языка как эффективного (экономного) способа общения и обобщения явлений окружающей действительности получило подтверждение в ходе развития современной психологии мышления и речи.

^^' Фактически В. М. Бехтерев дает определение эффективности экономической жизни.

^' Этот вывод В. М. Бехтерева не всегда подтверждается на практике. Развитие тех или иных учреждений и организаций нередко может определяться такими интересами людей, которые не согласуются с их возможностями и реально сложившимися условиями, и в силу этого наталкиваются на серьезные противодействия их развитию в данном направлении.

^' Тропизмы – <изменения направления движения органов растений под влиянием биологически значимых раздражителей> (Психологический словарь. М" 1983. С. 375).

^' Таксисы – врожденные механизмы двигательной активности животных по направлению к благоприятным или от опасных для жизни условий.

^' О приспособительном значении стадного образа жизни животных и первобытных людей см.: Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М., 1974; Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966; Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970.

*** Вопрос о происхождении религии подробно рассматривается в следующих работах: Никольская Р. А. Происхождение религии и ее первобытные формы. Минск, 1968; Платонов К. К. Психология религии. М" 1967; Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М" 1964.

^' Гипотеза о наследовании приобретенных свойств убедительно не доказана.

^' Результаты многочисленных исследований половых различий опровергают эту точку зрения.

Обнаруженные различия являются не тотальными, а лишь парциальными: по одним свойствам некоторые преимущества у мужчин, а по другим—у женщин (см.: Али-Заде Абдул Али оглы. Половой диморфизм и психологические проблемы формирования личных взаимоотношений. Автореф. дисс. ... доктора психологич. наук. Баку, 1974;

Ананьев Б. Г.

Человек как предмет познания. Л., 1969; Чугунова Э. С. Социально-психологические особенности творческой активности инженеров. Л., 1986).

^" ' Позднее в эмпирических исследованиях были показаны преимущества группового принятия решений, (см.: Лебедев А. Н. Планирование совместной деятельности в производственной бригаде// Психологич. журн. 1986. Т. 7. № 2. С. 51-58; Ломов В. Ф. Совместная (групповая) деятельность людей, формирование трудовых коллективов и психологические аспекты управления ими// Правовые и социально-психологические аспекты _ управления. М., 1972. С. 211-240).

*^' Месмерические явления названы по имени австрийского врача Ф. Месмера, предложившего использовать <животный магнетизм> для изменения состояния организма и его лечения (2-я половина XVIII в.).

^' В социальной психологии сформировалось специальное направление исследований — психология межгрупповых отношений (см.: Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М" 1990).

^' Сублимация в психоанализе Фрейда З.—<один из механизмов психологической защиты ..., снимающий напряжение в ситуации конфликта путем трансформации инстинктивных форм психики в более приемлемые для индивида и общества> (Краткий психологический словарь. М" 1985. С. 347).

^' Консьерж-привратник во Франции.

^' Имеется в виду <учитывалось> со скидкой в пользу чего-то одного. Дисконт-учетный

процент; скидка с цены товара и т. п. (Словарь иностранных слов. М" 1987. С. 167.)

^' Имеется в виду сообщество, общность, группа.

^' Язык животных хорошо описан в современной литературе по этологии и зоопсихологии (см.: Дьюсбери Д. Поведение животных: Сравнительные аспекты: Пер. с англ. М" 1981;

Меннинг О. Поведение животных: Вводный курс: Пер. с англ. М" 1982; Хайнд Р. Поведение

животных: Синтез этологии и сравнительной психологии: Пер. с англ. М" 1975; Шовен Р.

Поведение животных: Пер. с фр. М" 1972).

^' В разных исследованиях зафиксировано различное число звуков, используемых обезьянами.

Например, Р. Иеркс и Б. Лернед записали у шимпанзе 32 звука, хотя подлинных звуков общения насчитывалось у них всего 8–9. Современные данные по этому вопросу подробно проанализированы в работе: Тих Н. А. Предыстория общества: Сравнительно–психологическое исследование. Л" 1970. С. 178–236.

^' Регент–руководитель хора.

^' Имеется в виду перемена в школе, предназначенная для отдыха.

^' Благовест – праздничный церковный колокольный звон.

^^' Иванов день–древний праздник восточных славян, с которым связаны земледельческие

народные обряды, символизирующие хороший урожай и благополучие (Иван Купала).

^' Зерцало–оборонительный доспех из железных пластин, использовавшийся на Руси.

^' Чуринга–дощечка или камень с рисунком, используемые как предметы культа некоторыми племенами австралийцев.

^°' Генетическая социология–специальная отрасль социологического знания, в основе которой лежит генетический метод научного познания, исследующий возникновение и

392

развитие социальных явлений. Термин <генетическая социология> (или социология развития) в настоящее время используется редко. О генетическом методе познания см.:

Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 107.

^' Коммунизация–скорее всего, это неологизм, возникший для обозначения процессов обобществления, но так и не ставший общеупотребительным. В настоящее время не используется ни в разговорной речи, ни в специальной литературе.

^^' Сабинь–италийские племена, жившие на холмах Рима и сыгравшие большую роль в образовании римской народности.

^' Имеется в виду недостоверный приказ.

^' С поразительной точностью В. М. Бехтерев прогнозирует обособление и обретение автономии народами России, что наиболее активно стало проявляться на рубеже 80–х и

^ 90–х годов XX в.

^' Вотирование–принятие решения путем голосования.

^^' Принцип индивидуальности положен в основу формирования дифференциальной социальной психологии, рассматривающей всякую общность, группу как неповторимое и целостное образование.

^^' Речь идет о цивилизованных народах.

^' Имеется в виду нация, национальность, народность и т. п.

^^' Эти вопросы изучаются этнографией, этносоциологией, этнопсихологией и др.

^' Агрегация–объединение, суммирование.

^' Деклассация—процесс утраты связи человека со своим классом, прекращение занятий общественно-полезной деятельностью, моральное опустошение и т. п. (см.: Словарь иностранных слов. М., 1987. С. 151).

ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТА В ОБЛАСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ

^ В основе статьи, написанной Бехтеревым совместно с М. В. Ланге, лежит текст доклада, сделанного В. М. Бехтеревым на психо-неврологическом съезде в Москве 15 января 1923 года и опубликованного в 1925 году в сборнике <Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы> (Л., 1925. С. 306–337). Аналогичный материал представлен в другой статье указанных авторов, вышедшей в том же году: <Влияние коллектива на личность (в книге <Педология и воспитание>). В работах обосновывается идея необходимости использования эксперимента в коллективной рефлексологии, дается развернутая программа исследования психических проявлений личности в коллективе, предлагается оригинальный метод сравнительного анализа индивидуальной и групповой деятельности, приводятся и анализируются конкретные данные исследования различных психических процессов в условиях общения, полученные на основе использования данной методики.